ЦЕНТР НАУЧНЫХ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ (ЦНИОП)

LITTERA SCRIPTA MANET

ISSN 2225-756X

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Scopus Q1

Clarivate Web of Science™

OPEN ACCESS

We are Crossref Member

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU РИНЦ

DOAJ

ERIHPLUS

Dimensions

Google scholar

CYBERLENINKA

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

Научный диалог

Том 14, выпуск 6, 2025

Nauchnyi Dialog

Volume 14, Issue 6, 2025

CC BY

ISSN 2225-756X

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Том 14, выпуск 6, 2025

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
DOI:	10.24224
Год основания	2012
Периодичность	10 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • Scopus • DOAJ • ERIH PLUS • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
Телефон редакции	8(343)3458984
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	cniop@bk.ru
Типография	ООО «Издательский Дом «Ажур». 620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Тираж	500 экземпляров

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

География авторов выпуска	Благовещенск Брянск Екатеринбург Елец Казань Кемерово Киров Костанай (Казахстан) Краснодар Красноярск	Москва Нальчик Нижний Новгород Новосибирск Пенза Санкт-Петербург Саранск Ставрополь Уфа Ухань (Китай) Якутск
Авторы, имеющие ученую степень	85 %	

© Центр научных и образовательных проектов, 2025

Дата выхода в свет 05.08.2025

ISSN 2225-756X

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

Volume 14, Issue 6, 2025

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications)	PI № FS 77-86214 of 27.10.2023
DOI:	10.24224
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Publication Frequency	10 issues per year
Publicher	Centr naučnyh i obrazovatel′nyh proektov, 620135, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 43, fl. 57
Presence in Citation Bases, indexation	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • Scopus • DOAJ • ERIH PLUS • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	• Science Index (Rus) — All published articles are public-ly available for reading and citing on the journal’s web-site and in the National E-Library • CyberLeninka
Printing house	• LLC Publishing House Azhur. 620075, Yekaterinburg, st. Vostochnaya, 54. Tel. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Circulation	• 500 copies
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

© LLC Center for Scientific and Educational Projects, 2025

Тематика журнала «Научный диалог»: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Главный редактор: Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)
Ответственный секретарь: Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)
Английский перевод метаданных: Ирина Владимировна Волгина, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), доцент, Уральский государственный медицинский университет (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия
Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)
Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)
Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Владимировна Гусейнова, доктор педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Языкознание. Медиакоммуникации. Журналистика

Александр Константинович Киклевич, доктор филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)
Андреана Борисова Ефтимова, доктор наук, профессор (Болгария, София)
Арто Мустайоки, доктор философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)
Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)
Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)
Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)
Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Ренате Ратмайр, доктор филологических наук, профессор (Австрия, Вена)
Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Псков)
Тимур Беньюминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Литературоведение. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Александр Самуилович Кацев, доктор филологических наук, профессор (Кыргызская Республика, Бишкек)
Алексей Валериевич Юдин, кандидат филологических наук, профессор (Бельгия, Гент)
Иво Поспишил, доктор наук (Чешская Республика, Брно)
Ирина Леонардовна Савкина, доктор философии (Финляндия, Тампере)
Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)
Татьяна Алексеевна Савоськина, кандидат филологических наук, доцент (Украина, Измаил)
Татьяна Васильевна Володина, доктор наук, доцент (Беларусь, Минск)

Исторические науки

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)
Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор (Казахстан, Астана)
Иван Иванович Думиика, доктор исторических наук (Молдова, Кишинев)
Ирина Ромуальдовна Чикалова, доктор исторических наук, профессор (Беларусь, Минск)
Юрий Дмитриевич Анчабадзе, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Editor-in-Chief: Tatyana V. Leontyeva, Doctor of Philology, Head of the Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)
Responsible secretary: Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)
English translation: Irina V. Volgina, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), associate professor, Urals State Medical University (Russia, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD
Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)
Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)
Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Tatyana V. Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL COUNCIL

LINGUISTICS. MEDIA COMMUNICATIONS. JOURNALISM
Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)
Andreana B. Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)
Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)
Evgeniya V. Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)
Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Nina M. Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)
Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)
Tatyana G. Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)
Timur B. Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. FOLKLORE
Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Aleksandr S. Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)
Aleksey V. Yudin, Ph.D. in Philology, professor (Belgium, Ghent)
Irina L. Savkina, Doctor of Philosophy, professor (Finland, Tampere)
Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno)
Olga Yu. Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)
Tatyana A. Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)
Tatsiana V. Valodzina, Doctor of Philology, associate professor (Belarus, Minsk)

HISTORY
Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Albina S. Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Astana)
Ivan I. Duminica, Doctor of History (Moldova, Kishinev)
Irina R. Chikalova Doctor of History, professor (Belarus, Minsk)
Yuri D. Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Содержание

Языкознание

Бабенко Л. Г., Романова М. А. Метафорическое пространство эмоций в русском языке : структура и когнитивные стратегии моделирования 9

Дзюба Е. В., Кузякин А. Г. Реализация стратегии консолидации в текстах институционального дискурса : моделирование концепта СОТРУДНИЧЕСТВО 31

Кулькова М. А., Васильева М. Ю. Репрезентация прецедентных имен в языковом сознании немцев ФРГ и российских немцев 53

Мельничук О. А., Алексеева В. Ф. Аксиология жанра электронной открытки-мотиватора: концепт уюта в русской и якутской лингвокультурах 73

Обухова О. Н., Байкова О. В. Структурно-семантическая организация жанра «донесение» в немецкоязычных военных архивных документах периода Великой Отечественной войны 92

Рабенко Т. Г. Образ автора в жанре корпоративного сайта адвокатской организации (на материале адвокатских организаций Кемеровской области — Кузбасса) 112

Радбиль Т. Б., Юхнова И. С. Художественная репрезентация русского национально-культурного концепта КРОВЬ в творчестве М. Ю. Лермонтова 132

Рыбакова Е. В. Атрибутивные словосочетания в англоязычных аннотациях к научным статьям по инженерно-транспортному направлению 155

Селеменева О. А., Бородина Н. А. Лексико-семантическая систематика фитонимов в поэтических текстах И. А. Бунина 177

КОММУНИКАЦИЯ. МЕДИАТЕХНОЛОГИИ. ЖУРНАЛИСТИКА

Монгилёва Н. В., Талыбова Я. С. От точки видения к обратной метафоризации : анализ преднамеренных визуальных метафор о непрерывном образовании 197

Шуйская Ю. В., Платицын А. В. “Cubitum eamus?” : роман Донны Тартт «Тайная история» как литературный гипертекст 219

Литературоведение. Фольклористика

Богданова О. В. Синтез визуального и вербального в авангардистской поэме Василия Каменского «Дворец С. И. Щукина» 248

Дубровская С. А., Маслова Е. Г., Лю Хуэй. М. М. Бахтин и литературная жизнь национальных окраин 275

Нестерова Е. В. Редупликация и парные слова в эпосе эвенов 300

Ожигова М. М. Грани эстетико-художественного взаимодействия С. Цвейга и М. Горького : к истории публикации рассказа «Переулок лунного света» («Беседа», Берлин) 317

Осьмухина О. Ю., Миронов Н. М. Концепт УЖАС в прозе Серебряного века (на материале «вампирских» рассказов А. Амфитеатрова) 333

Пронченко С. М., Стародубец С. Н., Белугина О. В. Народная лингвокультура приграничного восточнославянского этноконтактного локуса : лексико-фразеологический аспект 355

Сердечная В. В., Жаткин Д. Н. Образ Джона Мильтона в русской поэзии XVIII—XIX веков 377

Исторические науки

Буяров Д. В. Политика в отношении религии в Синьцзян-Уйгурском автономном районе в период руководства Си Цзиньпина 400

Гончаров В. Н., Немашкалов П. Г., Кукленко О. М. Женские монастыри Северного Кавказа в православном женском подвижничестве XIX — начала XX веков ... 422

Красильникова Е. И. Политика памяти в системе советской пропаганды в 1960-х — первой половине 1980-х годов : на примере деятельности библиотек Новосибирской области 440

Мотревич В. П., Мамяченков В. Н. Совхозы Свердловской области в 1945—1953 годах 460

Накишова М. Т. Кабинет-секретарь Петра I А. В. Макаров и анонимное письмо 1724 года 482

Нестерова Т. П. Итало-эфиопский конфликт и позиция великих держав (январь — март 1935 года) 503

Сулейманова Р. Н., Исянгулов Ш. Н. Брачность и разводимость населения в послевоенные годы (на материалах Башкирской АССР) 520

Тумов А. А., Татаров А. А. «Ливанский протокол» распределения ключевых должностей в Кабардино-Балкарии (1950—2020-е годы) 537

Хамзин И. Р. Южно-Маньчжурская железная дорога в 1905—1911 годах 555

АВТОРАМ 573

CONTENTS 579

ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS

Александр Григорьевич Кузякин, канд. полит. наук (Санкт-Петербург)
Валентина Федоровна Алексеева, аспирант (Якутск)
Екатерина Владимировна Рыбакова, канд. пед. наук (Красноярск)
Елена Вячеславовна Дзюба, д-р филол. наук (Санкт-Петербург)
Ирина Сергеевна Юхнова, д-р филол. наук (Нижний Новгород)
Людмила Григорьевна Бабенко, д-р филол. наук (Екатеринбург)
Марина Юрьевна Васильева, старший преподаватель (Казань)
Мария Александровна Кулькова, д-р филол. наук (Казань)
Мария Александровна Романова, инженер-исследователь (Екатеринбург)
Надежда Анатольевна Бородина, канд. филол. наук (Елец)
Ольга Александровна Селеменева, д-р филол. наук (Елец)
Ольга Алексеевна Мельничук, д-р филол. наук (Якутск)
Ольга Владимировна Байкова, д-р филол. наук (Киров)
Ольга Николаевна Обухова, канд. филол. наук (Киров)
Татьяна Геннадьевна Рабенко, д-р филол. наук (Кемерово)
Тимур Беньюминович Радбиль, д-р филол. наук (Нижний Новгород)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Бабенко Л. Г. Метафорическое пространство эмоций в русском языке : структура и когнитивные стратегии моделирования / Л. Г. Бабенко, М. А. Романова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 6. — С. 9—30. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-9-30.

Babenko, L. G., Romanova, M. A. (2025). Metaphorical Space of Emotions in Russian: Structure and Cognitive Strategies of Modeling. *Nauchnyi dialog, 14* (6): 9-30. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-9-30. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Метафорическое пространство эмоций в русском языке: структура и когнитивные стратегии моделирования

Бабенко Людмила Григорьевна
orcid.org/0000-0002-9250-3232
доктор филологических наук,
профессор, кафедра фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения,
корреспондирующий автор
lgbabenko@yandex.ru

Романова Мария Александровна
orcid.org/0009-0009-1036-3896
инженер-исследователь,
проблемная лаборатория компьютерной лексикографии
rma139026@gmail.com

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-18-00352

Metaphorical Space of Emotions in Russian: Structure and Cognitive Strategies of Modeling

Liudmila G. Babenko
orcid.org/0000-0002-9250-3232
Doctor of Philology, Professor,
Department of Fundamental and Applied Linguistics and Textual Studies,
corresponding author
lgbabenko@yandex.ru

Maria A. Romanova
orcid.org/0009-0009-1036-3896
Research engineer,
Problem Laboratory of Computer Lexicography
rma139026@gmail.com

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported by Russian Science Foundation, project number 22-18-00352

© Бабенко Л. Г., Романова М. А., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу структуры метафорического пространства эмоций, смоделированной на основе парадигмального анализа эмотивной лексики. Источником материала выступил словарь-тезаурус «Алфавит эмоций» (2021). Проанализирована 2091 лексема с метафорическим значением, репрезентирующая 19 базовых эмотивных концептов. В результате статистического анализа выборки были получены данные о доле метафорических значений в грамматических, функционально-семантических и денотативно-идеографических классах эмотивной лексики. Установлено, что наиболее активно процессы пополнения состава эмотивной лексики метафорическими значениями протекают в функционально-семантических классах лексики эмоционального воздействия и становления эмоционального состояния. Выявлен набор денотативно-идеографических групп эмотивной лексики с повышенным, средним и низким содержанием метафорической лексики. Осуществлена категоризация эмотивных метафор по областям-источникам метафорического переноса с использованием метаязыка семантических дескрипторов. В структуре метафорического пространства выявлены 193 метафорические модели, объединенные в 23 денотативные сферы. Предлагается модель метафорического пространства эмоций в формате поля. Ядро метафорического пространства эмоций формирует лексика конкретной физической деятельности. В приядерную зону входит лексика сфер «Живая природа», «Неживая природа», «Восприятие», «Человек как живое существо».

Ключевые слова:
метафорическое пространство; эмотивная семантика; метафоризация эмоций.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article focuses on the analysis of the structure of the metaphorical space of emotions, modeled through a paradigmatic analysis of emotive vocabulary. The primary source of material is the thesaurus “Alphabet of Emotions” (2021). A total of 2,091 lexemes with metaphorical meanings representing 19 fundamental emotive concepts were analyzed. The statistical analysis of the sample yielded data on the proportion of metaphorical meanings within grammatical, functional-semantic, and denotative-ideographic classes of emotive vocabulary. It was established that the processes of enriching the emotive vocabulary with metaphorical meanings are most active within the functional-semantic classes related to emotional impact and the formation of emotional states. A set of denotative-ideographic groups of emotive vocabulary with high, medium, and low content of metaphorical language was identified. The categorization of emotive metaphors by source domains of metaphorical transfer was carried out using a meta-language of semantic descriptors. Within the structure of the metaphorical space, 193 metaphorical models were identified, grouped into 23 denotative spheres. A model of the metaphorical space of emotions is proposed in a field format. The core of the metaphorical space of emotions is formed by vocabulary related to specific physical activities. The peripheral zone includes vocabulary from the domains of “Living Nature,” “Inanimate Nature,” “Perception,” and “Human as a Living Being.”

Key words:
metaphorical space; emotive semantics; metaphorization of emotions.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.161.1’374.73:159.942
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-9-30

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Метафорическое пространство эмоций в русском языке: структура и когнитивные стратегии моделирования

© Бабенко Л. Г., Романова М. А., 2025

1. Введение = Introduction

Метафора на протяжении веков находилась в поле интересов исследователей лишь как элемент поэтической речи, средство создания образности и экспрессивности художественного текста. Эта традиция уходит корнями еще в трактаты Аристотеля, который противопоставлял метафору конвенциональной речи: «Возвышенный и свободный от грубоватости слог пользуется чуждыми обыденной речи словами. Чуждыми я называю глоссу, метафору, растяжение и все, что выходит за пределы обыденного говора» [Аристотель, 1927, с. 68]. Однако с начала XX века подход к изучению метафоры меняется, она начинает рассматриваться не только как элемент поэтической речи, но и как собственно языковое явление. Как отмечает Ш. Балли, «чтобы выразить отвлеченные идеи, [разговорный язык] постоянно изыскивает какие-то точки соприкосновения с чувственным миром, прибегает к сравнениям и образам» [Балли, 2001, с. 333]. Различные аспекты метафорического переноса как средства формирования новых значений многозначной лексики в системе языка в дальнейшем становятся предметом интереса многих исследователей [Шмелев, 1973; Арутюнова, 1976; Телия, 1981; Скляревская, 1993].

В 1980 году в свет выходит книга «Метафоры, которыми мы живем» [Lakoff et al., 1980], в которой Дж. Лакофф и М. Джонсон излагают теорию концептуальной метафоры, положившую начало ее когнитивному исследованию. В рамках когнитивного подхода метафора осмысляется не только как явление языка и речи, но шире — как компонент когнитивной деятельности человека, как механизм познания мира и хранения знаний о нем, способный в том числе влиять на принимаемые человеком решения и действия. Когнитивное направление в изучении метафоры разрабатывается в том числе и рядом отечественных исследователей [Кобозева, 2000; Будаев, 2007; Чудинов, 2013; Балашова, 2014; Баранов, 2014]. Сущ-

CC BY

ность процесса метафорического переноса и формирования метафорического значения, рассматриваемого с когнитивных позиций, А. Н. Баранов формулирует следующим образом: «Метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний — когнитивной структуры источника (source domain) и когнитивной структуры цели (target domain). В процессе метафоризации — метафорической проекции (metaphorical mapping) — происходит когнитивное отображение (cognitive mapping) структуры источника в структуру цели» [Баранов, 2014, с. 12]. В рамках данного исследования в нашей статье анализируется лексический материал, развивший переносное значение в результате метафорической проекции на одну область-цель — сферу эмоций человека; отметим, что понятие «эмоция» в данном случае трактуется широко и потенциально включает в себя весь спектр эмоциональных феноменов, традиционно выделяемых в психологии, таких как собственно эмоция, аффект, чувство и т. д., без попыток их разграничения. Таким образом, анализ метафорических номинаций в рамках данного исследования в большей степени сфокусирован на определении набора тематических сфер, регулярно проявляющих центростремительные тенденции к замещению позиции области-источника при порождении эмотивной метафоры.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В качестве материала исследования, изложенного в данной статье, была выбрана эмотивная лексика, репрезентирующая 19 базовых эмоций человека, извлеченная из словаря-тезауруса «Алфавит эмоций» [Бабенко, 2021], в количестве 5579 единиц (лексем). При отборе материала было принято решение ограничить рамки исследования анализом лексических репрезентантов базовых эмотивных концептов, связанных с отображением простейших дискретных эмоциональных переживаний человека. В список базовых эмотивных концептов, составленный в рамках данного исследования с опорой на работы авторитетных исследователей в области психологии эмоций [Plutchik, 1980; Griffiths, 1997; Ekman, 1999; Изард, 2006], вошли следующие концепты: БЕСПОКОЙСТВО, БЕССТРАШИЕ, БЕССТЫДСТВО, ВДОХНОВЕНИЕ, ЛЮБОВЬ, НЕПРИЯЗНЬ, ВЛЕЧЕНИЕ, ГОРЕ, ЖЕЛАНИЕ, РАВНОДУШИЕ, СЧАСТЬЕ, СТРАХ, УДИВЛЕНИЕ, СТЫД, СПОКОЙСТВИЕ, НЕДОВОЛЬСТВО, ЗЛОСТЬ, РАДОСТЬ, ГРУСТЬ. Лексические репрезентанты таких сложных эмотивных концептов, как ВЕРА, ВРАЖДА, ДРУЖБА, ДОБРОТА и т. п., формирующихся в результате ментальной интеграции нескольких концептуальных сфер, были исключены из анализируемой выборки в целях сохранения ее семантической однородности.

CC BY

Объект исследования — эмотивная лексика с метафорически-переносным значением, отобранная вручную в объеме 2091 лексемы, что составило около 37 % от общего объема эмотивной лексики. Таким образом, исследование было проведено на большом корпусе метафорической лексики, которая вносит значительный вклад в репрезентацию эмоций и чувств человека в языке и речи.

Предмет исследования — устойчивые метафорические проекции эмоций человека, их категоризация в аспекте области-источника порождения эмотивной метафоры, осуществляемая на базе типологизации метафорических моделей с применением парадигмального анализа. Описание метафорических моделей для последующего компьютерного анализа осуществлялось с использованием *метаязыка семантических дескрипторов*, разработанного А. Н. Барановым в рамках дескрипторной теории метафоры. В соответствии с данным подходом каждая метафорическая единица в корпусе может быть представлена в виде кортежа, состоящего из множества иерархически упорядоченных *денотативных дескрипторов*, описывающих область-цель метафорической проекции, и множества иерархически упорядоченных *сигнификативных дескрипторов*, описывающих область-источник; тематически связанные поля сигнификативных дескрипторов при этом называют метафорической моделью (М-моделью) [Баранов 2014, с. 36—38]. Основой для формирования набора сигнификативных дескрипторов, используемых в данном исследовании, послужила иерархия категорий русской языковой картины мира, изложенная в синопсисе Универсального идеографического словаря русского языка [Бабенко, 2015].

Далее в статье проводятся выявление набора устойчивых метафорических проекций эмоций человека и моделирование метафорического пространства эмотивных концептов в формате поля с выделением ядра, приядерной зоны и периферии.

Для этого был разработан алгоритм анализа материала, включающий следующие этапы: 1) выявление корпуса языковых эмотивных метафор и его анализ в аспекте особенностей проявления центростремительных тенденций в пределах грамматико-семантических, функционально-семантических и денотативно-идеографических множеств лексики; 2) категоризация эмотивных метафор по областям-источникам порождения метафоры с выделением основных М-моделей и устойчивых метафорических проекций; 3) статистическое описание выявленных М-моделей с целью выявления структуры метафорического пространства, моделируемого в формате поля с выделением ядра, приядерной и периферийной зон; 4) интерпретация полученных результатов в аспекте репрезентации ассоциативно-об-

CC BY

разной картины эмоций и чувств человека, отображаемой посредством зафиксированных в словаре метафорических значений.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Особенности проявления центростремительных тенденций в корпусе эмотивных метафор

Как было отмечено ранее, в сформированную нами выборку эмотивных метафор вошла 2091 лексема. Это разнородное по своему составу множество лексических единиц, которые могут быть разделены на группы и классы, выделяемые на различных основаниях: грамматических, функционально-семантических, денотативно-идеографических. Предварительный статистический анализ показал, что интенсивность центростремительных тенденций к пополнению состава эмотивной лексики метафорическими номинациями не однородна на всем массиве отобранных лексических единиц.

Так, среди *семантико-грамматических* классов эмотивной лексики (глаголов, существительных, прилагательных, наречий) наиболее сильную тенденцию к образованию метафорических значений проявляют глаголы (*влечь, озарять, заводиться, стынуть*): доля метафор в этом классе составляет почти 47 %. В то же время доля метафорических значений в классах наречий (*стойко, тепло, тихо, сладко*), существительных (*боль, кипение, пыл, тягость*) и прилагательных (*бурливый, жгучий, пресный, резкий*) варьирует в пределах от 26 % до 34 %.

Анализ распределения метафорической лексики по *функционально-семантическим классам* (ФСК), выделяемым на основании общности категориально-лексической семы и денотативной соотнесенности, показывает, что наиболее активное пополнение метафорическими значениями характерно для ФСК эмоционального воздействия (*влечь, пленить, располагающий, утолять*) и становления эмоционального состояния и отношения (*каменеть, кипятиться, перегореть, увянуть*): доля метафор в этих классах составляет 50 % и 47 % соответственно. Наиболее низкое содержание метафорических значений отмечается в ФСК человека как средоточия и носителя эмоций (*бесценный, гадюка, пень, чародей*) и эмоционального качества (*аппетитность, вспыльчивость, прилипчивость, свинство*), в которых этот показатель не превышает 27 %.

Среди 19 денотативно-идеографических групп (далее — ДИГ) эмоций, выделяемых в словаре-тезаурусе, содержание метафорической лексики варьирует в широких пределах от 17 % (СТРАХ) до 56 % (РАВНОДУШИЕ). Среднее значение показателя насыщенности метафорическими значениями при этом составляет 36 %. На этом основании рассматриваемые ДИГ

эмоций можно разделить на следующие группы: 1) ДИГ с повышенным содержанием метафорической лексики (≥47 %): РАВНОДУШИЕ, ВЛЕЧЕНИЕ, ГОРЕ, СПОКОЙСТВИЕ; 2) ДИГ со средним содержанием метафорической лексики (26—46 %): БЕСПОКОЙСТВО, ВДОХНОВЕНИЕ, ГРУСТЬ, ЛЮБОВЬ, РАДОСТЬ, НЕДОВОЛЬСТВО, ЗЛОСТЬ, БЕССТРАШИЕ, НЕПРИЯЗНЬ, СТЫД, СЧАСТЬЕ, БЕССТЫДСТВО; 3) ДИГ с низким содержанием метафорической лексики (≤25 %): УДИВЛЕНИЕ, ЖЕЛАНИЕ, СТРАХ.

Таким образом, центростремительные тенденции к пополнению состава эмотивной лексики метафорическими значениями проявляются сильнее всего в классах эмотивной лексики, связанных с отображением ситуации эмоционального переживания и воздействия в динамическом представлении; прототипическим средством выражения данной семантики является глагольная лексика, что объясняет и высокую степень представленности метафор в классе глаголов. Причины широкого варьирования насыщенности метафорическими значениями в рамках отдельных ДИГ эмоций остаются неясными и требуют более глубокого анализа.

Необходимо отметить, что за единичными исключениями доля метафорических значений в любом рассматриваемом семантическом классе эмотивной лексики составляет не менее четверти от его общего состава. Это дает нам основания говорить о важной роли механизма метафоризации при познании человеком собственного психического мира, концептуализации и категоризации чувств и эмоций, а также пополнения состава конвенциональной эмотивной лексики, находящей отражение в словаре.

3.2. Структура метафорического пространства эмоций: статистическое описание

В ходе анализа эмотивной лексики в аспекте категоризации по области-источнику было выделено 193 М-модели, каждая из которых представляет собой уникальное сочетание сигнификативных дескрипторов. На высшем уровне классификации М-модели объединены в 23 денотативные сферы, регулярно замещающие позицию источника порождения метафоры.

Выделенные в ходе анализа денотативные сферы — источники порождения эмотивной метафоры в дальнейшем сравнивались по следующим параметрам: 1) доля в общем корпусе эмотивных метафор, 2) количество М-моделей, входящих в соответствующую сферу, 3) количество вхождений в отдельные ДИГ эмоций. Результаты количественного описания сфер-источников эмотивной метафоры приведены в таблице (табл. 1).

На основании обобщения полученных статистических данных была построена полевая модель метафорического пространства эмоций, в которой выделяются следующие зоны: 1) ядро, формируемое лексикой сферы

CC BY

Таблица 1

Количественное описание сфер-источников порождения эмотивной метафоры

Денотативная сфера	**Доля от общего числа метафор, %**	**Количество М-моделей**	**Количество вхождений в ДИГ эмоций**
Конкретная физическая деятельность	37	38	19
Человек как живое существо	13	22	19
Живая природа	11	22	18
Восприятие окружающего мира	11	19	18
Неживая природа	11	13	19
Сверхъестественное	3,3	7	12
Медицина	3	6	11
Вещества и материалы	2,1	11	11
Искусство	1,9	9	12
Религия	1,8	8	11
Война	1,3	4	8
Развлечения и отдых	0,9	3	8
Государство и власть	0,8	6	6
Техника	0,7	4	4
Охота и рыболовство	0,5	2	3
Язык и речь	0,5	2	5
Наука	0,4	1	3
Экономика	0,4	4	3
Социальная сфера жизни человека	0,4	5	3
Человек и его внутренний мир	0,3	3	3
Нации	0,2	2	2
Универсальные смыслы	0,2	2	2
Родственные и семейные отношения	0,05	1	1

«Конкретная физическая деятельность»; 2) приядерная зона, формируемая лексикой сфер «Человек как живое существо», «Живая природа», «Восприятие окружающего мира», «Неживая природа»; 3) ближайшая периферия, формируемая лексикой сфер «Сверхъестественное», «Медицина», «Вещества и материалы», «Искусство», «Религия», «Война»; 4) дальнейшая периферия, в которую входит лексика остальных 12 денотативных сфер. Графическое представление структуры метафорического пространства эмоций приведено на схеме (рис. 1).

Рис. 1. Полевая структура метафорического пространства эмоций

Принимая во внимание данную модель метафорического пространства, перейдем к рассмотрению основных метафорических проекций и моделей, выделяемых в каждой из ее зон.

3.3. Основные М-модели и метафорические проекции

Ядро метафорического пространства эмоций формирует совокупность (дерево) М-моделей, на высшем уровне классификации объединенных сигнификативным дескриптором «Конкретная физическая деятельность» и образующих соответствующую денотативную сферу. Данные М-модели обнаруживаются во всех проанализированных ДИГ и связаны с отображением универсального метафорического образа эмоций как «движений души», различные аспекты которого профилируются парадигматически связанными множествами М-моделей.

CC BY

Парадигма эмотивных метафор конкретной физической деятельности включает в себя следующие совокупности М-моделей, выделяемые на основе общности сигнификативных дескрипторов: 1) **физическое воздействие на объект**, 2) **движение**, 3) **перемещение**, 4) **помещение**, 5) **созидательная деятельность**.

Среди лексики с семантикой физического воздействия на объект наиболее широко представлены в словаре М-модели, актуализирующие различные аспекты ситуации негативного воздействия: **давления** (*гнести, давить, зажатость, щемящий*), **нанесения удара** (*бичевать, забивать, хлестать, ударять*), **повреждения целостности объекта** (*взорвать, терзать, сокрушенный*), **повреждения тела живого существа** (*пытка, рана, травмировать*) и **лишения жизни** (*душить, изживать, убивать*). Приведенные М-модели, таким образом, актуализируют представление об интенсивных эмоциональных переживаниях как потенциально вредных для психического здоровья чувствующего субъекта. В парадигму метафор физического воздействия входит также М-модель **соединения**, регулярно входящая в состав лексических репрезентантов таких эмотивных концептов как ВЛЕЧЕНИЕ (*ввязаться, впиваться, впутаться, приковать*), ГРУСТЬ (*навязчивый, неотвязный, пристать, прицепиться*), ЛЮБОВЬ (*липнуть, привязаться, прилепиться, спутаться, связь, узы*) и СТЫД (*связанность, скованность*). Данной модели противопоставлена М-модель **разделения**, объединяющая репрезентанты эмотивных концептов БЕСПОКОЙСТВО (*развинтиться, развинченность*), БЕССТЫДСТВО (*развязный, распускаться, распущенный*), НЕПРИЯЗНЬ (*срезать, рознь*), СПОКОЙСТВИЕ (*окоротить, отвязаться, отлегать, отстать, отцепиться*).

Классы лексики с семантикой движения субъекта и перемещения объекта имеют сходную парадигматическую структуру, противопоставление М-моделей в которой осуществлено по признаку направленности движения (перемещения) в пространстве. Выделяются М-модели **ненаправленного движения** (*всколыхнуться, трепетать, трястись*) и **ненаправленного перемещения** (*встряхнуть, потрясать, раскачивать, расшевелить*); **движения** и **перемещения к конечному пункту** (*набрасываться, преследовать, тянуться*; *влечь, доводить, притягивать*); **движения** и **перемещения от исходного пункта** (*отвернуться, отходчивый, разойтись*; *отвращать, отталкивать, приподнимать*); **движения** и **перемещения относительно промежуточного пункта** (*сближаться; сблизить*). Метафорическая концептуализация эмоций, таким образом, обогащается признаком «направленность», который выступает средством внутренней организации эмотивных смыслов. Отдельно выделяется М-модель **отсутствия движения** (*бестрепетный, непоколебимо, непреклонно, равновесие,*

CC BY

стойкость), актуализирующая представление об отсутствии эмоционального отклика на какой-либо раздражитель как неподвижности психического состояния человека.

Лексика с семантикой помещения выражает общее представление об эмоциях как определенных координатах в пространстве или контейнерах. В данном классе выделяются М-модели **помещения субъекта** (*впасть, занять, запасть, расположиться*), **помещения объекта в результате перемещения** (*вовлечь, втянуть, затащить*), **помещения объекта в результате физического воздействия** (*вогнать, продернуть*) и **помещения объекта определенным образом** (*предрасполагать, расположить*). Вариативность субъектной роли в ситуации помещения служит средством противопоставления эмоциональных состояний и отношений, источником которых является психический мир человека, и эмоционального воздействия, осуществляемого посторонним субъектом с целью формирования у человека определенного эмоционального отклика.

Лексика с семантикой созидательной деятельности в анализируемом корпусе метафор представлена ограниченным набором единиц; она фиксирует восприятие психического мира человека как отдельной от него материальной сущности, которая может становиться объектом **утраты** (*потеряться, растерянный*), **поиска** (*искатель*), **передачи** (*забирать*) и **обладания** (*самообладание*).

Совокупность метафорических значений, формирующих **приядерную зону** метафорического пространства эмоций, в примерно равных соотношениях распределена между четырьмя денотативными сферами-источниками: «Человек как живое существо», «Живая природа», «Неживая природа» и «Восприятие».

М-модели, формирующие сферу «Человек как живое существо», представляют результат ментальной интеграции эмотивной семантики с представлениями о физиологических и бытовых аспектах существования человека как биологического существа. Они делятся на следующие классы: 1) **человек как живой организм**, 2) **питание**, 3) **быт**.

Порождение метафор, источником которых служит сфера биологического существования человека, связано с процессами познания человеком собственного психического мира через призму физиологических ощущений. Наиболее широко в данном классе представлена лексика с семантикой **физиологических процессов и состояний человека** (*изнемогать, изнурение, изрыгать, плевать, пробуждаться, чихать*) и **нарушений в организме человека** (*боль, глухой, слепой*). Ограниченным набором лексических репрезентантов представлены М-модели **внутренних органов человека** (*сердечный, бессердечный*), **физиологических жидкостей** (*желчь,*

CC BY

желчный), **особенностей телосложения** (*могучий, сильный, дородство*), **особенностей кожного покрова** (*твердокожий, толстокожий*). Данные метафоры основаны на когнитивной проекции знаний о внутреннем и внешнем строении тела человека, роли его органов во взаимодействии с окружающей средой на сферу эмоций.

Наиболее активно центробежные тенденции к развитию метафорических эмотивных значений наблюдаются в классе лексики, связанной с отображением ситуации питания. В нее входят М-модель **питье и опьянение** (*опьянить, пьянеть, хмелеть, упоительный, упиваться*), отражающая представление об эмоциональных переживаниях как процессе и результате потребления алкогольных напитков, и М-модель **прием пищи** (*вкушать, отведать, хлебнуть, утолить*), интерпретирующая эмоции как процесс удовлетворения потребности организма в пище. Объекты-источники эмоций регулярно характеризуются лексикой с семантикой **свойств объектов еды и питья** (*аппетитный, лакомый, очерствелый, постный, пресный*) и уподобляются **пищевым продуктам** (*паточный, перец, сахар, сахарный*), при этом происходит актуализация эмоционально-оценочного компонента, основанного на представлениях человека о приятных и неприятных вкусовых ощущениях. Лексика с семантикой **характеристики человека по отношению к еде** (*алкать, аппетит, насытиться, пресыщение, смаковать*) профилирует аспекты интенсивности и динамичного развертывания эмоционального переживания. Инверсия метафорического осмысления ситуации питания, при которой чувствующий субъект замещает позицию объекта еды, находит отражение в М-модели **приготовления пищи** (*допекать, насолить, пропекать, распечь, шпиговать*), посредством которой описывается негативное эмоциональное воздействие на субъекта.

Класс лексики, в первичном значении номинирующей аспекты обустройства быта человека, в анализируемом корпусе метафор представлен ограниченно. В него входят М-модели **общих бытовых понятий** (*грязь, замарать, запачкать, неудобный, неуютный, уютный*) и **бытовых действий** (*искупаться, освежиться, проветриваться*), отображающие метафорическое осмысление эмоций в понятиях физического комфорта и дискомфорта, вызванных удовлетворением или неудовлетворением базовых бытовых потребностей человека. Отдельно выделяется группа лексики с семантикой **приспособлений для управления животными** (*взнуздать, охомутать, упряжать, ярмо*), выступающая средством создания образа чувствующего субъекта как домашнего хозяйственного животного, своенравного от природы и оказывающего естественное сопротивление человеку.

CC BY

Денотативная сфера-источник «Живая природа» объединяет следующие классы лексики: 1) **живое существо (человек и животное) как организм**, 2) **животный мир**, 3) **растительный мир**.

В классе лексики, отображающей аспекты биологического существования живых организмов, наиболее широко представлены М-модели **жизни живого существа** (*живость, жить, оживление*) и **смерти живого существа** (*гибель, зачахнуть, обмереть, окоченеть, растленный, смерть*), образующие синонимико-антонимический комплекс, а также М-модель **физиологических процессов и состояний живого существа** (*глодать, грызть, переваривать, спячка*). Данные метафоры являются результатом ментальной интеграции сферы эмоций и сферы представлений о биологических основах жизни и смерти, их проявлений в живой природе. Метафорическое осмысление получает также ограниченный набор лексики, характеризующей **роговые образования на теле живого существа** (*взъерошиться, топорщиться*) и его **внутренние органы** (*двужильный, семижильный, стожильный*).

Метафоризация лексики, фиксирующей категоризацию животного мира, создает образ эмоций как проявлений животной натуры человека, противопоставленной его рациональному началу. Метафорический перенос семантики **характеристики животного** (*дикий, звероватый, хишный*) и **поведения животного** (*взвыть, жалить, заклевать, лаять, нахохлиться, оскалиться, ощетиниться*) на сферу эмоциональной характеристики человека и его поведения сопровождается наведением компонента негативной оценки. Скрытое противопоставление обнаруживается при анализе закономерностей метафоризации номинаций отдельных видов животных. Так, номинации **птиц** (*голубок, касатик, касатка, сокол*) развивают метафорические значения, характеризующиеся преимущественно наличием положительного оценочного компонента. Напротив, метафоризация лексики, называющей и характеризующей **копытных** (*козел, овечий, свинство, скот*) и **хищных млекопитающих** (*кобель, пес, собачий*), **пресмыкающихся** (*аспид, гадюка, змея*), **насекомых** (*гнида, тля*), **беспозвоночных** (*червь*), **грызунов** (*крыса*), зачастую сопровождается актуализацией негативного эмоционально-оценочного компонента.

Лексика растительного мира в корпусе метафор представлена преимущественно М-моделью **функциональные состояния растения** (*высохнуть, вялый, процветающий, распуститься, расцвести, цветущий*), репрезентирующей образ чувствующего субъекта как растения, увядающего или расцветающего в зависимости от испытываемых им эмоций. Ограниченным набором лексических единиц представлены М-модели **части растения** (*пень, смола, терние, ягодка*) и **деревья** (*дуб, дубовый*).

CC BY

Денотативная сфера «Неживая природа» объединяет метафоры, порожденные ментальной интеграцией сферы эмоций и сферы знаний об объектах и явлениях неживой природы, их свойствах и характеристиках.

Анализ М-моделей в рамках данной сферы обнаруживает разнообразие лексических групп, замещающих позицию области-источника порождения метафоры. Эмотивные метафорические значения регулярно развивает лексика с семантикой **оптических явлений** (*вспышка, лучезарный, мрак, озарять, омрачать, осветить, просвет, сумрачный*) и **состояния атмосферы** (*безоблачный, затуманиться, пасмурный*), при этом лексика с исходной семантикой света и ясной погоды развивает метафорические значения, связанные с положительными эмоциями (радостью, счастьем, вдохновением, спокойствием), тогда как лексика с семантикой тьмы, облачной погоды и тумана — значения, связанные с негативными эмоциями (грустью, страхом, злостью). Широко представлена в корпусе метафор лексика с семантикой **огня** (*вспыхивать, гореть, загораться, зажигать, запал, огненный, пламенный, пыл, распалять*), **водного пространства** (*безбурный, бурливый, взволнованный, пениться, подмывать*), **состояния погоды** (*жаркий, знойный*), **стихий** (*гроза, разбушеваться*), выражающая образные ассоциации эмоций человека с состоянием объектов неживой природы. Метафорические значения также развивают отдельные лексические единицы с семантикой **горных пород и минералов** (*каменеть, каменный, твердокаменный*), **небесных тел** (*звезда, планида, солнечный, солнце*), **состояния земной поверхности** (*разухабистый, расквашиваться, слякоть*).

Метафорическая лексика сферы «**Восприятие окружающего мира**» репрезентирует концептуализацию эмоций через призму чувственного познания мира человеком. В ней выделяются следующие парадигматические классы М-моделей: 1) тепловое восприятие, 2) акустическое восприятие, 3) вкусовое восприятие, 4) зрительное восприятие, 5) осязательное восприятие, 6) обонятельное восприятие, 7) восприятие предмета, 8) пространство.

Лексика с семантикой **теплового восприятия** формирует градацию эмотивных смыслов относительно шкалы «горячий — холодный» (*горячий, теплый, прохладный, холодный; горячиться, остывать, охлаждать, стыть*). М-модель **акустического восприятия** приписывает эмоциональным переживаниям человека свойство звучания, которое может характеризоваться громкостью (*тихий, шумный, шумиха*) и изменчивостью во времени (*монотонный*, *затихать, утихнуть*). М-модель **вкусового восприятия** актуализирует эмоционально-оценочный компонент эмотивной лексики, порождаемый представлениями человека о приятных (*сладкий,*

CC BY

услада, пикантный) и неприятных (*горечь, горький, кислый, кислятина*) вкусовых ощущениях. В классе лексики зрительного восприятия выделяются М-модели **цвета** (*розовый, смурый, черный*), **изменения цветового признака** (*очернить, чернить*) и **внешних качеств объекта** (*мутный*), связанные с выражением приписываемых эмоциям человека внешних качеств. Выделяется также М-модель **процесс зрительного восприятия** (*оглядеться, приглядеться, присмотреться*), выделяемая лишь в репрезентантах эмотивного концепта РАВНОДУШИЕ. М-модель **осязательного восприятия** *(грубость, грубый, сгрубить*) устанавливает сходство между переживанием негативных эмоций и восприятием шершавой поверхности. М-модель **обонятельного восприятия** (*нюхать, понюхать*) отображает образ эмоционального переживания как ощущения, непосредственно воспринимаемого человеком органами обоняния.

Класс метафор восприятия предмета связан с выражением представлений об эмоциях человека как сущностях, имеющих материальное воплощение. Его формируют М-модели **величины, размера и веса** (*легкий, облегчать, отягчать, тяжелый, тяжесть*), **формы предмета** (*крутой, неровный, острый, ровный, тупой*) и **изменения формы предмета** (*выравнивать, коробить, плющиться, расплываться, сглаживать*), **физических характеристик предмета** (*крепкий, твердый, отвердеть*).

Метафоризация лексики с семантикой пространства организует эмотивные смыслы относительно оппозиций **полный / пустой** (*заполнять, пустой*) и **далекий / близкий** (*близкий, отдаленный*), а также обогащает содержание эмотивных концептов когнитивными признаками **направления** (*возвышенный*) и **расположения в пространстве** (*противный, противник*).

Зону **ближайшей периферии** формируют метафорические проекции частного характера: они выделяются среди репрезентантов определенного ряда эмотивных концептов, но не пронизывают все метафорическое пространство эмоций. Данная зона представлена сферами «Сверхъестественное», «Медицина», «Вещества и материалы», «Искусство», «Религия» и «Война».

Метафорическая лексика денотативной сферы «Сверхъестественное» отображает результат ментальной интеграции эмотивной семантики и представлений о существовании и проявлении потусторонних сил, недоступных рациональному познанию и объяснению. В состав данной сферы входят М-модели **сверхъестественных существ** (*бесовка, беситься, демонический, муза, чудовище, фурия, раздраконить*), **сверхъестественного воздействия** (*заворожить, зачаровать, околдовать, приворотить*), **признаков сверхъестественного** (*волшебный, фантастический, чудес-*

ный, чудодейственный), **сверхъестественных явлений** (*чары, чудо*) и **человека, обладающего сверхъестественными способностями** (*чаровница, чародей, чудотворец*). Позицию области-цели при метафорическом переносе из сферы сверхъестественного регулярно замещают эмотивные концепты ВЛЕЧЕНИЕ, ЗЛОСТЬ, ЛЮБОВЬ, НЕДОВОЛЬСТВО, НЕПРИЯЗНЬ, УДИВЛЕНИЕ.

Метафоризация лексики денотативной сферы «**Медицина**» порождает образ эмоций как нарушений психического и физического здоровья человека и чувствующего субъекта как человека, требующего лечения. Данная сфера представлена М-моделями **болезни** (*безумие, бешенство, горячка, психоз, холера, язва*), **симптомов болезни** (*бредить, воспалиться, зуд, лихорадить, пароксизм, судорожный*), **причин болезненного состояния** (*зараза, растравить, угар*), **больного человека** (*истеричка, кликуша, маньяк*), **процесса болезни** (*заболеть, переболеть*), **процесса лечения** (*оздоровить*). Регулярными областями-целями данных метафорических проекций выступают концепты БЕСПОКОЙСТВО, БЕССТРАШИЕ, ВЛЕЧЕНИЕ, ГОРЕ, ГРУСТЬ.

Метафоры денотативной сферы «**Вещества и материалы**» представляют результат ментальной интеграции сферы эмоций и сферы знаний о свойствах и характеристиках веществ и материалов, из которых состоят объекты материального мира. В парадигме денотативной сферы выделяются М-модели **физических и химических свойств вещества** (*взрывоопасность, липкий, магнетизм, сухой, сушь*), **химических процессов** (*брожение, перебродить*), **изменения состояния материала** (*высушить, сушить*), **жидких веществ** (*кипеть, кипяток, перекипеть, пузыриться*), **металлов и металлических сплавов** (*золотой, свинцовый, стальной, чугунный, закаленный*), **древесины** (*деревянный, одеревенеть*), **ядовитых веществ** (*яд, ядовитый*). В процессе метафорического переноса данные модели профилируют различные аспекты области-источника, проецируемые на область-цель: интенсивность протекания процессов (БЕСПОКОЙСТВО: *брожение, кипение, взрывоопасность;* ЗЛОСТЬ, НЕДОВОЛЬСТВО: *кипятиться*; ЛЮБОВЬ: *кипучий*), стойкость к внешним воздействиям (БЕССТРАШИЕ: *закаленный, стальной, железный*), способность воздействовать на другие материалы (ВЛЕЧЕНИЕ: *магнетизм*), вес (ГРУСТЬ: *свинцовый*; ГОРЕ: *чугунный*), негативное воздействие на жизнь и здоровье человека (ЗЛОСТЬ: *яд, ядовитый*), твердость (РАВНОДУШИЕ: *деревянный, одеревенеть*), экономическая ценность (СЧАСТЬЕ: *золотой*).

Метафорические проекции из денотативной сферы «**Искусство**» актуализируют представления о связи эмоций с целенаправленной творческой деятельностью человека. М-модели др**аматургических жанров** (*драма,*

драматичный, трагедия), **поэтических жанров** (*идиллический, элегия, поэтичность*) и **прозаических жанров** (*роман, сказочный, эпический*) формируют класс метафор литературы. М-модели **характеристик музыкальных произведений** (*мажорный, минорный*) и **исполнения музыкальных произведений** (*напевать, припеваючи*) формируют класс метафор музыки. Метафорические значения также развивают отдельные лексические единицы с семантикой **создания произведений изобразительного искусства** (*тушеваться, стушеваться*), **исполнителя определенной роли в театре** (*паяц, фарсер*) и **помещения для исполнения произведения искусства** (*сцена*). Позицию области-цели при порождении метафоры искусства регулярно замещают эмотивные концепты ВДОХНОВЕНИЕ, ГОРЕ, ГРУСТЬ, РАДОСТЬ, СПОКОЙСТВИЕ, СЧАСТЬЕ.

Метафоры денотативной сферы «**Религия**» отображают результат ментальной интеграции эмотивной семантики и сферы религиозных представлений о мироустройстве, обрядов и практик. Они формируют М-модели **религиозных обрядов** (*вакханальный, молиться, отпетый, панихидный, поклонение*), **религиозных догматов** (*ад, благодать, жупел, нирвана, рай*), **противников бога** (*дьявольский, мефистофельский, сатанеть*), **объектов религиозного поклонения** (*богиня, божество, идол, кумир*), **человека по отношению к религии** (*безбожный, иезуит*), **религиозных организаций** (*инквизитор, инквизиция*) и **религиозных символов** (*крест*). Областями-целями метафорического переноса регулярно выступают эмотивные концепты ГОРЕ, ГРУСТЬ, ЗЛОСТЬ, ЛЮБОВЬ, РАДОСТЬ, СЧАСТЬЕ.

Метафорические проекции из денотативной сферы «**Война**» порождают образ психического мира человека как поля сражения, на котором разворачивается противостояние антагонистически настроенных сторон (субъекта и его эмоций, субъекта и другого субъекта). Они объединяются в М-модели **результата военных действий** (*завоевать, одолеть, отбивать, пленять, побеждать, покорить*), **военных действий** (*вылазка, схватка, стычка*), **человека по отношению к военной службе** (*бойцовский, воинствующий, паладин*) и **боеприпасов** (*порох*). Областями-целями при порождении метафоры войны становятся эмотивные концепты БЕСПОКОЙСТВО, БЕССТРАШИЕ, ВЛЕЧЕНИЕ, ГОРЕ, ЗЛОСТЬ, ЛЮБОВЬ, НЕПРИЯЗНЬ, УДИВЛЕНИЕ.

Зона **дальнейшей периферии** характеризуется дробной и разнородной структурой, ее формирует множество различных по денотативной отнесенности сфер-источников, каждая из которых представлена крайне ограниченным набором лексем. Это единичные метафорические номинации, которые служат средством актуализации специфичных когнитивных признаков конкретных эмотивных концептов.

CC BY

Зону дальнейшей периферии метафорического пространства эмоций формирует лексика 12 денотативных сфер: «Развлечения и отдых», «Государство и власть», «Техника», «Охота и рыболовство», «Язык и речь», «Наука», «Экономика», «Социальная сфера жизни человека», «Человек и его внутренний мир», «Нации», «Универсальные смыслы», «Родственные и семейные отношения.

В денотативной сфере «**Развлечения и отдых**» выделяются М-модель **игр и игрушек** (*разыграться, заигрывать, игривость*), связывающая область-источник с эмотивными концептами ВДОХНОВЕНИЕ, ЛЮБОВЬ, РАДОСТЬ, и М-модель **увеселительных и праздничных мероприятий** (*праздник, торжество*), являющаяся результатом проекции на концепты РАДОСТЬ и СЧАСТЬЕ.

Сферу-источник «**Государство и власть**» формируют М-модели **средства осуществления судебного приговора** (*клеймо, заклеймить, казнить, каторжный*), **работника правоохранительных органов** (*палач*), **формы государственного правления** (*тиран, затиранить*), **социальной обстановки** (*мятежный*) и **политической деятельности** (*фрондер, фрондировать*). Позицию области-источника регулярно замещают концепты ГОРЕ, НЕДОВОЛЬСТВО, НЕПРИЯЗНЬ, СТЫД.

Денотативная сфера «**Техника**» включает М-модель **технического процесса** (*заводить, наэлектризовать, заводной*), связанную с областью-целью БЕСПОКОЙСТВО, М-модели **инструмента** (*глушитель, тиски* — проекция на концепты ГРУСТЬ, ГОРЕ) и **технических понятий** (*отключаться, отключиться* — проекция на концепт СПОКОЙСТВИЕ).

Денотативная сфера «**Охота и рыболовство**» представлена лексикой с семантикой **процесса охоты** (*втравить, привадить, прикармливать* — проекция на концепты ВЛЕЧЕНИЕ, ЛЮБОВЬ; *затравить, затравленный* — проекция на концепт ГОРЕ) и **приспособления для охоты** (*приманка*).

Сферу-источник «**Язык и речь**» формируют М-модели **речевого воздействия** (*звать* — ВЛЕЧЕНИЕ; *раздразнить* — ЖЕЛАНИЕ; *льстить* — СЧАСТЬЕ) и **речевого общения** (*ответ, ответить, безответный* — ЛЮБОВЬ; *неотзывчиво, неотзывчивость* — РАВНОДУШИЕ).

Денотативная сфера «**Наука**» представлена одной М-моделью **философии** (*стоицизм, стоически* — БЕССТРАШИЕ; *философский, философски* — СПОКОЙСТВИЕ; *эпикуреец, эпикуреизм* — СЧАСТЬЕ).

Сфера «**Экономика**» формирует М-модели **состояния экономики** (*ажиотаж, ажиотажный* — БЕСПОКОЙСТВО), **свойства товара** (*бесценный, дорогой* — ЛЮБОВЬ), **документооборота** (*подписаться, подписываться* — ЖЕЛАНИЕ) и **собственности** (*принадлежать* — ЛЮБОВЬ).

«**Социальная сфера жизни человека**» включает в себя М-модели **воздействия** (*подкупать, подкупить* — ЛЮБОВЬ), **конфликта** (*соперник, соперница* — ЛЮБОВЬ), **принуждения** (*нудить* — ГРУСТЬ) и **положения человека в обществе** (*паж* — ЛЮБОВЬ).

Денотативная сфера «**Человек и его внутренний мир**» представлена М-моделями **интеллекта** (*безумный, безумствовать* — ЗЛОСТЬ), **памяти** (*забытье, забыться* — БЕСПОКОЙСТВО) и **проявления эмоций** (*лелеять* — ЖЕЛАНИЕ).

Денотативная сфера «**Нации**» представлена М-моделями **понятий о народах** (*дикарь, дикарка, дикарство* — СТРАХ) и **племен** (*пигмей* — НЕДОВОЛЬСТВО).

Сфера «**Универсальные смыслы**» в анализируемом корпусе метафор представлена лексикой с семантикой **приведения в какое-либо состояние** (*активизация, активизировать* — РАДОСТЬ) и **существования** (*отсутствующий* — РАВНОДУШИЕ).

Сфера «**Родственные и семейные отношения**» представлена одной лексемой *родной*, выражающей семантику **наличия общих предков** и развивающей метафорическое значение в результате проекции на эмотивный концепт ЛЮБОВЬ.

4. Заключение = Conclusions

В данной статье впервые метафорическая лексика общей денотативной принадлежности к сфере эмоций рассмотрена в пространственном измерении как метафорическое эмотивное пространство, которое понимается как целостная совокупность лексических единиц с метафорическим эмотивным значением: всего 2091 лексема, участвующая в отображении 19 базовых эмоций. Исследование показало сложность и многомерность метафорического пространства, его структурной организации, характеризующейся пересекаемостью и взаимодействием разных частных лексических группировок в его составе. Во-первых, следует отметить принципиально важное совмещение в структуре метафорического пространства лексики двух когнитивных уровней: 1) уровня цели метафоризации с семантикой эмоций, эмотивного смысла и 2) уровня источника метафоризации с семантикой различных лексических средств, привлекаемых для развития и актуализации ассоциативно-образного смысла эмоций. Их взаимодействие по типу ментальной интеграции способствует формированию сложного двуденотативного метафорического значения. В зависимости от статуса и значимости соотносимых связей в структуре метафорического пространства выявлены метафорические проекции, направленные на 23 денотативные сферы-источники метафоризации, а в их составе — 193 частные ме-

тафорические модели. Осуществлено моделирование и комментирование метафорического значения на основе разработанного алгоритма анализа с целью категоризации эмоций по областям-источникам метафорического переноса с использованием метаязыка семантических дескрипторов. Во-вторых, метафорическое эмотивное пространство рассмотрено в контексте пересекаемости с другими типами лингвистических пространств: денотативно-идеографическим, семантико-грамматическим, функционально-семантическим, когнитивно-дискурсивным. Это привело к многоаспектности его анализа, результаты которого демонстрируют когнитивные стратегии развития метафорического значения в том или ином аспекте. Подобная полипарадигмальность описания, дополненная количественными данными, обусловила панорамное изображение метафорического пространства, выявление в нем когнитивных доминант, конструирование и репрезентацию результатов исследования в формате поля, с указанием заполнения основных зон определенных парадигм: ядра, приядерной зоны, ближайшей и дальнейшей периферии, свойственных как в целом всему метафорическому эмотивному пространству, так и отдельным его фрагментам. Применение статистического описания позволило получить данные о доле метафорических значений в составе указанных выше лексических парадигм, выявить когнитивные стратегии и тенденции ассоциативно-образной интерпретации эмоций в полиаспектном рассмотрении. Были выявлены эмотивно-метафорические доминанты, характерные для всех рассматриваемых аспектов.

Смоделированное метафорическое пространство лексики эмоций в своей структуре обнаруживает явную интеграцию конкретного и абстрактного, знаний и представлений человека об окружающем его предметном мире и мире живой природы, об общественной жизни, о разных типах деятельности человека и его эмоциональной сферы. Результаты данного исследования, выполненного преимущественно с использованием полипарадигмального и количественного анализа корпуса эмотивных метафор, извлеченных из словаря-тезауруса эмотивной лексики, намечают основные закономерности и тенденции в формировании и структурировании метафорического пространства эмоций. Они могут послужить основой при выполнении углубленных исследований в данной области и при выявлении особенностей репрезентации эмоций в различных типах дискурса.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

CC BY

Литература

1. *Аристотель*. Поэтика / Аристотель. — Ленинград : Academia, 1927. — 120 с.

2. *Арутюнова Н. Д.* Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. — Москва : Прогресс, 1990. — С. 5—32. — ISBN 5-01-001599-4.

3. *Бабенко Л. Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. — Свердловск : Издательство Уральского университета, 1989. — 182 с. — ISBN 5-7525-0061-3.

4. *Бабенко Л. Г.* Синопсис (свод) идеографической классификации русской лексики (общая глобальная структура словаря) / Л. Г. Бабенко // Универсальный идеографический словарь русского языка : проспект. — Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2015. — С. 22—43. — ISBN 978-5-7525-3067-8.

5. *Балашова Л. В.* Русская метафора : прошлое, настоящее, будущее / Л. В. Балашова. — Москва : Языки славянской культуры, 2014. — 493 с. — ISBN 978-5-9905856-9-0.

6. *Балли Ш.* Французская стилистика / Ш. Балли. — Москва : URSS, 2009. — 392 с. — ISBN 978-5-397-00124-3.

7. *Баранов А. Н.* Дескрипторная теория метафоры / А. Н. Баранов. — Москва : Языки славянской культуры, 2014. — 630 с. — ISBN 978-5-9905856-7-6.

8. *Будаев Э. В.* Становление когнитивной теории метафоры / Э. В. Будаев // Лингвокультурология. — 2007. — № 3. — С. 16—32.

9. *Изард К. Э.* Психология эмоций / К. Э. Изард. — Москва : Питер, 2006. — 460 с. — ISBN 5-314-00067-9.

10. *Кобозева И. М.* Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. — Москва : Эдиториал УРСС, 2000. — 350 с. — ISBN 5-8360-0165-0.

11. *Скляревская Г. Н.* Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская. — Санкт-Петербург : Наука, 1993. — 150 с. — ISBN 5-02-028138-7.

12. *Телия В. Н.* Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке / В. Н. Телия. — Москва : Наука, 1981. — 269 с.

13. *Чудинов А. П.* Очерки по современной политической метафорологии: монография / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2013. — 176 с. — ISBN 978-5-7186-0504-4.

14. *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелев. — Москва : Наука, 1973. — 280 с.

15. *Ekman P.* Basic Emotions / P. Ekman // Handbook of cognition and emotion. — Chichester, England, New York : Wiley, 1999. — 843 p. — ISBN 0-471-97836-1.

16. *Griffiths P. E.* What Emotions Really Are / P. E. Griffiths. — Chicago : University of Chicago Press, 1997. — 286 p. — ISBN 0-226-30872-3.

17. *Lakoff G.* Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : University of Chicago Press, 1980. — 242 p. — ISBN 0-226-46801-1.

18. *Plutchik R.* A general psychoevolutionary theory of emotion / R. Plutchik // Emotion : Theory, research and experience. Theories of emotion. — New York : Academic Press, 1980. — Pp. 3—33. — ISBN 0-125-58701-5.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024,
одобрена после рецензирования 23.11.2024,
подготовлена к публикации 30.06.2025.

References

Aristotle. (1927). *Poetics.* Leningrad: Academia. 120 p. (In Russ.).

Arutyunova, N. D. (1990). Metaphor and discourse. In: *Theory of metaphor*. Moscow: Progress Publ. 5—32. ISBN 5-01-001599-4. (In Russ.).

Babenko, L. G. (1989). *Lexical means of indicating emotions in the Russian language.* Sverdlovsk: Ural University Press. 182 p. ISBN 5-7525-0061-3. (In Russ.).

Babenko, L. G. (2015). Synopsis (summary) of the ideographic classification of Russian vocabulary (general global structure of the dictionary). In: *Universal ideographic dictionary of the Russian language: prospect.* Moscow; Yekaterinburg: Cabinet Scientist. 22—43— ISBN 978-5-7525-3067-8. (In Russ.).

Balashova, L. V. (2014). *Russian metaphor: past, present, future.* Moscow: Languages of Slavic Culture. 493 p. ISBN 978-5-9905856-9-0. (In Russ.).

Bally, S. (2009). *French stylistics.* Moscow: URSS. 392 p. ISBN 978-5-397-00124-3. (In Russ.).

Baranov, A. N. (2014). *Descriptive theory of metaphor.* Moscow: Languages of Slavic Culture. 630 p. ISBN 978-5-9905856-7-6. (In Russ.).

Budaev, E. V. (2007). Formation of the cognitive theory of metaphor. *Linguoculturology, 3:* 16—32. (In Russ.).

Chudinov, A. P. (2013). *Essays on modern political metaphorology: a monograph.* Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 176 p. ISBN 978-5-7186-0504-4. (In Russ.).

Ekman, P. (1999). Basic Emotions. In: *Handbook of cognition and emotion.* Chichester, England, New York: Wiley. 843 p. ISBN 0-471-97836-1.

Griffiths, P. E. (1997). *What Emotions Really Are.* Chicago: University of Chicago Press. 286 p. ISBN 0-226-30872-3.

Izard, K. E. (2006). *Psychology of emotions.* Moscow: Peter. 460 p. ISBN 5-314-00067-9. (In Russ.).

Kobozeva, I. M. (2000). *Linguistic semantics.* Moscow: URSS Editorial. 350 p. ISBN 5-8360-0165-0. (In Russ.).

Lakoff, G., Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by.* Chicago: University of Chicago Press. 242 p. ISBN 0-226-46801-1.

Plutchik, R. (1980). A general psychoevolutionary theory of emotion. In: *Emotion: Theory, research and experience. Theories of emotion.* New York: Academic Press. 3—33. ISBN 0-125-58701-5.

Shmelev, D. N. (1973). *Problems of semantic analysis of vocabulary.* Moscow: Nauka Publ. 280 p. (In Russ.).

Sklyarevskaya, G. N. (1993). *Metaphor in the language system.* Saint Petersburg: Nauka Publ. 150 p. ISBN 5-02-028138-7. (In Russ.).

Teliya, V. N. (1981). *Types of linguistic meanings. The related meaning of a word in a language.* Moscow: Nauka Publ. 269 p. (In Russ.).

The article was submitted 02.10.2024;
approved after reviewing 23.11.2024;
accepted for publication 30.06.2025.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Дзюба Е. В. Реализация стратегии консолидации в текстах институционального дискурса : моделирование концепта СОТРУДНИЧЕСТВО / Е. В. Дзюба, А. Г. Кузякин // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 6. — С. 31—52. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-31-52.

Dziuba, E. V., Kuzyakin, A. G. (2025). Implementing Consolidation Strategies in Institutional Discourse: Modeling Concept of COOPERATION. *Nauchnyi dialog, 14* (6): 31-52. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-31-52. (In Russ.).

Clarivate Web of Science Scopus Q1 DOAJ ERIHPLUS eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Реализация стратегии консолидации в текстах институционального дискурса: моделирование концепта СОТРУДНИЧЕСТВО

Дзюба Елена Вячеславовна
orcid.org/0000-0002-3833-516X
доктор филологических наук,
профессор Высшей школы
международных отношений,
корреспондирующий автор
dzyuba_ev@spbstu.ru

Кузякин Александр Григорьевич
orcid.org/0009-0006-2161-7028
кандидат политических наук, доцент
Высшей школы
международных отношений
kuzyakin_ag@spbstu.ru

Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект «Стратегии продвижения национальных интересов России через трансформирующиеся институты многосторонней дипломатии: лингвополитологический аспект» № 25-28-01062, https://rscf.ru/project/25-28-01062/

Implementing Consolidation Strategies in Institutional Discourse: Modeling Concept of COOPERATION

Elena V. Dziuba
orcid.org/0000-0002-3833-516X
Doctor of Philology, Professor,
Higher School
of International Relations,
corresponding author
dzyuba_ev@spbstu.ru

Alexander G. Kuzyakin
orcid.org/0009-0006-2161-7028
PhD in of Political Sciences,
Associate Professor, Higher School
of International Relations
kuzyakin_ag@spbstu.ru

Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, the project “Strategies for promoting national Interests Russia through the Transforming Institutions of Multilateral Diplomacy: a Linguistic and Political Aspect” № 25-28-01062, https://rscf.ru/project/25-28-01062/

© Дзюба Е. В., Кузякин А. Г., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследование проводится в русле современной лингвополитологии. В текстах институционального дискурса выделяются средства репрезентации стратегии консолидации. Методом лексикографического анализа выявляются слова с семантикой единения. Посредством программы автоматизированной обработки данных Voyant tools (корпусный анализ) определяется частотность употребления таких слов, осуществляется ранжирование лексем, позволившее выделить доминирующую единицу *сотрудничество*. Изучение коллокаций с данной лексемой (контекстный анализ) позволило выделить основные смысловые конструкты концепта СОТРУДНИЧЕСТВО, реализующие стратегию консолидации (когнитивно-пропозициональный анализ): субъекты сотрудничества и их атрибутивные характеристики (идеологическая позиция, локализация), атрибутивные характеристики совместного действия (сферы сотрудничества). Выявлено общее и различное в интерпретации стратегии консолидации, декларируемой в основных документах, которые отражают специфику институционального дискурса, где политическими акторами выступает либо отдельное государство (Россия), либо международная организация (ШОС) и межгосударственное объединение (БРИКС). Подчеркивается, что основой современного понимания единения в международном политическом дискурсе является не идеологическая близость, как в период Холодной войны, но возможность взаимовыгодного сотрудничества. Выделяются модели консолидации (многоуровневая и масштабируемая, векторная регионально-ориентированная, альтернативная глобально-ориентированная), отраженные в разных документах.

Ключевые слова:
лингвополитология; стратегия единения; стратегия консолидации; солидарность; концепт СОТРУДНИЧЕСТВО; ШОС; БРИКС; модели консолидации.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study is situated within the framework of contemporary linguopolitics. It identifies the means of representing consolidation strategies in institutional discourse texts. Utilizing lexicographic analysis, the research reveals words that convey the semantics of unity. Through the application of the Voyant Tools program for automated data processing (corpus analysis), the frequency of these terms is determined, allowing for the ranking of lexemes and highlighting the dominant unit of cooperation. An examination of collocations with this lexeme (contextual analysis) reveals the primary semantic constructs of the concept of COOPERATION that enact consolidation strategies (cognitive-propositional analysis): the subjects of cooperation and their attributive characteristics (ideological stance, localization), as well as the attributive features of joint action (spheres of cooperation). The study uncovers both commonalities and differences in interpreting consolidation strategies as articulated in key documents that reflect the specifics of institutional discourse, where political actors may be either a single state (Russia), an international organization (SCO), or an intergovernmental association (BRICS). It is emphasized that the foundation of contemporary understanding of unity in international political discourse is not ideological proximity, as was the case during the Cold War, but rather the potential for mutually beneficial cooperation. Various models of consolidation are identified (multilevel and scalable, vector-based regionally-oriented, alternative globally-oriented), as reflected in different documents.

Key words:
Linguopolitics; Unity Strategy; Consolidation Strategy; Solidarity; Concept of COOPERATION; SCO; BRICS; Models of Consolidation.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.161.1’42::341.232
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-31-52

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Реализация стратегии консолидации в текстах институционального дискурса: моделирование концепта СОТРУДНИЧЕСТВО

© Дзюба Е. В., Кузякин А. Г., 2025

1. Введение = Introduction

В условиях формирования многополярного мироустройства ключевым инструментом международного политического дискурса становится коммуникативная стратегия консолидации, реализуемая через специфический комплекс языковых средств и складывающихся с их помощью концептов. Лингвополитологический анализ текстов институционального дискурса на основе официальных документов (здесь рассматриваются «Концепция внешней политики РФ» 2023 года, «Астанинская декларация ШОС» 2024 год, «Казанская декларация БРИКС» 2024 года) позволяет выявить своеобразные модели солидаризации (объединения) и консолидации (укрепления единства), которые проявляются в тексте за счет лексики с общей семантикой единения: *единство*, *союзничество*, *партнерство*, *содружество*, *интеграция*, *солидарность*, *консолидация, сотрудничество* и др. Дискурс — в его социально-прагматическом понимании — трактуется как «речевое действие, участниками которого выступают определенные типы языковых личностей, действующие в рамках определенных обстоятельств и условий общения»; дискурс институциональный предполагает «вербальное поведение, сложившееся в обществе применительно к закрепленным сферам общения» [Карасик, 2000, с. 27—28]. Так, в случае с анализируемыми здесь текстами субъектами коммуникации выступают представители власти разных государств.

Важно подчеркнуть, что современная политическая лингвистика имеет своим постулатом положение о том, что «главная функция политической коммуникации — борьба за политическую власть на основе использования коммуникативной деятельности: политическая коммуникация призвана оказать прямое или косвенное влияние на распределение власти (путем выборов, назначений, создания общественного мнения и др.) и ее

CC BY

использование (принятие законов, издание указов, постановлений и др.)» [Чудинов, 2006, с. 6]. При этом основным предметом политической лингвистики, по мнению автора цитируемой работы, «является политическая коммуникация, то есть речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе [Там же].

А. В. Фролова, обобщая работы целого ряда специалистов по политической лингвистике и критическому дискурс-анализу [Баранов, 1997; Красильникова, 2012; Перельгут и др., 2013; Плотникова, 2005, 2009; Попова и др., 1984; Шейгал, 2004; Van Dijk, 1997], подчеркивает: «Институциональный политический дискурс … направлен на воздействие на адресата с целью сохранения, осуществления, перераспределения и завоевания политической власти; неинституциональный политический дискурс, или политический дискурс реагирования, представляет собой общение, спроектированное оценочной реакцией коммуникантов на политические явления и участие в обмене мнений, в решении проблем общества и государства, которое уточняет или формирует их картину мира» [Фролова, 2023, с. 8]. Таким образом, в области политической лингвистики институциональный дискурс рассматривается чаще в вертикальной плоскости — как взаимоотношения власти и граждан страны. Однако политика представляет собой более сложный и многосторонний феномен, а политическая коммуникация не ограничивается только таким типом взаимоотношений, который предполагает *вертикаль* между осведомленными в области политтехнологий гражданами (собственно политические лидеры) и простыми гражданами, плохо осведомленными в области политтехнологий (электорат). В аспекте международных отношений также важна *горизонтальная* коммуникация, то есть коммуникация между равными, между представителями разных государств, в том числе в рамках международных организаций и межгосударственных объединений. Иными словами, политическую коммуникацию, и в частности — институциональный дискурс, следует также рассматривать в горизонтальной плоскости — как речевое взаимодействие между странами, их правительствами, лидерами и т. п.

Данное исследование фокусируется на языковых маркерах стратегии консолидации, а также на выделении и изучении четырехкомпонентной структуры когнитивно-пропозициональной модели сотрудничества в текстах институционального дискурса: субъекты сотрудничества, их атрибутивные характеристики (идеологическая позиция, пространственная локализация), атрибутивные характеристики совместного действия (сферы сотрудниче-

ства); при этом собственно предикатная семантика заложена в отглагольном существительном *сотрудничество* (от: *сотрудничать*). Заметим, что пропозиция понимается здесь как «абстрактная модель ситуации, не связанная с модально-временными значениями и … отражающая существенные элементы речевой ситуации: участники ситуации, отношения, которые связывают и обеспечивают им те или иные роли» [Галимова, 2021, с. 251].

Цель работы заключается в определении набора языковых средств репрезентации концепта СОТРУДНИЧЕСТВО и выявлении специфики его интерпретации как средства реализации стратегии консолидации в текстах институционального дискурса, отражающих общие и частные аспекты продвижения национальных интересов России в международной политике через региональные и глобальные институты многосторонней дипломатии (ШОС и БРИКС).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Общее направление исследования определено развитием современной лингвополитологии, которая рассматривает язык в разных аспектах: как феномен, являющийся материалом и средством моделирования политической картины мира за счет формирования политически значимых концептов и категорий; как факт, участвующий в реализации политических действий и событий, то есть акт политического волеизъявления (публичные политические речи, основные документы, отражающие политическую позицию стран-участников международных организаций и международных объединений, и др.). Лингвополитология материалом для изучения «видит» политические действия и события, которые выражаются в речевой форме (заявления, обращения, декларации, соглашения, договоры и т. п.) и которые направлены на реализацию той или иной стратегии как политического действия. Лексика естественного языка, выражающая семантику единения, взаимопонимания, установления добрых и доверительных отношений (*мир*, *дружба*, *добрососедство*, *согласие*, *диалог*, *взаимодействие*, *взаимопонимание*, *доверие* и под.) и используемая в международных документах, «овнешняет» значимые в политическом мире стратегии единения и паритетности. Одновременно она свидетельствует о консолидации усилий разных политических акторов, выражая определенные действия в соответствии с заявленной концепцией, ср. реализацию стратегии через лексемы *совместный*, *равноправный*, *взаимный*, *дружба*, *добрососедство*, *диалог* — к действиям подтверждения причастности общей идее, выраженным перформативными глаголами: *выразить* (*мнение* / *уверенность* / *солидарность*), *подтвердить* (*причастность*), *заявить* (о намерении), *выступить* (*в защиту* / *против*) и т. п.

CC BY

Языковые средства, репрезентирующие семантику единения в разных языках и дискурсах, активно изучаются отечественными и зарубежными учеными. М. В. Гаврилова на основе программ политических партий и выступлений российских президентов рассматривает изменение содержательных форм концепта ЕДИНСТВО на протяжении XX—XXI веков [Гаврилова 2010]. Т. В. Дубровская и Э. И. Юськаева, изучая способы дискурсивного конструирования британской национальной идентичности, выделяют в качестве ключевых стратегию объединения государств и противоположную стратегию — их дистанцирования, а также выявляют прагмалингвистические средства репрезентации указанных стратегий (отсылки к значимым событиям и датам истории, лексика с темпоральной семантикой и семантикой единения, грамматические маркеры прошлого, метафоры и идиомы, инклюзивные именные сочетания, лексические маркеры положительной и отрицательной оценки) [Дубровская и др., 2010]. В. П. Джиоева и Т. Ю. Тамерьян на материале публичных выступлений Президента Республики и спикера парламента Южной Осетии, а также документов партии «Единая Осетия» посредством метода фреймового анализа представляют содержание концептов ЕДИНСТВО / ИУДЗИНАД, выделяя среди ключевых когнитивных признаков следующие: ʻобщегосударственные интересы и ценностиʼ; ʻколлективная идея сохранения национальной идентичностиʼ; ʻвоссоединение Южной и Северной Осетииʼ; ʻединство ветвей власти внутри республикиʼ; ʻпотребность южных осетин в этнической территориальной консолидацииʼ [Джиоева и др., 2017]. М. М. Раевская и И. В. Селиванова, рассматривая публичные речи испанского монарха Филиппа VI в аспекте институциализации, выделяют стратегии и тактики речевого воздействия, среди которых как значимые для консолидации нации отмечают тактики солидаризаци и единения [Раевская и др., 2021]. Д. А. Кушнерева, изучающая политические речи Эвы Перон, супруги президента Аргентины Хуана Перона, отмечает восемь разновидностей тактики кооперации и описывает языковые средства их реализации [Кушнерева, 2021]. Наиболее подробно и разноаспектно языковые средства с семантикой единения описаны в монографии «Лики единения в языке и дискурсе» под общей редакцией Т. В. Леонтьевой [Лики единения…, 2022]. Особенно актуальна для нашего исследования четвертая глава, подготовленная Т. В. Дубровской. В разделе выделяются языковые маркеры *–един–*, *–цел–*, *меж–* / *между–*, *взаимо–*, *обще–*, которые репрезентируют идею объединения и в комбинациях с разными единицами, как правило, приобретают «положительный аксиологический статус» [Дубровская, 2022, с. 196—264]. Т. В. Дубровская приходит к выводу, что лексемы с указанными элементами формируют «семантическое поле единения, охватывающее и сопряженные об-

CC BY

ласти смыслов взаимности, неединичности, равенства, сближения» [Дубровская, 2022, с. 264]. Исследователь также подчеркивает, что «единение конструируется, во-первых, как внутригосударственный атрибут, и в этом случае одним из наиболее важных аспектов единения выступают территориальная целостность и межкультурное взаимодействие; и, во-вторых, как атрибут внешнеполитической деятельности РФ, для которой характерна интеграция в общемировое пространство при одновременном сохранении общероссийской идентичности» [Там же].

Современные исследователи отмечают особое значение лексики с семантикой единения в текстах институционального дискурса. С. А. Громыко подчеркивает, что лексемы *единство* и *единение*, которые имеют не только сходство в содержании, но и различия в грамматической семантике, отражающей идеологические представления политических деятелей, активно использовались в парламентских речах начала XX века для выражения идеи положительной и отрицательной интегративности в зависимости от политической программы выступающего [Громыко, 2023]. Т. В. Дубровская рассматривает лексемы с корнем *-един-* в государственных программных документах (80 единиц), принятых в Российской Федерации в 2021 году, подчеркивает высокую востребованность этих языковых средств для создания идеального образа государства с его территориальной целостностью, сплоченным народом, единой системой ценностей, желаемым типом отношений между российским обществом и субъектами власти и т. д. [Дубровская, 2022].

Подчеркнем, однако, что, хотя в некоторых работах упоминается единица *сотрудничество*, ей и стоящему за ней концепту уделено недостаточно внимания. Отметим некоторые публикации: структура лексико-семантического поля концепта СОТРУДНИЧЕСТВО, в котором по разным уровням (ядерный, приядерный, «ближнепериферийный», «дальнепериферийный») распределены 34 лексемы, 7 словосочетаний с указанием дополнительных смысловых оттенков и коннотаций, описана в публикации М. Л. Лаптевой, О. А. Уразгалиевой [Лаптева и др., 2016]; концепт ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО в аспекте реализации разных стратегий: оказания гуманитарной помощи государства-донора странам-реципиентам; применения «мягкой силы», заменяющей влияние одной страны на другую с помощью насилия или финансовых вложений, — рассмотрен в статье А. В. Пентеговой [Пентегова, 2019]. Анализ современных текстов, функционирующих в институциональном дискурсе, свидетельствует об особой значимости единицы *сотрудничество*, которая актуализирует идею объединения государств не столько на идеологическом основании, как было, например, в период Холодной войны, сколько посредством де-

CC BY

кларирования и реализации многостороннего сотрудничества (или отказа от него в случае разъединения государств).

Среди зарубежных исследований, внимание которых сфокусировано на механизмах реализации стратегии консолидации (в других терминах — солидаризации), можно выделить работы [Cioce et al., 2023; Peled, 2024]. В первой из них как составляющие «импровизированного языка солидарности» рассматриваются языковые практики преодоления барьеров между мультиэтническими рабочими-мигрантами; во второй ставится вопрос о политических рангах языков, что противоречит самой концепции солидаризации общества.

Большого исследовательского интереса заслуживает статья [Wilk et al., 2024], в которой предлагается обзор зарубежных работ о языковых маркерах солидарности, а также на материале речей украинского президента, адресованных ООН и НАТО, выявляются языковые средства (местоимения *я — мы — они* и средства проксимизации, позволяющей нечто отдаленное во времени и пространстве рассматривать как более близкое и срочное) и дискурсивные стратегии укрепления солидарности на основе конструирования «новой идентичности» и создания новых объединений с общими ценностями и опытом.

Данная работа представляет лингвополитологический анализ трех текстов институционального дискурса («Концепция внешней политики Российской Федерации», 2023; «Казанская декларация БРИКС», 2024; «Астанинская декларация ШОС», 2024), в которых выделяются средства репрезентации стратегии консолидации. Тексты отобраны на основании следующих критериев:

— общность цели (содействие «формированию всеобъемлющей, неделимой, открытой, транспарентной, многосторонней и равноправной архитектуры» многополярного мира; продвижение национальных интересов государств-членов международных организаций и объединений);

— концептуальная близость (общность идей развития многополярности и отрицания гегемонии);

— общая содержательная направленность документов (декларирование приоритетов развития на международной арене);

— относительная синхронность создания документов (2023—2024 годы).

В текстах отражены разные векторы продвижения национальных интересов России в международных институтах разного формата: регионального и глобального.

Методом лексикографического анализа выявляется набор слов (55 существительных, 25 прилагательных, 35 глаголов, 28 наречий), актуализи-

рующих семантику единения. Методом корпусного анализа с помощью программы автоматизированной обработки данных *Voyant tools* определяется частотность употребления этих единиц в отобранных текстах, осуществляется ранжирование лексем, позволяющее выделить в качестве доминирующей единицу *сотрудничество*. Методом корпусного и контекстного анализа выделяются и рассматриваются коллокации с лексемой *сотрудничество*; методом когнитивно-пропозиционального анализа определяются основные смысловые конструкты, определяющие реализацию стратегии консолидации в институциональном дискурсе: субъекты сотрудничества, атрибутивные характеристики субъектов (идеологическая позиция, пространственная локализация, то есть география), атрибутивные характеристики совместного действия (сферы сотрудничества); метод моделирования позволяет по текстовым данным конструировать модели консолидации.

Общенаучными методами сопоставления, анализа и генерализации фактов, полученных в ходе автоматизированной обработки текстов и их интерпретации, достигается главная цель исследования. Лингвополитический анализ текста, обобщающий предложенную методологию, позволяет выявить общее и различное в интерпретации стратегии консолидации, декларируемой в основных документах, которые отражают специфику институционального дискурса, где политическими акторами выступает, с одной стороны — отдельное государство (Российская Федерация), с другой стороны — международная организация (ШОС) и межгосударственное объединение (БРИКС).

3. Результаты и обсуждениее = Results and Discussion

3.1. Результаты лексикографического анализа

Ядром синонимического ряда, актуализирующего семантику объединения, является корневой элемент *един-* (*единство*, *единение*, *объединение*, *единый*, *объединенный*, *воссоединять*, *единить*, *соединять*(*ся*), *объединять*(*ся*)). С помощью онлайн-словаря синонимов русского языка [ССРЯ ОП] были выделены синонимичные существительные (*интеграция*, *связь*, *близость*, *союз*, *общность*, *солидарность*, *консолидация*, *содружество* и др.); прилагательные (*цельный*, *общий*, *коллективный*, *совместный*, *согласованный*, *солидарный*, *консолидированный*, *единодушный*, *неделимый*, *неразрывный*, *сплоченный* и т. д.); глаголы (*обобщать*, *связывать*, *интегрировать*, *консолидировать*, *агрегировать*, *группировать*, *коллективизировать согласовывать*, *кооперировать*, *сближать*, *сливать*, *спаивать* и др.); наречия (*вместе*, *коллективно*, *общими усилиями* / *общими силами*, *друг друга*, *сообща*, *взаимно*, *перекрестно* и нек. др.).

CC BY

Выявленные корневые элементы или другие части слов[1] были включены в поисковый запрос при автоматизированной обработке отобранных текстов, осуществлено ранжирование единиц по количеству употребления, ср. 15 наиболее частотных единиц в «Концепции...»[2]): ***сотруднич- — 75***, *един-* / *объедин-* / *соедин-* — 50, *взаим-* — 48, *общ-* / *сообщ-* — 45, *партнер-* — 36, *союз-* — 31, *связ-* — 23, *интегр-* — 16, *совет-* / *совещ-* — 15, *друг* / *друж-* — 10, *диалог* — 7, *соглас* / *соглаш-* — 6, *коллектив-* — 6, *солидар-* / *консолид-* — 6, *неделим-* — 5. Самой употребительной, как видно, явилась единица *сотруднич-*, что определило выбор для анализа данного репрезентанта концепции единения. Элемент *сотруднич-* в «Казанской декларации БРИКС» употребляется 110 раз (ср.: на втором месте — *связ-*, 48; на третьем — *общ-* / *сообщ-*, 41 и т. д.), в «Астанинской декларации ШОС» выявляется 53 употребления единицы *сотруднич-* (на втором месте — *взаим-*, 37; на третьем — *друг-* /*друж-*, 16 и т. д.). Очевидно, что наиболее актуальной в репрезентации стратегии консолидации являются лексемы с элементом *сотруднич-* (*сотрудничать*, *сотрудничество*).

3.2. Когнитивно-пропозициональная модель концепта *СОТРУДНИЧЕСТВО*

Анализ лексических единиц с семантикой единения, которые способствуют репрезентации стратегии консолидации через многостороннее сотрудничество, позволяет выстроить когнитивно-пропозициональную модель, содержащую следующие смысловые конструкты: субъекты сотрудничества (‘кто с кем солидаризируется посредством сотрудничества’, то есть политические акторы), атрибутивные характеристики субъектов (‘идеологическая позиция субъектов сотрудничества’, ‘пространственная локализация субъектов сотрудничества’, то есть их география), атрибутивные характеристики совместного действия (‘сферы сотрудничества’). Денонативная область семантики охватывает в качестве субъектов взаимодействия основные страны-участницы и организации (лексический план представляют имена собственные: наименования стран, международных организаций, межгосударственных объединений). В качестве идеологической составляющей выступают общие ценности и принципы, декларируемые в документах, основными репрезентантами политических ценностей являются слова-концепты *многополярный мир*, *суверенитет*, *невмеша-*

1 Ресурс *Voyant tools* не обладает опцией лемматизации единиц корпуса, но позволяет осуществлять поиск по корневым морфемам или частям слова, что позволяет обобщить количественные данные по всем словоформам.

2 При выявлении ключевой лексемы за основу была взята «Концепция внешней политики Российской Федерации», поскольку в центре внимания находятся национальные интересы России, завяленные в данном документе и по-разному реализованные в материалах, созданных иными политическими акторами.

CC BY

тельство, *сотрудничество, суверенное равенство*, *безопасность через диалог*, *экономическая интеграция*, *антитерроризм*, *инклюзивное развитие* и др.). Локализация субъектов сотрудничества денотативно представлена отдельными странами, территориальными объединениями стран в рамках международных организаций и объединений, отдельными регионами; лексическими репрезентантами являются имена собственные (*Евразия, Центральная Азия, Южная Азия, Восточная Европа, Китай, Ближний Восток* и др.). Особую роль здесь играют также номинации слов-концептов, формирующихся в современной политической картине мира: *Большая Евразия*, *Глобальный Юг*, *Глобальный Север* и под. Концептуально значимыми являются единицы с семантикой географического охвата сотрудничества: *региональный* vs. *глобальный*. Номинации денотативных сфер взаимодействия субъектов сотрудничества представлены наименованиями областей научного знания и его практического применения: *безопасность*, *экономика*, *наука*, *культура*, *экология*, *цифровизация*, *транспортная логистика*, *энергетика*, *здравоохранение* и т. д. Основные компоненты модели и средства их реализации отражены в таблице.

3.3. Интерпретация собранных данных

Выбранные для лингвополитологического исследования тексты институционального дискурса содержат значительный пласт лексики семантического поля единения, в котором ядерными компонентами являются слова: *единство*, *объединение*, *сотрудничество*, *интеграция, партнерство, содружество, дружеские связи, сплоченность, совместное развитие* и нек. др. Во всех трех документах активно используются данные лексемы, репрезентирующие стремление к сотрудничеству, взаимопомощи и консолидации. Следует, однако, отметить некоторые нюансы в употреблении указанных единиц:

— лексема *партнерство* подчеркивает равноправный характер взаимодействия и взаимозависимость, ср.: *Мы поддерживаем углубление экономического* ***партнерства***[1] *и транспортной* ***взаимосвязанности*** [АД СГГ ШОС];

— выражение *взаимовыгодное взаимодействие* актуализирует идею паритетности, значимости каждой стороны, рассчитывающей на получение пользы и выгоды от сотрудничества, ср.: *Россия выступает за укрепление многостороннего* ***сотрудничества*** *на основе уважения суверенитета и* ***взаимной*** *выгоды* [КВП РФ];

— лексема *сплоченность* наиболее актуальна в контексте рассмотрения вопроса о международной безопасности, ср.: *Государства-чле-*

1 Здесь и далее в примерах выделены лексемы с семантикой единения.

Таблица

Компоненты когнитивно-пропозициональной модели концепта СОТРУДНИЧЕСТВО
в документах институционального дискурса

Смысловой конструкт / **Документ**	**Субъекты сотрудничества (страны, международные организации и объединения)**	**Наименования пространственной локализации субъектов сотрудничества (политико-географический аспект)**	**Концепты-репрезентанты идеологических установок субъектов сотрудничества**	**Атрибутивная характеристика сотрудничества (наименования сфер взаимодействия субъектов)**
Концепция внешней политики РФ	РФ, СНГ, ООН, БРИКС, ШОС, ЕАЭС, ОДКБ, АТЭС, G20, БРИКС, АСЕАН, Африканские и Латиноамериканские страны	региональная и глобальная локализация (*Евразия*, *СНГ*, *БРИКС*, *развивающиеся страны*)	*многополярный мир*, *суверенитет*, *невмешательство*, *международное право*, *сотрудничество*	*безопасность*, *экономика*, *наука*, *культура*, *экология*, *цифровизация*, *борьба с терроризмом* и др.
Астанинская декларация ШОС	ШОС (страны Центральной Азии, РФ, Китай, Индия, Пакистан)	*Центральная Азия*, *Южная Азия*, *Восточная Европа*, *Китай*	*суверенное равенство*, *безопасность через диалог*, *экономическая интеграция*, *антитерроризм*	*безопасность* (борьба с терроризмом и экстремизмом), *экономика*, *транспорт*, *энергетика*, *здравоохранение*, *цифровизация*, *экология*
Казанская декларация БРИКС	БРИКС (РФ, Китай, Индия, Бразилия, ЮАР + новые члены: Эфиопия, Иран, ОАЭ, Египет, Саудовская Аравия, Аргентина)	Глобальный Юг (*Азия*, *Африка*, *Латинская Америка*), *Ближний Восток*	*многополярность*, *реформирование теряющих эффективность международных институтов* (*ООН*, *МВФ*), *инклюзивное развитие*	*экономика* (дедолларизация), *технологии*, *здравоохранение*, *образование*, *борьба с изменением климата*, *цифровая трансформация*, *устойчивое развитие*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ны ШОС подтверждают приверженность ***единству*** *и* ***сплоченности*** *в борьбе с терроризмом* [АД СГГ ШОС];

— единица *содружество* наиболее частотна в «Концепции внешней политики РФ», что обусловлено упоминанием Содружества независимых государств и созданного на его основе международного объединения Евразийский экономический союз (ЕАЭС);

— слово *интеграция* рассматривается, как правило, в экономическом ключе, ср.: *Активизируется формирование региональных и трансрегиональных механизмов экономической* ***интеграции*** *и* ***взаимодействия*** *в различных сферах, создание разноформатных* ***партнерств*** *для решения* ***общих*** *проблем* [КВП РФ];

— единицы *связи*, *сотрудничество* обычно фиксируют многосторонние отношения, ср.: *Объективными предпосылками для формирования новой модели* ***сосуществования*** *с европейскими государствами являются географическая* ***близость****, исторически сложившиеся глубокие культурно-гуманитарные и экономические* ***связи*** *народов и государств европейской части Евразии* [КВП РФ]; *Мы обязуемся продолжать укреплять гуманитарные* ***связи****, расширять многостороннее* ***сотрудничество*** *и разрабатывать совместные проекты в области туризма* [КД БРИКС]; *Государства-члены намерены и далее развивать сотрудничество в сферах политики и безопасности, торговли, экономики, финансов и инвестиций, культурных и гуманитарных связей...* [АД СГГ ШОС];

— единица *солидарность* наиболее частотна в «Казанской декларации БРИКС» при реализации идеи поддержки глобального Юга;

— слова *объединение*, *единомышленники*, *солидарность* свидетельствуют об идеологической близости стран-членов объединений, ср.: *БРИКС — это объединение единомышленников, стремящихся к справедливому миропорядку* [КД БРИКС] и т. д.

Таким образом, в рассмотренных документах доминирует лексика, репрезентирующая семантику единства через сотрудничество, взаимопомощь, получение взаимной выгоды, заинтересованность в совместном развитии и т. п., что отражает стремление к консолидации идеологически близких стран. Нельзя, однако, не отметить, что, несмотря на наличие во всех документах концентрированного внимания к стратегии консолидации и слову-концепту *сотрудничество*, при конструировании когнитивно-пропозициональной модели концепта выделяется ряд специфических для каждого документа особенностей.

Сравнительный анализ когнитивно-пропозициональных моделей, связанных с разными вариациями концепции сотрудничества и конструируемых на материале разных документов, позволяет сформулировать

CC BY

некоторые выводы. «Концепция внешней политики РФ» 2023 года, а также декларации ШОС и БРИКС 2024 года демонстрируют разные модели консолидации, каждая из которых отражает специфику взаимодействия с определёнными группами стран. «Концепция внешней политики РФ» при указании на многосторонность и разноуровневый (региональный и глобальный) характер сотрудничества делает акцент, с одной стороны, на постсоветском пространстве, с другой — на стратегическом партнерстве с Китаем и Индией. Россия стремится к укреплению связей с *ближним кругом*, а также со *стратегическими и идеологическими союзниками* во всем мире. Таким образом, «Концепция внешней политики РФ» выстраивает иерархию солидарности: на первом месте находится СНГ и Евразийский экономический союз (ЕАЭС), затем следуют БРИКС и ШОС, следующий уровень — отдельные страны Азии, Африки и Латинской Америки и т. д. Важно подчеркнуть, что при актуализации идеи союзничества и дружественности в «Концепции...» не постулируется резко противоположная позиция по отношению к оппоненту, ср.: *Россия не считает себя врагом Запада, не изолируется от него, не имеет по отношению к нему враждебных намерений и рассчитывает, что в дальнейшем государства, принадлежащие к западному* ***сообществу****, осознают бесперспективность своей конфронтационной политики и гегемонистских амбиций, примут во внимание сложные реалии многополярного мира и вернутся к прагматичному* ***взаимодействию*** *с Россией, руководствуясь принципами суверенного равенства и уважения интересов* ***друг друга****. На такой основе Российская Федерация готова к* ***диалогу*** *и* ***сотрудничеству*** [КВП РФ].

С точки зрения локализации в приоритете РФ находится сотрудничество со странами постсоветского пространства (*братскими народами*, *исторически близкими партнерами*), ср.: *Россия рассматривает государства СНГ как* ***ближайших союзников*** *и* ***партнеров****, отношения с которыми основаны на* ***общей*** *истории и* ***взаимных*** *обязательствах*; *Углубление* ***интеграции*** *в рамках ЕАЭС — стратегический выбор, направленный на создание* ***единого*** *экономического пространства* [КВП РФ]. На следующем уровне сотрудничества — Китай и Индия; «осторожное» взаимодействие планируется с Турцией, Ираном, Саудовской Аравией; также Россия планомерно открывает горизонты для сотрудничества в направлении отдельных стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Основными сферами сотрудничества являются следующие: военно-политическая интеграция через Организацию договора о коллективной безопасности и совместные учения со странами ОДКБ; экономическая кооперация через ЕАЭС посредством сотрудничества в первую очередь в области развития сырьевой отрасли (строительство газопроводов и т. п.)

CC BY

и осуществления рублевых взаиморасчетов; гуманитарные связи со странами постсоветского пространства осуществляются за счет продвижения русского языка и культуры (2023 год был объявлен Годом русского языка в странах СНГ [Решение СГГ СНГ]), а также за счет развития общего образовательного пространства. Россия, таким образом, позиционирует себя как *ядро евразийской интеграции*, делая ставку на политическую лояльность бывших советских республик и экономическое партнёрство с Китаем. Важно подчеркнуть, что в «Концепции...» в целом выделяется не менее 17 сфер сотрудничества с разными странами и регионами.

Траектория развития ШОС пролегает в направлении стран Центральной Азии, ср.: *Государства-члены подтверждают, что Центральная Азия является ядром ШОС* [АД СГГ ШОС]. При этом организация охватывает разные сферы сотрудничества, но фокусируется в первую очередь на таких приоритетах, как консолидация усилий для сохранения региональной безопасности и противодействия конкретным угрозам — терроризму, экстремизму, наркоторговле и т. д., ср.: *Государства-члены* ***солидарны*** *в признании необходимости совершенствования механизмов ШОС по противодействию вызовам и угрозам безопасности и расширения профильного* ***сотрудничества*** *по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а также с незаконным оборотом наркотиков, контрабандой оружия и другими видами транснациональной организованной преступности* [АД СГГ ШОС]. Не менее важным аспектом сотрудничества стран ШОС является экономическое взаимодействие, а также создание и развитие эффективных транспортных коридоров, развитие энергетической отрасли и т. д., ср.: *Государства-члены выступают за дальнейшее углубление ориентированного на людей* ***взаимодействия*** *по вопросам повышения благосостояния и уровня жизни населения на пространстве ШОС. Они считают важным продолжить реализацию Программы многостороннего* ***торгово-экономического сотрудничества*** [АД СГГ ШОС]. Важно подчеркнуть, что у ШОС имеются отчетливые идеологические ориентиры (ср.: *Государства-члены, опираясь на* ***близость*** *или* ***совпадение оценок*** *текущей региональной и международной повестки дня, подтверждают приверженность формированию более представительного, демократического, справедливого и многополярного миропорядка, основанного на общепризнанных принципах международного права, культурно-цивилизационном многообразии,* ***взаимовыгодном*** *и равноправном* ***сотрудничестве*** *государств при центральной* ***координирующей*** *роли ООН*), однако солидаризация стран ШОС выражается не в идеологических лозунгах, но в конкретных практических мерах против возможных вызовов и угроз.

CC BY

В тексте «Казанской декларации БРИКС» также используется лексика, репрезентирующая стратегию консолидации через сотрудничество, ср. выражения: *укрепление* / *развитие* / *углубление сотрудничества*, *содействие сотрудничеству*, *совместная работа*, *консолидация усилий* и др. Значительную роль в репрезентации идеи единения играет местоимение *мы*, которое формирует коллективную идентичность (см. подробнее: [Норман и др., 2016; Akbari Hamed et al., 2020; Wilk et al., 2024]). БРИКС «говорит» от лица альянса стран, но не отдельного государства, ср.: *Мы подтверждаем приверженность укреплению* ***координации***; *Мы признаем важность многополярного мира* и т. д. [КД БРИКС]. Многократное повторение местоимения *мы* способствует созданию эффекта коллективного субъекта, который действует согласованно, актуализирует идею равноправного партнерства. В отличие от таких организаций, в которых одно государство доминирует (например, США в G7 или НАТО), БРИКС намеренно использует языковой маркер *мы* для демонстрации равного участия всех членов, ср.: *Мы выступаем за реформу международных институтов* [КД БРИКС]. Местоимение *мы* выступает в координации с глагольными формами: *подтверждаем*, *поддерживаем*, *углубляем*, *стремимся* и под., что также акцентирует внимание на декларировании сплоченности и согласованности действий, ср.: *Мы полны решимости содействовать развитию сотрудничества*; *Мы подтверждаем приверженность укреплению координации*; *Мы вновь заявляем о нашей приверженности многосторонности и соблюдению международного права* и т. д. [КД БРИКС]. Таким образом, местоимение *мы* и соответствующие ему формы глаголов (чаще перформативных, что характерно для декларативных заявлений) в данном документе — это не просто грамматическая конструкция, это инструмент декларируемой консолидации не собрания отдельных стран, но единого коллектива, выступающего за многополярный мир (полицентричность), равноправие и справедливость.

Важно отметить, что в «Казанской декларации БРИКС» отражается своя специфика в интерпретации единения: акцент делается на экономическом сотрудничестве, глобальной многополярности и инклюзивности. Выражения: *углубление партнерства, инклюзивное развитие*, *диалог развитых стран и государств с формирующимся рынком на равной и взаимовыгодной основе, консолидация усилий в международных институтах* и под. — подчеркивают горизонтальную структуру взаимодействия без явного доминирования одной страны, указывают на попытку создать альтернативу западноцентричным структурам, отражают стремление к реформе мировой системы управления.

Ключевым аспектом понимания консолидации в «Казанской декларации БРИКС» является единение стран Глобального Юга. БРИКС стремит-

CC BY

ся сплотить развивающиеся страны против доминирования Запада в мировой экономике и политике через экономическое сотрудничество и создание альтернативных институтов (так, БРИКС продвигает Новый банк развития (НБР), предлагая странам Глобального Юга доступ к финансированию без жестких условий МВФ). Об этом свидетельствуют выражения: *Мы подчеркиваем необходимость реформирования нынешней международной финансовой архитектуры для решения глобальных финансовых проблем, включая глобальное экономическое управление, с тем чтобы сделать международную финансовую архитектуру всеобъемлющей и справедливой*; в *этой связи мы приветствуем инициативу по созданию новой инвестиционной платформы, позволяющей максимально эффективно задействовать существующую институциональную инфраструктуру НБР в целях увеличения притока инвестиций в страны БРИКС и механизмы Глобального Юга* и др. БРИКС, таким образом, консолидирует страны экономически и дипломатически, создавая альтернативу западным институтам.

4. Заключение = Conclusions

Проведённый лингвополитологический анализ трёх значимых для внешней политики России документов 2023—2024 годов позволил выявить разные модели консолидации, каждая из которых, с одной стороны, реализуется с помощью однотипного набора языковых средств, репрезентирующих идею единения через сотрудничество, с другой стороны, отличается спецификой в отношении стратегического развития Российской Федерации на международной арене. В «Концепции внешней политики РФ» одной из значимых является идея исторической и цивилизационной общности, которая реализуется через выражения *братские народы*, *союзничество*, *евразийская интеграция* и под., делается акцент на постсоветском пространстве как зоне безусловной солидарности. Модель консолидации, представленную в «Концепции внешней политики РФ», можно считать многоуровневой и масштабируемой, способной адаптироваться к различным уровням взаимодействия, однако при любом варьировании сохраняется ее концептуальная целостность и стратегическая направленность. Например, эта модель может масштабироваться от регионального уровня взаимодействия (СНГ) до межконтинентального (БРИКС+): нарративы используются общие, но акценты делаются разные.

В «Астанинской декларации ШОС» внимание сосредоточено на прагматической идее сохранения безопасности и взаимовыгодного сотрудничества (репрезентанты: *доверие*, *коллективная безопасность*, *транспортная связность* и др.), вектор консолидации изначально направлен на Центральную Азию и фокусируется на антитеррористической и эконо-

мической повестке. Эту модель можно назвать векторной и регионально-прагматической, сочетающей в себе антитеррористическую направленность и сфокусированность на экономической кооперации.

«Казанская декларация БРИКС» продвигает нарратив глобальной справедливости (объединяет страны, недовольные гегемонией Запада (ср.: *солидаризация Юга*, *взаимодействие со странами Глобального Юга*, *дедолларизация*, *многополярность* и др.). Такую модель можно назвать векторной и глобально-ориентированной, а также альтернативной по идеологическим установкам. Она направлена на консолидацию партнеров, многоплановое и многостороннее сотрудничество. Модель учитывает интересы всех участников, основывается на принципах равенства в экономике и политике, а также предоставлении равных возможностей для развития. Концептуальной основой такой модели является консолидация усилий, направленных на противостояние универсальности западных подходов, на борьбу с неоколониализмом и эксплуатацией.

Важно подчеркнуть, что сама идея о единстве и единении уходит глубокими корнями в традиции как минимум двух стран, которые играют ключевую роль в ШОС, БРИКС — России и Китая. Юй Даньхун, рассматривая китайскую концепцию о *культуре гармонии* и русскую идею *соборности*, подчеркнул, что в обеих традициях одинаково ценится гармония, сплоченность, способность находиться в согласии, что в настоящее время, когда Китай и Россия стремятся к обновлению своих традиций, *культура гармонии* находит отражение в идее построения гармоничного социалистического общества и в дипломатической концепции *Единой судьбы человечества*, а русская идея соборности воплощается в концепции Новой России, «направленной на объединение населения, пробуждение патриотизма, поддержание могущества страны и осуществление национального возрождения России» [Юй Даньхун, 2021, с. 155].

Данное исследование, предлагая модель анализа стратегии консолидации через языковые средства институционального дискурса, демонстрирует, как лексические маркеры единства (здесь: единства через сотрудничество) формируют политические нарративы. Дальнейшие исследования могут быть направлены на анализ аналогичных документов других объединений (НАТО, АСЕАН, Африканский союз и т. д.) для выявления универсальных и уникальных особенностей дипломатического дискурса XXI века.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. АД СГГ ШОС — *Астанинская* декларация Совета Глав Государств-членов Шанхайской Организации Сотрудничества [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://rus.sectsco.org/20240704/1420683.html (дата обращения 25.04.2025).

2. КД БРИКС — *Казанская* декларация БРИКС. Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности от 23 октября 2024 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://cdn.brics-russia2024.ru/upload/docs/%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf?1729693488382423 (дата обращения 25.04.2025).

3. КВП РФ — *Концепция* внешней политики Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации В. В. Путиным от 31 марта 2023 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (дата обращения 26.04.2025).

4. Решение СГГ СНГ — *Решение* Совета Глав государств СНГ об объявлении в Содружестве Независимых Государств 2022 года Годом народного творчества и культурного наследия, 2023 года — Годом русского языка как языка от 18 декабря 2020 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://cis.minsk.by/reestrv2/doc/6369#text (дата обращения 26.04.2025).

5. ССРЯ ОП — *Словарь* синонимов русского языка — онлайн подбор [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://sinonim.org/ (дата обращения 26.04.2025).

Литература

1. *Галимова Х. Н.* Семантический синтаксис и пропозиция как единица пропозиционного анализа текстов / Х. Н. Галимова // Балтийский гуманитарный журнал. — 2021. — Т. 10. — № 3 (36). — С. 249—252. — DOI: 10.26140/bgz3-2021-1003-0062.

2. *Гаврилова М. В.* Развитие содержательных форм концепта «единство» в русском политическом дискурсе XX—XXI веков / М. В. Гаврилова // Политическая лингвистика. — 2010. — № 4 (34). — С. 13—18.

3. *Громыко С. А.* Речевые репрезентации идеи единства в русском парламентском дискурсе начала XX века (на примере лексем единство и единение) / С. А. Громко // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 39—54. — DOI: https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-5-39-54.

4. *Джиоева В. П.* Реализация концептов *единство* / *иудзинад* в югоосетинском политическом дискурсе в ситуации русско-осетинсокго двуязычия / В. П. Джиоева, Т. Ю. Тамерьян // Политическая лингвистика. — 2017. — № 4. — С. 53—59.

5. *Дубровская Т. В.* Лексические маркеры единения в российских государственных программных документах : слова с морфемой *-един-* / Т. В. Дубровская // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2022. — Т. 19. — № 4. — С. 740—759. — DOI: 10.21638/spbu09.2022.406.

6. *Дубровская Т. В.* Прагмалингвистические средства конструирования коллективного прошлого в британском политическом выступлении / Т. В. Дубровская, Э. И. Юськаева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2020. — № 1. — С. 94—102. — DOI: 10.17308/lic.2020.1/2737.

7. *Кушнерева Д. А.* Тактика кооперации в политических речах Эвы Перон / Д. А. Кушнерева // Ученые записки Новгородского государственного университета. — 2021. — № 4 (37). — С. 431—436. — DOI: 10.34680/2411-7951.2021.4(37).431-436.

8. *Лаптева М. Л.* Особенности построения лексико-семантического поля концепта «сотрудничество» в политическом дискурсе / М. Л. Лаптева, О. А. Уразгалиева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Филология. Журналистика. — 2016. — № 3. — С. 56—59.

9. *Лики* единения в языке и дискурсе : монография / Т. В. Дубровская, А. Н. Кислицина, Т. В. Леонтьева, Л. Н. Ребрина, А. С. Семехина, А. В. Щетинина ; под ред. Т. В. Леонтьевой. — Екатеринбург : Ажур, 2022. — 292 с. — ISBN 978-5-91256-571-7.

10. *Норман Б. Ю.* Конструкции с местоимением МЫ : формирование актуальной или окказиональной коллективной идентичности / Б. Ю. Норман, А. М. Плотникова // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. — 2016. — № 6 (34). — С. 126—138. — DOI: 10.15293/2226-3365.1606.10.

11. *Пентегова А. В.* Концепт гуманитарного сотрудничества в современной системе международных отношений / А. В. Пентегова // Вестник Забайкальского государственного университета. — 2019. — Т. 25. — № 4. — С. 54—60. — DOI: 10.21209/2227-9245-2019-25-4-54-60.

12. *Раевская М. М.* Институциональный дискурс современной испанской монархии : стратегии и тактики воздействия в публичных выступлениях Филиппа VI / М. М. Раевская, И. В. Селиванова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2021. — № 18 (4). — С. 810—830. — DOI: 10.21638/spbu09.2021.411.

13. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 256 с.

14. *Фролова А. В.* Метафорическое моделирование образа будущего России в неинституциональном политическом Интернет-дискурсе США и Китая : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 5.9.8 / А. В. Фролова. — Екатеринбург, 2023. — 24 с.

15. *Юй Даньхун*. Китайская «культура гармонии» и русская «соборность» / Юй Даньхун // Проблемы Дальнего Востока. — 2021. — № 5. — С. 149—157. — DOI: 10.31857/S013128120016372-0.

16. *Akbari Hamed L. A.* Linguistic Devices of Identity Representation in English Political Discourse with a Focus on Personal Pronouns : Power and Solidarity / L. A. Akbari Hamed, B. Behnam // The Journal of English Language Pedagogy and Practice. — 2020. — Vol. 13. — № 26. — Pp. 205—229. — DOI: 10.30495/JAL.2020.677911.

17. *Cioce G.* The improvised language of solidarity : Linguistic practices in the participatory labour-organizing processes of multi-ethnic migrant workers / G. Cioce, M. Korczynski, D. Però // Human Relations. — 2022. — № 76 (12). — Pp. 1855—1880. — DOI: 10.1177/00187267221119775.

18. *Wilk P.* Constructing solidarity in discourse : a pragma-linguistic analysis of selected speeches by President Zelensky addressed to international community / P. Wilk, K. Molek-Kozakowska // East European Review. — 2024. — Vol. 15. — № 2. — Pp. 151—162. — DOI: 10.31648/pw.10870.

19. *Peled Y.* Solidarity and/in Language / Y. Peled // Global justice : Theory, Practice, Rhetoric. — 2024. — Vol. 14. — № 01. — Pp. 79—102. — DOI: 10.21248/gjn.14.01.261.

Статья поступила в редакцию 05.04.2025,
одобрена после рецензирования 04.07.2025,
подготовлена к публикации 19.07.2025.

Material resources

AD SGG SCO — *Astana Declaration of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organization.* Available at: https://rus.sectsco.org/20240704/1420683.html (accessed 25.04.2025). (In Russ.).

BRICS CD — *BRICS Kazan Declaration. Strengthening multilateralism for equitable global development and security dated October 23, 2024.* Available at: https://cdn .brics-russia2024.ru/upload/docs/%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf?1729693488382423 (accessed 25.04.2025). (In Russ.).

KVP RF — *The Concept of the foreign policy of the Russian Federation, approved by the President of the Russian Federation V. V. Putin on March 31, 2023.* Available at: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (accessed 26.04.2025). (In Russ.).

SSR OP — *Dictionary of synonyms of the Russian language — online selection.* Available at: https://sinonim.org/ (accessed 26.04.2025). (In Russ.).

The decision of the CIS State Council — *The decision of the Council of Heads of State of the CIS on declaring 2022 the Year of Folk Art and Cultural Heritage in the Commonwealth of Independent States, 2023 — the Year of the Russian Language as a Language dated December 18, 2020.* Available at: https://cis.minsk.by/reestrv2/doc/6369#text (accessed 26.04.2025). (In Russ.).

References

Akbari Hamed, L. A., Behnam, B. (2020). Linguistic Devices of Identity Representation in English Political Discourse with a Focus on Personal Pronouns: Power and Solidarity. *The Journal of English Language Pedagogy and Practice, 13 (26):* 205—229. DOI: 10.30495/JAL.2020.677911.

Chudinov, A. P. (2006). *Political linguistics.* Moscow: Flint: Nauka Publ. 256 p. (In Russ.).

Cioce, G., Korczynski, M., Però, D. (2022). The improvised language of solidarity: Linguistic practices in the participatory labour-organizing processes of multi-ethnic migrant workers. *Human Relations, 76 (12):* 1855—1880. DOI: 10.1177/00187267221119775.

Dubrovskaya, T. V. (2022). Lexical markers of unity in Russian government policy documents: words with the morpheme -one-. *Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature, 19 (4):* 740—759. DOI: 10.21638/spbu09.2022.406. (In Russ.).

Dubrovskaya, T. V., Yuskaeva, E. I. (2020). Pragmalinguistic means of constructing the collective past in British political speech. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural communication, 1:* 94—102. DOI: 10.17308/lic.2020.1/2737. (In Russ.).

Dzhioeva, V. P., Tamerian, T. Y. (2017). Realization of concepts unity / Judeo-Genocide in South Ossetian political discourse in the situation of Russian-Ossetian bilingualism. *Political linguistics, 4:* 53—59. (In Russ.).

Frolova, A. V. (2023). *Metaphorical modeling of the image of the future of Russia in the non-institutional political Internet discourse of the USA and China.* Author's abstract of PhD Diss. Yekaterinburg. 24 p. (In Russ.).

Galimova, H. N. (2021). Semantic syntax and proposition as a unit of propositional analysis of texts. *Baltic Humanitarian Journal, 10 / 3 (36):* 249—252. DOI: 10.26140/bgz3-2021-1003-0062. (In Russ.).

Gavrilova, M. V. (2010). Gavrilova, The development of meaningful forms of the concept of “unity” in the Russian Political Discourse of the XX—XXI centuries. *Political Linguistics, 4 (34):* 13—18. (In Russ.).

Gromyko, S. A. (2023). Speech Representations of Unity in Early 20th Century Russian Parliamentary Discourse: A Study of Lexemes ‘Edinstvo’ [Unity] and ‘Edinenie’ [Unification]. *Nauchnyi dialog, 12 (5):* 39—54. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-5-39-54. (In Russ.).

Kushnereva, D. A. (2021). Tactics of cooperation in Eva Peron’s political speeches. *Scientific Notes of the Novgorod State University, 4 (37):* 431—436. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.4(37) .431-436. (In Russ.).

Lapteva, M. L., Urazgalieva, O. A. (2016). Features of the construction of the lexico-semantic field of the concept of “cooperation” in political discourse. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism, 3:* 56—59. (In Russ.).

Leontieva, T. V. (ed.). (2022). *Faces of unity in language and discourse: a monograph.* Yekaterinburg: Azhur. 292 p. ISBN 978-5-91256-571-7. (In Russ.).

Norman, B. Y., Plotnikova, A. M. (2016). Constructions with the pronoun WE: the formation of an actual or occasional collective identity. *Bulletin of Novosibirsk State Pedagogical University, 6 (34):* 126—138. DOI: 10.15293/2226-3365.1606.10. (In Russ.).

Peled, Y. (2024). Solidarity and/in Language. *Global justice: Theory, Practice, Rhetoric, 14 (01):* 79—102. DOI: 10.21248/gjn.14.01.261.

Pentegova, A. V. (2019). The concept of humanitarian cooperation in the modern system of international relations. *Bulletin of the Trans-Baikal State University, 25 (4):* 54—60. DOI: 10.21209/2227-9245-2019-25-4-54-60. (In Russ.).

Raevskaya, M. M., Selivanova, I. V. (2021). Institutional discourse of the modern Spanish monarchy: strategies and tactics of influence in public speeches of Philip VI. *Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature, 18 (4):* 810—830. DOI: 10.21638/spbu09.2021.411. (In Russ.).

Wilk, P., Molek-Kozakowska, K. (2024). Constructing solidarity in discourse: a pragma-linguistic analysis of selected speeches by President Zelensky addressed to international community. *East European Review, 15 (2):* 151—162. DOI: 10.31648/pw.10870.

Yu Danhong. (2021). Chinese “culture of harmony” and Russian “conciliarity”. *Problems of the Far East, 5:* 149—157. DOI: 10.31857/S013128120016372-0. (In Russ.).

The article was submitted 05.04.2025;
approved after reviewing 04.07.2025;
accepted for publication 19.07.2025.

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования :

Кулькова М. А. Репрезентация прецедентных имен в языковом сознании немцев ФРГ и российских немцев / М. А. Кулькова, М. Ю. Васильева // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 6. — С. 53—72. — DOI : 10.24224/2227-1295-2025-14-6-53-72.

Kulkova, M. A., Vasilyeva, M. Yu. (2025). Representation of Precedent Names in Linguistic Consciousness of Germans in Federal Republic of Germany and Russian Germans. *Nauchnyi dialog, 14* (6): 53-72. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-53-72. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Репрезентация прецедентных имен в языковом сознании немцев ФРГ и российских немцев

Кулькова Мария Александровна [1]
orcid.org/0000-0002-1787-1406
доктор филологических наук, профессор
кафедры контрастивной лингвистики
mkulkowa@rambler.ru

Васильева Марина Юрьевна [2]
orcid.org/0009-0003-0781-7726
старший преподаватель кафедры
иностранных языков и перевода,
корреспондирующий автор
mvasilyeva-kazan@yandex.ru

[1] Казанский (Приволжский)
федеральный университет
(Казань, Россия)

[2] Казанский инновационный университет
имени В. Г. Тимирясова
(Казань, Россия)

Благодарности :
Исследование выполнено в Гиссенском университете им. Ю. Либиха в рамках программы DAAD «Международные партнерства в области германистики» (“Germanistische Institutspartnerschaft“) при значимой поддержке профессора, доктора Карстена Ганзеля и доктора Хосе Фернандеса Переса. Эксперимент среди российских немцев проведен при поддержке Международного союза немецкой культуры и лично Елены Кодылевой

Representation of Precedent Names in Linguistic Consciousness of Germans in Federal Republic of Germany and Russian Germans

Mariya A. Kulkova [1]
orcid.org/0000-0002-1787-1406
Doctor of Philology, Professor,
Department of Contrastive Linguistics
mkulkowa@rambler.ru

Marina Yu. Vasilyeva [2]
orcid.org/0009-0003-0781-7726
Senior lecturer, Department
of Foreign Languages and Translation,
corresponding author
mvasilyeva-kazan@yandex.ru

[1] Kazan (Volga region)
Federal University
(Kazan, Russia)

[2] Kazan Innovative University
named after V. G. Timiryasov
(Kazan, Russia)

Acknowledgments :
The study was carried out at the University of Giessen named after J. Liebig as part of the DAAD program “International Partnerships in the field of German Studies” (“Germanistische Institutspartnerschaft”) with the significant support of Professor, Dr. Carsten Gansel and Dr. Jose Fernandez Perez. The experiment among Russian Germans was conducted with the support of the International Union of German Culture and Elena Kodyleva personally

© Кулькова М. А., Васильева М. Ю., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуются прецедентные имена как национально-маркированные языковые единицы и культурные символы. Представлены данные свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 2022 году в группе немцев ФРГ и группе российских немцев. В качестве стимулов выступили прецедентные имена *Сталин* и *Екатерина II*. На базе полученных данных было сформировано ассоциативное поле. С применением методики семантической интерпретации ассоциатов выявлены психологически реальные значения указанных имен собственных. Привлечение российских немцев в качестве испытуемых обусловлено их уникальной, двойной идентичностью, находящейся на стыке немецкой и русской ментальностей. Экспериментально установлено, что представления о Сталине существенно различаются у исследуемых этнических групп. В языковом сознании немцев ФРГ имя Сталина связано прежде всего с географическим местоположением, национальной принадлежностью или прецедентным событием. Психолингвистическое значение имени *Сталин* у российских немцев обладает ярко выраженной негативной оценочностью и сопряжено с драматическими историческими процессами. Прецедентное имя *Екатерина II* имеет схожее коннотативное значение в обеих группах испытуемых и связано с политическим статусом правительницы, но отличие обнаруживается в представлениях о национальной принадлежности правительницы и ее роли в истории страны.

Ключевые слова:
прецедентное имя; языковое сознание; ассоциативный эксперимент; российские немцы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates precedent names as nationally marked linguistic units and cultural symbols. It presents data from a free associative experiment conducted in 2022 with two groups: Germans from the Federal Republic of Germany and Russian Germans. The stimuli for the experiment were the precedent names Stalin and Catherine II. Based on the collected data, an associative field was constructed. Utilizing semantic interpretation methodology, the psychologically salient meanings of these proper names were identified. The inclusion of Russian Germans as participants is justified by their unique dual identity, situated at the intersection of German and Russian mentalities. The experiment revealed significant differences in perceptions of Stalin between the ethnic groups studied. In the linguistic consciousness of Germans from the Federal Republic, the name Stalin is primarily associated with geographical location, national affiliation, or a precedent event. In contrast, the psycholinguistic significance of the name *Stalin* among Russian Germans carries a distinctly negative connotation and is linked to dramatic historical processes. The precedent name *Catherine II* exhibits a similar connotative significance across both groups but reveals differences in perceptions regarding the ruler's national identity and her role in the country's history.

Key words:
precedent name; linguistic consciousness; associative experiment; Russian Germans.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 81’373.231+81’23:39
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-53-72

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Репрезентация прецедентных имен в языковом сознании немцев ФРГ и российских немцев

© Кулькова М. А., Васильева М. Ю., 2025

1. Введение = Introduction

Экспериментальные ономастические исследования, разрабатываемые с 70-х годов XX века [Суперанская, 1975; Hartmann, 1984; Frank, 1980], способствовали становлению и развитию психоономастики и когнитивной ономастики в зарубежной и отечественной лингвистической традиции. Одной из первых работ, представивших имена собственные как объекты лингвистического эксперимента, стала работа А. В. Суперанской «Экспериментальные методы изучения восприятия имен» (1975), где речь шла об ассоциативном эксперименте со стимулами-топонимами. Дальнейшие разработки позволили значительное внимание уделить лингвокогнитивному аспекту изучения особой категории имен собственных — прецедентных имен, их отражению в сознании представителей различных лингвокультур на основе данных психолингвистических экспериментов [Воропаев, 2008; Подрезова, 2017; Попадинец, 2010 и др.].

Под *прецедентным именем* вслед за Г. Б. Мадиевой мы понимаем «индивидуальные имена, связанные, прежде всего, с широко известным художественным произведением, исторической личностью, политической фигурой, географической реалией, имеющими определенную ценность для народа, а также с конкретной ситуацией, широко известной носителям языка, воспроизводимой в коммуникации при определенных ассоциациях и узнаваемую коммуникантами» [Мадиева, 2004, с. 118]. Исследование имени собственного как культурно маркированной единицы обусловлено одним из важных его свойств — лексической незавершенностью [Kalverkämper, 1995] или «семантической дефектностью» [Васильева, 2006]. Насыщение собственного имени смыслами, его символизация происходит в тексте и речи на основе определенной лингвокультурной традиции [Васильева, 2006, с. 130; Левицкий, 2016, с. 238]. В отечественной лингвистике прецедентные имена принято причислять к прецедентным феноменам, которые, в свою очередь, являются основным элементом национальной

CC BY

когнитивной базы — совокупности знаний и представлений всех носителей языка. Следует отметить, что при наличии разных инвариантов восприятия прецедентного имени у носителей языка существует инвариант, «общий для всех членов данного культурного сообщества, включающий национально детерминированный набор признаков в минимизированном, редуцированном виде» [Прецедентное высказывание …, 1997, с. 84]. Д. Б. Гудков обозначает инвариант как «национально детерминированное минимизированное представление», включающее в себя дифференциальные признаки, атрибуты и оценку [Гудков, 1999, с. 306].

В зарубежной традиции прецедентные имена связываются с их употреблением в коннотативном значении [Birus, 1987; Kalverkämper, 1995; Siegfried, 2018; Thurmair, 2002], однако исследования коннотаций имен собственных, в отличие от сложившейся отечественной теории прецедентности, в отдельную теорию оформлены не были, на что указывают А. В. Дмитриева [Дмитриева, 2022, с. 4] и Э. В. Будаев [Будаев, 2020, с. 74]. Х. Кальверкемпер обозначает прецедентные имена как konnotationsstarke Namen, «имена с сильной коннотацией», которые связаны с традициями, культурным влиянием и событиями [Kalverkämper, 1995, с. 444]. М. Турмайр использует понятие Eigennamenschatz («запас имен собственных»), представляющее собой культурно-специфичное явление, при котором отдельные имена являются общеизвестными в рамках одной культуры и сочетают в себе как языковые, так и внеязыковые, энциклопедические знания. М. Турмайр обозначает экстралингвистические знания как коннотации, к которым относит географические (происхождение), религиозные (религиозная принадлежность) коннотации, коннотации возраста, социологические (социальный слой), политические и идеологические [Thurmair, 2002, с. 97]. Незнание коннотаций становится проблематичным для представителей иной лингвокультуры и приводит к «коннотативной нехватке» („konnotative Defizite“), невосполнимой с помощью лексикографических источников. На экстралингвистическую составляющую имен собственных указывали также отечественные исследователи Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров. Оним может нести в себе информацию о происхождении, социальной и стилевой принадлежности, употребительности, при этом «национально-культурный компонент свойствен именам собственным, пожалуй, даже в большей степени, чем апеллятивам» [Верещагин и др., 1980, с. 170].

Некоторые исследователи, считая коннотации неотъемлемым компонентом прецедентного имени, определяют их как ассоциативно-культурный фон [Drahota-Szabó, 2013; Бубнова, 2016; Максимчук, 2002], под которым понимается «сопутствующая информация, не входящая в непосредственное содержание онима», при этом сам термин отражает как культу-

CC BY

рологический характер фоновых знаний, так и основной способ их выявления — ассоциативный эксперимент [Бубнова, 2016, с. 27]. Развивая эту мысль, венгерско-немецкий исследователь Э. Драхота-Сабо приравнивает коннотативное значение к ассоциативному [Drahota-Szabó, 2013, с. 76].

Среди прецедентных имен выделяются универсальные, составляющие когнитивное пространство человечества, и сугубо национальные, составляющие национальную когнитивную базу, см. подробнее: [Красных, 1997, с. 137; Гудков, 2003, с. 102—104]. Данное функционально-семантическое деление обнаруживает сходство с делением имен собственных на общие и смысловые (значимые, индивидуальные), закрепленным в отечественной лингвистике [Виноградов, 2001, с. 152]. Если общие имена используются для обозначения индивидов той или иной страны и т. д., то значимые имена связаны с конкретными личностями, литературными персонажами, топонимами, за которыми закреплены определенные образ и представление. Ю. Н. Караулов выделил следующие характеристики прецедентного имени: индивидуальность, эмоциональная и информативная значимость, многократное обращение в дискурсе языковой личности [Караулов, 1987, с. 216]. Е. А. Нахимова, основываясь на результатах исследований прецедентных феноменов, выделяет несколько критериев, по которым имена собственные признаются прецедентными: связанность соответствующих имен с классическими произведениями, общеизвестность соответствующих феноменов или известность большинству членов лингвистического сообщества, регулярная воспроизводимость и использование имени в функции культурного знака [Нахимова, 2007, с. 56—57]. Особенностью функционирования прецедентного имени является его способность выступать в качестве особых культурных знаков или символов, см. подробнее: [Гудков, 2003; Красных, 2002; Нахимова 2007 и др.]. По мысли Е. А. Нахимовой, прецедентные имена являются «одним из инструментов трансляции “культурной памяти” народа от одного поколения к другому и одновременно способом объединения вокруг его культурных ценностей и нравственных идеалов» [Нахимова, 2007, с. 12].

Хотя термин *прецедентное имя* является уже устоявшимся в отечественной лингвистике, наряду с ним исследователями используются и другие, близкие по смыслу номинации: *монореферентные собственные имена* [Сапожникова, 2015], *«ядерные» онимы* [Ражина, 2007], *прецедентные ономастические реалии* [Гудий, 2016], *смысловые* (*значимые*, *индивидуальные*) *имена* [Виноградов, 2004]. Данные термины обозначают часть коллективно-образной картины мира, культурно маркированные единицы, содержащие в своей семантической структуре национально-культурный компонент и способные вызывать связанные с их референтами представления и ассоциации.

CC BY

В настоящей работе проводятся исследование репрезентации прецедентных имен в языковом сознании двух этнических групп — немцев ФРГ и российских немцев — и выявление ассоциативно-культурного фона прецедентных имен с использованием метода семантической интерпретации ассоциатов, полученных в ходе свободного ассоциативного эксперимента. Выбор российских немцев в качестве испытуемых обусловлен их амбивалентной или даже «множественной идентичностью» [Курске и др., 2011], национальной идентичностью на стыке двух ментальностей: немецкой и русской.

Примечательно в связи с этим высказывание Е. Зайферт о пограничной ситуации и своеобразии языкового и ментального положения российских немцев, по свойствам характера более близких немцам („Bei den Russlanddeutschen ist ein größerer Hang eher nach deutschen als russischen Eigenschaften festzustellen, was sich genetisch erklären lässt“) [Seifert, 2018, S. 76].

Под *языковым сознанием* мы вслед за Н. В. Уфимцевой понимаем «отражение человеческой деятельности в её обусловленности психическими (когнитивными) процессами и актуализацию этих отношений в коммуникации через посредство языкового знака» [САС, 2004, с. 632].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования служат данные свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 2022 году среди немцев, проживающих в Федеративной Республике Германия (ФРГ), и российских немцев, проживающих в Российской Федерации (РФ).

В эксперименте приняли участие 246 немцев ФРГ, из них 208 женщин (84,6 %), 38 мужчин (15,4 %), и 166 российских немцев, из них 122 женщины (73,5 %), 44 мужчины (26,5 %). Предъявление стимульного материала осуществлялось в письменной форме: в виде бумажного анкетирования для немцев ФРГ и в электронном виде с помощью Гугл-формы для российских немцев. Респондентам были предложены стимулы *Stalin / Сталин* и *Katharina die Große / Екатерина II*, на которые необходимо было написать первые пришедшие в голову ассоциации.

Выбор стимулов обусловлен тем, что в фокусе исследования находятся прежде всего российские немцы с учетом их уникальной истории. Екатерина II является для них значимой исторической фигурой, поскольку при ней был издан Манифест «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах», после которого в 1762—1763 годах происходит массовый переезд сельского населения из Германии. С принятием Манифеста немцы смогли заселить ранее не освоенные земли в России и получили беспрецедентные свободы и льготы (освобождение от налогов и несения

CC BY

военной службы, беспроцентные ссуды, свободу вероисповедания и т. д.) [История ...]. С именем И. В. Сталина связаны трагические события и драматические процессы в истории российских немцев: принудительная коллективизация и массовые репрессии в 1930-х годах, депортация 1941 года, ограничение прав в условиях спецпоселения после войны. По мнению Н. Паульзен, моментом окончания «национальной жизни» российских немцев стал изданный 28 августа 1941 года указ о депортации (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»). В этом же году была ликвидирована Автономная республика немцев Поволжья, а поволжские немцы переселены в Сибирь и Среднюю Азию [Paulsen, 2018, S. 52—53].

Стоит отметить, что прецедентное имя *Сталин* уже изучалось с применением ассоциативного эксперимента российскими учеными Д. В. Маховиковым и А. А. Степановой, однако исследование имени как идеологемы проводилось среди двух поколений русских — тех, чье языковое сознание было сформировано в советский и постсоветский периоды [Маховиков и др., 2016]. ***Новизна*** нашего исследования определяется тем, что впервые для рассмотрения данного прецедентного имени была привлечена группа российских немцев, обладающих ввиду своего уникального исторического положения особым взглядом на прошлое страны. Поскольку российские немцы имеют «двойную идентичность», значение прецедентных имен было рассмотрено в сравнении с другой этнической группой — немцами ФРГ.

В проведенном нами эксперименте на основе реакций, полученных на слово-стимул, было сформировано ассоциативное поле, состоящее из ядра — частотных ассоциатов — и периферии с единичными реакциями. По методике семантической интерпретации ассоциатов, разработанной И. А. Стерниным и А. В. Рудаковой [Стернин и др., 2011, с. 100—106], были выявлены психолингвистические значения, то есть значения, «реально функционирующие в языковом сознании носителей языка» [Стернин, 2018, с. 7]. Ассоциативные реакции интерпретировались как языковые репрезентации сем и были упорядочены в семантему от ядерного значения к периферийному по принципу яркости. В нашем исследовании для выделения ядерных и периферийных значений все значения с показателем выше 15 % были отнесены к ядерным, от 10 % до 15 % — к ближней периферии, от 5 % до 10 % — к дальней периферии и менее 5 % — к крайней периферии.

Представление прецедентного имени в ассоциативно-вербальной сети отличается от «ориентированной на лексикографический стандарт модели памяти» [Васильева, 2006, с. 70], поскольку, как указывает

Р. В. Попадинец, «использование прецедентных феноменов в речи носителя языка предполагает обращение к культурным фоновым знаниям и осуществляется в разных текстовых объемах, в разных формах, то есть при продуцировании и понимании соответствующих феноменов мы оперируем знанием, которое может быть вербализовано в коммуникации» [Попадинец, 2010, с. 10].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Репрезентация прецедентного имени *Сталин* в языковом сознании немцев ФРГ и российских немцев

По данным свободного ассоциативного эксперимента 2022 года, в группе немцев ФРГ на стимул *Stalin* были получены следующие реакции: *Russland* (Россия — здесь и далее перевод наш. — *М. К., М. В.*) *38, Diktator* (диктатор) *19, Stalingrad* (Сталинград) *17, Geschichte* (история) *16, Krieg* (война) *14, 2. Weltkrieg* (Вторая мировая война) *11, Kommunismus* (коммунизм) *10, UdSSR* (СССР) *5, Sowjetunion* (Советский Союз) *5, Macht* (власть) *5, Geschichtsunterricht* (урок истории) *4, Lenin* (Ленин) *4, Hitler* (Гитлер) *4, Kommunist* (коммунист) *4, böse* (злой) *3, Russe* (русский) *3, Orwell "1984"* (Оруэлл «1984») *2, Sozialismus* (социализм) *2, Herrscher* (правитель) *2, Machthaber* (повелитель) *2, schlecht* (плохой) *2, mächtig* (властный) *2, Staatsoberhaupt Russland 2. Weltkrieg* (глава России во время Второй мировой войны) *2, Weltkrieg* (мировая война*) 2, Staatsoberhaupt (ehemaliges)* (глава государства (бывший)) *2, Gulag* (Гулаг) *2, NS-Zeit* (время национал-социализма) *2, DDR* (ГДР) *2, machtsüchtig* (одержимый властью)*, russischer Führer* (русский руководитель*), russischer Präsident* (русский президент)*, russisch/ sowjetischer Diktator* (русский / советский диктатор)*, deutsch-russische Geschichte* (немецко-российская история)*, Kriegszeit* (военное время)*, Nachkriegszeit* (послевоенное время)*, Kalter Krieg* (Холодная война)*, Diktatur* (диктатура)*, zum Glück Geschichte* (к счастью, история)*, großer Teil der Geschichte* (большая часть истории)*, Vergangenheit* (прошлое)*, Schlacht um Stalingrad* (битва за Сталинград)*, Pakt von Stalingrad* (Сталинградский договор)*, brutal* (грубый*), Brutalität* (грубость)*, grausam* (жестокий)*, hart* (жесткий)*, negativ* (негативный)*, negativ besetzt* (негативно оцениваемый)*, Furcht* (страх)*, Abneigung* (неприязнь)*, schlechter Mensch* (плохой человек)*, Schmerz* (боль)*, schrecklich* (ужасный*), unangenehm* (неприятный)*, kein echter Kommunist* (ненастоящий коммунист)*, mit / gegen Hitler* (за / против Гитлера)*, Hitler-Stalin-Pakt* (договор Гитлера-Сталина)*, Oberhaupt* (глава)*, Politiker* (политик*), «Säuberungen»* («чистки»)*, Massenmord* (массовое убийство)*, Christenverfolgung* (преследование христиан)*, Mauerfall (*падение Берлинской стены)*, Gewalt* (насилие)*, Unterdrückung* (подавле-

ние), *Zwang* (принуждение), *Führer* (руководитель), *russischer Führer* (русский руководитель), *der eiserne Vorhang* (железный занавес), *Einschränkung* (ограничение), *Konflikt* (конфликт), *kontrovers* (противоречивый), *Reformen* (реформы), *Revolution* (революция), *Stalinismus* (сталинизм), *Offizier* (офицер), *Russisch* (русский).

На стимул *Сталин* в группе российских немцев были получены следующие реакции: *репрессии 24, тиран 18, вождь 16, убийца 9, депортация 7, диктатор 6, СССР 5, палач 5, страх 4, война 4, жестокий 3, злодей 3, преступник 3, террор 2, ужас 2, жесткий 2, плохой 2, изверг 2, победа 2, политический деятель 2, сильный 2, трудармия 2, гений 2, грузин 2, узурпатор 2, насилие 2, Ленин, герой, двоякий (наполовину справедливый), великий марксист, портрет, Загадочный лидер, занавес, история, Йося, голодомор, 1938, «Выселить с треском!», упырь, победа в ВОВ, победителей не судят, эшелоны, Ген секретарь Сов.союза, руководитель СССР, руководитель страны, Гулаг, трудовые лагеря, спецпоселение, смерть, ликвидация, бойня, темные тучи, темнота, деспот, вождь народов, русский вождь, Вторая мировая война, война с немцами, страшный, трагизм, культ личности, красное полотно, строгость, суровость, твердость, сильная личность, правитель, власть, мощь.*

В результате предъявления стимула *Stalin / Сталин* было получено 280 реакций в группе немцев ФРГ, включая 45 отказов, и 179 реакций в группе российских немцев, включая 9 отказов.

Психолингвистическое значение прецедентного имени *Stalin / Сталин* можно представить следующим образом (рис. 1, рис. 2):

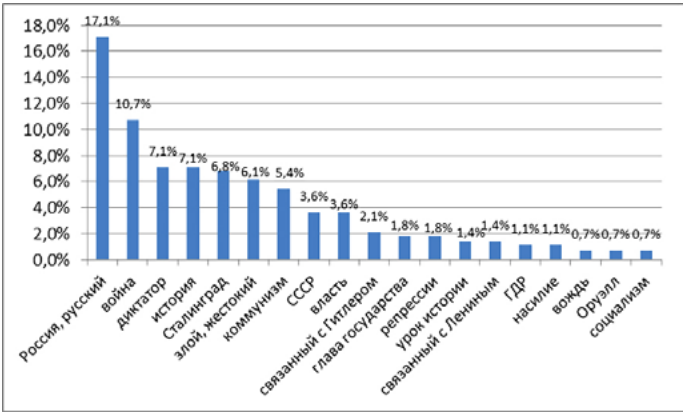


Рис. 1. Прецедентное имя *Сталин* в языковом сознании немцев ФРГ по данным ассоциативного эксперимента 2022 года

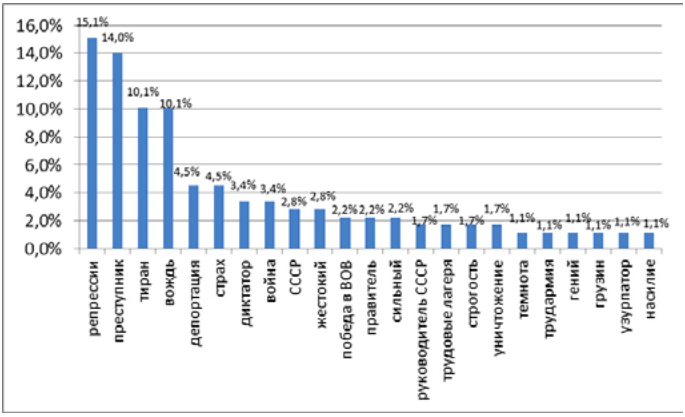


Рис. 2. Прецедентное имя *Сталин* в языковом сознании российских немцев по данным ассоциативного эксперимента 2022 года

Прецедентное имя *Сталин* в языковом сознании немцев ФРГ означает прежде всего *Россию, русского* (17,1 %), наиболее частотными ассоциатами являются *Russland* (38) и *Russe* (3). К ближней периферии значения относится *война* (10,7 %), актуализированная преимущественно реакциями *Krieg* (14) и *2. Weltkrieg* (11). Следует отметить высокую долю отказов: у 45 испытуемых среди немцев ФРГ отсутствуют ассоциации. В языковом сознании российских немцев прецедентное имя *Сталин* означает *репрессии* (15,1 %), наиболее яркими реакциями являются *репрессии* (24) и *террор* (2). На ближней периферии находятся значения с яркой негативной окраской: *преступник* (14 %), *тиран* (10,1 %), а также значение *вождь* (10,1 %). На дальней периферии у немцев ФРГ актуализируются значения с отрицательной оценкой — *диктатор* (7,1 %), *злой, жестокий* (6,1 %) — и значения, апеллирующие к определенным историческим событиям или прецедентным ситуациям, — *история* (7,1 %), *Сталинград* (6,8 %), *коммунизм* (5,4 %). В языковом сознании российских немцев на дальней периферии значения отсутствуют, в то время как на крайней периферии можно заметить амбивалентность значений: от значений с отрицательной оценкой *депортация* (4,5 %), *страх* (4,5 %), *жестокий* (2,8 %), *уничтожение* (1,7 %) до положительно окрашенных *победа в ВОВ* (2,2 %), *сильный* (2,2 %), *гений* (1,1 %). В языковом сознании немцев ФРГ на крайней периферии представлены значения, указывающие на статус: *глава государства* (1,8 %), *власть* (3,6 %), *вождь* (0,7 %) — или прецедентную ситуацию: *СССР* (3,6 %), *связанный с Гитлером* (2,1 %), *связанный с Лениным* (1,4 %), *социализм* (0,7 %), — а также негативно окрашенные значения: *репрессии* (1,8 %), *насилие* (1,1 %).

CC BY

Можно заметить, что в языковом сознании немцев ФРГ прецедентное имя *Сталин* отличается преимущественно нейтральной оценкой, его значения в ядре и на ближней периферии связаны с географическим местом (Россия) и конкретной, прецедентной ситуацией (Вторая мировая война). Для российских немцев имя *Сталин* обладает отрицательной оценкой и актуализируется в языковом сознании через драматические события: репрессии, террор, депортацию. При этом на крайней периферии оценочные значения противоречивы, присутствуют как положительные, так и негативные оценочно-эмоциональные реакции.

3.2. Репрезентация прецедентного имени *Екатерина II* в языковом сознании немцев ФРГ и российских немцев

По данным свободного ассоциативного эксперимента 2022 года, в группе немцев ФРГ на стимул *Katharina die Große* были получены следующие реакции: *Geschichte* (история) *18, Russland* (Россия) *13, Zarin* (царица) *9, Frau* (женщина) *7, starke Frau* (сильная женщина) *5, Königin* (королева) *5, Geschichtsunterricht* (урок истории) *5, Herrscherin* (правительница) *4, mächtig* (властная) *3, Deutsche* (немка) *3, Russin* (русская) *2, edel* (знатного происхождения) *2, eine große Regentin* (великая правительница), *Macht als Frau (*власть женщины), *Herrin* (барыня*), beeindruckende Herrscherin* (впечатляющая правительница), *Kaiserin?* (императрица?), *Kaiserin von Russland* (императрица России), *Kaiser* (император), *Russlandskönigin* (королева России), *Oberhaupt* (глава), *russische Zarin* (русская царица), *Zarin aus russischer Zeit* (царица из русских времен), *Frau des Zaren* (жена царя), *Zarenreich* (царство), *russisches Zarenreich* (русское царство), *Staatsoberhaupt Russland zu Zeiten 1. Weltkrieg* (глава России во время Первой мировой войны), *Fortschritt Russlands* (прогресс России*), Russlanddeutsche* (российская немка), *lange her* (давние времена), *Vergangenheit* (прошлое), *angesehene Frau in der Geschichte* (авторитетная женщина в истории), *bekannte Frauenfigur* (известная женская фигура), *Stärke* (сила), *starke Persönlichkeit* (сильная личность), *geschichtlich relevante Person* (важная в истории личность), *große Persönlichkeit* (великая личность), *war sie groß?* (она была великой?), *eine große Regentin* (великая правительница), *eine Frau, die eine wichtige Gestalt ist* (женщина, которая была значимой фигурой), *kein Geschichts-Leistungskurs* (не углубленный курс по истории), *Großes Reich* (великое царство), *Karl der Große* (Карл Великий), *wie Karl der Große?* (как Карл Великий?), *viele Liebhaber* (много любовников), *Sex mit Pferden* (секс с лошадьми), *Friedrich Schiller* (Фридрих Шиллер), *Heimat verlassen* (покинуть родину), *Kasachstan?* (Казахстан?), *Krieg* (война), *Legende* (легенда), *meine Cousine heißt so* (так зовут мою кузину), *schöner Name* (красивое имя), *Stein* (камень),

viele merkwürdige Gerüchte (много странных слухов), *Vorbild* (образец), *da habe ich einen Film gesehen* (я видел об этом фильм).

На стимул *Екатерина II* в группе российских немцев были получены следующие реакции: *императрица 29, немка 19, царица 15, манифест 15, великая 9, переселение немцев в Россию 6, королева 5, пригласила немцев 3, указ 3, мудрая 3, умная 3, мать 3, давшая земли для заселения немцами 2, корона 2, покровительница 2, великая императрица, прогрессивная императрица, Российско-немецкая императрица, императрица немецкого происхождения, императрица Австрийская, правитель, выдающийся правитель, Царевна, императрица немецкого происхождения, немецкая императрица, Немецкая культура, Российско-немецкая императрица, Говорила на немецком, немцы, немцы Поволжья, пригласила немцев заселяться в Российской империи и создавать немецкие поселения, «Я здесь по приглашению Екатерины II», дала надежду немцам на светлое будущее, дала жизнь немцам в России, появление немцев в России, привезла немцев в Россию, начало истории русских немцев, посодействовала появлению немцев в России, Великая женщина, великая императрица, просвещённая, образование, молодец, супер, большой вклад в развитие Российской империи, благо, гордость, справедливая, уникальная, изменения, инноватор, перемены, реформы, прогрессивная, феминистка, Германия, Царское Село, Цербст, Пруссия, Царицыно, Шлезвиг-Гольштейн, империя, шаг в будущее, дала надежду на светлое будущее, властная, власть, красотка, лгунья, своенравная, её портрет в моей гостиной, любимая роль в театре, врач, Дети мои, время, Ломоносов, любовники, перо, политик, родня, София.*

В результате предъявления стимула *Katharina die Große* / *Екатерина II* было получено 272 реакций в группе немцев ФРГ, включая 135 отказов, и 188 реакций в группе российских немцев, включая 4 отказа.

Психолингвистическое значение прецедентного имени *Katharina die Große / Екатерина II* можно представить следующим образом (рис. 3, рис. 4):

Если принять во внимание, что почти половина испытуемых среди немцев ФРГ ответила отказом, то есть у респондентов нет фоновых знаний, представлений и ассоциаций к имени Екатерины II, то надо заключить, что в языковом сознании немцев ФРГ данное прецедентное имя выражено слабо. На ближней периферии находится значение *царица, правительница* (13,2 %) с частотными реакциями *Zarin* (9) и *Königin* (5). Дальняя периферия представлена значениями *Россия, русская* (7,7 %), *история* (7,4 %) и *женщина* (5,9 %). Таким образом, в языковом сознании немцев ФРГ имя Екатерины II связано со статусом, географическим местоположением, общим историческим контекстом или половой принадлежностью.

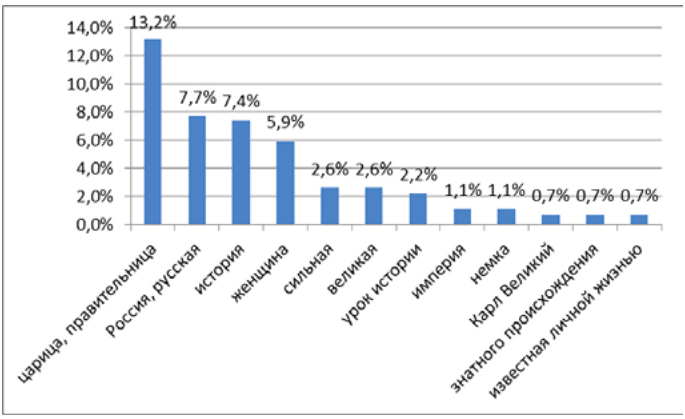


Рис. 3. Прецедентное имя *Екатерина II* в языковом сознании немцев ФРГ по данным ассоциативного эксперимента 2022 года

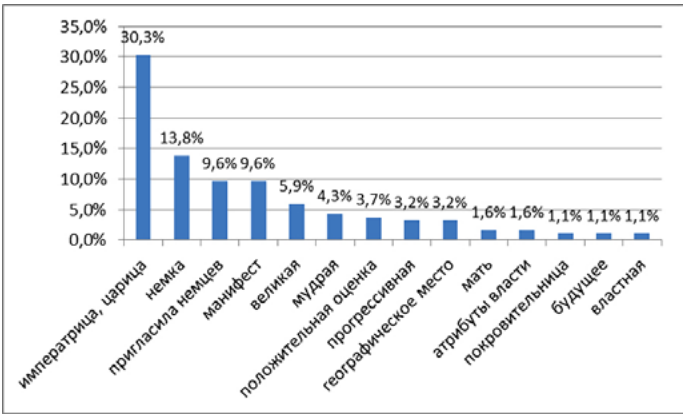


Рис. 4. Прецедентное имя *Екатерина II* в языковом сознании российских немцев по данным ассоциативного эксперимента 2022 года

Крайняя периферия преимущественно представлена значениями с положительной оценкой *сильная* (2,6 %), *великая* (2,6 %) и *знатного происхождения* (0,7 %). В языковом сознании российских немцев, в отличие от немцев ФРГ, имя Екатерины II представлено ярко и выражено в ядерном значении *императрица, царица* (30,3 %). На ближней периферии находится значение *немка* (13,8 %): в отличие от немцев ФРГ, считающей Екатерину II русской, для российских немцев важным становится германское про-

CC BY

исхождение правительницы. На дальней периферии в языковом сознании российских немцев находятся значения *пригласила немцев* (9,6 %) с частотным ассоциатом *переселение немцев в Россию* (6), *манифест* (9,6 %) и *великая* (5,9 %). На крайней периферии находятся значения, связанные с позитивной оценкой личного характера или деятельности императрицы: *мудрая* (4,3 %), *положительная оценка* (3,7 %), *прогрессивная* (3,2 %), *покровительница* (1,1 %) — и значение *географическое место* (3,2 %), объединяющее реакции, которые содержат указание на место происхождения или царствования Екатерины II. Можно заметить, что в языковом сознании российских немцев имя Екатерины II связано прежде всего с политическим статусом, местом происхождения и ключевыми историческими фактами, значимыми для истории немцев в России.

4. Заключение = Conclusions

Экспериментальное исследование прецедентных имен в группе российских немцев и группе немцев ФРГ выявило особенности значений и некоторые различия ассоциативно-культурного фона имен собственных в языковом сознании изучаемых этнических групп. Для немцев ФРГ имя Сталина связано прежде всего с географическим местоположением (Россия) и крупными историческими событиями — Второй мировой войной, Сталинградом, в языковом сознании российских немцев имя Сталина связывается с драматическими процессами — репрессиями, повлиявшими на историю российских немцев, и обладает ярко выраженной негативной эмоциональностью (ассоциаты *преступник*, *тиран*, *депортация*, *диктатор*). При этом если в языковом сознании немцев ФРГ актуализируются значения с нейтральной или негативной оценкой, психолингвистические значения у российских немцев варьируются от положительно окрашенных (ассоциаты *сильный*, *гений*) до негативных (реакции *страх*, *жестокий*, *уничтожение*).

Прецедентное имя *Екатерина II* слабо присутствует в языковом сознании немцев ФРГ, ввиду низкой релевантности его можно отнести к национальным прецедентным именам. Тем не менее психолингвистические значения в группе немцев ФРГ и российских немцев в ядре и на ближней периферии совпадают: обе группы испытуемых обозначают Екатерину II как царицу, правительницу, актуализируя в первую очередь политический статус. Национальная принадлежность относится к важным компонентам психолингвистического значения имени, при этом представления о национальности существенно различаются: если в восприятии немцев ФРГ Екатерина II относится к России и является русской, то российские немцы, напротив, считают ее немкой, вспоминая о происхождении немецкой прин-

CC BY

цессы. В языковом сознании российских немцев ярко выражены значения на дальней периферии: имя Екатерины II связано с ключевыми событиями в истории российских немцев — изданием Манифеста, своего рода приглашения для заселения и освоения территорий Российской империи, и последовавшим массовым переселением немцев в Россию. Следует отметить, что для обеих групп испытуемых имя Екатерины II обладает ярко выраженной положительной оценкой. Представленный алгоритм исследования репрезентации прецедентных имен позволил выявить ассоциативно-культурный фон, коннотативные значения значимых имен собственных в языковом сознании немцев ФРГ и российских немцев, обнаружив особенности фоновых знаний и представлений исследуемых этнических групп.

Заявленный вклад авторов : все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors :** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *История* российских немцев [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://geschichte.rusdeutsch.ru/ (дата обращения 17.02.2025).

2. САС — *Славянский* ассоциативный словарь : русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. — Москва : ИЯ РАН, 2004. — 792 с. — ISBN 5-7904-0366-2.

3. *Thurmair M.* Eigennamen als kulturspezifische Symbole oder : was sie schon immer über Eigennamen wissen wollten [Electronic resource] / M. Thurmair // Anglogermanica online, 2022. — Access mode : https://epub.uni-regensburg.de/25138/1/thurmair1.pdf. (accessed 10.03.2025).

Литература

1. *Бубнова Н. В.* Системный подход к исследованию ассоциативно-культурного фона ономастических единиц : от регионального к общенациональному уровню / Н. В. Бубнова // Вестник РУДН. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2016. — № 4. — С. 26—35.

2. *Будаев Э. В.* Кино как сфера-источник прецедентных имен в сми великобритании (2010—2019 гг.) / Э. В. Будаев // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. — 2020. — № 3. — С. 72—84. — DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-6.

3. *Васильева Н. В.* Антропонимы в ассоциативном словаре : к основам когнитивной ономатологии / Н. В. Васильева // Языковое бытие человека и этноса. — 2006. — № 11. — С. 67—72.

4. *Верещагин Е. М.* Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — Москва : Русский язык, 1980. — 320 с.

5. *Виноградов В. С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. — Москва : Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. — 224 с. — ISBN 5-98227-018-0.

6. *Воропаев Н. Н.* Прецедентные имена в китайско-язычном дискурсе / Н. Н. Воропаев // Вестник РУДН. Серия : Лингвистика. — 2008. — № 2. — С. 23—30.

7. *Гудий К. А.* Ономастическая реалия в комедиях «Тартюф» и «Недоросль» / К. А. Гудий // Вестник Тверского государственного университета. Серия : Филология. — 2016. — № 2. — С. 203—207.

8. *Гудков Д. Б.* Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Д. Б. Гудков. — Москва, 1999. — 400 с.

9. *Гудков Д. Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. — Москва : Гнозис, 2003. — 286 с. — ISBN 5-94244-007-7.

10. *Дмитриева А. В.* Прецедентные имена в текстах российской политической рекламы : лингвокультурологический и прагматический аспекты : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 00.00.00 / А. В. Дмитриева. — Екатеринбург, 2022. — 28 с.

11. *Прецедентное* высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко, В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация. — 1997. — Выпуск 1. — С. 82—103.

12. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Наука, 1987. — 261 с.

13. *Красных В. В.* Когнитивная база vs культурное пространство в аспекте изучения языковой личности (к вопросу о русской концептосфере) / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация : Сб. статей. — Москва : «Филология», 1997. — Выпуск 1. — С. 128—144. — ISBN 5-7552-0103-X.

14. *Красных В. В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология : курс лекций / В. В. Красных. — Москва : Гнозис, 2002. — 284 с. — ISBN 5-94244-009-3.

15. *Курске В. С.* Этническая идентичность российских немцев в начале XXI в. (по результатам Всероссийского опроса) / В. С. Курске, Т. Б. Смирнова // ЖССА. — 2011. — № 1. — С. 160—177.

16. *Левицкий А. Э.* Антропонимы как лингвокультурные маркеры / А. Э. Левицкий // Лингвокультурологические исследования : Язык лингвокультурологии : теория vs. эмпирия. — Москва : ЛЕНАНД, 2016. — С. 236—239.

17. *Мадиева Г. Б.* Имя собственное в контексте познания / Г. Б. Мадиева. — Алматы : Казак университеті, 2004. — 190 с. — ISBN 9965-12-966-5.

18. *Максимчук Н. А.* Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении / Н. А. Максимчук. — Смоленск : СГПУ, 2002. — Ч. 1. — 184 с. — ISBN 5-88018-297-5.

19. *Маховиков Д. В.* Идеологемы в языковом сознании русских : межпоколенческая специфика / Д. В. Маховиков, А. А. Степанова // Вопросы психолингвистики. — 2016. — № 4 (30). — С. 129—145.

20. *Нахимова Е. А.* Прецедентные имена в массовой коммуникации / Е. А. Нахимова. — Екатеринбург : ГОУ ВПО «Уральский гос. пед. ун-т», 2007. — 207 с. — ISBN 5-7186-0238-X.

21. *Подрезова Д. В.* Содержание прецедентного имени в языковом сознании носителей русского языка : борьба ценностей культуры и некультуры / Д. В. Подрезова //

Вестник МГПУ. Серия : Филология. Теория языка. Языковое образование. — 2017. — № 1 (25). — С. 113—119.

22. *Попадинец Р. В.* Прецедентное имя в сознании носителя русского языка : опыт психолингвистического исследования / Р. В. Попадинец. — Курск : Курск. гос.техн. ун-т, 2010. — 126 с. — ISBN 978-5-7681-0544-0.

23. *Ражина В. А.* Ономастические реалии (лингвокультурологический и прагматический аспекты) : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.19 / В. А. Ражина. — Краснодар, 2007. — 19 с.

24. *Сапожникова Л. М.* Национально-культурный компонент в семантической структуре монореферентных собственных имен (на материале немецкого языка) / Л. М. Сапожникова // Вопросы ономастики. — 2015. — № 1 (18). — С. 175—185. — DOI: 10.15826/vopr_onom.2015.1.009.

25. *Стернин И. А.* Психолингвистическое значение слова и его описание / И. А. Стернин, А. В. Рудакова. — Москва : Ламберт, 2011. — 192 с.

26. *Стернин И. А.* Исследование значения как феномена языкового сознания / И. А. Стернин. — Алматы : Полилингва, 2018. — 200 с. — ISBN 978-601-270-343-6.

27. *Суперанская А. В.* Экспериментальные методы изучения восприятия имен / А. В. Суперанская // Actes du XI-e Congrès international des sciences onomastiques. Sofia. — 1975. — T. 2. — С. 327—338.

28. *Уфимцева Н. В.* Языковое сознание : динамика и вариативность / Н. В. Уфимцева. — Москва : Институт языкознания РАН, 2011. — 252 с. — ISBN 978-5-905697-03-6.

29. *Birus H.* Vorschlag zu einer Typologie literarischer Namen / H. Birus // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik Jg. 17. — 1987. — H. 67. — S. 38—51.

30. *Drahota-Szabó E.* Realien — Intertextualität — Übersetzung / E. Drahota-Szabó. — Landau : Verl. Empirische Pädagogik, 2013. — 288 S.

31. *Hartmann T.* Untersuchung der konnotativen Bedeutung von Personennamen : ein theoretischer und empirischer Beitrag zur Psychoonomastik mit Hilfe eines konzeptspezifischen semantischen Differentials / T. Hartmann. — Neumünster : [b. i.], 1984. — 315 S.

32. *Frank R.* Das Image von Rufnamen. Eine Studie zur empirischen Psychoonomastik / R. Frank // Reader zur Namenkunde II. Anthroponymie / F. Debus, W. Seibicke. — Hildesheim, Zürich, New York : George Olms Verlag, 1993. — S. 277—294.

33. *Kalverkämper H.* Textgrammatik und Textsemantik der Eigennamen / H. Kalverkämper. — Berlin-New York : Walter de Gruyter, 1995. — S. 440—447.

34. *Paulsen N.* Erinnerung als Traumabewältigung in der Literatur der Russlanddeutschen : Einblicke in die Vergangenheit und Gegenwart der Literatur der Russlanddeutschen / N. Paulsen // Literatur der Russlanddeutschen und Erinnerung. — Okapi : Okapi Wissenschaft, 2018. — B. 1. — S. 33—67. — ISBN 978-3-947965-00-7.

35. *Seifert E.* Das ethnische Weltbild in der Literatur der Russlanddeutschen von der zweiten Hälfte des 20. bis Anfang des 21. Jahrhunderts / E. Seifert // Literatur der Russlanddeutschen und Erinnerung. — Okapi : Okapi Wissenschaft, 2018. — B. 1. — S. 69—96. — ISBN 978-3-947965-00-7.

36. *Siegfried I.* Personennamen als verkörperte Wissensansprüche / I. Siegfried // Namen und Geschlechter : Studien zum onymischen Un-doing Gender. — Berlin, Boston : De Gruyter, 2018. — S. 29—44.

Статья поступила в редакцию 11.04.2025,
одобрена после рецензирования 28.06.2025,
подготовлена к публикации 06.07.2025.

CC BY

Material resources

SAD — *Slavic associative dictionary: Russian, Belarusian, Bulgarian, Ukrainian.* (2004). Moscow: Institute of Physics and Technology of the Russian Academy of Sciences. 792 p. ISBN 5-7904-0366-2. (In Russ.).

The history of the Russian Germans. Available at: https://geschichte.rusdeutsch.ru/ (accessed 17.02.2025). (In Russ.).

Thurmair, M. (2022). Eigennamen als kulturspezifische Symbole oder: was sie schon immer über Eigennamen wissen wollten. *Anglogermanica online.* Available at: https://epub.uni-regensburg.de/25138/1/thurmair1.pdf. (accessed 10.03.2025). (In Germ.).

References

Birus, H. (1987). Vorschlag zu einer Typologie literarischer Namen. *Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik Jg. 17, 67:* 38—51. (In Germ.).

Bubnova, N. V. (2016). A systematic approach to the study of the associative and cultural background of onomastic units: from the regional to the national level. *Bulletin of the RUDN University. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics, 4:* 26—35. (In Russ.).

Budaev, E. V. (2020). Cinema as a sphere -a source of precedent names in the British media (2010—2019). *Scientific result. Questions of theoretical and applied linguistics, 3:* 72—84. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-6. (In Russ.).

Dmitrieva, A. V. (2022). *Precedent names in the texts of Russian political advertising: linguistic, cultural and pragmatic aspects.* Author's abstract of PhD Diss. Yekaterinburg. 28 p. (In Russ.).

Drahota-Szabó, E. (2013). *Realien — Intertextualität — Übersetzung.* Landau: Verl. Empirische Pädagogik. 288 S. (In Germ.).

Frank, R. (1993). Das Image von Rufnamen. Eine Studie zur empirischen Psychoonomastik. In: *Reader zur Namenkunde II. Anthroponymie.* Hildesheim, Zürich, New York: George Olms Verlag. 277—294. (In Germ.).

Gudiy, K. A. (2016). Onomastic reality in the comedies "Tartuffe" and "Nedorosl". *Bulletin of Tver State University. Series: Philology, 2:* 203—207. (In Russ.).

Gudkov, D. B. (1999). *Precedent phenomena in linguistic consciousness and intercultural communication.* Doct. Diss. Moscow. 400 p. (In Russ.).

Gudkov, D. B. (2003). *Theory and practice of intercultural communication.* Moscow: Gnosis. 286 p. ISBN 5-94244-007-7. (In Russ.).

Hartmann, T. (1984). *Untersuchung der konnotativen Bedeutung von Personennamen: ein theoretischer und empirischer Beitrag zur Psychoonomastik mit Hilfe eines konzeptspezifischen semantischen Differentials.* Neumünster: [b. i.]. 315 S. (In Germ.).

Kalverkämper, H. (1995). *Textgrammatik und Textsemantik der Eigennamen.* Berlin-New York: Walter de GruyterS. 440—447. (In Germ.).

Karaulov, Yu. N. (1987). *Russian language and linguistic personality.* Moscow: Nauka Publ. 261 p. (In Russ.).

Krasnykh, V. V. (1997). Cognitive base vs cultural space in the aspect of studying linguistic personality (on the issue of the Russian conceptual sphere). In: *Language, consciousness, communication: Collection of articles, 1.* Moscow: Philologiya Publ. 128—144. ISBN 5-7552-0103-X. (In Russ.).

Krasnykh, V. V. (2002). *Ethnopsycholinguistics and linguoculturology: a course of lectures.* Moscow: Gnosis. 284 p. ISBN 5-94244-009-3. (In Russ.).

Kurske, V. S., Smirnova, T. B. (2011). Ethnic identity of Russian Germans at the beginning of the XXI century (according to the results of the All—Russian survey). *ZHSSA, 1:* 160—177. (In Russ.).

Levitsky, A. E. (2016). Anthroponyms as linguistic and cultural markers. In: *Linguistic and cultural studies: The language of linguoculturology: theory vs. empiricism.* Moscow: LENAND Publ. 236—239. (In Russ.).

Madieva, G. B. (2004). *Proper name in the context of cognition.* Almaty: Kazak University. 190 p. ISBN 9965-12-966-5. (In Russ.).

Makhovikov, D. V. (2016). Ideologemes in the linguistic consciousness of Russians: intergenerational specifics. *Questions of psycholinguistics. 4 (30):* 129—145. (In Russ.).

Maksimchuk, N. A. (2002). *Normative scientific picture of the world of the Russian linguistic personality in a comprehensive linguistic examination, 1.* Smolensk: SSPU. 184 p. ISBN 5-88018-297-5. (In Russ.).

Nakhimova, E. A. (2007). *Precedent names in mass communication.* Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. un-t. 207 p. ISBN 5-7186-0238-X. (In Russ.).

Paulsen, N. (2018). Erinnerung als Traumabewältigung in der Literatur der Russlanddeutschen: Einblicke in die Vergangenheit und Gegenwart der Literatur der Russlanddeutschen. In: *Literatur der Russlanddeutschen und Erinnerung, 1.* Okapi: Okapi Wissenschaft. 33—67. ISBN 978-3-947965-00-7. (In Germ.).

Podrezova, D. V. (2017). The content of the precedent name in the linguistic consciousness of native speakers of the Russian language: the struggle between cultural values and non-culture. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Philology. Theory of language. Language education, 1 (25):* 113—119. (In Russ.).

Popadinets, R. V. (2010). *Precedent name in the mind of a native speaker of the Russian language: the experience of psycholinguistic research.* Kursk: Kursk State Technical University. Univ. 126 p. ISBN 978-5-7681-0544-0. (In Russ.).

Precedent statement and precedent name as symbols of precedent phenomena. (1997). *Language, consciousness, communication, 1:* 82—103. (In Russ.).

Razhina, V. A. (2007). *Onomastic realities (linguistic, cultural and pragmatic aspects).* Author's abstract of PhD Diss. Krasnodar. 19 p. (In Russ.).

Sapozhnikova, L. M. (2015). National-cultural component in the semantic structure of monoreferential proper names (based on the German language). *Questions of onomastics, 1 (18):* 175—185. DOI: 10.15826/vopr_onom.2015.1.009. (In Russ.).

Seifert, E. (2018). Das ethnische Weltbild in der Literatur der Russlanddeutschen von der zweiten Hälfte des 20. bis Anfang des 21. Jahrhunderts. In: *Literatur der Russlanddeutschen und Erinnerung. Okapi: Okapi Wissenschaft.* 69—96. ISBN 978-3-947965-00-7. (In Germ.).

Siegfried, I. (2018). Personennamen als verkörperte Wissensansprüche. In: *Namen und Geschlechter: Studien zum onymischen Un-doing Gender.* Berlin, Boston: De Gruyter. 29—44. (In Germ.).

Sternin, I. A. (2018). *Investigation of meaning as a phenomenon of linguistic consciousness.* Almaty: Polylingua. 200 p. ISBN 978-601-270-343-6. (In Russ.).

Sternin, I. A., Rudakova, A. V. (2011). *Psycholinguistic meaning of a word and its description.* Moscow: Lambert. 192 p. (In Russ.).

Superanskaya, A. V. (1975). Experimental methods for studying the perception of names. *Actes du XI-e Congrès international des sciences onomastiques. Sofia, 2:* 327—338. (In Russ.).

Ufimtseva, N. V. (2011). *Linguistic consciousness: dynamics and variability.* Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. 252 p. ISBN 978-5-905697-03-6. (In Russ.).

Vasilyeva, N. V. (2006). Anthroponyms in an associative dictionary: towards the basics of cognitive onomatology. *Linguistic existence of a person and an ethnic group, 11:* 67—72. (In Russ.).

Vereshchagin, E. M., Kostomarov, V. G. (1980). *Linguistic theory of the word.* Moscow: Russian Language. 320 p. (In Russ.).

Vinogradov, V. S. (2001). *Introduction to translation studies (general and lexical issues).* Moscow: Publishing House of the Institute of General Secondary Education of the Russian Academy of Education. 224 p. ISBN 5-98227-018-0. (In Russ.).

Voropaev, N. N. (2008). Precedent names in Chinese-language discourse. *Bulletin of the RUDN University. Series: Linguistics, 2:* 23—30. (In Russ.).

The article was submitted 11.04.2025;
approved after reviewing 28.06.2025;
accepted for publication 06.07.2025.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Мельничук О. А. Аксиология жанра электронной открытки-мотиватора: концепт уюта в русской и якутской лингвокультурах / О. А. Мельничук, В. Ф. Алексеева // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 6. — С. 73—91. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-73-91.

Melnichuk, O. A., Alekseeva, V. F. (2025). Axiology of Motivational E-Card Genre: Concept of Comfort in Russian and Yakut Linguocultures. *Nauchnyi dialog, 14* (6): 73-91. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-73-91. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Аксиология жанра электронной открытки-мотиватора: концепт уюта в русской и якутской лингвокультурах

Мельничук Ольга Алексеевна
orcid.org/0000-0002-5864-3434
доктор филологических наук, доцент,
кафедра французской филологии,
корреспондирующий автор
madrid03@mail.ru

Алексеева Валентина Федоровна
orcid.org/0009-0009-2722-9431
аспирант, кафедра
французской филологии
alekseeva_vf@mail.ru

Северо-Восточный федеральный
университет имени М. К. Аммосова
(Якутск, Россия)

Axiology of Motivational E-Card Genre: Concept of Comfort in Russian and Yakut Linguocultures

Olga A. Melnichuk
orcid.org/0000-0002-5864-3434
Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of French Philology
corresponding author
madrid03@mail.ru

Valentina F. Alekseeva
orcid.org/0009-0009-2722-9431
Postgraduate student,
Department of French Philology
alekseeva_vf@mail.ru

M. K. Ammosov North-Eastern
Federal University
(Yakutsk, Russia)

© Мельничук О. А., Алексеева В. Ф., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена одному из новых жанров виртуального дискурса — электронным открыткам-мотиваторам, пользующимся популярностью у старшей возрастной группы населения. Впервые комплексному анализу (жанровому, семантическому, семиотическому, когнитивно-интерпретативному) подвергаются электронные открытки-мотиваторы на русском и якутском языках. Проанализировано 1788 открыток-мотиваторов на русском и 800 на якутском языке. Источники отбирались при помощи метода сплошной выборки из мессенджера WhatsApp и социальной сети Pinterest с ноября 2023 по ноябрь 2024 года. Цель исследования — выявление вербальных и визуальных способов репрезентации ценностных концептов УЮТ и НУС БАРААН в текстах электронных открыток-мотиваторов. Выполняется моделирование концептуального поля УЮТ в обыденном сознании участников коммуникации. Показано, что концепт УЮТ в обыденном сознании участников русскоязычной коммуникации обладает такими когнитивными признаками, как приятное чувство и спокойствие, в первую очередь, в душевном пространстве, затем во временном континууме (время суток, дни недели) и удобство в доме. Отмечается, что идея уюта как ценности актуализируется в зимний период. В текстах якутоязычных открыток концепт НУС БАРААН (уют) вербально не объективирован, что позволило авторам высказать предположение о том, что либо в якутоязычном контенте данный концепт не репрезентирован, либо уют не представляет ценности для участников коммуникации.

Ключевые слова:
виртуальный дискурс; виртуальный жанр; открытка-мотиватор; концепт; уют.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores one of the emerging genres of virtual discourse — motivational e-cards, which have gained popularity among the older demographic. For the first time, a comprehensive analysis (genre-based, semantic, semiotic, and cognitive-interpretative) is conducted on motivational e-cards in both Russian and Yakut languages. A total of 1,788 Russian and 800 Yakut motivational e-cards were analyzed. The sources were selected through a comprehensive sampling method from the messaging platform WhatsApp and the social network Pinterest from November 2023 to November 2024. The aim of the study is to identify the verbal and visual means of representing the value concepts of Comfort and NUS BARAAN in the texts of motivational e-cards. The research models the conceptual field of Comfort within the everyday consciousness of communication participants. It is demonstrated that the concept of Comfort in the everyday consciousness of Russian-speaking participants is characterized by cognitive attributes such as pleasant feelings and tranquility, primarily within the emotional space, followed by the temporal continuum (time of day, days of the week), and convenience within the home. It is noted that the idea of comfort as a value is particularly emphasized during the winter season. In contrast, the texts of Yakut e-cards do not verbally represent the concept of NUS BARAAN (comfort), leading the authors to hypothesize that either this concept is not represented in Yakut content or that comfort does not hold value for communication participants.

Key words:
virtual discourse; virtual genre; motivational e-card; concept; comfort.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 81’42:004
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-73-91

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Аксиология жанра электронной открытки-мотиватора: концепт уюта в русской и якутской лингвокультурах

© Мельничук О. А., Алексеева В. Ф., 2025

1. Введение = Introduction

Виртуальный дискурс относится к новым видам дискурса наряду с компьютерным, электронным и интернет-дискурсом, статусы которых вызывают дискуссии: некоторые исследователи считают их синонимичными названиями одного вида, другие полагают, что это разные виды дискурсов [Лутовинова, 2009, с. 8]. Взяв за основу предложенное М. Ю. Олешковым определение дискурса как семиотического процесса совокупной коммуникативной деятельности и реализуемых в семиотическом пространстве текстов, как результата этой деятельности [Олешков, 2007, с. 12], мы предлагаем определить виртуальный дискурс как «совокупность текстов, которые создаются с помощью вербальных и невербальных знаков (поликодовые / креолизованные тексты) в виртуальном пространстве, имеющем определенную структуру и жанры, где участники коммуникации объединяются в рамках определенного типа общения» [Мельничук и др., 2024, с. 79]. Под ***поликодовыми текстами*** понимаются семиотически осложненные тексты, в которых вербальные и невербальные компоненты функционируют в едином семантическом и графическом пространстве [Громова, 2020; Сонин, 2006, с. 6; Хохловская и др., 2021 и др.]. Электронные открытки-мотиваторы (ЭОМ) также относятся к поликодовым текстам.

Пересылаемые при помощи мессенджеров открытки еще не получили общепризнанного названия. Мы не встретили филологических исследований, посвященных данному жанру виртуального дискурса. На интернет-сайтах можно встретить такие термины, как *электронная открытка, виртуальная открытка, мотивационные (мотивирующие) открытки, открытка мотиватор, открытки на каждый день.* Мы используем словосочетание *открытка-мотиватор на каждый день* поскольку в отличие от других открыток электронные открытки-мотиваторы пересылаются ежедневно (*Доброе утро! Добрый день! Спокойной ночи* и др.), часто со-

держат текст с пожеланиями или мотивирующими фразами. Подобные открытки очень популярны у людей пожилого возраста. Однако у адресатов отношение к открыткам-мотиваторам неоднозначное: одни относятся к этому относительно новому феномену равнодушно, других он раздражает *(«открыточные террористы», «бездушные открытки-поздравлялки ... засоряют память телефона»* [Бездушные открытки, 2019]), третьи считают его нарушением правил сетевого общения, четвертые относятся к открыткам-мотиваторам толерантно, с понимаем, не желая расстраивать своих мам, бабушек и дедушек. Многие открытки содержат пожелания, в которых передаются ценности и символы, актуальные для адресантов и адресатов подобных открыток. Интерпретация поликодовых текстов открыток-мотиваторов позволит выявить аксиологический аспект обыденного сознания определенного поколения людей, что определяет актуальность данного исследования.

Определение термина ***обыденное сознание*** зависит как от многомерности самого явления обыденного сознания, так и от различных философских, социологических, социокультурных и психологических концепций, см., например, [Мосиенко, 2014]. Мы под *обыденным сознанием* вслед за Б. Г. Мещеряковым и В. П. Зинченко понимаем «совокупность представлений, знаний, установок и стереотипов, основывающихся на непосредственном повседневном опыте людей и доминирующих в социальной общности, которой они принадлежат» [Мещеряков и др., 2007]. Обыденное сознание опирается на проверенные опытом ценности и имеет большое значение в установлении отношений между ценностями личности и ценностями социума [Федотов и др., 2016].

Цель данной работы заключается в выявлении вербальных и визуальных способов репрезентации ценностных концептов на примере концептов УЮТ / НУС БАРААН в текстах электронных открыток-мотиваторов, а также моделирование концептуального поля УЮТ в обыденном сознании участников коммуникации. Новизна исследования заключается в том, что в работе впервые подвергается концептуальному исследованию один из новых жанров виртуального дискурса — электронные открытки-мотиваторы как на русском, так и на якутском языках.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материал исследования — 1788 открыток на русском и 800 на якутском языке, отобранных методом сплошной выборки из мессенджера WhatsApp и социальной сети Pinterest с ноября 2023 по ноябрь 2024 года.

Для выявления ценностного содержания электронных открыток-мотиваторов, не имея на первом этапе исследования моделей ценностных кон-

цептов (включающих визуальные маркеры), мы воспользовались методом количественного анализа содержания вербальных текстов пожеланий, выбрав за единицу анализа ключевые слова, представляющие ту или иную ценность (например, *счастье, счастливый, счастливы* и др.).

Для выявления содержания концепта УЮТ были отобраны вербальные и визуальные маркеры, семантически связанные с данной ценностью. Был проведен семантический анализ вербальных маркеров, после чего маркеры были распределены по лексико-семантическим группам, составившим затем лексико-семантическое поле «Уют».

Для исследования визуальных маркеров применялся семиотический метод анализа. Соглашаясь с мнением Е. Е. Бразговской, утверждающей, что невербальные языки различных семиотических картин мира в сознании человека существуют благодаря вербальному языку [Бразговская, 2019, с. 83] и интерпретация «визуальных текстов совершается в форме их вербализации» [Там же, с. 120], мы осуществляем межсемиотический перевод, вербализуя изображения и распределяя их по визуальным семантическим группам. Затем в вербализованных именах визуальных семантических групп выделяем окказиональные семы в зависимости от контекста электронных открыток-мотиваторов и совмещаем их с лексико-семантическим полем «Уют», создавая визуально-семантическое поле «Уют». На последнем этапе группы, входящие в визуально-семантическое поле «Уют», подвергаются когнитивной интерпретации, и выводится структура концепта УЮТ. При когнитивной интерпретации иконический код рассматривается как символический и выделяются символические значения изображений.

Выбор концепта УЮТ для исследования обусловлен ограниченным объемом статьи. Маркеров, представляющих ценность «уют» в открытках-мотиваторах, в количественном отношении меньше, чем представляющих ценности «счастье», «здоровье», «доброта».

Среди немногочисленных исследований концепта УЮТ в русском языке следует назвать статьи, посвященные сравнительно-сопоставительному анализу данного концепта с его аналогами в европейских культурах [Чеснокова, 2013; Медведева, 2017]. Концепт УЮТ изучается на материале рекламных [Насибуллина, 2010; Пучкова, 2020] и художественных текстов [Моксиан, 2021].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1.1. Жанровые особенности электронных открыток-мотиваторов на каждый день

Относительно молодая теория виртуального жанроведения еще находится на стадии решения своих проблем [Горошко, 2011; Ульянова, 2014],

но поскольку объектом ее исследования является высказывание (текст) как единица дискурса, теория виртуального жанроведения правомерно заимствует положения из традиционной теории жанров. Мы понимаем под ***жанрами*** «определённые, относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [Бахтин, 1979, с. 241—242]. Учитывая, что в нашем случае речь идет о дискурсивном жанре, следует уточнить, что данный тип высказывания (текста) функционирует в рамках виртуального дискурса, подчиняясь его специфике.

Принимая во внимание неоднородность жанрового пространства, исследователи заимствуют из теории жанров и выделение таких образований, как гипержанр (речевая форма, объединяющая несколько жанров), субжанр (одноактное высказывание) и др. [Горошко, 2011, с.230; Ульянова, 2014, с. 107].

Ученые предлагают различные параметры выделения жанровой модели, см., например, [Горошко, 2011; Шипицына, 2009; Шмелева, 1997 и др.]. Представляется наиболее удобной обобщенная модель, предложенная Л. Ю. Шипицыной, которая учитывает, что коммуникация осуществляется посредством новых технологий в новой среде. Модель включает следующие параметры: прагматические (зачем? кто? кому? где?); медийные (чем?); структурно-семантические (что? в каком порядке?); стилистико-языковые (как? с помощью каких языковых средств?) [Шипицына, 2009, с. 172]. Представляется, однако, целесообразным заменить медийный параметр на дискурсивный, который будет указывать на специфику дискурса (в нашем случае — виртуального), не нашедшую отражения в данной модели; а также стилистико-языковой параметр — на поликодовый, добавив также анализ визуальных средств.

Жанровым особенностям открыток-мотиваторов мы посвятили статью «Электронные открытки мотиваторы как жанр виртуального дискурса» [Мельничук и др., 2024], где, в частности, отмечается, что электронная открытка-мотиватор на каждый день «является одним из жанров виртуального гипержанра открытки наряду с поздравительными открытками (ПО), открытками-постерами, рекламными открытками, видеооткрытками, “гифками” (Graphics Interchange Format) и др.» [Там же, с. 80].

Открытки-мотиваторы на каждый день имеют дискурсивные характеристики, общие для многих виртуальных жанров, такие как поликодовость (вербальный текст + рисунок / фотография), интерактивность (выполняя функцию приветствия, они предполагают ответ) и вирусность (способность к копированию открытки и пересылка одной и той же открытки разными адресантами) (о вирусности см.: [Шомова, 2019, с. 254]).

CC BY

Жанровые черты электронных открыток-мотиваторов по прагматическому параметру отличаются от особенностей других жанров открытки. В отличие от поздравительных открыток, открытки-мотиваторы: 1) отправляются с целью установления контакта (приветствие — *Доброе утро!*) или окончания контакта (прощание — *Спокойной ночи!*); 2) функционируют в бытовом общении; 3) пересылаются ежедневно. «Представляется, что рассылка подобных ЭОМ при помощи мессенджеров стала новой формой ежедневного приветствия» [Мельничук и др., 2024, с. 80]. Среди других функций подобных открыток можно отметить передачу ценностей в текстах пожеланий и сигнал о наличии контакта между адресатом и адресантом. Например, пользователь отмечает: *Мама постоянно шлет с добрым утром. Сначала бесило. Потом приняла как данность, начала по-другому на это смотреть. Прислала, значит жива и все в порядке. Я открываю, у нее отмечается, что я посмотрела и она тоже спокойна. … Не всегда есть время говорить по телефону*… (Рыбка 2 // На связи: форум, 2023) [АА].

Структурно-семантической особенностью электронных открыток-мотиваторов на каждый день является календарно-временная корреляция, которая проявляется как в вербальной части (*С зимним утром февраля! Легкого понедельника! и т. д.*), так и в визуальной, содержание которой зависит от смены времен года, месяцев, дней недель. Кроме того, в открытках-мотиваторах находят отражение национально-культурные особенности, например, на якутоязычных открытках (рис. 1, рис. 2) «изображаются представители местной флоры и фауны, якутские пейзажи, якутская национальная посуда с национальной едой и т. д.» [Мельничук и др., 2024, с. 81].

Рис. 1 Якутские лошади (аборигенная порода) на берегу реки Лены

CC BY

Рис. 2 Традиционный якутский сосуд — чорон
и н ациональное блюдо — строганина из свежезамороженной рыбы

Если говорить о поликодовом параметре, то следует отметить использование средств эпидейктического стиля в пожеланиях (оптативные конструкции, императивные формы и др.). Якутоязычный контент содержит как пожелания в императивной форме: *Үтүө күнүнэн! Ким да көрбөтөҕүн көр! Ким да истибэтэҕин иһит! Ким да кыайбатаҕын кыай! Ким да санаабатаҕын санаа!) (Добрый день! Увидь то, что никто еще не видел! Услышь то, что никто еще не слышал! Сделай то, что не сможет каждый! Думай о том, о чем еще никто не думал!)* (здесь и далее перевод наш. — *В. А.*), так и благословения (благопожелания) в форме алгыса, вида обрядовой поэзии якутского фольклора [Дмитриева, 2012]: *Үүммүт күнҥэ Айхал! Сандал күнҥэ Махтал! Ыраас салгыҥҥа Уруй! Саҥа санаа салалыллын! Барыта этэҥҥэ буоллун! Үтүө сарсыарданан! (Слава новому дню! Спасибо лучезарному дню! Славься свежий воздух! Пусть придет новая мысль! Пусть все будет хорошо! С добрым утром!*).

Что касается ценностного содержания русскоязычных открыток, то первое место занимает ценность *счастье* (14 %), затем в порядке убывания: *здоровье* (9 %), *радость* (8 %), *удача* (8 %), *добро* (7 %), *уют* (6 %), *удовольствие* (5 %), *дом* (5 %), *любовь* (4 %), *прекрасное* (4 %), *чудо* (4 %), *успех* (3 %), *мир* (2 %), *позитив* (2 %), *выходные* (2 %) и др. В якутоязычном контенте первое место занимает ценность *чэгиэн* (описание тела, здоровья человека) (7 %), на втором месте ценности *үтүө, үөрүү* (радость) (5 %), *дьол* (счастье) (5 %) и *чэбдик* (физическое состояние человека, напр. *чэбдик турук* (здоровое состояние)) или же описание природного явления,

например: *чэбдик салгын* (свежий воздух) (5 %). Далее в порядке убывания *үтүө* (добро) (4 %), *ситиһии* (успех) (4 %), *доруобуйа* (здоровье) (3 %), *чэй* (3 %), *соргу* и *саргы* (счастье) (2 %), *кэрэ* (красота) (2 %), *дьиэ* (дом) (2 %), *үйгу* (изобилие, богатство) (0,4 %).

Согласно А. Маслоу, современный человек имеет три уровня ценностей: 1) общечеловеческие ценности, которые являются основой для формирования общих для всех людей ценностей, так как они являются фундаментальными потребностями нашего организма; 2) ценности определённой группы людей; 3) ценности «специфических индивидов». Он трактует ценность как избирательную установку, которая является производной от потребностей [Маслоу, 1997, с. 186—228]. Русскоязычные и якутоязычные электронные открытки-мотиваторы транслируют как общечеловеческие ценности (добро, счастье, мир, красота, любовь, здоровье, радость, успех, удача), так и ценности определенной группы людей, в том числе материальные (уют, дом, тепло, красота, материальный достаток).

3.1.2. Ценностное содержание концепта УЮТ в бытовом сознании представителей русскоязычной культуры

Исследователи отмечают, что в русском языке слово *уют* появляется в словарях только с 1794 года [Черных, 1999, с. 298].

Толковые словари русского языка дают следующие определения слова *уют*: «удобство, благоустроенность в домашней обстановке, в быту» [СРЯ, 1988, с. 546]; «...приют; укромность, поместительность и удобство; тепло в покоях, подручность всего нужного, комфорт» [Даль, 2003, с. 335]; «1. Удобство, благоустроенность в домашней обстановке, в быту. 2. Чувство покоя, комфортность» [БТСРЯ, 2003, с. 1412]; «удобный порядок, приятная устроенность быта, обстановки» [Ожегов и др., 2007 с. 847]; «совокупность удобств в устройстве жилища, комнаты; комфорт [Ушаков, 2015, с. 716].

Прилагательное *уютный* трактуется в словарях как: 1) обладающий уютом, такой, в котором удобно и приятно находиться, дающий уют (о комнате, доме, саде) [СРЯ, 1988, с. 546; БТСРЯ, 2003, 1412; Ожегов и др., 2007, с. 847; Ушаков, 2015, с. 716]; 2) свидетельствующий об уюте, располагающий к уюту (о свете, тишине, полумраке и т. д.) [СРЯ, 1988, с. 546; БТСРЯ; 2003, 1412]; 3) *(разг.)* располагающий к себе спокойствием, простотой и мягкостью (о человеке) [СРЯ, 1988, с. 546;].

Т. С. Медведева и Д. И. Медведева, исследующие концепт УЮТ в лингвоевропейских культурах, отмечают, что этимологически во внутренней форме слова *уют* содержится «идея небольшого ограниченного пространства, укрытия» [Медведева и др., 2017, с. 81], это объясняет тот факт, что базовые значения слов *уют* и *уютный* связаны с характеристикой помещения, жилого пространства.

CC BY

Концепт УЮТ и концепт ДОМ в трудах ученых рассматриваются как взаимосвязанные [Степанов, 2004, с. 694; Насибуллина, 2010; Пучкова, 2020; Шмелькова, 2022], при этом в русском литературном языке выделяются такие его признаки, как отгороженность от опасного внешнего мира, покой, спокойствие; тепло и домашний очаг; небольшое пространство, маленькие размеры; семья, близкие люди, связь с представлением о чем-то *родном* [Шмелев, 2002, с. 79—80; Моксиан, 2021, с. 126—127]. Некоторые исследователи отмечают, что, в отличие от синонимичного понятия «комфорт», понятие «уют» включает еще психологический компонент: состояние человека, чувства, ощущения (чувство защищенности, приятное чувство, чувство покоя, спокойствие) [Насибуллина, 2010, Медведева и др., 2017 Пучкова, 2020, с. 179].

Таким образом, в словарных дефинициях можно выделить следующие первичные (основные) значения: ‘удобство’ (помещения, обстановки) для существительного *уют,* ‘удобный, приятный’ (о помещении, обстановке) для прилагательного *уютный*. Кроме того, прилагательное *уютный* имеет переносные значения: для характеристики объекта — ‘приятный, спокойный’ (свидетельствующий об уюте, располагающий к уюту — свет, тишина и др.); для характеристики человека — ‘приятный, спокойный’ (располагающий к себе человек).

Концепт УЮТ, исследованный на материале художественных и рекламных текстов, имеет следующие признаки: ‘небольшое пространство, отгороженное от опасностей внешнего мира, вызывающее чувство покоя, спокойствия’, ‘связь с близкими людьми’.

Далее рассмотрим признаки концепта УЮТ в бытовом сознании отдельной группы людей в возрасте старше 55 лет — отправителей и получателей электронных открыток-мотиваторов.

Мы проанализировали 1788 открыток на русском языке, пересылаемых с ноября 2023 года по ноябрь 2024, из них 95 содержат вербальные маркеры концепта УЮТ. Вербально концепт УЮТ репрезентируется существительным *уют* (32 маркера): *Доброты, любви, уюта!,* прилагательным *уютный* (43): *Пусть день будет добрым, … дом уютным…*, наречием *уютно* (15), например: *Пусть всегда- и вечером, и утром, Будет радостно, душевно и уютно!* Наиболее часто встречающиеся коллокации, то есть типичные, ожидаемые сочетания слов [Архипов, 2013, с. 109] — ***уютный дом*** (2): *Добрый вечер! Пусть дом будет уютным…*; ***уютный отдых*** (3): *Добрый вечер! Уютного и спокойного отдыха!*

Мы построили лексико-семантическое поле «Уют», в которое вошли 97 лексических единиц-маркеров (слов и словосочетаний), распределенных по трём лексико-семантическим группам: «Уют в душе» — 42 ЛЕ,

CC BY

«Уютное время (суток, недели)» — 33 ЛЕ, «Уютная обстановка дома» — 22 ЛЕ.

Таким образом, в структуре поля «Уют» в ядре располагается ЛСГ «Уют в душе» (44 %), за ним следуют «Уютное время (суток, недели)» (30 %) и «Уютная обстановка дома» (26 %).

3.1.3. Лексико-семантическая группа «Уют в душе»

Эта группа находится в ядре поля «Уют». Выражение ***уют в душе*** означает состояние внутреннего покоя, гармонии и удовлетворенности. Лексико-семантическая группа включает следующие маркеры: ***уют / уюта в душе*** (18 маркеров) (*Уюта в душе, счастья в доме!),* ***уютно в душе*** (5) (*Доброе утро! Всё-таки какое это счастье, когда у тебя по- настоящему спокойно и уютно в душе…!*), ***уютно на душе*** (6) (*Добрый вечер! Пусть будет удивительно тепло и уютно на душе!*); ***уют в душе*** (5) *(Пусть в душе будет уют. С добрым утром!);* ***уюта на душе*** (5) (*Доброго вечера! Тепла и уюта на душе!*), ***уют / уюта душе*** (3) (*Доброе утро! Тепла и уюта вашему дому, вашей душе!*).

3.1.4. Лексико-семантическая группа «Уютное время (суток, недели)»

Уют связывают с приятным, спокойным временем суток, выходными, когда можно отстраниться от повседневной суеты и насладиться простыми радостями жизни. Коллокация *уютный вечер* употребляется чаще всего (15): *Уютного вечера! Замечательного отдыха!* Уютными могут быть выходные, они описываются контрастно по отношению к рабочим будням. Обычно *уютных выходных* желают осенью и зимой (10): *Уютных вам ноябрьских выходных!* Коллокация *Уютного дня* употребляется не так часто (3): *Уютного дня и теплого настроения!*

Осень и зима тесно ассоциируются с уютом. Уютным может быть осеннее утро: *Уютного осеннего утра! Прекрасных осенних выходных!* Пожелание *уютной осени* встречается 5 раз: *Доброе утро! Теплой и уютной осени!*

3.1.5. Лексико-семантическая группа «Уютная обстановка дома»

Пожелания уюта дому встречаются реже: ***уюта дому*** (11 маркеров), ***уют в доме*** (4): *Доброе утро! …тепло, любовь, уют в вашем доме пусть живут!* Сюда же можно отнести наречие *уютно* (3): *Пусть в доме зажгутся свечи, Уютно обнимет плед…* — и прилагательное *уютный* (2): *Пусть дом будет уютным…*

В наивно-языковых представлениях, уют может иметь запах, говорят: ***пахнет уютом*** (2). Приятные запахи ароматических свечей, благовоний, кофе делают помещение уютнее: *Доброе утро! Пусть в вашем доме всегда пахнет счастьем и уютом!*

CC BY

3.1.6. Визуальные маркеры

Среди визуальных маркеров уюта выделяется изображение чашки с кофе (168 маркеров), реже — чашки с чаем (58) или какао (9). Частыми изображениями, также входящими в визуально-семантическое поле «Уют», являются вещи, связанные с жилищем: дом со светящимися окнами (15), домашняя выпечка (54), кошка (35), вязаные вещи (28), плед (11).

Представляется, что при вербализации изображений можно выделить их коннотативные «семы», например, чашка с кофе означает приятный, вкусный, тепло, удовольствие для души, то есть уют в душе, или приятный запах (уют в доме). Домашняя выпечка с вкусным запахом, дом со светящимися окнами, кот — уют в доме, вязаные вещи и мягкий плед — тепло, уют в доме.

Таким образом, изображения чашки с кофе или чашки с чаем являются основными символами уюта. Однако надо отметить, что эти изображения могут иметь несколько символических значений в зависимости от вербального контекста, например, чашка с кофе может репрезентировать концепты СЧАСТЬЕ и ТЕПЛО, чашка с чаем — концепты ЗДОРОВЬЕ и ТЕПЛО.

3.1.7. Когнитивные признаки концепта УЮТ

Визуально-семантическое поле «Уют» позволило выявить, что адресанты открыток-мотиваторов, используя существительное *уют*, прилагательные *уютный* и *спокойный*, наречие *уютно*, воспринимают время суток, дни недели, а также душу как пространство, к которому приложимы такие же характеристики, как и к уютному домашнему пространству (приятный, спокойный). В связи с этим представляется, что концепт УЮТ в обыденном сознании отправителей электронных открыток-мотиваторов имеет такие когнитивные признаки, как «уют в душевном пространстве» (183 вербальных и визуальных маркера, 56 %); «уют во временном пространстве» (89; 27 %); «уют в домашнем пространстве» (52; 16 %).

В результате построения визуально-семантического поля «Уют», с учётом вербальных и визуальных маркеров и интерпретации его групп как когнитивных признаков (КП), КП «уют в душевном пространстве» (183) расположился в ядре поля концепта УЮТ. КП «уют во временном пространстве» (89) находится в приядерной зоне. КП «уют в домашнем пространстве» (52) располагается на периферии. Маркеры, репрезентирующие данный признак, обладают меньшей частотностью и яркостью. На рисунке 3 представлена структура поля концепта УЮТ.

Стоит отметить, что пожелания уюта больше востребованы в осенний и зимний периоды, когда пледы, чашки с горячим кофе или чаем, вязаные вещи воспринимаются как предметы, приносящие приятные ощущения, становятся символами уюта, ассоциируясь с теплом и комфортом; настроением и приятной атмосферой; ритуалом.

Рис. 3. Полевая структура концепта УЮТ

3.2. Представленность концепта УЮТ в якутской лингвокультуре

Лингвокультурная специфика любого коммуникативного феномена особенно ярко проступает на фоне других лингвокультур. Мы проводим параллельный анализ открыток-мотиваторов различной тематики в якутской лингвокультуре, среди которых, согласно нашей гипотезе, должны присутствовать в той или иной форме и такие, которые опираются на представления об уюте.

Характеризуя понятие «уют» в якутском языке, отметим, что в словаре якутского языка Э. К. Пекарского [Пекарский, 2008], первый выпуск которого вышел в свет в 1907 году, выражающие его лексемы отсутствуют. В якутско-русском словаре П. С. Афанасьевой и Л. Н. Харитоновой мы находим слово *нус бараан*; домашний уют — *дьиэ нус бараана, дьиэтээҕи нус бараан*; уютный (прил.) — *нус бараан, киһи кута-сүрэ тохтуур*; уютная комната — *нус бараан хос* [РЯС]. В онлайн-словаре якутского языка слово *уютный* переводится так: *тупсаҕай* (прил.); примеры: *Уютная комната. Уютное место* [SakhaTyla.Ru]. В большом толковом словаре П. А. Слепцова Нус- бараан даҕ. Киһи кута-сүрэ тохтуур, табыгастаах, кэрэ (дьиэни-уоту этэргэ) — уютный, удобный, приятный, доставляющий удовольствие (о доме, жилище человека) [Слепцов, 2009, с. 490]. Тупсаҕай даҕ. 2. Табыгастаах, дэгиттэр. Подходящий, удобный. Киинэ — история лиэтэпиһин оҥорорго саамай тупсаҕай күүс. «КС» [Слепцов, 2009, с. 152].

Мы проанализировали 800 открыток на якутском языке (с ноября 2023 года по ноябрь 2024 года). Поскольку имя концепта *нус бараан* в яку-

тоязычных электронных открытках-мотиваторах не представлено, то можно предположить, что либо у данной возрастной группы (50 лет и старше) концепт НУС БАРААН не сформирован, либо уют не представляет для нее ценности.

Визуальные маркеры, символизирующие уют в русскоязычном контенте, также представлены на якутоязычных электронных открытках, но символизируют другие ценности, например, чашка с чаем (46 маркеров) символизирует здоровье, силы: Үлэ *нэдиэлэтэ саҕаламмытынан! Сылаас чэйдэ иһин, сэниэ киллэриҥ! (С началом новой недели! Выпейте горячего чая, прибавьте себе сил!)*

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, электронные открытки-мотиваторы, как самостоятельный жанр виртуального дискурса, обладают как общедискурсивными характеристиками (интерактивность, поликодовость и относительная вирусность), так и отличительными жанровыми особенностями: прагматическими (цель, функции, статусы адресанта и адресата) и структурно семантическими (регулярность, календарно-временная корреляция). Как и многие другие жанры виртуального дискурса, открытки-мотиваторы транслируют ценности, в данном случае ценности определенной возрастной группы.

Идея уюта как ценности актуализируется в зимний период. Зимой температура падает, люди проводят больше времени дома, стремясь создать комфортную атмосферу для защиты от холода. Люди чаще собираются в кругу семьи или друзей. Уютная обстановка способствует приятным беседам и совместному времяпрепровождению. Комфортное пространство делает встречи более запоминающимися и душевными. Теплые пледы, одеяла, горячие напитки — кофе и чай — становятся особенно актуальными. Свежеиспеченные пироги, печенье наполняют дом приятными и согревающими ароматами. Эти запахи ассоциируются с уютом, домашним теплом и заботой. Кошки также воспринимаются настоящими хранителями домашнего уюта. Их присутствие, мягкость и любовь наполняют дом теплом и радостью, создавая атмосферу, в которой приятно жить, работать и отдыхать.

Концепт УЮТ объективирован в текстах и изображениях русскоязычных открыток при помощи вербальных и визуальных маркеров. В бытовом сознании пользователей русскоязычного контента концепт УЮТ, на наш взгляд, предстает как удобство, приятные чувства, спокойствие и тепло в ограниченном пространстве. Ценность *уют* связана прежде всего с приятными чувствами и спокойствием в душевном пространстве, затем с приятными чувствами и спокойствием во временном пространстве и приятны-

ми чувствами и удобством в домашнем пространстве. Таким образом, на первое место выходит характеристика человека, затем — характеристика объекта и на периферии — характеристика дома, жилища.

В якутоязычном контенте данный концепт вербально не представлен, в связи с чем без опроса респондентов определить символические значения иконических знаков не представляется возможным.

На наш взгляд, является перспективным дальнейшее исследование содержания и структуры ценностных концептов СЧАСТЬЕ / ДЬОЛ / СОРГУ / САРГЫ; ЗДОРОВЬЕ / ЧЭГИЭН / ЧЭБДИК / ДОРУОБУЙА и других в русскоязычной и якутоязычной картинах мира адресантов электронных открыток-мотиваторов.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. АА — *Архив* авторов. Рыбка 2 [Электронный ресурс] // На связи : форум, 2023. — Режим доступа : https://forum.na-svyazi.ru/?showtopic=3102167_(дата обращения 04.08.2024).

2. *Бездушные* открытки [Электронный ресурс] // Семь приемов сетевого общения, которые раздражают абсолютно всех // ADME. 2019. — Режим доступа : https://adme.media/articles/7-priemov-setevogo-obscheniya-kotorye-razdrazhayut-absolyutno-vseh-1997565/ (дата обращения 23.07.2024).

3. БТСРЯ — *Большой толковый словарь* русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 2003. — 1534 с. — ISBN 5-7711-0015-3.

4. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2003. — Т. 4. — 713 с.

5. *Мещеряков Б. Г.* Обыденное сознание [Электронный ресурс] / Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко // Большой психологический словарь. — Режим доступа: https://rus-big-psyho.slovaronline.com/5636 (дата обращения 06.07.2024).

6. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — Москва : ООО «А ТЕМП», 2007. — 983 с. — ISBN 978-5-9900358-6-7.

7. *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка / Э. К. Пекарский. — Санкт-Петербург : Издательство «Наука», 2008. — 25 см. — ISBN 978-5-02-025257-8.

8. РЯС — *Русско-якутский словарь.* Около 28 500 слов / Под ред. П. С. Афанасьева. — Москва : Советская Энциклопедия, 1968. — 720 с.

9. *Слепцов П. А.* Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта : в 15 т. / П. А. Слепцов. — Новосибирск : Наука, 2009. — Т. VI. — 576 с.

10. СРЯ — *Словарь* русского языка : в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : Русский язык, 1988. — Т. IV. — 795 с.

11. *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. — Москва : Аделант, 2015. — 799 с. — ISBN 978-5-93642-345-1.

12. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. — Москва : Рус яз., 1999. — Т. 2. — 624 с. — ISBN 5-200-02684-9.

13. SakhaTyla.Ru — *Якутский* словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://sakhatyla.ru/translate?q=уютный (дата обращения 17.01.2024).

Литература

1. *Архипов С. Ю.* KOLLOKATION (коллокация) / С. Ю. Архипов // Основные понятия немецкоязычного переводоведения : терминологический словарь-справочник. — 2013. — № 2013. — С. 109.

2. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин — Москва : Искусство, 1979. — 424 с.

3. *Бразговская Е. Е*. Семиотика. Языки и коды культуры : учебник и практикум для академического бакалавриата / Е. Е. Бразговская. — Москва : Издательство Юрайт, 2019. — 187 с. — ISBN 978-5-534-11201-6.

4. *Горошко Е. И.* Виртуальное жанроведение : становление теоретической парадигмы / Е. И. Горошко, Е. А. Землякова // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». — 2011. — Т. 24 (63). — № 1. — С. 225—237.

5. *Громова Н. С.* Поликодовые тексты в сети интернет : специфика бытования и особенности экспертизы / Н. С. Громова // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий : материалы VI Международной научно-практической конференции. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2020. — Т. 1. — С. 357—360. — ISBN 978-5-7996-3052-2.

6. *Дмитриева О. Н.* Свадебные алгысы якутов: структура, поэтика, лексика : монография / О. Н. Дмитриева. — Якутск : Издательский дом СВФУ, 2012. — 132 с. — ISBN 978-5-7513-1713-3.

7. *Лутовинова О. В.* Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса : автореферат диссертации … доктора филологических наук : 10.02.19 / О. В. Лутовинова. — Волгоград, 2009. — 40 с.

8. *Маслоу А.* Психология бытия / А. Маслоу ; пер. с англ. — Москва : Рефл — бук, К. : Ваклер, 1997. — 304 с. — ISBN 5-87983-027-6.

9. *Медведева Т. С.* Концептуализация уюта в европейских лингвокультурах (на материале лексикографии) / Т. С. Медведева, Д. И. Медведева // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2017. — № 4 (53). — С. 80—89. — DOI: 10.20916/1812-3228-2017-4-80-89.

10. *Мельничук О. А.* Электронные открытки мотиваторы как жанр виртуального дискурса/ О. А. Мельничук, В. Ф. Алексеева // Язык и культура в эпоху глобализации : сборник материалов III Всероссийской (национальной) научной конференции с международным участием. Санкт-Петербург, 28—29 октября 2024 г. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГЭУ, 2024. — С. 78—83. — ISBN 978-5-7310-6528-3.

11. *Моксиан М. Б. Р.* Семантико-этимологический анализ концепта «уют» в русской лингвокультуре / М. Б. Р. Моксиан // Русский язык и культура в международном образовательном пространстве : сборник материалов Международной научно-практической конференции, Иваново, 25—26 мая 2021 года. — Иваново : Ивановский государственный университет, 2021. — С. 122—128.

12. *Мосиенко М. К.* «Обыденное сознание» и смежные термины / М. К. Мосиенко // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. — 2014. — № 1 (27). — С. 249—252.

13. *Насибуллина Ф. Ф.* Концепт «ДОМ / УЮТ» и его отражение в рекламах интерьера / Ф. Ф. Насибуллина // Вестник ТГГПУ. — 2010. — № 20. — С. 100—104.

14. *Олешков М. Ю.* Системное моделирование институционального дискурса : на материале устных дидактических текстов : автореферат диссертации … доктора филологических наук : 10.02.19 / М. Ю. Олешков. — Нижний Тагил, 2007. — 42 с.

15. *Пучкова Е. В.* Концепт «уют» в рекламном дискурсе / Е. В. Пучкова // Эпоха науки. — 2020. — № 23. — С. 177—180. — DOI: 10.24411/2409-3203-2020-12343.

16. *Сонин А. Г.* Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов : автореферат диссертации … доктора филологических наук : 10.02.19 / А. Г. Сонин. — Москва, 2006. — 42 с.

17. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. — Москва : Языки русской культуры, 2004. — 825 с. — ISBN 5-8291-0007-X.

18. *Ульянова М. А.* Классификация жанров Интернет — дискурса / М. А. Ульянова // Lingua mobilis. — 2014. — № 3 (49). — С. 102—110.

19. *Федотов В. А.* Обыденное сознание как социокультурный феномен / В. А. Федотов, С. Н. Лапина // Общество : философия, история, культура. — 2016. — № 6. — С. 27—30.

20. *Хохловская О. Г.* Функционально-структурные особенности креолизованных (поликодовых) текстов как средство экземплификации экстремистского содержания / О. Г. Хохловская, К. Е. Грибкова // Вестник Челябинского госуниверситета. Филологические науки. — 2021. — № 7 (453). — С. 151—157. — DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10720.

21. *Щипицина Л. Ю.* Классификация жанров компьютерно-опосредованной коммуникации по их функции / Л. Ю. Шипицына // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2009. — № 114. — С. 171—178.

22. *Шмелев А. Д.* Русская языковая модель мира : Материалы к словарю / А. Д. Шмелев. — Москва : Языки славянской культуры, 2002. — 224 с. — ISBN 5-94457-052-0.

23. *Шмелева Т. В.* Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи. — Саратов : Издательство ГосУНЦ, «Колледж», 1997. — С. 88—98.

24. *Шмелькова В. В.* Изменение семантики слова «дом» в русском языке первых десятилетий XX века / В. В. Шмелькова, Е. В. Макарова // Русистика. — 2022. — Т. 20. — № 4. — С. 467—482. — DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-4-467-482.

25. *Шомова С. А.* «Война мемов» : новые повороты информационного противостояния / С. А. Шомова // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. — 2019. — № 5. — С. 250—269. — DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.12.

Статья поступила в редакцию 28.02.2025,
одобрена после рецензирования 30.04.2025,
подготовлена к публикации 15.07.2025.

Material resources

AA — Archive of authors. Rybka 2. In: *In touch: forum, 2023.* Available at: https://forum.na-svyazi.ru/?showtopic=3102167 (accessed 04.08.2024). (In Russ.).

BTSRYA — Kuznetsovm, S. A. (ed.). (2003). *A large explanatory dictionary of the Russian language.* St. Petersburg: Norint. 1534 p. ISBN 5-7711-0015-3. (In Russ.).

Chernykh, P. Ya. (1999). *Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: in 2 volumes, 2.* Moscow: Rus yaz. 624 p. ISBN 5-200-02684-9. (In Russ.).

Dahl, V. I. (2003). *Explanatory dictionary of the living Great Russian language, 4.* Moscow: OLMA-PRESS. 713 p. (In Russ.).

Evgenieva, A. P. (ed.). (1988). *Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes, IV.* Moscow: Russian Language. 795 p. (In Russ.).

Meshcheryakov, B. G., Zinchenko, V. P. Everyday consciousness. *Big psychological dictionary.* Available at: https://rus-big-psyho.slovaronline.com/5636 (accessed 07/06/2024). (In Russ.).

Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (2007). *Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions.* Moscow: OOO "A TEMP". 983 p. ISBN 978-5-9900358-6-7. (In Russ.).

Pekarsky, E. K. (2008). *Dictionary of the Yakut language.* Saint Petersburg: Nauka Publishing House. 25 cm. ISBN 978-5-02-025257-8. (In Russ.).

RYAS — Afanasyev, P. S. (ed.). (1968). *Russian-Yakut dictionary. About 28,500 words.* Moscow: Soviet Encyclopedia. 720 p. (In Russ.).

SakhaTyla.Ru — *Yakut dictionary.* Available at: https://sakhatyla.ru/translate?q=cozy (accessed 17.01.2024). (In Russ.).

Sleptsov, P. A. (2009). *A large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaarylah ulakhan tyldyt: in 15 volumes, VI.* Novosibirsk: Nauka Publ. 576 p. (In Russ.).

Soulless postcards. (2019). *Seven techniques of online communication that irritate absolutely everyone. ADME.* Available at: https://adme.media/articles/7-priemov-setevogo-obscheniya-kotorye-razdrazhayut-absolyutno-vseh-1997565/ (accessed 23.07.2024). (In Russ.).

Ushakov, D. N. (2015). *Explanatory dictionary of the modern Russian language.* Moscow: Adelant. 799 p. ISBN 978-5-93642-345-1. (In Russ.).

References

Arkhipov, S. Y. (2013). KOLLOKATION (collocation). *Basic concepts of German translation studies: a terminological dictionary, 2013:* P. 109. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1979). *Aesthetics of verbal creativity.* Moscow: Iskusstvo. 424 p. (In Russ.).

Brazgovskaya, E. E. (2019). *Semiotics. Languages and cultural codes: textbook and practical course for academic baccalaureate.* Moscow: Yurait Publishing House. 187 p. ISBN 978-5-534-11201-6. (In Russ.).

Dmitrieva, O. N. (2012). *Yakut wedding dresses: structure, poetics, vocabulary: a monograph.* Yakutsk: NEFU Publishing House. 132 p. ISBN 978-5-7513-1713-3. (In Russ.).

Fedotov, V. A., Lapina, S. N. (2016). Everyday consciousness as a sociocultural phenomenon. *Society: philosophy, history, culture, 6:* 27—30. (In Russ.).

Goroshko, E. I., Zemlyakova, E. A. (2011). Virtual genre studies: the formation of a theoretical paradigm. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Tauride National University. The series "Philology. Social communication", 24 (63) / 1:* 225—237. (In Russ.).

Gromova, N. S. (2020). Polycode texts on the Internet: the specifics of their existence and the features of expertise. In: *Strategies for the development of social communities, institutions and territories: proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference, 1.* Yekaterinburg: Ural University Publishing House. 357—360. ISBN 978-5-7996-3052-2. (In Russ.).

Khokhlovskaya, O. G. (2021). Functional and structural features of creolized (polycode) texts as a means of exemplifying extremist content. *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philological sciences, 7 (453):* 151—157. DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10720. (In Russ.).

Lutovinova, O. V. (2009). *Linguistic and cultural characteristics of virtual discourse.* Author's abstract of Doct. Diss. Volgograd. 40 p. (In Russ.).

Maslou, A. (1997). *Psychology of being.* Moscow: Refl — book, K.: Vakler. 304 p. ISBN 5-87983-027-6. (In Russ.).

Medvedeva, T. S., Medvedeva, D. I. (2017). Conceptualization of comfort in European linguistic cultures (based on lexicography). *Questions of cognitive linguistics, 4 (53):* 80—89. DOI: 10.20916/1812-3228-2017-4-80-89. (In Russ.).

Melnichuk, O. A. (2024). Electronic postcards motivators as a genre of virtual discourse. In: *Language and culture in the era of globalization: proceedings of the III All-Russian (National) Scientific Conference with international participation. Saint Petersburg, October 28—29, 2024.* Saint Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University of Economics. 78—83. ISBN 978-5-7310-6528-3. (In Russ.).

Mosienko, M. K. (2014). "Everyday consciousness" and related terms. *Bulletin of the KSPU named after V. P. Astafiev, 1 (27):* 249—252. (In Russ.).

Moxian, M. B. R. (2021). Semantic and etymological analysis of the concept of "comfort" in Russian linguistic culture. In: *Russian language and culture in the international educational space: collection of materials of the International Scientific and Practical Conference, Ivanovo, May 25—26, 2021.* Ivanovo: Ivanovo State University. 122—128. (In Russ.).

Nasibullina, F. F. (2010). The concept of "HOME / COMFORT" and its reflection in interior advertisements. *Bulletin of the TGGPU, 20:* 100—104. (In Russ.).

Oleshkov, M. Y. (2007). *System modeling of institutional discourse: based on oral didactic texts.* Author's abstract of Doct. Diss. Nizhny Tagil. 42 p. (In Russ.).

Puchkova, E. V. (2020). The concept of "comfort" in advertising discourse. *The age of science, 23:* 177—180. DOI: 10.24411/2409-3203-2020-12343. (In Russ.).

Shchipitsina, L. Y. (2009). Classification of genres of computer-mediated communication by their function. *Izvestiya RSPU named after A. I. Herzen, 114:* 171—178. (In Russ.).

Shmelev, A. D. (2002). *The Russian language model of the world: Materials for the dictionary.* Moscow: Languages of Slavic Culture. 224 p. ISBN 5-94457-052-0. (In Russ.).

Shmeleva, T. V. (1997). Model of the speech genre. In: *Genres of speech.* Saratov: GOSUNTS Publishing House, College. 88—98. (In Russ.).

Shmelkova, V. V., Makarova, E. V. (2022). Changing the semantics of the word "house". *Russian language of the first decades of the 20th century, 20 (4):* 467—482. DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-4-467-482. (In Russ.).

Shomova, S. A. (2019). "War of memes": new turns of information confrontation. *Monitoring public opinion: Economic and social changes, 5:* 250—269. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.12. (In Russ.).

Sonin, A. G. (2006). *Modeling the mechanisms of understanding polycode texts.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 42 p. (In Russ.).

Stepanov, Yu. S. (2004). *Constants. Dictionary of Russian Culture. Research experience.* Moscow: Languages of Russian Culture. 825 p. ISBN 5-8291-0007—X. (In Russ.).

Ulyanova, M. A. (2014). Classification of genres of Internet discourse. *Lingua mobilis, 3 (49):* 102—110. (In Russ.).

The article was submitted 28.02.2025;
approved after reviewing 30.04.2025;
accepted for publication 15.07.2025.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Обухова О. Н. Структурно-семантическая организация жанра «донесение» в немецкоязычных военных архивных документах периода Великой Отечественной войны / О. Н. Обухова, О. В. Байкова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 6. — С. 92—111. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-92-111.

Obukhova, O. N., Baykova, O. V. (2025). Structural-Semantic Organization of Genre "Report" in German-Language Military Archival Documents from Great Patriotic War. *Nauchnyi dialog, 14* (6): 92-111. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-92-111. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Структурно-семантическая организация жанра «донесение» в немецкоязычных военных архивных документах периода Великой Отечественной войны

Обухова Ольга Николаевна
orcid.org/0000-0002-8658-6000
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра лингвистики и перевода
Obuchova75@mail.ru

Байкова Ольга Владимировна
orcid.org/0000-0002-4859-8553
доктор филологических наук, доцент,
кафедра лингвистики и перевода,
корреспондирующий автор
olga-baykova@yandex.ru

Вятский государственный университет
(Киров, Россия)

Structural-Semantic Organization of Genre "Report" in German-Language Military Archival Documents from Great Patriotic War

Olga N. Obukhova
orcid.org/0000-0002-8658-6000
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Linguistics and Translation
Obuchova75@mail.ru

Olga V. Baykova
orcid.org/0000-0002-4859-8553
Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Linguistics and Translation,
corresponding author
olga-baykova@yandex.ru

Vyatka State University
(Kirov, Russia)

© Обухова О. Н., Байкова О. В., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование структурно-семантической организации жанра «донесение» на материале немецкоязычных архивных военных документов периода Великой Отечественной войны (1941—1943 годы). Исследование проведено в рамках теории текста и текстологии с опорой на труды отечественных и зарубежных лингвистов, включая достижения немецкой текстологической науки. Анализ охватывает 1600 текстов донесений из общего корпуса в 2400 документов, предоставленных Министерством Обороны Российской Федерации. Особое внимание уделено выявлению типологических черт, лингвистических средств и функциональных особенностей данного жанра в условиях профессионально-ориентированного военного дискурса. На основе методов структурно-семантического анализа, сопоставительного подхода и дискурсивного анализа установлено, что донесения обладают строгой внутренней организацией, обеспечивающей целостность, структурную иерархичность и семантическую связность. Анализ языковой организации показал, что тексты донесений характеризуются высокой степенью стандартизации: преобладанием номинативных конструкций, использованием специализированной терминологии, клише и минимальным уровнем эмоциональной окраски. Выявленные особенности в дальнейшем позволят улучшить эффективность перевода и обработки военных архивных документов.

Ключевые слова:
текст; архивный военный документ; донесение; жанр; структурно-смысловая организация текста; композиция.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates the structural-semantic organization of the genre “report” based on German-language military archival documents from the Great Patriotic War (1941-1943). The research is framed within text theory and textology, drawing on the works of both domestic and international linguists, including advancements in German textological science. The analysis encompasses 1,600 report texts from a total corpus of 2,400 documents provided by the Ministry of Defense of the Russian Federation. Special attention is given to identifying typological features, linguistic tools, and functional characteristics of this genre within the context of professionally-oriented military discourse. Utilizing methods of structural-semantic analysis, comparative approaches, and discourse analysis, it has been established that reports exhibit a strict internal organization that ensures coherence, structural hierarchy, and semantic connectivity. The analysis of linguistic organization reveals that report texts are characterized by a high degree of standardization: predominance of nominative constructions, use of specialized terminology, clichés, and minimal emotional coloring. The identified features will further enhance the efficiency of translating and processing military archival documents.

Key words:
text; military archival document; report; genre; structural-semantic organization of text; composition.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.112.2+ 651.926
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-92-111

Научная специальность ВАК
5.9.6. Языки народов зарубежных стран
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Структурно-семантическая организация жанра «донесение» в немецкоязычных военных архивных документах периода Великой Отечественной войны

© Обухова О. Н., Байкова О. В., 2025

1. Введение = Introduction

Текст — это первичная данность лингвистики, филологии и других гуманитарных наук. Он является базовым объектом исследований перечисленных направлений [Бахтин, 1986, с. 474]. Как объект лингвистического исследования, текст представляет собой сложную систему, характеризующуюся целостностью, связностью, структурированностью и функциональной ориентацией. Современная лингвистика уделяет особое внимание анализу текстовых особенностей в различных коммуникативных сферах, включая профессионально-специализированную речь, где текст выступает не только средством передачи информации, но и инструментом реализации конкретных задач. Особый интерес представляют тексты официально-делового стиля, в частности военные документы, являющиеся важным источником исторической, оперативной и организационной информации.

В настоящем исследовании ***текст*** рассматривается как «цельная единица коммуникации», функционирующая в качестве средства передачи и получения информации [Cocape, 1984, с. 9—10; Реферовская, 1989]. При этом ***информация*** трактуется двояко: как первично зафиксированные сведения о предметах, явлениях, отношениях, событиях объективной действительности и как непосредственно содержание текста (см. [Гальперин, 2007, с. 26, 40]). Знание типологических особенностей текста, свойств текста относительно конкретной сферы коммуникативной деятельности человека, в частности военного взаимодействия, владение практическими навыками их применения во многом способствуют повышению эффективности переводческой деятельности, качества перевода военных текстов.

В современной лингвистике важное место занимают вопросы системной организации текстов, установления закономерности делимитации текста. Фундаментальное методологическое значение получают труды

ряда отечественных и зарубежных ученых, разработавших концепцию теории текста и проводивших исследования природы текста: М. М. Бахтин, К. Бринкер, Н. С. Валгина, И. Р. Гальперин, Г. Й. Герингер, Л. Гоффманн, В. У. Дресслер, М. В. Сосаре, Г. Штенцель и др. [Бахтин, 1986; Валгина, 2003; Гальперин, 2007; Cocape, 1984; Brinker et al., 2024; Dressler, 2014; Heringer, 2015; Hoffmann, 2022; Stenzel, 2010; Text- und Gesprächslinguistik …, 2000 и др.], а также представляющих дискурсивный подход к анализу военного текста: М. Юнг, Д. А. Бородько, Ю. Ю. Дуброва, Г. П. Лошак, А. В. Уланов и др. [Бородько, 2012; Дуброва, 2013; Лошак, 2012; Уланов, 2014; Jung, 2011 и др.].

Настоящее исследование посвящено анализу системной организации текстов немецкоязычных архивных фронтовых документов периода Великой Отечественной войны. Исследуемый материал включает 2400 текстов, предоставленных Министерством обороны Российской Федерации. Основное внимание уделено установлению общих закономерностей формальной и содержательной структуры данных текстов, а также выявлению их типологических и композиционных особенностей. Особое место в работе отведено изучению жанра «донесение», который является одним из ключевых видов военно-документальной коммуникации.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, до настоящего времени отсутствовали комплексные лингвистические исследования, посвященные системной организации немецкоязычных военных текстов указанного исторического периода. Во-вторых, данные тексты представляют собой особый интерес для анализа текстообразующих категорий, поскольку отличаются строгой структурой, стандартизированной формой и высокой информативной насыщенностью. В-третьих, результаты исследования могут быть использованы в практике перевода, архивоведении, музееведении.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые на большом корпусе немецкоязычных военных текстов представлены общие закономерности их структурно-семантической организации. При этом в анализ включены как формальные особенности текста, так и его прагматическая функция, что позволило расширить представление о системности текста в профессионально ориентированном дискурсе. До сих пор исследований подобного рода не проводилось.

Особое значение имеет сравнительный аспект исследования: тексты рассматриваются не только в контексте русскоязычной лингвистической традиции, но и с учетом специфики немецкой лингвистической школы. Это позволило более точно определить специфические особенности текстовой организации в рассматриваемом корпусе текстов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью исследования является описание структурно-семантической организации жанра «донесение» в корпусе немецкоязычных архивных военных документов периода Великой Отечественной войны. Основная задача анализа — выявить типовые черты композиции, лингвистические средства и функциональные особенности данного жанра в условиях профессионально-ориентированного дискурса. В качестве методов исследования используются описательный метод, позволяющий фиксировать структурные и языковые особенности текстов; сравнительно-сопоставительный метод, направленный на выявление общих и специфических черт жанра «донесение» в рамках исследуемого корпуса; метод структурно-семантического анализа текста, обеспечивающий углублённое изучение внутренней организации текста как целостной системы. Применение указанных методов позволило всесторонне описать принципы организации информации, формы объединения содержательных единиц текста, а также лексико-грамматические и композиционные средства, способствующие формированию смысловой целостности текста.

Необходимо отметить, что текст представляет собой систему, которая характеризуется целостностью, структурной иерархичностью и семантической связностью. Современная текстология подчеркивает важность рассмотрения текста не только как формальной конструкции, но и как коммуникативного объекта, реализующего определённую функцию в конкретном контексте [Dressler, 2014; Heringer, 2015].

Современные подходы к изучению текста подчеркивают важность анализа не только формальных, но и функциональных характеристик текста. Например, В. У. Дресслер указывает на необходимость учета жанровой специфики и коммуникативной цели текста при его структурном описании [Dressler, 2014]. В контексте военного дискурса особое внимание уделяется стандартизации структуры, строгому следованию шаблонам и регламентированным лексическим и синтаксическим конструкциям, что делает эти тексты особенно интересными для типологического и структурного анализа.

Обзор научных публикаций показал, что в последние годы наблюдается рост интереса к вопросам типологии текстов, особенно в межъязыковом и межкультурном контексте. Такие исследования, как работы В. У. Дресслера [Dressler, 2014], К. Бринкера и др. [Text- und Gesprächslinguistik …, 2000; Brinker et al., 2024], М. Юнга [Jung, 2011], демонстрируют, как текстовая структура может быть связана с культурными и институциональными особенностями коммуникации. Исследования таких авторов, как Г. Ю. Герингер, Л. Гоффманн, Г. Штенцель, посвящены проблемам классификации текстов, их функциональной ориентации и структурной спец-

ифики, особенно в официально-деловой сфере [Heringer, 2015; Hoffmann, 2022; Stenzel, 2010]. Эти работы оказали влияние на современные подходы к изучению текста и могут быть полезны при интерпретации результатов анализа военных текстов. Кроме того, в работе учтены положения отечественной школы текстологии, представленные трудами Н. С. Валгиной [Валгина, 2003], И. Р. Гальперина [Гальперин, 2007] и Г. Я. Солганика [Солганик, 2007], которые рассматривают текст как сложную семантико-синтаксическую систему, состоящую из взаимосвязанных конституентов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Военные архивные документы как вид речевого произведения

3.1.1. Общая характеристика корпуса исследуемых текстов

Анализ системы организации военных текстов был проведен на материале 2400 фронтовых документов, относящихся к периоду Великой Отечественной войны и предоставленных Министерством обороны Российской Федерации. Все тексты имеют немецкое происхождение и созданы в условиях боевых действий или непосредственно связаны с обеспечением военных операций. Хронологические рамки исследуемого материала охватывают период с 1941 по 1943 годы, что позволяет говорить о его исторической значимости как источника информации.

Все документы можно условно разделить на следующие функционально-жанровые категории: 1) информационные тексты (доклады, отчёты, сводки); 2) регламентирующие тексты (приказы, распоряжения, инструкции); 3) донесения; 4) служебные записки; 5) технические документы (справки, акты, протоколы) (см. [Юсупова, 2009; Шашок, 2018, с. 117]). Наибольшее количество текстов приходится на жанр «донесение», что обусловило особое внимание к нему в рамках настоящего исследования. Данный жанр представляет собой письменное сообщение, составленное по установленной форме, содержащее информацию о ходе боевых действий, состоянии подразделений, наличии потерь и других важных факторах, влияющих на оперативную обстановку во время Великой Отечественной войны.

3.1.2. Структурно-семантическая организация военного текста

В рамках изложения общих вопросов теории языка и лингвистической теории перевода текст немецкого военного архивного документа представляет собой вид специального текста соответствующего функционального предназначения и содержательной направленности. В структурно-содержательном плане он организован «по определенным схемам элементов содержания» [Глебова, 2017, с. 29: Дуброва, 2013], в которых элементы детерминированы друг с другом, и представляет собой упорядоченную структуру единиц текста в их формально-смысловой взаимосвязи. Формат текстов

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

архивных военных документов имеет определенную структуру, размер печатного текста варьируется от неполной страницы до четырех страниц формата А4. В плане структурно-содержательной организации такой вид текста детерминирован ограниченным характером композиционной структуры и отличается в плане делимитации следующими параметрами формальной и содержательной сторон: строгой структурированностью материала, фиксированным порядком и линейным характером поступления информации, концентрированной передачей данных. В формальном плане унифицированная структура (архитектоника) текста архивных военных документов продиктована: 1) заданными сведениями (отправитель / получатель / дата / время); 2) заголовком и / или подзаголовками разделов; 3) информирующей и / или констатирующей частью, инкорпорирующей в максимально концентрированном виде данные, которые передаются в линейном (последовательном) порядке (рис. 1). Данная структура является универсальной для большинства официально-деловых текстов и соответствует общим принципам построения административно-организационных документов.

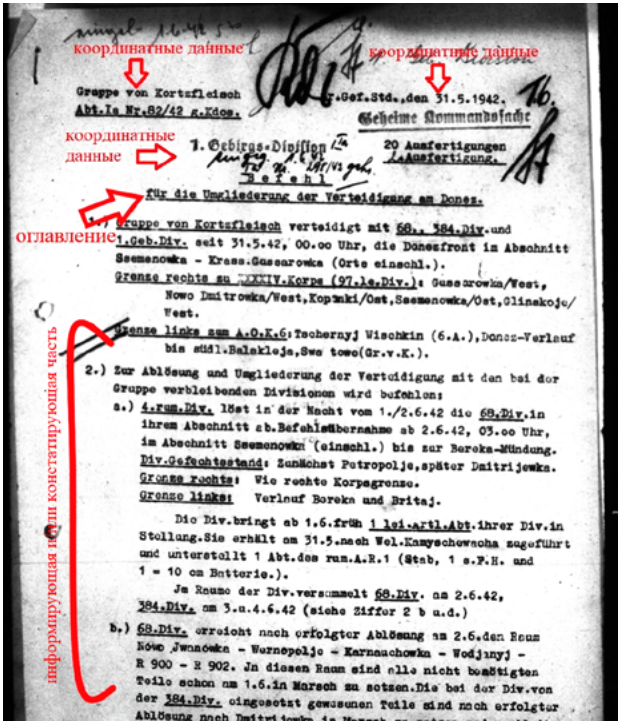


Рис. 1. Образец немецкого военного архивного документа

Необходимо отметить, что текст архивного военного документа отличается строгой внутренней организацией составляющих его логико-смысловых частей, обусловленной следующими категориями: связностью, целостностью и логичностью. В формально-структурном плане целостность — базовое, «стратегическое» свойство текста — определяется заданными границами военного архивного документа (начало и конец, координатные / топографические данные, отправитель / адресат / место / дата / время и т. п.); смысловой завершенностью и связностью, проявляющимися в том, что все компоненты текста непосредственно или опосредованно взаимосвязаны и образуют определенную структуру; закрытостью и замкнутостью, которые являются определяющими признаками текстов военных архивных документов. Благодаря этому свойству возможно структурирование содержания военного текста в виде информационно-смысловых блоков, выделение ключевых слов, составление разных видов плана. Целостность текста в содержательном плане обусловлена единством заданной темы и формой (структурное единство). Связность текста (когезия) проявляется в логико-семантической соотнесенности структурно-содержательных компонентов текста, в их связности (на уровне предложений, абзацев, сверхабзацев). Основные средства связи в текстах военных архивных документов схематически можно представить в следующей таблице (табл. 1).

Таблица 1

Средства связи, характеризующие тексты военных архивных документов

Формальные и смысловые когерентные связи	**Средства организации связного текста**
Порядок поступления информации; характер передачи содержательно-фактуальной информации	Последовательная упорядоченная передача информации в виде информационно-смысловых блоков, связанных эксплицитными или имплицитными внутритекстовыми связями. Обусловленность единства текста (когерентности) посредством логических связок. Эксплицитные механизмы связности текста: – рекурренция — повтор ключевых слов в информационно-смысловых блоках текста, повторяемость синтаксических структур; – (лексическая) субституция — замещение посредством (лексических) вариантов; – темпоральные средства связи; – средства связи между предложениями, абзацами, сверхабзацами — союзы, союзные слова, местоименные наречия, частицы и т. п.; – фиксированная передача фактуальной информации.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Окончание табл. 1

Формальные и смысловые когерентные связи	**Средства организации связного текста**
Причинно-следственные / условно-следственные / целевые и др. отношения между конституентами текста	На эксплицитном уровне: – средства связи текстовых событий, актуализирующие причинно-следственные / условно-следственные / целевые отношения (корреляты, предикативные обороты, лексические и грамматические каузативы и др. лексико-грамматические средства, служебные слова); – операторы номинализации и локализации причинных, следственных, условно-следственных, целевых отношений (конструкции, отражающие причину, условие, следствие, цель на эксплицитном / имплицитном уровне); – формальные маркеры, эксплицирующие причинно-следственные / условно-следственные отношения (союзы, предлоги). На имплицитном уровне: – средства смысловыражения и реакций — инфиксации, предположения, прогнозирования, вывода, мнения, оценки, ориентировки и т. п., включая пресуппозиции; – соположение речевых единиц, их смысловое и позиционное соотношение; – содержательные и смысловые компоненты, не получившие отражения во внешней структуре текста, но являющиеся элементами глубинной структуры текста.
Хронотоп — пространственно-временные данные	Операторы временной номинализации и пространственной локализации: языковые средства, указывающие на дату / время, координацию объектов в пространстве и т. п.
Демаркаторы границ текста	Граничные знаки текста: заголовок, координатные данные (наименование военного объединения / воинской части), дата, указание должностного лица и т. п., выделенные типом шрифта или / и увеличением, также пробелами / расстоянием между строками. Разграничители конституентов текста: абзацные отступы, выравнивание по ширине, пробелы / расстояние между строками, комбинированные с пунктуационными знаками — двоеточием, запятыми; нумерация конституентов текста (параграфов, пунктов и подпунктов).

Таким образом, военные архивные документы как вид речевого произведения представляют собой высокоорганизованную текстовую систему, обладающую устойчивыми структурными, семантическими и лингвистическими особенностями. Эти тексты являются важным объектом

CC BY

исследования в рамках теории текста, дискурсологии и переводоведения. Их анализ позволяет более глубоко понять природу профессионально ориентированного дискурса и использовать полученные данные в различных областях гуманитарных наук.

3.2. Структурно-содержательная организация текста военного архивного документа жанровой формы «донесение»

3.2.1. Жанр «донесение»: структура, содержание, коммуникативное задание

Военное донесение как жанровый вид архивного документа представляет собой составленное по установленным формам и правилам письменное сообщение сведений по оперативным и операционным вопросам, службе войск, состоянию воинской дисциплины, обеспеченности вооружением, военной техникой и др. видами снабжения войск (сил) вышестоящему командиру (начальнику) или штабу [Военный энциклопедический словарь, 1986]. Данный жанр был выбран авторами в качестве основного объекта детального анализа, поскольку он составляет около 75 % всего исследованного корпуса текстов и обладает высокой степенью стандартизации. На основе анализа 1600 донесений была выделена типовая структура жанра: 1) заголовок — содержит информацию о виде документа и предмете сообщения; 2) координатные данные — указывается дата, номер, отправитель, получатель; 3) вступительная часть — краткое введение, объясняющее контекст и повод для составления донесения; 4) основная часть — содержит подробное описание события, действия или ситуации; может быть представлена несколькими смысловыми блоками; 5) заключение — выводы, предложения, оценка ситуации; 6) отправитель сообщения — данные автора документа.

Анализ содержания донесений позволил выделить их ключевые темы, а именно, информация о численности и состоянии подразделений, описание боевых действий и их исхода, вопросы снабжения (боеприпасы, продовольствие, техника), информация о потерях (личный состав, техника), дисциплинарные и другие вопросы.

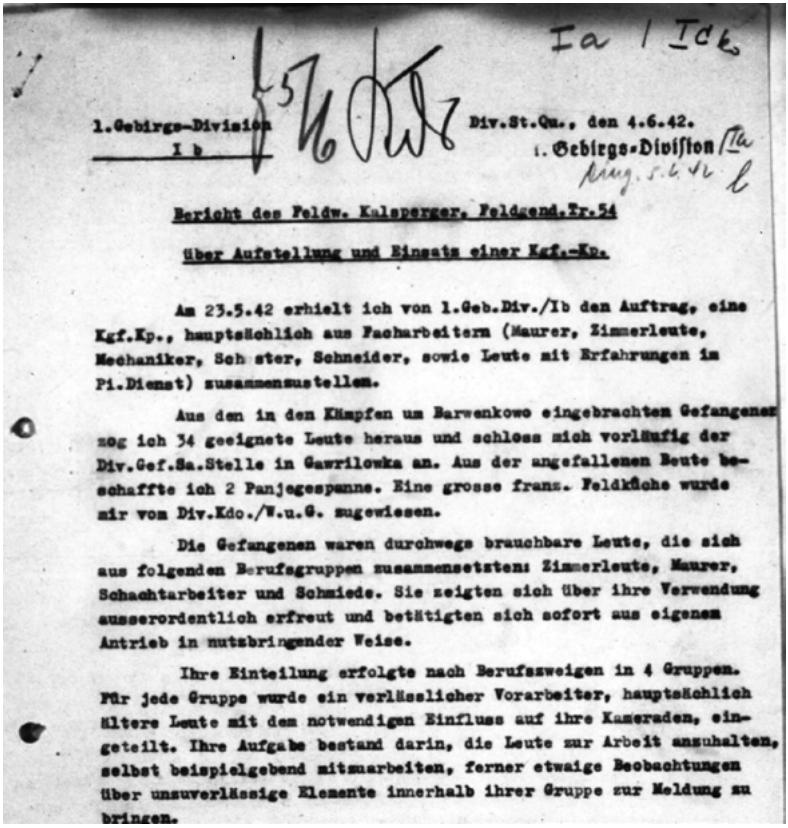
Таким образом, коммуникативная цель донесения — это передача точной и проверенной информации вышестоящему командованию с целью принятия решений. Это определяет требования к языковому оформлению: минимизация эмоциональной окраски, максимальная конкретизация, использование терминологии, стандартизованных речевых формул.

3.2.2. Особенности языковой организации жанровой формы «донесение»

Исходя из предложенной В. И. Карасиком универсальной схемы в рамках дискурсивного подхода (ср. [Карасик, 2002, с. 26—33]), в качестве

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

примера рассмотрим подробно языковые особенности текста военного архивного документа жанровой формы «донесение» (см. Рисунок 2 и Таблица 2) по следующим параметрам: 1) хронотоп (фактуальные пространственно-временные данные); 2) характеристика текста (побудительная, деловая и т. п.); 3) тема; 4) коммуникативная цель и задачи; 5) материал / излагаемые события и обстоятельства, сопровождающие событие материал действительности (информация о положении, состоянии и обеспеченности военизированных подразделений, о военных действиях (включая оценку положения, состояния, характера действий противника), решения на дальнейшие действия, просьбы о содействии в выполнении военных операций; 6) форма (жанр и жанровый вид текста).



Ia / Ic b

1.Gebirgs-Division
I b

Div.St.Qu., den 4.6.42.

1. Gebirgs-Division Ia
Eing. 5.6.42 I

Bericht des Feldw. Kalsperger, Feldgend.Tr.54

über Aufstellung und Einsatz einer Kgf.-Kp.

Am 23.5.42 erhielt ich von 1.Geb.Div./Ib den Auftrag, eine Kgf.Kp., hauptsächlich aus Facharbeitern (Maurer, Zimmerleute, Mechaniker, Schuster, Schneider, sowie Leute mit Erfahrungen im Pi.Dienst) zusammenzustellen.

Aus den in den Kämpfen um Barwenkowo eingebrachten Gefangenen zog ich 34 geeignete Leute heraus und schloss mich vorläufig der Div.Gef.Sa.Stelle in Gawrilowka an. Aus der angefallenen Beute beschaffte ich 2 Panjegespanne. Eine grosse franz. Feldküche wurde mir vom Div.Kdo./V.u.G. zugewiesen.

Die Gefangenen waren durchwegs brauchbare Leute, die sich aus folgenden Berufsgruppen zusammensetzten: Zimmerleute, Maurer, Schachtarbeiter und Schmiede. Sie zeigten sich über ihre Verwendung ausserordentlich erfreut und betätigten sich sofort aus eigenem Antrieb in nutzbringender Weise.

Ihre Einteilung erfolgte nach Berufszweigen in 4 Gruppen. Für jede Gruppe wurde ein verlässlicher Vorarbeiter, hauptsächlich ältere Leute mit dem notwendigen Einfluss auf ihre Kameraden, eingeteilt. Ihre Aufgabe bestand darin, die Leute zur Arbeit anzuhalten, selbst beispielgebend mitzuarbeiten, ferner etwaige Beobachtungen über unzuverlässige Elemente innerhalb ihrer Gruppe zur Meldung zu bringen.

Рис. 2. Донесение из архивов МО РФ (1942 год): Bericht des Feldw. Kalsperger, Feldgend.Tr.54 über Aufstellung und Einsatz einer KGf.-Kp.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Далее представим перевод данного фрагмента документа (здесь и далее перевод наш. — *О. О., О. Б.*)

Оперативный отдел / разведывательный отдел

1-я горно-пехотная (горно-стрелковая) дивизия Отдел тыла пехотный батальон	Для 5/6 дивизии	Штаб-квартира дивизии от 04.06.1942 1-я горно-пехотная (горно-стрелковая) дивизия Оперативный отдел (не распознано)

Донесение фельдфебеля 54-го взвода военной полиции Кальспергера о формировании и использовании роты военнопленных

23.05.1942 мною получен приказ от командира 1-ой горно-пехотной (горно-стрелковой) дивизии / отдел тыла о формировании роты военнопленных из квалифицированных рабочих (каменщиков, плотников, механиков, сапожников, портных, а также людей с опытом работы в инженерии).

Из военнопленных, взятых в боях под Барвенково, мною выбрано 34 соответствующих кандидатуры. Временно примкнул к командному пункту в Гавриловке. Получено две трофейные гужевые повозки. От командира дивизии / отдел оружия и технического имущества получена в распоряжение большая французская полевая кухня.

Среди военнопленных выявлены специалисты следующих профессий: плотники, каменщики, шахтёры и кузнецы. Проявили инициативу и выразили готовность к исполнению работ.

Осуществлено их распределение по 4 профессиональным группам. В каждой группе был назначен бригадир, преимущественно старший по возрасту, пользующийся авторитетом в коллективе. Их задача заключалась в том, чтобы следить за выполнением работ военнопленных, служить примером и сообщать о любых замечаниях по поводу ненадёжных элементов внутри своей группы.

Отличительной особенностью представленного донесения является фиксированный порядок поступления информации, типовые переходы от одного звена сообщения к другому, детерминированные содержательно-фактуальным характером информации и линейностью поступления потока информации. Формальными сигналами линейной и упорядоченной пере-

CC BY

дачи фактуальной информации являются помимо фиксированной передачи данных в содержательном плане также вербальные знаки:

— наименование военного объединения (воинской части), которой предназначен документ (*1. Gebirgs-Division / 1b — 1-я горно-пехотная (горно-стрелковая) дивизия / отдел тыла*), наименование военного объединения (воинской части), в которой разработан документ, координаты (*Div. St.Qu., den 4.6.42 1. Gebirgs-Division 1a — Штаб-квартира дивизии от 04.06.1942 1-я горно-пехотная (горно-стрелковая) дивизия Оперативный отдел*);

— заголовок, который раскрывает сущность содержательной формы военного документа по функциональному предназначению — сообщение сведений или данных (военно-информационный вид текста) — и предопределяет прагматическое направление текста, ср.: *Bericht des Feldw. Kaslperger. Feldgend.Tr.54 über Aufstellung und Einsatz einer Kgf.-Kp. — Донесение фельдфебеля 54-го взвода военной полиции Кальспергера о формировании и использовании роты военнопленных*;

— констатирующая часть, включающая сведения по управлению действиями военного подразделения (ср.: *den Auftrag, eine Kgf.Kp., zusammenzustellen — приказ о формировании роты военнопленных)*, также информационные данные по видам оперативно-технического обеспечения (виды военной техники, которая находится в распоряжении военной группы, состав военного подразделения ср.: *1. Gebirgs-Division — 1-я горно-пехотная (горно-стрелковая) дивизия / ... erhöhte die Kopfzahl der Kp. von 34 auf 65 — увеличение численности состава роты военнопленных с 34 до 65 человек / 8 Panjegespanne, eine russische Feldküche, Bekleidung und Verpflegung — 8 телег, русская полевая кухня, обмундирование и продовольствие / eine Kgf.Kp. in Stärke von 100 Mann — рота военнопленных численностью 100 человек / ... etwa 780 Gefallene und 220 Tierkadaver eingegraben — погребены около 780 погибших солдат и 220 единиц павших животных / 5 Lkw. zum Transport der Gefangenen, eine Feldküche, Schanzzeug, Sägen, Beile, Feldschmiede — 5 грузовиков, полевая кухня, шанцевый инструмент, пилы, топоры, походная кузница / mit der Verpflegung ... die Kp. auf ungefähr 14 ausstatten — продовольственное обеспечение роты на 14 дней*);

— данные отправителя, ср.: *ges. Karlsberger Feldw. — отправитель Кальспергер, фельдфебель.*

В анализируемом документе сохраняется графическая модель текста донесения, при которой демаркаторами границ информационно-смысловых блоков являются абзацные отступы, выравнивание содержимого по левому краю, пробел и расстояние между строками, комбинированные с пунктуационными знаками. Рекуррентными средствами связи внутри и

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

между информационно-смысловыми блоками служат лексические единицы, выступающие как средства замещения (субституты) и связанные соотношением последовательности передачи данных, ср.:

— Am 23.5.42 erhielt ich von 1.Geb.Div./ I b den Auftrag, eine Kgf.Kp., hauptsächlich aus Facharbeitern…	*— 23.05.1942 мною получен приказ от командира 1-ой горно-пехотной (горно-стрелковой) дивизии / отдел тыла о формировании роты военнопленных из квалифицированных рабочих...*
— Aus den in den Kämpfen um Barwenkowo eingebrachten Gefangenen zog ich 34 geeignete Leute…	*— Из военнопленных, взятых в боях под Барвенково, мною выбрано 34 соответствующих кандидатуры...*
— Die Gefangenen waren durchwegs brauchbare Leute, die sich aus folgenden Berufsgruppen zusammensetzten...	*— Среди военнопленных выявлены специалисты следующих профессий...*
— Ihre Einteilung erfolgte nach Berufszweigen in 4 Gruppen…	*— Осуществлено их распределение по 4 профессиональным группам...*

Схематизация первичного материала текста военного донесения позволяет выявить набор языковых средств — штампов, которыми данный жанровый вид текста характеризуется, ср.: *Bericht über … — донесение о…; erhielt den Auftrag / die Anweisung… — получен приказ / инструкция…; die Aufgabe bestand darin… — задание заключалось в…; bekam die Nachricht von… — получено сообщение от…; orientiert persönlich über die Vorgänge… — лично информирует о событиях…; der Korps teilt mit, dass… — согласно полковому сообщению о…*

Информация изложена в кратком, компрессированном виде посредством использования номинативного стиля (ср.: *Befehl an … zum Abmarsch — приказ об отступлении*), за счет сокращений и терминологии, представленной в виде аббревиатур (ср.: *Feldw. — фельдфебель. Feldgend. Tr.54 — 54-й взвод военной полиции, Kgf.-Kp. — рота военнопленных Div.1/ Ib — 1-я горно-пехотная (горно-стрелковая) дивизия / отдел тыла)*.

Текст военного донесения насыщен хронотопическими моделями, репрезентированными вербальными единицами с временной и / или пространственной семантикой, ср.: *den 4.6.42 — от 04.06.1942 / am 23.5.42 erhielt ich von 1. Gebirgs-Division den Auftrag… — 23.05.1942 мною получен приказ от командира 1-ой горно-пехотной (горно-стрелковой) дивизии / отдел тыла… / am 24.5. wurde die Kp. auf Befehl der Div.1/Ib in Marsch gesetzt…–*

CC BY

24.05. от командира 1-ой горно-пехотной (горно-стрелковой) дивизии / отдел тыла поступил приказ о выдвижении роты / am 2.6. machte ich mit der Kp. Stellungswechsel nach Wesselyj zur Qu.Abt. — 02.06. произведена смена огневых позиций роты в населенный пункт Веселый в отдел тыла / ab 4.6. vorgesehen: … — с 04.06. запланировано: … / am nächsten Tag — на следующий день / … binnen einer Minute nur noch 4 Leute am Leben waren — … в течение одной минуты в живых осталось всего 4 человека / auf den Kämpfen um Barvenkovo — в боях под Барвенково (населенный пункт) / in Gawrilowka — Гавриловка (населенный пункт); vorläufig — временно и др.

Информация, закодированная в тексте, обусловлена прежде всего знаковой формой. В тексте наблюдаются типовые семантические связи между содержательными единицами и типовые формы их объединения в более крупные единицы — ***информационно-смысловые блоки***, связанные с отражением фрагментов реальной действительности и сопряженные с денотативной сферой «военные действия» на основе экстралингвистических параметров. При этом знание реципиентом наличествующих в данном тексте пресуппозиций (прежде всего ситуативные знания) — имеющейся у реципиента неязыковой информации о ходе военных действий — способствует адекватному пониманию содержания текста.

Текст военного донесения, отвечая требованиям формальной организации модели военно-информационного текста, отличается также наличием репрезентантов субъективно-оценочного и эмоционального характера. При этом концептуальная информация эксплицирована на вербальном уровне и практически сливается с фактуальной, которая содержит сведения о военнопленных и об использовании их в качестве рабочей силы, ср.: *eine Kgf.Kp., hauptsächlich aus Facharbeitern (Maurer, Zimmerleute, Mechaniker, Schuster. Schneider, sowie Leute mit Erfahrungen in Pi.Dienst) — формировании роты военнопленных из квалифицированных рабочих (каменщиков, плотников, механиков, сапожников, портных, а также людей с опытом работы в инженерии); sie zeigten sich über ihre Verwendung erfreut und bestätigten sich sofort aus eigenem Antrieb in nutzbarer Weise — с радостью проявили инициативу и незамедлительно выразили готовность к исполнению работ; von den Vorarbeitern wurden Leute gemeldet, die sich arbeitsunlustig zeigten — бригадиры докладывали о лицах, саботировавших работу; die unbrauchbaren Leute — непригодные для выполнения работ люди; zur Freizeitgestaltung 2 russ. Ziehharmonikas — 2 русские гармошки для организации досуга; veranstaltete ich ein geselliges Beisammensein mit Musik und Gesang — организован вечер отдыха с музыкой и песнями; die Stimmung war sehr gut — хорошее настроение.* Данные сведения находятся в отношении дополнительности к основной информации донесения, раскрывающей

конкретные военные события, и опосредованно выявляют отношение составителя донесения к излагаемому.

В плане синтаксической организации текста обращает на себя внимание построение предложений, которое позволяет беспрепятственно декодировать информацию с вычленением главного и отделением его от сопутствующего: развернутость простых предложений, отягощенных обособлениями, инфинитивными оборотами, перечислением однородных членов; наличие сложноподчиненных предложений, инкорпорирующих информацию уточняющего и дополнительного характера. Причинно-следственные, условно-следственные, целевые и т. п. связи передаются не только с помощью соответствующих союзов, союзных слов и др. лексико-грамматических средств (ср.: *daraufhin, dagegen, so dass, außerdem, jeweils, sowie*, также частица *zu* в инфинитивных конструкциях), а также позиционным соположением компонентов межфразовых единств (ср.: *Ich beschaffte 8 Panjegespanne, eine russische Feldküche, Bekleidung und Verpflegung… Die Kp. war nun in jeder Beziehung ausreichend ausgestattet — Добыты 8 телег, русская полевая кухня, обмундирование и продовольствие… Обеспечение роты организовано в достаточном объеме* (значение следствия) / *Am 27.5. erhielt ich von Ib erneut den Auftrag, zur Bildung einer Kgf.Kp. in Stärke von 100 Mann… In der Zwischenzeit beschaffte ich aus der angefangenen Beute 5 Lkw. Zum Transport der Gefangenen… — 27.05. получен приказ о создании роты военнопленных в количестве 100 человек… За это время добыты 5 трофейных грузовиков для транспортировки военнопленных* (причинно-следственное значение) / *Die Gefangenen waren durchwegs brauchbare Leute, die sich aus folgenden Berufsgruppen zusammensetzten… Sie zeigten sich über ihre Verwendung erfreut und bestätigten sich sofort aus eigenem Antrieb in nutzbarer Weise … Dagegen wurden mir … Leute gemeldet, die sich arbeitsunlustig zeigten. — Годные к работе военнопленные были распределены по роду занятий… Они с радостью проявили инициативу и незамедлительно выразили готовность к исполнению работ… Также мне было доложено о людях, не проявивших должного желания трудиться* (значение сопоставления).

Исходя из вышеизложенного, необходимо отметить, что текст архивного военного документа представляет собой строго организованную систему, где каждый элемент выполняет свою функцию, а связь между частями обеспечивается за счёт логики изложения и использования стандартных языковых средств.

4. Заключение = Conclusions

В ходе проведенного исследования были выявлены системные закономерности организации текста на материале немецкоязычных фронто-

CC BY

вых документов периода Великой Отечественной войны. Анализ показал, что данные тексты отличаются высокой степенью структурированности, стандартизированной формой и строгой логической последовательностью изложения. Такая организация текста обусловлена как функциональной направленностью документа, так и характером военно-профессиональной деятельности, в рамках которой он создавался.

На основе проанализированного материала установлено, что текст архивного военного документа представляет собой целостную семиотическую систему, включающую формальную (архитектонику) и содержательную (композицию) организацию. Архитектоника текста определяется наличием обязательных графических и координатных элементов: заголовка, отправителя / получателя, даты и места составления документа. Композиционная структура реализуется через разделение текста на смысловые блоки (вступление, основную часть и заключение) и обеспечивает эффективное восприятие информации адресатом.

Особое внимание в исследовании было уделено жанру «донесение», который составляет значительную долю в корпусе исследуемых текстов. Установлено, что донесение имеет устойчивую структуру, состоящую из следующих компонентов: 1) координатные данные; 2) заголовок; 3) описание события или ситуации; 4) оценка положения; 5) предложения или рекомендации; 6) подпись отправителя.

Анализ содержания позволил выявить ключевые темы донесений: численность и состояние подразделений, боевые действия, вопросы снабжения, информация о потерях и дисциплинарные инциденты. Языковая организация текста соответствует требованиям официально-делового стиля: преобладают номинативные конструкции, терминология, клише, минимальное количество эмоциональной окраски и максимальная конкретизация фактов.

В исследовании показано, что связность текста обеспечивается за счет использования рекуррентных слов и выражений, причинно-следственных и временных связей, стандартных речевых формул, графических средств выделения смысловых частей. Текстовые единицы связаны между собой не только логически, но и вербально, что создаёт устойчивый информационный поток, легко воспринимаемый получателем.

Важным результатом исследования стало уточнение принципов делимитации текста. Показано, что границы текстовых фрагментов определяются как формальными средствами (абзацы, маркированные списки, шрифтовые выделения), так и семантическими (тематическое завершение, переход к новой подтеме). Это позволяет говорить о существовании двух уровней деления текста: поверхностного (формального) и глубинного (смыслового).

Итак, установлено, что военные тексты архивных документов отличаются высокой степенью структурированности и семантической связности. Однако необходимо отметить, что данные характеристики не являются уникальными для военных текстов. Тем не менее выявленные особенности в дальнейшем позволят улучшить эффективность перевода и обработки военных документов.

Представленное исследование вносит вклад в развитие текстологической теории и практики анализа официально-деловых текстов, особенно в межъязыковом и межкультурном контексте. Оно демонстрирует важность учета жанровой специфики, структурной организации и функциональной ориентации текста при его изучении и интерпретации.

Результаты исследования используются в рамках социальных проектов Общероссийского общественного движения «Поисковое движение России» (г. Москва), Кировской областной молодежной поисковой организации «Долг» и Музейно-выставочного комплекса «Плацдарм» (г. Киров).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Литература

1. *Бахтин М. М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках (опыт философского анализа) / М. М. Бахтин // Литературно-критические статьи. — Москва : Изд-во Художественная литература, 1986. — С. 473—500.

2. *Бородько Д. А.* Лексические средства воплощения концепта «Вооруженный конфликт» в немецкоязычном новостном дискурсе / Д. А. Бородько // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2012. — № 150. — С. 71— 76.

3. *Валгина Н. С.* Теория текста / Н. С. Валгина. — Москва : Логос. 2003. — 250 с.

4. *Военный* энциклопедический словарь / предисловаие гл. ред. комиссии С. Ф. Ахромеева. 2-е изд. — Москва : Воениздат, 1986. — 863 с.

5. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — Москва : КомКнига, 2007. — 144 с. — ISBN 978-5-484-00854-4.

6. *Глебова М. А.* Текст как теоретическое понятие и научная проблема / М. А. Глебова // Евразийский научный журнал. — 2017. — № 5. — С. 28—31.

7. *Дуброва Ю. Ю.* Особенности военного дискурса / Ю. Ю. Дуброва // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2013. — Выпуск 5 (665). — С. 59—68.

8. *Карасик В. И.* Структура институционального дискурса / В. И. Карасик // Проблемы речевой коммуникации. — Саратов : Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 2002. — С. 25—33.

9. Лошак Г. П. Военный дискурс как специфическая составляющая делового дискурса / Г. П. Лошак // Деловой иностранный язык : Международная научно-практическая конференция, Рязань, 21–22 марта 2012 года. — Рязань : Ситников, 2012. — С. 160—165.

10. *Реферовская А. А.* Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте / А. А. Реферовская. — Ленинград : Наука, 1989. — 166 с. — ISBN 5-02-027871-8.

11. *Солганик Г. Я.* Синтаксическая стилистика. Сложное синтаксическое целое / Г. Я. Солганик. — Москва : УРСС, ЛКИ, 2007. — 232 с. — ISBN 5060004414.

12. *Сосаре М. В.* Лингвистические основы делимитации текста (К проблеме описания структуры текста) : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.19 / Мара Вестардовна Сосаре. — Москва, 1984. — 24 с.

13. *Уланов А. В.* Константы военной языковой картины мира в русском языке начала XX века / А. В. Уланов // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2014. — № 3 (4). — С. 64—68.

14. *Шашок Л. А.* Характерные особенности военного дискурса (на материале работ отечественных лингвистов) / Л. А. Шашок // Политическая лингвистика. — 2018. — Выпуск 6 (72). — С. 116—119.

15. *Юсупова Т. С.* Структурные особенности военного дискурса / Т. С. Юсупова // Известия Самарского научного центра РАН. — 2009. — Т. 11. — Выпуск 4. — С. 1055—1057.

16. *Brinker K.* Linguistische Textanalyse — Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden / K. Brinker, S. Pappert, H. Cölfen. — Berlin : Erich Schmidt Verlag, 2024. — 200 p.

17. *Dressler W. U.* Current Trends in Textlinguistics / W. U. Dressler. — Berlin : De Gruyter, 2014. — 316 p. — ISBN 3110065185.

18. *Heringer H. J.* Linguistische Texttheorie: Eine Einführung / H. J. Heringer. — Tübingen : A. Francke Verlag, 2015. — 219 p. — ISBN 3-8252-4471-7.

19. *Hoffmann L.* Kommunikationsmittel Fachsprache / L. Hoffmann. — Berlin : de Gruyter GmbH, Walter, 2022. — 308 p. — ISBN 9783112573129.

20. *Jung M.* Diskurshistorische Analyse — eine linguistische Perspektive / M. Jung // Handbuch Sozialwissenschaftliche Diskursanalyse. — 2011. — Pp. 35—59.

21. *Stenzel H.* Die Analyse und Interpretation literarischer Texte / H. Stenzel // Einführung in die spanische Literaturwissenschaft. — 2010. — Pp. 7—91.

22. *Text-* und Gesprächslinguistik : Linguistics of Text and Conversation / K. Brinker (ed.). — Berlin : Walter de Gruyter, 2000. — 937 p. — ISBN 3-11-013559-0.

Статья поступила в редакцию 03.03.2025,
одобрена после рецензирования 14.07.2025,
подготовлена к публикации 24.07.2025.

References

Bakhtin, M. M. (1986). The problem of text in linguistics, philology and other humanities (the experience of philosophical analysis). In: *Literary and critical articles.* Moscow: Publishing house of Fiction. 473—500. (In Russ.).

Borodko, D. A. (2012). Lexical means of embodiment of the concept “Armed conflict” in the German-language news discourse. *Bulletin of the Herzen State Pedagogical University of Russia, 150*: 71-76. (In Russ.).

Brinker, K. (2000). (ed.). *Text- und Gesprächslinguistik : Linguistics of Text and Conversation.* Berlin: Walter de Gruyter. 937 p. ISBN 3-11-013559-0. (In Germ.).

Brinker, K., Pappert, S., Cölfen, H. (2024). *Linguistische Textanalyse — Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden.* Berlin: Erich Schmidt Verlag. 200 p. (In Germ.).

Dressler, W. U. (2014). *Current Trends in Textlinguistics.* Berlin: De Gruyter. 316 p. ISBN 3110065185. (In Germ.).

Dubrova, Yu. Y. (2013). Features of military discourse. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University, 5 (665):* 59—68. (In Russ.).

Galperin, I. R. (2007). *Text as an object of linguistic research.* Moscow: KomKniga. 144 p. ISBN 978-5-484-00854-4. (In Russ.).

Glebova, M. A. (2017). Text as a theoretical concept and a scientific problem. *Eurasian Scientific Journal, 5:* 28—31. (In Russ.).

Heringer, H. J. (2015). *Linguistische Texttheorie: Eine Einführung.* Tübingen: A. Francke Verlag. 219 p. ISBN 3-8252-4471-7. (In Germ.).

Hoffmann, L. (2022). *Kommunikationsmittel Fachsprache.* Berlin: de Gruyter GmbH, Walter. 308 p. ISBN 9783112573129. (In Germ.).

Jung, M. (2011). Diskurshistorische Analyse — eine linguistische Perspektive. *Handbuch Sozialwissenschaftliche Diskursanalyse.* 35—59. (In Germ.).

Karasi, V. I. (2002). The structure of institutional discourse. In: *Problems of speech communication.* Saratov: Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky. 25—33. (In Russ.).

Loshak, G. P. (2012). Military discourse as a specific component of business discourse. In: *Business foreign language*: International scientific and practical conference, Ryazan, March 21–22, 2012. Ryazan: Sitnikov. 160–165. (In Russ.).

Military Encyclopedic Dictionary. 2nd ed. (1986). Moscow: Voenizdat. 863 p. (In Russ.).

Referovskaya, A. A. (1989). *The communicative structure of the text in the lexico-grammatical aspect.* Leningrad: Nauka Publ. 166 p. ISBN 5-02-027871-8. (In Russ.).

Shashok, L. A. (2018). Characteristic features of military discourse (based on the works of Russian linguists). *Political linguistics, 6 (72):* 116—119. (In Russ.).

Solganik, G. Ya. (2007). *Syntactic stylistics. A complex syntactic whole.* Moscow: URSS, LKI. 232 p. ISBN 5060004414. (In Russ.).

Sosare, M. V. (1984). *Linguistic foundations of text delimitation (On the problem of describing the structure of the text).* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 24 p. (In Russ.).

Stenzel, H. (2010). Die Analyse und Interpretation literarischer Texte. *Einführung in die spanische Literaturwissenschaft.* 7—91. (In Germ.).

Ulanov, A. V. (2014). Constants of the military linguistic picture of the world in the Russian of the early 20th century. *Bulletin of the Omsk State Pedagogical University. Humanities studies, 3* (4): 64-68. (In Russ.).

Valgina, N. S. (2003). *Theory of text.* Moscow: Logos. 250 p. (In Russ.).

Yusupova, T. S. (2009). Structural features of military discourse. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 11 (4):* 1055—1057. (In Russ.).

The article was submitted 03.03.2025;
approved after reviewing 14.07.2025;
accepted for publication 24.07.2025.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Рабенко Т. Г. Образ автора в жанре корпоративного сайта адвокатской организации (на материале адвокатских организаций Кемеровской области — Кузбасса) / Т. Г. Рабенко // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 6. — С. 112—131. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-112-131.

Rabenko, T. G. (2025). Authorial Image in Genre of Corporate Websites of Law Firms: A Study of Legal Organizations in Kemerovo Region (Kuzbass). *Nauchnyi dialog, 14* (6): 112-131. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-112-131. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Образ автора в жанре корпоративного сайта адвокатской организации (на материале адвокатских организаций Кемеровской области — Кузбасса)

Рабенко Татьяна Геннадьевна
orcid.org/0000-0003-3434-8542
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры стилистики
и риторики
tat.rabenko@yandex.ru

Кемеровский
государственный университет
(Кемерово, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-20206, https://rscf.ru/project/25-28-20206/ и Кемеровской области — Кузбасса

Authorial Image in Genre of Corporate Websites of Law Firms: A Study of Legal Organizations in Kemerovo Region (Kuzbass)

Tatyana G. Rabenko
orcid.org/0000-0003-3434-8542
Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of the Department
of Stylistics and Rhetoric
tat.rabenko@yandex.ru

Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia)

Acknowledgments:
This research was funded by a grant from the Russian Science Foundation and Kemerovo Region — Kuzbass, № 25-28-20206 https://rscf.ru/project/25-28-20206/

© Рабенко Т. Г., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется образ автора корпоративного сайта адвокатской организации. Под образом автора понимается образ самой адвокатской организации как некоего обобщенного лица, которое формирует виртуальное представительство компании в виде корпоративного сайта. Материалом исследования являются корпоративные сайты ряда адвокатских организаций Кемеровской области — Кузбасса. Применяется коммуникативно-прагматический метод, привлекаемый для изучения речевого произведения с учетом прагматических свойств единиц, избираемых в связи со спецификой ситуации общения, участников коммуникации, их социальной роли и электронного носителя информации. Язык рассматривается как участник маркетинговой коммуникации, рыночных отношений, который способствует максимально успешной реализации услуг, оказываемых организацией. Установлено, что для осуществления эффективной маркетинговой коммуникации в рамках корпоративного сайта используются коммуникативные стратегии, направленные на моделирование положительного образа адвокатской организации: стратегия создания образа легитимной организации, стратегия моделирования образа авторитетной организации, стратегия формирования образа успешной организации и стратегия гиперболизации образа организации. В ходе анализа выявляются поликодовые средства актуализации данных стратегий, детерминированные жанровой спецификой текста и электронной природой субстрата (материального носителя знака).

Ключевые слова:
корпоративный дискурс; корпоративный сайт; речевой жанр; образ автора; адвокатская организация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates the authorial image presented on the corporate websites of law firms. The authorial image is understood as the representation of the law firm itself, functioning as a generalized persona that shapes the virtual presence of the organization through its corporate website. The research material comprises the corporate websites of several law firms located in the Kemerovo region (Kuzbass). A communicative-pragmatic approach is employed to analyze the discourse, taking into account the pragmatic properties of language units selected according to the specifics of the communicative situation, the participants involved, their social roles, and the electronic medium of information. Language is viewed as a participant in marketing communication and market relations, facilitating the successful delivery of services provided by the organization. It is established that effective marketing communication within the corporate website employs communicative strategies aimed at constructing a positive image of the law firm: strategies for creating an image of a legitimate organization, modeling an authoritative organization, shaping an image of a successful organization, and hyperbolizing the organization's image. The analysis reveals polycode means of actualizing these strategies, determined by the genre-specific characteristics of the text and the electronic nature of the substrate (the material carrier of the sign).

Key words:
corporate discourse; corporate website; speech genre; authorial image; law firm.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.161.1’42:004.738.5+659.127.3/.6
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-112-131

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Образ автора в жанре корпоративного сайта адвокатской организации (на материале адвокатских организаций Кемеровской области — Кузбасса)

© Рабенко Т. Г., 2025

1. Введение = Introduction

В настоящей статье представлены результаты научного исследования, направленного на воссоздание образа автора корпоративного сайта адвокатской организации.

Актуальность данной работы определяется двумя обстоятельствами, отсылающими к лингвомаркетологической и речежанроведческой линиям развития исследования. С активизацией научного интереса к феномену корпоративного дискурса усиливается внимание к описанию знакового его продукта — корпоративного сайта как инструмента создания и продвижения коммерчески привлекательного имиджа организации, площадки взаимодействия с потенциальным потребителем услуг. Устремленность лингвистической науки к новому объекту — корпоративному сайту — детерминирована, помимо прочего, необходимостью изучения «маркетинговых свойств» языка. С развитием Интернета как инструмента маркетинга компании активизируют сетевой аспект осуществляемой деятельности. «Организация и продвижение корпоративного сайта, выступающего как официальное представительство компании в сети Интернет и реализующего ее корпоративную политику, является сегодня одним из наиболее востребованных сервисов» [Сидорова, 2007, с. 99].

Корпоративный сайт организации может быть рассмотрен с позиции речевого жанроведения, поскольку являет собой одно из жанровых воплощений корпоративного дискурса как «продукта корпоративной культуры и инструмента ее формирования» [Колобова, 2009, с. 3]. Изучение корпоративного сайта как жанровой репрезентации корпоративного дискурса позволит установить сущностные признаки этого жанра, сближающие его с иными жанровыми формами данного типа дискурса, и те характеристики, которые отличают корпоративный сайт от прочих реализаций корпо-

ративного дискурса. Многоаспектное изучение корпоративного сайта позволит выработать рекомендации, касающиеся эффективного с позиции лингвопрагматики воплощения его контента (отбор коммуникативных стратегий, направленных на моделирование положительного образа организации; использование семиотически разнородного эмпирического материала, способствующего информативности сайта, его привлекательности для целевой аудитории).

Научная новизна исследования заключается как в новом исследовательском объекте: корпоративный сайт адвокатской организации ранее не становился объектом изучения, так и в избранном ракурсе его описания. Корпоративный сайт адвокатской организации рассмотрен с позиции одного из его жанрообразующих признаков — образа автора [Шмелева, 1997, с. 88]. Задействованные в рамках корпоративного сайта коммуникативные стратегии направлены на моделирование положительного образа адвокатской организации как легитимной, авторитетной и успешной компании. Нацеленный на создание и продвижение коммерчески привлекательного имиджа организации, установление эффективного взаимодействия с потенциальным потребителем юридических услуг, корпоративный сайт компании является одним из ключевых компонентов успешной маркетинговой коммуникации. Реализация данных коммуникативных стратегий осуществляется системой разнородных семиотических средств, ориентированных на воплощение генеральной речемыслительной стратегии корпоративного сайта — продвижение юридических услуг, развитие бизнеса, укрепление репутации компании.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель настоящего исследования — смоделировать типовой образ автора корпоративного сайта адвокатской организации посредством описания коммуникативных стратегий и репрезентирующих их поликодовых единиц, которые актуализируют жанровые признаки образа автора.

Фактологическую базу исследования составили корпоративные сайты ряда адвокатских организаций Кемеровской области — Кузбасса: адвокатский кабинет «Вострилков Владислав Викторович» (г. Новокузнецк), https://advocatvostrilkov.ru/; адвокатский кабинет «Шацких Евгений Валерьевич» (г. Новокузнецк), https://www.advokat353.ru; коллегия адвокатов Новокузнецкого района Кемеровской области № 44, https://advokaty-nvkz.ru; коллегия адвокатов «Шеманский и партнеры» (г. Новокузнецк), https://advokat42.ru/; адвокатская организация «Адвокат Пешков и партнеры», (представительство в г. Кемерово), https://pravo-pro.ru/advokat-peshkov-i-partnery/?city=28-g-kemerovo&type=yurisprudenciya; коллегия адвокатов

Рудничного района г. Прокопьевска Кемеровской области № 53, https://коллегия42-53.рф/?ysclid=m911btuwqm 600079281; юридическая консультация «Надежный адвокат» (г. Новокузнецк), https://адвокат-гильмутдинов.рф/contact.html; юридическая консультация «Адвокат Р. Т. Мингалеев» (г. Юрга), https://advokat-ramil-mingaleev.ru/#about; правовая группа «Любич и партнеры» (г. Белово), https://pravovayagruppa.ru/; юридическая компания «Trust Lawyer» (г. Новокузнецк), https://lawyertrust.ru/?ysclid=m8y8homvsq 619123510; юридическая компания «Плеяда» (г. Новокузнецк), https://pleyada-law.ru/ (всего 11 сайтов).

На рис. 1 и 2 приведены примеры главных страниц сайтов адвокатских организаций.

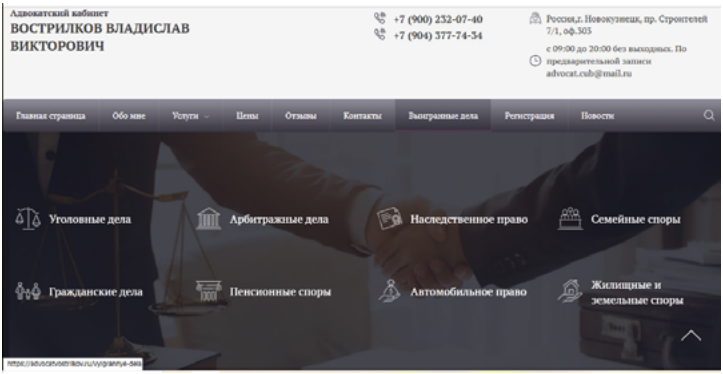


Рис. 1. Главная страница сайта «Адвокатский кабинет “Вострилков В. В.”»
Fig. 1. The main page of the website “Lawyer’s office “Vostrilkov V. V.””

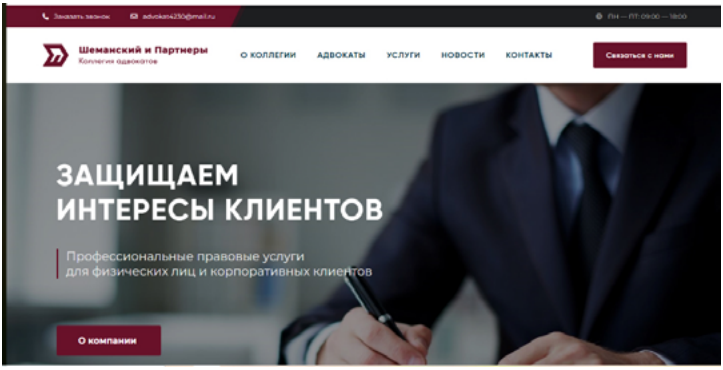


Рис. 2. Главная страница сайта «Коллегия адвокатов “Шеманский и партнеры”»
Fig. 2. The main page of the website of the Shemansky and Partners Bar Association

CC BY

Ведущим методом исследования выступил коммуникативно-прагматический метод, используемый для изучения речевого произведения с учетом прагматических свойств единиц, избираемых в связи со спецификой ситуации общения, участников коммуникации, их социальной роли и электронного субстрата (материального носителя знака).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Вписываясь в контекст современного жанроведения, настоящее исследование основывается на двух методологических положениях теории речевых жанров М. М. Бахтина, принципиально важных для понимания природы речевого жанра в целом и для проведения дальнейшего исследования.

Первое положение. Речевой жанр рассматривается как типизированная модель высказывания, жанровое единство которого обеспечивается типизированностью тематического содержания, стиля и композиционного построения [Бахтин, 1986, с. 237].

Второе положение. В каждом «высказывании, его объеме и его границах» проявляется речевой замысел или речевая воля говорящего / пишущего [Там же, с. 256]. Речевой замысел говорящего / пишущего проявляется в выборе жанровой формы высказывания, соизмеримой со спецификой сферы речевого общения, соответствующего ей предметно-смыслового наполнения высказывания, состава коммуникантов. «Речевой замысел говорящего со всей его индивидуальностью и субъективностью применяется и приспосабливается к избранному жанру, складывается и развивается в определенной жанровой форме» [Там же, с. 256]. В связи с этим можно говорить о проявленности (отражении) в речевом высказывании образа автора (индивидуального авторского начала), который, руководствуясь жанровыми канонами, имеющимися в его жанровом сознании, облекает высказывание в некую жанровую форму.

Творчески развивая идеи бахтинской теории речевых жанров, Т. В. Шмелева определяет понятие «образ автора» с позиции его участия в моделировании жанра речи. Под *образом автора* Т. В. Шмелева понимает ту «информацию, которая заложена об авторе как об участнике общения в типовой проект речевого жанра, обеспечивая ему успешное осуществление» [Шмелева, 1997, с. 91]. В ракурсе жанроведческого описания образ автора представляется в виде определенного конструкта, который кодирует в жанровой модели речевого высказывания информацию об авторе жанра. Л. Г. Ким и М. В. Устинова называют такой тип автора интенциональным. «Интенциональный автор — это воплощенный в дискурсе образ автора в аспекте реализации его коммуникативных намерений («Я хочу представить себя таким...»)» [Ким и др., 2024, с. 117]. Опираясь на поло-

CC BY

жение Т. В. Шмелевой о типовом характере образа автора, К. И. Бринев и Н. И. Тюкаева предлагают к научному использованию термин *типовой автор текстов речевого жанра*, понимая данный феномен как «комплекс единиц (признаков жанра), характеризующих автора типового высказывания, выполняющих жанрообразующие функции (типизация, распознавание, идентификация, перевод, диагностика, прогнозирование, нормирование), системноорганизующих высказывание (моделирующих), детерминирующих единство формы и содержания жанра» [Бринев и др., 2021, с. 157]. С учетом всего выше обозначенного в структуре образа автора, типологически соотносимого с неким речевым жанром, выделяется два компонента: индивидуальный и жанровый. Индивидуальный компонент отражает «тип поведения конкретного автора, его индивидуальные характеристики, проявленные в структуре определенного высказывания» [Там же, с. 158]. Обозначенный компонент «вытекает из ментально-психологических особенностей личности, данных ей от природы» [Голев, 2006, с. 348]. В свою очередь «жанровый компонент в структуре образа автора представлен как тип коммуникативного поведения, общий для ряда авторов, сформированный под влиянием социокультурных и собственно языковых факторов, в отличие от его индивидуальных проявлений» [Бринев и др., 2021, с. 158]. Полагаем, что с появлением Интернета и сетевых жанров возможно говорить о влиянии на коммуникативное поведение автора электронного субстрата как материального носителя информации. Принципиальная роль субстрата в коммуникативной структуре высказывания заключается в его функции канала связи, который до определенной степени определяет жанровые характеристики самого процесса речи и ее результата — текста [Лебедева и др., 2022, с. 300]. По нашему мнению, жанровый компонент более последовательно реализуется в жанрах институционального дискурса, где речевое общение осуществляется по определенному шаблону и важна институциональная роль участников коммуникации. Речевое высказывание строится в соответствии с определенной жанровой моделью, доля индивидуального минимальна (признаем, что доля типизированного / стандартного и вариативного / индивидуального может быть различной в разных жанрах институционального дискурса).

В условиях интернет-среды институциональный дискурс во множестве своих жанровых репрезентаций реализуется как общение в заданных рамках социально-ролевых отношений. Одной из жанровых форм институционального (корпоративного) дискурса оказывается корпоративный сайт официальной организации. Представляя организацию в Интернете, корпоративный сайт выступает в качестве имиджевого инструмента, который должен запоминаться целевой аудитории «своим уникальным

дизайном, удобной функциональностью и гибкостью в управлении. Способствуя продвижению предлагаемых организацией услуг, грамотно сделанный корпоративный сайт привлекает клиентов и деловых партнеров», что коррелирует с маркетинговой функцией корпоративного сайта как одного из элементов айдентики [Потеряхина, 2011, с. 111; Потеряхина, 2013, с. 49]. В качестве объекта настоящего исследования выступает корпоративный сайт адвокатской организации.

Для предпринимаемого исследования, связанного с моделированием образа автора корпоративного сайта адвокатской организации, важно обозначить формы адвокатских образований, которые регламентированы Федеральным законом от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [Об адвокатской деятельности …, 2002]. Среди данных форм выделяются адвокатский кабинет, коллегия адвокатов, адвокатское бюро, юридическая консультация. С учетом обозначенных форм адвокатских образований в рамках исследуемого материала обнаруживается два типа автора, выделяемые исходя из специфики адвокатской организации (индивидуальное / неиндивидуальное осуществление адвокатской деятельности). Первый тип автора представлен в рамках корпоративных сайтов таких адвокатских образований, как коллегия адвокатов, адвокатское бюро, юридическая консультация. Обозначенные адвокатские образования учреждаются двумя и более адвокатами [Там же]. В данном случае в качестве образа автора жанра корпоративного сайта адвокатской организации рассматривается образ самой адвокатской организации как некоего обобщенного лица, которое формирует «своеобразное виртуальное представительство компании в виде корпоративного сайта» [Потеряхина, 2013, с. 50].

Второй тип автора представлен в рамках корпоративного сайта такого адвокатского образования, как адвокатский кабинет. Последний вправе учредить «адвокат, имеющий стаж адвокатской деятельности не менее трех лет и принявший решение осуществлять адвокатскую деятельность индивидуально» [Об адвокатской деятельности…, 2016, 2019]. Экстраполируя данное положение на эмпирический материал исследования, можно говорить о персонифицированном образе автора, представленном на сайте адвокатского кабинета. Образ личности адвоката присутствует в жанровой структуре сайта. Создавая персонифицированный образ, автор корпоративного сайта адвокатского кабинета выделяет те характеристики, которые значимы для формирования его профессионального имиджа: *«Я, Мингалеев Рамиль Тагирович, имею общий юридический стаж с 1998 года. С 2012 года занимаюсь адвокатской деятельностью, являюсь членом коллегии адвокатов Кемеровской области. Регистрационный номер в реестре*

адвокатов Кемеровской области — 42/1249. Основными направлениями моей деятельности являются защита прав и законных интересов доверителя по уголовным делам в судах общей юрисдикции; представление интересов доврителей по гражданским и административным делам ...» (юридическая консультация «Адвокат Р. Т. Мингалеев»). Такой автор презентует себя с позиции его причастности к определенной социальной (профессиональной) группе. В итоге возникает «смешение институциональности и персональности», что, по наблюдению П. М. Дайнеко, специфично для институциональной интернет-коммуникации [Дайнеко, 2011, с. 11]. Конструируя свой профессиональный имидж, владелец адвокатского кабинета «стремится не столько раскрыть свою истинную идентичность, сколько продемонстрировать некоторую часть своих персональных характеристик», необходимых для достижения конкретной прагматической цели, определяемой его профессиональной деятельностью адвоката [Там же].

В целом не обнаруживается существенных различий в способах и средствах моделирования типового образа автора корпоративного сайта адвокатской организации на уровне индивидуальной и коллективных форм адвокатских образований. Образ автора корпоративных сайтов всех адвокатских образований визуализирован за счет размещения на сайте фотографий представителей компании. На рис. 3 дан пример размещения на сайте фотографий сотрудников компании адвокатской организации.

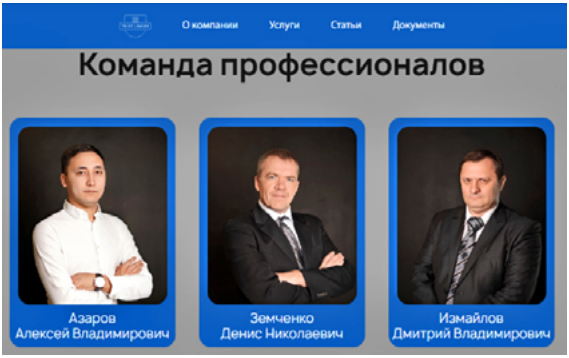


Рис. 3. Образец размещения фотографий
сотрудников адвокатской организации «Trust Lawyer»

Fig. 3. An example of posting photos of employees
of the lawyer's office «Trust Lawyer»

Паспортизация типового автора корпоративного сайта адвокатской организации предполагает установление характеристик, свойственных

CC BY

жанру при воплощении образа автора. Выявление признаков образа автора корпоративного сайта компании осуществляется за счет выделения типичного (стандартного, частотного) для этого сетевого жанра семиотически разнородного эмпирического материала, который актуализирует определенные коммуникативные стратегии, направленные на конструирование профессионального имиджа организации. В основе последнего лежит целостное восприятие компании, которое складывается в результате специально проектируемых организацией действий. Этот образ организации, который основывается «на особенностях ее деятельности <…> качествах и характеристиках, целенаправленно внедряется в сознании (подсознании) целевой аудитории, соответствует ее ожиданиям и служит основой отличия организации от аналогичных» [Горчакова, 2012 с. 82].

Для обеспечения положительного отношения к организации в рамках корпоративного дискурса применяется прежде всего стратегия «построение позитивного образа самой компании» [Ромашова, 2020, с. 368]. Роль стратегии построения собственного имиджа компании (иначе — стратегии самопрезентации, то есть формирования коммуникантом собственного положительного образа у реципиента) значительно возрастает в «обезличенной» институциональной интернет-среде [Дайнеко, 2011, с. 6]. Ван Дейк в связи с этим отмечает, что стремление «представлять себя в положительном свете характерно для большинства форм общественного дискурса, где хорошее впечатление может быть даже более важным, чем в неформальном повседневном общении, например, по причине более сильного воздействия на большую аудиторию, а также ввиду возможного ущерба для профессиональной <…> репутации, который может стать следствием неправильного представления Себя» [Дейк ван, 2009, с. 41]. Стратегия создания положительного образа выступает как гиперстратегия, которая реализуется при посредстве более частных стратегий. Обозначим их.

3.1. Стратегия создания образа легитимной организации

А. Ссылка на тексты юридических и административных документов, призванных подтвердить законность деятельности адвокатской организации. Легитимирующим эффектом обладают ссылки на юридические и административные документы, размещаемые на корпоративном сайте (возможные разделы сайта «Документы», «Информация», «Гражданам» и пр.), к примеру, Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре», Кодекс профессиональной этики адвоката, Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, Хартия основополагающих принципов адвокатской деятельности, Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, выдержки

из Федеральных законов РФ «О персональных данных», лицензии, дающие право на осуществление адвокатской деятельности, свидетельства о повышении квалификации сотрудников организации и пр. Ссылка на данные документы может сопровождаться размещением их скриншотов.

Б. Признание легитимности деятельности организации органами власти. Данная тактика актуализируется посредством ключевых слов, называющих властные структуры: *муниципальные органы власти, Администрация Кемеровской области, Федеральная Палата адвокатов Российской Федерации* и пр. Например: *«Мы единственная компания, **пользующаяся доверием муниципальных органов власти в Кемеровской области**»* (компания «Плеяда»). *«Профессиональная деятельность ряда адвокатов коллегии **отмечена наградами Администрации Кемеровской области, Почетными грамотами Федеральной Палаты адвокатов Российской Федерации, грамотами Администрации г. Новокузнецка и Адвокатской палаты Кемеровской области**»* (коллегия адвокатов Новокузнецкого района Кемеровской области № 44).

В. Косвенная ссылка на документы, подтверждающие легитимность организации. Обозначенная тактика репрезентируется с помощью ключевых слов *закон, законный, законодательство, официальный* и др. Например: *«Целью нашей деятельности является адресная юридическая помощь, построенная на знаниях **Российского законодательства** и внимательном отношении к каждому клиенту»* (коллегия адвокатов «Шеманский и партнеры»). *«Мы обладаем уникальной практикой применения **законодательства** в сфере банкротства, корпоративного, налогового и банковского права»* (адвокатская организация «Адвокат Пешков и партнеры»), *«Мы всегда заключаем **официальные договора** на оказание юридических услуг»* (правовая группа «Любич и партнеры»).

3.2. Стратегия создания образа организации, авторитетной в своей сфере

Данная стратегия (конструирование образа авторитетной корпорации) заключается в создании имиджа компании как авторитетного субъекта профессиональной деятельности, эксперта в своей области [Кондратьева, 2022, с. 200]. Обозначенная стратегия находит выражение в использовании определенных речевых тактик, маркирующих коммуникативную категорию авторитетности [Кашкин, 2007, с. 12].

А. Перечисление достижений адвокатской организации, званий, регалий ее специалистов. Благодаря использованию «статусных маркеров как прямых маркеров авторитетности в дискурсе» [Там же, с. 14] образ автора приобретает черты лидера данной профессиональной сферы. Например: ***«Председатель коллегии — адвокат с многолетним стажем***

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

<…> в коллегии есть ***победители и номинанты областных профессиональных конкурсов Адвокатской палаты Кемеровской области*** *<…>* ***Профессионалами высокого класса*** *являются* ***адвокаты*** *<…> Все они обладают квалификацией, позволяющей представлять интересы доверителя по гражданским, уголовным, административным делам»* (коллегия адвокатов Новокузнецкого района Кемеровской области № 44). *«За время работы в органах прокуратуры* ***прошел стажировку*** *и обучение в Иркутском институте* ***при Генеральной прокуратуре РФ, отмечен поощрениями»*** (адвокатский кабинет «Вострилков В. В.»).

Б. В число маркеров авторитетности входит информация о победах сотрудников компании в профессиональных конкурсах: *«С 17.07.2017 года* [Шабанов О. Н. — прим. авт.] *является адвокатом Коллегии адвокатов № 42/30 “Шеманский и Партнеры” Кемеровской области. Лауреат областного профессионального конкурса Адвокатов АП КО “Лучшая адвокатская работа года” за 2017—2018 годы. II место в номинации “Лучшие речи адвокатов в суде” (по уголовным делам). III место в номинации “Лучшее составление процессуальных документов” (по уголовным делам)»* (коллегия адвокатов «Шеманский и партнеры»).

В число аксиологических характеристик, призванных к усилению авторитетности адвокатской организации, включаются следующие.

Профессионализм сотрудников адвокатской организации: *«АК “Вострилков В. В.” был образован мной с единственной целью: сохранить безусловные непререкаемые принципы работы, присущие Российской адвокатуре, как* ***профессионализм*** *и независимость адвоката, оказание* ***квалифицированной*** *юридической помощи физическим и юридическим лицам»* (адвокатский кабинет «Вострилков В. В.»). *«Доверяя свой вопрос нам, Вы доверяете его решение команде* ***высококвалифицированных*** *юристов, которые имеют значительный опыт представления интересов своих доверителей в разрешении различных правовых вопросов»* (адвокатская контора «Адвокат Пешков и партнеры»). *«У нас работают* ***профессионалы****, для которых нет неразрешимых споров, а есть лишь сложные ситуации, которые требуют разработки грамотной стратегии»* (юридическая компания «Trust Lawyer»).

О профессионализме сотрудников адвокатской организации призваны свидетельствовать и избираемые для адвокатских организаций названия, среди которых «Плеяда», «Лига профессионалов». См.: Плеяда — «книжн. Группа выдающихся деятелей в какой-л. области культуры, науки в одну эпоху» [БТС, 2000, с. 842]. Профессионал — «Тот, кто сделал какое-л. занятие, деятельность своей профессией || Хороший специалист» [БТС, 2000, с. 1035]. Такого рода звучные, лаконичные и легкие для запоминания на-

CC BY

звания адвокатских организаций способствуют созданию положительного образа компании и привлечению внимания целевой аудитории.

3.3. Большой опыт успешной профессиональной деятельности

*«Мой **профессиональный опыт** в сфере уголовного права составляет более 20 лет»* (адвокатский кабинет «Шацких Е. В.»). *«**Более 20 лет** отвечаю за работу своей репутацией»* (юридическая консультация «Адвокат Мингалеев Р. Т.»). *«Для вас работают опытные юристы — специалисты с **большим опытом работы** — которые всегда готовы ответить на ваши вопросы»* (юридическая компания «Плеяда»).

Этичность. Соблюдение норм этики. *«**Этика** требует соблюдения требований адвокатского сообщества и выполнения установленных в нём правил поведения с коллегами, клиентами, судом и другими субъектами профессиональных взаимоотношений»* (коллегия адвокатов Новокузнецкого района Кемеровской области № 44).

В свою очередь среди аксиологических доминант адвокатской деятельности, сопряженных с категориями этики, отмечаются следующие качества.

Честность. *«**Честность** превыше всего! Мы сразу обсудим и оценим перспективы дела. Если дело заведомо проигрышное, мы **честно** сообщим Вам об этом еще до начала работы»* (коллегия адвокатов «Шеманский и партнеры»).

Конфиденциальность в осуществляемой деятельности. *«**Строгое соблюдение адвокатской тайны** — один из важнейших принципов моей работы»* (адвокатский кабинет «Вострелков В. В.»). *«**Тайна обращения** к адвокату охраняется законом об адвокатской деятельности и адвокатуре»* (юридическая консультация «Надежный адвокат).

Верность профессиональному долгу и адвокатской присяге (корпоративность как верность интересам корпорации). *«В коллективе существует преемственность традиций, главная из которых — **верность долгу и адвокатской присяге**. Адвокатская деятельность покоится на трёх китах: профессионализме, этике и корпоративности. Профессионализм адвоката означает высочайшую квалификацию и компетентность, поставленные на защиту права. Этика требует соблюдения требований адвокатского сообщества и выполнения установленных в нём правил поведения с коллегами, клиентами, судом и другими субъектами профессиональных взаимоотношений. Корпоративность подразумевает не только принадлежность к своему сословию, но и требует поддержания чести, достоинства, репутации, а также высокой деловой и культурной марки российского адвоката»* (коллегия адвокатов Новокузнецкого района Кемеровской области № 44).

CC BY

Обозначенные аксиологемы, выявляемые в контенте корпоративного сайта, отражают нравственные критерии профессиональной деятельности адвоката, зафиксированные в «Кодексе профессиональной этики адвоката» [Кодекс ..., 2003].

В. Формированию положительного образа адвокатской организации способствуют размещаемые на сайте отзывы клиентов о работе адвоката (рис. 4).

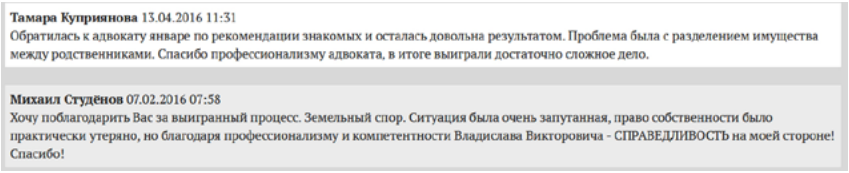


Рис. 4. Отзыв клиентов, размещенный на сайте
«Адвокатский кабинет “Вострилков В. В.”»
Fig. 4. Customer feedback posted on the website of Vostrelkov V. V. Law Office

Интерактивные возможности корпоративного сайта позволяют представить образ адвокатской организации как компании, которая открыта к диалогу с целевой аудиторией (интерактивность корпоративного сайта). На сайтах организаций размещается гиперссылка «Связаться с нами», «Заказать звонок», пройдя по которой клиент может оставить свои контактные данные для связи с ним специалиста.

3.4. Стратегия конструирования образа успешной организации

В размещаемом на корпоративном сайте контенте акцентируется внимание на профессиональных успехах представителей адвокатской организации. Базовую группу единиц, призванных к созданию образа успешной организации, составляют лексические единицы с корнесловом *успех / успеш-*: *успех*, *успешный, успешно*.

«Адвокат Пешков и партнёры — это сообщество профессионалов, которые уже на протяжении 10 лет ***успешно*** *защищают права и свободы граждан»* (адвокатская организация «Адвокат Пешков и партнеры»). *«980* ***успешных*** *дел»* (адвокат Мигалеев Р. Т.). *«Юристы правовой группы «Любич и партнеры» наработали огромный опыт и безупречный послужной список, который включает в себя сотни* ***успешно*** *завершенных юридических проектов различной степени сложности»* (правовая группа «Любич и партнеры»).

Ряд адвокатских организаций размещают на сайте кейсы особо успешных дел. С ними можно ознакомиться, пройдя по гиперссылке (раздел сайта «Выигранные дела» и под.).

3.5. Стратегия гиперболизации образа адвокатской организации

Стратегия гиперболизации заключается в «создании масштабного образа компании», играющей значительную роль в жизни целевой аудитории [Ромашова, 2020, с. 368]. Названная стратегия актуализируется в следующих высказываниях: *«Помогли выиграть споры уже 1000 клиентам», «Вы можете положиться на нас на 100 %!»* (юридическая компания Trust Lawyer). *«Клиенты доверяют мне в самых сложных вопросах, потому что знают, что я сделаю всё для достижения наилучшего результата»* (адвокатский кабинет «Шацких Е. В.»).

Обозначенная стратегия активно реализуется в слоганах, размещаемых на сайтах адвокатских организаций: *«Люди выбирают нас. С нами работает весь Кузбасс»* (юридическая компания Trust Lawyer); *«Мы — те, кто результатом дела завоевывает клиентов!»* (юридическая компания Trust Lawyer); *«Исключительно юридическая помощь и защита — исключительные результаты!»* (адвокатская организация «Адвокат Пешков и партнеры»), *«Закон для всех — защита каждому»* (адвокатский кабинет «Вострелков В. В.»). Далее представлен пример размещения слогана на главной странице корпоративного сайта (рис. 5).

Рис. 5. Слоган, размещенный на сайте «Адвокат Пешков и партнеры»
Fig. 5. The slogan posted on the website of Lawyer Peshkov and Partners

Формированию позитивного имиджа компании способствует активное использование лексических единиц с корнесловом *защит-, помощь-*, направленных на создание образа надежной адвокатской организации, помогающей успешно решить все юридические вопросы и призванной защитить в случае нарушения прав клиента: о*беспечим надежную защиту, защитим ваши права; предоставим комплексную помощь, юридическая/профессиональная правовая помощь, поможем вам защитить права как потребителя услуг* и др.

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы, связанные со спецификой образа автора корпоративного сайта адвокатской организации и жанровой модели самого корпоративного сайта в целом.

CC BY

Бахтинская идея речежанровой природы высказывания как типизированного триединства композиции, темы и стиля, воплощаемого в реальной ситуации общения речевой волей говорящего исходя из специфики ситуации, получает дальнейшее развитие в трудах современных ученых (Т. В. Шмелева, К. И. Бринев, Н. И. Тюкаева и др.). Типизированность жанрового воплощения высказывания и вместе с тем возможность его вариативной реализации, возникающей по ряду причин (среди них индивидуальная специфика говорящего, особенности субстрата как материального носителя языкового знака и пр.) позволяют выделить в жанровой модели высказывания два компонента — индивидуальный и жанровый. Полагаем, что проявленность того и иного компонентов зависит в том числе от характера реализуемого дискурса. В институциональном дискурсе жанровая форма высказывания реализована более последовательно в силу жесткой регламентированности и стандартизованности деловой коммуникации (хотя степень регламентированности разнится в разных ее жанрах). Если автор и стремится персонифицировать свой образ в рамках институционального общения (обозначить свои персональные качества), это стремление направлено на решение конкретной прагматической задачи — создание социального (профессионального) имиджа успешного адвоката, что приводит к сопряжению в корпоративном дискурсе (в одном из его жанровых реализаций) институциональности и персональности.

Особенности институционального дискурса в условиях интернет-среды детерминируют характер реализации коммуникативных стратегий конструирования профессионального имиджа организации. В репрезентации выявленных в ходе исследования коммуникативных стратегий задействованы семиотически разнородные средства, способствующие паспортизации образа автора корпоративного сайта адвокатской организации. Актуализированные коммуникативные стратегии направлены на конструирование профессионального имиджа организации как легитимной, авторитетной и успешной компании. Имиджевые характеристики типового автора корпоративного сайта адвокатской организации отчасти преувеличены с целью придания яркости создаваемому образу, который привлек бы внимание целевой аудитории (стратегия гиперболизации образа). Характер отбора эмпирического материала, используемого при моделировании образа автора, определяется генеральной речемыслительной стратегией корпоративного сайта как жанровой реализации корпоративного дискурса — создание при посредстве электронной платформы виртуального представительства компании в Интернете с учетом прагматической задачи маркетинговой коммуникации, заключающейся в воздействии при посредстве создаваемого положительного образа адвокатской организации на предпочтения целе-

вой аудитории. Электронный характер субстрата корпоративного сайта и связанные с ним интерактивность, гипертекстуальность дают возможность использования средств различных семиотических систем, языковых и неязыковых (иконических, графических и пр.), для моделирования профессионального имиджа адвокатской организации. Описание корпоративного сайта как поликодового текста может стать предметом отдельного научного изучения.

Полагаем, что применительно к жанру корпоративного сайта речь может идти о таких характеристиках жанра в пределах жанровой модели высказывания, которые обусловлены социальным профилем организации (адвокатская деятельность организации). Нам представляется перспективным обозначенный аспект изучения корпоративного сайта — аспект, связанный с описанием корпоративных сайтов различных организаций и выявлением в их структуре типизированных (универсальных для жанра) признаков и характеристик, детерминированных профилем деятельности, осуществляемой организацией. Идея выделения жанрового (типового) и вариативного (в том числе индивидуального) компонентов в структуре речевого высказывания позволяет включиться в решение важнейшей теоретико-методологической проблемы речевого жанроведения, связанной с постижением инвариантно-вариативного устройства жанра. Определение инвариантных (постоянных, типичных для жанра) и вариативных (в их числе и признаков, обусловленных индивидуальными характеристиками личности; думается, что вариативные признаки не сводятся к индивидуальным, речь может идти, к примеру, о вариативности жанра в связи с его воплощением с учетом социального профиля организации, специфики лингвокультуры, где реализуется жанр) признаков жанра позволит реализовать комплексное описание речевого жанра в различных его вариативно-дискурсивных воплощениях. Такое видение корпоративного сайта как модели построения текста, имеющего в своей основе набор типизированных признаков и признаков, адаптированных к профилю организации (к примеру, корпоративный сайт адвокатской / торговой / образовательной и пр. организации), существенно расширяет область изучения языковой вариативности за счет включения в зону научного исследования различных репрезентаций отдельного жанра корпоративного дискурса.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. БТС — *Большой* толковый словарь русского языка / Сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 2000. — 1534 с. — ISBN 5-7711-0015-3.

2. *Кодекс* профессиональной этики адвоката [Электронный ресурс]. — 2003. — Режим доступа : https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/?ysclid=m9b567aka9795637121 (дата обращения 21.01.2025).

3. *Об адвокатской* деятельности и адвокатуре в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральный закон Российской Федерации от 31.05.2002 № 63-ФЗ. — Режим доступа : http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102076346 (дата обращения 21.01.2025).

4. *Об адвокатской* деятельности и адвокатуре в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральный закон Российской Федерации от 02.06.2016 №160-ФЗ. — Режим доступа : http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102076346 (дата обращения 21.01.2025).

5. *Об адвокатской* деятельности и адвокатуре в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральный закон Российской Федерации от 02.12.2019 № 400-ФЗ). — Режим доступа : http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102076346 (дата обращения 21.01.2025).

Литература

1. *Бахтин М. М.* Проблемы речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчеств. — Москва : Искусство, 1986. — 430 с.

2. *Бринев К. И.* Системное моделирование образа автора в текстах одного речевого жанра / К. И. Бринев, Н. И. Тюкаева // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 153—174. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-153-174.

3. *Голев Н. Д.* Лингвоперсонологические аспекты русского метаязыкового сознания / Н. Д. Голев // Лингвоперсонология : типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение. — Барнаул : Издательство Алтайской педагогической академии, 2006. — С. 342—353. — ISBN 5-88210-360-6.

4. *Горчакова Р. Р.* Имидж организаций / Р. Р. Горчакова // Актуальные вопросы экономических наук. — 2012. — № 25—1. — С. 82—86.

5. *Дайнеко П. М.* Дискурсивные стратегии самопрезентации в институциональном интернет-общении : автореферат диссертации … кандидата филолологических наук : 10.02.19 / П. М. Дайнеко. — Москва, 2011. — 28 с.

6. *Дейк ван Т. А.* Воинствующая риторика мелкого союзника : политические импликатуры и легитимация Аснаром войны в Ираке / Т. А. Дейк ван // Современный дискурсанализ : Методология : эмпирические импликации. — 2009. — Выпуск 1. — Т. 2. — С. 38—64.

7. *Кашкин В. Б.* Авторитетность как коммуникативная категория / В. Б. Кашкин // Известия Волгоградского университета. — 2007. — № 5. — С. 12—18.

8. *Ким Л. Г.* Интенциональный автор как субъект виртуальной коммуникации (на материале новостного контента корпоративных сайтов) / Л. Г. Ким, М. В. Устинова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 112—131. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-112-131.

9. *Колобова А. А.* Социопрагматика корпоративного дискурса : автореферат диссертации … кандидата филологических наук / 10.02.04 / А. А. Колобова. — Москва, 2009. — 24 с.

10. *Кондратьева О. Н.* Корпоративный сайт как средство создания образа успешной адвокатской организации (на материале сайта московской коллегии адвокатов «Жорин и партнеры») / О. Н. Кондратьева, С. Ю. Рогожникова // Виртуальная коммуникация

и социальные сети. — 2022. — Т. 1. — № 4. — С. 196—202. — DOI: 10.21603/2782-4799-2022-1-4-196-202.

11. *Лебедева Н. Б.* Субстрат текстов естественной письменной речи в аспекте жанровой релевантности / Н. Б. Лебедева, Т. Г. Рабенко // Сибирский филологический журнал. — 2022. — № 4. — С. 300—311. — DOI: 10.17223/18137083/81/23.

12. *Потеряхина И. Н.* Языковые особенности корпоративных сайтов / И. Н. Потеряхина // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 33. — С. 111—113.

13. *Потеряхина И. Н.* Жанрообразующие элементы корпоративного сайта / И. Н. Потеряхина // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 37. — С. 49—51.

14. *Ромашова И. П.* Стратегии и тактики легитимации в корпоративном дискурсе / И. П. Ромашова // Коммуникативные исследования. — 2020. — Т. 7. — № 2. — С. 365—376. — DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(2).365-376.

15. *Сидорова Т. И.* Специфика web-сайта организации как инструмента формирования корпоративной культуры / Т. И. Сидорова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2007. — № 8. — С. 99—104.

16. *Шмелева Т. В.* Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи. — 1997. — № 1. — С. 88—98.

Статья поступила в редакцию 20.04.2025,
одобрена после рецензирования 03.05.2025,
подготовлена к публикации 05.05.2025.

Material resources

About advocacy and advocacy in the Russian Federation. (2002). *Federal Law of the Russian Federation № 63-FZ dated 31.05.* Available at: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102076346 (accessed 21.01.2025). (In Russ.).

About advocacy and advocacy in the Russian Federation. (2016). *Federal Law of the Russian Federation № 160-FZ dated 02.06.* Available at: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102076346 (accessed 21.01.2025). (In Russ.).

About advocacy and advocacy in the Russian Federation. (2019). *Federal Law of the Russian Federation № 400-FZ dated December 02).* Available at: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102076346 (accessed 21.01.2025). (In Russ.).

BTS — Kuznetsov, S. A. (ed.). (2000). *A large explanatory dictionary of the Russian language.* St. Petersburg: Norint. 1534 p. ISBN 5-7711-0015-3. (In Russ.).

Code of Professional Ethics of a lawyer. (2003). Available at: https://fparf.ru/documents/fparf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/?ysclid=m9b567aka9795637121 (accessed 21.01.2025). (In Russ.).

References

Bakhtin, M. M. (1986). Problems of speech genres. In: *Aesthetics of verbal creativity.* Moscow: Iskusstvo Publ. 430 p. (In Russ.).

Daineko, P. M. (2011). *Discursive strategies of self-presentation in institutional Internet communication.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 28 p. (In Russ.).

Dijk van, T. A. (2009). Militant rhetoric of a minor ally: political implications and Asnar's legitimization of the Iraq war. *Modern discursanalysis: Methodology: empirical implications, 1 (2):* 38—64. (In Russ.).

Golev, N. D. (2006). Linguopersonological aspects of Russian metalanguage consciousness. In: *Linguopersonology: types of linguistic personalities and personality-oriented learning.* Barnaul: Publishing House of the Altai Pedagogical Academy. 342—353. ISBN 5-88210-360-6. (In Russ.).

Gorchakova, R. R. (2012). The image of organizations. *Current issues of economic sciences, 25—1:* 82—86. (In Russ.).

Kashkin, V. B. (2007). Authority as a communicative category. *Proceedings of the Volgograd University, 5:* 12—18. (In Russ.).

Kim, L. G., Ustinova, M. V. (2024). Intentional Author as a Subject of Virtual Communication (Content of Corporate Websites News). *Nauchnyi dialog, 13 (4):* 112—131. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-112-131. (In Russ.).

Kolobova, A. A. (2009). *Sociopragmatics of corporate discourse.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 24 p. (In Russ.).

Kondratieva, O. N., Rogozhnikova, S. Y. (2022). Corporate website as a means of creating an image of a successful law firm (based on the website of the Moscow Bar Association "Zhorin and Partners"). *Virtual communication and social networks, 1 (4):* 196—202. DOI: 10.21603/2782-4799-2022-1-4-196-202. (In Russ.).

Lebedeva, N. B., Rabenko, T. G. (2022). The substratum of texts of natural written speech in the aspect of genre relevance. *Siberian Philological Journal, 4:* 300—311. DOI: 10.17223/18137083/81/23. (In Russ.).

Poteryakhina, I. N. (2011). Linguistic features of corporate websites. *Bulletin of the Chelyabinsk State University, 33:* 111—113. (In Russ.).

Poteryakhina, I. N. (2013). Genre-forming elements of a corporate website. *Bulletin of the Chelyabinsk State University, 37:* 49—51. (In Russ.).

Romashova, I. P. (2020). Strategies and tactics of legitimation in corporate discourse. *Communicative research, 7 (2):* 365—376. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(2) .365-376. (In Russ.).

Shmeleva, T. V. (1997). Model of the speech genre. *Genres of speech, 1:* 88—98. (In Russ.).

Sidorova, T. I. (2007). The specifics of an organization's website as a tool for shaping corporate culture. *Bulletin of the Chelyabinsk State University, 8:* 99—104. (In Russ.).

Tyukaeva, N. I., Brinev, K. I. (2021). System Modeling of Author's Image in Texts of One Speech Genre. *Nauchnyi dialog, 10:* 153—174. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-153-174. (In Russ.).

The article was submitted 20.04.2025;
approved after reviewing 03.05.2025;
accepted for publication 05.05.2025.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Радбиль Т. Б. Художественная репрезентация русского национально-культурного концепта КРОВЬ в творчестве М. Ю. Лермонтова / Т. Б. Радбиль, И. С. Юхнова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 6. — С. 132—154. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-132-154.

Radbil, T. B., Yukhnova, I. S. (2025). Artistic Representation of Russian National-Cultural Concept of BLOOD in Works of Mikhail Lermontov. *Nauchnyi dialog, 14* (6): 132-154. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-132-154. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Художественная репрезентация русского национально-культурного концепта КРОВЬ в творчестве М. Ю. Лермонтова

Радбиль Тимур Беньюминович
orcid.org/0000-0002-7516-6705
доктор филологических наук,
профессор,
заведующий кафедрой теоретической
и прикладной лингвистики,
корреспондирующий автор
timur@radbil.ru

Юхнова Ирина Сергеевна
orcid.org/0000-0003-2835-3070
доктор филологических наук,
профессор,
кафедра русской литературы
yuhnova@yandex.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

Artistic Representation of Russian National-Cultural Concept of BLOOD in Works of Mikhail Lermontov

Timur B. Radbil
orcid.org/0000-0002-7516-6705
Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Theoretical
and Applied Linguistics,
corresponding author
timur@radbil.ru

Irina S. Yukhnova
orcid.org/0000-0003-2835-3070
Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian Literature
yuhnova@yandex.ru

National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

© Радбиль Т. Б., Юхнова И. С., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучаются особенности индивидуально-авторской художественной репрезентации национально-культурного концепта КРОВЬ в творчестве М. Ю. Лермонтова. Цель исследования — охарактеризовать смысловое наполнение этого концепта в русской языковой картине мира и на этой основе проследить его трансформацию в художественной системе М. Ю. Лермонтова. Материалами выступили энциклопедические и лексикографические источники, а также тексты поэтических и прозаических произведений М. Ю. Лермонтова. Показано, что в художественном мире М. Ю. Лермонтова находят свое воплощение практические все семантические компоненты русского национально-культурного концепта КРОВЬ: представления о кровном родстве и общности по происхождению, метафорика смерти, в том числе смерти насильственной, и семантика кровной мести, выражение предельного эмоционального напряжения и т. д. Установлено, что в качестве новых элементов концептуального содержания, привнесенных творческой активностью автора, можно трактовать представленный в творчестве М. Ю. Лермонтова образ крови как сложный конгломерат родства, любви, мести и бунта, использование символики крови в описании картин природы как метафорического выражения страдания, мученичества, зла, а также воплощение в образе крови темы вторжения в жизнь человека инфернальных и загадочных сил, примет инобытия.

Ключевые слова:
художественный концепт КРОВЬ; символика крови; русская языковая картина мира; М. Ю. Лермонтов; русская литература.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the distinctive authorial representation of the national-cultural concept of BLOOD in Mikhail Lermontov's literary works. The research aims to analyze the semantic content of this concept within the Russian linguistic worldview and trace its transformation in Lermontov's artistic system. The investigation draws upon encyclopedic sources, lexicographical materials, and Lermontov's poetic and prose texts. The findings demonstrate that Lermontov's literary universe incorporates nearly all semantic components of the Russian cultural concept of BLOOD: notions of kinship and shared ancestry, metaphors of death (particularly violent death), the semantics of blood vengeance, and expressions of extreme emotional intensity. The study reveals that Lermontov's creative contribution expands the conceptual boundaries through:
- The portrayal of blood as a complex amalgam of kinship, love, vengeance, and rebellion;
- The use of blood symbolism in nature descriptions as metaphorical expressions of suffering, martyrdom, and evil;
- The embodiment in blood imagery of supernatural forces invading human existence and manifestations of otherworldliness.

Key words:
BLOOD as artistic concept; blood symbolism; Russian linguistic worldview; Mikhail Lermontov; Russian literature

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.161.1Лермонтов.07+811.161.1’42
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-132-154

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Художественная репрезентация русского национально-культурного концепта КРОВЬ в творчестве М. Ю. Лермонтова

© Радбиль Т. Б., Юхнова И. С., 2025

1. Введение = Introduction

В статье представлены новые результаты реализуемого авторами цикла исследований, посвященных комплексному (лингвистическому и литературоведческому) описанию ключевых концептов русской культуры в контексте их воплощения в художественном мире русских писателей [Радбиль, 2019]. В современном гуманитарном знании отчетливо заявляют о себе аналитические стратегии междисциплинарного изучения ключевых концептов национальной культуры, соответствующие многомерному и разноаспектному устройству культурного пространства, в рамках которого, как мы ранее указывали, моделируются «некие сквозные мотивы, концептуальные доминанты: эти сквозные мотивы присутствуют на разных участках пространства культуры, объективируются на разных уровнях ее знаковой реализации, наиболее фундаментальным из которых является язык» [Радбиль, 2019, с. 128].

В основе современного семиотически ориентированного научного инструментария комплексного анализа «языков национальной культуры» лежит представление об определенном изоморфизме концептуальной сферы национальной языковой картины мира и «вторичных моделирующих систем», функционирующих во многом на ее основании, — мифологии, религии, философии, литературы, искусства [Лотман, 2002]. В творчестве художников слова своеобразно преломляются константные когнитивные и культурные доминанты, сформированные в недрах общенационального языкового сознания, что вполне соответствует исходной, гумбольдтовской традиции в изучении «духа языка», который по определению есть выражение «духа народа» [Гумбольдт, 1984].

CC BY

Все сказанное выше справедливо и для творчества М. Ю. Лермонтова, основные мотивы которого, будучи пропущены через призму его художественного мировоззрения, все же так или иначе отражают и ключевые идеи русской языковой картины мира. Итак, в основе художественного мировоззрения Лермонтова лежит система мотивов, которые в лермонтоведении в основном выявлены и описаны. Статья «Мотивы поэзии Лермонтова» вошла в состав «Лермонтовской энциклопедии», а начинается она со значимого тезиса о том, что в творчестве Лермонтова термин *мотив* «из области “строгой” поэтики» переходит в область мировоззрения и психологии писателя» [ЛЭ, 1981, с. 291]. К главным мотивам лирики Лермонтова относят мотивы свободы и воли, действия и подвига, земли и неба, пути, одиночества, странничества, игры, Родины и т. д. При этом отмечается, что «в основе каждого из них лежит проходящий через всю лирику устойчивый словообраз, закрепленный самим поэтом как идеологически акцентированное ключевое слово» [ЛЭ, 1981, с. 291].

Этот же принцип, когда в произведении появляется «идеологически акцентированное ключевое слово», характерен и для драм Лермонтова, и для его прозы. Такой словообраз, проходящий через все произведение, создает значимые смысловые подтексты, частный конфликт углубляет, символизирует. В драме, например, через подобного рода повторы прогнозируются события, создается мистериальный план. В прозаических произведениях — лирико-символическое начало. В. М. Маркович показал, как оно формируется в романе «Герой нашего времени», и в том числе отметил, что, как правило, такие повторы составляют антитезу (жизнь — смерть, дружба — вражда…), а также особо выделил «“сквозные” поэтические мотивы “звезд”, “гор”, “моря” или многозначительные темы “любви” — “презрения” — “ненависти”» [Маркович, 2008, с. 219], «ритмичность повторения» которых исследователь рассматривает «как один из важнейших факторов, обеспечивающих единство фрагментарного романа» [Там же].

Среди значимых для Лермонтова «идеологически акцентированных ключевых слов» вне поля зрения исследователей остался мотив крови. Между тем он проходит он через все творчество поэта. Частотный словарь языка М. Ю. Лермонтова фиксирует 305 употреблений слова *кровь* (136 позиция среди наиболее употребляемых поэтом слов), а также 79 — прилагательного *кровавый* (595—603 позиция) [ЛЭ, 1981]. Нередко для обозначения крови Лермонтов использует такие обозначения, как *что-то мокрое, красные капли* и пр., что значительно увеличивает частотность его употребления. Есть у данного мотива и антитетичная пара — мотив бледности, бескровности [Фаустов, 1995].

CC BY

Мотив крови у Лермонтова полисемантичен, а его наполнение в раннем творчестве и зрелом, когда у поэта появился реальный военный опыт, различается, но всегда у него это не просто физиологическая подробность или риторическая фигура, а образ-символ. В то же время, несмотря на свое значительное художественное своеобразие, мотив крови у Лермонтова значительным образом коррелирует с концептуально-метафорическими, символическими, в том числе мифологизованными, представлениями о крови, присущими русской национальной языковой картине мира. Это позволяет поставить вопрос, каким образом и в какой мере художественному концепту КРОВЬ в творчестве М. Ю. Лермонтова присуща преемственность по отношению к исходному концептуальному пространству в русской национальной культуре.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В соответствии с принятой концепцией исследования, которое носит комплексный характер, его материалом являются две группы источников: (1) энциклопедические и лексикографические издания — толковые, исторические и фразеологические словари русского языка [БТСРЯ, 2000; БФСРЯ, 2024; ИЭССРЯ, т. 1, 1999; СлРЯ, т. 2, 1986; ССРЛЯ, т. 5, 1956; ФСРЯ, 1968], а также «Лермонтовская энциклопедия» [ЛЭ, 1981]; (2) тексты произведений М. Ю. Лермонтова, в которых мотив крови создает значимые подтексты — драма «Испанцы», незаконченный роман «Вадим», стихотворения «Предсказание», «Смерть поэта», «Валерик», «Сон», поэма «Песня про купца Калашникова» и др. [ЛМ, тт. I—IV, 1958—1959].

В лингвоконцептологическом аспекте исследования использована методика комплексного (лингвокогнитивного и лингвокультурологического) описания концептов, принятая в Нижегородской научной школе анализа концептов культуры [Радбиль, 2020 и 2023]. В литературоведческом аспекте исследования использован метод мотивного анализа [Гаспаров, 1993], а также культурно-исторический, системно-структурный, семиотический методы исследования [Лотман, 2002; Маркович, 2008; Юхнова, 2021].

В современной интегративной лингвоконцептологии значительно активизируются исследования в области именно художественных концептов как моделей объективации художественного мира писателей. Отметим прежде всего коллективную монографию «Антология художественных концептов русской литературы XX века» [Антология ..., 2013], теоретические работы Н. С. Болотновой «О методике изучения ассоциативного слоя художественного концепта в тексте» [Болотнова, 2007] и Н. В. Красовской «Художественный концепт: методы и приемы исследования» [Красовская, 2009], а также исследования З. Д. Асратян [Асратян, 2017] и др.

CC BY

Интерес к лингвокультурологическим исследованиям непосредственно концепта КРОВЬ во многом стимулирован пионерскими работами В. Н. Телия [Телия, 1996] и ее фразеологической школы, в рамках которой выделим исследования в области соматического («телесного») кода русской культуры [Гудков, 2003 и 2007]. Разные аспекты указанных идей развиваются в работах Г. Г. Ершовой [Ершова, 2009], Л. В. Альмяшовой [Альмяшова, 2012] и Е. Б. Тимченко [Тимченко, 2012]. Также развиваются и сопоставительные исследования данного концепта, в частности, на материале русской и немецкой [Савченко, 2010] или русской и английской [Тимченко, 2011] культур. В целях нашего исследования важно указать и на представленные в научной литературе опыты описания художественного концепта КРОВЬ в творчестве конкретных авторов — например, в творчестве Н. Гумилева [Касьяненко, 2020].

Изучение системы мотивов, базовых для творчества Лермонтова, также имеет большую традицию. В сборнике «Венок Лермонтову» 1914 года были описаны некоторые из них, например, П. Н. Сакулин раскрыл ключевую антитезу творчества поэта «земля и небо» [Сакулин, 1914], Н. М. Мендельсон проследил, как происходило освоение мотивов народного творчества: от разбойничьей поэзии к авторской интерпретации казачьего фольклора [Мендельсон, 1914], также были рассмотрены религиозные и байронические мотивы. В 1940-е годы этапной в изучении поэтики мотивов в творчестве Лермонтова стала статья В. Комаровича, посвященная автобиографической основе «Маскарада». В ней было введено понятие «лирический leitmotiv» и показано, как у Лермонтова от ранней лирики к «Маскараду» формируется и развивается комплекс повторяющихся тем и мотивов, в которых синтезируется биографический опыт и литературная традиция, прослеживается, как «личная тема перерастает … в тему социальную» [Комарович, 1941, с. 664].

В настоящее время изучение мотивной структуры произведений Лермонтова является одним из активно развиваемых направлений в лермонтоведении: уточняется генезис [Акимова, 2017; Москвин, 2024; Ходанен, 2023], семантика и семиотика [Погребная, 2024; Погребная, 2021; Погребная, 2020], мифопоэтика [Ермоленко, 2024; Ходанен, 2000; Ходанен, 2015] мотивов, значимых в художественной картине мира поэта, однако мотив крови до сих пор не был осмыслен, особенно в предлагаемом в настоящей работе новом, комплексном (лингвистическом и литературоведческом) аспекте.

Таким образом, мы можем сформулировать цель исследования — охарактеризовать смысловое наполнение концепта КРОВЬ в русской языковой картине мира и на этой основе проследить его трансформацию в творчестве Лермонтова посредством анализа художественного воплощения

CC BY

мотива крови в его художественном мире, выявляя новые содержательные компоненты, которые актуализуются в его произведениях.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Далее последовательно анализируются: (1) смысловое наполнение концепта КРОВЬ в русской языковой картине мира и его объективация в русском языке; (2) художественное воплощение мотива крови в творчестве М. Ю. Лермонтова.

3.1. Концепт КРОВЬ в русской языковой картине мира

В соответствии с принятой концепцией исследования, смысловое наполнение концепта КРОВЬ анализируется по данным лексикографических источников, посредством фиксации и интерпретации словарных толкований лексемы кровь как базового репрезентанта одноименного концепта. Начнем с анализа внутренней формы слова, представленной в ее этимологии. Лексема *кровь* с семантикой ʻжидкость красного (алого) цвета, обращающаяся, благодаря деятельности сердца, в живом организме, обеспечивающая питание его клеток и обмен веществ’ отражает древнейшее, праиндоевропейское значение корня **kreu- / kru-* ʻкровь, связанный с кровью’ (с метонимическими вариантами ʻсырое мясо’) [ИЭССРЯ, т. 1, с. 444], которое практически без изменений сохранилось и в наше время.

Значение слова в современном русском языке представлено в основных толковых словарях русского языка. О культурной разработанности этого концепта в национальной концептосфере косвенным образом может свидетельствовать значительная по объему словарная статья в семнадцатитомном Большом академическом словаре, которая занимает более двух страниц (5 столбцов) [ССРЛЯ, т. 5, 1956, стлб. 1687—1691].

Представим сводную, обобщенную версию толкований по трем словарям. Помимо исходного значения слова: ʻКрасная жидкость, которая, обращаясь в организме, обеспечивает питание его клеток и обмен веществ в нем’ [ССРЛЯ, т. 5, 1956, стлб. 1687; СлРЯ, т. 2, 1986, с. 133; БТСРЯ, 2000, с. 472] — укажем на образно-метафорические расширения семантики, которые стали концептуальной основой целого ряда культурных доминант: (1) цвет крови (*красный как кровь*); (2) темперамент (*холодная, горячая, кипучая кровь*); (3) близкое, единокровное родство (*своя кровь, родная кровь*); (4) национальная, родственная и иная принадлежность (*русская кровь течет в их жилах*); (5) нечто, присущее от рождения, свойство характера (*что-то в крови у кого-либо*); (6) происхождение (*царской, дворянской крови*); (7) порода животных (*лошадь аравийской крови, собака чистых кровей*); (8) убийство, кровопролитие (*эта кровь на его совести, обойтись без крови*), в том числе мщение (*кровь за кровь*)

[ССРЛЯ, т. 5, 1956, стлб. 1687—1691; СлРЯ, т. 2, 1986, с. 133; БТСРЯ, 2000, с. 472].

Нетрудно увидеть широкий и разнообразный концептуально-метафорический потенциал культурно-значимых представлений о крови, который охватывает родство, происхождение, темперамент, свойство характера, убийство и т. д. Указанный потенциал углубляется и расширяется в арсенале русских фразеологизмов, в образную основу которых положен компонент ‘кровь’, что можно верифицировать по данным русских фразеологических словарей [ФСРЯ, 1968, с. 147—149; БФСРЯ, 2024, с. 337—339].

Кровь в русской фразеологии прежде всего связана с представлением о жизненной силе (*до последней капли крови*), которая имеет свойство убывать — с возрастом (*кровь остывает, холодеет, леденеет*), при испытании сильного чувства ужаса (*стынет кровь в жилах*) — или, напротив, возрастать в ситуации охватывающего человека волнения, в том числе любовной страсти (*кровь горит, кипит и т. п.; кто-, что-либо зажигает, волнует кровь*). Символика крови может маркировать и состояние сильного возбуждения человека (*кровь бросилась, ударила и т. п. В голову, лицо и т. п.; кровь прилила и т. п. К лицу, сердцу и т. п. кому-либо*). Соответственно, также связан с кровью и избыток жизненных сил (*бродит, играет кровь в ком-либо*), и цветущий внешний вид или хорошее здоровье (*кровь с молоком* — румяный, цветущий ,крепкий).

С необходимостью тратить запас жизненных сил в определенных сложных ситуациях связано представление о трудности достижения, добывания чего-либо, основанное на символике крови (*кровью / с кровью добывать, доставать* что-либо — добывать, доставать что-либо тяжким трудом, большими усилиями, аналогично — *потом и кровью*). Другой аспект этого представления отражен в просторечном фразеологизме *хоть кровь из носа / носу*, который употребляется для обозначения необходимости выполнения чего-либо, несмотря на большие трудности.

На базе метафорического расширения идеи жизненной силы возможно ее переосмысление в качестве неотъемлемой части существа, необходимого для его существования атрибута. С этим связан образный фразеологизм *войти в плоть и кровь* — ‘оказаться прочно усвоенным кем-либо / чем-либо’. Также достаточно логичной представляется схема метафорического переноса «жизненная сила (как атрибут чего-то живого) — что-то материальное, реально существующее, имеющее тело», которая реализована в фразеологической оппозиции *облечь в плоть и кровь* / *плотью и кровью* (придать ту или иную конкретную материальную форму) — *облечься в плоть и кровь* / *плотью и кровью* **(**принять ту или иную материальную форму).

CC BY

С жизненной силой как свойством не отдельного человека, но рода, которое может передаваться и по наследству, связана и уже изложенная выше идея родственной принадлежности, которая усиливается и в образной системе русской фразеологии (*в ком-либо кровь говорит* — о родственном чувстве), то же об идее происхождения (*принц крови*). При этом связь может быть не обязательно кровной, родственной: возможны метафорические расширения, связанные с родством по духу, что отмечается, например, для фразеологических единиц *плоть и кровь*, *кровь от крови.*

С другой стороны, образ крови широко представлен в изображении смерти, в том числе насильственной (*проливать кровь, купаться в крови, утопить что-либо в крови, кровью пахнет*), стремление к убийству также именуется на образной основе крови (*жажда крови, упиться кровью*). При этом своя или чужая смерть посредством образа крови связывается с этическими представлениями о чести (*смыть (своей / чужой) кровью обиду и пр.*).

На этом фоне обнаруживается целый блок негативно-оценочных номинаций с участием символики крови, в которых воплощаются разные аспекты отрицательно воспринимаемых действий или состояния — в социальном плане (*пить, сосать* чью-либо *кровь* — мучить, притеснять, жестоко эксплуатировать кого-либо) или в плане психологическом, межличностном (*портить кровь кому-либо (себе)* — раздражать(ся), портить кому-либо (себе) настроение). Реализация указанных отношений и / или состояний вполне может метафорически интерпретироваться как утрата жизненной силы в той или иной ситуации.

Позитивно-оценочный потенциал образа крови в русской культуре связан с воплощением национально обусловленной идеи жалости или сострадания в образно-метафорическом фразеологизме *сердце кровью обливается*. Соответственно, глубина и искренность чувств при написании какого-либо значимого текста *маркируются* фразеологизмом *писано, написано и т. д. кровью (сердца)* — ‘с глубокой искренностью, убеждением, пережив, выстрадав написанное’.

Как показали сопоставительные лингвокультурологические исследования концепта КРОВЬ [Савченко, 2010; Тимченко, 2011 и др.], многие из выявленных смысловых компонентов концепта КРОВЬ имеют параллели в других лингвокультурах, то есть носят общечеловеческий характер. Символика крови так или иначе присутствует и, соответственно, имеет ключевое значение во всех мировых культурах. Она соотносится с жизнью, силой, движением, а также, посредством метафорического переосмысления представления о жизненной силе, символически соотносится с человеческой душой. Жертвенная кровь способна умиротворить высшие силы. С ней связана идея очищения.

CC BY

При этом универсальный характер данного концепта не отменяет возможности национально обусловленных способов его представления в русской культуре. Во многом постулируемая национально-культурная специфика как раз и связана с рецепцией данного концепта в художественных практиках этноса. Особенно это характерно для художественного мира М. Ю. Лермонтова, в котором общечеловеческие и национально обусловленные компоненты концепта КРОВЬ переосмысляются, получают индивидуально-авторское наполнение. Лермонтов не просто воссоздает указанные смыслы, а адаптирует их под свой жизненный и психологический опыт.

3.2. Мотив крови в раннем творчестве М. Ю. Лермонтова

В ранних произведениях в семантике словообраза «кровь» доминируют следующие значения: принадлежность к роду, любовь, месть, бунт и смерть как избавление. Именно этот комплекс смыслов создает значимые подтексты в юношеской драме «Испанцы» (1830) [Юхнова, 2021, с. 95—106]. Слово *кровь* возникает в речи многих персонажей: Фернандо, задумываясь о тайне своего рождения, предполагает, что в его жилах «*кровь благородная / текла…*» [ЛМ, т. 3, с. 20]; он же отвечает Алварецу, отцу возлюбленной Эмилии: «*Ты можешь кровь мою / Испить до капли, всю; — но честь, — но честь / Отнять не в силах…*» [ЛМ, т. 3, с. 21]; Алварец угрожает Фернандо: «*Заплотишь кровью мне*» [ЛМ, т. 3, с. 20], а клятва кровью предков в его устах приобретает значение приговора. Ключевыми в драме станут сцены «кровавой свадьбы» и сожжения Фернандо. В них реализуется идея жертвоприношения, когда пролитая кровь если и не спасает мир от лжи и лицемерия, то уберегает героиню от грехопадения, а героя избавляет от страданий и отверженности.

Такое же сочетание — кровь как родство, любовь, месть и бунт — воссоздано и в незавершенном романе «Вадим» (1832—1834). Действия главного героя обусловлены жаждой мести за смерть отца, сиротское и маргинальное детство, разлуку с сестрой, а тема крестьянского бунта актуализирует идею социальной несправедливости. И. И. Соллертинский отмечает, что в романе «незначительные события превращаются в мировые проблемы, а невозможность решить их — в предлог для сомнений в ценности мира и жизни» [Соллертинский, 1964, с. 237]. В значительной степени такое укрупнение событий происходит за счет заявленного масштаба личности героя-мстителя, включения в повествование реальных исторических событий — Пугачевского бунта, а также использования культурно-исторических отсылок, которые помещают историю Вадима в характерный типологический ряд: так, при описании Вадима возникают отсылки к мифам о Прометее (взгляд героя уподоблен взгляду коршуна, терзающего свою жертву) и Геркулесе, победившем змея; кроме того, герой срав-

CC BY

нивается с Мефистофилем [ЛМ, т. 4, с. 97], а терзания Ольги из-за любви к Юрию определяются как «ужас Макбета», когда он «увидал на [троне] окровавленную тень Банкуо» [ЛМ, т. 4, с. 57]. При этом в романе сочетаются описания «точных, объемных деталей быта помещиков и их жизни (охота, избиение крепостных, сельские пейзажи и т. п.)» [Соллертинский, 1964, с. 237] и текучих психологических состояний героя, которые передаются в том числе через условные картины природы. На таком сочетании натуралистического и символического развивается и мотив крови.

«Кровавые» натуралистические подробности в «Вадиме» постоянно фиксируются и даже нагнетаются. Так, например, показана гибель крепостного Федосея: «*…он охнул, схватил рукой за шею, вытянулся и в судорогах упал на землю; что-то мокрое брызнуло на руки и на грудь Ольги. <…> Перед нею Федосей плавал в крови своей, грыз землю и скреб ее ногтями; а над ним с топором в руке на самом пороге стоял некто еще ужаснее, чем умирающий: он стоял неподвижно … и указывал пальцем на окровавленную землю … улыбка, ядовито-сладкая улыбка набегала на его красные губы…*» [ЛМ, т. 4, с. 124]. Как видно, в небольшом фрагменте как минимум четыре раза появляются прямые или косвенные упоминания о кровавых подробностях. При этом важно, что пролитая кровь, даже безвинная, случайная, не вызывает у Вадима «судорог души». Он равнодушен к ней, олицетворяя собой слепое возмездие. Таким предстает Вадим и в сцене казни казаками старика-помещика. Смерть отца и его юной дочери показана через восприятие Вадима, который, как особо фиксирует автор, «*стоял неподвижно, смотрел на нее и старика так же равнодушно и любопытно, как бы мы смотрели на какой-нибудь физический опыт…*» [ЛМ, т. 4, с. 154]. Таким образом в романе формируется эстетика ужасного, когда натуралистически воспроизводятся сцены насилия и смерти, что свидетельствует о выпадении из моральных законов как помещиков, так и восставших. Христианские нормы нарушены, отвергнуты, но в романе возникают постоянные отсылки к ним, тем самым происходящее соотносится с высшей этической нормой. Так, старик, который через мгновение окажется на виселице, говорит дочери: *«…и Христос умер!.. молись…»* [ЛМ, т. 4, с. 152], — а сама сцена казни воссоздает ситуацию Голгофы.

Созданию романтической напряженности способствуют и красные, кровавые оттенки в природе, когда восходящее солнце высвечивает ночные бесчинства толпы, людей, *«обезображенных кровью, вином и грязью», «опаленную траву и черный пепел … угасшего костра»* и виселицы [ЛМ, т. 4, с. 84]. Кровь и красные отсветы в природе воспринимаются как знаки насилия и жестокости, захвативших мир, и соотносительны с «символикой страдания, мученичества, зла» [Сморчкова, 2014, с. 169].

CC BY

Другой значимый смысл в семантике крови в «Вадиме» связан с идеей родства. Осознание принадлежности к «одной крови», когда сирота обретает утраченную много лет назад сестру, важно для самоидентификации личности. Однако оно не ведет к просветлению души героя, а, напротив, усложняет психологическую ситуацию, рождает тревожные предвидения и ускоряет ход событий, приближающих к трагической развязке, когда герои оказываются разведены уже не только по злой воле людей, но и из-за социального противостояния. Вадим, наблюдая за Ольгой в церкви, осознает: «*Ее кровь — была его кровь…*» [ЛМ, т. 4, с. 76], — однако следствием этой мысли становится не радость обретения, а, напротив, осознание разъединения, пропасти, таким образом, внутренний конфликт не разрешается, а усугубляется. «Родная кровь» требует отмщения, которое мыслится как пролитая кровь врага. Именно так Вадим и отвечает на вопрос Орленко «*Чего ж ты хочешь... крови?..*»: «*Да, крови!..*» [ЛМ, т. 4, с. 143].

Кровь в романе — это и предвестие бунта, и его результат. Уже в условно «мирных» сценах романа в авторских комментариях возникают намеки на зреющий бунт. Вот как определяет атмосферу перед взрывом народного гнева автор: «*Умы предчувствовали переворот и волновались: каждая старинная и новая жестокость господина была записана его рабами в книгу мщения, и только кровь <его> могла смыть эти постыдные летописи*» [ЛМ, т. 4, с. 18]. Та же мысль дублируется как размышление Вадима, наблюдающего за молящимися в церкви прихожанами: «*Эти самые люди готовились проливать кровь завтра, нынче! и они, крестясь и кланяясь в землю, поталкивали друг друга, если замечали возле себя дворянина, и готовы были растерзать его на месте; — но еще не смели; еще ни один казак не привозил кровавых приказаний в окружные деревни*» [ЛМ, т. 4, с. 73].

Как следует из этих фрагментов, только кровь господина способна очистить душу раба, смыть позор рабства. Но сам бунт, кровавая расправа толпы — это еще и проявление архаической жестокости, внутреннего зверства, которое заключено в человеке.

Тема бунта и его последствий ранее ярко была представлена Лермонтовым в стихотворении 1830 года «Предсказание». Комментаторы связывают его появление «с крестьянскими восстаниями в России в 1830 г., которые привели еще юного поэта к мысли о неизбежности революции», и отмечают, что «тираноборческие идеи у Лермонтова влекли за собой представление о жестокости народного бунта, о кровавом пире свободы», а определение «черный год» прямо соотносят с пугачевским восстанием [Голованова, 1979, с. 558]. Однако в стихотворении речь идет не о свершившихся, а о будущих событиях — «о грядущих революционных потрясениях» [Голованова, 1954,

с. 408], а к самому стихотворению поэт делает приписку — «мечта». Таким образом, в стихотворении выражается логика бунта как такового, когда взрыв народного негодования погружает мир в хаос и смерть, за которыми следует неизбежная диктатура. В результате приписка «мечта» скорее может прочитываться и как ожидаемое будущее, и как плод воображения поэта, но такого воображения, которое вырастает из анализа реально-исторической ситуации. И это не только Пугачевское восстание, холерные бунты в России, но и общая революционная ситуация в Европе.

Необходимо отметить еще одну ситуацию, когда в произведении упоминается кровь. Она используется как психологическая деталь, позволяющая передать состояние предельного эмоционального напряжения. У Лермонтова частотна фраза, которая превратилась в своего рода штамп, — *кровь бросилась*. Она появляется в момент резкого изменения психологического состояния, смены эмоций и передает смятение, потрясение, ужас. Выразительной психологической деталью становится и нечувствительность к боли. Так передано состояние Вадима: «*Одна его рука была за пазухой, а ногти его по какому-то судорожному движению так глубоко врезались в тело, что когда он вынул руку, то пальцы были в крови... он как безумный посмотрел на них, молча стряхнул кровавые капли на землю и вышел*» [ЛМ, т. 4, с. 78].

3.3. Мотив крови в зрелом творчестве Лермонтова

Характерно, что в зрелом творчестве Лермонтов избегает описания развернутых натуралистических «кровавых» подробностей в эпизодах смерти — эти детали становятся лаконичнее и вместе с тем выразительнее. Так в «Песне про купца Калашникова…» передана сила удара Кирибеевича на кулачном бою следующим образом: «*И погнулся крест и вдавился в грудь; / Как роса из-под него кровь закапала*» [ЛМ, т. 2, с. 429], в стихотворении «Валерик» — ранение капитана: «*В груди его едва чернели / Две ранки; кровь его чуть-чуть / Сочилась*» [ЛМ, т. 1, с. 502]. В «Бородино» встречается единственное употребление слова, производного от «кровь»: «*И ядрам пролетать мешала / Гора кровавых тел*» [ЛМ, т. 1, с. 410]. В «Герое нашего времени» при описании раненой Бэлы указывается, что «*она лежала неподвижно, и кровь лилась из раны ручьями*» [ЛМ, т. 4, с. 319]. В «Фаталисте» разрубленная свинья — «*что-то толстое и мягкое, но, повидимому, неживое…*» [ЛМ, т. 4, с. 469].

В раннем творчестве Лермонтова пролитая кровь однозначно воспринималась как смерть. Такая семантика сохраняется и впоследствии (см., например, в «Песне про купца Калашникова»: «*И головушка бесталанная / Во крови на плаху покатилася*» [ЛМ, т. 2, с. 431]), но вместе с тем актуализируется и семантика жизни. В результате в позднем творчестве

CC BY

вытекающая кровь воспринимается двояко: и как погружение в смерть, но и как последние мгновения все еще теплящейся жизни. Эта семантика (и шире — лирическая ситуация) реализована в стихотворениях «Умирающий гладиатор» (1836), «Сон» (1841). В обоих произведениях показана смерть вдали от родной земли, а расставание с жизнью — как кровь, медленно оставляющая тело. В обоих случаях использован композиционный прием сна-видения, в котором возникает образ далекой родины, семьи, возлюбленной. Характерно, что в стихотворении «Сон» соотносится разное в*и*дение одной и той же ситуации — она показана как бы с разных ракурсов: изнутри и извне. В начале стихотворения передано внутреннее ощущение лирического героя, уходящего в смерть-сон («*по капле кровь точилася моя*» [ЛМ, т. 1, с. 530]). В финале героиня в своем видении ту же самую картину видит иначе: «*В его груди, дымясь, чернела рана, / И кровь лилась хладеющей струей*» [ЛМ, т. 1, с. 530]. Это смещение «по капле» — «струей» отражает не просто разную точку зрения: изнутри и извне, но и разное восприятие происходящего: герой еще ощущает в себе жизнь, она же видит мертвеца.

В стихотворении «Валерик», особенностью которого стало скрещение послания и батальной лирики, усиление документализма [Киселева, 2024, с. 94], значимость мотива крови обусловлена главным предметом изображения — рассказом о жестокой битве на реке с говорящим названием «река смерти». Как замечает С. И. Ермоленко, «на небольшом пространстве поэтического текста Лермонтов достигает своего рода стереоскопичности, объемности изображения войны. В памяти лирического субъекта всплывают “все картины военной жизни”, которых он “был свидетелем”» [Ермоленко, 2008, с. 68]. А это и военные будни, когда противостояние не выливается в кровавую сечу, сами же военные стычки показаны скорее как проявления военной удали, а потому и воспринимаются эстетически — как «трагический балет», но также и сражение иного рода — жестокое и беспощадное, а день, в который оно произошло, в стихотворении получит определение *кровавый*. Слово *кровь* и его производные в «Валерике» стали своего рода внутренней темой, развитие которой и обусловливает «стереоскопичность» в изображении войны.

Так, в эпизоде, воссоздающем одну из типичных «сшибок удалых», есть «мюрид в черкеске красной», призыв к «смертному бою», выстрел, ранение казака, но нет ожесточения — и нет изображенной крови и «кровавой» лексики. Более того, сама «сшибка» воспринимается как событие рутинное и стороннее по отношению к воспринимающему сознанию. Как отмечает герой, «*Мы любовалися на них / Без кровожадного волненья…*» [ЛМ, т. 1, с. 500]. Эпитет *кровожадный* в данном случае исследователи

CC BY

определяют как «проспективный», подготавливающий к рассказу о битве при Валерике, а выражение *трагический балет* объясняют попыткой перевести язык войны на язык светской девушки [Бобылев, 2021, с. 48].

Слово *кровь* возникает в описании первых минут уникального в своей жестокости страшного сражения, участником которого, как известно, был поэт: «*…В штыки, / Дружнее! раздалось за нами. / Кровь загорелася в груди! / Все офицеры впереди...*» [ЛМ, т. 1, с. 502]. И в данном случае фраза «*Кровь загорелася в груди*» отражает эмоциональное состояние: азарта при встрече с противником, готовности к бою, последствия, да и сам характер которого еще не ясны. Страшным результатом разгоревшейся бойни станут груды тел, кровь, а сам бой показан как безмолвная и жестокая «резня»: «*Резались жестоко / Как звери, молча, с грудью грудь, / Ручей телами запрудили…*» [ЛМ, т. 1, с. 502]. Его итогом станет не радость от блестящей победы над врагом, а внутреннее опустошение и потрясение от того, что видит вокруг себя герой: «*Хотел воды я зачерпнуть… / (И зной и битва утомили / Меня), но мутная волна / Была тепла, была красна*» [ЛМ, т. 1, с. 502]. Ему открывается контраст двух природных состояний: аномального и естественного. Гармония и покой неба и гор — и сражение, гибель людей как нарушение естественного состояния природы. Сражение изменило все: визуальную картину («ручей телами запрудили»), колористику (чистая вода реки превращается в красную), температурные состояния (холодная вода горной реки стала «тепла»), добавляется и ольфакторная деталь: «*...кровь текла / Струею дымной по каменьям, / Ее тяжелым испареньем / Был полон воздух*» [ЛМ, т. 1, с. 503]. В финале появляется то слово, которое и определяет суть войны: «*…этот день кровавый!*» [ЛМ, т. 1, с. 504]. Контраст изменившегося мира вокруг героя и вечной природы (гор и неба) и рождает то откровение, которое никогда не снизойдет до человека, наблюдающего войну лишь как «кровожадный балет».

В стихотворении «Смерть поэта» также появляется мотив крови. Слово *дуэль* Лермонтов заменяется парафразой «*миг кровавый*», которая обозначает суть свершившегося как убийства, но также обозначает тонкую грань между жизнью и смертью. В финале стихотворения использована антитеза: «*черная кровь*» врагов — «*праведная кровь*» поэта. Она естественно вырастает из всего строя стихотворения, когда последовательно раскрывается противостояние гения и светской толпы.

Мотив крови связан у Лермонтова и с изображением кавказского обычая кровной мести. Подробно этот вопрос раскрыт в статье Ю. В. Кочуговой: в ней показана сюжетно-композиционная роль мотива кровной мести в поэмах «Каллы», «Хаджи Абрек», «Измаил-бей», «Беглец» [Кочугова, 2023, с. 69—80]. Этот же обычай упоминается в очерке «Кавказец»: «*Знает, какой*

князь надежный и какой плут; кто с кем в дружбе и между кем есть кровь» [ЛМ, т. 4, с. 477]. Лермонтов этнографически точен в понимании данного проявления народной культуры как длящегося конфликта, который не может быть разрешен никакими иными способами, кроме как отмщением смертью.

Намечается мотив крови и в повести-загадке Лермонтова «Штосс». В ней он связан с тем инфернальным и таинственным, что вторгается в жизнь Лугина. Голос, который слышит Лугин, Минская объясняет чисто физиологически: «*У вас кровь приливает к голове, и в ушах звенит*» [ЛМ, т. 4, с. 484]. Однако внутренний голос оказывается не психологической девиацией, а рождающейся идеей, которая определяет судьбу Лугина, ведет художника в его закрытый, замкнутый мир искусства, к уходу от реальности, от шума и звуков города. Не случайно представители инобытия лишены проявлений жизни: в повести подчеркивается «бледная рука» старика, а его спутница лишена физической, плотской определенности: «*то не было существо земное — то были краски и свет вместо форм и тела, теплое дыхание вместо крови, мысль вместо чувства…*» [ЛМ, т. 4, с. 498]. Эта безжизненность, бескровность и становится приметой мира, который поглощает Лугина.

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование продемонстрировало, что в целом в художественном мире М. Ю. Лермонтова так или иначе находят свое воплощение практически все семантические компоненты русского национально-культурного концепта КРОВЬ, как он репрезентирован в русской языковой картине мира. Это прежде всего представления о кровном родстве и общности по происхождению, которые связаны со значимостью крови предков и с мифологической обрядностью жертвоприношения. Кроме того, в образах крови широко и разнообразно представлена метафорика смерти, в том числе смерти насильственной.

В творчестве М. Ю. Лермонтова образ крови выступает как сложный конгломерат родства, любви, мести и бунта. Символика крови активно присутствует и в описании картин природы как метафорическое выражение страдания, мученичества, зла. Активно эксплуатируется и такой компонент общенационального содержания концепта КРОВЬ, как выражение предельного эмоционального напряжения, что используется в функции психологической детали. Также в лермонтовской художественной системе мотив крови участвует в воплощении темы вторжения в жизнь человека инфернальных и загадочных сил, примет инобытия.

В целом в художественной репрезентации концепта КРОВЬ в художественном мире М. Ю. Лермонтова органично соприсутствуют общечело-

веческие и национально обусловленные концептуальные составляющие представления о крови, присущие национальной культуре, и рефлексы их индивидуально-авторского переосмысления, которые определяются своеобразием художественного мировоззрения и творческой манеры автора, его жизненным опытом и укорененностью в современных ему дискурсивных практиках эпохи.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. БТСРЯ — *Большой* толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. — Санкт-Петербург : Норинт, 2000. — 1534 с. — ISBN 5-7711-0015-3.

2. БФСРЯ — *Большой* фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В. Н. Телия. — 6-е изд. — Москва : АСТ–ПРЕСС ШКОЛА, 2024. — 784 с.

3. ИЭССРЯ — *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. — 3-е изд., стер. — Москва : Русский язык, 1999. — Т. 1 : А— Пантомима. — 624 с.

4. ЛМ — *Лермонтов М. Ю.* Собрание сочинений в четырех томах / М. Ю. Лермонтов. — Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1958—1959.

5. ЛЭ — *Лермонтовская* энциклопедия. — Москва : Советская энциклопедия, 1981. — 784 с.

6. СлРЯ — *Словарь* русского языка : в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : Русский язык, 1986. — Т. 2. — 736 с.

7. ССРЛЯ — *Словарь* современного русского литературного языка : в 17 томах / гл. ред. В. В. Виноградов, С. Г. Бархударов, В. М. Жирмунский и др. — Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1950—1965. — Т. 5 : И—К. — 1956. — 1918 стб.

8. ФСРЯ — *Фразеологический* словарь русского языка : свыше 4000 словарных статей / Составители : Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров ; Под ред. А. И. Молоткова. — Москва : Советская Энциклопедия, 1968. — 543 с.

Литература

1. *Акимова Е. А.* Феномен «самоповторений» в творчестве М. Ю. Лермонтова : к проблеме изучения / Е. А. Акимова, С. И. Ермоленко // Филологический класс. — 2017. — № 3 (49). — С. 92—100. — DOI: 10.26710/fk17-03-14.

2. *Альмяшова Л. В.* Признаки живой природы концепта крови как составляющая фрагмент языковой картины (на материале немецкого языка) / Л. В. Альмяшова // Язык. Словесность. Культура. — 2012. — № 5—6. — С. 61—93.

3. *Антология* художественных концептов русской литературы XX века / ред. и авт.-сост. Т. И. Васильева, Н. Л. Карпичева, В. В. Цуркан. — Москва : Флинта, 2013. — 356 с.

4. *Асратян З. Д.* Концепт в художественном произведении / З. Д. Асратян // Культура и цивилизация. — 2017. — Т. 7. — № 3А. — С. 35—42.

5. *Бобылев Б. Г.* «У Бога счастья не прошу» : филологический анализ стихотворения / Б. Г. Бобылев // Русский язык в школе. — 2021. — № 6. — С. 44—54. — DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-6-44-54.

6. *Болотнова Н. С.* О методике изучения ассоциативного слоя художественного концепта в тексте / Н. С. Болотнова // Вестник Томского пелагогического государственного университета. Серия : Гуманитарные науки (Филология). — 2007. — Вып. 2 (65). — С. 74—79.

7. *Гаспаров Б. М.* Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века / Б. М. Гаспаров. — Москва : Наука ; Издательская фирма «Восточная литература», 1993. — 304 с.

8. *Голованова Т. П.* Примечания / Т. П. Голованова, Г. А. Лапкина, А. Н. Михайлова // Лермонтов М. Ю. Сочинения : в 6 т. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1954—1957. Т. 1. Стихотворения, 1828—1831. — Т. 1. — 1954. — С. 375—444.

9. *Голованова Т. П.* Примечания / Т. П. Голованова // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений : в 4 томах. — Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. —Т. 1.— С. 529—626.

10. *Гудков Д. Б.* 'Кровь' в соматическом коде культуры (по данным русской фразеологии / Д. Б. Гудков // Язык, сознание, коммуникация : Сборник статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — Москва : МАКС Пресс, 2003. — Выпуск 23. — С. 15—28.

11. *Гудков Д. Б.* Телесный код русской культуры : материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. — Москва : Гнозис, 2007. — 288 с. — ISBN 978-5-94244-013-8.

12. *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию / В. Фон Гумбольдт ; пер. с нем. Г. В. Рамишвили. — Москва : Наука, 1984. — 398 с.

13. *Ермоленко С. И.* «Я к вам пишу…» («Валерик» М. Ю. Лермонтова : опыт жанрового анализа) / С. И. Ермоленко // Филологический класс. — 2008. — № 19. — С. 66—70.

14. *Ермоленко С. И.* Мифологические баллады М. Ю. Лермонтова : скрытые возможности жанра / С. И. Ермоленко // Педагогическое образование в России. — 2024. — № 3. — С. 272—280.

15. *Ершова Г. Г.* Речевые и культурные стереотипы клятвы с концептом «кровь» / Г. Г. Ершова // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре : Сборник статей / отв. ред. Л. Л. Федорова ; Российский государственный гуманитарный университет. — Москва : РГГУ, 2009. — С. 114—126.

16. *Касьяненко Н. Е.* Индивидуально-авторское осмысление концепта КРОВЬ в творчестве Н. Гумилева / Н. Е. Касьяненко // Русский язык в поликультурном мире : Сборник научных статей IV Международного симпозиума: в двух томах / Отв. ред. Г. Ю. Богданович, Е. Я. Титаренко. — Симферополь : ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», 2020. — Т. 2. — С. 338—347.

17. *Киселева И. А.* Эпистолярная организация как смысловой код стихотворения М. Ю. Лермонтова «Валерик» / И. А. Киселева // Два века русской классики. — 2024. — Т. 6. — № 3. — С. 82—97. — DOI: 10.22455/2686-7494-2024-6-3-82-97.

18. *Комарович В.* Автобиографическая основа «Маскарада» / В. Комарович // М. Ю. Лермонтов. — Москва : Изд-во АН СССР, 1941. — Книга I. — С. 629— 672.

19. *Кочугова Ю. В.* Народные обычаи в кавказских поэмах М. Ю. Лермонтова / Ю. В. Кочугова // Палимпсест. Литературоведческий журнал. — 2023. — № 1 (17). — С. 69—80.

20. *Красовская Н. В.* Художественный концепт : методы и приемы исследования / Н. В. Красовская // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. — 2009. — Т. 9. — Выпуск 4. — С. 21—24.

21. *Лотман Ю. М.* Тезисы к проблеме «Искусство в ряду моделирующих систем» / Ю. М. Лотман // Статьи по семиотике культуры и искусства. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2002. — С. 274—293.

22. *Маркович В. М.* О лирико-символическом начале в романе Лермонтова «Герой нашего времени» / В. М. Маркович // Избранные работы. — Санкт-Петербург : Ломоносовъ, 2008. — С. 219—234. — ISBN 978-5-91678-001-7.

23. *Мендельсон Н. М.* Народные мотивы в поэзии Лермонтова / Н. М. Мендельсон // Венок М. Ю. Лермонтову : Юбилейный сборник. — Москва ; Петербург : Изд. т-ва «В. В. Думнов, наследники бр. Салаевых», 1914. — С. 165—195.

24. *Москвин Г. В.* Замысел произведения о Мстиславе Черном как источник сюжета романа М. Ю. Лермонтова «Вадим» / Г. В. Москвин // Litera. — 2024. — № 7. — С. 63—70. — DOI: 10.25136/2409-8698.2024.7.71313.

25. *Погребная Я. В.* Семиотика архетипа «вода» в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» / Я. В. Погребная // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2021. — Т. 14. — № 10. — С. 2922—2930. — DOI: 10.30853/phil210491.

26. *Погребная Я. В.* Семиотика дня и ночи и концепция темпоральности в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» / Я. В. Погребная // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — Т. 13. — № 7. — С. 46—53. — DOI: 10.30853/filnauki.2020.7.9.

27. *Погребная Я. В.* Семиотика инвариантов архетипа «вода» (реки, моря) в тексте романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» / Я. В. Погребная, О. К. Страшкова // Текст. Книга. Книгоиздание. — 2024. — № 36. — С. 5—20. — DOI: 10.17223/23062061/36/1.

28. *Радбиль Т. Б.* Художественное воплощение русского национально-культурного концепта РЕКА в творчестве М. Ю. Лермонтова / Т. Б. Радбиль, И. С. Юхнова // Научный диалог. — 2019. — № 2. — С. 127—142. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-127-142.

29. *Радбиль Т. Б.* ДУША и ТЕЛО в аспекте сопоставительного анализа концептов культуры : материалы к лингвокультурологическому фразеологическому словарю русско-казахских соответствий / Т. Б. Радбиль, Г. А. Ахметжанова, Ж. Ж. Жумагулова, А. Е. Сералиева, Г. Е. Сералиева // Научный диалог. — 2020. — № 3. — С. 127—150. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-127-150.

30. *Радбиль Т. Б.* Языковое воплощение ценностей в медиадискурсе интернета по данным корпусного анализа репрезентативных контекстов (лексема *по-хорошему*) / Т. Б. Радбиль // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 170—189. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189.

31. *Савченко В. А.* Концептосфера «человек телесный» в русской и немецкой паремиологической картине мира : кросскультурный анализ соматизмов : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.01 ; 10.02.19 / В. А. Савченко. — Курск, 2010. — 251 с.

32. *Сакулин П. Н.* Земля и небо в поэзии Лермонтова / П. Н. Сакулин // Венок М. Ю. Лермонтову : Юбилейный сборник. — Москва ; Петербург : Изд. т-ва «В. В. Думнов, наследники бр. Салаевых», 1914. — С. 1—55.

33. *Сморчкова К. В.* Психологизм лексики цвета в романе М. Ю. Лермонтова «Вадим» / К. В. Сморчкова, С. В. Кезина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2014. — № 4 (32). — С. 162—174.

34. *Соллертинский Е.* Пейзаж в прозе Лермонтова / Е. Соллертинский // Творчество М. Ю. Лермонтова : 150 лет со дня рождения, 1814—1964. — Москва : Наука, 1964. — С. 236—275.

35. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — Москва : Языки русской культуры, 1996. — 288 с.

36. *Тимченко Е. Б.* К вопросу о понятийных признаках концептов КРОВЬ и BLOOD / Е. Б. Тимченко // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. — 2011. — № 3. — С. 191—194.

37. *Тимченко Е. Б.* Антропоморфные признаки концепта КРОВЬ в русской языковой картине мира / Е. Б. Тимченко // Вестник Челябинского государственного университета. Серия : Филология. Искусствоведение. — 2012. — № 2 (256). — Выпуск 62. — С. 118—121.

38. *Фаустов А. А.* Из истории «странных» людей. Вампирический «элемент» в «Герое нашего времени» М. Ю. Лермонтова / А. А. Фаустов, С. В. Савинков // Филологические записки. — 1995. — № 4. — С. 58—68.

39. *Ходанен Л. А*. Миф в творчестве русских романтиков / Л. А. Ходанен. — Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2000. — 320 с.

40. *Ходанен Л. А.* Поэтическая мифология снов в творчестве М. Ю. Лермонтова / Л. А. Ходанен, А. Ямадзи // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2015. — № 2—4 (62). — С. 179—183.

41. *Ходанен Л. А*. Ранняя лирика М. Ю. Лермонтова в библейском контексте / Л. А. Ходанен // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2023. — № 62. — С. 41—49. — DOI: 10.31773/2078-1768-2023-62-41-49.

42. *Юхнова И С*. Мистериальное в драматургии М. Ю. Лермонтова / И. С. Юхнова // Уральский филологический вестник. Серия : Русская классика : динамика художественных систем. — 2021. — № 4. — С. 95—106. — DOI: 10.26170/2306-7462_2021_04_06.

Статья поступила в редакцию 19.05.2025,
одобрена после рецензирования 02.07.2025,
подготовлена к публикации 13.07.2025.

Material resources

BFSRYA — Telia, V. N. (ed.). (2024). *A large phraseological dictionary of the Russian language. Meaning. Usage. Cultural commentary.* Moscow: AST–PRESS SCHOOL. 784 p. (In Russ.).

BTSRYA — Kuznetsov, S. A. (ed.). (2000). *A large explanatory dictionary of the Russian language.* St. Petersburg: Norint. 1534 p. ISBN 5-7711-0015-3. (In Russ.).

FSRYA — Molotkov, A. I. (ed.). (1968). *Phraseological dictionary of the Russian language: over 4000 dictionary entries.* Moscow: Soviet Encyclopedia. 543 p. (In Russ.).

IESSRYA — Chernykh, P. Ya. (1999). *Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: in 2 volumes, 1.* Moscow: Russian Language. 624 p. (In Russ.).

LM — Lermontov, M. Y. (1958—1959). *Collected works in four volumes. Moscow*; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.).

SLR — Evgenieva, A. P. (ed.). (1986). *Dictionary of the Russian language: in 4 volumes, 2.* Moscow: Russian Language. 736 p. (In Russ.).

The Lermontov Encyclopedia. (1981). Moscow: Soviet Encyclopedia. 784 p. (In Russ.).

The USSR — Vinogradov, V. V., Barkhudarov, S. G., Zhirmunsky, V. M. (eds.). (1956). *Dictionary of modern Russian literary language: in 17 volumes, 5.* Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1918 stb. (In Russ.).

References

Akimova, E. A., Ermolenko, S. I. (2017). The phenomenon of "self-repetition" in the work of M. Y. Lermontov: on the problem of study. *Philological class, 3 (49):* 92—100. DOI: 10.26710/fk17-03-14. (In Russ.).

Almyashova, L. V. (2012). Signs of the living nature of the concept of blood as a component of a fragment of the linguistic picture (based on the material of the German language). *Language. Literature. Culture, 5—6:* 61—93. (In Russ.).

Asratyan, Z. D. (2017). Concept in a work of art. *Culture and civilization, 3A:* 35—42. (In Russ.).

Bobylev, B. G. (2021). "I do not ask God for happiness": a philological analysis of the poem. *Russian language at school, 6:* 44—54. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-6-44-54. (In Russ.).

Bolotnova, N. S. (2007). On the methodology of studying the associative layer of an artistic concept in the text. *Bulletin of Tomsk Pelagogical State University. Series: Humanities (Philology), 2 (65):* 74—79. (In Russ.).

Ermolenko, S. I. (2008). "I am writing to you..." ("Valerik" by M. Y. Lermontov: the experience of genre analysis). *Philological class, 19:* 66—70. (In Russ.).

Ermolenko, S. I. (2024). Mythological ballads by M. Y. Lermontov: hidden possibilities of the genre. *Teacher education in Russia, 3:* 272—280. (In Russ.).

Faustov, A. A., Savinkov, S. V. (1995). From the history of "strange" people. The vampiric "element" in the "Hero of Our Time" by M. Y. Lermontov. *Philological Notes, 4:* 58—68. (In Russ.).

Gasparov, B. M. (1993). *Literary leitmotifs. Essays on Russian literature of the XX century.* Moscow: Nauka; Publishing company "Oriental Literature". 304 p. (In Russ.).

Golovanova, T. P. (1954). Notes. In: *Lermontov M. Y. Works: in 6 volumes, 1.* Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 375—444. (In Russ.).

Golovanova, T. P. (1979). Notes. In: *Lermontov M. Y. Collected works: in 4 volumes, 1.* Leningrad: Nauka Publ. Leningr. publishing House. 529—626. (In Russ.).

Gudkov, D. B. (2003). "Blood" in the somatic code of culture (according to Russian phraseology. In: *Language, consciousness, communication: Collection of articles, 23.* Moscow: MAKS Press. 15—28. (In Russ.).

Gudkov, D. B., Kovshova, M. L. (2007). *The bodily code of Russian culture: materials for a dictionary.* Moscow: Gnosis. 288 p. ISBN 978-5-94244-013-8. (In Russ.).

Humboldt, V. von. (1984). *Selected works on linguistics.* Moscow: Nauka Publ. 398 p. (In Russ.).

Kasyanenko, N. E. (2020). Individual author's understanding of the concept of BLOOD in the works of N. Gumilev. In: *The Russian language in the multicultural world: A collection of scientific articles of the IV International Symposium: in two volumes, 2.* Simferopol: V. I. Vernadsky Crimean Federal University. 338—347. (In Russ.).

Khodanen, L. A. (2000). *Myth in the works of Russian romantics.* Tomsk: National Research Tomsk State University. 320 p. (In Russ.).

Khodanen, L. A. (2023). The early lyrics of M. Y. Lermontov in the biblical context. *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts, 62:* 41—49. DOI: 10.31773/2078-1768-2023-62-41-49. (In Russ.).

Khodanen, L. A., Yamaji, A. (2015). Poetic mythology of dreams in the works of M. Y. Lermontov. *Bulletin of Kemerovo State University, 2—4 (62):* 179—183. (In Russ.).

Kiseleva, I. A. (2024). Epistolary organization as a semantic code of M. Y. Lermontov's poem "Valerik". *Two centuries of Russian classics, 6 (3):* 82—97. DOI: 10.22455/2686-7494-2024-6-3-82-97. (In Russ.).

Kochugova, Yu. V. (2023). Folk customs in the Caucasian poems of M. Y. Lermontov. *Palimpsest. Literary magazine, 1 (17):* 69—80. (In Russ.).

Komarovich, V. (1941). *Autobiographical basis of "Masquerade", 1.* Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 629—672. (In Russ.).

Krasovskaya, N. V. (2009). Artistic concept: research methods and techniques. *Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Philology. Journalism, 9 (4):* 21—24. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (2002). Theses on the problem "Art in a series of modeling systems". In: *Articles on the semiotics of culture and art.* Saint Petersburg: Academic Project. 274—293. (In Russ.).

Markovich, V. M. (2008). On the lyrical and symbolic beginning in Lermontov's novel "The Hero of our Time". In: *Selected works.* Saint Petersburg: Lomonosov. 219—234. ISBN 978-5-91678-001-7. (In Russ.).

Mendelson, N. M. (1914). Folk motifs in Lermontov's poetry. In: *A wreath to M. Y. Lermontov: Anniversary collection.* Moscow; Petersburg: Publishing House of t-va "V. V. Dumnov, heirs of the br. Salaev". 165—195. (In Russ.).

Moskvin, G. V. (2024). The idea of the work about Mstislav Cherny as the source of the plot of M. Y. Lermontov's novel "Vadim". *Litera, 7:* 63—70. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.7.71313. (In Russ.).

Pogrebnaya, Ya. V. (2020). The semiotics of day and night and the concept of temporality in M. Y. Lermontov's novel "The Hero of our Time". *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 13 (7):* 46—53. DOI: 10.30853/filnauki.2020.7.9. (In Russ.).

Pogrebnaya, Ya. V. (2021). Semiotics of the archetype "water" in M. Y. Lermontov's novel "Hero of our Time". *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 14 (10):* 2922—2930. DOI: 10.30853/phil210491. (In Russ.).

Pogrebnaya, Ya. V., Strashkova, O. K. (2024). Semiotics of invariants of the archetype "water" (rivers, seas) in the text of M. Y. Lermontov's novel "Hero of our Time". *Text. Book. Book publishing, 36:* 5—20. DOI: 10.17223/23062061/36/1. (In Russ.).

Radbil, T. B. (2023). Linguistic Embodiment of Values in Internet Media Discourse: A Corpus Analysis of Representative Contexts (the Lexeme 'po-khoroshemu'). *Nauchnyi dialog, 12 (6):* 170—189. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189 (In Russ.).

Radbil, T. B., Akhmetzhanova, G. A., Zhumagulova, Zh. Zh., Seralieva, A. E., Seralieva, G. E. (2020). DUSHA ("SOUL") and TELO ("BODY") in the Aspect of Contrastive Analysis of Cultural Concepts: Materials for the Linguo-Cultorological Phraseological Dictionary of Russian-Kazakh Correlations. *Nauchnyi dialog, 3:* 127—150. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-127-150. (In Russ.).

Radbil, T. B., Yukhnova, I. S. (2019). Artistic Expression of Russian National-Cultural Concept of River in M. Yu. Lermontov's Works. *Nauchnyi dialog, 2:* 127—142. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-127-142. (In Russ.).

Sakulin, P. N. (1914). Earth and sky in Lermontov's poetry. In: *A wreath to M. Y. Lermontov: Anniversary collection.* Moscow; Petersburg: Publishing House of t-va "V. V. Dumnov, heirs of the br. Salaev". 1—55. (In Russ.).

Savchenko, V. A. (2010). *The conceptual sphere of the "bodily man" in the Russian and German paremiological picture of the world: a cross-cultural analysis of somatisms.* PhD Diss. Kursk. 251 p. (In Russ.).

Smorchkova, K. V., Kezina, S. V. (2014). The psychology of the vocabulary of color in the novel by M. Y. Lermontov "Vadim". News of higher educational institutions. *The Volga region. Humanities, 4 (32):* 162—174. (In Russ.).

Sollertinsky, E. (1964). Landscape in Lermontov's prose. In: *The work of M. Y. Lermontov: 150 years since his birth, 1814—1964.* Moscow: Nauka. 236—275. (In Russ.).

Teliya, V. N. (1996). *Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects.* Moscow: Languages of Russian Culture. 288 p. (In Russ.).

Timchenko, E. B. (2011). On the issue of the conceptual features of the concepts BLOOD and BLOOD. *Bulletin of the Pyatigorsk State Linguistic University, 3:* 191—194. (In Russ.).

Timchenko, E. B. (2012). Anthropomorphic features of the concept of BLOOD in the Russian linguistic worldview. *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Philology. Art history, 2 (256) / 62:* 118—121. (In Russ.).

Vasilyeva, T. I., Karpicheva, N. L., Turkan, V. V. (eds.). (2013). *Anthology of artistic concepts of Russian literature of the twentieth century.* Moscow: Flinta Publ. 356 p. (In Russ.).

Yershova, G. G. (2009). Speech and cultural stereotypes of swearing with the concept of "blood". In: *Stereotypes in Language, Communication and Culture: A Collection of Articles.* Moscow: RGGU. 114—126. (In Russ.).

Yukhnova, I. S. (2021). The mystical in the dramaturgy of M. Y. Lermontov. *Ural Philological Bulletin. Series: Russian classics: dynamics of artistic systems, 4:* 95—106. DOI: 10.26170/2306-7462_2021_04_06. (In Russ.).

The article was submitted 19.05.2025;
approved after reviewing 02.07.2025;
accepted for publication 13.07.2025.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Рыбакова Е. В. Атрибутивные словосочетания в англоязычных аннотациях к научным статьям по инженерно-транспортному направлению / Е. В. Рыбакова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 6. — С. 155—176. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-155-176.

Rybakova, E. V. (2025). Attributive Phrases in English-Language Abstracts of Engineering and Transportation Research. *Nauchnyi dialog, 14* (6): 155-176. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-155-176. (In Russ.).

Clarivate Web of Science Scopus Q1 DOAJ ERIHPLUS eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Атрибутивные словосочетания в англоязычных аннотациях к научным статьям по инженерно-транспортному направлению

Рыбакова Екатерина Владимировна
orcid.org/0000-0003-0701-8150
кандидат педагогических наук,
кафедра иностранных языков
для инженерных направлений
rybakova355@mail.ru

Сибирский федеральный университет
(Красноярск, Россия)

Attributive Phrases in English-Language Abstracts of Engineering and Transportation Research

Ekaterina V. Rybakova
orcid.org/0000-0003-0701-8150
PhD in Pedagogy,
Department of Foreign Languages
for Engineering Areas
rybakova355@mail.ru

Siberian Federal University
(Krasnoyarsk, Russia)

© Рыбакова Е. В., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование структурных свойств и тематической специфики атрибутивных словосочетаний, включающих адъективы, в научных аннотациях по инженерно-транспортному направлению. Цель — изучить возможности репрезентации актуальной для данных аннотаций тематики при помощи препозитивных атрибутивных словосочетаний и выявить рекуррентные тематические компоненты, наряду с перечнем адъективов, вербализующих релевантные для них характеристики. Сделан вывод, что атрибутивные словосочетания обеспечивают вербализацию следующих тематических компонентов аннотации: высокая значимость инженерно-транспортного направления, глобальная востребованность инноваций в области транспорта, внедрение экологически безопасных технологий, широкое использование методологии моделирования, включая создание как реальных, так и виртуальных моделей. Выявлены частотные адъективы, образующие словосочетания с существительными, обозначающими транспортные средства и транспортные технологии, которые репрезентируют прочие разноформатные актуальные характеристики, отражающие их современные свойства. Полученные перечни атрибутивных словосочетаний, сгруппированные по темам, могут использоваться для обучения созданию аннотаций для научных статей по инженерно-транспортному направлению, а также могут быть учтены при составлении словарей сочетаемости и тезаурусов.

Ключевые слова:
научная аннотация; научный дискурс; метаданные научной статьи; атрибутивные словосочетания; адъектив; научные клише.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates the structural properties and thematic specificity of attributive phrases, including adjectives, in scientific abstracts related to the field of engineering and transportation. The objective is to explore the potential for representing pertinent themes through pre-modifying attributive phrases and to identify recurrent thematic components, alongside a list of adjectives that verbalize relevant characteristics. It is concluded that attributive phrases facilitate the verbalization of the following thematic components within the abstract: the high significance of the engineering and transportation field, the global demand for innovations in transportation, the implementation of environmentally friendly technologies, and the widespread use of modeling methodologies, including the creation of both real and virtual models. Frequent adjectives forming phrases with nouns denoting vehicles and transportation technologies have been identified, which represent various contemporary characteristics reflecting their modern properties. The compiled lists of attributive phrases, categorized by themes, can be utilized for training in the creation of abstracts for scientific articles in the engineering and transportation domain, as well as considered in the development of collocation dictionaries and thesauri.

Key words:
scientific abstract; scientific discourse; metadata of scientific articles; attributive phrases; adjectives; scientific clichés.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.111’276.6:62+811.111’367.623
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-155-176

Научная специальность ВАК
5.9.6. Языки народов зарубежных стран
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Атрибутивные словосочетания в англоязычных аннотациях к научным статьям по инженерно-транспортному направлению

© Рыбакова Е. В., 2025

1. Введение = Introduction

В современном мире науки исследовательские статьи являются одним из важнейших источников актуального знания. Вместе с тем проведенная научная работа становится частью нового знания и очередным шагом в развитии науки только после принятия ее сообществом ученых. И, соответственно, «для достижения данной цели автор должен убедить адресатов в надежности полученных результатов и серьезности проведенного исследования» [Жаркынбекова и др., 2019, с. 202]. При этом нельзя не учитывать, что «в современном мире происходит бурное развитие научных технологий, отмечается появление новейших научных разработок и методик, вызывающих необходимость конкурировать на рынке научных изобретений. В связи с этим при схожих результатах научных исследований возрастает необходимость привлечения внимания читателя» [Котик и др., 2021, с. 60]. Таким образом, уровень конкуренции в академический среде чрезвычайно высок, и данный экстралингвистический фактор неизбежно влияет на формат научных текстов, побуждая авторов задействовать дополнительные средства повышения конкурентоспособности своих научных трудов, дополняющие качественно проведенную исследовательскую работу. Соответственно, «рост количества текстов, создаваемых человеком и генерируемых с помощью искусственного интеллекта, необходимость быстро и эффективно ориентироваться в обилии информации — все это ведет к росту востребованности малоформатных текстов, способных в сжатой форме емко описать суть и значимые особенности более объемного первоисточника» [Зоизде, 2024, с. 75]. И по этой причине «в современных научных изданиях ни одна статья не обходится без аннотации, которая играет определяющую роль в решении ее судьбы, поскольку служит своего рода скрининговым инструментом, оказывающим влияние на решения редакторов и рецензентов о принятии или отклонении

CC BY

рукописи» [Богинская, 2024, с. 57]. Как известно, аннотация к научной статье является самостоятельным текстом, который не дублирует механически текст научной статьи, а обладает собственной структурой и дискурсивными характеристиками. Именно по этой причине получение наиболее полного представления о дискурсивных особенностях англоязычной аннотации чрезвычайно важно как для самих ученых, стремящихся обеспечить успех своим публикациям на международном уровне, так и для исследователей, изучающих научный дискурс. На данный период ряд дискурсивных характеристик аннотаций уже был выявлен и описан в научных публикациях. Однако пока исследователями не уделялось достаточного внимания функционированию атрибутивных словосочетаний, содержащих адъективы, в научных аннотациях, а также не рассматривалась их роль в представлении тематических компонентов аннотации. Вместе с тем известно, что языковые структуры служат не только средством, с помощью которого человек может обмениваться знаниями, но и «средством обобщения, фиксации и классификации полученного знания, то есть выполняют две функции — формирования и оформления знания» [Баянкина, 2021, с. 19]. По этой причине исследование функционирования атрибутивных словосочетаний, включающих адъективы, в дискурсивных условиях аннотации, избранной в качестве материала настоящего исследования, закономерно и весьма актуально.

Таким образом, высокая значимость изучения атрибутивных словосочетаний, содержащих адъективы, для формирования целостного представления о дискурсивных практиках продвижения нового научного знания в форме аннотации и недостаточная изученность данного вопроса обусловили необходимость исследования репрезентации характеристик тематических компонентов аннотаций препозитивными атрибутивными словосочетаниями. И поскольку инженерно-транспортное направление — это быстро развивающаяся наукоемкая отрасль знаний, имеющая высокую значимость в мировом научно-технологическом процессе, в качестве материала данного исследования были выбраны научные аннотации из высококачественных зарубежных изданий, позволяющие наиболее полно изучить функционирование атрибутивных словосочетаний, содержащих адъективы, в данном жанре научного дискурса. Для достижения цели исследования были сформулированы следующие задачи:

— определить основные модели атрибутивных сочетаний, содержащих адъективы, функционирующие в тексте англоязычных аннотаций по транспортно-инженерному направлению;

— выявить основные тематические компоненты текстов аннотаций по инженерно-транспортному направлению, характеристики которых вербализуются атрибутивными словосочетаниями с адъективами;

— представить для каждого выявленного тематического компонента основные частотные адъективы и ядерные существительные-коллокаты, обеспечивающие его вербализацию.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Активное изучение дискурсивных характеристик научных статей и аннотаций осуществляется в отечественной лингвистике по нескольким направлениям. В связи с этим теоретическую базу данного исследования составляют труды отечественных специалистов, исследующие структуру текста аннотации и ее лингвистические характеристики [Попова, 2015; Ерёмина, 2016; Иноземцева и др., 2016; Ковалева и др., 2016; Кушнина и др., 2018а; Кушнина и др., 2018б; Миколайчик, 2018; Хабибуллина, 2018; Алексеева и др., 2019; Силкина, 2019; Добрынина, 2022; Зоидзе, 2024]. А также теоретические основы данной научной работы представлены в исследованиях, рассматривающих вопросы морфологических, синтаксических и семантических характеристик адъективов наряду с их функциональными свойствами [Белозерова, 2007; Милетова, 2008; Орлова, 2012; Мухудадаева и др., 2014; Разинкина, 2016; Столбовская, 2017]. Значительный вклад в изучение сочетаемости лексем внесли научные работы, в которых исследован компонентный состав атрибутивных словосочетаний и проведен их сопоставленный анализ [Бегаева, 2007; Терехова, 2015; Енбаева и др., 2016; Карелова и др., 2017; Шимановская, 2017; Сботова и др., 2018; Столбовская, 2018; Ткаченко, 2020а; Ткаченко, 2020б; Антонова, 2023]. Помимо этого теоретическая база исследования научного дискурса заложена в работах, изучающих дискурсивные стратегии, характерные для научных статей и аннотаций [Иванова, 2014; Жарынбекова и др., 2019; Баянкина, 2021; Котик и др., 2021; Боктаева и др., 2022; Махмутова и др., 2023; Богинская, 2024]. Основными методами исследования являются когнитивный метод (исследуемый материал рассматривается в аспекте когнитивных процессов концептуализации и категоризации), метод дефиниционного анализа для изучения семантики лексем, сопоставительный и статистический (квантитативный) методы, метод контекстуального анализа для изучения зависимости значения языковых единиц от контекста и установления имплицитных оценочных смыслов, дискурсивный метод наряду с методами коммуникационных стратегий и контент-анализа (исследовались дискурсивные характеристики аннотаций). В качестве источников материала исследования послужила выборка, состоящая из 215 аннотаций из журналов по инженерно-транспортной тематике (журналы «International journal of automotive engineering», «International Journal of Vehicle Safety», «International Journal of Automotive Technology and Management»,

«International Journal of Electric and Hybrid Vehicles», «Automotive Innovation», «European transport research review», «Railway engineering science», «Journal of Traffic and Transportation Engineering», «AI in Civil engineering», «Chinese journal of mechanical engineering»).

В данной работе рассматриваются неструктурированные аннотации, которые, в отличие от структурированных, начинаются не с постановки цели, а именно с актуальности выбранного научно-технического направления исследования и сообщения характеристик понятиям и объектам, непосредственно относящимся к исследованию, поскольку именно такой вид аннотации набирает популярность благодаря возможности продемонстрировать, что конкретное научное исследование проводится в быстро развивающейся, глобально востребованной области и, соответственно, представляет интерес для большого количества ученых во всем мире.

Как известно, «аннотация к статье призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации» [Ковалева и др., 2016, с. 175], и по этой причине существует специфика тематической репрезентации ее структурных элементов, способы вербализации которых базируются на коммуникативных стратегиях, позволяющих достичь наиболее оптимального результата коммуникации, а именно — максимально корректно, информативно и позитивно обосновать актуальность исследования. Репрезентация тематического содержания и коммуникативных стратегий англоязычной аннотации реализуется различными средствами языка, в том числе правильным выбором атрибутивных словосочетаний: «Они занимают важное место в системе данного языка, так как предназначены для характеристики того или иного предмета, его качеств и свойств. Именно поэтому этот тип словосочетаний позволяет определить, по каким критериям происходит дифференциация классов предметов и их оценка» [Ткаченко, 2020а, с. 158].

Анализ корпуса текстов научных аннотаций показал, что представленные в них модели атрибутивных словосочетаний, содержащих адъективы, достаточно разнообразны. Сначала рассмотрим наиболее частотные словосочетания, представленные в научных аннотациях. Для описания моделей словосочетаний мы будем использовать следующие символы: существительное — N, адъектив — Adj, причастие первое — PI, причастие второе — PII, термин — T. Жирным шрифтом будет выделяться существительное или термин, функционирующий как определяемая ядерная единица в словосочетании. Перечень основных выявленных структурных моделей атрибутивных словосочетаний можно представить нижеперечисленным списком, снабженным примерами: **1** «Adj»+**N**» — *traditional method*; **2** «Adj+Adj+**N**» — *various spatial dimensions*; **3** «Adj+N+**N**» — *adaptable design methods*; **4** «Adj+ PI+**N**» — *innovative measuring procedure*;

5 «Adj+PII+**N**» — *effective redesigned algorithm*. Также достаточно распространены конструкции с однородными атрибутами, как показано в следующей модели: **6** «Adj and Adj+**N**» — *novel and efficient framework*. Кроме того, в текстах аннотаций представлены конструкции, где один атрибут характеризует два существительных: **7** «Adj+**N** and **N**» — *effective communication and coordination*. Помимо этого, необходимо отметить ярко выраженную тенденцию к формированию атрибутивных комплексов с различными терминами, в результате проведенного исследования были выделены следующие наиболее частотные модели атрибутивных словосочетаний, содержащих адъективы и термины: **1** «Adj+**T(N+N)**» — *conventional brake controller*; **2** «Adj+**T(Adj+N**)» — *lightweight electric vehicle*; **3** «Adj+**T(N+N+N)**» — *effective energy management strategy*; **4** «Adj+**T(Adj+N+N)**» — *vehicular electronic image stabilization*; **5** «Adj+T(N+N)+**N**» — *wireless power transfer technology*; **6** «Adj+T(PII+N)+**N**» — *several AV accidents*, где «AV» обозначает «automated vehicles»; **7** «Adj+PII+T(Adj+N)+ **N**» — *comprehensive updated AI platform*, где «*AI*» обозначает «*artificial intelligence*»; **8** «Adj+ Adj+T(Adj+N)+**N**» — c*omprehensive cloud-based AI platform*.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Акцентирование высокой значимости и глобальной востребованности разработок в сфере транспорта

Представление такого содержательного компонента исследования, как научные характеристики инженерно-транспортного направления, во многих случаях осуществляется благодаря атрибутивным словосочетаниям, включающим лексемы *crucial, critical, vital, major, special*, *pivotal*, а также сложный адъектив *safety-critical*. При этом к самым частотным существительным-коллокатам можно отнести следующие лексические единицы: *role, factor(s), strategy(ies), technology(ies), infrastructure, aspect(s), area(s), issue(s), system(s), framework, parameter(s), feature(s), property(ies), concept(s), methodology, change(s), approach(es), method(s) model(s), mode(s).* Необходимо отметить, что в исследованных текстах аннотаций представлены в основном двухкомпонентные атрибутивные словосочетания, содержащие вышеуказанные адъективы и существительные. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что по частотности включения в атрибутивные словосочетания адъективы *crucial* и *critical* примерно в два раза превосходят остальные указанные лексемы. Приведем пример предложения с одним из данных адъективов: *Testing and evaluation play a* ***critical role*** *in the research and development of autonomous vehicles / Испытания и оценка играют чрезвычайно важную роль в исследованиях и разработках, связанных с автономным транспортом.*

Помимо этого, для описания параметров научной области часто используется сематический потенциал лексем *efficient* и *effective,* а также сложного адъектива *energy-efficient* в сочетании с существительными: *concept(s), operation(s), system(s), control, adoption, communication, means, use, method(s), alternative(s), countermeasure(s), assessment, management*. С данными лексемами распространены как двухкомпонентные, так и многокомпонентные атрибутивные словосочетания. Приведем пример атрибутивного словосочетания, функционирующего в предложении: *Reliable and timely detection of an internal short circuit in lithium-ion batteries is important to ensure* ***safe and efficient operation*** */ Надежное и своевременное обнаружение внутреннего короткого замыкания в литий-ионных аккумуляторах является важным для обеспечения безопасной и эффективной работы.* Отметим, что в данном случае адъектив *efficient* наряду с лексемой *safe* являются однородными членами предложения, определяющими ядерный компонент, выраженный существительным *operation*.

Следующими адъективами, имеющими ярко выраженную универсальную сочетаемость и высокую частотность, которые часто используются для демонстрации того, что область науки обновляется и предлагает новые подходы, являются слова *novel* и *innovative*. С этим адъективами образуется большое количество многокомпонентных атрибутивных сочетаний, поскольку обозначаемая им характеристика сообщается сложным научным понятиям, концепциям или техническим элементам, как в следующем примере: *A* ***novel real-time predictive control strategy*** *is proposed for path following and vehicle stability / Новая стратегия прогнозирующего контроля в реальном времени предлагается для отслеживания траектории и стабильности транспортного средства.*

В целом, к наиболее распространенным словосочетаниям, характеризующим данную тематику в изученном нами корпусе текстов аннотаций, можно отнести следующие: *crucial role* (важная роль), *critical role* (важная роль), *vital role* (чрезвычайно важная роль), *major role* (главная роль), *crucial factor* (важный фактор), *crucial strategy* (важная стратегия), *special features* (особые характеристики), *special area* (особая область), *critical infrastructure systems* (важные системы инфраструктуры), *safety-critical systems* (ключевые системы безопасности), *efficient framework* (эффективная структура), *efficient concepts* (эффективные концепции), *efficient operation* (эффективное функционирование), *efficient traffic control* (эффективный контроль дорожно-транспортного движения), *efficient fuel systems* (эффективные топливные системы), *energy-efficient transportation* (энерго-эффективные перевозки), *effective vehicular technology* (эффективная транспортная технология), *novel concept* (новая концепция), *novel technologies* (новые

технологии*), novel approach* (новый подход), *novel estimation methodology* (новая методология оценки), *novel quantitative method* (новый вычислительный метод), *novel and efficient framework* (новая и эффективная структура), *novel and hybrid approach* (новый и комплексный подход), *innovative approach* (инновационный подход), *innovative materials* (инновационные материалы), *pivotal technology* (революционная технология).

Кроме того, результаты нашего исследования показали, что атрибутивные словосочетания обеспечивают репрезентацию характеристик глобальности и широкого масштаба самой научной области, а также сферы применения изучаемого или создаваемого в области транспорта объекта или технологии, что имплицитно подчеркивает актуальность проведенной авторами аннотаций научной работы, поскольку их исследование генерирует повсеместно востребованное знание. Наиболее частотными адъективами, характеризующими данный аспект, являются лексемы *global, national, widespread, nationwide, vast, extensive, broad, mainstream, overall, pervasive, wide.* При этом перечень определяемых ими существительных достаточно велик, тем не менее можно выделить ряд наиболее распространенных: *optimization, performance, acceptance, power source(s), application(s), adoption, range, spectrum, area, distribution, industry(ies), exploration, criteria, testing, study(ies), policy(ies), infrastructure, tendency, trend* и др**.** Покажем функционирование трехкомпонентного словосочетания, реализующего данную стратегию: *The sport serves as a testing ground for cutting-edge technologies that often find their way into* ***mainstream automotive applications*** */ Спорт служит испытательной площадкой для передовых технологий, которые часто далее находят свое массовое применение в автомобильной индустрии.* Также благодаря функциям атрибутов в аннотациях подчеркивается быстрое развитие транспортной отрасли, что тоже коррелирует со способами доказательства актуальности исследований в инженерно-транспортном направлении. Данный аспект вербализуется благодаря атрибутивным словосочетаниям с адъективами *rapid, fast, strong, intensive, robust, active.* Например: *In several places we have witnessed a* ***rapid uptake*** *of this new mode of transport / В нескольких местах мы наблюдаем быстрое развитие этого нового вида транспорта.*

Наиболее распространенными словосочетаниями, описывающими данную тематику, являются следующие: *global industry* (глобальная индустрия), *global automotive trend* (глобальная тенденция в автомобильной отрасли), *global autonomous transport policy* (глобальная политика автономного транспорта), *widespread application* (широкое применение), *widespread adoption* (массовое принятие), *national approaches* (национальные подходы), *national transportation policy* (национальная транспортная поли-

CC BY

тика), *national transport fleets* (парки транспорта в стране), *nationwide transport infrastructure* (транспортная инфраструктура в стране), *vast application* (широкое применение), *vast area* (обширная область), *extensive exploration* (широкомасштабное исследование), *extensive laboratory experimentation* (расширенные лабораторные испытания), *extensive distribution* (широкое распределение), *broad emission spectrum* (широкий спектр выбросов), *wide model range* (большая линейка моделей), *overall performance* (общие параметры функционирования), *overall crash reduction* (общее сокращение аварий), *overall manufacturing efficiency* (общая эффективность производства), *mainstream transportation mode* (массовый вид перевозок), *mainstream power source* (основной источник энергии), *mainstream automotive applications* (массовое применение в автомобильной отрасли).

3.2. Привлечение внимания к повышению экологической безопасности транспортных технологий

Для транспортной отрасли вопрос корреляции научно-технического направления с задачами повышения экологической ответственности становится приоритетным и, соответственно, является одной из высокозначимых имиджевых составляющих. Поэтому информирование о сохранении природных ресурсов и бережном природопользовании становится распространенной коммуникативной стратегией и активно применяется авторами. Реализация данного тематического компонента аннотации осуществляется посредством включения в атрибутивные словосочетания таких адъективов, как *environmental, sustainable, ecological, eco-friendly, environment-friendly, low-emission, low-exhaust, carbon–neutral*, *clean, green,* где лексема *environmental* является наиболее частотной, а также имеет широкую сочетаемость. В словосочетаниях с данными адъективами функционируют следующие ядерные существительные: *transport, transportation, vehicle(s), policy(ies), fuel, interference, issue(s), concern(s), factor(s), information, adaptability, impact, strategy(ies), cost.* В изученном нами корпусе текстов данные адъективы функционируют преимущественно в виде двухкомпонентных атрибутивных словосочетаний, например: ***Environmental concerns*** *demand reduction in energy use and peak power demand of railway systems / Забота об окружающей среде требует сокращения энергозатрат и пикового энергопотребления железнодорожными системами*. Однако также возможны и трехкомпонентные сочетания, например: *high environmental adaptability* (высокая экологическая адаптация) или *innovative environmental approach* (инновационный экологический подход). В аннотациях представлены также сложные адъективы, описывающие экологический аспект развития инженерно-транспортного направления*: eco-friendly, environment-friendly, low-emission, low-exhaust, carbon–neutral.*

CC BY

В подавляющем большинстве случаев они используются в своей стандартной форме, например*: The impacts of the evolution of the fleet composition on urban air quality … is assessed with two scenarios assuming the introduction of* ***low-emission vehicles*** */ Воздействие изменения состава автопарка на качество городского воздуха … оценивается в контексте двух сценариев, предполагающих внедрение транспорта со сниженными выбросами.* Однако также возможно формирование атрибутивных дефисных композитов на их основе, таких как *very-low-emission (с очень низким выбросом), low-exhaust-emission (с низким выхлопным выбросом), low-carbon-emission (с низким углеродным выбросом).*

К наиболее распространенным словосочетаниям, характеризующим экологические характеристики транспорта в изученном нами корпусе текстов аннотаций, можно отнести следующие: *environmental concern* (забота об экологии), *ecological impact* (воздействие на экологию), *environmental costs* (отрицательное воздействие на экологию), *low-emission vehicles* (транспорт с низкими выбросами), *carbon-neutral transport policies* (транспортная политика углеродной нейтральности), *clean fuel* ((экологически) чистое топливо), *sustainable transport system* ((эко)устойчивая система транспорта), *green mobility* (экологичная (транспортная) мобильность), *green transport mode* (экологичный вид транспорта), *eco-friendly transportation system* (экологичная система дорожно-транспортных перевозок), *sustainable personal transportation* (экологически безопасное пользование личным транспортом), *sustainable transport development* ((эко)устойчивое развитие транспорта) *sustainable transport system* ((эко)устойчивая система транспорта).

3.3. Экспликация параметров применения метода моделирования в аннотациях по инженерно-транспортному направлению

Другими объектами, представляемыми в аннотациях к статьям по инженерно-транспортной области, все чаще являются не сам транспорт и его функциональные элементы, а их модели, реальные или компьютерные. Кроме того, моделируются способы осуществления передвижения наряду со взаимодействием машин с окружающей дорожно-транспортной обстановкой. Данная тенденция находит свое отражение в использовании адъективов, которые маркируют применяемый в научных работах по инженерно-транспортному направлению исследовательский метод моделирования. В первую очередь коннотативный потенциал адъективов используется для дифференциации реальной (*physical* или *real-world*) и виртуальной (*numerical*) модели. А также используются другие многочисленные адъективы, описывающие прочие свойства смоделированных объектов или аспектов, связанных с моделированием, в сочетании либо с лексемами *model, modelling* или с существительным *simulation*, например: *full-scale, three-dimen-*

CC BY

sional, realistic, automatic, linear, data-driven, dynamic, kinematic, probabilistic, electro-thermal, experimental, predictive, probabilistic, classical, previous, relevant, existing, analytical, theoretical, mathematical, acoustic, available, accurate. numerical, dynamic, aerodynamic, modular, single, advanced, multiple, efficient, multi-body, scenario-based.

При этом словосочетание может описывать модель как разновидность техники с определенным набором свойств, например: *The paper generalizes a* ***previous air brake pneumatic model*** *to passenger trains and describes the needed modifications / Научная работа обобщает характеристики предыдущей модели пневматических тормозов пассажирских поездов и описывает необходимость внесения изменений.* Дополнительно покажем вариант предложения, где словосочетание обозначает создание модели как реального физического комплекса, воспроизводящего исследуемый фрагмент железнодорожных путей, для изучения взаимодействия дорожной инфраструктуры с окружающей средой: *Moreover, a* ***full-scale physical model*** *was established to reproduce track vibrations caused by rainwater-intruded roadbed / Более того, полномасштабная реальная модель была создана для воспроизведения вибрации рельсов, вызванной заполненным дождевой водой железнодорожным полотном.* Далее покажем на примере словосочетания со словом *model* тематику компьютерного моделирования действий беспилотного транспортного средства: *Many studies of* ***automatic lane-change models*** *are often limited to the performance of a single vehicle / Многие исследования моделей автоматической смены дорожной полосы часто ограничены отображением функционирования только одной транспортной единицы*. Помимо этого, необходимо отметить большое число аннотаций, в которых акцентируется тема моделей прогнозирования, тоже тесно взаимосвязанная с беспилотным транспортом: *This paper focuses on* ***available trajectory prediction models*** *that have been validated / Эта статья сосредоточена на существующих моделях прогнозирования траекторий, которые были оценены*.

Кроме того, моделирование во многих случаях предполагает разработку сценариев функционирования цифровых моделей, направленных на изучение одного смоделированного транспортного средства или его технологического узла в разных режимах работы в рамках созданной виртуальной среды. Также тематика сценариев актуальна для исследования эффективности функционирования созданной программы автопилотного управления в различных ситуациях дорожного взаимодействия, как виртуально реализуемых, так и проходимых автопилотируемым средством в реальной дорожной обстановке. При этом слово *сценарий* помимо специального подобранного набора условий может обозначать ситуации взаимодействия

участников дорожного движения, не являющиеся заранее заданными, но в которых изучаются определенные функции программного обеспечения. Для отображения данного спектра характеристик ядерное существительное *scenario*, как правило, сочетается с такими адъективами, как *typical, different, operational, automatic, various, critical, logical, complex, multiple, multi-modal, numerous, hypothetical, predictive, real, realistic, real-time, real-world, short-term, long-term, conceivable.* Приведем пример предложения, в котором рассматриваются сценарии виртуального тестирования: *Nowadays, virtual testing of driver assistance systems is becoming more frequent, and it takes form of simulations based on* ***complex realistic scenarios*** */ В наши дни виртуальное тестирование систем помощи водителю становится более распространенным, и оно принимает форму симуляции, основанной на сложных реалистичных сценариях.* Также покажем вариант предложения, где речь идет о перспективах передвижения автопилотируемого транспортного средства в реальной дорожной обстановке: ***Real driving scenarios****, due to occlusions and disturbances, provide disordered and noisy measurements, which makes the task of multi-object tracking quite challenging / Реальные сценарии передвижения транспорта дают хаотичную и неточную картину данных из-за ограничений видимости и возникающих помех, что делает задачу по комплексному отслеживанию объектов весьма затруднительной.* Отдельно можно выделить словосочетания со словом *scenario*, которые содержат наименование водительских действий — как реального водителя или водителей, так и автопилотного программного обеспечения, оценка, моделирование и прогнозирование которых представляют большой исследовательский интерес и являются объектом научного исследования. Примером таких атрибутивных словосочетаний могут служить варианты *multiple car-following scenario* (несколько сценариев следования за автомобилем)*, realistic lane-change scenario* (реалистичный сценарий смены дорожной полосы), *numerous overtaking scenarios* (многочисленные сценарии обгона).

Наиболее распространенными словосочетаниями, описывающими тематику моделирования, являются следующие: *experimental model* (экспериментальная модель), *three-dimensional model* (трехмерная модель)*, powerful 3D model* (мощная 3D модель), *full-scale physical model* (полномасштабная реальная модель), *data-driven vehicle modeling* (цифровое моделирование транспортного средства), *probabilistic route choice modelling* (моделирование вероятностного выбора маршрута), *efficient trajectory prediction model* (эффективная модель предсказания траектории), *scenario-based simulation* (моделирование на основе сценариев), *multibody simulation* (моделирование нескольких элементов (агентов)), *advanced simulation* (продвинутое

CC BY

моделирование), *single vehicle simulation* (моделирование одной единицы транспорта). *various scenarios* (разнообразные сценарии), *different testing scenarios* (разные / отличающиеся сценарии испытаний), *complex interaction scenarios* (сценарии сложного взаимодействия), *operational scenarios* (сценарии функционирования), *real-world scenarios* (реалистичные / реальные сценарии).

3.4. Прочие актуальные характеристики транспорта, вербализуемые атрибутивными словосочетаниями

Помимо трех вышеперечисленных тематических направлений, в текстах аннотаций достаточно много других вариантов словосочетаний с ядерными существительными *vehicle(s), car(s), cockpit(s), train(s), truck(s), strategy(ies), transport* и *transportation*, поскольку именно транспортные средства и дорожно-транспортное движение являются основными объектами научных исследований, информация о которых представляется в аннотации. В сочетании с ними наиболее распространены следующие адъективы: *conventional, traditional, new, software-defined, dynamic, various, versatile, original, human-driven, preferrable, personal, shared, individual, wireless, light, lightweight, vehicular, all-climate, actual, accessible, several, single.* Приведем пример описания способов вождения транспорта: *Experiments are designed to verify that road efficiency and safety are increased by using a* ***dynamic take-over strategy*** */ Разработаны испытания, направленные на проверку того, что эффективность и безопасность вождения повысились благодаря динамичной стратегии обгона.*

Наиболее распространенными словосочетаниями, описывающими разнообразные характеристики транспорта и системы дорожно-транспортных перевозок, являются следующие: *human-driven vehicles* (управляемые водителями транспортные средства), *individual drivers* (отдельные водители), *all-climate electric vehicles* (мульти-погодные электрические транспортные средства), *intelligent charging infrastructure* (умная инфраструктура зарядки), *wireless power transfer technology* (беспроводная система передачи энергии), *accessible means of transport* (доступные транспортные средства), *preferrable transport mode* (предпочтительный вид транспорта), *personal vehicles* (личный транспорт), *shared vehicles* (арендуемый транспорт), *original vehicle* (оригинальное транспортное средство), *versatile vehicles* (разнообразные транспортные средства), *intelligent cockpit* (умный автомобиль (с продвинутой электроникой и программным обеспечением)), *human-driven vehicles* (управляемый водителями транспорт), *software-defined vehicles* (транспорт с программным управлением), *lightweight vehicles* (легкие транспортные средства), *new energy vehicles* (транспорт на новых энерго-источниках), *vehicular traf-*

CC BY

fic (дорожно-транспортное движение), *intelligent transport systems* (умная система транспорта), *individual vehicles* (отдельные транспортные средства), *single vehicle* (единичное транспортное средство), *conventional vehicles* (традиционные транспортные средства).

4. Заключение = Conclusions

В результате исследования корпуса текстов аннотаций к научным статьям по инженерно-транспортному направлению было выявлено, что наиболее частотными являются двух- и трехкомпонентные модели словосочетаний, а также было отмечено, что для исследуемых аннотаций характерны словосочетания, содержащие наряду с адъективами двухсловные и трехсловные термины, что позволяет передавать в сжатой форме сложные концепции, не теряя при этом точности и доступности для потенциальных адресатов передаваемой информации. Таким образом, развитость системы атрибутивных словосочетаний, демонстрируемая существующей дискурсивной практикой, доказывает высокую значимость реализуемых ими функций в передаче тематических компонентов аннотаций по инженерно-транспортному направлению.

Проведенное исследование также показало, что рекуррентную тематику, активно вербализуемую атрибутивными словосочетаниями, можно поделить на три ключевых направления. Во-первых, атрибутивные словосочетания широко применяются для того, чтобы подчеркнуть высокую значимость и глобальную востребованность разработок, связанных с инженерно-транспортным направлением. Подобное позиционирование данной области исследований в текстах аннотаций во многом позволяет ученым имплицитно воздействовать на восприятие научной ценности решаемых ими задач, показывая, что получаемые результаты имеют высокий научно-технический потенциал, и тем самым привлекать внимание большей международной аудитории к своей научной статье.

Вторым широко представленным содержательным компонентом аннотаций, который репрезентируется благодаря атрибутивным словосочетаниям, является тематика защиты окружающей среды и создания эко-устойчивых транспортных технологий. Данный аспект вербализуют атрибутивные словосочетания, характеризующие научный объект исследования как более экологичный по сравнению с существующими образцами, то есть обладающий пониженным выбросом вредных веществ, работающий на базе энерго-эффективных технологий, потребляющий экологически безопасное топливо. Кроме того, словосочетания акцентируют тот факт, что при создании этого объекта применяются экологически нейтральные или относительно безопасные производственные технологии. Тематика, свя-

CC BY

занная с экологией, всегда вызывает повышенный интерес научного сообщества, поскольку ее значимость неоспорима и спрос на безопасные технологии неуклонно растет в транспортной индустрии, что обеспечивает любой научной работе, включающей данный аспект, дополнительную читательскую аудиторию в среде ученых.

Третьим тематическим компонентом аннотаций, репрезентация которого осуществляется атрибутивными словосочетаниями, является методология исследования, подразумевающая различные вариации моделирования, включающие как реальные, так и виртуальные модели транспорта или его узлов, а также компьютерные симуляции функционирования цифровых моделей. Кроме того, атрибутивные словосочетания вербализируют многие аспекты создания сценариев, необходимых для испытания реальных или виртуальных моделей, а также представляют тематику оценки сценариев действий, связанных с реализацией различных элементов вождения реальными водителями или автопилотными программами управления транспортными средствами. Широкая репрезентация научных аспектов метода моделирования, вербализуемая атрибутивными словосочетаниями, вполне вероятно, может объясняться тем, что она служит одним из эффективных способов привлечения внимания потенциальной аудитории к умению ученых задействовать в своей работе передовую методологию и подходы, обеспечивающие достоверные результаты исследования.

Немаловажно также, что атрибутивные словосочетания активно применяются авторами аннотаций для представления прочих разноформатных характеристик транспорта, не образующих ярко выраженных обособленных тематических групп с большим набором адъективов-коллокатов, но тем не менее являющихся высокочастотными. Подобные словосочетания позволяют авторам аннотаций эффективно дифференцировать характеристики транспортных средств, а также их элементов наряду со способами вождения. Приоритетное место в данном перечне занимают коллокации адъективов с существительными, обозначающими общие понятия, такие как транспорт и дорожно-транспортные перевозки, а сами словосочетания чаще всего направлены на акцентирование использования в сфере транспорта умных технологий, включающих как программные системы помощи водителю, так и системы, обеспечивающие практически полную автоматизацию процесса вождения. Однако ряд словосочетаний содержит адъективы, наоборот, подчеркивающие традиционное управление транспортным средством без привлечения автосистем. Кроме того, атрибутивные словосочетания позволяют показывать другие распространенные параметры транспорта, индивидуального или общественного, личного или арендован-

ного, работающего на стандартном топливе или на новых энергетических источниках. Данный подход обеспечивает точную картину исследуемого объекта и среды, в которой он функционирует, созданную при помощи современных языковых средств, что демонстрирует, в числе прочего, хорошее знакомство авторов аннотаций с научной литературой, связанной с областью исследования, их компетентность в научных вопросах, относящихся к транспортной тематике.

Таким образом, релевантный подбор атрибутивных словосочетаний для описания области, цели, подходов, процесса и результата исследования помогает авторам научных статей в обобщенном виде передавать ключевую информацию о проведенном исследовании в аннотации, где невозможно детальное представление многих важных свойств и характеристик. Соответственно, включение атрибутивных словосочетаний в текст аннотации для описания наиболее существенных параметров проведенного исследования помогает читательской аудитории сформировать достаточно ясное и реалистичное представление о проведенном изыскании, его научной ценности и перспективности, что вносит определенный вклад в формирование интереса аудитории непосредственно к тексту научной статьи и способствует продвижению созданных авторами инновационных технологических решений и новых концепций транспорта.

Перспективы исследования жанра научной аннотации нами видятся в дальнейшем изучении других тематических компонентов, связанных с представлением в ней научного аппарата исследовательской работы по инженерно-транспортному направлению. Кроме того, актуальным является сопоставление перечня и способов представления атрибутивными словосочетаниями тематических компонентов аннотаций, относящихся к сфере транспорта, с аннотациями, репрезентирующими другие научные области, с целью выявление схожих и различающихся дискурсивных характеристик аннотаций. Помимо этого, большой потенциал имеют исследования, направленные на методическое совершенствование учебных пособий для освоения основ академического письма, обучения созданию научных статей и аннотаций на иностранном языке с учетом современных данных о роли атрибутивных словосочетаний в дискурсивной практике. В целом, исследование языковых и коммуникативных характеристик аннотаций является значимым шагом к созданию наиболее благоприятных условий для успешного продвижения научных открытий и достижений российских ученых на международной арене.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

CC BY

Литература

1. *Алексеева Т. Е.* Заголовок и авторская аннотация на русском и английском языке : особенности и рекомендации по переводу / Т. Е. Алексеева, Л. Н. Федосеева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2019. — № 2 (135). — С. 152—156.

2. *Антонова М. Б.* Английские прилагательные со значением размера : когнитивные модели формирования словосочетаний / М. Б. Антонова // Вестник Томского государственного университета. — 2023. — № 488. — С. 91—100. — DOI: 10.17223/15617793/488/9.

3. *Баянкина Е. Г.* Языковые средства представления когнитивных структур в тексте (на материале атрибутивных словосочетаний в тексте англоязычного патента) / Е. Г. Баянкина // Russian linguistic bulletin. — 2021. — № 3 (27). — С. 18—25. — DOI: https://doi.org/10.18454/RULB.2021.27.3.4.

4. *Бегаева О. Е.* Об атрибутивном и предикативном употреблении имен прилагательных в современном английском языке / О. Е. Бегаева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2007. — Т. 18. — № 44. — С. 64—68.

5. *Белозерова Л. В.* Отражение картины мира английскими пространственными прилагательными / Л. В. Белозерова // Вестник Санкт-Петербургского университета. — 2007. — № 1—2. — С. 140—144.

6. *Богинская О. А.* «Очевидно, что …» : бустинг как стратегия экспликации уверенности автора в достоверности пропозиции (корпусный анализ жанра «аннотация к научной статье») / О. А. Богинская // Жанры речи. — 2024. — Т. 19. — № 1 (41). — С. 56—65. — DOI: 10.18500/2311-0740-2024-19-1-4`-56-65.

7. *Боктаева В. Л.* Особенности англоязычной научной статьи / В. Л. Боктаева, Л. А. Никитина, Т. Б. Гольдварг // Вестник Калмыцкого университета. — 2022. — № 1 (53). — С. 50—58. — DOI: 10.53315/1995-0713-2022-53-1-50-58.

8. *Добрынина О. Л.* Аннотация к статье в области технических наук и её машинный перевод / О. Л. Добрынина // Resources and Technology. — 2022. — № 19 (2). — С. 103—117. — DOI: 10.15393/j2.art.2022.6223.

9. *Енбаева Л. В.* Сопоставительный анализ атрибутивно-субстантивных сочетаний в тексте контракта (на материале английского языка) / Л. В. Енбаева, К. И. Катаева // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. — 2016. — № 12. — С. 39—44.

10. *Ерёмина В. М.* Особенности обучения написанию аннотаций на английском языке / В. М. Ерёмина // Ученые записки ЗабГУ. — 2016. — Т. 11. — № 6. — С. 86—92.

11. *Жаркынбекова Ш. К.* Выражение авторской позиции в научных статьях : метадискурсивные стратегии создания межличностных отношений / Ш. К. Жаркынбекова, А. А. Байбатырова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2019. — № 16 (2). — С. 188—213.

12. *Зоидзе Э. А.* Текст на обложке книги : о сущности жанра аннотации / Э. А. Зоидзе // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 2. — С. 73—95. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024.

13. *Иванова В. И.* Особенности языковой организации научно-исследовательской статьи на английском языке / В. И. Иванова, И. В. Тивьяева, М. В. Евсина // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2014. — № 4. — С. 264—271.

14. *Иноземцева Н. В.* Структурные особенности аннотаций научных и методических статей / Н. В. Иноземцева, И. В. Вержинская // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2016. — № 6 (194). — С. 19—23.

15. *Карелова Д. Г.* Продуктивные модели терминологических словосочетаний в терминосистеме легковесных сооружений (на материале русского и английского языков) / Д. Г. Карелова, В. В. Волохова // Гуманитарные и социальные науки. — 2017. — № 2. — С. 119—127.

16. *Ковалева Т. А.* Как написать аннотацию к научной статье / Т. А. Ковалева, И. В. Ильина // Вестник Тамбовского университета. Сергия : Гуманитарные науки. — 2016. — Т. 21. — № 12 (164). — С. 173—177.

17. *Кушнина Л. В.* К вопросу о моделировании текста научной аннотации / Л. В. Кушнина, С. К. Филипсон // Вестник Удмуртского университета. — 2018. — Т. 28. — № 6. — С. 1000—1006.

18. *Кушнина Л. В.* Способы экспликации эпистемической ситуации в тексте научной аннотации / Л. В. Кушнина, Ф. Р. Хабибрахманова // Вестник Удмуртского университета. Серия : История и филология. — 2018. — Т. 26. — № 2. — С. 260—268.

19. *Котик О. В.* Понятие экспрессивности в научном дискурсе (на материале англоязычных научных статей / О. В. Котик, Л. В. Толстикова // Вестник АГУ. — 2021. — № 1 (272). — С. 59—66.

20. *Махмутова А. Н.* Языковые средства выражения категоричности в современной англоязычной научной прозе / А. Н. Махмутова, Г. Ф. Лутфуллина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2023. — Т. 16. — № 7. — С. 2151—2158. — DOI: https://doi.org/10.30853/phil20230331.

21. *Миколайчик М. В.* Высокочастотная лексика современной англоязычной аннотации по экономике (на материале корпусного исследования научных статей из ведущих мировых периодических изданий) / М. В. Миколайчик // Балтийский гуманитарный журнал. — 2018. — Т. 7. — № 1 (22). — С. 109—112.

22. *Милетова Е. В.* О морфологических, синтаксических и семантических характеристиках имен прилагательных и слов категории состояния в английском и русском языках / Е. В. Милетова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2008. — № 63—1. — С. 195—201.

23. *Мухудадаева Р. А.* Образование имен прилагательных посредством словосложения в английском и аварском языках / Р. А. Мухудадаева, М. А. Магомедова // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. — 2014. — № 1. — С. 68—72.

24. *Орлова Л. Г.* Семантические характеристики английских прилагательных, обозначающих признак отношения / Л. Г. Орлова // Научные проблемы водного транспорта. — 2012. — № 33. — С. 92—95.

25. *Попова Н. Г.* Введение к научной статье на английском языке : структура и композиция / Н. Г. Попова // Высшее образование в России. — 2015. — № 6. — С. 52—58.

26. *Разинкина Н. М.* Эмоционально-субъективная оценка прилагательных широкой семантики в английском и русском языках : научно-методический подход / Н. М. Разинкина // Научный диалог. — 2016. — № 3 (51). — С. 88—104.

27. *Хабибуллина С. Б.* Семантический анализ текста научной аннотации / С. Б. Хабибуллина // Мир науки, культуры, образования. — 2018. — № 2 (69). — С. 571—574.

28. *Сботова С. В.* Особенности лексического состава словосочетаний, используемых в техническом английском языке / С. В. Сботова, Е. Ю. Куляева // Вестник Челя-

бинского государственного университета. Филологические науки. — 2018. — Т. 112. — № 4 (414). — С. 145—152.

29. *Силкина О. М.* Суперструктура научной аннотации : универсальное и культурно-специфическое (на материале английского, немецкого и русского языков / О. М. Силкина // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. — 2019. — Т. 5. — № 3. — С. 82—98.

30. *Столбовская М. А.* Многокомпонентные словосочетания в авиационном английском языке / М. А. Столбовская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 12—2 (90). — С. 389—393.

31. *Столбовская М. А.* Классификация сложных прилагательных по типу мотивировки (на примере авиационного английского языка) / М. А. Столбовская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 11—1 (77). — С. 168—170.

32. *Терехова Е. В.* Рекуррентные конструкции и их роль в композиции научных текстов / Е. В. Терехова // Научный диалог. — 2015. — № 12 (48). — С. 140—149.

33. *Ткаченко А. В.* Атрибутивные словосочетания в контексте форматирования знания (на материале английского языка) / А. В. Ткаченко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — Т. 13. — № 3. — С. 158—162. — DOI: https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.3.34/.

34. *Ткаченко А. В.* Атрибутивное словосочетание в традиционном и когнитивном аспектах изучения (на материале английского языка) / А. В. Ткаченко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — Т. 13. — № 4. — С. 80—86. — DOI: https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.4.17.

35. *Шимановская Л. А.* Лексические единицы с атрибутивными группами : специфика выявления и сложности перевода на русский язык / Л. А. Шимановская // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета Проблемы языкознания и педагогики. — 2017. — № 4. — С. 72—78.

Статья поступила в редакцию 24.12.2024,
одобрена после рецензирования 25.06.2025,
подготовлена к публикации 25.07.2025.

References

Alekseeva, T. E., Fedoseeva, L. N. (2019). Title and author's abstract in Russian and English: features and recommendations for translation. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University, 2 (135):* 152—156. (In Russ.).

Antonova, M. B. (2023). English adjectives with the meaning of size: cognitive models of phrase formation. *Bulletin of Tomsk State University, 488:* 91—100. DOI: 10.17223/15617793/488/9. (In Russ.).

Bayankina, E. G. (2021). Linguistic means of representing cognitive structures in the text (based on attributive phrases in the text of the English patent). *Russian linguistic bulletin, 3 (27):* 18—25. DOI: https://doi.org/10.18454/RULB.2021.27.3.4. (In Russ.).

Begaeva, O. E. (2007). On the attributive and predicative use of adjectives in modern English. *Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, 18 (44):* 64—68. (In Russ.).

Belozerova, L. V. (2007). Reflection of the worldview by English spatial adjectives. *Bulletin of St. Petersburg University, 1—2:* 140—144. (In Russ.).

Boginskaya, O. A. (2024). “It is obvious that ...”: boosting as a strategy for explicating the author’s confidence in the reliability of a proposition (corpus analysis of the genre “abstract to a scientific article”). *Genres of speech, 19 / 1 (41):* 56—65. DOI: 10.18500/2311-0740-2024-19-1-4`-56-65. (In Russ.).

Boktaeva, V. L., Nikitina, L. A., Goldvarg, T. B. (2022). Features of an English-language scientific article. *Bulletin of the Kalmyk University, 1 (53):* 50—58. DOI: 10.53315/1995-0713-2022-53-1-50-58. (In Russ.).

Dobrynina, O. L. (2022). Abstract to an article in the field of technical sciences and its machine translation. *Resources and Technology, 19 (2):* 103—117. DOI: 10.15393/j2.art.2022.6223. (In Russ.).

Enbaeva, L. V. (2016). Comparative analysis of attributive-substantive combinations in the text of the contract (based on the material of the English language). *Problems of Romano-Germanic philology, pedagogy and methods of teaching foreign languages, 12:* 39—44. (In Russ.).

Eremina, V. M. (2016). Features learning how to write annotations in English. *Scientific notes of ZabGU, 11 (6):* 86—92. (In Russ.).

Glashtova, S. V. (2018). Features of the lexical composition of phrases used in technical English. *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philological sciences, 112 / 4 (414):* 145—152. (In Russ.).

Inozemtseva, N. V. (2016). Structural features of annotations of scientific and methodological articles. *Bulletin of Orenburg State University, 6 (194):* 19—23. (In Russ.).

Ivanova, V. I., Tivyaeva, I. V., Evsina, M. V. (2014). Features of the linguistic organization of a research article in English. *Proceedings of Tula State University. Humanities, 4:* 264—271. (In Russ.).

Karelova, D. G., Volokhova, V. V. (2017). Productive models of terminological phrases in the terminology system of lightweight structures (based on the material of Russian and English languages). *Humanities and Social Sciences, 2:* 119—127. (In Russ.).

Khabibullina, S. B. (2018). Semantic analysis of the text of a scientific abstract. *The world of science, culture, and education, 2 (69):* 571—574. (In Russ.).

Kotik, O. V., Tolstikova, L. V. (2021). The concept of expressivity in scientific discourse (based on the material of English-language scientific articles. *Bulletin of ASU, 1 (272):* 59—66. (In Russ.).

Kovaleva, T. A., Ilyina, I. V. (2016). How to write an abstract for a scientific article. *Bulletin of Tambov University. Sergiya: Humanities, 21 / 12 (164):* 173—177. (In Russ.).

Kushnina, L. V., Filipson, S. K. (2018). On the issue of modeling the text of a scientific abstract. *Bulletin of the Udmurt University, 28 (6):* 1000—1006. (In Russ.).

Kushnina, L. V., Habibrakhmanova, F. R. (2018). Methods of explication of the epistemic situation in the text of scientific annotation. *Bulletin of the Udmurt University. Series: History and Philology, 26 (2):* 260—268. (In Russ.).

Makhmutova, A. N. (2023). Linguistic means of expressing categoricality in modern English-language scientific prose. *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 16 (7):* 2151—2158. DOI: https://doi.org/10.30853/phil20230331. (In Russ.).

Mikolajczyk, M. V. (2018). High-frequency vocabulary of modern English-language annotations on economics (based on the corpus research of scientific articles from the world’s leading periodicals). *Baltic Humanitarian Journal, 7 / 1 (22):* 109—112. (In Russ.).

Miletova, E. V. (2008). On morphological, syntactic and semantic characteristics of adjectives and words of the category of condition in English and Russian. *Proceedings*

of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, 63—1: 195—201. (In Russ.).

Mukhudadayeva, R. A., Magomedova, M. A. (2014). Formation of adjectives by means of word composition in English and Avar languages. *News of the DGPU. Social sciences and humanities, 1:* 68—72. (In Russ.).

Orlova, L. G. (2012). Semantic characteristics of English adjectives denoting a sign of a relationship. *Scientific problems of water transport, 33:* 92—95. (In Russ.).

Popova, N. G. (2015). Introduction to a scientific article in English: structure and composition. *Higher education in Russia, 6:* 52—58. (In Russ.).

Razinkina, N. M. (2016). Emotional and subjective assessment of adjectives of broad semantics in English and Russian: a scientific and methodological approach. *Nauchnyi dialog, 3 (51):* 88—104. (In Russ.).

Shimanovskaya, L. A. (2017). Lexical units with attributive groups: the specifics of identifying and complexity of translation into Russian. *Bulletin of Perm National Research Polytechnic University Problems of Linguistics and Pedagogy, 4:* 72—78. (In Russ.).

Silkina, O. M. (2019). Superstructure of scientific annotation: universal and culturally specific (based on the material of English, German and Russian languages. *Scientific result. Questions of theoretical and applied linguistics, 5 (3):* 82—98. (In Russ.).

Stolbovskaya, M. A. (2017). Classification of complex adjectives by type of motivation (using the example of aviation English). *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 11—1 (77):* 168—170. (In Russ.).

Stolbovskaya, M. A. (2018). Multicomponent phrases in aviation English. *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 12—2 (90):* 389—393. (In Russ.).

Terekhova, E. V. (2015). Recurrent constructions and their role in the composition of scientific texts. *Nauchnyi dialog, 12 (48):* 140—149. (In Russ.).

Tkachenko, A. V. (2020). Attributive phrase in the traditional and cognitive aspects of learning (based on the material of the English language). *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 13* (4): 80—86. DOI: https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.4.17. (In Russ.).

Tkachenko, A. V. (2020). Attributive phrases in the context of formatting knowledge (based on the material of the English language). *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 13* (3): 158—162. DOI: https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.3.34/. (In Russ.).

Zharkynbekova, Sh. K., Baybatyrova, A. A. (2019). Expression of the author's position in scientific articles: metadiscursive strategies for creating interpersonal relationships. *Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature, 16* (2): 188—213. (In Russ.).

Zoidze, E. A. (2024). Text on Book Cover: Blurb as a Genre. *Nauchnyi dialog, 13* (2): 73—95. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-2-73-95. (In Russ.).

The article was submitted 24.12.2024;
approved after reviewing 25.06.2025;
accepted for publication 25.07.2025.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Селеменева О. А. Лексико-семантическая систематика фитонимов в поэтических текстах И. А. Бунина / О. А. Селеменева, Н. А. Бородина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 6. — С. 177—195. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-177-195.

Selemeneva, O. A., Borodina, N. A. (2025). Semantic Systematization of Plant Vocabulary in Poetic Texts of Ivan Bunin. *Nauchnyi dialog, 14* (6): 177-195. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-177-195. (In Russ.).

Clarivate Web of Science Scopus Q1 DOAJ ERIHPLUS eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Лексико-семантическая систематика фитонимов в поэтических текстах И. А. Бунина

Селеменева Ольга Александровна
orcid.org/0000-0002-0488-8428
доктор филологических наук, доцент,
кафедра русской филологии
и журналистики,
корреспондирующий автор
ol.selemeneva2011@yandex.ru

Бородина Надежда Анатольевна
orcid.org/0000-0002-9198-1080
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра русской филологии
и журналистики
borodinanadezhda@yandex.ru

Елецкий государственный
университет им. И. А. Бунина
(Елец, Россия)

Semantic Systematization of Plant Vocabulary in Poetic Texts of Ivan Bunin

Olga A. Selemeneva
orcid.org/0000-0002-0488-8428
Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Russian Philology
and Journalism,
corresponding author
ol.selemeneva2011@yandex.ru

Nadezhda A. Borodina
orcid.org/0000-0002-9198-1080
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian Philology
and Journalism
borodinanadezhda@yandex.ru

Bunin Yelets
State University
(Yelets, Russia)

© Селеменева О. А., Бородина Н. А., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена проблеме писательского языка И. А. Бунина, в частности фитонимическому инструментарию его поэтических текстов. Цель исследования — систематизировать и описать фитонимическую лексику И. А. Бунина-поэта. Фактическим материалом исследования выступили лирические тексты (более 900 стихотворений), вошедшие в научное издание 2014 года, подготовленное Т. М. Двинятиной. Авторская картотека примеров сформирована 237 номинациями растений. При их интерпретации использовались описательный, таксономический, дистрибутивный, лингвостатистический методы, а также методы компонентного и контекстологического анализа. Определены три принципа, упорядочивающие фитонимы бунинской поэзии и организующие их в систему: соподчиненность единиц, многоступенчатость структуры, сочетание политомии и дихотомии при выделении таксонов на разных уровнях. Установлено, что в поэзии И. А. Бунина присутствует 22 лексико-семантических группы фитонимов, отличающихся количеством наименований в составе группы. Установлено, что наиболее объемными являются 4 группы: «Партитивные фитонимы» (22,4 % всего корпуса фитонимов), «Фитонимы растительных сообществ» (12,7 %), «Фитонимы неплодовых лиственных деревьев» (10,6 %) и «Фитонимы декоративных травянистых растений» (8,5 %). Показано, что наряду с узуальными единицами в фитонимии Бунина-поэта функционируют и индивидуально-авторские образования.

Ключевые слова:
поэзия Ивана Бунина; гиперо-гипонимические отношения; типология названий растений; авторский лексикон; лексико-семантическая группа; фитоним.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article addresses the issue of Ivan Bunin's literary language, focusing particularly on the phytonymic tools employed in his poetic texts. The aim of the study is to systematize and describe the phytonymic lexicon found in the poetry of Bunin. The research material comprises lyrical texts (over 900 poems) included in a scholarly edition published in 2014, prepared by T. M. Dvinyatina. The author has compiled a database of examples featuring 237 plant nominations. The analysis employs descriptive, taxonomic, distributive, and statistical methods, as well as componential and contextual analysis techniques. Three principles have been identified that organize the plant names in Bunin's poetry into a coherent system: subordination of units, multi-layered structure, and the combination of polysemy and dichotomy in distinguishing taxa at different levels. It has been established that Bunin's poetry encompasses 22 semantic groups of plant names, varying in the number of designations within each group. The four most substantial groups are identified as follows: “Partitive Plant Names” (22.4% of the total corpus), “Names of Plant Communities” (12.7%), “Names of Non-Fruiting Deciduous Trees” (10.6%), and “Names of Ornamental Herbaceous Plants” (8.5%). Furthermore, it is demonstrated that alongside conventional units, Bunin's plant names also features individual-authorial formations.

Key words:
Ivan Bunin's poetry; hyper-hyponymic relationships; typology of plant names; authorial lexicon; lexico-semantic group; phytonym.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 81’373.221:821.161.1Бунин.08
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-177-195

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Лексико-семантическая систематика фитонимов в поэтических текстах И. А. Бунина

© Селеменева О. А., Бородина Н. А., 2025

1. Введение = Introduction

В лексике любого национального языка фитонимика выступает важнейшей микросистемой, закрепляющей многовековой культурно-исторический опыт взаимодействия этноса с окружающей средой, флористический фрагмент его когнитивной картины мира. Фитонимическая микросистема определенным образом организована и включает наименования, традиционно дифференцирующиеся на три подгруппы: литературные, народные, научные. Такая неоднородность состава фитонимов национальных языков обусловливает основные векторы их лингвистического исследования в первой четверти XXI века: ботаническая терминология различных групп языков (алтайских, тюркских, романских, славянских, германских и др.); генезис, семантика и функциональные особенности фитонимов в диалектах (воронежских, псковских, тамбовских, якутских говоров, говоров Среднего Приобья, Пермского края, Балкан и т. д.); способы номинации растений, их структурно-словообразовательные и когнитивные модели в национальных литературных языках (ингушском, марийском, нанайском, русском, азербайджанском, английском, итальянском, немецком, сербском, французском и др.) [Домосилецкая, 2009; Исаев, 2010; Рубцова и др., 2013; Лукьянова, 2016; Кулева, 2020; Шевченко и др., 2021; Panasenko, 2023; Malysheva et al, 2023].

Способствуя расширению национальных словарей этносов, особую значимость фитонимическая лексика приобретает в индивидуально-авторских языках писателей. Наименования растений, будучи связанными в художественных текстах с другими словесными единицами, выступают средствами экспликации ботанической, бытовой, социально-общественной, профессиональной, эмоционально-оценочной, историко-культурной информации, детерминируемой особенностями писательского мировоз-

зрения, мировосприятия и накопленного опыта. Систематизация фитонимов, описание их внутренних и внешних связей способствуют выявлению некоторых приоритетных начал художественно-эстетических парадигм разных авторов и позволяют приблизиться к решению проблемы писательского языка, моделирования лексического уровня языковой личности.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Отечественные и зарубежные лингвисты уже обращались к изучению фитонимических лексиконов и отдельных фитонимов в художественных текстах Р. Абеллио, В. Я. Брюсова, С. А. Есенина, Е. И. Носова, Б. Л. Пастернака С. Н. Сергеева-Ценского, В. А. Солоухина, Р. Ханиновой, Х. Хорезми, Г. Флобера, М. И. Цветаевой, В. Т. Шаламова, Ф. Яхина и др. [Камаль и др., 2011; Папоян и др., 2019; Шкурская, 2020; Варларо, 2021; Mingazova et. al., 2019].

Цель нашего исследования — систематизировать и описать фитонимический инструментарий И. А. Бунина-поэта.

Научный интерес к фитонимике именно Бунина-художника неслучаен, ведь писатель вошел в историю отечественной и мировой литературы как мастер пейзажа. Именно у него природа «перестает быть фоном»: она «не существует сама по себе», а оказывается связанной с нравственными ценностями, с «развитием всего сущего» [Климова, 2018, с. 87]. Оригинальность бунинской интерпретации образа природы заключается «в том, что он формируется всем корпусом текстов, и в лексических средствах», привлекаемых для его создания [Павлюченкова, 2015, с. 17].

Несмотря на то, что лексика природы в бунинской прозе и поэзии активно анализируется в русистике с позиций когнитивной лингвистики, функциональной стилистики, лингвопоэтики, литературной ономастики, обращение непосредственно к фитонимам носит фрагментарный характер. Так, Н. В. Богданова на материале прозы и поэзии 1900—1910-х годов выделяет 6 лексико-семантических полей, эксплицирующих художественный концепт ПРИРОДА, и в составе лексико-семантического поля «Растительный мир» указывает фитонимы *лес*, *куст*, *сирень*, *роза*, *дерево*, *просо*, *греча*, *кукуруза* и некоторые другие [Богданова, 2007, с. 10—14]. Множественность «единичных названий деревьев» она отмечает как особенность рассматриваемого лексико-семантического поля [Там же, с. 10].

О. В. Руднева в ряду средств лингвостилистической репрезентации пейзажа в малой прозе писателя, созданной в период с 1887 по 1952 годы, указывает метафоры, основанные на одушевлении природы (природа — человек), одухотворении (природа — храм) и овеществлении (природа — материя) [Руднева, 2007]. Хотя фитонимическая лексика специально не

CC BY

рассматривается автором, она встречается в составе корпуса иллюстративных примеров и участвует в построении рядов однородных членов (*В садах вокруг Яффы — пальмы*, *магнолии*, *олеандры*, *чащи померанцев*…), воплощающих наряду с приемом контраста, оксюморонными словосочетаниями, плеоназмом, тавтологией и т. д. специфику бунинского восприятия природного мира [Там же, с. 166—168].

Наиболее плодотворно изучение фитонимов художественного наследия Бунина-поэта велось Т. А. Павлюченковой [Павлюченкова, 2014, 2015]. Она к лексическим единицам, создающим образ природы-храма, отнесла метафоризирующуюся церковную лексику (*алтари гор*, *плащаница моря*, *четки-«звезды»* и др.) и «многочисленные номинации растений и животных (реальных, фольклорно-мифологических и выдуманных автором)» [Павлюченкова, 2015, с. 17]. Ядро бунинских номинаций растений, по мнению ученого, составляют три фитонима: *береза*, *сосна* и *ель* [Павлюченкова, 2014, с. 46]. Указывая на постоянство внимания писателя к фитонимическим единицам, Т. А. Павлюченкова останавливается на анализе некоторых устаревших номинаций (*вайя*), диалектизмов (*дереза*, *овсы*, *ржи* и др.), лексем, связанных с фольклорными славянскими традициями (*береза*), античными традициями (*мак*), европейской и восточной поэтическими традициями (*роза*) [Там же, с. 39—42].

Отдельные замечания о функционировании фитонимов типа *роза*, *кувшинка*, *лес*, *листья*, *цветок* в художественном наследии И. А. Бунина находим у Н. А Кожевниковой, О. А. Мещеряковой, Л. А. Усмановой, О. В. Четвериковой [Кожевникова, 2009; Мещерякова, 2015; Усманова, 2015; Четверикова, 2016].

Краткий экскурс в историю вопроса показывает, что научный интерес к фитонимическому лексикону И. А. Бунина несомненен, однако инвентаризация фитонимов по корпусу всех опубликованных текстов автора еще не произведена, не выполнена систематизация и классификация этих единиц в масштабе всего художественного наследия мастера.

Источником нашего исследования выступило научное издание поэзии И. А. Бунина в двух томах под редакцией Т. М. Двинятиной [Бунин, 2014], которое, по мнению буниноведов, представляет «самое полное, научно выверенное издание», содержащее развернутые научные комментарии к стихам, черновики, уточненные датировки стихотворений, способствующие их правильной интерпретации [Бердникова, 2020, с. 240]. Методом сплошной выборки из 965 стихотворений было извлечено 237 фитонимических единиц, свыше 1600 словоупотреблений.

Отметим, что при сборе языкового материала ввиду отсутствия в лингвистике четких границ объема понятия «фитоним» мы исходили из широко-

го подхода, включая в состав фитонимического индивидуально-авторского инструментария словесные единицы, служащие общим обозначением растений, отличающихся строением, высотой, жизненным циклом и т. п. (*лес*, *трава*, *кустарник* и др.); конкретные наименования растений (*груша*, *можжевельник*, *герань* и др.) или их совокупностей (*березняк*, *осинник* и др.); а также лексемы, называющие часть, орган какого-либо растения (*ветвь*, *лепесток*, *шишка* и др.).

При интерпретации материала использовались следующие лингвистические методы: *описательный* (при изучении фитонимов текстов И. А. Бунина в синхронном аспекте); *таксономический* (при установлении гипер-гипонимических отношений между фитонимическими единицами, их классификации по семантике); взаимосвязанные между собой *дистрибутивный* (изучение коллокаций фитонимов в контексте), *компонентного анализа* (установление семного состава значения фитонимов) и *контекстологического анализа* (для прояснения семантики окказиональных фитонимов, отсутствующих в словарной и справочной литературе); а также *лингвостатистический метод* (для получения количественных данных о частотности единиц различных лексико-семантических групп).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Принципы организации фитонимического лексикона поэзии И. А. Бунина

Фитонимия поэтического языка И. А. Бунина, одновременно отражающая и воплощающая индивидуально-авторскую картину мира, служит примером редкой наблюдательности писателя, его феноменальной зрительной памяти, эстетического вкуса, особого обостренного чувства природы и вместе с тем глубокого знания фитологии, в частности морфологии, анатомии, географии растений. Поэтому при изучении фитонимического лексикона Бунина-поэта к основным взаимосвязанным принципам, его упорядочивающим, можно отнести соподчиненность единиц, многоуровневость организации, дихотомию и политомию «ветвления», фигурирующие чаще не в лингвистической, а в ботанической систематике.

Первый принцип, принцип соподчиненности, существующий в растительном мире, позволяет биологам выделять ранги и таксоны растений на основе общих признаков: строение, ареал распространения, тип корневой системы и т. д. На уровне фитонимического лексикона писательского языка его проявление видится в возникновении нескольких иерархических сетей растительных номинаций, формируемых на основе гипонимии: *кустарник — можжевельник*, *дерево — яблоня*, *трава — клевер*, *гриб — мухомор*, *лиана — плющ*, *цветок — роза* и др. Практически у каждого гиперонима

CC BY

в индивидуально-авторском фитонимическом инструментарии обнаруживается ряд гипонимов: ***кустарник*** — *вереск*, *дрок*, *жасмин*, *олеандр*, *сирень*, *дзариг* и др.; ***злак*** — *гречиха*, *кукуруза*, *овес*, *пшеница*, *рожь*, *ячмень* и др.; ***пряность*** — *мята*, *шафран*, *тмин* и др. Самыми многочисленными гипонимическими рядами в поэзии И. А Бунина выступают те, которые включают номинации неплодовых лиственных деревьев и декоративных травянистых растений. Они организованы соответственно 21 и 19 членами: *акация — береза — бук — верба — верболоз — ветла — ива — клен — лавр — липа — лозина — мимоза — мирт — ольха — осина — платан — ракита — храмовое дерево — тополь — черемуха — явор* (I ряд); *астра — василек — герань — гиацинт — колокольчик — ландыш — лилия — мак* (*белый мак*, *красный мак*) *— мальва — медуница — настурция — подснежник — резеда — ромашка — сон-цветок — тюльпан — фиалка — хризантема — шпажник* (II ряд).

Гипонимическая иерархия, способствуя категоризации номинаций растений Бунина-поэта, напрямую связана со вторым принципом — многоуровневой организацией индивидуально-авторской фитонимической системы. Существование и выделение нового уровня системы определяется дифференциальными когнитивными классификаторами, которые, будучи эксплицированными в значениях отдельных лексем и их групп, организуют и упорядочивают фитонимическое семантическое пространство в целом. Всего было выделено шесть основных уровней в организации фитонимической системы Бунина-поэта:

I уровень — когнитивный классификатор «способность / неспособность к фотосинтезу» (*растения / грибы*);

II уровень — когнитивный классификатор «реальность существования / вымышленность» (*реальные / мифологические растения*);

III уровень — когнитивный классификатор «жизненная форма» (*дерево / кустарник / трава / таллом* (*слоевище*));

IV уровень — когнитивный классификатор «среда обитания» (*водные / наземно-воздушные / почвенные растения*);

V уровень — когнитивный классификатор «окультуренность / неокультуренность» (*дикорастущие / культурные растения*);

VI уровень — когнитивный классификатор «назначение растения» (*декоративное / кормовое / овощное / плодовое* и т. д.).

Наглядно многоступенчатость организации фитонимической системы на примере сегмента травянистых наземно-воздушных растений представлена на схеме (рис. 1).

Очевидно, что на I—II и V уровнях структурной организации системы фитонимов наблюдается дихотомия «ветвления» групп растительных

и эукариотических организмов, то есть выделения только двух равноценных по значению подсистем, а на III—IV и VI уровнях — политомия, или множественность «ветвления». Сочетание дихотомии и политомии становится третьим принципом организации бунинского фитонимического инструментария.

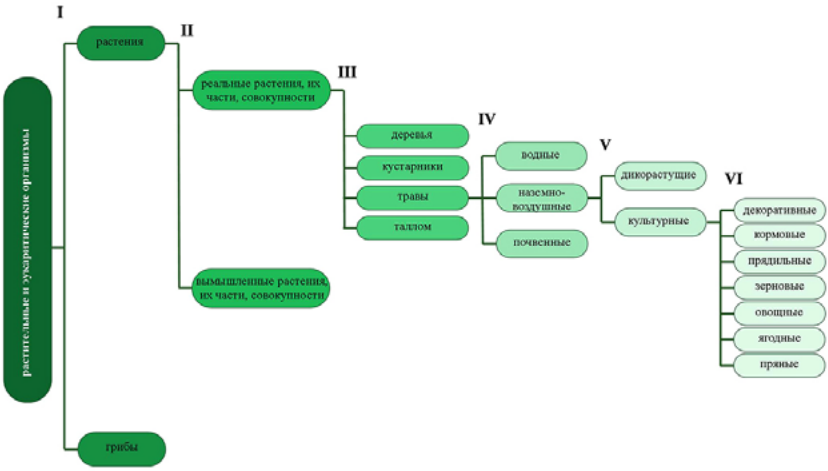


Рис. 1. Многоуровневость фитонимической системы на примере сегмента травянистых наземно-воздушных растений

3.2. Лексико-семантические группы фитонимов в поэзии И. А. Бунина

Опора на имеющиеся семантические и тематические классификации фитонимической лексики в русистике, представленные в «Русском семантическом словаре» под ред. Н. Ю. Шведовой [РСС], «Тематическом словаре русского языка» под ред. В. В. Морковкина [ТСРЯ], а также признаки, положенные в основу систематизации растений в ботанике, позволили в художественной картине мира Бунина-поэта выделить 22 лексико-семантические группы фитонимов (далее — ЛСГ). К ним относятся: **ЛСГ «Фитонимы общих наименований растений»**, состоящая из номинаций разных жизненных форм растительных организмов (*дерево*, *куст*, *кустарник*, *отава*, *цветок* и др.); **ЛСГ «Фитонимы растительных сообществ»**, включающая наименования естественных и окультуренных растительных массивов, в том числе с доминированием растений одного вида (*березняк*, *бор*, *бурьян*, *джунгли*, *дубрава*, *ельник*, *зеленя*, *лес*, *сосенник*, *озимь*, *осинник*, *чернолесье* и др.); **ЛСГ «Фитонимы неплодовых лиственных деревьев»**, сформированная лексемами, объединенными общим значением ‘бесплодная порода

с листьями, на которых ярко выражено разветвленное жилкование’ (*акация*, *береза*, *клен*, *липа*, *ольха* и др.); **ЛСГ «Фитонимы плодовых лиственных деревьев»**, представленная наименованиями древесных многолетних растений, напротив, дающих съедобные для человека или животного плоды (*груша*, *дуб*, *кокос*, *миндаль*, *тамаринд*, *яблоня* и др.); **ЛСГ «Фитонимы хвойных деревьев»**, состоящая из фитонимических единиц, обозначающих древесные растения, семена которых развиваются в шишках, а листья имеют форму игл (*ель*, *кедр*, *кипарис*, *лиственница*, *пихта*, *сосна*, *тис* и др.); **ЛСГ «Фитонимы декоративных и плодовых кустарников»**, аккумулирующая наименования древесных многолетних растений, ветвящихся у поверхности почвы и не имеющих в отличие от деревьев главного ствола (*дереза*, *дзариг*, *калина*, *можжевельник*, *терн*, *шиповник* и др.); **ЛСГ «Фитонимы зерновых культур»**, включающая фитонимы, референтами которых выступают возделываемые растения, дающие зерно и использующиеся человеком как продукт питания (*гречиха*, *кукуруза*, *пшеница*, *рожь*, *ячмень* и др.); **ЛСГ «Фитонимы декоративных травянистых растений»**, которая состоит из лексем, именующих садовые и дикорастущие растения (*астра*, *василек*, *герань*, *гиацинт*, *ландыш*, *мальва*, *настурция*, *резеда*, *ромашка*, *тюльпан*, *хризантема* и др.); **ЛСГ «Фитонимы лекарственных, сорных травянистых растений»**, объединяющая номинации дикорастущих растений, обычно считающихся сорняками, но при этом имеющих целебные свойства (*астрагал*, *белена*, *дурман*, *крапива*, *лебеда*, *лопух*, *полынь* и др.); **ЛСГ «Фитонимы водных травянистых растений»**, представленная единицами, называющими растения, постоянно или большую часть времени обитающие в водоемах (*камыш*, *кувшинка*, *куга*, *лотос*, *осока*, *тростник* и др.); **ЛСГ «Фитонимы овощных культур»**, которая включает наименования дикорастущих или специально выращиваемых травянистых растений, какие-либо части которых пригодны для употребления в пищу (*лук*, *тыква*, *укроп*); **ЛСГ «Фитонимы пряностей и специй»**, состоящая из номинаций растений, содержащих в различных органах ароматические вещества и вследствие этого использующихся в качестве приправ к пище для придания ей аромата, остроты (*мята*, *тмин*, *шафран*); **ЛСГ «Фитонимы ягодных растений»**, включающая наименования дикорастущих или культурных травянистых растений со съедобными ягодами (*клубника*, *костяника*); **ЛСГ «Фитонимы прядильных растений»**, которая охватывает номинации растений, возделываемых для получения текстильного волокна (*лен*, *бирюза* в контекстуальном значении ‘лен’); **ЛСГ «Фитонимы кормовых растений»**, аккумулирующая названия дикорастующих или выращенных культур, идущих на корм животным (*донник*, *клевер*); **ЛСГ «Фитонимы древовидных трав»**, объединяющая наименования колючих суккулетных

CC BY

растений, у которых есть особые ткани для запасания воды в листьях или стеблях (*кактус*); **ЛСГ «Фитонимы вьющихся растений** (лиан)», объединяющая лексемы, референтами которых являются растения, способные подниматься относительно высоко над землей, обвиваясь стеблем вокруг опоры (*виноград*, *лилия ползучая*, *плющ*, *хмель* и др.); **ЛСГ «Фитонимы стелющихся растений** (мхов)», включающая номинации растений с горизонтальными побегами, которые пригибаются стеблем к земле и в процессе роста могут укореняться (*мох*); **ЛСГ «Фитонимы низших растений»**, объединяющая номинации растительноподобных организмов, у которых не наблюдается дифференциации тканей (*подводная трава в* значении ‘водоросли’, *тина*); **ЛСГ «Фитонимы эукариотических организмов** (грибов)», в которой объединены именования, сочетающие свойства растений и животных (*мухомор*); **ЛСГ «Фитонимы мифологических растений»**, включающая мифологические имена растений, не существующих в реальности (мифофитоним *Древо*, отсылающий к флористическому образу из Книги Бытия); **ЛСГ «Партитивные фитонимы»**, аккумулирующая лексемы, обозначающие любые части растений (*ветвь*, *колос*, *корень*, *лепесток*, *лист*, *ствол*, *стебель*, *сук*, *хвоя*, *шип*, *шишка* и др.).

Например: *Как огонь*, / *Пылают чаши* ***лилии ползучей***, / *Тьмы мотыльков трепещут*… [Бунин, 2014, т. 2, с. 145] (в контексте референтом лексемы *лилия ползучая* из ЛСГ «Фитонимы вьющихся растений (лиан)» выступает вьющаяся лиана из Азии и Южной Африки, обычно именуемая *глориозой*) или *Я в эти дни люблю бродить*, *вдыхая* / ***Осинников*** *поблекших аромат…* [Бунин, 2014, т. 1, с. 121] (референтом лексемы *осинник* ЛСГ «Фитонимы растительных сообществ» выступает осиновый лес или перелесок).

Неоднозначность контекстной семантики некоторых единиц фитонимического лексикона Бунина-поэта приводит к трудностям при отнесении их к той или иной ЛСГ. Такова, например, лексема *мандрагора*, номинирующая «южное травянистое растение семейства пасленовых, с корневищем, напоминающим человеческую фигуру (используется иногда как болеутоляющее средство)» [СЯПИБ, ч. 1, с. 541]. Если исходить только из этого определения, то единицу можно включить в ЛСГ «Фитонимы лекарственных, сорных травянистых растений». Однако в контексте одноименного стихотворения 1907 года И. А. Бунин, окружая фитоним (в авторском тексте написанный с заглавной буквы) словами с танаталогической и некротической семантикой (*Ад*, *виселицы*, *гробы*, *мертвый*, *могилы*, *палач*, *тленье*, *убийца*, *яд*), связывает появление самого цветка с первым братоубийцей — Каином: *Брат Каин*, *взрастивший* ***Мандрагору*** *из яда*! [Бунин, 2014, т. 2, с. 33]. Так Бунин-поэт творит собственный миф и создает

символический флористический образ. Используемая номинация растения выступает уже не узуальной единицей, а индивидуально-авторской. В ее значении писатель актуализирует сему ‘несущий смерть’. Поэтому поэтический фитоним *Мандрагора*, на наш взгляд, следует рассматривать в ЛСГ «Фитонимы мифологических растений».

Количественный состав номинаций ЛСГ, выделенных в поэзии И. А. Бунина, неодинаков. Процентное соотношение каждой ЛСГ к общему объему фитонимической лексики, используемой в писательском языке, представлено на схеме (рис. 2).

Из приведенной гистограммы (рис. 2) очевидно, что лексемы четырех ЛСГ — «Партитивные фитонимы», «Фитонимы растительных сообществ», «Фитонимы неплодовых лиственных деревьев» и «Фитонимы декоративных травянистых растений» — формируют почти на 54 % состав фитонимического инструментария Бунина-поэта. Объясняется подобное тем, что единицы именно этих ЛСГ являются неотъемлемыми средствами архитектоники текстовых пейзажных зарисовок, маркерами дендрологического разнообразия и разнотравья средней полосы России, а также ряда западных и восточных стран — Италии, Египта, Палестины, Шри-Ланки и др. Выступая локальными (отсылают к месту, территории распростра-

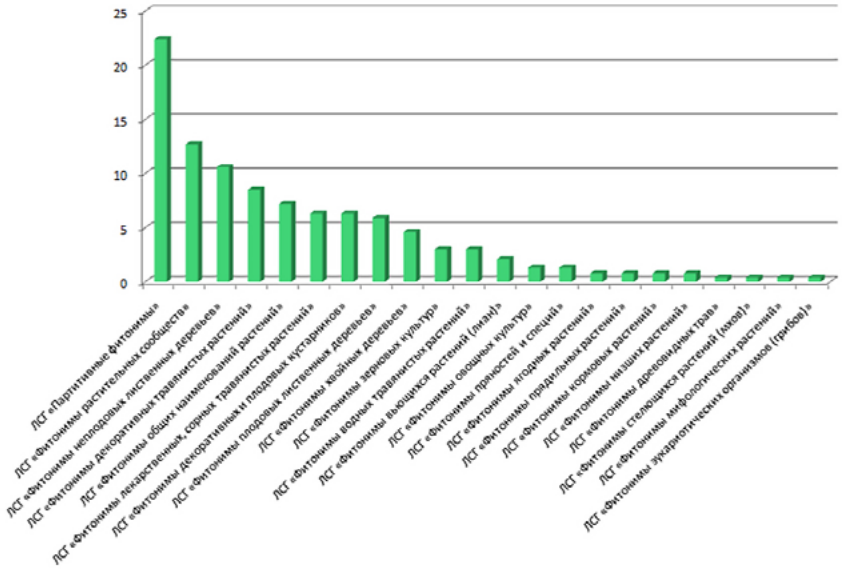


Рис 2. Процент каждой ЛСГ от общего количества фитонимов, зафиксированных в стихотворениях И. А. Бунина

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

нения), темпоральными (указывают на время суток, года при сочетании с определенными признаковыми словоформами) и эмоциональными (способны аккумулировать переживания лирического героя) индикаторами, фитонимы растительных сообществ, неплодовых лиственных деревьев и декоративных травянистых растений, их частей становятся семантическими доминантами, которые несут значимые смыслы не только в контексте конкретного стихотворения, но и в контексте поэзии И. А. Бунина в целом.

3.3. Особенности фитонимического инструментария поэтического языка И. А. Бунина

Корпус фитонимов художественного лексикона Бунина-поэта имеет определенные особенности. Несмотря на доминирование простых по структурной организации фитонимов, в ЛСГ «Фитонимы неплодовых лиственных деревьев», «Фитонимы плодовых лиственных деревьев», «Фитонимы лекарственных, сорных травянистых растений» отмечено присутствие составных и сложных наименований. Ср.: простые фитонимы *смоковница* («южное плодовое дерево с жесткими шероховатыми, опадающими на зиму листьями» [СЯПИБ, ч. 2, с. 418]); составной фитоним *храмовое дерево* (общепринятое название — *плюмерия*; у Бунина — *Храмовое Дерево*), номинирующий тропическое дерево семейства кутровых с воронковидными ароматными цветками, которое высаживается около буддийских храмов и считается священным [БРЭ]; фитонимы-композиты *дуб-гигант* и *отцы-дубы*, получающие благодаря признаковым компонентам смысловые приращения ‘чрезмерно’, ‘величие’, ‘исток жизни’. В бунинских контекстах отмечено функционирование и только одноструктурных, и разноструктурных фитонимов при отсылке к одному референту. Например, сложная лексема *повилика-трава* («паразитическое сорное растение семейства вьюнковых, питающееся соками других растений (*обл.*)» [СЯПИБ, ч. 2, с. 5]) и однословный фитоним *повилика*; простые синонимичные фитонимы *маслина* и *олива* как номинанты вечнозеленого субтропического плодового дерева.

Этимологически единицы фитонимической системы Бунина-поэта восходят не только к русскому языку, но и к греческому, латинскому, немецкому и французскому языкам. Особенно показательна в этом плане ЛСГ «Фитонимы декоративных травянистых растений», содержащая преимущественно заимствованные фитонимы, например, ср.: *астра* ← из нем. *Aster*, восходящего к греч. *ἀστήρ* «звезда», так как цветы растения имеют звездообразную форму [ЭСРЯ, т. 1, с. 94]; *герань* ← книжное заимствование через нем. или прямо от лат. *geranium*, а последнее — из греч. *γεράνιον* от *γέρανος* «журавль» [Там же, с. 402]; *резеда* ← ввиду конечного ударения из франц. яз., где *réséda* из лат. *reseda*, связанного с *resedar* «исцелять» [ЭСРЯ, т. 3, с. 462] и др.

CC BY

Спецификой единиц ЛСГ «Фитонимы неплодовых лиственных деревьев», «Фитонимы плодовых лиственных деревьев», «Фитонимы хвойных деревьев», «Фитонимы водных травянистых растений», «Фитонимы кормовых растений» становится их способность образовывать двучленные или многочленные ряды, относящиеся к именованию растений одного семейства: ивовых, платановых, кленовых, сосновых, осоковых, бобовых и др. Ср.: двучленный ряд *клен* («одноствольное или многоствольное листопадное дерево с пальчато-лопастными листьями» [БРЭ]) — *явор* («белый клен, дерево с пирамидально-шатровидной кроной» [Там же]) и многочленный ряд *ива* («листопадное растение семейства ивовых») [НЭС, с. 413]) — *верба* («ива остролистая или ива волчниковая» [БРЭ]) / *верболоз* (еще одно название ивы остролистой [Мельникова, 2001]) — *ветла* / *лозина* («ива белая, или серебристая, растущая в поймах рек почти по всей территории России» [Там же]) — *ракита* («ива ломкая, представляющая собой «большое дерево с поникшими ветвями», ветки которого отличаются «повышенной ломкостью» [Там же]). Причем приведенный многочленный ряд включает одновременно и общелитературные, и диалектные единицы. Так, фитоним *верболоз* в «Словаре русских народных говоров» имеет помету *зап*. (западные среднерусские говоры) при именовании ивы козьей или ивы пятитычинковой, помету *терск*. (терские говоры) при обозначении ивы прутьевидной [СРНГ, вып. 4, с. 123]; а фитоним *лозина* — помету *тул.* (тульские говоры) при именовании ветлы [СРНГ, вып. 17, с. 111].

Народные наименования растений обнаруживаются и в других ЛСГ: «Фитонимы общих наименований растений», «Фитонимы плодовых лиственных деревьев», «Фитонимы хвойных деревьев», «Фитонимы декоративных травянистых растений», «Фитонимы водных травянистых растений», «Фитонимы зерновых культур»: *атава* / *отава*, *куга*, *купава*, *купарис*, *лесовка*, *шпажник* и др. Из перечисленных ЛСГ особенно показательна группа «Фитонимы зерновых культур»: Бунин-поэт предпочитает диалектные варианты номинаций злаков в форме множественного числа общеязыковым фитонимам (*овсы* вместо *овес*, *ржи* вместо *рожь*). Так, из 16 отмеченных номинаций ржи посевной — 9 диалектных, а из 7 номинаций овса посевного — 4 диалектных: *Наступило* / *Седое утро*, *тихое*, *сырое*, / ***Овсы*** *к земле приникли…* [Бунин, 2014, т. 1, с. 228]; *Куда ни глянь*, *— на всем просторе* / *Степных угодий и полей* / *Желтеют волны спелых* ***ржей****…* [Там же, с. 211]. Однако подобные диалектные номинации, по замечанию Т. А. Павлюченковой, употребляясь в контекстах с литературной лексикой, органично входят в бунинский художественный текст и не изменяют «его общей стилистической окраски» [Павлюченкова, 2014, с. 39].

Наряду с узуальными единицами в фитонимии Бунина-поэта функционируют и индивидуально-авторские образования, входящие в состав ЛСГ «Фитонимы мифологических растений», «Фитонимы плодовых лиственных деревьев», «Фитонимы неплодовых лиственных деревьев», «Фитонимы лекарственных, сорных травянистых растений», «Фитонимы низших растений» и «Фитонимы декоративных травянистых растений»: *Древо*, *дуб-гигант*, *Мандрагора*, *отец-дуб*, *повилика-трава*, *подводная трава*, *сон-цветок*, *Храмовое Дерево*. Подобные единицы не обнаруживают соответствий ни в поэтическом подкорпусе, ни в подкорпусе «Русская классика» Национального корпуса русского языка [НКРЯ]. В ряду приведенных примеров интересна авторская билексема *сон-цветок*, которая образована по мотивационной модели ‘физиологическое состояние’ → ‘название растения’. Этот фитоним, видимо, создан по аналогии с существующей народной ботанической номинацией различных видов прострелов — *сон-трава.* Совокупность признаков, перечисленных в одноименном стихотворении 1901 года (ареал распространения, время цветения, особенности цветка), дает возможность идентифицировать *сон-цветок* как сухоцвет однолетний — произрастающее в степях травянистое растение с невянущими, обладающими способностью долго сохраняться в первоначальном виде лилово-розоватыми соцветиями, появляющимися летом и сохраняющимися осенью: *Поздним летом в степи*, *на казацких могилах* / «***Сон-цветок***» *в полусне одиноко цветет… / Он живой*, *но сухой. Он угаснуть не в силах*, / *Но весна для него не придет* [Бунин, 2014, т. 1, с. 232].

4. Заключение = Conclusions

Описание фитонимической лексики художественного наследия Бунина-поэта с помощью лингвистических словарей (словарь языка писателя, семантический и тематический словари, этимологические словари), энциклопедий, справочников по фитологии, баз данных, а также учет контекстуальных значений исследуемых единиц приводят нас к следующим выводам.

1. Упорядоченность единиц фитонимического индивидуально-авторского инструментария обеспечивается:

— соподчиненностью единиц системы, проявляющейся в формировании иерархических сетей номинаций с гиперо-гипонимическими отношениями между единицами;

— шестиуровневым характером организации, где каждый уровень определяется действием конкретного когнитивного классификатора;

— сочетанием раздвоенности и одновременно множественности деления при таксономии растительной микросистемы художественных текстов.

CC BY

2. Все фитонимы, функционирующие в бунинской поэзии, объединяются в 22 ЛСГ разного объема. По количеству включенных номинаций растений наиболее объемными являются 4 ЛСГ: «Партитивные фитонимы» (22,4 % всего корпуса фитонимов), «Фитонимы растительных сообществ» (12,7 %), «Фитонимы неплодовых лиственных деревьев» (10,6 %) и «Фитонимы декоративных травянистых растений» (8,5 %).

3. Фитонимический инструментарий Бунина-поэта отличается присутствием разноструктурных единиц, способных номинировать в контекстах одного референта; общеизвестных наименований растений, этимологически восходящих к русскому, греческому, латинскому, немецкому, французскому языкам, а также народных и окказиональных фитонимов; образованием в ряде ЛСГ двучленных и многочленных рядов номинаций растений, относящихся к одному семейству.

Фитонимия поэзии И. А. Бунина выступает наглядным примером совмещения лингвистической и ботанической систематики растений, в частности ономасиологического и семасиологического аспектов с аспектом ботанических основ наименований растений.

К перспективам исследования относим изучение функционального потенциала отдельных ЛСГ и конкретных фитонимов в поэтических текстах, а также лексико-семантическую систематизацию единиц прозаических текстов писателя, сопоставительный анализ полученных и новых результатов.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Бунин И. А.* Стихотворения : в 2 т. / Вступ. статья, сост., подг. текста, примеч. Т. М. Двинятиной / И. А. Бунин. — Санкт-Петербург : Изд-во Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014. — Т. 1. — 544 с. — ISBN 978-5-877-039-6 ; Т. 2. — 544 с. — ISBN 978-5-87781-041-9.

2. БРЭ — *Большая* российская энциклопедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://bigenc.ru/c/pal-mira-e2074c (дата обращения 10.01.2025).

3. *Мельникова С. В.* Древесные растения России [Электронный ресурс] / С. В. Мельникова // Биология. — 2001. — № 45. — Режим доступа : https://bio.1sept.ru/article.php?ID=200104508 (дата обращения 11.02.2025).

4. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://ruscorpora.ru (дата обращения 05.12.2024).

5. НЭС — *Новый* энциклопедический словарь / гл. ред. А. П. Горкин. — Москва : Большая российская энциклопедия, 2000. — 1456 с. — ISBN 5-85270-194-7.

6. РСС — *Русский* семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Слова указующие (местоимения). Слова именующие :

Имена существительные (Все живое. Земля. Космос) / РАН, Ин-т рус. яз. ; Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. — Москва : [б. и.], 2002. — Т. 1. — 807 с. — ISBN 5-88744-008-2.

7. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. — Москва ; Ленинград ; Санкт-Петербург : Наука, 1965—. — Вып. 1—.

8. СЯПИБ — *Журавлева Г. С.* Словарь языка поэзии Ивана Бунина : в 2 ч. / Г. С. Журавлева, Р. И. Хашимов. — Москва : Азбуковник, 2015. — Ч. 1 : А–О. — 790 с. — ISBN 978-5-91172-113-8 ; Ч. 2 : П–Я. — 792 с. — ISBN 978-5-91172-122-0.

9. ТСРЯ — *Тематический* словарь русского языка : около 25 000 слов / Л. Г. Саяхова, Д. М. Хасанова, В. В. Морковкин; под ред. В. В. Морковкина. — Москва : Русский язык, 2000. — 556 с. — ISBN 978-5-358-07655-6.

10. ЭСРЯ — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 томах / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — Москва : Прогресс, 1986—1987. — Т. I—IV.

Литература

1. *Бердникова О. А.* К вопросу о поэтике заглавий в стихотворном наследии И. А. Бунина. / О. А. Бердникова // Известия Уральского федерального университета. Серия 2 : Гуманитарные науки. — 2020. — Т. 22. — № 4 (202). — С. 238—255. — DOI: 10.15826/izv2.2020.22.4.074.

2. *Богданова Н. В.* Лексическая экспликация концепта «Природа» в раннем творчестве И. А. Бунина : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.01 / Н. В. Богданова. — Санкт-Петербург, 2007. — 20 с.

3. *Варларо Ф.* Образ дерева в «Колымских рассказах» Варлама Шаламова и в их переводах на итальянский язык / Ф. Варларо // Сибирский филологический журнал. — 2021. — № 3. — С. 317—330. — DOI: 10.17223/18137083/76/23.

4. *Домосилецкая М. В.* Фитоним Clematis клематис, или ломонос в балканских языках и диалектах / М. В. Домосилецкая // Индоевропейское языкознание и классическая филология. — 2009. — Т. XIII. — С. 139—153.

5. *Исаев Ю. Н.* Словообразовательный и семантический анализ флористической терминологии языков различных систем / Ю. Н. Исаев. — Чебоксары : Изд-во Чувашского университета, 2010. — 256 с. — ISBN 978-5-7677-1462-9.

6. *Камаль З. А.* Роль фитонимов в репрезентации художественной картины мира С. Есенина / З. А. Камаль, О. Н. Чарыкова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2011. — № 1. — С. 78—80.

7. *Климова Г. П.* Художественная система И. А. Бунина в контексте русской классической литературы / Г. П. Климова // Балтийский гуманитарный журнал. — 2018. — Т. 7. — № 1 (22). — С. 85—88.

8. *Кожевникова Н. А.* Избранные работы по языку художественной литературы / Н. А. Кожевникова ; под общ. ред. З. Ю. Петровой. — Москва : Знак, 2009. — 896 с. — ISBN 978-5-9551-0317-4.

9. *Кулева А. С.* О названиях растений в лингвистической перспективе : «Растения Средиземноморья», словари и переводы / А. С. Кулева // Вопросы языкознания. — 2020. — № 5. — С. 115—131. — DOI: 10.31857/0373-658X.2020.5.115-131.

10. *Лукьянова И. В.* Категории «польза» и «вред» в диалектной фитонимике / И. В. Лукьянова // Вестник Томского государственного университета. — 2016. — № 412. — С. 24—30. — DOI: 10.17223/15617793/412/4.

11. *Мещерякова О. А.* Лингвистические особенности формирования интенциональности образа природы в произведениях И. А. Бунина / О. А. Мещерякова // Материалы областной научной конференции по проблемам гуманитарных исследований, посвященной году литературы. 21—22 мая 2015 г. — Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2015. — С. 89—93.

12. *Павлюченкова Т. А.* Фитонимическая лексика в языке поэзии И. А. Бунина / Т. А. Павлюченкова // Известия Смоленского государственного университета. — 2014. — № 2 (26). — С. 35—48.

13. *Павлюченкова Т. А.* Язык поэзии И. А. Бунина и древнерусская литература : некоторые связи и параллели / Т. А. Павлюченкова // Известия Смоленского государственного университета. — 2015. — № 4 (32). — С. 16—28.

14. *Папоян К. О.* Фитонимические образы в поэтической картине мира М. И. Цветаевой / К. О. Папоян, С. А. Кошарная // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — Т. 12. — Выпуск 7. — С. 143—146. — DOI: https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.7.30.

15. *Рубцова О. Г.* Семантическая характеристика названий лекарственных растений в разносистемных языках (на материале марийского, русского, немецкого и латинского языков) / О. Г. Рубцова, Л. А. Абукаева, Л. М. Глизерина // Вестник Удмуртского университета. — 2013. — Выпуск 2. — С. 47—55.

16. *Руднева О. В*. Концептуализация пейзажа в малой прозе И. А. Бунина (лингвостилистический аспект) / О. В. Руднева // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2007. — № 2. — С. 162—172.

17. *Усманова Л. А.* Образные средства в художественных произведениях И. А. Бунина / Л. А. Усманова // Вопросы филологии. — 2015. — № 1. — С. 55—60.

18. *Четверикова О. В.* Топофлоризмы в семантическом пространстве стихотворений Ивана Бунина / О. В. Четверикова // Приоритетные направления : от теории к практике. — 2016. — № 24—2. — С. 49—54.

19. *Шевченко Е. М*. Когнитивные механизмы номинаций растений в английском языке / Е. М. Шевченко, О. Н. Прохорова, И. В. Чекулай // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языкознание. — 2021. — Т. 20. — № 4. — С. 137—147. — DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.11.

20. *Шкурская Е. А.* Семантические особенности фитонима «полынь» в современной калмыцкой лирике : английский перевод в аспекте имагологии / Е. А. Шкурская // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. — 2020. — № 1. — С. 183—195. — DOI: 10.22162/2587-6503-2020-1-13-183-195.

21. *Malysheva N. V*. Yakut names of medicinal plants / N. V. Malysheva, M. A. Osorova // Turkic language. — 2023. — Vol. 27 (1). — Pp. 117—124. — DOI: 10.13173/tl.27.1.117.

22. *Mingazova R.* The concept “Garden” in the French and Tatar literary discourse / R. Mingazova, N. S. Andrianova, O. F. Ostroumova, C. Leblanc // The Journal Tourism Studies & Practices. Caderno Suplementar. — 2019. — № 2. — Pp. 1—7.

23. *Panasenko N*. Diminutives in Phytonymic Lexis / N. Panasenko // SKASE Journal of Theoretical Linguistics. — 2023. — Vol. 20. — № 3. — Pp. 38—55.

Статья поступила в редакцию 24.04.2025,
одобрена после рецензирования 12.07.2025,
подготовлена к публикации 28.07.2025.

CC BY

Material resources

BRE — *The Great Russian Encyclopedia.* Available at: https://bigenc.ru/c/pal-mira-e2074c (accessed 10.01.2025). (In Russ.).

Bunin, I. A. (2014). *Poems: in 2 volumes,* . Saint Petersburg: Publishing House of the Pushkin House, Vita Nova. *1*: 544 p. ISBN 978-5-877-039-6; *2*: 544 p. ISBN 978-5-87781-041-9. (In Russ.).

ESRYa — Vasmer, M. (1986-1987). *Etymological Dictionary of the Russian*: in 4 volumes. Moscow: Progress. *I-IV*. (In Russ.).

Melnikova, S. V. (2001). Woody plants of Russia. In: *Biology, 45.* Available at: https://bio.1sept.ru/article.php?ID=200104508 (accessed 11.02.2025). (In Russ.).

NKRYa — (= *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*) *Russian National Corpus*. Available at: http://ruscorpora.ru (accessed 05.12.2024). (In Russ.).

NES — Gorkin, A. P. (2000). *A new encyclopedic dictionary.* Moscow: The Great Russian Encyclopedia. 1456 p. ISBN 5-85270-194-7. (In Russ.).

RSS — *Russian semantic dictionary. An explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings. Pointing words (pronouns). Naming words: Nouns (All living things. Earth. Cosmos), 1.* (2002). Moscow: [b. i.]. 807 p. ISBN 5-88744-008-2. (In Russ.).

SRNG — Filin, A. P. (ed.). (1969). *Dictionary of Russian folk dialects.* Leningrad: Nauka Publ. 356 p. (In Russ.).

SRNG — Filin, F. P., Sorokoletov, F. P., Myznikov, S. A. (eds.). (1965—). *Dictionary of Russian folk dialects*. Moskva; Leningrad; St. Petersburg: Nauka. *1*—. (In Russ.).

SYaPIB — Zhuravleva, G. S., Khashimov, R. I. (2015). *Dictionary of the language of poetry by Ivan Bunin: in 2 parts. 1-2*. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.).

TSRYa — Morkovkin, V. V. (ed.). (2000). *Thematic dictionary of the Russian language: About 25,000 words.* Moscow: Russian Language. 556 p. ISBN 978-5-358-07655-6. (In Russ.).

References

Berdnikova, O. A. (2020). On the poetics of titles in the poetic heritage of I. A. Bunin. *Proceedings of the Ural Federal University. Series 2: Humanities, 22 / 4 (202):* 238—255. DOI: 10.15826/izv2.2020.22.4.074. (In Russ.).

Bogdanova, N. V. (2007). *Lexical explication of the concept "Nature" in the early work of I. A. Bunin.* Author's abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 20 p. (In Russ.).

Chetverikova, O. V. (2016). Topoflorisms in the semantic space of Ivan Bunin's poems. *Priority directions: from theory to practice, 24—2:* 49—54. (In Russ.).

Domosiletskaya, M. V. (2009). Phytonym Clematis clematis, or clematis in the Balkan languages and dialects. *Indo-European linguistics and classical philology, XIII:* 139—153. (In Russ.).

Isaev, Yu. N. (2010). *Word-formation and semantic analysis of floral terminology of languages of various systems.* Cheboksary: Publishing House of the Chuvash University. 256 p. ISBN 978-5-7677-1462-9. (In Russ.).

Kamal, Z. A. (2011). The role of phytonyms in the representation of the artistic worldview. Yesenina. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural communication, 1:* 78—80. (In Russ.).

Klimova, G. P. (2018). I. A. Bunin's artistic system in the context of Russian classical literature. *Baltic Humanitarian Journal, 7 / 1 (22):* 85—88. (In Russ.).

Kozhevnikova, N. A. (2009). *Selected works on the language of fiction.* Moscow: Znak Publ. 896 p. ISBN 978-5-9551-0317-4. (In Russ.).

Kuleva, A. S. (2020). On the names of plants in a linguistic perspective: "Plants of the Mediterranean", dictionaries and translations. *Questions of linguistics, 5:* 115—131. DOI: 10.31857/0373-658X.2020.5.115-131.10. (In Russ.).

Lukyanova, I. V. (2016). Categories of "benefit" and "harm" in dialect phytonymy. *Bulletin of Tomsk State University, 412:* 24—30. DOI: 10.17223/15617793/412/4. (In Russ.).

Malysheva, N. V., Osorova, M. A. (2023). Yakut names of medicinal plants. *Turkic language, 27 (1):* 117—124. DOI: 10.13173/tl.27.1.117.

Meshcheryakova, O. A. (2015). Linguistic features of the formation of the intentionality of the image of nature in the works of I. A. Bunin. In: *Materials of the regional scientific conference on the problems of humanitarian research dedicated to the year of literature.* May 21—22, 2015. Yelets: I. A. Bunin YSU. 89—93. (In Russ.).

Mingazova, R., Andrianova, N. S., Ostroumova, O. F., Leblanc, C. (2019). The concept "Garden" in the French and Tatar literary discourse. *The Journal Tourism Studies & Practices. Caderno Suplementar, 2:* 1—7.

Panasenko, N. (2023). Diminutives in Phytonymic Lexis. *SKASE Journal of Theoretical Linguistics, 20 (3):* 38—55.

Papoyan, K. O., Kosharnaya, S. A. (2019). Phytonymic images in the poetic worldview of M. I. Tsvetaeva. *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 12 (7):* 143—146. DOI: https://doi.org/10.30853/filnauki.2019 .7.30. (In Russ.).

Pavlyuchenkova, T. A. (2014). Phytonymic vocabulary in the language of I. A. Bunin's poetry. *Proceedings of the Smolensk State University, 2 (26):* 35—48. (In Russ.).

Pavlyuchenkova, T. A. (2015). The language of I. A. Bunin's poetry and Ancient Russian literature: some connections and parallels. *Proceedings of the Smolensk State University, 4 (32):* 16—28. (In Russ.).

Rubtsova, O. G., Abukaeva, L. A., Glizerina, L. M. (2013). Semantic characteristics of medicinal plant names in multi-system languages (based on the material of Mari, Russian, German and Latin languages). *Bulletin of the Udmurt University, 2:* 47—55. (In Russ.).

Rudneva, O. V. (2007). Conceptualization of landscape in small prose by I. A. Bunin (linguistic and stylistic aspect). *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University, 2:* 162—172. (In Russ.).

Shevchenko, E. M., Prokhorova, O. N., Chekulai, I. V. (2021). Cognitive mechanisms of plant nominations in English. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics, 20 (4):* 137—147. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.11. (In Russ.).

Shkurskaya, E. A. (2020). Semantic features of the phytonym "wormwood" in modern Kalmyk lyrics: English translation in the aspect of imagology. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 1:* 183—195. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-1-13-183-195. (In Russ.).

Usmanova, L. A. (2015). Figurative means in the artistic works of I. A. Bunin. *Questions of philology, 1:* 55—60. (In Russ.).

Varlaro, F. (2021). The image of a tree in Varlam Shalamov's Kolyma Stories and their translations into Italian. *Siberian Philological Journal, 3:* 317—330. DOI: 10.17223/18137083/76/23. (In Russ.).

The article was submitted 24.04.2025;
approved after reviewing 12.07.2025;
accepted for publication 28.07.2025.

CC BY
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

КОММУНИКАЦИЯ. МЕДИАТЕХНОЛОГИИ. ЖУРНАЛИСТИКА
COMMUNCATIONS. MEDIA TECHNOLOGES. JOURNALISM

Александр Владимирович Платицын, магистрант (Москва)
Наталья Викторовна Монгилёва, канд. филол. наук (Костанай, Казахстан)
Юлия Викторовна Шуйская, д-р филол. наук (Москва)
Яна Сергеевна Талыбова, исследователь (Костанай, Казахстан)

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Монгилёва Н. В. От точки видения к обратной метафоризации : анализ преднамеренных визуальных метафор о непрерывном образовании / Н. В. Монгилёва, Я. С. Талыбова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 6. — С. 197—218. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-197-218.

Mongilyova, N. V., Talybova, Y. S. (2025). From Viewpoint to Reverse Metaphorization: An Analysis of Deliberate Visual Metaphors in Lifelong Learning. *Nauchnyi dialog, 14* (6): 197-218. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-197-218. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

От точки видения к обратной метафоризации: анализ преднамеренных визуальных метафор о непрерывном образовании

Монгилёва Наталья Викторовна
orcid.org/0000-0002-2150-2312
кандидат филологических наук,
ассоциированный профессор
кафедры иностранной филологии
77772456222@mail.ru

Талыбова Яна Сергеевна
orcid.org/0009-0009-2723-7052
кафедра иностранной филологии,
корреспондирующий автор
ya.talybova@gmail.com

Костанайский региональный
университет имени Ахмет
Байтұрсынұлы
(Костанай, Казахстан)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (Грант № AP23485644 «Повышение аттрактивности казахстанского университета: разработка эффективных стратегий дискурса через анализ социокультурных диспозитивов веб-сайтов зарубежных вузов»)

From Viewpoint to Reverse Metaphorization: An Analysis of Deliberate Visual Metaphors in Lifelong Learning

Natalya V. Mongilyova
orcid.org/0000-0002-2150-2312
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Foreign Philology
77772456222@mail.ru

Yana S. Talybova
orcid.org/0009-0009-2723-7052
Department of Foreign Philology,
corresponding author
ya.talybova@gmail.com

Akhmet Baitursynuly Kostanay
Regional University
(Kostanay, Kazakhstan)

Acknowledgments:
This research was funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant № AP23485644 “Increasing the attractiveness of Kazakhstan university: developing effective discourse strategies through the analysis of sociocultural dispositives of foreign universities websites”)

© Монгилёва Н. В., Талыбова Я. С., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предметом изучения стало намеренное использование визуальных метафор на сайте университета. Материал исследования — изображения, размещенные в тематических разделах о непрерывном образовании. Особое внимание уделяется точке видения как маркеру преднамеренности визуальной метафоры и ключевому элементу в конструировании коннотации снимка. Цель исследования — раскрыть интерпретирующую функцию точки видения на снимках о непрерывном образовании. Методика анализа основана на комбинации методов и приемов, разработанных в теориях концептуальной, примарной и преднамеренной метафор и адаптированных для задач данного исследования. Установлено, что точка видения СНИЗУ-ВВЕРХ в визуальных сообщениях о непрерывном образовании является способом представить зрителю качественные характеристики взаимодействия между центральными фигурами изображения. На примерах доказано, что сфера-мишень НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ репрезентируется с использованием сферы-источника МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Обнаружено, что на основе универсальных знаний о ценности социальных связей и эмоциональной поддержке авторы снимков намеренно активируют метафорическую проекцию УНИВЕРСИТЕТ — ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ПОНИМАЮТ ВОЗРАСТНОГО СТУДЕНТА. Выявлено, что манипулирование точкой видения порождает феномен обратной метафоризации и приводит к инверсии концептуальных сфер (ВОЗРАСТНЫЕ СТУДЕНТЫ — УНИВЕРСИТЕТ).

Ключевые слова:
визуальная метафора; преднамеренная метафора; точка видения; маркер преднамеренности; обратная метафоризация; университетский веб-сайт.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates the deliberate use of visual metaphors on a university website. The research material comprises images featured in thematic sections related to lifelong learning (LLL). Special attention is given to the viewpoint as a marker of deliberateness in visual metaphor and a key element in constructing the connotation of the image. The objective of this research is to unveil the interpretative function of the viewpoint in photographs depicting lifelong learning. The analytical methodology is based on a combination of methods and techniques derived from theories of conceptual, primary, and deliberate metaphors, adapted for the purposes of this study. It is established that the upward-pointing perspective in visual messages about lifelong learning serves as a means to convey qualitative characteristics of the interactions between the central figures in the images. Through examples, it is demonstrated that the target domain of LIFELONG LEARNING is represented using the source domain of INTERPERSONAL RELATIONSHIPS. It is found that, based on universal knowledge of the value of social connections and emotional support, the authors of the images intentionally activate the metaphorical projection UNIVERSITY — PEOPLE WHO UNDERSTAND THE ADULT STUDENT. Furthermore, it is revealed that manipulation of the viewpoint generates the phenomenon of reverse metaphorization and leads to an inversion of conceptual domains (ADULT STUDENTS — UNIVERSITY).

Key words:
visual metaphor; deliberate metaphor; viewpoint; marker of deliberateness; reverse metaphorization; university website.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 659.131.3+316.773.3
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-197-218

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

От точки видения к обратной метафоризации: анализ преднамеренных визуальных метафор о непрерывном образовании

© Монгилёва Н. В., Талыбова Я. С., 2025

1. Введение = Introduction

В условиях расширяющегося поля исследований когнитивных и, все более активно, коммуникативных аспектов метафоры в данной статье анализируется преднамеренная визуальная метафора как инструмент транслирования ценностей в сфере образования в контексте онлайн-коммуникации университетов. Современные подходы к изучению метафоры успешно раскрывают когнитивные механизмы переноса и приципы образования новых концептуальных структур. Однако использование визуальных метафор в цифровой коммуникации остаётся недостаточно изученным. Особую актуальность эта проблема приобретает в свете стремительного роста доли визуализации университетских веб-сайтов: изображения стали не просто иллюстрациями к текстам, а самостоятельным и зачастую доминирующим каналом передачи информации. В исследовании механизма визуальной метафоры мы исходим из положения о том, что метафоры в условиях официальной цифровой коммуникации вуза не возникают спонтанно, а являются стратегически обусловленными.

Согласно теории концептуальной метафоры [Lakoff, 2014] сложные и часто абстрактные понятия формируются путем проецирования элементов из более простой, понятной и конкретной сферы-источника на сферу-мишень. В результате аморфное представление обретает внутреннюю структуру сферы-источника. Важно, что после закрепления метафоры в значениях слов и устойчивых выражениях исходная метафоричность перестает замечаться и становится частью стандартного выражения.

Особое внимание в механизме концептуальной метафоры Дж. Лакофф уделяет образным схемам — доконцептуальным, воплощенным (*embodied*) структурам, которые возникают на основе нашего телесного опыта взаимодействия с миром (движение, равновесие, нахождение внутри / снаружи

CC BY

и т. д.). Они являются базовыми «строительными блоками» для построения более сложных понятий, например, ВМЕСТИЛИЩЕ, ПУТЬ, ЧАСТЬ — ЦЕЛОЕ, ЦЕНТР — ПЕРИФЕРИЯ. Это, по мнению Дж. Лакоффа, происходит за счет качественной характеристики образных схем — их базовой логики, иначе, набора базовых следствий их конфигурации как гештальта. Так, логика схемы ЦЕНТР — ПЕРИФЕРИЯ состоит в том, что центр важнее периферии, он определяет сущность целого.

Второе, не менее важное свойство образных схем раскрывается в теории примарной метафоры Дж. Грэйди [Grady, 1997]. Эти базовые паттерны устанавливают первичные (примарные) концептуальные соответствия, которые, далее, успешно интегрируются в более сложные конфигурации. Примарная метафора соединяет две образные схемы, обобщающие различные данные: физический опыт и когнитивный «отклик» на него. Например, метафора ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СВЯЗЬ — БЛИЗКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ образуется в результате соотнесения пространственной близости с чувством эмоционального комфорта, телесным теплом, которое создается близостью [Grady, 1997, pp. 23—24]. Первые подобные корреляции человек получает вместе с детским опытом. Сферами-мишенями в примарных метафорах являются, как правило, ощущение счастья, понимание сходства или достижение целей, то есть эмоциональный опыт, который не содержит образа, — это когнитивный «отклик» на восприятие мира [Grady, 2005]. В качестве инструмента концептуального анализа примарные метафоры проясняют соотношение проекций в сложных метафорах и позволяют выделить опыт, ставший источником метафоризации.

Точку видения (*viewpoint*) теоретики концептуальной метафоры также считают одной из образных схем. В исследовании феноменов внимания, а именно в работах о когнитивной перспективе точке видения отводится ключевая роль в производстве смыслов. Она воплощает субъективность переживания коммуникативной ситуации, определяя, с какой позиции осмысляется объект речи, какой аспект выделяется и насколько детально он рассматривается, что отражается в семантике и грамматической структуре высказывания [Dancygier, Vandelanotte, 2017; Zhu, 2023]. Точка «видения» напрямую влияет на выбор сферы-источника или его аспекта в метафорическом проецировании. Так, стремление выделить целенаправленность поступков человека может обусловить выбор сферы ПУТЬ в качестве источника (*жизненный путь*, *на его пути было много препятствий*).

Теория преднамеренной метафоры, разрабатываемая Герардом Стейном, вводит в анализ метафорических механизмов новый уровень: коммуникативный [Steen, 2008]. Г. Стейн считает, что лингвистический и концептуальный уровни успешно раскрываются в теориях концептуальной и

CC BY

интегральной метафор. На коммуникативном — метафора изучается в контексте реального речевого взаимодействия, что существенно расширяет наше представление о ее природе и функциях.

Лингвистический анализ идентифицирует связи слов и выражений, созданные в тексте и «запускающие» сопоставление двух сегментов знания. Концептуальный анализ раскрывает механизм систематических и естественных для говорящих метафорических переносов, которые становятся в дальнейшем общепринятыми схемами интерпретации объектов речи.

Однако, по мнению Г. Стейна, метафора не существует вне контекста общения; именно в нем она реализуется и оказывает влияние на адресата. В конкретных речевых взаимодействиях метафоры не возникают случайно, они активируются для достижения коммуникативных целей. Более того, иногда в структуре высказывания содержится указание на то, что адресату необходимо переосмыслить содержание, рассмотреть его сквозь призму другой концептуальной сферы. Например, вводные и сравнительные конструкции, подобные *представьте себе* или *как будто*, подчеркивают намеренное использование метафоры как инструмента воздействия.

Преднамеренные метафоры распознаются как таковые потому, что для адресанта важно, чтобы сфера-источник оставалась в зоне внимания адресата, становилась частью содержания. Посредством метафоры адресант предлагает новую точку зрения и побуждает адресата пересмотреть объект речи в перспективе другой концептуальной сферы. Адресат вынужден адаптировать другую концептуальную сферу к ситуации, чтобы сохранить согласованность смысла. Поэтому мы считаем, что применение концепции Г. Стейна позволяет анализировать точку видения как инструмент, который направляет процесс метафорического переосмысления изображения.

В исследовании метафор Дж. Чартерис-Блэк считает важным соблюсти три этапа: идентификация, интерпретация и экспликация [Charteris-Black, 2004]. Идентификация метафорических единиц происходит путем выявления смыслового несоответствия при буквальном понимании выражения. Этап интерпретации нацелен на определение взаимосвязей, которые устанавливаются между концептуальными сферами посредством метафоры. Этап экспликации включает поиск более широких следствий, возникающих в контексте коммуникативной ситуации за счет метафорического переноса.

Авторы сообщений определенных жанров (например, в политической, рекламной коммуникации) намеренно используют метафоры для достижения своих коммуникативных целей. Веб-сайт университета не является исключением. Он служит, во-первых, важным инструментом для привлечения абитуриентов. Во-вторых, он представляет собой онлайн-платформу

CC BY

для коммуникации вуза со студентами, партнерами, спонсорами и другими заинтересованными лицами. Сообщения и их визуальное сопровождение, размещенные на веб-сайте, создаются целенаправленно для формирования привлекательного имиджа учебного заведения, трансляции его идей, ценностей, устремлений. Вербальные и визуальные средства кодифицируют, передают информацию и, одновременно, предлагают готовые способы понимания сообщения [Bae et al. 2021]. В связи с этим преднамеренное использование метафор на вузовском веб-сайте становится очевидным, особенно в контексте их визуальной репрезентации.

В данной статье мы исследуем точку видения, элемент композиции изображения, как ключевой визуальный сигнал метафоричности и *маркер преднамеренности* метафоры. Опираясь на положения теорий преднамеренной метафоры [Steen, 2008; Steen, 2011], образных схем [Johnson, 2015; Lakoff, 2014] и примарных метафор [Grady, 1997], мы выдвигаем следующую гипотезу. Точка видения в изображениях, размещенных на вузовском веб-сайте, указывает на сферу-источник метафоры и предопределяет развитие метафорических выводов, то есть то, какие знания сферы-мишени будут переосмыслены адресатом в процессе интерпретации визуального сообщения.

Цель статьи — выявить интерпретирующую функцию точки видения в визуальных метафорах о непрерывном образовании. Внимание уделяется также феномену обратной метафоризации: манипулирование точкой видения в этом случае может приводить к инверсии концептуальных сфер, задействованных в метафорическом переносе. Результаты исследования являются вкладом в теорию визуальной метафоры, а также очерчивают перспективы нового, семиотического уровня анализа преднамеренной метафоры. Разработанный авторами статьи алгоритм анализа будет востребован в последующем изучении и оценке эффективности визуального контента университетского сайта.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Предварим анализ кратким описанием концепции непрерывного образования или обучения на протяжении всей жизни (*lifelong learning*, *LLL*), официальное признание которой состоялось в 1977 году в отчете ЮНЕСКО *Learning to Be* (*Учиться быть*). В этом документе были подвергнуты критике отождествление образования со школой и консерватизм образовательных институтов того времени, а также подчеркнута ценность активного обучения, самообразования и развития личности через опыт. *LLL* становится механизмом формирования нового типа субъекта — активного, самомотивированного, ответственного за свое обучение [Kinnari et al., 2023].

CC BY

Акцент смещается с формального образования (школы, университеты) на неформальное (на работе, дома, в хобби). Обучение становится не только пожизненным (*lifelong*), но и всеохватывающим (*lifewide*), проникая во все сферы деятельности. К настоящему времени образовательная политика непрерывного образования переживает третье поколение: гуманистическое, экономическое и, примерно с середины 2000-х годов, «мягкое» экономическое. Не вдаваясь в подробную характеристику каждого поколения, отметим, что ученые в сфере науки о высшем образовании констатируют все еще преобладающую логику рынка в разработке программ для обучения взрослых, попытки сбалансировать экономические императивы и социальную инклюзию [Volles, 2014].

В процессе работы был исследован текстовый и визуальный контент официальных веб-сайтов зарубежных университетов, занимающих с 1 по 30 место в мировом рейтинге QS World University Rankings (https://www.topuniversities.com/world-university-rankings/2024). Фокус анализа направлен на изображения, размещенные в тематических разделах о непрерывном образовании (*lifelong learning*). Данные тексты содержат информацию о программах дополнительного образования для взрослой аудитории (повышение квалификации, профессиональная переподготовка, тренинги). В описаниях подчеркивается, что университет дает возможность освоить востребованные на рынке труда навыки и компетенции.

Анализ визуального сопровождения текстов позволяет утверждать, что типизированной визуальной репрезентацией непрерывного образования являются фотоснимки взрослых людей, увлеченных групповой работой или взаимодействующих с преподавателем. Однако фотографии, на которых люди пожилого возраста беседуют с преподавателем, демонстрируют особую метафоричность. Помимо оспаривания стереотипных представлений об образовании как прерогативе молодой возрастной группы, подобные снимки имплицитно указывают на ценность еще одной социальной функции образования, которая не вербализуется в описаниях программ: пожилые люди получают возможность поддерживать ощущение востребованности в современном обществе. Подобные изображения послужили эмпирическим материалом исследования.

Для анализа визуальных репрезентаций непрерывного образования были отобраны фотоснимки, размещенные на официальных веб-сайтах Массачусетского технологического института (https://web.mit.edu/), Гарвардского университета (https://www.harvard.edu/) и Стэнфорского университета (https://www.stanford.edu/). Критерием отбора стали тематика раздела и наличие визуальной метафоры. Фотографии находятся в свободном доступе и могут быть использованы в исследовании.

CC BY

Методика анализа преднамеренной визуальной метафоры, разработанная в данной статье, интегрирует адаптированные для задач данной работы методы исследования концептуальной [Lakoff, 2014], примарной [Grady, 1997] и преднамеренной [Steen, 2008] метафор. Мы выстраиваем анализ визуальной метафоры с учетом необходимости соблюдения этапов: идентификация, интерпретация и экспликация [Charteris-Black, 2004]. В нашей работе этап *идентификации* предполагает выявление преднамеренности и метафоричности снимка. Визуальная метафора идентифицируется путем сопоставления буквального и символического значения изображения с использованием метода семиотического анализа. В композиции снимка определяются элементы, выделенные или затемненные точкой видения, которые мы трактуем маркерами преднамеренности. На этапе *интерпретации* методом концептуального анализа устанавливаются примарные метафоры, заданные визуальными сигналами (например, ЦЕНТР — ВАЖНОСТЬ, БЛИЗКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ — СХОДСТВО), и определяется сфера-источник метафорической проекции. Так как снимки размещены на сайте вуза и сопровождают тексты о непрерывном образовании, мы считаем, что сферой-мишенью метафоры являются представления об университете и условиях такого формата обучения. *Экспликация* производится с применением социокультурного анализа и восстанавливает метафорические суждения о непрерывном образовании (сфере-мишени), намеренно активируемые композицией изображения.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Методологические подходы к анализу коннотативных значений и метафоричности изображений

Доминирование фото на сайтах вузов обусловлено легкостью восприятия визуальной информации и ее сильным эмоциональным воздействием. Визуальные образы передают сложные идеи гораздо доступнее для адресата. Это происходит потому, что, с одной стороны, визуальный режим основан на логике отображения в пространстве [Kress, 2000]. С другой — в рамках изображения, особенно фотографического типа, сильнее слито буквальное и символическое содержание.

Согласно Р. Барту, на снимке происходит взаимодействие денотативного и коннотативного значений [Барт, 1989]. Денотативное значение представлено объектами (людьми, зданиями, вещами и т. д.) — это то, что отражает фотография как инструмент документирования реальности. Коннотативное значение возникает за счет выделения значимых и незначимых элементов фотографии, переднего и заднего плана, верхней / нижней и правой /левой части относительно центра. Коннотативность изображения

CC BY

присутствует всегда в силу того, что человек не способен воспринимать изображение в виде разрозненных линий. Эта конструкция образуется знаками, сложившимися в социо- и лингвокультуре и извлекаемыми под ее воздействием из наших знаний. Р. Барт описывает данный эффект так: «Коннотативное, кодированное сообщение развивается на основе сообщения без кода» [Барт, 1989, с. 307].

Существует множество способов анализа визуальных структур. По мнению Г. Кресса и Т. ван Левена, в статичном изображении общий код пространственной композиции интегрирует различные семиотические системы [Kress et al., 2006]. Пространственное расположение элементов несет в себе смысловую нагрузку. Горизонтальная ось организует информацию по принципу «данное — новое», где объекты слева репрезентируют общеизвестные факты, а справа — проблемные или дискуссионные аспекты. Вертикальная ось, в свою очередь, выстраивает иерархию «идеальное — реальное», соответственно? объекты верхней части композиции могут интерпретироваться лучшими или желаемыми, в нижней — практическими, приземленными и т. д. Наконец, центральный элемент визуальной композиции традиционно является носителем ключевой информации, периферийные элементы создают контекст и детализируют.

Концептуальными опорами (*scaffolding*) интерпретации изображения выступают образные схемы и их интеграции в составе примарных метафор Дж. Грэйди [Ortiz, 2010; Dancygier et al., 2017]. Данные инструменты анализа визуальной метафоры используются в «дешифровке» коннотативных значений снимка по следующим причинам. Во-первых, выделение в композиции образных схем позволяет выяснить, как структура изображения направляет восприятие адресата. Во-вторых, примарные метафоры раскрывают, какие элементы из сферы-источника проецируются в сферу-мишень и почему это происходит. Исследуя образные схемы и примарные метафоры, мы восстанавливаем точку видения автора и сферу знаний, сквозь призму которой он «приглашает» зрителя переосмыслить изображения.

3.2. Точка видения как маркер преднамеренности и механизм конструирования коннотации в визуальной метафоре

Точка видения представляет собой базовый когнитивный паттерн, сформированный на опыте освоения пространства. В композиции снимка этот активный концептуальный элемент направляет процесс интерпретации изображенных объектов.

По мнению В. Данцигер и Л. Ванделанот, данный элемент регулирует интерпретацию изображений, содержащих схему БАРЬЕР [Dancygier et al., 2017]. Точка видения обусловливает, с какими другими концептуальными структурами (сила, эмоции, время) произойдет интеграция схемы БАРЬЕР.

CC BY

Так, опыт *находиться под защитой* является позитивным, *ограничение движения* осмысляется негативно. Воспроизведенный на снимке объект, который *находится внутри* или *за барьером / снаружи,* суггестирует различные по эмоциональной окраске смыслы «быть в ловушке» или «быть в безопасности». Авторы убедительно доказывают, что коннотативное значение изображения развивается и ограничивается точкой видения.

Данный элемент обусловливает концептуальный комплекс, включающий перспективу, из которой рассматривается сцена, фокусную точку внутри этой сцены и уровень детализации ее участков. Отклонение от стандартного или естественного взгляда в фотографии побуждает адресата воспринимать ее содержание метафорически (коннотативно), а не буквально (денотативно) [Ng et al., 2013]. Например, изображение бегущего человека может сочетаться с размытым фоном снимка, что усиливает ключевой элемент композиции — высокую скорость движения — посредством симуляции «видения» бегущего. Размытость фона акцентирует преднамеренность и указывает на сферу-источник (бег, скорость движения).

Таким образом, интерпретирующая функция точки видения в композиции снимка обеспечивается феноменами внимания и состоит в ее влиянии на способ восприятия изображенных объектов. Мы считаем точку видения ключевым инструментом анализа в визуальной метафоре и трактуем ее как *маркер преднамеренности.*

Учитывая ее роль в организации содержания снимка, мы утверждаем, что качественные характеристики точки видения сопоставимы с базовой логикой образной схемы. Видение СВЕРХУ-ВНИЗ или СНИЗУ-ВВЕРХ одних и тех же объектов привлекает разный эмоциональный опыт, закрепленный в соответствующих примарных метафорах. Например, вид сверху позволяет адресату оценить масштаб, получить целостное представление об окружающем пространстве, оценить пространственные отношения между объектами, их расположение относительно друг друга и их взаимосвязь. Образная схема СВЕРХУ-ВНИЗ как элемент композиции активирует эмоциональный опыт контроля, доминирования. Усиливающим компонентом метафоричности на снимке будет неестественная для человека детализация мелких объектов и фона, просматриваемых с высоты «птичьего полета».

Интерпретирующий потенциал схемы СНИЗУ-ВВЕРХ также уникален и позволяет выделить детали, очевидные для того, кто находится рядом с объектом на фотографии. Активируемый эмоциональный опыт создает ощущение величия и значимости человеческих фигур, а также дает возможность адресату «считывать» по мимическим характеристикам внутреннее состояние героев снимка.

Данные свойства точки видения активно эксплуатируются создателями визуального контента вузовского веб-сайта для убеждения пользователей в тех или иных ценностях образовательного процесса. Продемонстрируем вышеизложенные утверждения на анализе конкретных примеров.

3.3. Примеры анализа преднамеренных визуальных метафор о непрерывном образовании

На рисунках (рис. 1, рис. 2) представлены примеры типизированного визуального сопровождения текстов о непрерывном образовании, в которых описываются возможности программ, предоставляемых университетами в рамках концепции обучения на протяжении всей жизни. Мы отобрали для практического анализа фотографии, позволяющие продемонстрировать закономерности визуальной репрезентации этой концепции через изображение преподавателя и человека старшей возрастной группы в статусе студента.

Рис. 1. Визуальная репрезентация программ непрерывного образования на официальном сайте Массачусетского технологического института. Визуальные метафоры ОБУЧЕНИЕ — МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, УНИВЕРСИТЕТ — ЛЮДИ. Адрес размещения:
https://professionalprograms.mit.edu/blog/mit-pe/lifelong-learning-exemplified/

На рисунке 1 центральными объектами снимка являются преподаватель и студент: статус преподавателя обозначен микрофоном, статус студента отмечен одеждой с логотипом университета. Преподаватель несколько моложе обучающегося. у людей на фото смеющиеся лица. Рука студента дружески лежит на плече преподавателя.

CC BY

Рис. 2. Визуальная репрезентация программ непрерывного образования на официальном сайте Гарвардского университета. Визуальные метафоры ОБУЧЕНИЕ — МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, УНИВЕРСИТЕТ — ЛЮДИ.

Адрес размещения: https://hilr.dce.harvard.edu/

На рисунке 2 также изображены два человека: мужчина и женщина. Статус преподавателя едва заметен по шнурку от бейджа. Они беседуют. Женщина направляет заинтересованный взгляд на мужчину и широко улыбается.

На этапе идентификации *преднамеренности* метафоры фокус научного внимания направлен на то, что буквально изображено на снимках. Анализ видимого и конкретного на рисунках 1 и 2 свидетельствует, что центральные фигуры расположены максимально близко друг к другу, их разные статусы едва различимы, а на рисунке 2 нивелированы. При этом возраст обучающего явно не ассоциируется с возрастом типичного студента: на рисунке 1 преподаватель даже немного моложе студента. Композиция обоих снимков задана точкой видения СНИЗУ-ВВЕРХ. Такая организация изображения позволяет адресату рассмотреть качественные характеристики взаимодействия между центральными фигурами визуальной сцены. На рисунке 1 обучающийся выше ростом, чем преподаватель. Он положил руку на плечо преподавателя в покровительственном жесте. Лицо преподавателя выражает заинтересованность. Его голова и взгляд направлены на студента. Они вместе смеются так, будто услышали хорошую шутку. На рисунке 2 женщина-преподаватель смотрит с восхищением на взрослого

CC BY

студента, наклонена в его сторону. Поза обучающегося, напротив, свидетельствует о расслабленности; он занимает комфортное положение. Выражение его лица указывает на положительное восприятие заинтересованного внимания со стороны преподавательницы. Таким образом, буквальное (денотативное) значение фотографий следующее: преподаватели и обучающиеся наслаждаются общением вне зависимости от различий в статусе.

На этапе идентификации *визуальной метафоры* мы выявили элементы, акцентированные точкой видения СНИЗУ-ВВЕРХ, и определили визуальные сигналы, указывающие на сферу-источник метафоризации. Таковыми на рисунках 1 и 2 являются следующие элементы композиции: близкое расположение, заинтересованный взгляд преподавателя, направленный на студента, улыбающиеся лица. Визуальные сигналы активируют образные схемы БЛИЗОСТЬ, ВИДЕТЬ, МИМИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ, СХОДСТВО. Денотативное значение обоих снимков устанавливает соответствие между образовательным процессом / университетом и сферой знаний о межличностных отношениях, знаниях о личности. Концептуальный анализ устанавливает, что участки изображения, выделенные точкой видения СНИЗУ-ВВЕРХ, указывают, что абстрактная концептуально-тематическая сфера НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ (сфера-цель) репрезентируется с использованием элементов сферы-источника МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

На этапе интерпретации *метафорической проекции* восстанавливаются сегменты знаний сферы-мишени, активированные визуальными сигналами изображения. Улыбающиеся заинтересованные друг в друге взрослые люди, стоящие рядом, реализуют следующие примарные метафоры: ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СВЯЗЬ — БЛИЗКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ, ПОНИМАТЬ — ВИДЕТЬ, СХОДСТВО — БЛИЗКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ, ДУХОВНАЯ БЛИЗОСТЬ — БЛИЗКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ. Комплекс примарных метафор обеспечивает метафорическую проекцию ОБУЧЕНИЕ — МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, которая в свою очередь является производной от метафорической модели УНИВЕРСИТЕТ — ЛЮДИ.

Однако Г. Стейн в своей теории настаивает, что важным следствием преднамеренной метафоры в коммуникации является свойство сохранять перспективу, заданную сферой-источником, в осмыслении сферы-мишени. В нашем случае индивидуальные представления адресата о непрерывном образовании адаптируются к ассоциациям, порожденным визуальными сигналами — изображениями дружеской беседы, заинтересованности, восхищения преподавателей, равного с ними статуса. Соответственно, представления об образовании (абстрактные, многокомпонентные и т. д.) конкретизируются с помощью понятной и знакомой всем деятельности — комфортное дружеское общение. Значимым становится не то, какие на-

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

выки и умения приобретаются в университете взрослыми студентами, а возможность почувствовать себя востребованными в общении с умными и понимающими людьми.

На этапе *экспликации визуальной метафоры* мы восстанавливаем сегменты общекультурного знания о сфере-мишени, активируемые элементами сферы-источника. Сфера МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ привлекает в процессе интерпретации смыслов о непрерывном образовании универсальные знания о ценности социальных связей, межличностной коммуникации, потребности в эмоциональной поддержке и чувстве принадлежности. Представления о непрерывном образовании взаимодействуют с расширенным ценностным контекстом сферы-источника МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Изображения развивают метафорические проекции УНИВЕРСИТЕТ — ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ПОНИМАЮТ ВОЗРАСТНОГО СТУДЕНТА, УНИВЕРСИТЕТ — ЛЮДИ, ЦЕНЯЩИЕ ОПЫТ ВОЗРАСТНОГО СТУДЕНТА.

Содержательный компонент «возраст», заданный фигурами преподавателей и студентов на рисунках 1 и 2, способствует активации образной схемы СХОДСТВО. В следующем изображении (рис. 3) он играет ведущую роль в «запуске» причинно-следственных выводов и обратной метафоризации.

Рис. 3. Визуальная репрезентация программ непрерывного образования на официальном веб-сайте Стэнфордского университета. Обратная метафоризация ЛЮДИ — УНИВЕРСИТЕТ.

Адрес размещения: https://www.stanford.edu/.

Этап идентификации *преднамеренности* метафоры устанавливает следующее. На фото, сделанном в университетском сквере, четко выделены участки сцены: передний и второй план, правая и левая стороны. Дере-

CC BY

во с роскошной осенней листвой является центральным объектом, организующим это разделение. Активируется примарная метафора ЗНАЧИМОСТЬ — РАСПОЛОЖЕНИЕ ПО ЦЕНТРУ. В левой части снимка, на втором плане находятся две человеческие фигуры, расположенные за столом. Наблюдается выраженная разница в возрасте. Фигура, идентифицируемая как старшая по возрасту, занимает относительно расслабленную позу: корпус отклонен назад с опорой на спинку стула, ноги скрещены. Поза младшего человека характеризуется наклоном корпуса вперед и поворотом головы к собеседнику, что свидетельствует о вовлеченности в предполагаемый диалог. В правой части снимка размещен мяч.

Точка видения на рисунке 3 задана таким образом, что ключевым объектом является дерево. Оно расположено прямо перед зрителем, ракурс воспроизводит естественное положение. Однако второй план снимка представлен с верхнего ракурса, благодаря чему фигуры беседующих людей и мяч становятся композиционно противопоставленными друг другу как элементы одного целого. Активируются примарные метафоры ЗНАЧИМОСТЬ — ЭТО РАЗМЕР, ПРОТИВОПОСТАВЛЕННОСТЬ — ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ. Буквальное (денотативное) значение изображения — осеннее дерево и дружеская беседа двух людей вместо занятия с мячом.

Чтобы *идентифицировать визуальную метафору*, отметим, что центральное положение дерева на снимке, его размер, яркость осенней листвы являются не просто указанием на сферу-источник, но приглашением осмыслить второй план сцены в перспективе, заданной концептуальной метафорой ДЕРЕВО — ЧЕЛОВЕК, ВРЕМЕНА ГОДА — ВОЗРАСТ. Общекультурное символическое значение осени и дерева как образов зрелости и мудрости получает визуальную поддержку в наблюдаемом изображении сквера: в покрове опавшей листвы и в основательности стволов других деревьев.

Напомним, что рисунок 3 воспроизводит фото, размещенное в разделе вузовского веб-сайта о программах непрерывного обучения, то есть знания об обучении на протяжении всей жизни являются сферой-мишенью. Беседа двух людей выступает, как и в предыдущих примерах, визуальным сигналом метафоры ОБУЧЕНИЕ — МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ОБЩЕНИЕ. Но в ракурсе, заданном точкой видения СВЕРХУ-ВНИЗ, данный сигнал выступает в паре с другим элементом второго плана — мячом, который активирует сферу опыта в физической активности, спорте, подвижных играх и т. д.

Этап *интерпретации метафорической проекции* позволяет сделать следующие выводы. Сквозь призму смыслов о зрелости, преднамеренно заданных метафорами ДЕРЕВО — ЧЕЛОВЕК, ВРЕМЕНА ГОДА — ВОЗРАСТ, дружеская беседа двух людей, старшего возраста и молодого, представляется альтернативой спортивной активности. При этом зрителю не

CC BY

ясно, кто из беседующих оставил мяч в стороне и предпочел разговор активной игре. Погружение в сферу знаний о возрасте человека и соответствующих возрасту интересах, опирающееся на комплекс причинно-следственных связей, заданных визуальными сигналами, происходит сквозь призму достаточно знакомой и существующей во многих культурах метафоры времени года. «Запускается» процесс обратной метафоризации. Привычная метафорическая проекция принимает обратное направление: ОСЕНЬ — МОЛОДОСТЬ ДУШИ, ОСЕНЬ — ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОСТЬ, ОСЕНЬ — НОВЫЕ ЗНАНИЯ.

На этапе *экспликации визуальной метафоры* напомним о том, что преднамеренность является приглашением осмыслить привычное в новом ракурсе. Метафоры ОБУЧЕНИЕ — МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ОБЩЕНИЕ и УНИВЕРСИТЕТ — ЛЮДИ, заданные визуальными сигналами, трансформируются в новую проекцию ЛЮДИ — УНИВЕРСИТЕТ. Визуальная метафора выступает средством порождения ассоциаций, связанных с признанием ценности межпоколенческого взаимодействия. Возникают новые содержательные компоненты на основе идеи о взаимном личностном обогащении, акцентируя вклад старшего поколения в расширение мировоззрения молодежи.

3.4. Преднамеренная визуальная метафора в конструировании ценности непрерывного образования

Тщательно сконструированные и целенаправленно использованные визуальные метафоры обеспечивают заданную смену ракурса «видения» объекта речи, акцентируя одну из его качественных характеристик. Благодаря этому, адресат начинает по-новому переосмысливать привычное: представление о непрерывном образовании формируется не как об «обучении новому», а как о «новом способе обучения».

Метафора ОБУЧЕНИЕ — МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ в высказывании об университете является привычной, позволяет ввести в контекст содержание о ценности и долгосрочности приобретаемых социальных связей, представляет обучение взаимной деятельностью, персонифицирует образовательный опыт и т. д.

Анализ изображений в данной статье свидетельствует о том, что благодаря точке видения СНИЗУ-ВВЕРХ создается акцент на внешнем сходстве преподавателей и обучающихся и их заинтересованности друг в друге. Визуальные сигналы «приглашают» зрителя переосмыслить возможность обучения взрослых сквозь призму метафорических проекций УНИВЕРСИТЕТ — ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ПОНИМАЮТ ВОЗРАСТНОГО СТУДЕНТА, УНИВЕРСИТЕТ — ЛЮДИ, ЦЕНЯЩИЕ ОПЫТ ВОЗРАСТНОГО СТУДЕНТА (рис. 4).

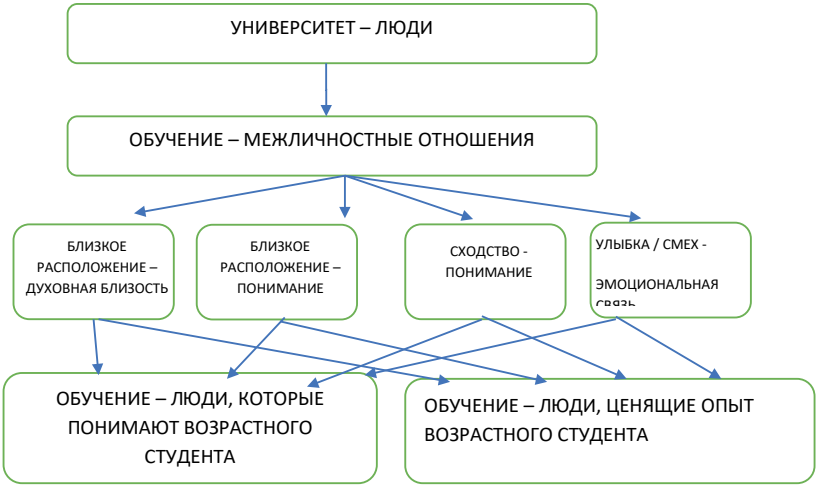


Рис. 4. Механизм развития метафорических проекций
на основе модели УНИВЕРСИТЕТ — ЛЮДИ

Рисунки 1 и 2 не изображают учебный процесс менее «учебным»: на снимках преподаватели и студенты старшей возрастной группы взаимодействуют в учебной аудитории. Но обучение представлено по-другому, без традиционных ролей преподавателя (эксперта и наставника) и студента (получатель знаний). Снимки представляют обучение как равноправное сотрудничество заинтересованных друг в друге людей с целью взаимного духовного обогащения.

Дерево с роскошной осенней листвой на рисунке 3 активирует две визуальные метафоры ДЕРЕВО — ЧЕЛОВЕК и ПОЖИЛОЙ ВОЗРАСТ — ОСЕНЬ. Столь интенсивный и намеренный акцент на возрасте определяет главную качественную характеристику содержания, остальные элементы выступают своеобразной «ремой», то есть тем, что будет сказано о человеке в возрасте, который пришел в университет. Дружеская беседа пожилого с молодым изображается альтернативным занятием для обоих. В контексте возникает содержание о ценности «возраста осени», возможности получить багаж знаний из личных историй, преодоленных трудностей, то есть смыслы об обучении метафоризируются (рис. 5). Переосмысляется не университет как место обучения, а взрослые студенты — «университетом жизни», «ходячим факультетом», «живой библиотекой».

Возникновение обратной метафоризации происходит за счет комбинации точек видения изображения. Ракурс снизу, являясь сигналом мета-

Рис. 5. Механизм процесса обратной метафоризации модели УНИВЕРСИТЕТ — ЛЮДИ в ЛЮДИ — УНИВЕРСИТЕТ

форичности и указанием на доминирующую роль содержания о возрасте, другие элементы изображения, высвеченные в ракурсе сверху, начинают видеться уже сквозь призму ценностных знаний об опыте. Тем самым зритель начинает видеть само общение (особенно со старшим человеком) как источник мудрости и опыта, сравнимый с университетом.

4. Заключение = Conclusions

Настоящее исследование продемонстрировало, что преднамеренная визуальная метафора, активно используемая в онлайн-коммуникации университетов, является не только средством репрезентации абстрактных концепций, таких как непрерывное образование, но и инструментом убеждения, целенаправленно транслирующим ценности образования. Отходя от исключительно когнитивных трактовок метафоры, данная работа, опираясь на теорию преднамеренной метафоры Г. Стейна, сфокусировалась

на коммуникативном аспекте, показав, как выбор визуальных средств подчинен конкретным задачам убеждения.

Ключевым вкладом статьи является обоснование роли точки видения (*viewpoint*) как решающего маркера преднамеренности в визуальной метафоре. Практический анализ изображений с веб-сайтов университетов убедительно показал, что выбор ракурса снизу или сверху не является случайным композиционным решением, а является маркером метафоричности снимка. Точка видения целенаправленно активирует определенные образные схемы (БЛИЗОСТЬ, ВИДЕТЬ, ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЯ) и первичные метафоры (ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СВЯЗЬ — БЛИЗКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ, ЗНАТЬ — ВИДЕТЬ, ЗНАЧИМОСТЬ — РАСПОЛОЖЕНИЕ ПО ЦЕНТРУ), которые служат концептуальными опорами интерпретации. Именно точка видения определяет, какие аспекты сферы-источника (например, МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ВОЗРАСТ / ВРЕМЕНА ГОДА) будут выделены и спроецированы на сферу-мишень (НЕПРЕРЫВНОЕ ОБУЧЕНИЕ, УНИВЕРСИТЕТ), направляя тем самым процесс осмысления и характеристику эмоционального отклика адресата.

Особого внимания заслуживает выявленный феномен обратной метафоризации. Как показал анализ (рис. 5), преднамеренное использование точки видения в сочетании с фоновыми метафорами (ДЕРЕВО — ЧЕЛОВЕК, ОСЕНЬ — ЗРЕЛОСТЬ) расширяет знакомые метафорические проекции (УНИВЕРСИТЕТ — ЛЮДИ) и инвертирует их (ЛЮДИ — УНИВЕРСИТЕТ). Анализ раскрывает интерпретирующую функцию визуальной метафоры: она переопределяет привычные концептуальные соответствия для достижения коммуникативной цели — сформировать представления о возрастных студентах как о мудрых и опытных людях, в общении с которыми можно многому научиться.

Таким образом, исследование вносит вклад в теорию преднамеренной метафоры, расширяя понимание механизмов преднамеренности в визуальном сообщении, а также способствует развитию нового уровня анализа концептуальной метафоры — семиотического. Понимание того, как точка видения направляет метафорическое осмысление, открывает перспективы для дальнейшего изучения тонких механизмов визуальной персуазивности в современной цифровой среде.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

CC BY

Литература

1. *Барт Р.* Риторика образа / Р. Барт // Избранные работы : Семиотика. Поэтика. — Москва : Прогресс, 1989. — 616 с. — ISBN 978-5-458-48927-0.

2. *Bae S.* Only one way to be a world-class university? Comparative analysis on the texts and visual images on websites of universities in China and South Korea / S. Bae, A. Grimm, D. Kim // Asia Pacific Journal of Education. — 2021. —№ 43. — Pp. 144—159. — DOI:10.1080/02188791.2021.1904832.

3. *Charteris-Black J.* Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis / J. Charteris-Black. — London : Palgrave Macmillan UK eBooks, 2004. — P. 278. — ISBN 978-0-230-00061-2.

4. *Dancygier B.* Image-schematic scaffolding in textual and visual artefacts / B. Dancygier, L. Vandelanotte // Journal of Pragmatics. — 2017. — Vol. 122. — Pp. 91—106. — DOI: 10.1016/j.pragma.2017.07.013.

5. *Dancygier B.* Viewpoint phenomena in multimodal communication / B. Dancygier, L. Vandelanotte // Cognitive Linguistics. — 2017. — № 28 (3). — Pp. 371—598. — DOI: 10.1515/cog-2017-0075.

6. *Grady J.* Foundations of meaning : primary metaphors and primary scenes : Ph.D. in linguistic ... dissertation / J. Grady. — Berkeley, 1997. — 299 p.

7. *Grady J.* Image schemas and perception : Refining a definition / J. Grady // From Perception to Meaning : Image Schemas in Cognitive Linguistics. — 2005. — Pp. 36—56. — DOI: 10.1515/9783110197532.1.35.

8. *Johnson M.* Embodied understanding [Electronic resource] / M. Johnson // Frontiers in Psychology. — Eugene, Origona. — 2015. — Vol. 6. — Access mode: http:// 10.3389/fpsyg.2015.00875 www.frontiersin.org (accessed 14.11.2024).

9. *Kinnari H.* Subjectivities of the lifelong learner in ‘humanistic generation’ — Critical policy analysis of lifelong learning policies among discourses of UNESCO, the Council of Europe and the OECD / H. Kinnari, H. Silvennoinen // International Journal of Lifelong Education, — 2023. — Vol. 4. — № 42. — Pp. 424—440. — DOI: 10.1080/02601370.2023.2234089.

10. *Kress G.* Reading Images : The Grammar of Visual Design / G. Kress, T. van Leeuwen. — New York : Routledge, 2006. — 204 p. — ISBN-13: 978-0415319157.

11. *Lakoff G.* Mapping the brain’s metaphor circuitry : metaphorical thought in everyday reason [Electronic resource] / G. Lakoff // Frontiers in human neuroscience. — 2014. — Vol. 8. — Access mode : https://www. frontiersin.org/journals/humaneuroscience/articles/10.3389/fnhum.2014.00958/full (accessed 29.06.2024).

12. *Ng C.J.W.* Deliberate Conventional Metaphor in Images : The Case of Corporate Branding Discourse / C. J. W. Ng, V. Koller // Metaphor and Symbol. — 2013. — Vol. 3. — № 28. — Pp. 131—147. — DOI: 10.1080/10926488.2013.797807.

13. *Ortiz Maria J.* Visual Rhetoric : Primary Metaphors and Symmetric Object Alignment / Maria J. Ortiz // Metaphor and Symbol. — 2010. — Vol. 3. — № 25. — Pp. 162—180. — DOI: 10.1080/10926488.2010.489394.

14. *Steen G. J.* The paradox of metaphor : Why we need a three-dimensional model of metaphor / G. J. Steen // Metaphor and Symbol. — 2008. — № 23 (4). — Pp. 213—241. — DOI: 10.1080/10926480802426753.

15. *Steen G. J.* What does ‘really deliberate’ really mean? More thoughts on metaphor and consciousness / G. J. Steen // Metaphor and the Social World. — 2011. — Vol. 1. — № 1. — Pp. 53—56. — DOI: 10.1075/msw.1.1.04ste.

16. *Volles N.* Lifelong learning in the EU : changing conceptualisations, actors, and policies / N. Volles // Studies in Higher Education. — 2016. — Pp. 1—21. — DOI: 10.1080/03075079.2014.927852.

17. *Zhu L.* A Cognitive Reflection on the Viewpoint Phenomena in Construction and Discourse / L. Zhu // Communications in Humanities Research. — 2023. — № 3. — Pp. 174—181. — DOI: 10.54254/2753-7064/3/2022024.

Статья поступила в редакцию 23.04.2025,
одобрена после рецензирования 14.05.2025,
подготовлена к публикации 17.07.2025.

References

Bae, S., Grimm, A., Kim, D. (2021). Only one way to be a world-class university? *Comparative analysis on the texts and visual images on websites of universities in China and South Korea. Asia Pacific Journal of Education, 43:* 144—159. DOI:10.1080/0218 8791.2021.1904832.

Barth, R. (1989). The rhetoric of the image. In: *Selected works: Semiotics. Poetics.* Moscow: Progress Publ. 616 p. ill. ISBN 978-5-458-48927-0. (In Russ.).

Charteris-Black, J. (2004). *Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis.* London: Palgrave Macmillan UK eBooks. P. 278. ISBN 978-0-230-00061-2.

Dancygier, B., Vandelanotte, L. (2017). Image-schematic scaffolding in textual and visual artefacts. *Journal of Pragmatics, 122:* 91—106. DOI: 10.1016/j.pragma.2017.07.013.

Dancygier, B., Vandelanotte, L. (2017). Viewpoint phenomena in multimodal communication. *Cognitive Linguistics, 28 (3):* 371—598. DOI: 10.1515/cog-2017-0075.

Grady, J. (1997). *Foundations of meaning: primary metaphors and primary scenes.* PhD Diss. Berkeley. 299 p.

Grady, J. (2005). Image schemas and perception: Refining a definition. *From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics.* 36—56. — DOI: 10.1515/9783110197532.1.35.

Johnson, M. (2015). Embodied understanding. *Frontiers in Psychology. Eugene, Origona, 6.* Available at: http:// 10.3389/fpsyg.2015.00875 www.frontiersin.org (accessed 14.11.2024).

Kinnari, H., Silvennoinen, H. (2023). Subjectivities of the lifelong learner in 'humanistic generation' — Critical policy analysis of lifelong learning policies among discourses of UNESCO, the Council of Europe and the OECD. *International Journal of Lifelong Education, 4 (42):* 424—440. DOI: 10.1080/02601370.2023.2234089.

Kress, G. (2006). *Reading Images: The Grammar of Visual Desig.* New York: Routledge. 204 p. ISBN-13: 978-0415319157.

Lakoff, G. (2014). Mapping the brain's metaphor circuitry: metaphorical thought in everyday reason. *Frontiers in human neuroscience, 8.* Available at: https://www. frontiersin. org/journals/humaneuroscience/articles/10.3389/fnhum.2014.00958/full (accessed 29.06.2024).

Ng, C.J.W., Koller, V. (2013). Deliberate Conventional Metaphor in Images: The Case of Corporate Branding Discourse. *Metaphor and Symbol, 3 (28):* 131—147. DOI: 10.1080/10926488.2013.797807.

Ortiz Maria, J. (2010). Visual Rhetoric: Primary Metaphors and Symmetric Object Alignment. *Metaphor and Symbol, 3 (25):* 162—180. DOI: 10.1080/10926488.2010.489394.

Steen, G. J. (2008). The paradox of metaphor: Why we need a three-dimensional model of metaphor. *Metaphor and Symbol, 23 (4):* 213—241. DOI: 10.1080/10926480802426753.

Steen, G. J. (2011). What does 'really deliberate' really mean? More thoughts on metaphor and consciousness. *Metaphor and the Social World, 1 (1):* 53—56. DOI: 10.1075/msw.1.1.04ste.

Volles, N. (2016). Lifelong learning in the EU: changing conceptualisations, actors, and policies. *Studies in Higher Education.* 1—21. DOI: 10.1080/03075079.2014.927852.

Zhu, L. (2023). A Cognitive Reflection on the Viewpoint Phenomena in Construction and Discourse. *Communications in Humanities Research, 3:* 174—181. DOI: 10.54254/2753-7064/3/2022024.

The article was submitted 23.04.2025;
approved after reviewing 14.05.2025;
accepted for publication 17.07.2025.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Шуйская Ю. В. “Cubitum eamus?” : роман Донны Тартт «Тайная история» как литературный гипертекст / Ю. В. Шуйская, А. В. Платицын // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 6. — С. 219—246. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-219-246.

Shuyskaya, Yu. V., Platitsyn, A. V. (2025). “Cubitum eamus?”: Donna Tartt’s “The Secret History” as a Literary Hypertext. *Nauchnyi dialog, 14* (6): 219-246. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-219-246. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

“Cubitum eamus?”: роман Донны Тартт «Тайная история» как литературный гипертекст

Шуйская Юлия Викторовна
orcid.org/0000-0002-6752-3063
доктор филологических наук, доцент,
декан факультета журналистики,
корреспондирующий автор
shujskaya@yandex.ru

Платицын Александр Владимирович
orcid.org/0009-0003-3123-6083
магистрант
факультета журналистики
alexanderplatitsyn@gmail.com

Московский университет
имени А. С. Грибоедова
(Москва, Россия)

“Cubitum eamus?”: Donna Tartt's “The Secret History” as a Literary Hypertext

Yuliya V. Shuyskaya
orcid.org/0000-0002-6752-3063
Doctor of Philology, Associate Professor,
Dean of the Faculty of Journalism,
corresponding author
shujskaya@yandex.ru

Alexander V. Platitsyn
orcid.org/0009-0003-3123-6083
Master's degree student,
of the Faculty of Journalism
alexanderplatitsyn@gmail.com

A. S. Griboyedov
Moscow University
(Moscow, Russia)

© Шуйская Ю. В., Платицын А. В., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена университетскому роману Донны Тартт «Тайная история» как литературному гипертексту современной цифровой субкультуры (темной академии). Рассматриваются вопросы соотношения латинского кода внутри литературного текста как с семантическими, так и с эстетическими единицами указанной субкультуры. В качестве материалов привлекаются латинские лексемы и высказывания, используемые в романе, образцы древнегреческой культуры, рассматриваемые в качестве важного подтекста латинского кода, смысловые концепты общепризнанного студенческого гимна «Гаудеамус», а также отдельные публикации последователей темной академии в цифровых медиа. Уделяется внимание и теоретическим аспектам темы, включая танатологию романа «Тайная история» и рефлексию мотива смерти в духе фрейдистского анализа. Показано, что латинский контекст, интенциональный слой «Гаудеамуса», роман «Тайная история» и темная академия находятся в гипертекстовых отношениях, где последняя образуется как целостный посттекст. Новизна исследования видится в том, что до сих пор в отечественной науке не артикулированы связующие звенья представленных медиатекстов, формирующих собой эстетическое целое в единстве перцептивных свойств малой социальной группы. Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью эстетических средств осмысления мира, характерной для современного медиатекста.

Ключевые слова:
гипертекст; латинский код; Донна Тартт; *Тайная история*; *Гаудеамус*; темная академия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines Donna Tartt's university novel “The Secret History” as a literary hypertext within the contemporary digital subculture of the dark academia. It explores the interplay between Latin code within the literary text and both semantic and aesthetic units of this subculture. The analysis incorporates Latin lexemes and phrases utilized in the novel, alongside examples from ancient Greek culture, which serve as significant subtexts to the Latin code. Additionally, it considers the widely recognized student hymn “Gaudeamus” and various publications by proponents of dark academia in digital media. The theoretical aspects of the topic are also addressed, including the thanatology present in “The Secret History” and the reflection on the motif of death through a Freudian lens. The study demonstrates that the Latin context, the intentional layer of “Gaudeamus,” the novel “The Secret History,” and dark academia exist in hypertextual relationships, with the latter forming a cohesive posttext. The novelty of this research lies in its articulation of the connective links between these media texts, which together create an aesthetic whole unified by the perceptual properties of a small social group. The relevance of this study is underscored by the increasing importance of aesthetic means for understanding the world, characteristic of contemporary media texts.

Key words:
hypertext; Latin code; Donna Tartt; *The Secret History*; *Gaudeamus*; dark academia.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.111(73)Тартт.07+811.124
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-219-246

Научная специальность ВАК
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика
5.9.2. Литературы народов мира
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

“Cubitum eamus?”: роман Донны Тартт «Тайная история» как литературный гипертекст

© Шуйская Ю. В., Платицын А. В., 2025

1. Введение = Introduction

Проза Донны Тартт стала одним из главных литературных явлений первой четверти XXI века с точки зрения потенциала медиатекста в области генерации социальных общностей. Благодаря ее романам «Тайная история» (The Secret History, 1992), «Маленький друг» (The Little Friend, 2002), «Щегол» (The Goldfinch, 2013) возник целый пласт современной сетевой культуры, нуждающийся в тщательном изучении. Литературный почерк Тартт, ее типологические ситуации, пространства и герои бросили вызов литературной традиции постмодернизма, стали «маркером» смещения эстетической парадигмы. В рамках настоящего исследования мы сконцентрируемся на нескольких собственно языковых и семантических слоях в романе «Тайная история». Именно это сочинение лежит в основе темной академии (dark academia) — современной цифровой субкультуры, культивирующей университетскую эстетику и академизм.

Цель нашего исследования заключается в избыточной характеристике таких измерений романа, как латинский код и слой «Гаудеамуса», а также в концептуальном определении «Тайной истории» как актуального текста темной академии. Латинский код проявляется в многочисленных фрагментах текста, написанных на латыни, большая часть из которых принадлежит героям и неочевидным образом соответствует тому или иному древнегреческому аналогу (оригиналу). В свою очередь слой «Гаудеамуса» связан с параллельным присутствием в тексте скрытых отсылок к контекстам, взятым из общепризнанного студенческого гимна (как в образных рядах романа, так и в частных случаях авторской интенции). Наша гипотеза заключается в том, что эти два слоя не только присутствуют в романе, но и определяют его жанрово-художественное своеобразие, позволяют наметить грани его соотношения с гипертекстовой моделью, порождающей цифровую субкультуру.

CC BY

Актуальность выявления гипертекстовой модели в пространстве новой цифровой субкультуры как формы медиатекста продиктована ее исходным социализирующим потенциалом. Это обстоятельство роднит медиатексты информационной эпохи с их более традиционными аналогами — например, конвенциональными текстами мировых религий. Нелинейность, цитатность, характерные для гипертекста, не являются чем-то новым, а скорее отсылают к практикам широкого комментирования, ссылок и сносок, распространенных в религиозных писаниях [Чилингир, 2011]. Неслучайно и в научной литературе сегодня можно встретить расхожие определения романа «Тайная история» как «“Библии” темной академии» [Schwesig, 2024].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

На русском языке по-прежнему обнаруживаются только немногочисленные случаи систематического обращения ученых к романам Донны Тартт (например: [Анцыферова, 2015; Гаранина, 2017; Черноземова, 2016]). До сих пор не предложено стройной концепции, которая объяснила бы взаимообратимость, с одной стороны, магистрального мотива древних языков внутри «Тайной истории», с другой стороны — эстетической направленности субкультурных общностей, взращенных ею как традиционным медиа. По замечанию Ч. д’Аньелло, обращение к латыни представляет собой «отнюдь не просто стилистическую особенность»; увлечение древними языками конструирует для героев романа кампус внутри кампуса, таким образом отстраняя их от сообщества Хэмпден-колледжа и позволяя сформировать автономный «микросоциум» [D’Aniello, 2021].

Упоминания романа Донны Тартт в научных текстах на русском языке применительно к темной академии встречаются как единичное явление, главным образом в работах о самой субкультуре. Такие работы все еще просматриваются прежде всего в отдельных сборниках трудов научных конференций (отчасти из-за «теневого» статуса цифровой субкультуры). Следует здесь упомянуть статьи: [Рассказова, 2022; Столярова, 2021; Rustamov et al., 2023], наметившие тренд к академической рефлексии темы. В англоязычном интернет-пространстве dark academia отличается качественно более глубокой степенью проработки, например, в контексте ее артикуляции такими онлайн-словарями, как [Whyisaravenlikeawritingdesk? …, 2019; Hemmorkro9, 2022].

Настоящее исследование базируется на обращении к научным методам общефилологического спектра. В работе над отдельными фрагментами текста романа использовались описательный и компаративистский методы. Также в процессе смыслового сопоставления претекстов (латинского кода и слоя «Гаудеамуса»), актуального текста («Тайной истории») и

посттекста (темной академии) задействованы семантико-стилистический и контрастивный методы. Оценка гипертекстовых связей в контексте развития эстезиса темной академии произведена посредством контент-анализа и метода экстраполяции.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Латинский код «Тайной истории»: от подтекста к экспликации

В соответствии с сюжетом романа, герой-рассказчик Ричард Пейпен изучает древнегреческий язык, что и становится основной пружиной сюжета: благодаря знанию этого языка он попадает в группу изучающих его студентов колледжа. Наряду с отсылками к древнегреческим крылатым выражениям в тексте романа присутствуют многочисленные отсылки к другому «мертвому» языку — латинскому. Выбор именно греческого, как подчеркивает герой, абсолютно случаен, более того, поскольку изначально Ричард учится на медицинском отделении, изучение латыни оказалось бы несколько более обоснованным: *Объяснялось это вовсе не любовью к языку, а тем, что я учился на медицинском отделении (деньги, как вы понимаете, были единственным способом улучшить мое положение, а врачи зарабатывают много денег, quod erat demonstrandum)* [Тартт, 2015, с. 16].

В приведенном фрагменте присутствует эксплицитная цитата — латинское выражение *quod erat demonstrandum*. Эта фраза представляет собой перевод греческой формулы *ὅπερ ἔδει δεῖξαι*, соответствующей в русском языке *что и требовалось доказать*, которую использовал, например, Эвклид в «Началах» [Евклид, 1948, с. 32]. Если в греческом языке используется глагол «доказывать», то в латинском — *demonstro* «показывать» [Дворецкий, 1996, с. 235]. В контексте артикуляции этого крылатого выражения на первых же страницах романа автор указывает на двойную оптику прочтения текста: цитируется прецедентная фраза, при переводе которой внесены определенные семантические оттенки, не характерные для оригинала. Смысл ‘показывать’ ближе к использованию этого выражения в тексте, чем смысл ‘доказывать’. Ричард не «доказывает», что врачи получают большие деньги, он «показывает», что его единственная мотивация в изучении древнегреческого языка изначально имела финансовый характер.

Следующее латинское высказывание стало своеобразной «визитной карточкой» романа «Тайная история», впоследствии перейдя в обиходную лексику последователей темной академии. Это произошло не в последнюю очередь ввиду интенсивной эстетизации этого выражения. Так, на площадке Pinterest мы встречаем тысячи пользовательских реакций на тематических коллажах с этой репликой, фотоснимках книжных страниц

CC BY

и читательских аннотаций к ней [Cubitum eamus ...]. Один из студентов «греческой» группы, Фрэнсис Абернати, при встрече обращается к герою-рассказчику фразой: *Cubitum eamus?* [Тартт, 2015, с. 43]. Характерный для русскоязычного издания перевод, обозначенный в примечании, звучит как «Пойдем возляжем?», что может быть прочитано в качестве приглашения к совместному пиру, но также несет в себе и сексуальный смысл. Фраза *Cubitum eamus?* отсылает к греческому подтексту. Глагол *cubo* в значении «возлежать с кем-то, сожительствовать» [Дворецкий, 1996, с. 212] используется в комедии Плавта «Амфитрион», основанной на переложении греческого мифа о Юпитере (Зевсе), который спустился с небес к земной женщине Алкмене и зачал Геракла. По сюжету мифа, Алкмена родила двойню: Алкида (Геракла) от Зевса и Ификла от своего супруга, земного мужчины, Амфитриона.

Момент использования фразы *Cubitum eamus?* в тексте Тартт — эпизод, когда Ричард знакомится с новой группой, в составе которой ему предстоит изучать древнегреческий язык. Студенты этой группы и преподаватель воспринимаются им как небожители: … *все они обладали некой холодной отстраненностью, жестким, отточенным шармом, в котором не было абсолютно ничего от современности, но, напротив, чувствовалось дыхание давно ушедшего мира. Они были восхитительными созданиями — их движения, лица, весь их облик* [Тартт, 2015, с. 41]. Таким образом, в ключевой фразе эпизода выстраивается отсылка к контакту смертного с богами, сущность которых он первоначально не понимает (в комедии Плавта множество комических эпизодов связаны с тем, что бога принимают за смертного — как Зевса, перевоплощающегося в Амфитриона, так и его спутника Гермеса, который выдает себя за слугу Сосию).

Выражение *cubitum ire* в значении «ложиться спать» словарь И. Х. Дворецкого атрибутирует к тексту Катона «Земледелие», где Катон указывает, что надсмотрщик над рабами должен идти ложиться спать последним и первым вставать от сна: “villicus <...> primus cubitu surgat, postremus cubitum eat” [Cato, 1884, p. 17]. Мотив бодрствования во время сна других воплощается в романе при описании тех таинств, которые осуществляют студенты группы в отсутствие Ричарда. Просыпаясь, он обнаруживает их вернувшимися откуда-то, однако долгое время не осознает, чем именно студенты греческой группы заняты без него. *Я собирался встать пораньше, но когда проснулся, подскочив как пружина, уже вовсю светило солнце и часы показывали без пяти девять. Не побрившись, не причесавшись и даже не переодевшись после вчерашнего вечера, я схватил Лиделла и Скотта* (словарь. — *Ю. Ш., А. П.*) *вместе с тетрадью по греческому и побежал на занятия* [Тартт, 2015, с. 83].

CC BY

Следующее обращение к латыни встречается в том фрагменте романа, где Генри Винтер достает осколок из ноги поранившейся Камиллы Маколей. Он использует фразу: *Consummatum est* [Тартт, 2015, с. 115] (Свершилось). Этот оборот, согласно словарю [Дворецкий, 1996, с. 191], восходит к «Вульгате» — переводу Библии, выполненному св. Иеронимом. В Евангелии от Иоанна (Ин 19:30) присутствует фраза “Cum ergo accepisset Jesus acetum, dixit: Consummatum est”, которая описывает момент смерти Иисуса на кресте: «Когда же Иисус вкусил уксуса, сказал: совершилось!». Интересно, что приведенная фраза в контексте «Тайной истории» означает именно исцеление: мучения Камиллы остановлены, стеклянный осколок уже извлечен. Новый Завет написан на койне, что в рассматриваемом случае определяет первенство греческого подтекста в пространстве латинского кода. Важно обратить внимание, что в первоначальной тексте Иисус выражает эту мысль одним словом: *Τετελεσται*. В комментарии Иоанн Златоуст отмечает: «Видишь, как Он все делал без смущения и со властию? Это же видно и из дальнейшего. Когда все уже совершилось, — Христос, преклонь главу, так как она не была пригвождена, предаде дух (ст. 30), то есть испустил дыхание. Обыкновенно испускают дух не после преклонения головы; но здесь было напротив: Христос преклонил главу не тогда, когда уже испустил дух, как обыкновенно бывает с нами, но тогда испустил дух, когда преклонил главу. Всем этим евангелист показал, что Он — Господь всего мира» [Иоанн Златоуст, 2010, с. 859].

Уильям Д. Маунс подчеркивает, что в первоначальном тексте использована форма перфекта с редупликацией, что в свою очередь отсылает к мысли о завершении земных дел Иисуса: «Это, возможно, самое важное краткое утверждение во всём Писании. <...> Перфект описывает полностью завершённое действие, имеющее последствия в момент речи. Иисус мог бы использовать аорист ἐτέλησεν и тем самым просто сказать: “Работа сделана”. Но здесь нечто большее, здесь твоя и моя надежда. Благодаря тому, что Иисус полностью завершил Свой труд, имеющиеся последствия заключены в том, что нам безвозмездно предлагается дар спасения, чтобы нам быть с Ним вечно» [Маунс, 2011, с. 254].

В латинском выражении использован пассивный залог аналитической формы — вспомогательный глагол *esse* с причастием прошедшего времени. Евангелист подчеркивает, что «дело сделано», «дело завершено», при этом перфект указывает (как и в греческом языке, в котором этот смысл усилен противопоставлением перфекта — аористу) на последствия этого действия в настоящем времени.

Далее рассказчик использует выражение *arrectis auribus* (ушки на макушке) в отношении Банни, который постоянно его преследует, подслуши-

вая и подглядывая за ним: … *от Банни можно было повеситься. Он ни на минуту не мог оставить меня одного. Садился ли я за письмо, пытался ли позвонить по телефону, он непременно начинал кружить у меня за спиной, arrectis auribus, подслушивая и подсматривая* [Тартт, 2015, с. 216]. Выражение *accipere benignis auribus* (благосклонно выслушивать) восходит к комедии Плавта «Два Менехма» («Близнецы»), где в прологе актер просит благосклонно принять текст Плавта. С точки зрения жанрового определения, «Два Менехма» — «комедия-паллиата» (комедия плаща), в которой, в соответствии с каноном жанра, действие происходит в греческой среде, а герои носят греческую одежду [Античная комедия …, 2020, с. 439]. В контексте «Тайной истории» приведенное выражение, как и другие латинские вставки, приобретает ироническое осмысление с использованием оппозиции оригинальному тексту, откуда взята цитата. Так, Банни Коркоран не «благосклонно выслушивает» рассказчика, а навязчиво преследует его.

Далее латинское выражение *requiescat in pace* [Тартт, 2015, с. 245] (Да упокоится с миром), указывающее на дальнейшую судьбу одного из героев, также восходит к «Вульгате», к тексту четвертого псалма, где Давид сообщает, что «ляжет с миром и сразу уснет», так как получил от Господа надежду жить. В применении к Банни эта фраза вновь прочитывается через антитезу: обстоятельства его смерти и похорон, реакция его семьи на эти события указывают, что он отнюдь не «упокоился с миром».

Дальнейшее рассмотрение текста «Тайной истории» обнаруживает артикуляцию расхожей фразы *amor vincit omnia* [Тартт, 2015, с. 248] Любовь побеждает все), которая далее характеризуется как «избитая» и «трюизм». Это высказывание непосредственно восходит к «Эклогам» Вергилия:

Если бы даже в мороз утоляли мы жажду из Гебра
Или же мокрой зимой подошли к берегам Ситонийским,
Иль, когда сохнет кора, умирая, на вязе высоком,
Мы эфиопских овец пасли под созвездием Рака.
Все побеждает Амур, итак — покоримся Амуру!
[Вергилий, 1979, с. 72].

Указанные строки также являются скрытой отсылкой к греческим текстам как имплицитному измерению латинского кода. Вергилий переводит концовку Эклоги (от строки 65 и далее — цитата содержится в строке 69) из «Идиллий» Феокрита, где аналогичные образы использованы в описании истории Дафниса и Хлои. Впоследствии выражение *amor vincit omnia* использовали в названии своих картин Рубенс и Караваджо. У Донны Тартт это выражение, прочитываемое через двойную оптику латинского и

CC BY

греческого языков, осмыслено в духе деконструкции: *Amor vincit omnia — наверное, всем хотелось бы верить в истинность этой избитой фразы. Но если я что и уяснил за свою недолгую грустную жизнь, так это что данный трюизм лжет. Любовь отнюдь не побеждает все. И тот, кто уверен в обратном, — глупец* [Тартт, 2015, с. 248]. Однако необходимо отметить, что мы допускаем прочтение этой цитаты в метамодернистском ключе. Так, чувственная критика латинского изречения может пониматься не как де-, но как реконструирующая практика. В таком случае героическая тирада возвращает «мертвому» языку пространство для актуализации через межтекстовый культурный диалог.

Во второй части книги «Тайная история», описывающей события уже после гибели Банни, присутствуют цитаты из «Энеиды» Вергилия: *Facilis descensus Averno* [Тартт, 2015, с. 329] (В Аверн спуститься нетрудно). Аверн — вулканическое озеро с серной водой, которой считалось устьем рек преисподней [Вергилий, 1979, с. 504]. Название «Аверн» восходит к греческому *ἄορνος*, где *a* — «нет» и *ornis* — «птица» [Avern]. Таким образом, буквальный смысл «без птиц» возникает ввиду того, что птицы погибали в окрестностях озера от ядовитых испарений. В актуальном тексте фраза использована в прямом значении: рассказчик размышляет о том, как легко скатиться в преисподнюю, совершить грех. Воспроизводится аналогичная посылка, высказанная Вергилием:

Молвила жрица в ответ: «О, рожденный от крови всевышних,
Сын Анхиза, поверь: в Аверн спуститься нетрудно,
День и ночь распахнута дверь в обиталище Дита.
Вспять шаги обратить и к небесному свету пробиться —
Вот что труднее всего!
[Вергилий, 1979, с. 244].

Следующий фрагмент на латинском языке представляет собой отрывок из «Флорид» Апулея: *... et genius gratus, et corpore glabellus, et arte multiscius, et fortuna opulentus* [Тартт, 2015, с. 353]. Этими словами во «Флоридах» приводится описание Аполлона: «… и щеками пригож, и телом прегладок, и в искусстве многосведущ, и фортуной не обделен». В тексте Апулея характеристика относится к псевдопорицанию Аполлона: автор описывает состязание с Марсием в игре на флейте. Указанными словами Марсий пытается осудить Аполлона, в то время как Апулей отмечает, что в действительности перечисляются позитивные качества:

«Аполлона же (смешно сказать!) порицал, ставя ему в вину противоположные качества: Аполлон, де, и волос не подстригает, и щеки у него

CC BY

нежные, и тело безволосое, и опытен он не в одном, а во многих искусствах, и удел его — удел богача. “Во-первых, — сказал Марсий, — волосы у него прядями ниспадают на лоб и локонами спускаются по вискам, все тело такое нежное, члены округлые, язык предсказывает грядущее и с одинаковым красноречием вещает и прозою и стихами. А одежда его! — тонко вытканная, на ощупь мягкая, пурпуром сверкающая! А лира, что золотом пламенеет, слоновою костью белеет, драгоценными камнями играет! А его звонкое пение, такое мастерское и прекрасное! Вся эта роскошь, — продолжал он, — добродетели никак не украшает, но служит спутницей изнеженности”. Своим же телом Марсий, напротив, хвастался, не зная меры, и называл себя высшим образцом красоты» [Апулей, 1956, с. 322].

В тексте Тартт указанные слова относятся к тому, как преподаватель древнегреческого Джулиан Морроу видел своих учеников: он считал их более изысканными и возвышенными существами, чем они были на самом деле. Соответственно, цитата вновь прочитывается в поливалентной оптике. Римлянин Апулей пересказывает греческий миф о метаморфозе, вкладывая в уста Марсия иронический псогос в адрес Аполлона в форме похвалы, тогда как Донна Тартт интегрирует этот отрывок в мысли Джулиана о его учениках, интерпретируемые Ричардом. При этом читатель начисто лишен интенции, согласно которой Джулиан размышляет таким образом, поскольку трактовка героя-рассказчика может быть не вполне достоверной.

Далее в тексте к латинской цитате прибегает Камилла Маколей. Она использует фразу: *Deo gratias* [Тартт, 2015, с. 350] (Благодарение Богу). Эта реплика в свою очередь отсылает к «Вульгате», а именно к текстам Первого и Второго Послания к Коринфянам: «Deo autem gratias, qui dedit nobis victoriam per Dominum nostrum Iesum Christum» [Новый Завет, 2019, с. 409] (Но благодарение Богу, который дает нам победу через нашего Господа Иисуса Христа!). Указанная фраза звучит во время католической мессы в качестве формулы благодарности Богу. В тексте «Тайной истории» Камилла произносит это в связи с тем, что в статье о поисках Банни не упоминается никто из его одногруппников — тем самым благодаря Бога за то, что преступникам удалось избежать наказания. Это вновь привносит ноту иронического переосмысления в смысл формулировки: благодарность звучит не за благодать, а за сокрытие преступления. Похожую деконструкцию мы наблюдаем и в дальнейшей дискуссии о вероятном разоблачении убийства. Описывая допрос в полиции, Генри употребляет выражение: *Di immortales* (Бессмертные боги) — в том же смысле, в котором обычно употребляются междометия *Боже* или *Господи*: *Di immortales, они даже задавали вопросы о рецептах на анальгетики, которые мне выдавали в медпункте на первом курсе…* [Тартт, 2015, с. 385].

CC BY

В следующем контексте вновь используется цитата из «Энеиды» Вергилия: ...*sic oculos, sic ille manus, sic ora ferebat*... (Те же глаза, и то же лицо, и руки…) [Там же, с. 433]. Эти слова супруга Гектора, Андромаха, употребляет, когда видит юношу Юла, очень похожего на ее погибшего сына:

Вижу в тебе лишь одном я образ Астианакса:
Те же глаза, и то же лицо, и руки, и кудри!
И по годам он тебе сейчас ровесником был бы
[Вергилий, 1979, с. 192].

Герои «Тайной истории» цитируют этот пассаж из «Энеиды» в момент прощания с Банни: их поражает, насколько братья погибшего друга похожи на него. Рассказчик сообщает: ... *смерть Банни словно бы обернулась неким ужасным репродуктивным актом — куда бы я ни посмотрел, везде мелькали, возникая ниоткуда, бесчисленные Банни* [Тартт, 2015, с. 433]. У Вергилия сходство двух юношей вызывает радость Андромахи, она одаривает Юла драгоценными подарками и не хочет с ним расставаться. В тексте Тартт, наоборот, сходство братьев провоцирует отрицательные эмоции.

Последней цитатой, использованной в тексте «Тайной истории», является выражение *Hinc illae lacrimae* [Там же, с. 587] (Отсюда эти слезы), взятое из пьесы Теренция «Девушка с Андроса». Это первая пьеса Теренция — паллиата, основанная на объединении сюжетов двух пьес Менандра. Фразу, ставшую крылатым выражением, произносит герой пьесы Симон, когда описывает, как он наблюдал похороны девушки и увидел среди провожающих покойную красавицу, которая больше всех убивалась и плакала. Эта красавица оказалась сестрой умершей, что и объясняло ее глубокое горе:

И плачет, вижу, более других она,
И всех других красивей, благороднее.
Иду я к провожатым. «Это кто?» — спросил,
А мне они в ответ: «Сестра Хрисидина»,
Так душу и пронзило. Э, так вот оно
Откуда — эти слезы, эта жалость вся!
[Античная комедия ..., 2020, с. 528].

Ричард использует эту фразу, описывая свою печаль от расставания с Камиллой навсегда. С учетом подтекста использования фразы, он как бы мысленно «хоронит» ее, расставаясь с ней, как с умершей. Большой интерес представляет также эпизод в конце романа, где герои говорят на ла-

тинском языке, не используя крылатые выражения. Это беседа на мертвом языке, «как на живом», генерирование фраз без учета их мифологического подтекста:

«Генри и Джулиан с напускной, ироничной торжественностью обменивались репликами на латыни — ни дать ни взять священники, прибирающие ризницу перед мессой. Вокруг стоял густой аромат крепкого чая.

— Salve, amice, — приветствовал меня Генри. По его лицу, обычно столь замкнутому и отстраненному, пробежал огонек оживления. — Valesne? Quid agis?

<…>

— Benigne dicis. Мне гораздо лучше» [Тартт, 2015, с. 468].

Прецедентный фон есть только у формулы *Benigne dicis* (благодарю тебя, буквально: «ты хорошо говоришь»), употребление которой словарь фиксирует в текстах Плавта, Теренция, Цицерона и Горация [Дворецкий, 1996, с. 101]. В остальном герои переговариваются фразами, представляющими дословный перевод формулы "*How are you? How do you do?*", используя латинский в качестве языка разговорного общения. Указанный фрагмент явно выбивается из парадигмы прецедентных текстов, что заставляет нас обратиться к нему в следующем разделе с точки зрения авторской интенции.

Можно заключить, что в тексте Донны Тартт встречается достаточно обширный корпус латинских фраз, подавляющее большинство которых восходит к прецедентным текстам. Они в свою очередь имеют в основании греческий аналог или же связываются с греческим оригиналом. В указанном корпусе присутствуют тексты «Вульгаты» Св. Иеронима, пьес Плавта и Теренция, «Энеиды» Вергилия, «Начал» Эвклида. Прослеживаемую тенденцию можно объяснить как в целом вторичностью латинских текстов, так и сознательным желанием интегрировать в роман «двухслойные» цитаты, отсылающие к прецедентным текстам. Так или иначе, латинский код в романе «Тайная история» задает логику его прочтения через поливалентную оптику.

3.2. Студенческий гимн «Гаудеамус» как интенциональный слой романа

Дерево античных языков, разветвленное внутри «Тайной истории», не ограничивается латинскими цитатами и их греческими аналогами. Отмеченные выше элементы речи Генри Винтера не объясняются через интертекстуальную оптику и представляют собой скорее плод эстетического переживания, спровоцированного убийством Банни. Это переживание прямо описано героем-рассказчиком уже на следующей странице: *Теперь, когда опасность миновала, перед моим внутренним взором словно разве-*

CC BY

ялась густая тьма. Мир предстал во всем своем великолепии — свежий, бескрайний, неизведанный <...> Я здорово отстал по всем предметам, мне предстояло сдать несколько письменных работ, впереди уже маячили экзамены, но я был молод, кругом зеленела трава, над цветами сновали пчелы, и меня, только что вернувшегося с порога хладной обители смерти, манил солнечный простор [Тартт, 2015, с. 469].

В этом отрезке текста легко прослеживаются основные семантические единицы, среди которых, с одной стороны, «великолепие» внешнего мира, его растущая насыщенность и красота, с другой стороны, бремя академической ответственности, учебные работы и предстоящая сессия; тогда как фоновым смыслом, нарушающим однородную идиллию художественной ситуации, служит мотив смерти. На смену трагической меланхолии, характерной для учебной группы Джулиана Морроу после гибели Банни, неочевидным образом приходит почти экстатическое упоение жизнью. Как пишет А. Р. Алтафова, анализируя танатологические взгляды Фрейда, влечение к смерти «обещает человеку вернуть потерянный рай, дать ему то, чего он жаждет с момента появления на свет, — избавление. Избавление от вызова, который ежедневно бросает жизнь» [Алтафова, 2019, с. 262].

Отметим, что танатопоэтика Донны Тартт в современной филологической науке представляет собой отдельное поле исследований. Например, И. Н. Ломакина и Е. В. Полховская обращают внимание на образные ряды «Тайной истории», призванные к иносказательному отображению мотива смерти: «вечная тьма», «грязная яма», «опавшая листва» и др. Авторы, в частности, указывают, что в книге просматриваются «античные аллюзии», связанные в том числе с дословным упоминанием дионисии [Ломакина и др., 2020]. В свою очередь Г. Г. Ишимбаева обращает внимание на «ницшеанский континуум» текста. По ее мнению, сюжет базируется на двух магистральных концептах, изложенных Фридрихом Ницше в его раннем эстетическом сочинении «Рождение трагедии из духа музыки»: 1) дихотомия аполлонического и дионисийского в качестве фундаментальных «художественных инстинктов» (репрезентированы как «методологические модели», modus vivendi героев романа); 2) понимание искусства в духе инкорпорирующей силы, средства концентрации (репрезентировано как дистанция, отделяющая закрытый «кружок» Джулиана Морроу от остальных студентов) [Ишимбаева, 2016].

Подкрепляя высказанный здесь дуализм художественных типов, отметим, что параллельно в фигурах Генри и Ричарда выражаются два фрейдистских полюса: если первый остается во власти Танатоса, что приводит его не только к фигуральному «забвению», но и к буквальному самоубийству, то второй, напротив, ввиду своего rendez-vous со смертью отыскивает

CC BY

в себе волю к жизни. Амбивалентные состояния рассказчика, его аффектация на фоне гибели Банни представляют собой не что иное, как наглядное выражение интенционального слоя в романе.

В контексте бытования элитарного образовательного заведения, как Хэмпден-колледж, немаловажную символическую роль выполняют студенческие гимны. Наиболее распространенный из них — гимн «Гаудеамус» (лат. *gaudeamus* — «будем радоваться») — представляет собой застольную песню вагантов, среди которых нередко оказывались и сами студенты. С точки зрения семантики текста гимн «Гаудеамус» принято противопоставлять схоластике, прежде всего в отношении его ориентации на конечность существования и призыв к наслаждению радостями земной жизни [История студенческого гимна …, 2008]. Форма и структура песни обладают типичной для гимновых сочинений гомофонией, включающей звучание основного и вспомогательных голосов, и полифоническим строем, который в свою очередь образует равноправие поддерживающих элементов. Таким образом, в гимне воспроизведены один доминирующий голос и множество голосов других певцов, гармонизирующих в полифонической системе [Stojanovic et al., 2020].

Поэзию вагантов традиционно описывают как юмористическую, высмеивающую аутентичные их времени формы иерархических отношений, которые, однако, не конгениальны изъянам внешнего мира, его колоссальной неустроенности [Денежкин, 2013]. В частности, А. И. Демченко отождествляет вагантские стихи с «ярко выраженным вольнолюбием, демонстративно декларируемой независимостью от общепринятых устоев», отмечая далее, что «Гаудеамус» вырос в специфической застольной атмосфере. Тотальная университетская дисциплина была чужда вагантам, и потому общепринятый студенческий гимн обращается к ней со снисходительной, насмешливой тональностью. При этом ваганты были хорошо образованными людьми, что позволило им сформировать особую певческую среду, где латинская поэзия смогла достигнуть «подлинного расцвета» [Демченко, 2022].

Полифоническое устройство «Гаудеамуса» находит отражение прежде всего в артикулируемых смысловых концептах, которые при сопоставлении с фабульными звеньями «Тайной истории», ее образным рядом и стилевым спектром формируют консонансное целое, органичное самой философии университета. Е. В. Найден, В. В. Максимов и А. Н. Серебренникова делят гимн на четыре таких концепта: 1) витальный (естественный жизненный порядок, связанный с природными явлениями и возрастными этапами юность — молодость — зрелость — старость); 2) метафизический (предчувствие неминуемой смерти, обращение к образам «не-

бесных богов» или «царства мертвых»); 3) цивилизационный (исходный потенциал человеческой жизни, направленный на воспроизводство новых форм общественной организации, как государство, меценатство или академия); 4) этический (направляющие мотивы человеческой деятельности, например, «радость», «нежность», «трудолюбие», «горести» и др.). Далее авторы эскалируют перечисленные блоки до гиперконцептов ПРИРОДА (жизнь — смерть, молодость — старость, радость / веселье — тяготы), КУЛЬТУРА (здоровье / процветание, образование / академия, личность / коллектив), ЦИВИЛИЗАЦИЯ (милосердие, государство / власть / правление, общество / гражданственность) [Найден и др., 2011].

Основные концепты «Гаудеамуса» эквивалентно соотносятся с текстом «Тайной истории». В романе параллельно присутствуют мотивы и образы, дублирующие базовые семантические единицы студенческого гимна. Так, витальный концепт проявляется через вариации живописных пейзажей в зависимости от этапа развития действия. До наступления зимы Хэмпден характеризуется через яркие экспозиции, включающие «березовые рощи», «неправдоподобно зеленые луга», «обшитые вагонкой дома с зелеными ставнями, стоявшие в окружении ясеней и кленов» [Тартт, 2015, с. 20]. Однако уже в третьей главе природа радикально преображается, бросая вызов жизненному порядку главного героя: *Холод, от которого ломило кости и болели суставы, свирепый холод, беспощадно вторгавшийся в мои сны — плавучие льды, пропавшие экспедиции, прожектора поисковых самолетов, скользящие по белым вершинам айсбергов, и я — в одиноком дрейфе по беспросветным арктическим морям* [Там же, с. 132].

Иллюстрация невыносимой зимы воссоздает фоновую парадигму летальности, созвучную актуальной фазе развития действия. Герой-рассказчик теряет счет времени, он как бы растворяется, утрачивая темпоральную нить повествования. Хэмпденская зима становится своеобразным предзнаменованием будущих сюжетных перипетий. В целом местные растительность, горы и снег кристаллизуются в символические конструкты, сближающие в пространстве кампуса измерения природы и культуры [Niklasson, 2014]. Вместе с тем в романе отчетливо присутствует целый срез бестиарной тематики, также связанной с концептом природы: на разных этапах рассказа в него вторгаются «пасхальный цыпленок», «дикие псы», «недобитая собака» как метафора бьющегося сердца; находят место и сравнения героев с «черной птицей» (Фрэнсис), «быком» (Генри) или «старой гончей» (Банни) [Гевель, 2022].

Метафизический концепт в свою очередь находит отражение в роковом характере действия. Ричард Пейпен убежден, что события не могли разворачиваться иначе. Также он явно идеализирует образы своих новых

друзей, и они остаются романтическими фигурами из «вымышленного мира сверхлюдей, богочеловеков» вплоть до основного твиста. Роман наполнен фаталистическим пафосом, тогда как выбранная автором форма повествования «от первого лица» создает впечатление мистерии, которая сохраняет границу таинства для читателя, но также и очевидность, неизбежность происходящего — для героя-рассказчика. В современном романе эта граница является как бы не полностью, она размывается в поле ретроспекции, где доверительная беседа «с глазу на глаз» как литературный метод соседствует с пророчеством. По замечанию О. Ю. Анцыферовой, каждое звено в этой цепочке событий «кажется, происходит случайно, но на самом деле ведет Ричарда к тому, чтобы он стал героем истории, которую он рассказывает» [Анцыферова, 2015].

Нельзя не заметить, что метафизический концепт, включающий мотив смерти и адресацию к «царству мертвых», проявляется и в самой идее обращения к латыни как вербальному средству коммуникации. Грамматика «мертвого» языка конструирует между героями «Тайной истории» систему семантических маркеров, позволяющих им идентифицировать друг друга как «своих». При этом систематическое использование латинской фразеологии и лексики обращает их лицом к эстетике утраченного времени, к чувствам тех людей, которые единственно могли себе позволить общаться на этом языке — мертвецов. Неслучайно на входе в некоторые старинные университетские библиотеки можно встретить надпись: *Hic mortui vivunt hic muti loquuntur* [Петрова, 2015] (Здесь мертвые живут, здесь немые говорят). Таким образом, использование латыни, с одной стороны, служит проводником к пониманию героями текстов «мертвых поэтов», с другой — интегрирует их собственные образы в танатологическую сетку университетского романа.

Цивилизационные смыслы широко представлены в романе посредством локализации действия в академическом пространстве. Авторская интенция здесь заключается в подсознательном конструировании вузовских традиций, пространств и образов в соответствии с аналогами, данными автору в опыте. Донна Тартт окончила Беннингтонский колледж по отделению классической филологии со степенью бакалавра искусств в 1986 году. Там же она начала работу над романом «Тайная история» [Kuiper]. Анализируя университетский дискурс в романе, И. Ю. Парулина отмечает по крайней мере 116 студенческих дискурсов в социальном секторе, шесть административных дискурсов и три научных (филологических) дискурса в когнитивном секторе.

В контексте соотношения семантических концептов «Гаудеамуса» с указанными дискурсами важно обратить внимание на репрезентацию

CC BY

административного звена. Оно представлено в тексте как элементы диа- и полилогов, где участниками действия оказываются герои, занимающие те или иные должности в административной иерархии Хэмпден-колледжа (ректор, куратор, комендант). Также в романе артикулируются различные операции, характерные для учебных заведений, в числе которых «перевод из одной учебной группы в другую», «формирование расписания», «замещение преподавателя», «работа с документами» [Парулина, 2016]. Аналогичным образом на этапе расследования убийства Банни проявляется и характерный для студенческого гимна концепт государства (в лице представителей закона, среди которых — полицейские и следователь).

Проведенный анализ демонстрирует, что смысловые концепты «Гаудеамуса» обнаруживаются в романе «Тайная история» как по аналогии с их обобщенными формулировками, так и при сопоставлении с частными субконцептами, которые высказаны в студенческом гимне эксплицитно в форме отдельных лексем и оборотов. Слово «Гаудеамус» также встречается в тексте романа в качестве названия одного из окрестных баров [Тартт, 2015, с. 465], что стимулирует авторскую интенцию в корне самой идеи интегрировать в текст мотивы, созвучные семантике гимна, а также указанный диалог на «мертвом» языке, не поддающийся прецедентной дешифровке и отделенный от «гимнового» названия лишь тремя страницами текста.

3.3. Темная академия, или цифровой посттекст университетского романа

Линия семантических связей, выстроенная здесь от латинского языка как «языка мертвых» до современного университетского романа, вовсе не обрывается, но преломляется дальше в духе новой «цифровой» парадигмы. Воспроизводство этих связей оказывается под воздействием визуального поворота — культурно-философской концепции, которая описывает тренд на визуализацию публичной информации. В рамках визуального поворота происходит смещение вербальной картины мира в пользу представления наглядных образов («икон»), что инерционно отражается на перцептивных свойствах целевых аудиторий. Эти равносторонние отношения нетрудно разложить на частные случаи. Так, в полюсе воздействия образов окажутся новостные и рекламные материалы, дизайн интерьеров и архитектурные решения; с точки зрения субъекта, напротив, отобразятся регулярные мультимедийные публикации в соцсетях, мемы и др. В разрезе настоящего исследования особенно важно отметить, что визуальное определяет «стиль жизни» и порождает новые «критерии оценки образа жизни окружающих» [Симакова, 2018].

Подчеркнем, что сонаправленные тенденции, приведенные нами выше, формируют уникальный пользовательский опыт как эстетический,

CC BY

заданный мгновенными впечатлениями (включая динамику дальнейших интеракций), но не логическими актами, характерными для человека текстоцентрической эпохи. Оптическое сменяет язык как механизм опосредования наблюдаемой реальности. «Икона» вытесняет «чудовищное ухо», сформулированное Ницше как нечто, что вело за собой «тонкий стебель», то есть современного ему «речевого» человека [Ницше, 2014, с. 123]. Традиционный текст в этих условиях функционирует как оригинал, порождая отдельные или систематические формы обращения к нему через иконические символы и знаки. В этих случаях «икона» выполняет роль консолидирующей силы, составляющей множество субъектов-носителей синонимичных эстетических впечатлений в малые группы по интересам (субкультуры). Согласно И. Н. Инишеву, контекст «дискретной» реальности предназначает именно эстетическое в качестве «одного из немногих эффективных средств формирования и поддержания как личной, так и коллективной социальной идентичности» [Инишев, 2014].

Среди критериев, формирующих общность субкультурных групп, М. В. Новак и М. А. Игнатов помимо идей и увлечений выделяют также «общие эстетические взгляды» [Новак и др., 2014]. Вместе с тем планомерное усложнение внешних маркеров трансформирует субкультурный сектор как особую эстетическую сферу, где каждая отдельная группа «использует широкий семиотический визуальный код» [Там же]. В контексте потенциала литературы как наиболее традиционной формы медиатекста университетский роман представляет собой не единственную траекторию формирования устойчивых социальных общностей. В частности, такой потенциал несложно заметить в текстах Джона Толкиена. Субкультура толкиенистов возникла на почве определенных моделей поведения, взятых из волшебного мира Средиземья и включенных в эстетический опыт реципиентов посредством ролевой игры. К примеру, последователь субкультуры, увлеченный образом эльфов, может перенимать элементы их визуального облика в бытовой жизни. Интересно, что в кругах толкиенистов самого автора принято называть «профессором» [Колесникова, 2008].

Роман «Тайная история» как нарративная конструкция лег в основу темной академии (dark academia) — цифровой субкультуры, в центре которой находятся эстетика учебных заведений, закрытых студенческих сообществ и сквозной мотив смерти. Темная академия развилась в 2018 году на платформе Tumblr, первоначально ориентированной на представление визуального контента. Экстенсивный рост множества публикаций, связанных с темной академией, отмечается после 2020 года, что объясняется коллективным чувством тоски, ностальгии по академической эстетике в период полной или частичной изоляции студенческих групп вне универ-

CC BY

ситетов. «Академики» (самоназвание последователей темной академии) формируют свою идентичность в том числе на почве античной культуры, легитимизируя элитарный дискурс в цифровом пространстве. Традиционно их бытийные интересы насыщены «изучением учебных дисциплин», «чтением научной и классической литературы», «поэтическими декламациями» [Платицын, 2024].

Применительно к указанной субкультуре «Тайная история» выполняет роль актуального текста, где вербальная составляющая сегментируется во множество экранных действий внутри информационных лент и отдельных блогов. С. Мюррей подмечает, что плодотворное влияние на «загробную цифровую жизнь» романа Донны Тартт в «насыщенной образной среде» темной академии оказала экранная культура 1980-х годов. Графические ресурсы этой книги, раскрывшиеся в субкультуре, отчасти продиктованы тем, что в период работы над ней, совпавший с периодом обучения в Беннингтоне, Тартт могла быть знакома как с британским телесериалом «Возвращение в Брайдсхед» (1981, реж. Чарльз Старридж), так и с конвенциональной для темной академии картиной «Общество мертвых поэтов» (1989, реж. Питер Уир) [Murray, 2023].

Иконические образы в блогосфере темной академии могут отражать различные измерения университетского романа как в наглядном, так и в более опосредованном виде. Однако доминирующим средством адресации здесь предстает эксплицитная форма, например, в качестве множественных фан-артов с тематическими хэштегами *#the secret history* и *#dark academia*, расположенными подряд [Animamcontinere]. Поклонники университетского романа изображают собственный взгляд на героев в виде авторских рисунков (имена персонажей указываются в поле для подписи). Примечательно, что в приведенном нами случае пользователь применяет как никнейм фразу *@animamcontinere*, то есть высказывание на латыни (Сдерживать дыхание) [Дворецкий, 1996, с. 59]. Значительная часть визуальных рядов субкультуры являет зрителю сторонние фотоснимки, связанные с актуальным текстом ассоциативно, через цветовую гамму, изображаемые сцены или объекты: студенты в черных костюмах бегут ко входу в кампус, мужчина в долгополом пальто стоит на заснеженном холме и т. п. [Anth3iareads]. В указанном случае пользователь с ником *@anth3iareads* вербализует в качестве псевдонима стилизованное имя *Антея*, известное как прозвище античных богинь Геры и Афродиты [Smith].

Публикации в телеграм-каналах могут транслировать переводы аналогичных постов из англоязычного сегмента сети: *... как я скучала по книгам, где компания — заносчивые интеллектуалы. тайная история оставила отпечаток на мне..* [Дарий ...]. В этом случае авторский перевод с указа-

нием исходной публикации позволяет обнаружить эксплицитное упоминание книги «Тайная история». Изобразительный ряд представлен среди прочего «затемненной» фотографией древнегреческого зала Пушкинского музея в Москве, крупным планом застывшего воска на подсвечнике, а также снимком бежевого ковра со сферическим рисунком, вокруг которого собирается «кружок» персон, чьи лица остаются за кадром.

Итак, перед нами три самостоятельных измерения, одно из которых представляет собой контекст (латинский), два других — тексты («Гаудеамус», «Тайная история»). Сопоставительный анализ эстетических и смысловых связей демонстрирует, что структурные элементы этих измерений не столько находятся в диалогических отношениях, сколько более поздние тексты как бы «наслаиваются» друг на друга, преображая эти «плоскостные» связи в нечто, что в предельном приближении напоминает орбиты. Ввиду ассоциативного характера проявления каждое из этих измерений «сжимается», устраняет из себя все не поддающееся эстезису, компенсируя эти звенья за счет сохранения лишь релевантных в настоящем эстетическом диапазоне. Темная академия воссоздается как продукт циклизации этих трех орбитальных связей, где на каждой новой исторической итерации прирастают дополнительные мотивы и эстетические континуумы. Фигурально это движение можно изобразить нижеследующим образом:

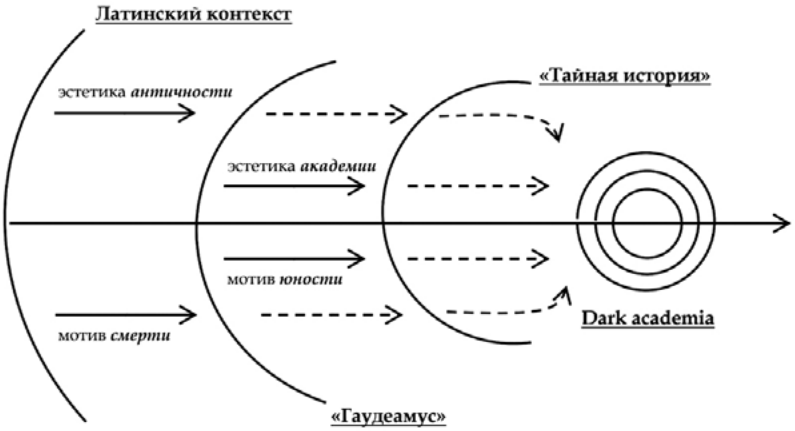


Рис. 1. Эстезис темной академии в историческом развитии

Верхняя половина схемы содержит эстетические континуумы, нижняя — магистральные мотивы. И те, и другие развиваются на темпоральной прямой с внутренне присущей непрерывностью, благодаря которой

CC BY

темная академия представляется как завершенная фигура. Латинский контекст выступает наиболее ранним претекстом, равным образом присутствующим во всех последующих слоях. Чем позднее наблюдатель продвигается по этой прямой, тем яснее проявляется «старость» этого контекста, и тем сильнее обращения к латыни сближаются с «мертвецкой» тематикой. «Гаудеамус», написанный и исполняемый на латыни, привносит фундаментальную идею университетского образования: стремление к знанию, равно как и к веселью в юности продиктовано предчувствием смерти, которая неминуемо случится в старости. «Тайная история» как актуальный медиатекст вбирает в себя приведенные мотивы и континуумы, включая прямую и опосредованную адресацию как к самому «Гаудеамусу», так и к латинскому контексту в целом. Сферизация темной академии в рамках представленной схемы указывает одновременно на: 1) определение субкультуры как посттекста, не имеющего аналогов за пределами цифровой среды; 2) представление ее эстетического воздействия, которое свертывается интенсивно, тем самым концентрируя чувственные «импульсы» в автономном медиуме (отсутствие экстенсивного охвата других аудиторий, ориентация на извлечение частного переживания); 3) характерную «закрытость» субкультуры, ее элитарность и стремление к самопринадлежности.

4. Заключение = Conclusions

Роман Донны Тартт «Тайная история» представляется наглядным примером порождения новейших медиатекстов путем обращения к образцам письменной культуры. Латинский код проявляется во множестве фрагментов книги, написанных на латыни, отсылая читателя к весьма неочевидной идее символической функции смерти в контексте университетского образования. Здесь латинская лексика служит проводником к мысли о конечности жизни, где знание выступает средством преодоления этой конечности (до известной степени — средством обретения бессмертия). Академическая эстетика в свою очередь привносится в текст благодаря слою «Гаудеамуса», который находит место в романе как эксплицитно, так и на уровне авторской интенции. Интенциональный слой объясняет постраничное соседство единственного оригинального латинского диалога, не имеющего древнегреческого аналога, с двойственным эстетическим переживанием героя-рассказчика.

Темная академия как цифровая субкультура выступает, в сущности, единственной дефинитивной формой медиатекста, основанной на описанных претекстах. При этом каждый из них проявляется в ней сквозь призму маркеров, среди которых характерные визуальные образы, цвета, отдельные лексемы, тематические хэштеги и даже никнеймы пользователей

в соцсетях. Феномен темной академии демонстрирует глубокий потенциал цифровых медиа в области воссоздания малых социальных групп на почве эстетических ассоциаций, а также укрепления традиционной университетской культуры в рамках той оригинальной философской позиции, которая была свойственна первым университетам на заре их становления.

Перспективы дальнейших исследований мы видим в пространстве прочих современных медиатекстов, взаимодействующих как с латинским кодом, так и с античным наследием в целом. Интерес представляют и все другие субкультурные общности, возникающие на почве более традиционных медиатекстов, как частный случай — литературных текстов. Не менее важными нам представляются и прочие изыскания, связанные с темной академией, включая изучение подобных реминисценций иных сочинений в жанре университетского романа. Кроме того, дальнейшая разработка темной академии как предмета исследования может быть интересна в разрезе других культурных форм, в числе которых музыка и кинематограф, что способствует более основательной рефлексии амбивалентной сущности университетского дискурса в современных медиа.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Античная* комедия / Аристофан, Менандр, Плавт, Теренций ; [сборник ; пер. с греч.]. — Москва : АСТ, 2020. — 608 с. — ISBN 9785171271237.

2. *Апулей.* Апология. Метаморфозы. Флориды / Апулей ; пер. М. А. Кузьмина, С. П. Маркиша. — Москва : Академия наук СССР, 1956. — 434 с.

3. *Вергилий.* Буколики. Георгики. Энеида / Вергилий ; пер. с латинского С. В. Шервинского. — Москва : Художественная литература, 1979. — 552 с.

4. *Дарий.* Post by @dariusissilence // Telegram [Electronic resource]. — Access mode : https://t.me/dariusissilence/4175 (accessed 15.04.2025).

5. *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. — Москва : Русский язык, 1996. — 846 с.

6. *Евклид.* Начала / Евклид ; пер. с греч. и коммент. Д. Д. Мордухай-Болтовского, при ред. уч. М. Я. Выгодского и И. Н. Веселовского. — Москва — Ленинград : Государственное изд-во технико-теоретической литературы, 1948. — Книга 1—6. — 448 с.

7. *Иоанн Златоуст.* Толкование на Евангелие от Иоанна / Иоанн Златоуст. — Москва : Сибирская Благозвонница, 2010. — 928 с. — ISBN 978-5-91362-331-7.

8. *Ницше Ф. В.* Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / Ф. В. Ницше ; Пер. с нем. Ю. М. Антоновского. — Москва : Мартин, 2014. — 304 с. — ISBN 9785171144142.

9. *Новый* Завет Господа нашего Иисуса Христа : Перевод с Вульгаты (Clementina) / Иероним блаженный, Стридонский ; пер. с латинского, пред. Д. Э. Пучкина. — Москва : [б. и.], 2019. — 584 с.

10. *Тартт Д.* Тайная история : роман / Д. Тартт ; пер. с англ. Д. Бородкина, Н. Ленцман. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2015. — 592 с. — ISBN 9785170872954.

11. *Animamcontinere*. Post by @animamcontinere // Tumblr [Electronic resource]. — Access mode : https://www.tumblr.com/animamcontinere/779375776108838912 (accessed 15.04.2025).

12. *Anth3iareads*. Post by @anth3iareads. // Tumblr [Electronic resource]. — Access mode : https://www.tumblr.com/anth3iareads/769099511789469696 (accessed 15.04.2025).

13. *Avern* // Oxford English Dictionary [Electronic resource]. — Oxford University Press. — Access mode : https://doi.org/10.1093/OED/1169748390 (accessed 15.04.2025).

14. *Cato M. P.* De Agri Cultura / M. P. Cato // Robarts. — Lipsiae : Lipsiae B. G. Teubner, 1884. — 392 p.

15. *Cubitum* eamus : an idea // Pinterest [Electronic resource]. — Access mode : https://www.pinterest.com/ideas/cubitum-eamus-what-nothing/929149256851 (accessed 15.04.2025).

16. *Hemmorkro9.* Dark academia definition / Hemmorkro9 // Collins English Dictionary [Electronic resource]. — 2022. — July 19. — Access mode : https://www.collinsdictionary.com/submission/25089/dark+academia (accessed 15.04.2025).

17. *Smith W.* Antheia [Electronic resource] / W. Smith // A Dictionary of Greek and Roman biography and mythology. — London : John Murray : printed by Spottiswoode and Co. — Access mode : https://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:1999.04.0104:entry=antheia-bio-1 (accessed 15.04.2025).

18. *Whyisaravenlikeawritingdesk?* Dark academia definition // Urban Dictionary [Electronic resource]. — 2019. — August 14. — Access mode : https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Dark%20Academia (accessed 15.04.2025).

Литература

1. *Алтафова А. Р.* Дионис, танатос, Хронос : битва богов. Опыт анализа концепции «влечения к смерти» в контексте темпоральности / А. Р. Алтафова // Российский гуманитарный журнал. — 2019. — № 4. — С. 261—270. — DOI: 10.15643/libartrus-2019.4.3.

2. *Анцыферова О. Ю.* Античный код в университетском романе Донны Тартт «Тайная история» / О. Ю. Анцыферова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2015. — № 2—2. — С. 22—27.

3. *Гаранина А. Е.* Жанровая специфика романа «Тайная история» Донны Тартт / А. Е. Гаранина // Современные проблемы литературоведения, лингвистики и коммуникативистики глазами молодых ученых. Традиции и новаторство. — Уфа : Башкирский государственный университет. — 2017. — Т. 8. — С. 40—44.

4. *Гевель О. Е.* Поэтика холода и бестиарий в романе Донны Тартт «Тайная история» / О. Е. Гевель // Вестник Томского государственного университета. — 2022. — № 478. — С. 14—20. — DOI: 10.17223/15617793/478/2.

5. *Демченко А. И.* Поэзия вагантов / А. И. Демченко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — № 10. — С. 3005—3018.

6. *Денежкин М. Г.* Проблема генезиса европейской интеллигенции : средневековые ваганты / М. Г. Денежкин // Интеллигенция и мир. — 2013. — № 2. — С. 130—144.

7. *Инишев И. Н.* Диапазон эстетического : от дискурса до текстуры / И. Н. Инишев // Философский журнал. — 2014. — № 2 (13). — С. 121—134.

8. *История* студенческого гимна // Вестник Университета Российской академии образования. — 2008. — № 3. — С. 8—9.

9. *Ишимбаева Г. Г.* Диалектика принятия-отрицания идей Ницше в романе Д. Тартт «Тайная история» / Г. Г. Ишимбаева // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. — 2016. — № 3.1. — С. 78—83.

10. *Колесникова С. С.* Виды молодежной субкультуры, преобладающие в современной молодежной среде / С. С. Колесникова // СибСкрипт. — 2008. — № 1. — С. 65—69.

11. *Ломакина И. Н.* Танатопоэтика Донны Тартт (на материале романа «Тайная история») / И. Н. Ломакина, Е. В. Полховская // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». — 2020. — № 2. — С. 352—357.

12. *Маунс У. Д.* Основы библейского греческого языка : базовый курс грамматики / У. Д. Маунс ; пер. с англ. И. А. Кумпяк, П. Б. Тогобицкий. — Санкт-Петербург : Библия для всех, 2011. — 471 с.

13. *Найден Е. В.* «Гаудеамус» : жанровые границы варьирования концептов / Е. В. Найден, В. В. Максимов, А. Н. Серебренникова // Известия Томского политехнического университета. — 2011. — № 6. — С. 151—155.

14. *Новак М. В.* Субкультуры в современной России и визуальное потребление : региональный аспект / М. В. Новак, М. А. Игнатов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : Филология. Социология. Право. — 2014. — № 9 (108). — С. 144—152.

15. *Парулина И. Ю.* Университетский дискурс : сбор корпуса (на материале романа Д. Тартт «Тайная история») / И. Ю. Парулина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Лингвистика. — 2016. — № 2. — С. 70—74. — DOI: 10.14529/ling160213.

16. *Петрова А. О.* Hic mortui vivunt hic muti loquuntur / А. О. Петрова // Молодежный инновационный вестник. — 2015. — Т. 6. — № 1. — С. 462—464.

17. *Платицын А. В.* Философия «цифровой» субкультуры и ее место в индивидуальной медиастратегии / А. В. Платицын // Россия в мире : проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере. — Москва — Пенза : Пензенский государственный технологический университет, 2024. — С. 185—193.

18. *Рассказова О. Д.* Молодежное субкультурное эстетическое течение «Темная академия» в социальной сети ВКонтакте / О. Д. Рассказова // Коммуникативные стратегии информационного общества. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2022. — С. 159—165.

19. *Симакова С. И.* Визуальный поворот — новая философия образа в средствах массовой коммуникации / С. И. Симакова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2018. — № 10 (420). — С. 225—232. — DOI: 10.24411/1994-2796-2018-11032.

20. *Столярова А. А.* Новаторство Д. Тартт в жанре университетского романа (на примере романа «Тайная история») / А. А. Столярова // Глобальные вызовы в меняющемся мире : тенденции и перспективы социально-гуманитарного знания. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета. — 2021. — С. 1061—1064. — ISBN 978-5-7996-3605-0.

21. *Черноземова Е. Н.* Функция экфрасических обращений в романе Донны Тартт «Тайная история» / Е. Н. Черноземова // Горизонты гуманитарного знания. — 2016. — № 4. — С. 57—69.

22. *Чилингир Е. Ю.* Гипертекст в литературе, журналистике и пиаре : социокультурный аспект / Е. Ю. Чилингир // Вестник славянских культур. — 2011. — № 19. — С. 15—22.

23. *D'Aniello C. P.* "A Morbid Longing for the Picturesque" : The Pursuit of Beauty in Donna Tartt's The Secret History / C. P. D'Aniello. — Stockholm : Södertörn University, 2021. — 29 p.

24. *Kuiper K.* Donna Tartt. — Encyclopedia Britannica [Electronic resource] / K Kuiper. — Access mode : https://www.britannica.com/biography/Donna-Tartt (accessed 15.04.2025).

25. *Murray S.* Dark academia : Bookishness, Readerly Self-fashioning and the Digital Afterlife of Donna Tartt's The Secret History / S. Murray // English Studies. — 2023. — № 104 (2). — Pp. 347—364. — DOI: 10.1080/0013838X.2023.2170596.

26. *Niklasson M.* Natural Violence and Escaping Reason : Reading gender and nature in Donna Tartt's The Secret History / M. Niklasson. — Uppsala : Uppsala University, 2014. — 28 p.

27. *Rustamov R. R.* "Dark academia" as a cultural phenomenon / R. R. Rustamov, N. M. Myshyakova // Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference in English "Theory and Practice of Modern Science: the View of Youth". In 2 parts. — St. Petersburg : HSTE SPbGUITD, 2023. — Part II. — Pp. 270—274.

28. *Schwesig E.* Academic Exceptionalism, Liminality and Space as Patterns of Abuse in Dark Academia / E. Schwesig // TALE : Translational Approaches, Literary Encounters. — 2024. — Vol. 1. — № 1. — Pp. 34—46. — DOI: 10.24338/tle.v1i1.733.

29. *Stojanovic D.* Structural, orchestration and genre transformation of musical structure of the hymn Gaudeamus igitur / D. Stojanovic, B. Milosevic // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2020. — № 51. — Pp. 167—176. — DOI: 10.31773/2078-1768-2020-51-167-176.

Статья поступила в редакцию 29.04.2025,
одобрена после рецензирования 30.06.2025,
подготовлена к публикации 20.07.2025.

Material resources

Ancient comedy. (2020). *Aristophanes, Menander, Plautus, Terence.* Moscow: AST Publishing House. 608 p. ISBN 9785171271237. (In Russ.).

Animamcontinere. Post by @animamcontinere. In: *Tumblr.* Available at: https://www.tumblr.com/animamcontinere/779375776108838912 (accessed 15.04.2025).

Anth3iareads. Post by @anth3iareads. In: *Tumblr.* Available at: https://www.tumblr.com/anth3iareads/769099511789469696 (accessed 15.04.2025).

Apuleius. (1956). *An apology. Metamorphoses. Florida.* Moscow: Academy of Sciences of the USSR. 434 p. (In Russ.).

Avern. In: *Oxford English Dictionary.* Oxford University Press. Available at: https://doi.org/10.1093/OED/1169748390 (accessed 15.04.2025).

Cato, M. P. (1884). De Agri Cultura. In: *Robarts.* Lipsiae: Lipsiae B. G. Teubner. 392 p.

Cubitum eamus: an idea. In: *Pinterest.* Available at: https://www.pinterest.com/ideas/cubitum-eamus-what-nothing/929149256851 (accessed 15.04.2025).

Darius. Post by @dariusissilence. In: *Telegram.* Available at: https://t.me/dariusissilence/4175 (accessed 15.04.2025). (In Russ.).

Dvoretsky, I. H. (1996). *Latin-Russian dictionary.* Moscow: Russian Language. 846 p. (In Russ.).

Euclid. (1948). *The Beginnings, 1—6.* Leningrad: State Publishing House of Technical and Theoretical literature. 448 p. (In Russ.).

Hemmorkro9. Dark academia definition. (2022). *Collins English Dictionary. July 19.* Available at: https://www.collinsdictionary.com/submission/25089/dark+academia (accessed 15.04.2025).

John Chrysostom. (2010). *Interpretation of the Gospel of John.* Moscow: Sibirskaya Blagozvonnitsa. 928 p. ISBN 978-5-91362-331-7. (In Russ.).

Nietzsche, F. V. (2014). *So spoke Zarathustra. A book for everyone and for no one.* Moscow: Martin. 304 p. ISBN 9785171144142. (In Russ.).

Smith, W. *Antheia. A Dictionary of Greek and Roman biography and mythology.* London: John Murray: printed by Spottiswoode and Co. Available at: https://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:1999.04.0104:entry=antheia-bio-1 (accessed 15.04.2025).

Tartt, D. (2015). *The Secret History: a Novel.* Moscow: AST Publishing House: CORPUS. 592 p. ISBN 9785170872954. (In Russ.).

The New Testament of our Lord Jesus Christ: Translated from the Vulgate (Clementina). (2019). Moscow: [b. i.]. 584 p. (In Russ.).

Virgil. (1979). *Bucolic. The Georgics. Aeneid.* Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 552 p. (In Russ.).

Whyisaravenlikeawritingdesk? Dark academia definition. (2019). *Urban Dictionary.* August 14. Available at: https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Dark%20Academia (accessed 15.04.2025).

References

Altafova, A. R. (2019). Dionysus, Thanatos, Chronos: the battle of the gods. The experience of analyzing the concept of "death drive" in the context of temporality. *Russian Humanitarian Journal, 4: 261*—270. DOI: 10.15643/libartrus-2019.4.3. (In Russ.).

Antsyferova, O. Yu. (2015). The ancient code in Donna Tartt's university novel "The Secret History". *Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University, 2—2:* 22—27. (In Russ.).

Chernozemova, E. N. (2016). The function of ecphrasical appeals in Donna Tartt's novel "The Secret History". *Horizons of Humanitarian Knowledge, 4:* 57—69. (In Russ.).

Chilingir, E. Y. (2011). Hypertext in literature, journalism and PR: a sociocultural aspect. *Bulletin of Slavic Cultures, 19:* 15—22. (In Russ.).

D'Aniello, C. P. (2021). "*A Morbid Longing for the Picturesque": The Pursuit of Beauty in Donna Tartt's The Secret History.* Stockholm: Södertörn University. 29 p.

Demchenko, A. I. (2022). Poetry of vagants. *Philology. Theory & Practice, 10*: 3005—3018. (In Russ.).

Denezhkin, M. G. (2013). The problem of the genesis of the European intelligentsia: medieval vagants. *Intelligentsia and the World, 2:* 130—144. (In Russ.).

Garanina, A. E. (2017). Genre specifics of the novel "The Secret History" by Donna Tartt. In: *Modern problems of literary studies, linguistics and communication studies through the eyes of young scientists. Tradition and innovation, 8.* Ufa: Bashkir State University. 40—44. (In Russ.).

Gavel, O. E. (2022). Poetics of cold and bestiary in Donna Tartt's novel "The Secret History". *Bulletin of Tomsk State University, 478:* 14—20. DOI: 10.17223/15617793/478/2. (In Russ.).

Inishev, I. N. (2014). The range of aesthetics: from discourse to texture. *Philosophical Journal, 2 (13):* 121—134. (In Russ.).

Ishimbayeva, G. G. (2016). The dialectic of acceptance and denial of Nietzsche's ideas in D. Tartt's novel "The Secret History". *Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology, 3.1:* 78—83. (In Russ.).

Kolesnikova, S. S. (2008). Types of youth subculture prevailing in the modern youth environment. *SibScript, 1:* 65—69. (In Russ.).

Kuiper, K. *Donna Tartt. Encyclopedia Britannica.* Available at: https://www.britannica.com/biography/Donna-Tartt (accessed 15.04.2025).

Lomakina, I. N. (2020). Thanatopoietics of Donna Tartt (based on the novel "The Secret History"). *Bulletin of the Udmurt University. The series "History and Philology", 2:* 352—357. (In Russ.).

Mounce, W. D. (2011). *Basics of Biblical Greek: Grammar*. Translated from English by I. Kumpyak, P. Togobitskiy. St. Petersburg: Bible for everyone. 471 p. (In Russ.).

Murray, S. (2023). Dark academia: Bookishness, Readerly Self-fashioning and the Digital Afterlife of Donna Tartt's The Secret History. *English Studies, 104 (2):* 347—364. DOI: 10.1080/0013838X.2023.2170596.

Naiden, E. V., Maximov, V. V., Serebrennikova, A. N. (2011). "Gaudeamus": genre boundaries of concept variation. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University, 6*: 151—155. (In Russ.).

Niklasson, M. (2014). *Natural Violence and Escaping Reason: Reading gender and nature in Donna Tartt's The Secret History.* Uppsala: Uppsala University. 28 p.

Novak, M. V., Ignatov, M. A. (2014). Subcultures in modern Russia and visual consumption: a regional aspect. *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Philology. Sociology. Right, 9 (108):* 144—152. (In Russ.).

Parulina, I. Y. (2016). University discourse: the collection of the corpus (based on the novel by D. Tartt "The Secret History"). *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics, 2:* 70—74. DOI: 10.14529/ling160213. (In Russ.).

Petrova, A. O. (2015). Hic mortui vivunt hic muti loquuntur. *Youth Innovation Bulletin, 6 (1):* 462—464. (In Russ.).

Platitsyn, A. V. (2024). The philosophy of the "digital" subculture and its place in individual media strategy. In: *Russia in the world: problems and prospects for the development of international cooperation in the humanitarian and social spheres.* Moscow — Penza: Penza State Technological University. 185—193. (In Russ.).

Rasskazova, O. D. (2022). The youth subcultural aesthetic movement "Dark Academy" in the social network VKontakte. In: *Communicative strategies of the information society.* Saint Petersburg: Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University. 159—165. (In Russ.).

Rustamov, R. R., Myshyakova, N. M. (2023). "Dark academia" as a cultural phenomenon. In: *Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference in English "Theory and Practice of Modern Science: the View of Youth". In 2 parts*. St. Petersburg: HSTE SPbGUITD. *II*: 270—274.

Schwesig, E. (2024). Academic Exceptionalism, Liminality and Space as Patterns of Abuse in Dark Academia. *TALE: Translational Approaches, Literary Encounters, 1 (1):* 34—46. DOI: 10.24338/tle.v1i1.733.

Simakova, S. I. (2018). Visual turn — a new philosophy of image in mass communication. *Bulletin of the Chelyabinsk State University, 10 (420):* 225—232. DOI: 10.24411/1994-2796-2018-11032. (In Russ.).

Stojanovic, D., Milosevic, B. (2020). Structural, orchestration and genre transformation of musical structure of the hymn Gaudeamus igitur. *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts, 51:* 167—176. DOI: 10.31773/2078-1768-2020-51-167-176.

Stolyarova, A. A. (2021). D. Tartt's innovation in the genre of the university novel (on the example of the novel "The Secret History"). In: *Global challenges in a changing world: trends and prospects of socio-humanitarian knowledge.* Yekaterinburg: Ural University Publishing House. 1061—1064. ISBN 978-5-7996-3605-0. (In Russ.).

The history of the student anthem. (2008). *Bulletin of the University of the Russian Academy of Education, 3:* 8—9. (In Russ.).

The article was submitted 29.04.2025;
approved after reviewing 30.06.2025;
accepted for publication 20.07.2025.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА
LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Вера Владимировна Сердечная, д-р филол. наук (Краснодар)
Дмитрий Николаевич Жаткин, д-р филол. наук (Пенза)
Елена Васильевна Нестерова, канд. филол. наук (Якутск)
Елизавета Геннадьевна Маслова, канд. филол. наук (Москва)
Лю Хуэй, канд. филол. наук (Ухань, Китай)
Мария Михайловна Ожигова, канд. филол. наук (Москва)
Никита Михайлович Миронов, исполнитель гранта (Санкт-Петербург)
Ольга Владимировна Белугина, канд. филол. наук (Брянск)
Ольга Владимировна Богданова, д-р филол. наук (Санкт-Петербург)
Ольга Юрьевна Осьмухина, д-р филол. наук (Саранск)
Светлана Анатольевна Дубровская, д-р филол. наук (Саранск)
Светлана Николаевна Стародубец, д-р филол. наук (Брянск)
Сергей Михайлович Пронченко, канд. филол. наук (Брянск)

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Богданова О. В. Синтез визуального и вербального в авангардистской поэме Василия Каменского «Дворец С. И. Щукина» / О. В. Богданова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 6. — С. 248—274. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-248-274.

Bogdanova, O. V. (2025). Synthesis of Visual and Verbal Elements in Vasily Kamensky's Avant-Garde Poem "Palace of S. I. Shchukin". *Nauchnyi dialog, 14* (6): 248-274. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-248-274. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Синтез визуального и вербального в авангардистской поэме Василия Каменского «Дворец С. И. Щукина»

Богданова Ольга Владимировна
orcid.org/0000-0001-6007-7657
ResearcherID: C-5907-2016
ScopusAuthorID 57219902824
доктор филологических наук,
профессор,
Научно-исследовательский
гуманитарный центр «Слово»
olgabogdanova03@mail.ru

Русская христианская
гуманитарная академия
им. Ф. М. Достоевского
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при поддержке
Российского научного фонда,
проект № 25-18-00764
(Русская христианская
гуманитарная академия
им. Ф. М. Достоевского)

Synthesis of Visual and Verbal Elements in Vasily Kamensky's Avant-Garde Poem "Palace of S. I. Shchukin"

Olga V. Bogdanova
orcid.org/0000-0001-6007-7657
ResearcherID: C-5907-2016
ScopusAuthorID 57219902824
Doctor of Philology, Professor,
Scientific Research
Humanitarian Center "Slovo"
olgabogdanova03@mail.ru

Russian Christian Humanitarian Academy
named after Fyodor Dostoevsky
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The research was supported
by the Russian Science Foundation,
Project № 25-18-00764
(Russian Christian Humanitarian Academy
named after Fyodor Dostoevsky)

© Богданова О. В., 2025

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предложена интерпретация неординарной поэмы «Дворец С. И. Щукина» поэта-авангардиста начала XX века Василия Каменского из сборника «железобетонных поэм» 1914 года «Танго с коровами». На материале вербально-визуальной поэмы-картины рассмотрен уникальный образец футуристического текста. Предложены интерпретации сложных для обычного восприятия сюжетных ходов стихокартины. В ходе поиска смысловых категорий будетлянского текста дан поэтапный анализ экфрастического пласта «железобетонной поэмы» «Дворец С. И. Щукина». Продемонстрировано, что поэма-картина «Дворец картин С. И. Щукина» имеет строгую и системную логику построения, топографическую последовательность развития сюжетной канвы и осмысленную композиционную структуру, которые опосредованы как семантикой изображаемого (дворца и его наполнения), так и «сквозными» приемами и тактиками, в целом характерными футуристической поэтике поэта-авангардиста Каменского. Предложены варианты «вычитывания» из текста поэмы тех или иных образов-картин французских художников-модернистов (Матисс, Моне, Пикассо, Сезанн и др.). Подчеркнуто, что поэма-картина В. Каменского имеет не только футуристическую, но и вполне бытовую природу, что «заумь» авангардной культуры, в рамках которой существовал поэт, не могли помешать созданию глубоко поэтичного и легко читаемого текста.

Ключевые слова:
Василий Каменский; первый русский авангард; *Дворец С. И. Щукина*; визуальная поэзия; приемы совмещения вербального и визуального.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This paper offers an interpretation of the extraordinary poem “The Palace of S. I. Shchukin” by early 20th-century avant-garde poet Vasily Kamensky, taken from his 1914 collection of “reinforced concrete poems,” “Tango with Cows.” Utilizing the verbal-visual nature of this poem-painting, we examine a unique specimen of Futurist text. The analysis addresses the complex narrative devices that may challenge conventional perception within the poem's pictorial framework. Through an exploration of semantic categories inherent in the text, we provide a step-by-step analysis of the ekphrastic layer within the “reinforced concrete poem” “The Palace of S. I. Shchukin.” It is demonstrated that this poem-painting possesses a rigorous and systematic construction, a topographical sequence of narrative development, and a coherent compositional structure, all mediated by both the semantics of the depicted (the palace and its contents) and the “transversal” techniques characteristic of Kamensky's Futurist poetics. We propose interpretations for extracting various images reminiscent of modernist French painters (such as Matisse, Monet, Picasso, Cézanne, among others) from the text. Furthermore, it is emphasized that Kamensky's poem-painting embodies not only Futurist elements but also a distinctly everyday nature, suggesting that the avant-garde “zaum” culture within which the poet operated did not hinder the creation of a deeply poetic and readily accessible text.

Key words:
Vasily Kamensky; Russian avant-garde; *The Palace of S. I. Shchukin*; visual poetry; techniques of integrating verbal and visual elements.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.161.1Каменский.07
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-248-274

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Синтез визуального и вербального в авангардистской поэме Василия Каменского «Дворец С. И. Щукина»

© Богданова О. В., 2025

1. Введение = Introduction

Как известно, в научном восприятии хронологии развития русского авангарда сталкиваются различные позиции. Одни из исследователей считают, что русский авангард насчитывает два этапа: первый есть футуристические поиски 1910—20-х годов, второй — концептуальные практики 1970—80-х [Бирюков, 1994; Кулаков, 1995; Гаспаров, 2001; Гик, 2004; Богданова, 2025]. Другие исследователи считают, что русский авангард прошел три этапа (дополнительно выделяется период ОБЭРИУ) [Казарина, 2005; Тернова, 2025]. Но, как бы то ни было, в любом случае главную и первостепенную роль на всех этапах занимает игра со словом, изобразительность и фактурность поэтического слова, словотворчество, или заумь. Для всех авангардистов слово (= Слово) становится опорой формальных литературных экспериментов, на себе — в первую очередь — сосредоточивая практики обновления и преображения как самого способа нового мышления, так и новейших способов его отражения посредством речи. На этом пути визуальная поэзия — едва ли не самый выразительный и зримый шаг авангардной поэтики начала XX века.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

В вопросе критического освещения теории и практики визуальной поэзии можно отметить, что реальность рубежа XX—XXI веков возродила исследовательский интерес к визуальному тексту, причем не только со стороны культурологии и искусствоведения, но и литературоведения. В начале нового тысячелетия появились серьезные научные статьи, защищены кандидатские и докторские диссертации, опубликованы сборники и монографии по проблемам визуализации текста [Орлицкий, 1995; Кулаков, 1995; Марков, 2000; Гаспаров, 2001; Гик, 2004; Суховей, 2008; Кучина, 2016; Галечьян, 2023; Жилене, 2024; Тернова, 2025; Богданова, 2025; и др.].

CC BY

Из структуры самого термина ясно, что визуальная поэзия представляет собой особый род поэтического текста, который, наряду с собственно поэтически организованными строками, вбирает в себя и некие изобразительные элементы, как правило графические. В связи с этим возникает ряд вопросов: какой смысл вкладывал авангард начала XX века в стремление к визуализации поэзии? какие грани смыслового наполнения придают графические элементы поэтическому тексту? какие формы могут обретать визуализированные буквенно-графические тексты? Отвечая на предложенные вопросы, на самом предварительном уровне можно предположить, что визуализация в поэзии должна дополнить привычный литературный текст, придать тексту обновленный (= дополняющий) смысл, сделать акцент на некой новой семантике. Примеру того, как рождается новый смысл в поэтическом тексте, и будет посвящена предлагаемая статья.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Железобетонные поэмы» «Танго с коровами» (1914)

Сборник поэта-авангардиста, песнебойца и авиатора Василия Каменского «Танго с коровами», включающий в себя 8 «железобетонных» (в определении автора) поэм [Каменский, 1914], появился в марте 1914 года. Как свидетельствует текст на обложке, издание было подготовлено Каменским совместно с братьями Владимиром и Давидом Бурлюками, выступившими авторами нескольких рисунков-иллюстраций. Надо заметить, что среди ранних образцов авангарда начала XX века именно «Танго с коровами» Каменского демонстрирует наиболее радикальные и выразительные практики смешения письменного текста с графическими изобразительными приемами, соединение вербального и визуального.

Уже по внешним признакам издание было необычным. Тираж в 300 экземпляров был выполнен в виде «пестрой тетради, отпечатанной на обороте ярких обоев» [Спасский, 1940, с. 23].

Издание на обоях ранее уже осуществлялось будетлянами («Садок судей», 1910) и подтвердило свою жизнеспособность. В сходном издательском варианте сборника «Танго для коров» Каменский выражал солидарность собратьям-футуристам и демонстративно протестовал против дорогих буржуазных изданий, публично выступал против «мертвых форм словопредставления» [Каменский, 1918, с. 132]. «Мерцающий» рисунок обоев, избранных для издания «Танго…», разрушал каноны традиционного книгопечатания и был не только подчеркнуто вызывающим, но и привлекающим заинтересованное или отторгающее внимание публики.

Сборник В. Каменского, как и многие книги той поры (см., например, домашние издательские практики М. Матюшина и Е. Гуро), был напеча-

CC BY

тан литографическим способом — для удешевления малотиражного издания и для публичного эпатажа. Традиционный прямоугольник абриса книги заменил пятиугольник (обрезанный верхний правый угол), обложка включала в себя коллаж — намеренное совмещение разных по качеству материалов, в данном случае бумаги, и по ее цветовому исполнению. Во всех смыслах издание Каменского-Бурлюков «Танго с коровами» (начиная с самого названия) было остранено (термин В. Шкловского). Стремление авторов уйти от традиции было намеренным и очевидным.

В состав сборника входили весьма неординарные поэмы: картина-стихотворение «Полет Васи Каменского над Варшавой», восточная экзотика «Константинополь», «Баня», «Кабаре зон», «Телефон № 2в-128», само «Танго с коровами» и, наконец, поэма «Дворец С. И. Щукина» («Картиния»). Каждая из поэм сборника сложна для восприятия, но «Дворец С. И. Щукина» особенно. Однако так кажется только на первый взгляд: при внимательном чтении-рассматривании поэмы-картины она обнаруживает неожиданную «чистоту красок» и ясность смысла.

3.2. Экфрастические ракурсы поэмы «Дворец С. И. Щукина»

Современникам В. Каменского было хорошо известно имя Сергея Щукина, купца-благотворителя и коллекционера. С 1882 года С. И. Щукин владел старинным элегантным особняком Трубецких в Большом Знаменском переулке в Москве, который Каменский в поэме назвал «дворцом». Во дворце Щукина были собраны образцы европейской старой живописи и скульптуры, мраморные копии классицистических скульптур (в т. ч. «Три грации» Кановы), фарфор и бронза (в т. ч. бронзовый Будда с Дальнего Востока), свитки и папирусы из Древнего Египта и др. Но для молодых представителей русского авангарда Щукин был особенно примечателен тем, что покупал и привозил в Россию лучшие образцы новаторской живописи Западной Европы рубежа XIX—XX веков. Коллекционер часто бывал во Франции, установил связи с парижскими галеристами, покупал картины молодых импрессионистов и постимпрессионистов, в итоге собрал богатую коллекцию французской модернистской живописи. Коллекция современной французской живописи Щукина насчитывала 256 работ кисти 63 художников-авангардистов.

В собрании Щукина были работы Камиля Писсаро, Клода Моне, Поля Сезанна, Поля Гогена, Анри Матисса, Пабло Пикассо, Андре Дерена, Ван Гога, Эдгара Дега, Огюста Ренуара, Анри Руссо, Альфреда Сислея, Мориса Дени, Анри ле Фоконье, Константина Менье, Жана-Франсуа Рафаэлли, Шарля Котте, Жана-Луи Форена, Джеймса Уистлера, Пьера Пюви де Шаванна и др. (см.: [Власкина, 2015]). Со временем особняк в Большом Знаменском фактически превратился в своеобразный музей современного искусства, где

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

стены залов, гостиных, столовой, кабинета от пола до потолка в два-три ряда были плотно увешаны картинами художников французского авангарда.

В 1908 году в журнале «Русская мысль» появилась статья П. П. Муратова «Щукинская галерея — очерк по истории новейшей живописи», в которой известный искусствовед рассказал о живописном собрании коллекционера и обнародовал его волю: в будущем передать коллекцию в дар Третьяковской галерее.

В 1909 году С. И. Щукин открыл особняк для публичных посещений, для всех, кто желал познакомиться с его коллекцией, и каждую субботу сам проводил экскурсии для интересующихся, по воспоминаниям современников, «заражая своим энтузиазмом, своей пылкостью» [Коллекция, 2020].

Воспоминания об одном из таких визитов во дворец С. И. Щукина и получили отражение в поэме Каменского (рис. 1).

Рис. 1. Поэма «Дворец С. И. Щукина»

CC BY

Зримый абрис поэмы повторяет очертания книги-пятиугольника, разделен на треугольники, трапеции, параллелограммы, неправильные прямоугольники, в целом представляющие как бы план дворца С. И. Щукина. Центр поэмы-картины выделен — на свободном пространстве крупными жирными литерами выписаны слова, составляющие название. В нем квадратом расположены выделенные слова «ДВОРЕЦ / С И / ЩУКИН» (окончание родительного падежа в фамилии — А — отнесено в соседний треугольник.).

Как уже отмечалось, поэт Каменский был авиатором, ему был свойствен взгляд сверху (в том числе вслед за эпиграфической идеей *полета* в первой поэме сборника). Можно предположить, что потому и поэма «Дворец С. И. Щукина» организована как вид сверху, как некий условный план дворца, как запомнившееся посетителю (по сути — лирическому герою) расположение залов-экспозиций щукинского дома. А если так, то рассмотрение стихокартины «Дворец С. И. Щукина», как и в «Полете Васи Каменского…», должно начинаться снизу — с парадного входа во дворец.

Исследователи говорят, что в стихах (= стихокартинах) Каменского нет разницы, откуда начинать рассматривать изображение. Однако во «Дворце С. И. Щукина» «вход» в дом и одновременно в пространство картины со всей определенностью обозначен: в нижнем левом углу располагается треугольник, который (как и в «Полете…») своей вершиной и размещенной вверху одинокой буквой А указывает на начало движения. Сопоставление поэм сборника словно бы подсказывает выработанные поэтом условности и закономерности, стратегические приемы и тактические ходы, по которым он организует поэмное стихотворное пространство.

В основании «первого» треугольника (условно на пороге дома) Каменский так и пишет: «НАЧАЛО ПРИЛЕТА». Опираясь на сквозную метафору всего сборника («*полет*», о чем уже было сказано выше) и на присущий ей лексический ряд («*вылетел* всвет первый журнал…»), можно признать «начало *прилета*» входом в экскурсионное пространство дворца С. И. Щукина.

Подвергнутая компрессии фраза «ПИКАССОМНОЙ» («Пикассо со мной»), размещенная рядом с «началом», может означать ожидания лирического героя, жаждущего вскоре увидеть подлинники Пикассо (отсюда и появляющийся здесь же глагол «люблю»). Впрочем, размещенные на этом уровне слова и словосочетания могут означать и те работы, которые были представлены уже в вестибюле дома на первом этаже. В частности, названная во входном треугольнике «Марокканка» (1912) — известная работа Анри Матисса.

Выкупленный С. И. Щукиным особняк Трубецких в Большом Знаменском переулке был особняком классическим, то есть, как и многие дворцы XVIII—XIX веков, открывался большой парадной лестницей, ведущей на

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

второй этаж. Обратим внимание: Каменский именно так и продолжает свое повествование (= развивает сюжет поэмы): слева от «вестибюля» лестница ведет снизу вверх, на площадку второго этажа, причем она обозначена поэтом «на плане», слово ЛЕСТНИЦА выписано.

Заметим, на площадке второго этажа в районе лестницы с двух сторон ее пролета размещены витиеватые буквы *С* и *И*, с одной стороны, обозначающие инициалы имени и отчества хозяина, с другой — в своей *изысканной* форме повторяющие завитки кованых перил щукинской лестницы, известных по фото, хранящимся в ГМИИ им. А. С. Пушкина. Во всей поэме Каменского такая графика букв больше нигде не повторится, что позволяет связать ее именно с причудливо-затейливыми завитками-орнаментами лестничных перил.

Имя художника, которое выделено Каменским в районе лестницы, — «МАТИСС». Примечательно, что работы Матисса действительно занимали стены дворца С. И. Щукина вокруг центральной лестницы (см. планы дома С. И. Щукина в ГМИИ им. А. С. Пушкина). Кроме того, известно, что в 1911 году А. Матисс приезжал в Москву по приглашению Щукина, гостил в его особняке и оформил парадную лестницу двумя панно: «Музыка» (1910) и «Танец. II» (1910). Добавим, что — как вариант — причудливые формы инициалов *С* и *И* в поэме Каменского могут вторить фигурам изысканного матиссовского «Танца» (рис. 2), размещенного здесь же, на площадке витой кованой лестницы [Виртуальная экскурсия ..., 2020]. Образность поэмы нарастает, метафорические переклички множатся.

Рис. 2. Вид на панно А. Матисса во дворце С. И. Щукина

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Известно, что в собрании С. И. Щукина было 37 картин Анри Матисса, среди них, кроме «Музыки» и «Танца», — «Игра шарами» (1908), «Красная комната (Гармония в красном)» (1908), «Испанка с бубном» (1909), «Дама в зеленом» (1909), «Семейный портрет» (1911), «Мастерская художника (Розовая мастерская)» (1911), «Портрет жены художника» (1913), «Женщина на высоком табурете» (1914) и др. Рядом с именем Матисса Каменский выводит столбик словосочетаний, словно бы повторяющих лестничный марш:

Сад Люксембурга
синь-крась-жол
благоухание дней
Булонского леса
Та нец настурций
арабское кофе [Каменский, 1914].

Нетрудно предположить, что в этих строках отразились впечатления от картин Матисса «Мастерская художника» и «Красная комната» (рис. 3), где ощутимы и игра цвета (смешение синего, красного, желтого — *синь-крась-жол*), и танец настурций на синем / красном фоне, и арабский кофе (форма графинов), и вид на сад из окон комнаты. Истинное *благоухание дней*.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Рис. 3. А. Матисс «Мастерская художника» и «Красная комната»

Как известно, Каменский был в Париже в марте 1911 года, когда приезжал учиться в авиашколе Луи Блерио. Можно предположить, что атмосфера работ Матисса совместилась с парижскими воспоминаниями самого поэта и получила отражение на «марше лестницы» «Дворца С. И. Щукина» — как продолжение его «ЛЮБЛЮ» на входе в дом. Атмосфера воспоминаний словно наполняет поэму.

Прямо с верхней площадки лестницы логика ориентирующих посетителя линий поэмы ведет направо, в зал Гогена, Ван Гога, Писсаро, Фоконье, Дени, Дерена, Менье, словно бы повторяя вихревое движение матисовского «Танца», на плане — логику ведения экскурсии хозяином дома.

В условно первом зале на втором этаже Каменским графически выделен ГОГЕН и даже уточнена картина, которая привлекла его внимание: ВАЙРАУМАТИ, точное название — «Ее звали Вайраумати» (рис. 4). У Каменского приведено лишь имя прекрасной мифологической Вайраумати и означена ее родина — далекий остров Таити, что переводит акцент с изобразительного плана картины на ее романтическое содержание — древний маорийский миф о любви златокожего бога Оро и земной тайской девушки Вайраумати. Если помнить о том, что С. И. Щукин сам проводил экскурсию по галерее, то, вероятно, он мог рассказать посетителям историю молодых таитянских влюбленных.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Рис. 4. П. Гоген «Ее звали Вайраумати»

Некоторые исследователи рядом с именем Гогена сложили слоги и буквы текста каменского и прочли их как «Гоген не векам», тем самым словно бы снижая значение художника в глазах поэта. Однако, на наш взгляд, предложенное построение довольно произвольно и смысл слов «кам-не-век» может означать другое — быть непосредственной отсылкой к живописному полотну и напоминанием о каменных идолах, изображенных на картине Гогена, символизирующих в тайском мифе вечную любовь.

Еще одно имя, размещенное в центре этого пространства, — ВАН ГОГ. Рядом название его картины: «АРЕНА» (или в русском варианте «Арена в Арле», 1888) (рис. 5). У Ван Гога изображение самой арены, на которой происходит коррида, смещено в верхний правый угол и почти удалено с картины (акцентировано только колористически). На переднем плане — вниз по диагонали от яркого песочного поля арены — разговаривающие пары, болтушки-соседки, жители города Арль. Песочно-желтый цвет аре-

CC BY

ны откликается в желтом платье дамы на переднем плане, в рыжих волосах мужчины, в ярко-желтой феске одного из зрителей. Можно представить, что Каменского привлекала именно сдвинутая композиция Ван Гога, перестановка акцента с заглавного («Арена») на проходное (случайных обывателей, попавшихся на глаза художнику). Подобный подход целиком отвечал интенциям поэта-футуриста: смысловой нарратив заменить зримым впечатлением, сместить внимание с большого на малое, назвать одно — изобразить другое, заставляя реципиента внимательнее вглядываться в картину, исследовать все уголки полотна-поэмы.

Рис. 5. Ван Гог «Арена в Арле»

Следующий зал в доме С. И. Щукина, возникающий в композиционном построении арт-поэмы Каменского, — зал «ПАБЛО ПИКАС С О». Известно, что коллекция Щукина включала 51 работу Пикассо, его холсты занимали в доме несколько комнат, в том числе кабинет хозяина. На стихокартине Каменского «зал Пикассо» — единственное помещение, внешняя сторона которого не ограничена замыкающей контурной линией. Можно предположить, что здесь Каменский хотел акцентировать ряд окон, а еще точнее — выход на балкон, соединявший комнатное и заоконное пространство, создавая впечатление заполненности галереи светом.

CC BY

При входе в комнату Пикассо в левом верхнем углу обращает на себя внимание сокращение «футур» и стоящая над ним одинокая буква «i», словно бы акцентирующая (точка над i) родство Пикассо русскому кубофутуризму, то есть самому Каменскому и его соратникам-авангардистам.

Как и предполагают законы кубизма, имя Пикассо у Каменского раскладывается на части и может восприниматься как «ПИКАС СО» или как «ПИКАС С О», в любом случае фрагменты имени художника-кубиста (как и на его картинах) размещаются в разных плоскостях, в данном случае — на разных строчках, уровнях записи Каменского.

Внимание поэта-посетителя прежде всего привлекает работа Пикассо «Испанка с острова Майорки» (рис. 6): именно эти лексемы выстроены столбиком («испанка / острова / маiорки»), при этом в название встроен предлог «С» от расчлененного выше имени Пикас-с-о (кубистический прием взгляда на объект с разных точек зрения, привнесенный из визуального искусства в вербальное).

На картине Пикассо создан возвышенный образ прекрасной молодой дамы, воплощено представление о романтически-утонченной красоте. Испанка с Майорки изображена у Пикассо в голубоватом платье на таком же голубом фоне с тонкой прозрачной накидкой на плечах и в традиционном головном уборе (ребосильо). Голова испанки чуть склонена, глаза приопущены, на всем облике лежит печать грусти. Приподнятая рука героини словно бы призвана защитить ее, заслонить от внешних тревог. Трудно сказать, что более всего привлекло Каменского (или его героя) в образе прекрасной испанки, но почти бесплотная изысканная фигура героини Пикассо нашла отражение в «железобетонной» поэме (как знак бесплотности женской красоты в реальном мире).

После пробела (небольшого отступа в «зримом» тексте) Каменский «называет» еще одну картину коллекции С. И. Щукина — «Скрипка» Пикассо (1912) (рис. 7). По мнению специалистов, именно к 1910—1912 годам относится тесное общение Пикассо и Жоржа Брака (одного из кумиров и друзей русских кубофутуристов), предопределившее последующий поворот художника к так называемому «синтетическому» кубизму. «Скрипка» Пикассо — одна из первых работ в этой манере.

Нет сомнения, что скрипка должна была привлечь внимание Каменского — хотя бы потому, что нечто сходное в те годы писал и близкий Каменскому К. Малевич («Скрипка и корова», 1913—14).

Прием пересечения разных плоскостей в искусстве кубизма словно бы перенимается Каменским от Пикассо и, как отзвук, на разных уровнях-плоскостях позволяет различить еще одно название картины из собрания С. И. Щукина — Пикассо «ФЛЕЙТА (i) скрипка» (1913) (рис. 8). При этом

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Рис. 6. П. Пикассо «Испанка с острова Майорки»

Рис. 7. П. Пикассо «Скрипка»

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

союз і в названии должен быть условно «восстановлен» (перенесен) из дальней верхней точки экспозиционного пространства комнаты-строфы, комнаты-главы поэмы Каменского.

Рис. 8. П. Пикассо «Флейта и скрипка»

Надо полагать, что картина Пикассо «Флейта и скрипка» должна была оказаться созвучной эстетике Каменского, дробящего свои футуристические — «железобетонные» — поэмы на отдельные фрагменты, ячейки, сегменты, плоскости. Может быть, в большей мере, чем другие, «Флейта и скрипка» отражает и «иллюстрирует» поэтическую манеру самого Каменского.

Условно «на той же стене» комнаты-строфы Каменский выделяет натюрморт Пикассо «ЧЕРЕП», если быть точнее — «Композицию с черепом» (1908) (рис. 9), которая действительно входила в собрание С. И. Щукина и размещалась невдалеке от «Испанки с острова Майорка» (судя по фото ГМИИ — действительно на соседней стене).

Замысел картины Пикассо специалисты связывают с самоубийством немецкого художника Карла-Хайнца Вигельса, как и Пикассо, проживавшего

CC BY

в знаменитом общежитии художников Бато-Лавуар на Монмартре. Однако, как любое произведение искусства, полотно порождало более широкие и свободные ассоциации — тема творчества (рамы, палитра, кисти художника), знание (книги, курительная трубка), обыденная жизнь (чашка кофе на столе) и пугающий символ бренности и краткости человеческого существования (череп в центре натюрморта). Для творчества Каменского не была характерна тема смерти, но и в его произведениях можно найти ее отзвуки. Образ (мотив) смерти через живопись Пикассо входит и в его поэму.

Рис. 9. П. Пикассо «Композиция с черепом»

Наконец, еще одно полотно в картинном зале Пикассо — «КУ Панье» («Купание») (1908) (рис. 10). Известно, что работа входила в цикл полотен Пикассо, изображавших обнажённых женщин на открытом воздухе, когда стихии природы (вода, воздух, земля) словно бы вбирают в себя, растворяют в себе тела молодых героинь-купальщиц. Очевидно, что Каменскому, поэту и авиатору, была близка идея растворения в пространстве, слияния с простором неба или воды (как в данном случае).

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Рис. 10. П. Пикассо «Купание»

Обилие работ Пикассо, которые предложил к рассмотрению-вычитыванию в поэме Каменский, может допустить еще одну интерпретацию тех букв, слогов, частей слова, которые оказались в едином пространстве зала Пикассо. Как вариант, корень «ФУТУР», на который уже было обращено внимание ранее, может быть констатацией того факта, что за Пикассо и его полотнами (по Каменскому) — будущее, футур, futurum.

Вихревое движение поэмы (как и ее условного топографического плана-сюжета) переводит зрителя в следующее помещение (сегмент, главу) — зал Клода МОНЕ. В собрании Щукина было 13 работ Моне, в том числе «Завтрак на траве» (1865—66), «Дама в саду Сент-Андресс» (1867), «Поле маков» (1886), «Сирень на солнце» (1872—73), «Скалы в Бель-Иль (Пирамиды Порт-Котон. Бурное море)» (1886), «Стог сена около Живерни» (1889), «Руанский собор в полдень (Портал и башня д'Албань)» (1894), «Руанский собор. Закат» (1894), «На крутых берегах близ Дьеппа» (1897), «Белые кувшинки» (1899), «Городок Ветейль» (1901), «Мост Ватерлоо. Эффект тумана» (1903), «Чайки. Река Темза в Лондоне. Здание парламента» (1904).

В строфе Каменского над именем Моне — выше других лексем — стоит слово «ЧАЙКИ», образно отсылая, вероятнее всего, к одной из самых удивительных импрессионистических картин Моне щукинского собрания: «Чайки. Река Темза в Лондоне. Здание парламента» (рис. 11). Можно понять, чем объясняется акцент футуриста Каменского: на картине Моне

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

главным объектом оказывается лондонский сиреневый туман, когда на полотне вода Темзы едва означена несколькими горизонтальными мазками, чуть различимы растушеванные очертания здания британского парламента, как некоего сказочно синеющего готического замка, а передний план картины занимают чайки, мечущиеся над водой Темзы и на фоне тумана чуть более всего остального видимые и реальные.

Рис. 11. К. Моне. «Чайки. Река Темза в Лондоне. Здание парламента»

Воссоздание на живописной картине не сцены, а впечатления, едва уловимого и готового исчезнуть, не сюжета, а настроения должно было поразить поэта Каменского, взыскующего для себя новые изобразительные формы нового искусства.

Акцентированное слово в зале Моне — ЦВЕТЫ. В данном случае нет необходимости предпринимать попытки поиска определенного экфрастического претекста: работы Моне обильно пронизаны цветочными мотивами и образами, будь то знаменитая «Дама в саду Сент-Андресс», «Сирень на солнце», «Поле маков» и др.

Чуть правее и ниже в зале Моне запись Каменского: «фрукты / дня / вино / плоды». Контекст приведенных лексем наводит на ассоциацию к «Завтраку на траве» (рис. 12), где Моне воссоздает сцену пикника с участием нескольких мужчин и женщин, расположившихся на небольшой полянке среди деревьев.

Между персонажами— в центре картины — на траве расстелена скатерть с фруктами, вином, закусками. Атмосферу картины создает ощущение начала нового дня. Моне увлечен изображением героев на открытом воздухе, эффектом присутствия естественного природного воздушного

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Рис. 12. К. Моне «Завтрак на траве»

пространства, его чистоты и свежести. Художника привлекает не выписывание бытовых конкретных деталей, но запечатление свободными мазками игры света и тени, дробление солнечных лучей в листве деревьев, их отражение на светлых платьях дам и белоснежной скатерти на траве.

Импрессионистическая манера, лишенная необходимости выписывания реалистических деталей, не могла не привлечь внимание Каменского. Эллиптическая композиция полотна замыкает пространство, находя поддержку в форме скругленных кринолинов сидящих на траве дам. Изображение солнца, пробивающегося сквозь ветви деревьев и пронизывающего листву, получает продолжение и утверждение в линиях платьев стоящих дам и в положении мужчины, прилегшего на земле. Игра света и тени Моне зафиксирована Каменским в парах возможных сопоставлений: «ТЕНЬ ДНЯ» или «ТЕНЬ (=) ДРАПРИ» (в преддверии более позднего брюсовского «Крыма» (1924) с его «Кипарисов тени — драпри[1]»).

Между тем видимый реалистический нарратив картины Моне словно бы инициирует появление в поэме Каменского соседства низвергающих слов МОНЕ НЕТ, будто бы сдерживая восхищение поэта («ПЛОДЫ МОНЕ при мне») и одновременно свидетельствуя о том, что он выбирает иной путь — более близкий Пикассо (вспомним на входе «Пикассомной»).

Маленькую главку-комнату рядом с залом Моне в поэме Каменского составляют «МАСКА / ПОЭМА / РОЯЛЬ / Я ЛЬ». «Маска», вероятно, может быть одной из масок в коллекции С. И. Щукина; «поэма» — обозна-

1 Ср.: *драпри* (франц.) — драпировка, занавес [Словарь ..., 1999].

CC BY

чение жанра «железобетонного текста» Каменского. При этом зал Моне в доме С. И. Щукина, как свидетельствуют документы, назывался «Музыкальной гостиной», вероятно, потому у Каменского появляется слово «РОЯЛЬ», словно бы стоящий в алькове.

Неконтурированная фабула поэмы Каменского приводит в следующий большой зал дворца С. И. Щукина (еще одну главу поэмы Каменского) — зал «СЕЗАНН». Номера и номера (множество и множество) картин художника («№ № № №») *понятны* лирическому герою, условному посетителю — в тексте поэмы значится: «ОСТАЛСЯ ПОНЯТНЫМ СЕЗАНН».

В собрании С. И. Щукина было несколько полотен Поля Сезанна, среди них «Букет цветов в голубой вазе» (1873—75), «Автопортрет» (ок. 1875), «Натюрморт с фруктами» (1879/80), «Пьеро и Арлекин» (1890), «Человек, курящий трубку» (1892), «Акведук» (ок. 1900), «Дама в голубом платье» (1900—04), «Пейзаж в Эксе (Гора св. Виктории)» (ок. 1906), «Гора Сент Виктуар» (1906).

Для Каменского (как и для других представителей первого русского авангарда) имя Сезанна было культовым и связывалось с истоками и основами современного европейского (и как следствие — русского) искусства. На внимании и любви к Сезанну выросла целая плеяда так называемых русских «сезаннистов» [Турчинская, 2013, с. 131], в том числе объединение «Бубновый валет», в выставках которого принимал участие Каменский. Неслучайно на одной из знаменитых художественных работ Ильи Машкова «Автопортрет и портрет Петра Кончаловского», ставшей своеобразной визитной карточкой объединения «Бубновый валет» (и одноименной выставки), имя Сезанна декларационно значится рядом с Библией. Пластические решения, предложенные (пост)импрессионистом Сезанном, были близки и *понятны* участниками «Бубнового валета».

В работах Сезанна один из наиболее известных и привычных образов-символов — гора св. Виктории, в живописном изображении которой художник прославлял свой родной Прованс (рис. 13). Живя в окрестностях горы Сент-Виктуар, вдохновляясь игрой света и цвета на ее склонах, Сезанн изобразил ее на своих полотнах более 80 раз. Если ранние работы Сезанна с горой Сент-Виктуар были в большей или меньшей мере реалистичны, то для поздних работ Сезанна характерно стремление к упрощению и структурности, сведение конкретного пейзажа к условным формам, обращение к особой перспективе или ее слому. По утверждению искусствоведа В. Власова, художник «настолько сильно ощущал глубину изобразительного пространства, что дальний план в его пейзажных этюдах как бы выдвигался вперёд <…> Это была новая, более сложная, чем классическая, созданная в эпоху Возрождения, перспектива живописи, отчасти

CC BY

возвращающая наше восприятие к пространству византийской иконописи и готики» [Власов, 2008, с. 309].

На поздних полотнах Сезанна образ горы св. Виктории практически распадается на кубы и квадраты, на отдельные мазки, обозначая движение искусства к кубизму и абстракции, см.: [Фоконье, 2011].

Рис. 13. П. Сезанн «Гора Сент Виктуар»

В поэме Каменского в зале Сезанна приведено словосочетание «ГОРА СВ ИОАН», не пересекающееся впрямую с названием картины французского постимпрессиониста, но известная множественность образа ГОРЫ в работах Сезанна подсказывает ее присутствие в собрании С. И. Щукина.

Словосочетание «ГОЛУБОЕ ПЛАТЬЕ» и слово «ДАМЫ-МЫ» у Каменского заставляют апеллировать к работе Сезанна «Дама в голубом платье» (рис. 14), а «ФРУКТЫ-ТЫ» — к «Натюрморту с фруктами» (рис. 15) из щукинского собрания.

Обращают на себя внимание постфиксы «ДАМЫ-МЫ» и «ФРУКТЫ-ТЫ», которые словно бы указывают на некий диалог между *мы* и *ты*. И этот *реальный* диалог действительно происходил.

Дело в том, что Сезанн создал множество натюрмортов. Художник выстраивал их детально и тщательно. Как правило, они были маркированы особыми четкими геометриями и ощутимой предметностью. Живописная

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Рис. 14. П. Сезанн «Дама в голубом платье»

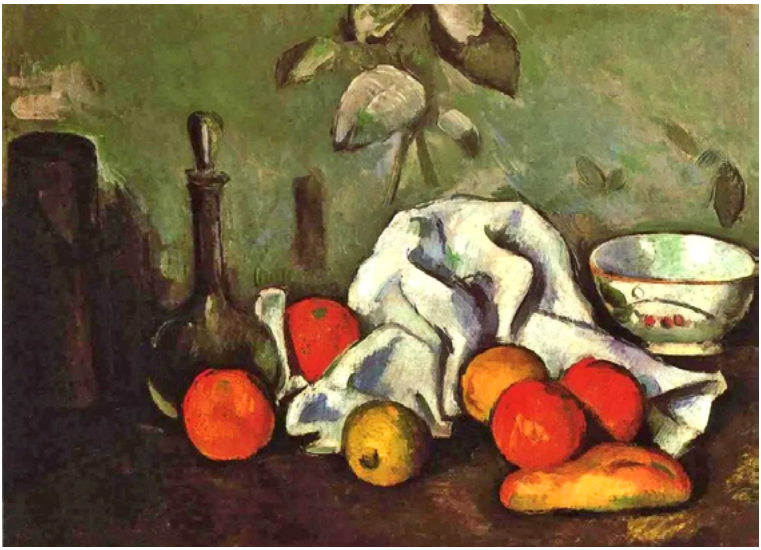


Рис. 15. П. Сезанн «Натюрморт с фруктами»

CC BY

лепка форм и материальность его лаконичных натюрмортов — особенно на фоне присутствия белого сезанновского цвета — узнаваема. На щукинском полотне «Натюрморт с фруктами» Сезанном изображены любимые им яркие оранжевые апельсины и желтые лимоны, выделенность которых акцентирована белой салфеткой, оставшейся на столе. Чуть сдвинуты вглубь в зону антуража графин темного зеленого стекла и небольшая светлая мисочка.

Надо вспомнить, что сезанновские геометрии, как и игра с белым цветом, оказали ощутимое влияние на многих русских авангардистов начала XX века (П. Кончаловский, А. Лентулов, А. Куприн и др.), но среди них особо выделялся Илья Машков. **О**дин из основателей художественного объединения «Бубновый валет» и его активный участник, в отдельных работах Машков буквально следовал Сезанну, заявляя о нем как о своем учителе. Так, у Машкова известен «диалогический» натюрморт, выстроенный буквально цветами и геометриями Сезанна, — «Синие сливы (Фрукты на блюде)» (1910).

На картине «Синие сливы» авангардист изобразил сочные яркие фрукты с выразительной черной обводкой. Белая скатерть на столе (подобно Сезанну) превращена в нейтральный сероватый фон, на котором яркие контуры плодов — яблок, слив, персиков, лимона — особенно эффектны и объемны. Натюрморт Машкова не рассыпается и не расползается, так как изображенные фрукты подчинены сезанновским геометриям — в частности, острому углу покрытого светлой скатертью стола, ограничивающего изображение сверху, но еще более — белому эллипсу, созданному краями белого блюда, на котором и вокруг которого выложены сливы, персики, яблоки, лимон. В натюрморте «Синие сливы» Машков, вслед за Сезанном, старается передать осязаемость фруктов, их природную материальность, но воспроизводит не реальный цвет натуры, но кричащие броские оттенки ярких синего, оранжевого, лилового.

Нет сомнения, что Каменский был знаком с работой бубнововалетца Машкова, потому его диалогические «-МЫ» и «-ТЫ» могли — в целом — символизировать ученичество русского авангарда, преемственность «мы» в отношении к «ты», но могли подсказывать и конкретные переклички Сезанна и русских сезаннистов. Каменский словно бы подчеркивал *традицию* авангардного текста.

Наконец, последнюю часть поэмы составляет еще одна главка — замкнутое на поле дворца пространство, отделенное от всех других помещений: «прохода» в это пространство на «плане» нет.

По всей видимости, эта часть поэмы Каменского представляет собой итог, завершение, торжественный пафос увиденного и общее ощущение роли авангарда в мире — потому выделены слова «МИРА ЗАПАХ // ЗАПАХ МИРА». Каменский подводит итог, и здесь соседствуют слова «ВОЗ-

ДУХ / ЦВЕТ / СВЕТ» и рядом «СЛОВА / КРАСКИ / МУЗЫКА». Как и в прежних пространствах (как и в творчестве авангардистов), одиночные слова допускают разнообразные парные взаимодействия: воздух слова, цвет краски, свет музыки, — но одновременно и новые пересечения: воздух, свет, цвет, которые находят отражение в словах, в красках, в музыке. В любом случае — «ПУТЬ ОДИН», надо полагать, торжествующий и прославляемый поэтом путь к новым формам и новым открытиям молодого футуристического искусства.

Благодаря Каменскому «дворец С. И. Щукина» превратился в «КАРТИН ДВОРЕЦ // ДВОРЕЦ КАРТИН С. И. Щукина», рядом с этими словами читаются буквы «і я», словно бы встраивающие лирического героя в пространство дома-поэмы, эксплицируя традиционную «вечную» тему искусства — «творец и его творчество».

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, можно заключить, что в поэме «Дворец картин С. И. Щукина» Каменский-футурист попытался *по-новому* рассказать об увиденном, своеобразно оценить щукинское редкое собрание, особым образом выстроить сюжет экскурсии-посещения, графически-картографическим способом выявить композицию повествования-поэмы. Каменский описал дворец, его гостиные, кабинет, лестницу, даже выход на балкон, рассказал о хозяине дворца, удивительном и талантливом собирателе-любителе, купце-меценате С. И. Щукине, педставил реципиенту богатейшую щукинскую коллекцию картин французского авангарда рубежа веков, прокомментировал лучшие, с его (или С. И. Щукина) точки зрения, живописные работы французских импрессионистов и постимпрессионистов. Он выразил свое отношение к французским художникам-авангардистам: «ПИКАССОМНОЙ», «МОНЕ НЕТ», «СЕЗАНН остался понятным» (и др.). Автор определил перспективу восприятия авангарда — «ПУТЬ ОДИН». И все это Каменский осуществил на одной страничке небольшого по объему издания, тем самым демонстрируя колоссальные возможности визуального текста, новой формы русского авангардного искусства начала XX века.

Заинтересованный читатель мог без особого труда постичь содержание «железобетонной поэмы» Василия Каменского, с восхищением осознавая новые возможности, которые предлагал русский авангард на пути следования открытиям прогрессивного западного искусства и порождения новых явлений отечественной природы.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Виртуальная* экскурсия по особняку С. И. Щукина [Электронный ресурс]. — 2020. — Режим доступа : https://galik-123.livejournal.com/608558.html (дата обращения 24.04.2025).

2. *Каменский В.* Его-моя биография великого футуриста / В. Каменский. — Москва : Китоврас, 1918. — 228 с.

3. *Каменский В.* Нагой среди одетых / В. Каменский, А. Кравцов. — Москва : Издание русских футуристов, 1914. — 36 с.

4. *Каменский В.* Танго с коровами. Железобетонные поэмы / В. Каменский ; рис. В. и Д. Бурлюков. — Москва : Издание Д. Д. Бурлюка — издателя 1-го журнала русских футуристов, 1914. — 18 с.

5. *Коллекция* Сергея Ивановича Щукина — картины, которые вызывали потрясение [Электронный ресурс]. — 2020. — Режим доступа : https://dzen.ru/a/X9PADAuCUQr1RrAh?ysclid=m9i6sesmy366235927 (дата обращения 25.04.2025).

6. *Словарь* русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. — Москва : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999. — Т. 1. — 702 с. — ISBN 5-200-02672-5.

7. *№ 4.* Выставка картин. Футуристы, лучисты, примитив. [Каталог]. — Москва : [б. и.], 1914. — 12 с.

Литература

1. *Бирюков С. Е.* Зевгма. Русская поэзия от маньеризма до постмодернизма : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 ; 10.01.08 С. Е. Бирюков. — Москва, 1994. — 20 с.

2. *Богданова О. В.* К вопросу о наследии культур (первый и второй авангард, футуризм и концептуализм) / О. В. Богданова // Вопросы культурологии. — 2025. — Т. XX. — № 5. — С. 397—417. — DOI:10.33920/nik-01-2505-02.

3. *Власкина Ю.* Сергей Щукин [Электронный ресурс] / Ю. Власкина. — 2015. — Режим доступа : https: // artchive.ru/artworkers/684~Sergej_SCHukin#show-work://377680 (дата обращения 26.04.2025).

4. *Власов В. Г.* Сезанн Поль / В. Г. Власов // Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства. — Санкт-Петербург : Азбука-Классика, 2008. — Т. 8. — С. 308—310.

5. *Галечьян В. А.* Визуальная поэзия / В. А. Галечьян. — Москва : Московский союз литераторов, 2023. — 84 с. — ISBN 978-5-91696-060-0.

6. *Гаспаров М. Л.* Русский стих начала XX века в комментариях / М. Л. Гаспаров. — Москва : Фортуна Лимитед, 2001. — 288 с. — ISBN 5-85695-023-2.

7. *Гик Ю.* Визуальная поэзия. Теория и практика [Электронный ресурс] / Ю. Гик // Черновик. — 2004. — № 19. — Режим доступа : https://reading-hall.ru/publication.php?id=12664 (дата обращения 26.04.2025).

8. *Жилене Е. С.* Московский концептуализм в единстве и многообразии / Е. С. Жилене. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2024. — 308 с. — ISBN 978-5-4469-2259-8.

9. *Казарина Т. В.* Три эпохи русского литературного авангарда (эволюция эстетических принципов) : автореферат диссертации … доктора филологических наук : 10.01.01 / Т. В. Казарина — Самара, 2005. — 38 с.

10. *Кулаков Вл.* Визуальность в современной поэзии : минимализм и максимализм / Вл. Кулаков // НЛО. — 1995. — № 16. — С. 253—257.

11. *Кучина С. А.* Кинетические электронные поэтические тексты : структура и лексико-стилистические особенности / С. А. Кучина // Научный диалог. — 2016. — Выпуск 10 (58). — С. 157—169.

12. *Марков В. Ф.* История русского футуризма / В. Ф. Марков ; пер. с англ. В. Кучерявкина, Б. Останина. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2000. — 438 с. — ISBN 5-89329-274-X.

13. *Орлицкий Ю. Б.* Визуальный компонент в современной русской поэзии / Ю. Орлицкий // НЛО. — 1995. — № 16. — С. 181—192.

14. *Спасский С.* Маяковский и его спутники. Воспоминания / С. Спасский. — Москва : Сов. писатель, 1940. — 159 с.

15. *Суховей Д. А.* Графика современной русской поэзии : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.01 / Д. А. Суховей. — Санкт-Петербург, 2008. — 27 с.

16. *Тернова Т. А.* Универсалии цивилизации в литературе русского авангарда первой трети XX века / Т. А. Тернова. — Воронеж : Изд. дом ВГУ, 2025. — 190 с. — ISBN 978-5-9273-4149-8.

17. *Турчинская Е. Ю.* Сезаннизм и отечественная живопись XX века / Е. Ю. Турчинская // Научные труды Санкт-Петербургской академии художеств. — 2013. — № 24. — С. 131—136.

18. *Фоконье Б.* Сезанн / Б. Фоконье ; пер. с фр. и комм. И. А. Сосфеновой. — Москва : Молодая гвардия, 2011. — 314 с. — ISBN 978-5-235-03444-0.

Статья поступила в редакцию 02.06.2025,
одобрена после рецензирования 24.06.2025,
подготовлена к публикации 12.07.2025.

Material resources

Evgenieva, A. P. (ed.). (1999). *Dictionary of the Russian language: in 4 volumes, 1.* Moscow: Russian Language; Polygraph Resources. 702 p. ISBN 5-200-02672-5. (In Russ.).

Kamensky, V. (1914). *Tango with cows. Reinforced concrete poems.* Moscow: Edition of D. D. Burliuk, publisher of the 1st journal of Russian Futurists. 18 p. (In Russ.).

Kamensky, V. (1918). *His-my biography of the great futurist.* Moscow: Kitovras Publ. 228 p. (In Russ.).

Kamensky, V., Kravtsov, A. (1914). *Naked among the clothed.* Moscow: Publishing House of Russian Futurists. 36 p. (In Russ.).

Sergei Ivanovich Shchukin's collection — paintings that caused shock. (2020). Available at: https://dzen.ru/a/X9PADAuCUQr1RrAh?ysclid=m9i6sesmy366235927 (accessed 25.04.2025). (In Russ.).

Virtual tour of S. I. Shchukin's mansion. (2020). Available at: https://galik-123.livejournal.com/608558.html (accessed 24.04.2025). (In Russ.).

№ 4. Exhibition of paintings. Futurists, rayists, primitive. [Catalog]. (1914). Moscow: [b. i.]. 12 p. (In Russ.).

References

Biryukov, S. E. (1994). *Zevgma. Russian poetry from Mannerism to postmodernism.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow, 1994. — 20 p. (In Russ.).

Bogdanova, O. V. (2025). On the issue of cultural heritage (the first and second avant-garde, futurism and conceptualism). *Questions of cultural studies, XX (5):* 397—417. DOI:10.33920/nik-01-2505-02. (In Russ.).

Fauconnier, B. (2011). *Cezanne.* Moscow: Molodaya Gvardiya Publ. 314 p. ISBN 978-5-235-03444-0. (In Russ.).

Galechyan, V. A. (2023). *Visual poetry.* Moscow: Moscow Union of Writers. 84 p. ISBN 978-5-91696-060-0. (In Russ.).

Gasparov, M. L. (2001). *Russian verse of the early twentieth century in the comments*. Moscow: Fortuna Limited. 288 p. ISBN 5-85695-023-2. (In Russ.).

Gik, Yu. (2004). Visual poetry. Theory and practice. *Draft, 19.* Available at: https://reading-hall.ru/publication.php?id=12664 (accessed 26.04.2025). (In Russ.).

Kazarina, T. V. (2005). *Three epochs of the Russian literary avant-garde (the evolution of aesthetic principles).* Author's abstract of Doct. Diss. Samara. 38 p. (In Russ.).

Kuchina, S. A. (2016). Kinetic Electronic Poetic Texts: Structure and Lexical-Stylistic Features. *Nauchnyy dialog, 10 (58):* 157—169. (In Russ.).

Kulakov, V. V. (1995). Visual in modern poetry: minimalism and maximalism. *UFO, 16:* 253—257. (In Russ.).

Markov, V. F. (2000). *The history of Russian Futurism.* Saint Petersburg: Aleteya. 438 p. ISBN 5-89329-274-X. (In Russ.).

Orlitsky, Yu. B. (1995). The visual component in modern Russian poetry. *UFOs, 16:* 181—192. (In Russ.).

Spassky, S. (1940). *Mayakovsky and his companions. Memoirs.* Moscow: Soviet writer. 159 p. (In Russ.).

Sukhovey, D. A. (2008). *Graphics of modern Russian poetry.* Author's abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 27 p. (In Russ.).

Ternova, T. A. (2025). *Universals of civilization in the literature of the Russian avant-garde of the first third of the twentieth century.* Voronezh: VSU Publishing House. 190 p. ISBN 978-5-9273-4149-8. (In Russ.).

Turchinskaya, E. Y. (2013). Cezannism and Russian painting of the twentieth century. *Scientific Papers of the St. Petersburg Academy of Arts, 24:* 131—136. (In Russ.).

Vlaskina, Yu. (2015). *Sergey Shchukin.* Available at: https://artchive.ru/artworkers/684~Sergej_SCHukin#show-work://377680 (accessed 26.04.2025). (In Russ.).

Vlasov, V. G. (2008). Cezanne Paul. In: *New Encyclopedic Dictionary of Fine Art, 8.* Saint Petersburg: ABC Classics. 308—310. (In Russ.).

Zhilene, E. S. (2024). *Moscow conceptualism in unity and diversity.* Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. 308 p. ISBN 978-5-4469-2259-8. (In Russ.).

The article was submitted 02.06.2025;
approved after reviewing 24.06.2025;
accepted for publication 12.07.2025.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Дубровская С. А. М. М. Бахтин и литературная жизнь национальных окраин / С. А. Дубровская, Е. Г. Маслова, Лю Хуэй // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 6. — С. 275—299. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-275-299.

Dubrovskaya, S. A., Maslova, E. G., Liu Hui. (2025). Mikhail Bakhtin and Literary Life of Remote National Territories. *Nauchnyi dialog, 14* (6): 275-299. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-275-299. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

М. М. Бахтин и литературная жизнь национальных окраин

Дубровская Светлана Анатольевна [1]
orcid.org/0000-0002-5660-8977
доктор филологических наук, доцент,
кафедра русского языка
как иностранного,
корреспондирующий автор
s.dubrovskaya@bk.ru

Маслова Елизавета Геннадьевна [2]
orcid.org/0000-0002-4196-2594
кандидат филологических наук
кафедра иностранных языков № 1
maslova.eg@rea.ru

Лю Хуэй [3]
orcid.org/0009-0003-6281-9169
кандидат филологических наук,
доцент
liuhui-wtu@qq.com

[1] Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия)

[2] Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова (Москва, Россия)

[3] Уханьский текстильный университет (Ухань, Китай)

Mikhail Bakhtin and Literary Life of Remote National Territories

Svetlana A. Dubrovskaya [1]
orcid.org/0000-0002-5660-8977
Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Russian
as a Foreign Language,
corresponding author
s.dubrovskaya@bk.ru

Elizaveta G. Maslova [2]
orcid.org/0000-0002-4196-2594
PhD in Philology,
Department of Foreign Languages № 1
maslova.eg@rea.ru

Liu Hui [3]
orcid.org/0009-0003-6281-9169
PhD in Philology, Associate Professor
liuhui-wtu@qq.com

[1] National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia)

[2] Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia)

[3] Wuhan Textile University (Wuhan, China)

© Дубровская С. А., Маслова Е. Г., Лю Хуэй, 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Актуальность исследования обусловлена необходимостью рассмотрения эпизодов научной биографии М. М. Бахтина в новых контекстах, в частности сквозь призму постколониального подхода. В статье доказывается продуктивность интеграции традиционной историко-биографической парадигмы и приемов постимперской / неимперской интерпретации. На малоисследованном материале пребывания М. М. Бахтина в Кустанае и в Саранске в 1930-е годы авторы прослеживают процесс постижения ученым жизни национальных окраин и выявляют приметы отражения этого опыта в его работах. Указывается, что возвращение М. М. Бахтина в Саранск в 1945 году соответствует вектору — от «метрополии культуры» к «провинции опыта». Как показывают цитируемые архивные документы, воспоминания современников, местная периодика, Бахтин становится одной из центральных фигур не только педагогической, но и литературной и культурной жизни Мордовии. С его именем связано проведение различных мероприятий — от совместных заседаний возглавляемой им кафедры и представителей Союза писателей Мордовской АССР до многочисленных семинаров с выступлениями перед молодыми литераторами, мордовскими писателями, актерами драматического театра и др. Особое внимание в статье уделено ранее неизвестным фактам творческого сотрудничества М. М. Бахтина и драматурга Г. Я. Меркушкина во время работы над пьесой последнего «Дорогой жизни».

Ключевые слова:
Михаил Бахтин; постколониальные исследования; национальные окраины; научная биография; архив; литературная жизнь.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The relevance of this study is underscored by the necessity to examine episodes from M. M. Bakhtin's scholarly biography within new contexts, particularly through the lens of postcolonial theory. This article demonstrates the productivity of integrating traditional historical-biographical paradigms with post-imperial/non-imperial interpretative methods. Utilizing under-researched materials from Bakhtin's time in Kustanai and Saransk during the 1930s, the authors trace the scholar's engagement with the life of national peripheries and identify traces of this experience in his works. It is noted that Bakhtin's return to Saransk in 1945 aligns with a trajectory from the “metropolis of culture” to the “province of experience.” As evidenced by cited archival documents, contemporaneous accounts, and local periodicals, Bakhtin emerges as a central figure not only in the pedagogical but also in the literary and cultural life of Mordovia. His name is associated with various activities — ranging from joint meetings with his department and representatives of the Writers' Union of the Mordovian ASSR to numerous seminars featuring talks with young writers, Mordovian authors, dramatic theater actors, and others. Special attention is given to previously unknown facts regarding Bakhtin's creative collaboration with playwright G. Ya. Merkushkin during the latter's work on the play “The Road of Life.”

Key words:
Mikhail Bakhtin; postcolonial studies; national peripheries; scholarly biography; archives; literary life.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.161.1Бахтин.06+929Бахтин+82(091)“193/196”
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-275-299

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации
5.9.3. Теория литературы

М. М. Бахтин и литературная жизнь национальных окраин

© Дубровская С. А., Маслова Е. Г., Лю Хуэй, 2025

1. Введение = Introduction

Освоение научного наследия выдающегося мыслителя, литературоведа и философа М. М. Бахтина в последние десятилетия показало возможность самых разных подходов к его изучению и оценке [Махлин, 2025; Hirschkop, 2021]. Среди ключевых вопросов современного бахтиноведения — реконструкция научной биографии М. М. Бахтина, работа с вновь обнаруженными архивными материалами, уточнение и выявление источников, восстановление научных контекстов [Дубровская и др., 2025; Махлин, 2024; Николаев, 2024; Николаев, 2025; Осовский и др., 2023; Popova, 2024; Tihanov, 2019].

Один из важнейших вопросов — возможность диалога между Бахтиным-мыслителем и осваивающими его наследие новыми направлениями гуманитаристики (см.: [Bakhtin in the Fullness of Time …, 2020; Understanding Bakhtin …, 2024]).

На этом фоне особый интерес представляют сегодняшние интерпретации теории Бахтина с точки зрения постколониальных и постимперских исследований, в целом вполне успешно адаптирующих категории «полифония», «диалог», «карнавализация», «вненаходимость», «другость» и др. применительно к новым культурным, политическим и социально-экономическим реалиям так называемого «третьего мира». Интеграция постколониальных исследований в общий дискурс отечественной гуманитарной мысли в 1990—2020-е годы прошла более чем успешно. И рассмотрение в этом контексте судеб российской и советской империи, процесса превращения национальных окраин в самостоятельные субъекты политического и культурного строительства оказалось достаточно плодотворным (см.: [От редакции ..., 2024]).

Сегодня происходит процесс дальнейшей разработки проблемного пространства и терминологического поля постколониальных исследований в России, в результате чего актуализируются новые категории, в част-

CC BY

ности понятие неимперского как своего рода альтернативы имперскому и постимперскому. В связи с этим И. Калинин справедливо отмечает: «Описания общества и культуры в последние десятилетия переживают очередную реактуализацию характерного способа структурирования своего поля через линии напряжений и неравенств, прочерченные между центром и периферией, метрополией и провинцией, империей и колонией, каноном и дискурсивной окраиной. При этом неуклонно расширяется и область обнажения этих напряжений. Через эту иерархическую топику описывают уже не только географические, политические, экономические распределения власти, обращенные к расе, нации, классу или гендеру <…> Ареал распространения этих модусов описания покрывает и бывшие империи, и бывшие колонии» [Калинин, 2025, с. 15].

Важнейшей проблемой современного бахтиноведения представляется корреляция двух образов Бахтина. С одной стороны, это принадлежащая истории мировой науки и культуры XX века личность, чье наследие почти исчерпывающе описывается формулой «диалог, карнавал, хронотоп». С другой — Бахтин — реальный человек со своей биографией, прояснение отдельных моментов которой позволяет отчетливее представить причины возникновения тех или иных идей, понять процесс восприятия им окружающей реальности и трансформации конкретики повседневности в элементы его теории.

Цель нашей статьи заключается в том, чтобы соотнести отдельные эпизоды биографии М. М. Бахтина, связанные с его участием в литературной и культурной жизни условных «национальных окраин» (от Кустаная до Саранска), с уже сложившейся традицией его «постколониальных» интерпретаций, внести в них необходимые коррективы и предложить более точную картину его интеллектуального присутствия в пространстве национальных регионов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В качестве материала в нашей статье используются факты биографии Бахтина, связанные с его пребыванием в различных регионах Российской империи и СССР, архивные документы, воспоминания современников, газетно-журнальная периодика и др. Важнейшее место в подготовке статьи заняла работа авторов в столичных и региональных архивах (РГАЛИ, ЦГА РМ), отделах рукописей Российской государственной библиотеки и Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук, с собранием изданий из личной библиотеки М. М. Бахтина, в настоящее время находящимся в Национальной библиотеке им. А. С. Пушкина Республики Мордовия и Центре М. М. Бахтина Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва.

CC BY

Введение в научный оборот и детальный анализ этих документов обеспечивают достоверность предлагаемой статьи и определяют необходимость используемых в ней подходов и методов. В связи с последним укажем на принципиальную междисциплинарность нашего исследования, сочетающего традиционные методы академического литературоведения (биографический, сравнительно-исторический, социокультурный, текстологический) с современными приемами интеллектуальной истории, элементами постколониальных и постимперских штудий. Основная задача — представить ряд эпизодов биографии Бахтина в постколониальном контексте, в частности в период его пребывания в регионах, где распад Российской империи и возникновение нового советского (преимущественно постколониального и постимперского) дискурса стали особенно очевидными.

Литература о М. М. Бахтине настолько обширна, что практически не поддается учету [Осовский и др., 2021]. Укажем на наиболее важные труды, не утратившие своего значения до сегодняшнего времени. Это прежде всего опыты биографии Бахтина, создававшиеся усилиями К. Кларк и М. Холквиста [Clark et al., 1984], С. С. и Л. С. Конкиных [Конкин и др., 1993], Н. А. Панькова [Паньков, 2009]; фундаментальные труды Л. А. Гоготишвили [Гоготишвили, 2006], В. Л. Махлина [Махлин, 2015], И. В. Поповой [Попова, 2009], Г.-С. Морсона [Morson et al., 1990], К. Эмерсон [Эмерсон, 2020], посвященные важнейшим аспектам научного наследия М. М. Бахтина; многочисленные публикации по бахтинской тематике Н. И. Николаева [Николаев, 2017; Николаев, 2023; Николаев, 2024; Николаев, 2025], И. В. Пешкова [Пешков, 2020; Пешков, 2022], В. И. Тюпы [Тюпа, 2021], К. Брэндиста [The Bakhtin Circle…, 2004], Г. Тиханова [Tihanov, 2019], К. Хиршкопа [Hirschkop, 2021]. Большое значение имели издание собрания сочинений М. М. Бахтина и комментарий к нему [Бахтин, 1996, с. 379—680; Бахтин, 2000, с. 428—758; Бахтин, 2002, с. 466—731; Бахтин, 2003, с. 343—878; Бахтин, 2008, с. 831—1119; Бахтин, 2010, с. 522—696; Бахтин, 2012, с. 713—858].

Особую страницу в этом контексте представляет обращение к различным аспектам бахтинской теории сквозь призму постколониальных исследований. Эта практика берет свое начало в конце 1980-х годов, что совпало с заметным ростом постколониальных и постимперских исследований и последующим расцветом бахтинистики [Bakhtin …, 1989; Young, 1995, Zbinden, 2006; Brandist, 2018].

Синтез идей Бахтина и постколониальной теории можно определить как очевидный и вполне логичный. Действительно, сама идея полифонии, сформулированная Бахтиным во второй половине 1920-х годов, как нельзя лучше соответствовала новой форме интерпретации постколониальной

CC BY

литературы — от монологизма, авторитарности и тоталитаризма колониального дискурса к разнообразию и полифонии постколониального литературного сознания, от монолога «белой власти» к диалогу и полифонии формирующихся и освобождающихся культур.

Реплика из «Слова в романе» о «сосуществовании социально-идеологических противоречий между настоящим и прошлым» [Бахтин, 2012, с. 44] не только обрела новые смыслы в постколониальном контексте, но и стала своего рода методологическим постулатом. Многоголосие романа, по мнению Бахтина, возникло из множества национальных культур и пространств, позволивших народам, преодолевшим колониальное прошлое, обрести собственный язык.

Важность теории Бахтина для постколониальных исследований подтверждается многочисленными публикациями в разных странах мира (см., например: [Young, 2016; Gradskova et al., 2017; Brandist, 2018]).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. От центра к окраинам: национальная провинция в жизни М. М. Бахтина в 1930-е годы

Размышляя о колониальном и постколониальном аспектах биографии М. М. Бахтина, отметим прежде всего присущий его жизни вектор движения — от центра к периферии и обратно. В реальности это оборачивалось многочисленными переездами: в детстве — всей большой семьей, во взрослом возрасте — с неизменной спутницей Е. А. Бахтиной.

В десять лет в связи с назначением отца Бахтин переезжает из купеческого Орла на северо-западную окраину России в город Вильно, а через несколько лет по той же причине он оказывается в Одессе. И Западный край, и Черноморское побережье, как справедливо указывали К. Кларк и М. Холквист, отличались особым этническим многообразием и в какой-то степени могли способствовать формированию идей многоголосья и диалога культур [Clark et al., 1984]. Много лет спустя в беседе с В. Д. Дувакиным Бахтин подчеркнет уникальность Одессы и его жителей, явно противопоставляя их холодной отстраненности Петербурга [М. М. Бахтин: Беседы …, 2002, с. 55].

В этом контексте не менее важен и Невель, куда Бахтин отправляется из голодного Петрограда в начале 1918 года. Небольшой городок с преимущественно еврейским населением становится местом интеллектуальных экспериментов Бахтина и его друзей (М. И. Каган, Л. В. Пумпянский, В. Н. Волошинов, М. В. Юдина). Самый яркий пример — попытка постановки трагедии Софокла «Эдип в Колоне» под открытым небом силами пятисот учащихся городских и сельских школ. Ее постановщики, Бахтин и Пумпянский, были охарактеризованы в местной газете как «знатоки Элла-

CC BY

ды и Античности» [Невельский сборник …, 1996, с. 150]. Не менее примечательны попытки педагогических инноваций в местной школе (бывшей гимназии), где Бахтин и его друзья предложили целый ряд новых учебных предметов, призванных значительно расширить интеллектуальный кругозор учеников [Паньков, 1998, с. 100]. Создание по лекалам столичных кружков кантовского семинара, большая часть докладов на котором была сделана Бахтиным, еще больше способствовало росту интеллектуальных запросов местной интеллигенции, о чем говорят и дневники и письма М. В. Юдиной. О важной роли молодого мыслителя в культурной жизни Невеля, а затем и Витебска свидетельствуют его многочисленные публичные выступления на самые разные темы — от взаимоотношений религии и социализма до художественного своеобразия литературной классики и творчества современных писателей.

Возвращение Бахтина в Ленинград весной 1924 года можно воспринимать как погружение в постимперскую жизнь бывшей столицы империи. К середине 1920-х годов Петербург, превратившийся в советский Ленинград, почти полностью утратил свой «имперский лоск». К этому времени вокруг мыслителя формируется ленинградский круг Бахтина, включавший в себя не только прежних невельских и витебских собеседников (П. Н. Медведев, В. И. Волошинов, И. И. Соллертинский), но и новых знакомых (И. И. Канаев, Н. И. Конрад, М. И. Тубянский, Б. В. Залесский и др.) [Николаев, 2023].

Ощущение кризиса культуры и падения великой империи хорошо передано в романах «Козлиная песня» и «Труды и дни Свистонова» К. К. Вагинова, также входившего в круг Бахтина. Пребывание на «руинах культуры» было неотъемлемой частью самоощущения эпохи и ярким примером относительной культурной деградации интеллектуального класса бывшей империи. Для исследователя, желающего поместить Бахтина в сугубо постимперский контекст, должно показаться вполне логичным его обращение к опыту Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, как писателей, выразительно изобразивших кризис российской имперскости. Социологические оценки русской литературы XIX века, постепенно теряющей имперский ореол, без труда находятся в «Проблемах творчества Достоевского». Поворот Бахтина к социологическому дискурсу совпал с усилением его внимания к современным социальным и политическим явлениям, о чем, в частности, свидетельствует переход на язык социологического литературоведения в книге о Достоевском, статьях о Толстом и исследованиях по стилистике романа в начале 1930-х годов.

Особое значение в контексте нашей статьи имеет ссылка Бахтина в Кустанай по делу «Воскресения» в 1930 году. Кустанайский опыт Бахтина —

CC BY

первый опыт жизни на настоящей национальной окраине на территории Северного Казахстана. Впервые Бахтин оказался в месте, в отличие от Вильно, Одессы или Витебска, полностью лишенного «европейского акцента».

Спасением для Бахтина в это время стали бухгалтерские уроки отца: благодаря им он смог трудоустроиться в качестве экономиста в местном райпотребсоюзе. Одним из результатов этой работы стал самый «неожиданный» бахтинский текст — статья в журнале «Советская торговля» «Опыт изучения спроса колхозников» [Бахтин, 1934], которая принесла автору не только диплом 2-й степени от Коммунистической академии, но и солидный гонорар. В архиве Бахтина сохранилась квитанция о перечислении авторского гонорара за статью в размере 422 рублей [ОР РГБ, ф. 913, оп. 1. ед.хр. 25. л. 1]. По тем временам это была огромная сумма, поскольку в полтора раза превышала месячную зарплату [М. М. Бахтин: Беседы …, 2002, с. 234—235].

Этнический состав колхозов, проанализированный в статье, сам по себе весьма примечателен: наряду с казахскими и русскими колхозами в районе присутствуют украинские и немецкие. Все это — результат национальной политики дореволюционных и первых революционных лет, когда крестьяне из Центральной России, Украины и немецкие колонисты переселялись на земли Северного Казахстана, автохтонное население которого оставалось по преимуществу кочевым. В результате политики коллективизации в Кустанайском районе было создано 70 колхозов, самыми успешными и богатыми из которых в 1933 году были украинские и немецкие. Бахтин представил в статье анализ зависимости и качества спроса на товары от уровня благосостояния колхозников, отметив «рост» культурного потребления в наиболее благополучных колхозах и крайнюю ограниченность спроса в отстающих [Бахтин, 1934, с. 118].

Можно задаться вопросом, насколько экономические исследования Бахтина в 1934 году связаны с его литературоведческими изысканиями или теми формами литературной жизни, которые в том или ином виде существовали в Кустанае. Не станем ссылаться на то, что среди приобретаемых колхозниками товаров, присутствовали книги и брошюры, а общение кустанайской интеллигенции включало обсуждение литературных новинок, не говоря уже о том, что местная печать так или иначе отражала происходившие в культуре события [Balysheva, 2019]. По крайней мере, в завершавшемся в это время «Слове в романе» Бахтин приводит отдельные примеры из современной отечественной прозы. Важнее другое: шесть лет жизни Бахтина в условиях многоязычной и поликультурной среды дали ему возможность по-новому увидеть и оценить разноречивое многоязычие

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

современной жизни, которое реально проявлялось в находившейся в процессе становления новой советской литературе.

Примечательно, что в сознании позднего Бахтина Кустанай предстает универсальным символом национальной окраины. Так, объясняя Дувакину, почему он не уехал по окончании ссылки, ученый говорил: «… мне предложили: пожалуйста, можете ехать, вот Вам список городов, где Вы не можете жить. Так я подумал, что в конце концов в Кустанае я уже живу, чего мне менять один Кустанай на другой Кустанай?» [М. М. Бахтин: Беседы …, 2002, с. 237].

Хотя в одной из автобиографий Бахтин указывал, что с «1931 года преподавал всеобщую литературу в Казпединституте в г. Кустанае» [ОР РГБ, ф. 913, оп. 3, ед. хр. 12, л. 1 об], подтверждающие это документы отсутствуют, однако точно известно, что он читал курсы для работников местной потребительской кооперации и союзного треста «Свиновод», но скорее всего это были выступления экономического характера.

Все годы ученый продолжал свои литературоведческие изыскания. Именно в Кустанае он завершил работу над «Словом в романе» и начал рукопись о Рабле.

«Смена окраин» происходит в 1936 году, когда Бахтин получил письмо от своего друга П. Н. Медведева с предложением переехать в Саранск на работу в Мордовском педагогическом институте. В середине 1930-х годов Саранск, бывший уездный город Пензенской губернии, оставался типичным примером национальной окраины. Созданная в 1930 году Мордовская автономия была образована из частей нескольких бывших российских губерний. Перед МАССР, как и перед другими национальными республиками, стоял ряд конкретных задач в области культурного строительства: создание мокшанского и эрзянского литературных языков, профессиональной литературы, национальной музыки и национального театра, воссоздание национального эпоса на основе существующих памятников мордовского фольклора.

В беседах с Дувакиным Бахтин вспоминал, что в Саранске был большой педагогический институт и очень хорошее жалованье, но общий уровень преподавателей и студентов был довольно низким: «…студенты были темные, преподаватели были темные. Но там платили хорошо» [М. М. Бахтин: Беседы …, 2002, с. 237].

История первого пребывания Бахтина в Саранске была реконструирована по доступным архивным материалам В. И. Лаптуном, отмечавшим заметную роль ученого в повседневной жизни пединститута [Лаптун, 2006]. Об активном включении Бахтина в научную и культурную жизнь города и республики свидетельствует его присутствие на многочисленных

CC BY

заседаниях, посвященных обсуждению проблем мордовского фольклора, подготовке пушкинских мероприятий в республике и др. Так, сохранилось приглашение на «вечер чтения мокшанских и эрзянских народных песен в русском переводе», который состоялся 11 апреля 1937 года в Научно-исследовательском институте языка, литературы и истории при ЦИК МАССР [Дубровская, 2020, с. 637].

Особую роль в жизни Бахтина в Саранске сыграли сложившиеся отношения с деканом литературного факультета Г. С. Петровым. К середине 1930-х годов Петров — состоявшийся литературовед, литературный критик и переводчик. Бывший студент, а затем аспирант Ленинградского пединститута, ученик профессоров П. Н. Медведева и Н. В. Яковлева, Петров, по-видимому, был знаком с Бахтиным со второй половины 1920-х годов и в течение нескольких десятилетий не раз помогал ему в непростых жизненных обстоятельствах. О характере отношений Бахтина и Петрова свидетельствует надпись, сделанная последним на своей книге: «Первому рецензенту первой редакции этой работы, дорогому Михаилу Михайловичу Бахтину, с глубокой любовью и благодарностью. 10 декабря 1964 года» [Собрание инскриптов … 2020, с. 167].

Петров претендовал на ведущую роль в литературной жизни Мордовии, выступая на страницах республиканской прессы и организуя многочисленные публичные мероприятия. Так, 29—30 января 1936 года в газете «Красная Мордовия» он публикует статью о развитии эрзянской поэзии и прозы «Первые шаги» [Петров, 1936, 29—30 янв., с. 2], ранний вариант которой был подготовлен им для журнала «На литературном посту» еще в 1930 году [РГАЛИ, ф. 1698, оп. 1, ед. хр. 507, 10 л.]. В это время он — главный организатор пушкинских мероприятий в Саранске, которые должны были прийти к кульминации в 1937 году. В связи с неожиданной кончиной М. Горького Петров проводит несколько вечеров памяти писателя, привлекая к участию в них ленинградскую профессору, приехавшую по его приглашению в пединститут с лекциями [Петров, 1936, 10 янв., с. 4]. Обратим внимание и на деятельность Петрова как переводчика, в частности представившего на эрзянском языке рассказ М. Горького «Мордовка» [История Мордовской …, с. 25]. Е. А. Добренко справедливо указывает на особую значимость института национального перевода в советских условиях: «Индустрия переводов, которая была одним из ключевых институтов советской многонациональной литературы и в этом качестве служила формированию единого имперского культурного поля, одновременно формировала и прямо противоположное культурное пространство национального партикуляризма, что позволяет увидеть основную драму, основной сюжет имперского культурного строительства: каждая национальная ли-

CC BY

тература стремится к уникальности, каждая заточена на партикуляризм, на самобытность, в которой нация раскрывает свою уникальность» [Добренко, 2024, с. 249].

Активность Петрова закономерно вызывала раздражение руководства пединститута, которое, по-видимому, подозревало его в том, что он стремится занять должность директора. В вузе развернулась кампания по дискредитации декана литфака, закончившаяся отъездом Петрова в начале 1937 года. Этот конфликт отразился и на судьбе Бахтина, которому инкриминировали не только связь с Петровым, но и прежнюю «контрреволюционную деятельность». Однако Бахтину счастливо удалось избежать репрессий и благополучно покинуть Саранск в начале лета 1937 года [Лаптун, 2006].

Возможно, благоприятный исход объяснялся тем, что основное внимание карательных органов было сосредоточено на представителях национальной интеллигенции, к которой Бахтин не имел никакого отношения. Старый друг Бахтина М. И. Каган писал по этому поводу жене: «Последний год Бахтины провели в Саранске, “столице” Мордовской республики (недалеко от Пензы). Он преподавал там литературу в педагогическом институте. Теперь ему пришлось уехать <...> была большая заварушка, но все закончилось для него благополучно: пострадали те, кто преследовал его без всякой причины. Теперь он будет устраиваться на ту же работу в другом городе» [Каган, 2004, с. 663].

Несмотря на сложную политическую ситуацию в Саранске, Бахтин не оставлял своей научной работы. Теперь в центре его интересов — европейский роман воспитания. Подобный поворот вектора теоретико- и историко-литературных занятий Бахтина был закономерен. С одной стороны, он продолжил свои изыскания рубежа 1920—1930-х годов, когда акцент был сделан на специфике полифонического романа у Достоевского и проблемах романного слова, с другой — Бахтин оказывался в диалоге с современным советским литературоведением, которое в лице Г. Лукача и его последователей углубленно занималось вопросами реалистического романа [Tihanov, 2019].

В 1937 году Бахтин предлагает издательству «Советский писатель» свою новую монографию «Роман воспитания и его значение в истории реализма», в основу которой был положен «факультативный курс, читанный автором для студентов 4-го курса Мордовского Государственного Педагогического Института» [Бахтин, 2012, с. 757].

Впрочем, в интересе Бахтина к определенным аспектам романа воспитания, в частности к авантюрным поворотам его сюжета, можно усмотреть и психологическую подоплеку. Подобно героям многочисленных

CC BY

европейских романов Бахтин, перемещавшийся из центра на периферию, вынужденный скрываться от повышенного внимания власти, не мог не чувствовать своего родства с соответствующими литературными персонажами. Неслучайно он уделяет столько внимания теме путешествий в европейском историко-литературном контексте (от Античности до XIX века) в «Формах времени и хронотопа в романе». Не лишенную самоиронии историю своего отъезда из Саранска он рассказывает в беседе с Дувакиным: «Я оттуда привез тысяч десять, хотя только два семестра поработал. Вот когда я удрал, то я удрал с десятью тысячами в кармане. (*Усмехается.*)» [М. М. Бахтин: Беседы …, 2002, с. 237].

Комическая окраска ситуации, исполненной реального трагизма, не должна вводить в заблуждение современного читателя. Уже приведенная ранее цитата о «темноте» преподавателей и студентов вполне перекликается с воссоздаваемым в «Заключительных замечаниях» работы о хронотопе образом провинциального городка, в котором существует только «густое, липкое, ползущее в пространстве время» [Бахтин, 2012, с. 494]. Нет сомнений, что воспоминания о Саранске отозвались в цитируемом ниже фрагменте: «Такой городок — место циклического бытового времени. Здесь нет событий, а есть только повторяющиеся “бывания”. Время лишено здесь поступательного исторического хода, оно движется по узким кругам: круг дня, круг недели, месяца, круг всей жизни <…> Это обыденно-житейское циклическое бытовое время» [Бахтин, 2012, с. 493—494].

3.2. «Поезжайте лучше всего в Саранск...»: Бахтин и интеллектуальное пространство периферии

Формула «Метрополии культуры / провинции опыта», все более активно используемая в современных постколониальных исследованиях, достаточно хорошо иллюстрируется примерами из послевоенной биографии Бахтина. Конечно, мы не станем утверждать, что в Саранске 1945 года вернувшийся Бахтин воспринимается как один из эмиссаров центра, но факт присутствия в его приезде «московской ауры» несомненен. Это подтверждает сам Бахтин в разговоре с Дувакиным: «...я пошел тогда... В Министерство просвещения <…> И там как раз я нашел заведующего отделом пединститутов, моего... декана по Саранску, бывшего декана. Он меня увидел: ”Возвращайтесь в Саранск. Я Вас сейчас же туда направлю, напишу директору. Вам будет обеспечено все, что нужно. Поезжайте лучше всего в Саранск”. Ну, я и поехал туда» [М. М. Бахтин: Беседы …, 2002, с. 244].

Осенью 1945 года Бахтин приехал в столицу Мордовии, где возглавил кафедру всеобщей литературы [Там же, с. 381]. Состояние пединститута, только что вернувшегося из эвакуации, было плачевным. Вуз испытывал дефицит педагогических кадров, нехватку аудиторий и т. д. Даже несколь-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ко лет спустя, оценивая ситуацию в Саранске и «транслируя» взгляд из Москвы, В. В. Виноградов на заседании Высшей аттестационной комиссии 21 мая 1949 года, характеризуя условия, в которых находился Бахтин, говорил: «…я предлагаю присвоить Бахтину ученое звание профессора: он этого заслуживает. В Мордовском педагогическом институте он будет очень долго работать над переработкой диссертации: там нет даже пособий. А эту работу он доделает потом» [Цит. по.: Бахтин, 2008, с. 1100].

Очевидно, что Бахтин с момента своего приезда превратился в одну из заметных фигур не только в педагогической, но и в интеллектуальной жизни республики. Он сразу включился в литературно-просветительскую деятельность как в стенах вуза, так и за его пределами. Так, в плане кафедры на 1945/46 учебный год был намечен целый ряд мероприятий, направленных на повышение общекультурного уровня студентов и расширение их читательского кругозора. Были организованы кружок по зарубежной литературе (Бахтин заявил тему «Творчество Шекспира») и факультатив по истории жанра романа. Наряду со студенческим научным кружком, действовавшим многие годы, в 1954 году на факультете появился кружок молодых литераторов, который через несколько лет превратился в Литературное объединение института. Руководство этими кружками Бахтин взял на себя.

Бахтин и его кафедра откликались на события в идеологической, литературной и научной жизни страны. Для этого использовались различные форматы: расширенные заседания кафедры всеобщей литературы, совместные заседания кафедр филологического факультета и кафедры основ марксизма-ленинизма. Так, 24 октября 1952 года на открытом заседании кафедры «председатель правления Союза писателей Мордовии И. Воронин выступил с докладом “О социалистическом реализме на современном этапе”». В последовавшем обсуждении «приняли участие Ф. Атянин, Л. Васильев, А. Маскаев, М. Бахтин» [История Мордовской…, 1974, с. 118—119].

25 февраля 1953 года на объединенном заседании кафедр основ марксизма-ленинизма, русской и зарубежной литературы, русского языка, иностранного языка, мордовского языка и литературы Бахтин прочитал доклад «Проблема типического в советской литературе и задачи преподавания литературы в Мордовском государственном педагогическом институте» [Лаптун и др., 2006, с. 179].

Следует отметить, что по сравнению с концом 1930-х годов интеллектуальная ситуация в Саранске в 1950-е годы кардинально изменилась. Саранск жил насыщенной литературной и культурной жизнью: проводились выставки, активно работал театр, велась интенсивная культурно-просветительская работа, результатом которой стали многочисленные лекции, обращенные к широкой аудитории. Среди мероприятий следует отметить

CC BY

Горьковские дни, празднование писательских юбилеев, литературные вечера, организуемые правлением Союза писателей Мордовии и т. п.

Сохранилось немало фактов, позволяющих оценить реальную роль Бахтина в литературном пространстве Мордовии этого времени. Должность заведующего кафедрой предполагала активное взаимодействие как с культурно-просветительскими организациями, так и с Союзом писателей, особенно в процессе подготовки начинающих писателей. Следует отметить, что, вопреки некоторым распространенным мифам, Бахтин был вполне интегрирован в педагогическую и литературную жизнь Мордовии. Защита диссертации в 1946 году значительно усилила позиции бывшего политического ссыльного. 30 октября 1947 года Президиум Верховного Совета Мордовской АССР наградил Бахтина почетной грамотой «за многолетнюю успешную работу в качестве преподавателя Саранского педагогического института, в ознаменование 30-летия Великой Октябрьской социалистической революции» [ОР РГБ, ф. 913, оп. 2, ед. хр. 1, л. 3]. Среди «общественных» нагрузок Бахтина — членство в редколлегии альманаха «Литературная Мордовия». Более того — как признание профессионального литературного авторитета Бахтина местным писательским сообществом можно рассматривать заключение с ним договора Мордовским книжным издательством на редактирование его выпусков. В архиве Бахтина сохранился подобный договор, датированный 20 ноября 1948 года [Там же, ед. хр. 6, л. 1], а в его личной библиотеке — несколько экземпляров разных лет, включая «сигнальный».

Таким образом, в диалоге с мордовским писательским сообществом Бахтин выступает как старший товарищ, опытный наставник, которому можно доверить исправление текстов молодых литераторов. Не менее признан авторитет Бахтина как литературоведа. Например, Научно-исследовательский институт социалистической культуры при СНК МАССР обратился к нему с просьбой выступить рецензентом сборника «Мордовские народные песни и сказки», подготовленного фольклористом А. Маскаевым [Дубровская, 2020, с. 637].

Отдельный сюжет — бахтинские выступления с лекциями перед молодыми представителями творческих сообществ республики. Так, в июне 1947 года он выступил на совещании молодых литераторов, организованном правлением Союза писателей Мордовии совместно с Мордовским обкомом ВЛКСМ (подробнее см.: [Дубровская, 2023]).

Практика литературного наставничества со стороны Бахтина продолжалась долгие годы. Бахтин читал лекции для членов Союза писателей и даже вел методологический семинар. В этом контексте уместно еще раз напомнить о том, что общение с будущими писателями происходило не только во время подобных занятий, но и в институтских аудиториях. Через

CC BY

много лет бывшие студенты-филологи, став профессиональными литераторами, выражали свою благодарность учителю на титульных листах подаренных ему книг (см.: [Осовский и др., 2024]).

О непререкаемом авторитете Бахтина как лектора свидетельствует реплика в выступлении секретаря парторганизации Союза писателей на отчетно-выборном собрании. Так, на одном из партийных собраний приостановка работы кружка по изучению марксистско-ленинской эстетики объяснялась перегруженностью Бахтина. «Партийное бюро, — сетовал докладчик, — пока еще не сумело договориться с лектором т. Бахтиным, он занят, а другого нам самим не хочется» [ЦГА РМ, ф. 361-П, оп. 1, д. 20, связка 1, л. 37].

Добавим, что высоко ценили лекции Бахтина и актеры республиканского театра. В библиотеке ученого сохранился том лекций по эстетике А. Я. Зися, подаренный ему Мордовским отделением ВТО со следующим инскриптом: «Дорогому Михаилу Михайловичу за многолетнюю помощь коллективу Муздрамтеатра по освоению марксистско–ленинской эстетики» [Собрание инскриптов …, 2020, с. 88].

Еще одним свидетельством непосредственного участия Бахтина в культурной жизни республики являются рецензии на спектакли Мордовского драматического театра. Отзыв о пьесе Г. Я. Меркушкина «На рассвете» примечателен и как соавторский проект с коллегой по кафедре, и как работа с местной драматургией. В своих воспоминаниях Л. Г. Васильев описал обстоятельства, предшествовавшие созданию рецензии и сотрудничеству в целом (см.: [Васильев, 2018]). По его свидетельству, Бахтин существенно переработал вступительную часть статьи, ввел в нее элементы теоретико-литературного и историко-культурного анализа, добавив замечания о жанровой природе пьесы и ее месте в контексте советской драматургии. Одновременно он смягчил некоторые идеологические акценты и добавил выразительную характеристику героя пьесы командарма Громова и описание событий Гражданской войны [Васильев, 2013, с. 50—52].

Благоприятная оценка, высказанная в рецензии, свидетельствует о благожелательном отношении Бахтина к местным авторам. Известно достаточно случаев, когда приходившие к Бахтину писатели и литературные критики получали от него советы и рекомендации (см. подробнее: [Васильев, 1994]). Самый яркий пример — многолетний диалог Бахтина с Г. Я. Меркушкиным, входившим в круг ближайших знакомых ученого в Саранске. Человек весьма разнообразных талантов, Меркушкин отличился не только на литературном поприще: в истории Мордовской АССР он известен как один из самых значительных политических и общественных деятелей республики 1950—1960-х годов. Последовательно занимая должности Ми-

CC BY

нистра просвещения, заместителя председателя правительства, секретаря Обкома КПСС, ректора Мордовского университета, он был среди тех, кто всегда оказывал помощь и поддержку Бахтину. Примечательно, что эти отношения сохранились и после выхода Бахтина на пенсию.

В 1962 году Меркушкин публикует пьесу «Дорогой жизни» [Меркушкин, 1962]. Это типичная производственная драма, затрагивающая целый ряд актуальных для начала 1960-х годов проблем: строительство новых заводов и коренное обновление производства, восстановление в рядах коммунистической партии бывших военнопленных, нравственный конфликт между честными тружениками и лицемерными карьеристами, пытающимися присвоить плоды чужого труда, безмерная мудрость местного партийного руководства.

Судя по сохранившимся записям, Бахтин внимательно прочитал рукопись, внес серьезную стилистическую правку и высказал ряд предложений по доработке пьесы. Его записи содержат не только общие оценки прочитанного, но и рекомендации по дальнейшему совершенствованию сюжета, структуры, системы персонажей. Так, Бахтин обозначает «Ведущие мысли пьесы»:

«*1. Ответственность за судьбу человека — самая тяжелая ответственность из всех. В вопросах, касающихся человеческой судьбы, — семьдесят семь раз отмерь и один раз отрежь. Такие вопросы нельзя решать слишком легко, быстро, равнодушно, на ходу.*

2. Сущность человека трудно понять и определить. Здесь требуется глубокий, сочувственный подход и доверие. При равнодушном, поверхностном, деляческом подходе (как у Диалектова, например) можно легко совершить роковую ошибку. На герое не написано, что он герой, а в его личном деле могут быть написаны порочащие слова "был в плену".

3. Нельзя во имя дела и работы пренебрежительно относиться к своей личной жизни и быту. Руднева, потерявшая своего любимого мужа, хотела отдаться только работе, поставила крест на свою личную жизнь». (В настоящее время эти записи находятся в Центре М. М. Бахтина Мордовского государственного университета, куда они были переданы в конце 2010-х годов душеприказчицей Бахтина Л. С. Мелиховой).

Нельзя не заметить, что эти строки Бахтина близки основным принципам его этической программы, сформулированной на рубеже 1950—1960-х годов, в частности в конспекте выступления перед выпускниками историко-филологического факультета Мордовского университета (см.: [Осовский и др., 2024]).

Анализ опубликованного текста пьесы показывает, что Меркушкин принял значительную часть замечаний и предложений Бахтина. Он сделал сюжет гораздо более динамичным и даже включил фразы, предложенные

Бахтиным, в диалоги персонажей, его героиня стала более «живой», а ее чувства к главному герою стали более конкретными. Таким образом, в данном случае можно говорить не только о редакторской, но и о со-творческой работе Бахтина с Меркушкиным.

В 1967 году Меркушкин публикует монографию «Развитие науки в Мордовии», фрагмент которой посвящен анализу научной деятельности Бахтина. Книга отражала основное содержание диссертации автора, представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук. В библиотеке Бахтина сохранился автореферат этой диссертации со следующей надписью: «Дорогому Михаилу Михайловичу Бахтину с глубоким уважением и любовью. Благодарный автор» [Собрание инскриптов …, 2020, с. 149]. В свою очередь, Бахтин нашел возможность откликнуться на книгу в непростое для ее автора время [Васильев, 2013, с. 47].

Таким образом, в 1940—1960-е годы участие Бахтина в литературной жизни Мордовии было гораздо более многообразным. С одной стороны, его регулярное общение с писателями, где он предстает своего рода транслятором как классической литературной традиции, на которую они должны ориентироваться в своем творчестве, так и новых реалий и задач современной советской словесности. С другой — востребованы его навыки литературного редактора, вдумчивого читателя и советчика, способного на самые разные формы диалога, включая сотворческий. Отсюда — благодарная память студентов, впоследствии избравших стезю литератора и продолжавших ощущать себя «учениками Бахтина».

4. Заключение = Conclusions

Подводя итоги нашего исследования, подчеркнем еще раз, что постколониальный потенциал литературной теории Бахтина позволяет ставить и решать проблемы, связанные с развитием национальных литератур. Опыт жизни самого Бахтина на постимперских / постколониальных окраинах Советской России в 1930-е годы нашел отражение в его исследованиях предвоенного десятилетия: он имплицитно присутствует в «Слове в романе», с его ярко выраженным интересом к многоголосности лозунгов эпохи, и в работах о жанре романа, в частности романа воспитания.

Не менее важно участие Бахтина в литературном процессе советской Мордовии. Анализ архивных документов, газетных статей, свидетельств современников показывает, что на протяжении 1940—1960-х годов Бахтин вел активный диалог с местным писательским сообществом, как с начинающими литераторами, так и с опытными писателями, способствуя формированию у них глубоких представлений о теории и истории литературы, требованиях жанра и стиля, нормах современной эстетики и т. д.

CC BY

В соответствии с сегодняшними представлениями о постколониальной теории можно утверждать, что Бахтин в этом контексте должен рассматриваться в его неимперском измерении: и в Кустанае, и в Саранске 1930-х годов, и в послевоенной Мордовии мыслитель не выглядел представителем центра, устанавливающим литературные конвенции на национальных окраинах. Его деятельность — это прежде всего диалог с другим, результат которого — дальнейшее движение творческой мысли.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Бахтин М.* Опыт изучения спроса колхозников / М. Бахтин // Советская торговля. — 1934. — № 3. — С. 107—118.

2. *История* Мордовской советской литературы. Хроника литературной жизни (1917—1972) / сост. В. Л. Пешонова. — Саранск : Мордовское книжное издательство, 1974. — Т. 3. — 303 с.

3. *Лаптун В. И.* Хронограф жизни и деятельности М. М. Бахтина. Опыт биографического указателя 1946—1975 / В. И. Лаптун, Т. Г. Юрченко, О. Е. Осовский // Бахтин в Саранске : документы, материалы, исследования / отв. ред. О. Е. Осовский. — Саранск : [б.и.], 2006. — Вып. II—III. — С. 174—191.

4. *М. М. Бахтин :* Беседы с В. Д. Дувакиным. — Москва : Согласие, 2002. — 398 с.

5. *Меркушкин Г. Я.* Дорогой жизни : драма в 3 актах, 5 карт / Г. Я. Меркушкин. — Саранск : Мордовское книжное издательство, 1962. — 59 с.

6. ОР РГБ — *Отдел* рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 913 М. М. Бахтин. Оп. 1. Ед.хр. 25. Талон к почтовому переводу (авторский гонорар) из журнала «Советская торговля». 1934. 1 л. ; Ф. 913 М. М. Бахтин. Оп. 2. Ед. хр.1. Почетная грамота, выданная Президиумом Верховного Совета Мордовской АССР 1947, ноября 5. Саранск. 4 л. ; Ф. 913 М. М. Бахтин. Оп. 2. Ед. хр. 6. Соглашение о редактировании очередного номера (№ 6) альманаха «Литературная Мордовия». 1948, ноября 20, Саранск. 1 л.

7. *Петров Г. В*. Саранск приезжают ученые из Ленинграда / Г. Петров // Красная Мордовия [газета]. — 1936. — 10 янв. — С. 4.

8. *Петров Г.* Первые шаги (О развитии эрзянской поэзии и прозы) / Г. Петров // Красная Мордовия [газета]. — 1936. — 29—30 янв. — С. 2.

9. РГАЛИ — *Российский* государственный архив литературы и искусства. Ф. 1698. Оп. 1. Ед. хр. 507. «Мордовская литература». Приложение : препроводительное письмо в редакцию «На литературном посту». Статья. 19 декабря 1930. 10 л.

10. *Собрание инскриптов* на изданиях из личной библиотеки М. М. Бахтина / авт.-сост. : И. В. Клюева, Н. Н. Земкова ; науч. ред. Н. И. Воронина. — Саранск : Издательство Мордовского университета, 2020. — 320 с.

11. ЦГА РМ — *Центральный* государственный архив Республики Мордовия. Ф. 361-П. Оп. 1. Д. 20, связка 1. Протоколы партийных собраний и заседаний бюро

Первичной партийной организации г. Саранска Мордовской АССР. 10 ноября 1959. — 26 декабря 1960. 58 л.

Литература

1. *Бахтин М. М.* Собрание сочинений в семи томах. Проблемы поэтики Достоевского, 1963. Работы 1960—1970-х гг. / М. М. Бахтин. — Москва : Языки славянских культур, 2002. — Т. 6. — 800 с. — ISBN 5-98010-001-6.

2. *Бахтин М. М.* Собрание сочинений в семи томах. Проблемы творчества Достоевского, 1929. Статьи о Толстом, 1929. Записи курса лекций по истории русской литературы, 1922—1927 / М. М. Бахтин. — Москва : Русские словари, 2000. — Т. 2. — 799 с. — ISBN 5-93259-013-0.

3. *Бахтин М. М.* Собрание сочинений в семи томах. Работы 1940-х — начала 1960-х годов / М. М. Бахтин. — Москва : Русские словари, 1996. — Т. 5. — 732 с. — ISBN 5-89216-011-4.

4. *Бахтин М. М.* Собрание сочинений в семи томах. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура) / М. М. Бахтин. — Москва : Языки славянских культур, 2010. — Т. 4 (2). — 752 с. — ISBN 978-5-9551-0326-6.

5. *Бахтин М. М.* Собрание сочинений в семи томах. Теория романа (1930—1961) / М. М. Бахтин. — Москва : Языки славянских культур, 2012. — Т. 3. — 880 с. — ISBN 978-5-9551-0500-0.

6. *Бахтин М. М.* Собрание сочинений в семи томах. Философская эстетика 1920-х годов / М. М. Бахтин. — Москва : Русские словари; Языки славянских культур, 2003. — Т. 1. — 957 с. — ISBN 5-98010-001-6.

7. *Бахтин М. М.* Собрание сочинений в семи томах. Франсуа Рабле в истории реализма. Материалы к книге о Рабле. Комментарии и приложения / М. М. Бахтин. — Москва : Языки славянских культур, 2008. — Т. 4 (1). — 1120 с. — ISBN 978-5-9551-0266-5.

8. *Васильев Л. Г.* Фальши не терпел / Л. Г. Васильев // Известия Мордовии. — 1994. — 2 ноября. — С. 4.

9. *Васильев Н. Л.* М. М. Бахтин и Л. Г. Васильев (два с половиной десятилетия общения, сотрудничества и соавторства в хронотопе Саранска) / Н. Л. Васильев // Невельский сборник : сб. науч. статей. — Санкт-Петербург : Лема, 2018. — Выпуск 24. — С. 63—74.

10. *Васильев Н. Л.* Михаил Михайлович Бахтин и феномен «Круга Бахтина» : в поисках утраченного времени. Реконструкции и деконструкции. Квадратура круга / Н. Л. Васильев. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2013. — 407 с.

11. *Гоготишвили Л. А.* Непрямое говорение / Л. А. Гоготишвили. — Москва : Языки славянских культур, 2006. — 720 с. — ISBN 5-9551-0161-6.

12. *Добренко Е. А.* Советская многонациональная литература как имперский проект и как вызов империи / Е. А. Добренко // Новое литературное обозрение. — 2024. — № 4. — С. 245—254. — DOI: 10.53953/08696365_2024_188_4_245.

13. *Дубровская С. А.* М. М. Бахтин и литературная жизнь Мордовии второй половины 1940-х гг. В дополнение к сказанному / С. А. Дубровская // Бахтинский вестник. — 2023. — Т. 5. — № 2. — С. 42—46.

14. *Дубровская С. А.* Бахтин и Бергсон : диалог на страницах пятого тома собрания сочинений французского мыслителя (бахтинские пометы в работе «Введение

в метафизику») / С. А. Дубровская, О. О. Осовский // Вопросы философии. — 2025. — № 2. — С. 70—80. — DOI: https://doi.org/10.21146/0042-8744-2025-2-70-80.

15. *Дубровская С. А.* М. М. Бахтин в литературной жизни Мордовии 1940-х — 1960-е гг. / С. А. Дубровская // Вестник угроведения. — 2020. — Т. 10. — № 4. — С. 633—641. — DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-4-633-641.

16. *Каган М. И.* О ходе истории / М. И. Каган. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 707 с. — ISBN 5-9551-0028-8.

17. *Калинин И.* Метрополии культуры / провинции опыта / И. Калинин // Новое литературное обозрение. — 2025. — № 2. — С. 15—18. — DOI: 10.53953/08696365_2025_192_2_15.

18. *Лаптун В. И.* Кустанай — Саранск — Кустанай : М. М. Бахтина в 1936—37 гг. / В. И. Лаптун // Бахтин в Саранске : документы, материалы, исследования. / Отв. ред. О. Е. Осовский. — Саранск : [б. и.], 2006. — Выпуск II—III. — С. 9—21.

19. *Махлин В. Л.* «На стыках и пересечениях»: к проблеме междисциплинарности в исследованиях М. М. Бахтина / В. Л. Махлин // Литературоведческий журнал. — 2025. — № 1 (67). — С. 9—22. — DOI: 10.31249/litzhur/2025.67.01.

20. *Махлин В. Л.* Металингвистика М. М. Бахтина в контексте его метафилософии / В. Л. Махлин // Литературоведческий журнал. — 2024. — № 1 (63). — С. 9—24. — DOI: 10.31249/litzhur/2024.63.01.

21. *Махлин В. Л.* Большое время : Подступы к мышлению М. М. Бахтина / В. Л. Махлин. — Siedlce : Uniwersytet przyrodniczo-humanistyczny w Siedlcach, 2015. — 174 с. — ISBN 978-83-64884-68-9.

22. *Невельский* сборник. Статьи и воспоминания. К 100-летию М. М. Бахтина / отв. ред. Л. М. Максимовская. — Санкт-Петербург : Акрополь, 1996. — Выпуск 1. — 160 с. — ISBN 5-86585-036-9.

23. *Николаев Н. И.* О некоторых моментах предыстории «Проблем поэтики Достоевского» М. М. Бахтина / Н. И. Николаев // Литературоведческий журнал. — 2024. — № 1 (63). — С. 25—40. — DOI: 10.31249/litzhur/2024.63.02.

24. *Николаев Н. И.* О пометах Л. В. Пумпянского в книгах М. М. Бахтина, изданных под именами его друзей — П. Н. Медведева («Формальный метод в литературоведении») и В. Н. Волошинова («Марксизм и философия языка») / Н. И. Николаев // Литературоведческий журнал. — 2025. — № 1 (67). — С. 80—104. — DOI: 10.31249/litzhur/2025.67.05.

25. *Николаев Н. И.* О раннем периоде жизни и творчества М. М. Бахтина / Н. И. Николаев // Литературоведческий журнал. — 2023. — № 1 (59). — С. 36—48. — DOI: 10.31249/litzhur/2023.59.03.

26. *Николаев Н. И.* Тептелкин и другие в романе Конст. Вагинова «Козлиная песнь» / Н. И. Николаев // Литературный факт. — 2017. — № 4. — С. 233—267. — DOI: 10.22455/2541-8297-2017-4-233-267.

27. *Осовский О. Е.* Бахтин, Россия и мир : рецепция идей и трудов ученого в исследованиях 1996—2020 годов / О. Е. Осовский, С. А. Дубровская // Научный диалог. — 2021. — № 7. — С. 227—265. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-227-265.

28. *Осовский О. Е.* Михаил Бахтин и феномен благодарного ученичества. «Как учитель к учителям» : три документа из архива М. М. Бахтина / О. Е. Осовский, С. А. Дубровский // Вопросы философии. — 2024. — № 1. — С. 119—136. — DOI: https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-1-119-136.

29. *От редакции* // Новое литературное обозрение. — 2024. — № 4. — С. 7—8.

30. *Паньков Н. А.* Архивные материалы о невельском периоде биографии М. М. Бахтина / Н. А. Паньков // Невельский сборник : Статьи, письма, воспоминания. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1998. — Выпуск 3. — С. 94—110.

31. *Паньков Н. А.* Вопросы биографии и научного творчества М. М. Бахтина / Н. А. Паньков. — Москва : Издательство Московского государственного университета, 2009. — 720 с. — ISBN 978-5-211-05706-7.

32. *Пешков И. В.* Бахтинский вопрос : промежуточные итоги / И. В. Пешков // Литературоведческий журнал. — 2022. — № 1 (55). — С. 182—210. — DOI: 10.31249/litzhur/2022.55.10.

33. *Пешков И. В.* Герой нашего времени / И. В. Пешков // Миргород. — 2020. — № 2 (16). — С. 259—282.

34. *Попова И. Л.* Книга М. М. Бахтина о Франсуа Рабле и ее значение для теории литературы / И. Л. Попова. — Москва : Институт мировой литературы РАН, 2009. — 464 с. — ISBN 978-5-9208-0343-6.

35. *Тюпа В. И.* Бахтин и нарратология / В. И. Тюпа // Литературоведческий журнал. — 2021. — № 4 (54). — С. 120—133.

36. *Эмерсон К.* Очерки по русской литературной и музыкальной культуре / пер. С англ. / К. Эмерсон. — Санкт-Петербург : Academic Studies Press / БиблиоРоссика, 2020. — 559 с.

37. *Bakhtin* and cultural theory / Ed. Hirschkop K., Shepherd. D. — Manchester ; New York : Manchester University Press, 1989. — 224 p.

38. *Bakhtin* in the Fullness of Time : Bakhtinian Theory and the Process of Social Education / Eds. Brandist C., Gardiner M. E., White E. Jayne, Mika C. — London : Routledge, 2020. — 148 p.

39. *Balysheva A.* Introduction to Mikhail Bakhtin's article "Experience based on a study of demand among kolkhoz workers"/ A. Balysheva // Interventions. International Journal of Postcolonial Studies. — 2019. — DOI: https://doi.org/10.1080/1369801X.2019.1585924.

40. *Brandist C.* Rethinking the Colonial Encounter with Bakhtin (and contra Foucault) / C. Brandist // Journal of Multicultural Discourses. — 2018. — № 13 (4). — Pp. 309—325.

41. *Clark K.* Mikhail Bakhtin : [A biography] / K. Clark, M. Holquist. — Cambridge, Mass. ; London : Belknap press of Harvard univ. press, 1984. — XIV. — 398 p.

42. *Emerson C.* The First Hundred Years of Mikhail Bakhtin / C. Emerson. — Princeton : Princeton University Press, 1997. — 296 p. — ISBN 9780691050492.

43. *Gradskova Y.* Introduction : Bakhtin and the postcolonial and post-socialist perspective / Y. Gradskova, P. Chakrabarti // Baltic Worlds. — 2017. — Vol. 10. — № 1—2. — Pp. 46—47.

44. *Hirschkop K.* The Cambridge Introduction to Mikhail Bakhtin / K. Hirschkop. — Cambridge : Cambridge University Press, 2021. — xvi, 250 p. — ISBN‍978-1107521094.

45. *Morson G. S.* Mikhail Bakhtin : Creation of a Prosaics / G. S. Morson, C. Emerson. — Stanford : Stanford Univ. Press, 1990. — 554 p.

46. *Popova I. L.* «Назовем здесь последнюю основательную монографию о Рабле…» / I. L. Popova // Revue des études slaves, XCII-2 | 2021. — Pp. 325—336. — DOI: https://doi.org/10.4000/res.4509.

47. *Tihanov G.* The Birth and Death of Literary Theory : Regimes of Relevance in Russia and Beyond / G. Tihanov. — Stanford : Stanford University Press, 2019. — 272 p. — ISBN‍ 978-0804785228.

48. *The Bakhtin* Circle. In the Master's Absence / Eds. Brandist C., Shepherd D., Tihanov G. — Manchester, New York : Manchester univ. press, 2004. — 296 p. — ISBN 978-0719064098.

49. *Understanding* Bakhtin, Understanding Modernism / Ed. Birgy Ph. — London : Bloomsbury Publishing, 2024. — 310 p. — ISBN 978-1501381645.

50. *Young R. J. C.* Colonial Desire : Hybridity in Culture, Theory and Race / R. J. C. Young. — London : Routledge, 1995. — xiii, 236 p.

51. *Young R. J. C.* Postcolonialism : An Historical Introduction / R. J. C. Young. — Hoboken : Wiley-Blackwell, 2016. — 530 p. — ISBN 978-1405120944.

52. *Zbinden K.* Bakhtin between East and West Cross-Cultural Transmission / K. Zbinden. — London : Routledge, 2006. — 198 p. — ISBN 978-1904350545.

Статья поступила в редакцию 02.05.2025,
одобрена после рецензирования 10.06.2025,
подготовлена к публикации 21.07.2025.

Material resources

Bakhtin, M. (1934). The experience of studying the demand of collective farmers. *Soviet trade, 3:* 107—118. (In Russ.).

Central State Administration of the Republic of Moldova — *Central State Archive of the Republic of Mordovia. F. 361-P. Op. 1. D. 20, bundle 1. Minutes of party meetings and meetings of the Bureau of the Primary Party Organization of Saransk, Mordovian ASSR. November 10, 1959. December 26, 1960. 58 l.* (In Russ.).

Collection of transcripts on publications from M. M. Bakhtin's personal library. (2020). Saransk: Mordovian University Press. 320 p. (In Russ.).

History of Mordovian Soviet literature. Chronicle of literary life (1917—1972), 3. (1974). Saransk: Mordovian Book Publishing House. 303 p. (In Russ.).

Laptun, V. I., Yurchenko, T. G., Osovsky, O. E. (2006). Chronograph of M. M. Bakhtin's life and work. The experience of the biographical index 1946—1975. In: *Bakhtin in Saransk: documents, materials, research, II—III.* Saransk: [B. I.]. 174—191. (In Russ.).

M. M. Bakhtin: Conversations with V. D. Duvakin. (2002). Moscow: Consent. 398 p. (In Russ.).

Merkushkin, G. Ya. (1962). *Dear life: Drama in 3 acts, 5 maps.* Saransk: Mordovian Book Publishing House. 59 p. (In Russ.).

OR RSL — *Department of Manuscripts of the Russian State Library. F. 913 M. M. Bakhtin. Op. 1. Ed.chr. 25. Coupon for postal transfer (royalties) from the magazine "Soviet trade". 1934. 1 l.; F. 913 M. M. Bakhtin. Op. 2. Ed. chr. 1. Certificate of Honor issued by the Presidium of the Supreme Soviet of the Mordovian ASSR 1947, November 5. Saransk. 4 l.; F. 913 M. M. Bakhtin. Op. 2. Ed. chr. 6. Agreement on editing the next issue (№ 6) of the almanac "Literary Mordovia". 1948, November 20, Saransk. 1 l.* (In Russ.).

Petrov, G. (1936). The first steps (On the development of Erzya poetry and prose). *Krasnaya Mordovia [newspaper]. 29—30 Jan.* S. 2. (In Russ.).

Petrov, G. V. (1936). Scientists from Leningrad arrive in Saransk. *Krasnaya Mordovia [newspaper]. 10 Jan.* P. 4. (In Russ.).

RGALI — *Russian State Archive of Literature and Art. F. 1698. Op. 1. Ed. hr. 507. "Mordovian literature". Appendix: a letter of transmittal to the editorial office of The Literary Post. Article. December 19, 1930. 10 l.* (In Russ.).

References

Bakhtin and cultural theory. (1989). Manchester; New York: Manchester University Press. 224 p.

Bakhtin in the Fullness of Time: Bakhtinian Theory and the Process of Social Education. (2020). London: Routledge. 148 p.

Bakhtin, M. M. (1996). *Collected works in seven volumes. Works of the 1940s — early 1960s, 5.* Moscow: Russian Dictionaries. 732 p. ISBN 5-89216-011-4. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (2000). *Collected Works in seven volumes. Problems of Dostoevsky's creative work, 1929. Articles about Tolstoy, 1929. Notes of a course of lectures on the history of Russian literature, 1922—1927, 2.* Moscow: Russian Dictionaries. 799 p. ISBN 5-93259-013-0. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (2002). *Collected works in seven volumes. Problems of Dostoevsky's Poetics, 1963. Works of the 1960s and 1970s, 6.* Moscow: Languages of Slavic Cultures. 800 p. ISBN 5-98010-001-6. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (2003). *Collected Works in seven volumes. Philosophical aesthetics of the 1920s, 1.* Moscow: Russian Dictionaries; Languages of Slavic Cultures. 957 p. ISBN 5-98010-001-6. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (2008). *Collected works in seven volumes. Francois Rabelais in the history of realism. Materials for the book about Rabelais. Comments and appendices, 4 (1).* Moscow: Languages of Slavic Cultures. 1120 p. ISBN 978-5-9551-0266-5. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (2010). *Collected Works in seven volumes. The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance. Rabelais and Gogol (The Art of Words and folk laughter culture), 4 (2).* Moscow: Languages of Slavic Cultures. 752 p. ISBN 978-5-9551-0326-6. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (2012). *Collected works in seven volumes. Theory of the Novel (1930—1961), 3.* Moscow: Languages of Slavic Cultures. 880 p. ISBN 978-5-9551-0500-0. (In Russ.).

Balysheva, A. (2019). Introduction to Mikhail Bakhtin's article "Experience based on a study of demand among kolkhoz workers". *Interventions. International Journal of Postcolonial Studies.* DOI: https://doi.org/10.1080/1369801X.2019.1585924.

Birgy, Ph. (ed.). (2024). *Understanding Bakhtin, Understanding Modernism.* London: Bloomsbury Publishing. 310 p. ISBN 978-1501381645.

Brandist, C. (2018). Rethinking the Colonial Encounter with Bakhtin (and contra Foucault). *Journal of Multicultural Discourses, 13 (4):* 309—325.

Clark, K. (1984). *Mikhail Bakhtin: [A biography].* Cambridge, Mass.; London: Belknap press of Harvard univ. press. 398 p.

Dobrenko, E. A. (2024). Soviet multinational literature as an imperial project and as a challenge to empire. *New Literary Review, 4:* 245—254. DOI: 10.53953/08696365_2024_188_4_245. (In Russ.).

Dubrovskaya, S. A. (2020). M. M. Bakhtin in the literary life of Mordovia in the 1940s — 1960s. *Bulletin of Ugrovology, 10 (4):* 633—641. DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-4-633-641. (In Russ.).

Dubrovskaya, S. A. (2023). M. M. Bakhtin and the literary life of Mordovia in the second half of the 1940s. In addition to the above. *Bakhtinsky Bulletin, 5 (2):* 42—46. (In Russ.).

Dubrovskaya, S. A., Osovsky, O. O. (2025). Bakhtin and Bergson: a dialogue on the pages of the fifth volume of the collected works of the French thinker (Bakhtin's notes in

the work “Introduction to Metaphysics”). *Questions of philosophy, 2:* 70—80. DOI: https://doi.org/10.21146/0042-8744-2025-2-70-80. (In Russ.).

Emerson, K. (2020). *Essays on Russian literary and musical culture.* St. Petersburg: Academic Studies Press / BiblioRossika. 559 p. (In Russ.).

From the editorial board. (2024). *New literary Review, 4:* 7—8. (In Russ.).

Gogotishvili, L. A. (2006). *Indirect speaking.* Moscow: Languages of Slavic Cultures. 720 p. ISBN 5-9551-0161-6. (In Russ.).

Gradskova, Y. (2017). Introduction: Bakhtin and the postcolonial and post-socialist perspective. *Baltic Worlds, 10 (1—2):* 46—47.

Hirschkop, K. (2021). *The Cambridge Introduction to Mikhail Bakhtin.* Cambridge: Cambridge University Press. xvi, 250 p. ISBN 978-1107521094.

Kagan, M. I. (2004). *On the course of history.* Moscow: Languages of Slavic Culture. 707 p. ISBN 5-9551-0028-8. (In Russ.).

Kalinin, I. (2025). Metropolises of culture / provinces of experience. *New literary review, 2:* 15—18. DOI: 10.53953/08696365_2025_192_2_15. (In Russ.).

Laptun, V. I. (2006). Kustanai — Saransk — Kustanai: M. M. Bakhtina in 1936—37. In: *Bakhtin in Saransk: documents, materials, research, II—III.* Saransk: [B. I.]. 9—21. (In Russ.).

Makhlin, V. L. (2015). *Big time: Approaches to M. M. Bakhtin's Thinking.* Siedlce: Uniwersytet przyrodniczo-humanistyczny w Siedlcach. 174 p. ISBN 978-83-64884-68-9. (In Russ.).

Makhlin, V. L. (2024). Metalinguistics of M. M. Bakhtin in the context of his metaphilosophy. *Literary journal, 1 (63):* 9—24. DOI: 10.31249/litzhur/2024.63.01. (In Russ.).

Makhlin, V. L. (2025). “At the junctions and intersections”: towards the problem of interdisciplinarity in the research of M. M. Bakhtin. *Literary Journal, 1 (67):* 9—22. DOI: 10.31249/litzhur/2025.67.01. (In Russ.).

Maksimovskaya, L. M. (ed.). (1996). *Nevelsky collection. Articles and memoirs. On the 100th anniversary of M. M. Bakhtin, 1.* Saint Petersburg: Akropolis. 160 p. ISBN 5-86585-036-9. (In Russ.).

Morson, G. S. (1990). *Mikhail Bakhtin: Creation of a Prosaics.* Stanford: Stanford Univ. Press. 554 p.

Nikolaev, N. I. (2017). Teptyolkin and others in the novel Const. Vaginova’s “Goat Song”. *Literary fact, 4:* 233—267. DOI: 10.22455/2541-8297-2017-4-233-267. (In Russ.).

Nikolaev, N. I. (2023). On the early period of M. M. Bakhtin’s life and work. *Literary journal, 1 (59):* 36—48. DOI: 10.31249/litzhur/2023.59.03. (In Russ.).

Nikolaev, N. I. (2024). On some moments of the prehistory of M. M. Bakhtin’s “Problems of Dostoevsky’s poetics”. *Literary Journal, 1 (63):* 25—40. DOI: 10.31249/litzhur/2024.63.02. (In Russ.).

Nikolaev, N. I. (2025). About the marks of L. V. Pumpyansky in the books of M. M. Bakhtin, published under the names of his friends — P. N. Medvedev (“The Formal Method in Literary Studies”) and V. N. Voloshinov (“Marxism and the Philosophy of Language”). *Literary journal, 1 (67): 80*—104. DOI: 10.31249/litzhur/2025.67.05. (In Russ.).

Osovsky, O. E., Dubrovskaya, S. A. (2021). Bakhtin, Russia and World: Reception of Scientist’s Ideas and Works in 1996—2020 Research. *Nauchnyi dialog, 1 (7):* 227—265. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-7-227-265 (In Russ.).

Osovsky, O. E., Dubrovsky, S. A. (2024). Mikhail Bakhtin and the phenomenon of grateful discipleship. "As a teacher to teachers": three documents from the archive of M. M. Bakhtin. *Voprosy Filosofii, 1:* 119—136. DOI: https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-1-119-136. (In Russ.).

Pankov, N. A. (1998). Archival materials about the Nevelsky period of M. M. Bakhtin's biography. In: *Nevelsky collection: Articles, letters, memoirs, 3.* St. Petersburg: [B. I.]. 94—110. (In Russ.).

Pankov, N. A. (2009). *Questions of biography and scientific creativity of M. M. Bakhtin.* Moscow: Moscow State University Press. 720 p. ISBN 978-5-211-05706-7. (In Russ.).

Peshkov, I. V. (2020). Hero of our time. *Mirgorod, 2 (16):* 259—282. (In Russ.).

Peshkov, I. V. (2022). Bakhtinsky question: interim results. *Literary Journal, 1 (55):* 182—210. DOI: 10.31249/litzhur/2022.55.10. (In Russ.).

Popova, I. L. (2009). *M. M. Bakhtin's book about Francois Rabelais and its significance for literary theory.* Moscow: Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. 464 p. ISBN 978-5-9208-0343-6. (In Russ.).

Popova, I. L. (2021). "Let's name here the last thorough monograph on Rabelais...". *Revue des études slaves.* 325—336. DOI: https://doi.org/10.4000/res.4509.

The Bakhtin Circle. In the Master's Absence. (2004). Manchester, New York: Manchester univ. press. 296 p. ISBN 978-0719064098.

Tihanov, G. (2019). *The Birth and Death of Literary Theory: Regimes of Relevance in Russia and Beyond.* Stanford: Stanford University Press. 272 p. ISBN 978-0804785228.

Tyupa, V. I. (2021). Bakhtin and Narratology. *Literary Journal, 4 (54):* 120—133. (In Russ.).

Vasiliev, L. G. (1994). Did not tolerate Falsehoods. *Izvestiya Mordovii. November 2.* P. 4. (In Russ.).

Vasiliev, N. L. (2013). *Mikhail Mikhailovich Bakhtin and the phenomenon of the "Bakhtin Circle": in search of lost time. Reconstructions and deconstructions. Squaring the circle.* Moscow: LIBROCOM. 407 p. (In Russ.).

Vasiliev, N. L. (2018). M. M. Bakhtin and L. G. Vasiliev (two and a half decades of communication, collaboration and co-authorship in the chronotope of Saransk). In: *Nevelsky collection: collection of scientific articles. Articles, 24.* Saint Petersburg: Lema. 63—74. (In Russ.).

Young, R. J. C. (1995). *Colonial Desire: Hybridity in Culture, Theory and Race.* London: Routledge. xiii, 236 p.

Young, R. J. C. (2016). *Postcolonialism: An Historical Introduction.* Hoboken: Wiley-Blackwell. 530 p. ISBN 978-1405120944.

Zbinden, K. (2006). *Bakhtin between East and West Cross-Cultural Transmission.* London: Routledge. 198 p. ISBN 978-1904350545.

Emerson, C. (1997). *The First Hundred Years of Mikhail Bakhtin.* Princeton: Princeton University Press. 296 p. ISBN 9780691050492.

The article was submitted 02.05.2025;
approved after reviewing 10.06.2025;
accepted for publication 21.07.2025.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Нестерова Е. В. Редупликация и парные слова в эпосе эвенов / Е. В. Нестерова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 6. — С. 300—316. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-300-316.

Nesterova, E. V. (2025). Reduplication and Paired Words in Epic Tradition of Evenki. *Nauchnyi dialog, 14* (6): 300-316. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-300-316. (In Russ.).

Clarivate Web of Science Scopus Q1 DOAJ ERIHPLUS eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Редупликация и парные слова в эпосе эвенов

Нестерова Елена Васильевна
orcid.org/0000-0001-5130-706X
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
отдел северной филологии
elenanesterova-2010@mail.ru

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных
народов Севера
Сибирского отделения
Российской академии наук
(Якутск, Россия)

Reduplication and Paired Words in Epic Tradition of Evenki

Elena V. Nesterova
orcid.org/0000-0001-5130-706X
PhD in Philology,
senior research scientist,
Department of Northern Philology
elenanesterova-2010@mail.ru

The Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North
of the Siberian branch
of the Russian Academy of Sciences
(Yakutsk, Russia)

© Нестерова Е. Н., 2025

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена исследованию эвенского фольклорного слова. Рассматриваются вопросы функционирования и особенности структуры эвенских редупликатов и парных слов. В качестве материалов привлекаются эпические сказания из опубликованных источников. Предложена типология эвенских редупликатов и парных слов согласно признанным классификациям подобных единиц. Материал распределен по частеречному принципу, что дает представление о частотности и распространенности явлений. Доказано, что редупликации подвергаются все части речи, кроме числительного, парные слова образуются путем сложения глаголов, наречий, числительных, местоимений. Автор останавливается на особенностях функционирования редупликатов и парных слов. Выявлены устойчивые единицы. Автор приходит к выводу о том, что продукты редупликации и сложения слов в эвенском языке чаще всего выступают в качестве выразительных средств. Редупликаты усиливают обозначаемые смыслы, выражают интенсивность признака, передают понятие повторяемости явлений, длительности, непрерывности действия. Парные слова обладают семантикой собирательности, обобщения, выражают более сложные идеи. Актуальность исследования обусловлена неисследованностью явлений редупликации и сложения слов в эвенском языке.

Ключевые слова:
редупликация; парные слова; эвенский язык; эпос эвенов.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the phenomenon of Evenki folkloric language, focusing on the functioning and structural characteristics of Evenki reduplicates and paired words. The study utilizes epic narratives from published sources as primary material. A typology of Evenki reduplicates and paired words is proposed, adhering to established classifications of similar linguistic units. The material is organized according to parts of speech, providing insights into the frequency and distribution of these phenomena. It is demonstrated that all parts of speech, except numerals, undergo reduplication, while paired words are formed through the compounding of verbs, adverbs, numerals, and pronouns. The author examines the unique features of reduplicates and paired words, identifying stable linguistic units. The findings suggest that products of reduplication and word compounding in the Evenki language primarily serve as expressive means. Reduplicates enhance the meanings conveyed, indicate intensity, and convey notions of repetition, duration, and continuity of action. Paired words encapsulate semantics of collectivity and generalization, expressing more complex ideas. The relevance of this study is underscored by the lack of research on reduplication and word compounding phenomena in the Evenki language.

Key words:
reduplication; paired words; Evenki language; Evenki epic tradition.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 82-131+ 811.512.211’373.611
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-300-316

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
5.9.4. Фольклористика

Редупликация и парные слова в эпосе эвенов

© Нестерова Е. Н., 2025

1. Введение = Introduction

Эвенский фольклор, богатый эпическими сказаниями, сказками и мифами, представляет собой уникальный пласт культурного наследия, который требует глубокого и всестороннего изучения. Особое место занимает эпос, представляющий архаический тип эпического жанра. По своей структуре он представляет собой сочетание песенной и прозаической форм, при этом речь персонажей произносится в песенной форме. Ж. К. Лебедева связывает генетические корни эвенского эпоса с обрядами, мифами доклассовой формации и архаическими формами волшебных сказок [Лебедева, 1981, с. 104].

Тема эвенского эпоса становилась объектом специального исследования в трудах Ж. К. Лебедевой [Лебедева, 1981], В. А. Петровой [Петрова, 2014], Г. И. Варламовой, С. Н. Саввиновой [Варламова и др., 2019]. Отдельные вопросы эвенской эпики рассмотрены в статьях Ж. К. Лебедевой [Лебедева, 1971; Лебедева, 1973; Лебедева, 1974], А. А. Бурыкина [Бурыкин, 2001; Бурыкин, 2013], С. И. Шариной [Шарина, 2021; Шарина, 2024], С. Н. Саввиновой [Саввинова, 2014; Саввинова, 2015; Саввинова, 2016] и др.

Настоящая работа посвящена изучению особенностей языка эвенских эпических сказаний, в частности, исследованию эвенского фольклорного слова, его структуры, функции. В своей работе Ж. К. Лебедева обращает внимание на своеобразность языка эпоса: «В прозаической части много твердо установившихся традиционных канонов, язык эпики богат архаической лексикой, устоявшимися оборотами, эпитетами, сравнениями» [Лебедева, 1981, с. 89]. В разделе, посвященном поэтическим особенностям эпоса, исследователь рассматривает запевные слова, эпитеты, сравнения, формулы.

Объектом настоящего исследования являются редупликаты и парные слова в эвенском языке. Данные типы слов функционируют в основном в фольклорных произведениях и разговорной речи и выступают в роли выразительных средств.

CC BY

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Тема редупликации и сложения слов в эвенском языке ранее не подвергалась специальному изучению, но была затронута в нескольких работах. Так, исследователь В. Д. Лебедев, описывая охотский диалект эвенского языка, выделяет в нем модель образования степени проявления признака качественных прилагательных путем повторов, удвоения основ [Лебедев, 1982, с. 51]. В работе Р. П. Кузьминой рассматривается прием редупликации в усилительных формах эвенских прилагательных [Кузьмина, 2013, с. 109].

Основой настоящего исследования послужили труды российских ученых А. А. Реформатского [Реформатский, 1996], Н. К. Дмитриева [Дмитриев, 2008], Э. В. Фомина [Фомин, 2017], Ф. И. Рожанского [Рожанский, 2010], Ф. Р. Минлоса [Минлос, 2004], О. Ю. Крючковой [Крючкова, 2004], К. А. Гиляровой [Гилярова, 2010], Т. В. Леонтьевой [Леонтьева, 2011], А. А. Сомина [Сомин, 2016], О. В. Столбовой [Столбова, 2019], A. Israeli [Israeli, 2024].

Материалом исследования послужили эвенские сказания из опубликованных источников. Целью работы является описание эвенских редупликатов и парных слов. Достижение поставленной цели возможно при решении следующих задач: сбор и систематизация материала, выявление особенностей, обобщение полученных результатов. Основным методом является описательно-аналитический.

Совместное изучение редупликации и сложения слов основывается на трудах отечественных лингвистов, в которых оба явления часто рассматриваются вместе. Исследователь Ф. Р. Минлос сближает редупликацию и парные слова на основе трех факторов:

— наличие общих фонетических закономерностей (например, характерные рифмованные парные слова);

— наличие промежуточных случаев, в частности парные слова, где форма одного слова изменена под влиянием другого;

— сходные социолингвистические характеристики: в восточнославянских языках редупликация и парные слова характерны скорее не для нормативного языка, а для фольклора и разговорной речи [Минлос, 2004, с. 4].

В работе проведена дифференциация собранного материала. Эвенские редупликаты систематизированы согласно классификации Ф. И. Рожанского [Рожанский, 2010, с. 192—210]. Основой для распределения парных слов послужила классификация Н. К. Дмитриева [Дмитриев, 2008, с. 76—81].

Все слова внутри классификаций разделены по частеречному принципу, что позволяет выявить распространение явлений редупликации и сложения слов внутри языка, частотность и особенности изучаемых единиц.

CC BY

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Редупликация

Редупликация, или повтор — это весьма распространенное явление в языках мира. В своей работе А. А. Реформатский пишет, что повторы, или редупликации, состоят в полном или частичном повторении корня, основы или целого слова без изменения звукового состава или с частичным изменением его [Реформатский, 1996, с. 153].

В основе предлагаемой классификации эвенских редупликатов лежит система исчисления редуплицированных форм и значений редупликаций Ф. И. Рожанского [Рожанский, 2010]. Так, на уровне редуплицированного сегмента выявлено два типа редупликаций: морфемная и лексемная. При морфемной редупликации происходит повторение одной или нескольких морфем. Данный тип не является распространенным в эпосе эвенов. Обнаружен один пример, иллюстрирующий повторение глагольного корня: *hи hоньи бими,* ***давми-давдьинди***, ***эми-этэнди*** [Дуткин, 1996, с. 27] // *Если ты храбрый и сильный,* ***перейти перейдешь***, ***не можешь — не сможешь*** (здесь и далее, если не указано другое, перевод наш. — *Е. Н.*).

Значительное количество форм представляет тип лексемной редупликации, при которой повторяется слово целиком, без изменений. Подобным образом редуплицируются слова различных частей речи, например:

— существительное: *Тачин нэнэдникэн долдаракан амаргич иакутта* ***кинҕэлэн-кинҕэлэн***, ***ньаралан-ньаралан*** *нэннэн* [ИОМ, с. 40] // *Когда так шел, услышал как кто-то сзади, (издавая)* ***сильные звоны, лязги*** *идет*;

— прилагательное: *Хисэчин* ***эгден-эгден*** *тэукэ мон дын бэимкэр эмчэ* [ЭФ, с. 36] // *Вечером мужчина пришел* ***большой-большой*** *как огромная лиственница*; *Дьуллэ hи этлэh-тэ hэттэ, hилда, дьулдэлэh* ***эгдьэн-эгдьэн*** *нам бидьин* [Дуткин, 1996, с. 27] // *Ты даже не устанешь, не намучаешься, а впереди (тебя)* ***большое-большое*** *море покажется*;

— глагол: *Атикан ньундэндьин* ***нэндэн-нэндэн*** [Дуткин, 1996, с. 27] // ***Идет и идет***, *как указала старуха*.

В текстах распространено редуплицирование различных видов деепричастий:

— настоящее-одновременное деепричастие: *Дэвкивэн* ***то5тыhникан-то5тыhникан*** *Гулденьдьэ олдакандун нэндын* [Лебедев, 1978, с. 114] // *И так,* ***ударяя-ударяя*** *Белоснежного по крупу, он шел с ним бок о бок*; *Нөөтмыр итийи* ***авникан-авникан*** *эмыдьээндын* [Лебедев, 1978, с. 119] // *Младший брат, лицо (свое)* ***утирая-утирая***, *возвращался*;

— разновременное деепричастие: *Экэнни Нэрук орам* ***дебэддиди-дебэддиди***, *окатаци эеки гиркача нян-да төру авиникан* [ДМО, с. 90] // *Сестра Нэрук* ***поев-поев*** *оленей, пошла по течению реки — опять идёт,*

проваливаясь в землю; *Эвикэчидиллэкэтэн, эрэк бэй бими, Иркэнмэл бими нюрманикан эмнидийи,* ***hинмаридийи-hинмаридийи****, эгден дэтлэв гаридийи hякита кэнулэлин дяйран* [ДМО, с. 128] // *Когда начали играть, этот человек, Иркэнмэл, крадучись придя,* ***выбрав-выбрав****, взяв большое крыло, спрятал за дупло дерева*; *Эрэк Өйинде бими курукэм гадайи* ***эйлинэвчиридийи-эйлинэвчиридийи*** *дэтлэвэн эмун* [ДМО, с. 134] // *А Ойинде, чтобы юлу получить,* ***заставив её долго-долго просить****, затем крылья принёс*; *Тачин дьаргаридьур, чукачаякам энтэкэе* ***дувридьур-дувридьур****, hурчэл'* [Дуткин, 1996, с. 27] // *Так обругав, птичку сильно* ***побив-побив****, ушли*;

— последовательное деепричастие: *Эрэк өмэн-дэ оран ачча, тали орар* ***чобанкачидямнин-чобанадямнин*** *бэрибгэрэчэл, илэ-дэ уэндэкэтэн эсни hавра* [ДМО, 2013, с. 89] // *Ни одного оленя нет, там олени* ***поскакав-поскакав*** *исчезали, в какую сторону убегали неизвестно*;

— наречие степени действия и состояния: *Аси дюн хо ням эмнэ нян хо гелбэти бисин. Нонан дючандукун* ***хо-хо*** *аидмар* [ЭФ, с. 20] // *Чум женщины очень теплый, просторный и очень чистый был.* ***Очень-очень*** *(намного) лучше его чумишки*; *Өинде* ***хоч-хоч*** *напча, тарав-тит эчин икэчэ* [ЭФ, с. 36] // *Оинде* ***очень-очень*** *опечалился и тогда так запел*; ***Аран-аран*** *уриди тикэсчиникэн, хоч хилникан нулгэчэ* [ЭФ, с. 24] // ***Еле-еле*** *взобравшись (на оленя), выпадая (из седла), очень мучаясь, ехал*; *Дюлай* ***аран-аран*** *эмми, яв-да эникэн төрэснэ, дэсчиснэн, тачин-та көкэн, эникэн илра* [ТРН, 1992, с. 38] // ***Еле-еле*** *доплелась до дома, ничего не сказав, легла. Так и умерла, молча, не вставая с постели* [ТРН, 1992, с. 7]; *Нян* ***унэт-унэт*** *гасчин, касагчин* [Шарина, 2023, с. 229] // И **еще-еще** просит, настаивает' [Шарина, 2023, с. 244]; *Гулденьдьэ, окату эмнин давры,* ***аркан-аркан*** *илдын* [Лебедев, 1978, с. 113] // Белоснежный-верховой, не переходя реки, **чуть-чуть** приостановился;

— наречие времени: ***Гору-гору*** *окату холчалан, эр онукачакан оча* [ЭФ, с. 27] // *Когда (он)* ***долго-долго*** *реку перешел, вот пастбище оказалось*;

— наречие места: *Мунрукан икэч ходмарач хэнулчэ. Ноңан бэич он гяларчин, тачин-да хятакаг долин* ***горла-горла*** *истала маңрича* [ЭФ, с. 42] // *Заяц звуков песни сильнее испугался. Как же он будет дружить с человеком, и так по зарослям тальника* ***далеко-далеко*** *ускакал*;

— вопросительное местоимение: *Мэтэлэ эрэв долдариди, дюла ириди төрэчэ: — Дя, он оданри,* ***яв-яв*** *төрэнри?!* [ЭФ, с. 25] // *Мэтэлэ, услышав это, войдя в чум, сказал: — Дя, что с тобой,* ***что-что*** *говоришь?!*

В сказании «Иркэнмэл, Ойинде, Мэтэлэ» выявлены примеры дистантной редупликации, при которой между двумя повторенными сегментами появляется третий, не имеющий непосредственного отношения к повтору. Данный тип редупликации в эвенском эпосе образуется при помощи

соединительной частицы *-да / -дэ*. Подобные конструкции представлены глаголами и вопросительными местоимениями:

— глагол: *Иркэнмэл* ***ӈэннэн-дэ-ӈэннэн***, ***ӈэннэн-дэ-ӈэннэн*** *һоов гору ӈэннэн* [ИОМ, с. 37] // *Иркэнмэл* ***идет и идет***, ***идет и идет***, *очень долго идет* [ИОМ, с. 15]; *һути никанди уӈуридьи* ***уулдан-да-уулдан***, ***уулдан-да-уулдан*** [ИОМ, с. 40] // *Посадив (своего) ребенка на шею,* ***идет и идет вниз по руслу реки, идет и идет не отвлекаясь***;

— вопросительное местоимение: *Гиав инэӈив Иркэнмэл* ***илэ-дэ-илэ*** *һөррэн* [ИОМ, с. 35] // *Наступил новый день. Иркэнмэл ушел* ***неизвестно куда*** [ИОМ, с. 13].

Таким образом, в эпических сказаниях эвенов выделяются три типа редупликаций: морфемная, лексемная и дистантная. Наиболее частотной является лексемная редупликация, в которой участвуют слова всех частей речи, кроме числительного. Пример морфемной редупликации, состоящий в дублировании глагольного корня, встречается в одном тексте. Выявлен тип дистантной редупликации, при котором с участием соединительной частицы повторяются глагол и местоимение.

3.2. Парные слова

По определению Э. В. Фомина, парные слова — сложные слова, состоящие из двух компонентов, связанных между собой синонимическими (друзья-товарищи, путь-дорога), ассоциативными (мама-папа, руки-ноги, подобру-поздорову), антонимическими (туда-сюда) связями [Фомин, 2017, с. 278].

Эвенские парные слова являются более устойчивыми, нежели редупликаты, и свободно функционируют в языке. Наблюдение обнаруживает, что одно и то же парное слово встречается у разных сказителей. Систематизация эвенских парных слов проведена на основе классификации Н. К. Дмитриева [Дмитриев, 2008], в которой выделяется четыре типа.

К первому типу относятся слова, представленные компонентами с синонимическими отношениями между собой, например, часто встречающееся в эвенском эпосе сочетание наречий времени: *Эрэк* ***өтэл-титэл*** *би амму нимкандякан нимкан* // *Это — сказка, которую* ***давным-давно*** *отец рассказывал* [ДМО, с. 79].

Ко второму типу относятся слова, компоненты которых различны по индивидуальному значению, но принадлежат к одной родовой категории. Эвенские парные слова данного типа представлены глаголами и числительными:

— глаголы: *Тарав иттиди атикан өрэлдэчэ, такындули давдай мокича, такын ойлин адыра-да* ***гиркасанча-такладилча***, *таракам такын хогналча, асукуч мөлэ тикчэ* [ЭФ, с. 39] // *Увидев это, старуха обрадовалась,*

по бревну собралась переходить, по бревну несколько шагов ***сделала, походила****, тогда бревно зашевелилось, чуть в воду не упала*;

— повторительные числительные: *Эчин икэддыди нян-да такласчилча,* ***өмнэкэн-дөрэкэн*** *гиркундача* [ЭФ, с. 39] // *Так пропев, снова хотела перейти по бревну,* ***один-два раза*** *шагнула*.

В классификации Н. К. Дмитриева выделяется третий тип (при котором второй компонент представлен своеобразным фонетическим отзвуком первого, не обладающим никаким лексическим значением). В опубликованных эвенских эпических сказаниях парные слова данного типа не обнаружены.

К четвертому типу относятся парные слова, компоненты которых находятся в антонимическом отношении друг другу. В эвенском эпосе данный тип представлен глаголами: *— Э, һарам! Тар, тар! Адам кэвӈэн* ***биһниэһни****, тала дьайрин би акму, Умчэгэн!* [Дуткин, 1996, с. 24] // *— Э, знаю! Вон, вон!* ***Есть же*** *окаменевшее дерево с дуплом, там спрятал мой брат, Умчэгэн!*

В эвенском языке значительное количество парных слов образовано путем сложения двух компонентов, первый из которых является вопросительным местоимением, второй компонент зависит от первого и может быть представлен местоимением или наречием. Например: парное слово *ирэв-тарав* состоит из вопросительного местоимения *ирэв?* (*которого из них?*) и указательного местоимения *тарав* (*того*), что в дословном переводе означает «*которого (из них)?-того*». Значение данного парного слова исходя из контекста может варьироваться, например: *Һадун-да өмэӈэтэн эмэбникэн дюдийи* ***ирэв-тарав*** *очкаран // Иногда один из них остаётся дома и* ***всякое разное*** *делает* [ДМО, с. 13]; *Нөӈилни бими дюду тэгэтникэн һэрэчэӈгэвур һэрэчивэчтэ, дебдэвур иричивэчтө,* ***ирэв-тарав*** *инэӈур явур ичивэчтэ // Младшие сестры сидели в юрте и вышивали, готовили еду, выделывали шкуры* ***всякие*** [ДМО, с. 80] // *Младшие сестры, сидя в чуме, вышивку (свою) вышивали, кушать варили,* ***те-эти*** *шкуры выделывали*.

В следующем примере парное слово состоит из вопросительного местоимения *ичин?* (*как?*) и качественного наречия *тачин* (*так*): *«Өйинде», — гөнни эмэссирэкэн, дюн һивэкчэ тоган, дюлайи иссирэкэн, һэгтэн бэкэчэн һэкипчэ, бэкэчэн чапчипча, угэн-дэ* ***ичин-тачин*** *дэсчин, якта бэкэчэн һикапча // «Ойинде», — позвал брат когда возвратился, в юрте огонь не горит, а когда вошёл в юрту, ветки все разброшены, все истоптано, ограждение огня* ***там-сям*** *лежит, внутри всё вверх дном поднято* [ДМО, с. 136] // *«Ойинде», — позвал брат когда возвратился, в юрте огонь не горит, а когда хотел войти в чум, ветки все разброшены, все истоптано, ограждение огня* ***так-сяк*** *лежит, всё разбросано*.

Парные слова *илэ-тала* (вопросительное местоимение *илэ?* (*где?*) + указательное местоимение *тала* (*там*)), *или-тали* (вопросительное местоимение *или?* (*по какому месту?*) + указательное местоимение *тали* (*по тому месту*)), *иду-таду* (вопросительное местоимение *иду?* (*где?*) + указательное местоимение *таду* (*там*)), *идук-тадук* (вопросительное местоимение *идук?* (*откуда?*) + указательное местоимение *тадук* (*оттуда*)) состоят из падежных форм местоимений *ирэк?* (*который из них?*) и *тарак* (*тот*): *Нукаддидьур,* ***илэ-тала*** *дьайгарар. һунтэл одидьур, аһаткамкарал одидьур,* ***илэ-тала*** *һэтэккөткэрэр, эвикэткэрэр: һупкэчэм-дэ эһтэн һулаврар, арбутлав-да эһтэн һулаврар* [Дуткин, 1996, с. 23] // *Сняв с себя (одежды),* ***там-сям*** *спрячут, превратившись в других, в девушек превратившись,* ***туда-сюда*** *побегут, играют: и холма не оставят, и мели не оставят*; *Мэтэлэ тараптукун буюсэлэн оча.* ***Или-тали*** *нулгэвэтникэн буюсникэн хоч аич бичэл* [ЭФ, с. 24] // *Мэтэлэ с тех пор хорошим охотником стал.* ***То в одном месте, то в другом*** *кочуя, охотясь очень хорошо жили*; *Эрэк бэйчэн арай* ***иду-таду*** *өриучиникан, анүатникан-да, нулгэн тар, буглайи иссан // Этот человек* ***тут и там*** *стоянки делал, ночевал, кочевал и приехал на родину* [ДМО, с. 156]; *Тарич дьуучаһайи дьууһран,* ***идук-тадук*** *өмэтэл мунгэрэи бакран* [ИОМ, с. 39] // *К вечеру юрточку поставила,* ***там-сям*** *нашла переметные сумы* [ИОМ, с. 18].

Таким образом, в эпосе эвенов зафиксированы парные слова трех типов: синонимы, антонимы, слова одной категории. В образовании парных слов участвуют глаголы, наречия, числительные, местоимения.

3.3. О функционировании редупликатов и парных слов в эвенском языке

Редупликация и сложение представляют процесс образования новых слов. Ранее оба явления специально не рассматривались в эвеноведении, в котором ведущим способом словообразования является агглютинация. Основной областью функционирования редупликатов и парных слов являются фольклор и разговорная речь.

Наблюдение обнаруживает, что в процессе редупликации могут участвовать слова почти всех частей речи эвенского языка, кроме числительного. Дублирование лексем в речевом потоке происходит свободно, явление гармонично вплетается в повествование и разговорную речь. Обнаружены свойственные произведениям отдельных сказителей повторы слов, например, редупликация деепричастий присуща сказаниям Д. М. Осениной [ДМО, с. 90], и, если лексемная редупликация встречается у многих сказителей, то дистантная выявлена только у Е. А. Данилова [ИОМ, с. 40].

Исследование выявило распространенные редупликаты, активно функционирующие в текстах различных сказителей. Например, *аран-аран* ‘еле-

еле’, *гору-гору* ‘долго-долго’, *хо-хо* ‘очень-очень’ (и его варианты) и др.: *Нянин мяути, нөлтэн-дэмэр бяӈ урэчин* ***аран-аран*** *ичусчири одни* [ТРН, 1992, с. 49] // *Небо — какое-то серое, а солнце как луна, мутное,* ***еле-еле*** *светит* [ТРН, 1992, с. 18]; ***Гору-гору*** *кусикэтчэл* [ЭФ, с. 34] // ***Долго-долго*** *дрались*; *Өинде инэӈу чуптэрэ* ***хов-хов*** *хояв олрав хэимдук хукуча, тарыӈӈон нёнчак дебэнди бичэ, унэт эчэ дялур* [ЭФ, с. 43] // *Оинде за целый день* ***очень-очень*** *много рыбы из полыньи вычерпал, этим волк питался и еще не насытился*.

Основной функцией редупликатов в эвенском языке является усиление смысла. Редупликаты выражают интенсивность признака (*хо-хо* ‘очень-очень’, *эгден-эгден* ‘большой-большой’); повторяемость явлений (*киӈгэлэн-киӈгэлэн* ‘звон-звон’); длительность действия (*гору-гору* ‘долго-долго’), непрерывность действия (*то5тыhникан-то5тыhникан* ‘ударяя-ударяя’, *ӈэндэн-ӈэндэн* ‘идет и идет’).

Наряду с этим в эвенском языке обнаружены редупликаты, отмеченные в работе Крючковой [Крючкова, 2004, с. 69]. Они выражают значение неопределенности (*яв-яв* ‘что-что’, *илэ-дэ-илэ* ‘где-то-где’), персуазивности (*аран-аран* ‘еле-еле’, *унэт-унэт* ‘еще-еще’)

В отличие от редупликатов парные слова обладают большей устойчивостью и активно употребляются сказителями. В состав эвенских парных слов могут включаться глаголы, наречия, числительные, местоимения. Частотными в эпосе эвенов являются парные слова *өтэл-титэл, или-тали* и др., например:

Дэной, ***уутэл-тиитэл*** *биусий,*
Дэной, hуйу бэӈдэӈрэрэм,
Дэной, hину-дэ бэӈдэвкэнэкэс бэӈдэмчу [ЭОЭ, с. 47] //
Дэной, ***давным-давно*** *будучи,*
Дэной, болячки лечил,
Дэной, и тебя, если разрешишь вылечить, вылечил бы;

Эрэгэр ***или-тали*** *чуматникан, як ӈэлэм бисэкэн дикэйкэтникэн, гадач hөррэн окатаӈи эеки* // *Всё время* ***туда-сюда*** *залезал, если что страшно бывает, прятался, и дальше пошёл вниз по течению реки* [ДМО, с. 142].

Если парные слова, состоящие из наречий, местоимений и глаголов, довольно распространены, то парные слова, в создании которых участвуют числительные, зафиксированы только в произведении А. И. Слепцовой [ЭФ, с. 39].

Парные слова создаются путем сложения двух самостоятельных слов и имеют собирательное, обобщающее значение, передают более емкий, сложный смысл. Например, слово *икэлчэ-төрэлчэ* (*запел-заговорил*) образовано от глаголов *икэдэй* (*петь*), *төрэдэй* (*говорить*). В этом слове объединены два понятия о разных видах деятельности: пении (музыкальная

деятельность) и говорении (речевая деятельность). Это объясняется тем, что в эпических произведениях эвенов речь героев производится в песенной форме. Объединяя в одно слово два понятия, сказитель подчеркивает информативную функцию песни героя, представляя ее не как музыкальное произведение, а как способ коммуникации, несущий в себе определенное послание: *Мэтэлэ ун бидимнин эчин* ***икэлчэ-төрэлчэ*** [ЭФ, с. 23] // *Мэтэлэ через какое-то время так* ***запел-заговорил***.

Частотное парное слово *илэ-тала* образовано из вопросительного местоимения *илэ?* (*где*) и указательного местоимения тала (*там*), что в буквальном переводе означает: *где?-там*. В этом слове содержатся понятия о двух разных неизвестных местах, где происходит какое-либо событие или действие. Данное слово перекликается с русским парным словом *там-сям* и часто переводится на русский язык именно так: *Нукаддидьур,* ***илэ-тала*** *дьайгарар. һунтэл одидьур, аһаткамкарал одидьур,* ***илэ-тала*** *һэтэккөткэрэр, эвикэткэрэр: һупкэчэм-дэ эһтэн һулаврар, арбутлав-да эһтэн һулаврар* [Дуткин, 1996, с. 23] // *Сняв с себя (одежды),* ***там-сям*** *спрячут, превратившись в других, в девушек превратившись,* ***туда-сюда*** *побегут, играют: и холма не оставят, и мели не оставят*.

Применение парных слов в пении позволяет сказителю не только обогатить содержание песенного монолога, но и поддержать ритмическую структуру:

Чиамдань, тээлэӈу
Чиамдань, тээлэӈэдлил!
Чиамдань, һии авгич
Чиамдань, эмэ бэй бисэнни?
Чиамдань, тээлэӈу
Чиамдань, тээлэӈэдлил!
Чиамдань, ***ирэв-тарав***
Чиамдань, долдадавар
Чиамдань, тэдьэкич
Чиамдань, эммочис.
Чиамдань, һии тиэк
Чиамдань, ӈии гэрбэлкэн
Чиамдань, бэй бисэнни?
Чиамдань, һии иач тээкэлкэн
Чиамдань, бэй бисэнни? [ЭОЭ, с. 41].

Чиамдань, расскажи
Чиамдань, о себе!
Чиамдань, ты откуда
Чиамдань, путь держишь?
Чиамдань, расскажи
Чиамдань, поподробней!
Чиамдань, ***всякое-разное***_
Чиамдань, послушаем,
Чиамдань, правильно ли
Чиамдань, ты путь держишь!
Чиамдань, как
Чиамдань, твое имя,
Чиамдань, человек?
Чиамдань, из какого рода
Чиамдань, будешь? [ЭОЭ, с. 175].

На наш взгляд продукты редупликации и сложения слов в эвенском языке служат прежде всего выразительности речи. Редупликаты создают-

ся в процессе речи в целях акцентирования на интенсивности признака, длительности, многократности действия, придания слову большей эмоциональной окраски. Парные слова имеют собирательную семантику, выражают более сложные смыслы, создают новые оттенки понятий и способствуют выразительности текста.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, редупликация и сложение слов представляют собой важные языковые явления, обогащающие лексику эвенского языка и служащие средством выражения различных значений и эмоций.

В работе представлены классификации, в которых материал распределен по частеречному принципу. В эвенском языке выявлены три типа редупликаций: морфемная, лексемная, дистантная. При морфемной редупликации дублируется одна или нескольких морфем. Лексемная редупликация состоит в повторении лексемы целиком, без изменений. В дистантной редупликации два повторенных сегмента соединяет третий, не имеющий непосредственного отношения к повтору, таковым в эвенском языке является соединительная частица *-да / -дэ*. Ведущей в эвенском языке является лексемная редупликация, в которой участвуют слова всех частей речи, кроме числительного.

Анализ собранного материала выявил три типа парных слов: слова синонимы, слова-антонимы и слова одной категории. В образовании парных слов участвуют глаголы, наречия, числительные, местоимения. Наиболее устойчивыми и распространенными являются парные слова, где первый компонент является вопросительным местоимением, второй представлен местоимением или наречием.

Характерным для эвенского языка является участие в процессе редупликации и сложения самостоятельных слов. Оба явления свойственны фольклору и разговорной речи эвенов. В работе выявлены как устойчивые, так и авторские редупликаты и парные слова.

Основной функцией редупликатов в эвенском языке является усиление значения слова. Так, редупликаты используются в целях акцентирования интенсивности признака, повторяемости явлений, длительности, непрерывности действия, придания слову большей эмоциональной окраски. Вместе с тем выявлены редупликаты, выражающие и другие значения: неопределенности и персуазивности.

Парные слова имеют собирательную семантику, выражают более сложные смыслы, создают новые оттенки понятий и способствуют выразительности текста.

Редупликаты и парные слова в большинстве своем функционируют в фольклоре и разговорной речи. Используются в целях придания пове-

CC BY

ствованию большей выразительности, эмоциональной насыщенности, выделения важных деталей, формирования у слушателя глубоких образов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. ДМО — *Эвенские* нимканы Дарьи Михайловны Осениной / Сост. А. Лаврилье, Д. Матич, Х. М. Захарова. — Fürstenberg ; Havel, 2013. — 158 с.
2. ИОМ — *Данилов Е. А.* Иркэнмэл, Ойинде, Мэтэлэ / Е. А. Данилов. — Якутск : Розовая чайка, 1991. — 47 с.
3. ТРН — *Тайшина Е. И.* Нөлтэк / Е. И. Тайшина, В. А. Роббек — Якутск : Розовая чайка, 1992. — 64 с.
4. ЭОЭ — *Эпос* охотских эвенов. — Якутск : Якутское книжное изд-во, 1986. — 301 с.
5. ЭФ — *Бокова Е. Н.* Эвэды фольклор / Е. Н. Бокова — Якутск : Бичик, 2002. — 213, [1] с.: ил.

Литература

1. *Бурыкин А. А.* Первая запись эвенского эпического сказания [введение, транскрипция, перевод] / А. А. Бурыкин // Олонхо в контексте эпического наследия народов мира. — Якутск : ИГИ АН РС (Я), 2001. — С. 44—46. — ISBN 978-5-02-041468-6.
2. *Бурыкин А. А.* Эпос восточных эвенков и эпос охотских эвенов : к проблеме общих типологических свойств ранних форм эпоса / А. А. Бурыкин, С. И. Шарина // IX международная конференция «Сибирские чтения» грани социального : антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры. — Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2013. — С. 12—13.
3. *Варламова Г. И.* Имена собственные персонажей эвенского эпоса. Словарь-указатель / Г. И. Варламова, С. Н. Саввинова, Е. В. Нестерова — Новосибирск : Наука, 2019. — 219 с. — ISBN 978-5-02-038766-9.
4. *Гилярова К. А. Такая девочка-девочка* : семантика редупликации существительных в русской разговорной речи и языке интернета / К. А. Гилярова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : материалы международной конференции «Диалог 2010». — Москва : РГГУ, 2010. — Т. 9. — Вып. 16. — С. 90—96.
5. *Дуткин Х. И.* Эвенский фольклор / Х. И. Дуткин. — Якутск : Изд-во ЯГУ, 1996. — 66 с.
6. *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка / Н. К. Дмитриев. — Москва : Наука, 2008. — 264 с. — ISBN 978-5-02-036258-1.
7. *Крючкова О. Ю.* Вопросы лингвистической трактовки лексической редупликации в русском языке / О. Ю. Крючкова // Русский язык в научном освещении. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — № 2 (8). — С. 63—85.
8. *Кузьмина Р. П.* Усилительные формы имен прилагательных в эвенском языке (на материале языка эвенов Якутии) / Р. П. Кузьмина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 6-1 (24). — С. 108—110.
9. *Лебедев В. Д.* Охотский диалект эвенского языка / В. Д. Лебедев. — Ленинград : Наука, 1982. — 241 с.

10. *Лебедев В. Д.* Язык эвенов Якутии / В. Д. Лебедев. — Ленинград : Наука, 1978. — 208 с.

11. *Лебедева Ж. К.* Архаический эпос эвенов / Ж. К. Лебедева. — Новосибирск : Наука, 1981. — 156 с.

12. *Лебедева Ж. К.* Быт в эвенских героических сказаниях / Ж. К. Лебедева // Краткое содержание докладов годичной научной сессии института этнографии АН СССР 1970 г. ; под ред. К. В. Чистов. — Ленинград : АН СССР. Ленингр. отд-ние Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1971. — С. 53—55.

13. *Лебедева Ж. К.* Об эвенском эпосе / Ж. К. Лебедева // Эпическое творчество народов Сибири (тезисы докладов научной конференции 17—20 июля 1973 г. ; под ред. Д. Д. Лубсанов. — Улан-Удэ : [б. и.], 1973. — С. 87—88.

14. *Лебедева Ж. К.* Сюжетика эвенского эпоса / Ж. К. Лебедева // Краткое содержание докладов годичной сессии Института этнографии АН СССР (Ленинградское отделение) ; под ред. К. В. Чистов. — Ленинград : Наука, 1974. — С. 178—183.

15. *Леонтьева Т. В.* Именные фразеосочетания с соединительным союзом *и, да*: семантический потенциал / Т. В. Леонтьева // Язык — текст — дискурс : проблемы интерпретации высказывания в разных коммуникативных сферах : материалы междунар. науч. конф. 12 — 14 мая 2011 г. — Самара : Универс групп, 2011. — С. 263—268.

16. *Минлос Ф. Р.* Редупликация и парные слова в восточнославянских языках : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.03 / Ф. Р. Минлос. — Москва, 2004. — 20 с.

17. *Петрова В. А.* Эпическая традиция эвенов в контексте духовной культуры и быта кочевого народа (конец XIX — начало XXI в. : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.03 / В. А. Петрова. — Москва, 2014. — 215 с.

18. *Реформатский А. А.* Введение в языковедение / А. А. Реформатский. — Москва : Аспект Пресс, 1996. — 536 с. — ISBN 5- 7567-0046-3.

19. *Рожанский Ф. И.* Редупликация как объект типологии / Ф. И. Рожанский // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. — 2010. — Т. 6. — № 3. — С. 192—210.

20. *Саввинова С. Н.* Эпос эвенов / С. Н. Саввинова, Е. В. Нестерова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 5 (59). — С. 41—43.

21. *Саввинова С. Н.* Отрицательные и положительные герои в героическом сказании эвенов «Геакчавал» / С. Н. Саввинова // Европейский журнал социальных наук. — 2014. — № 10-2 (49). — С. 300—302.

22. *Саввинова С. Н.* Персонаж героического сказания эвенов / С. Н. Саввинова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 2 (44). — С. 170—172.

23. *Сомин А. А.* Долго ли, коротко ли: выражение длительности с помощью редупликации в бесленеевском диалекте кабардино-черкесского языка / А. А. Сомин // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. — 2016. — Т. 12. — № 1. — С. 208—221.

24. *Столбова О. В.* Некоторые дополнения к «бинарной теории редупликации» («замещающая редупликация» в чадских языках и в аккадском) / О. В. Столбова // Вестник Института востоковедения РАН. — 2019. — № 2 (8). — С. 268—274.

25. *Фомин Э. В.* О сущностных параметрах парных слов русского языка / Э. В. Фомин // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2017. — Т. 1. — С. 278—280. — ISBN 978-5-00019-878-0

26. *Шарина С. И.* Вербальные традиции эвенов Якутии / С. И. Шарина, Р. П. Кузьмина, Е. В. Нестерова. — Новосибирск : Наука, 2023. — 343 с. — ISBN 978-5-02-041516-4.

27. *Шарина С. И.* Локальные эпические традиции эвенов : лингвистический аспект / С. И. Шарина // Полилингвальность и транскультурные практики. — 2024. — № 2. — С. 213—222. — DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-2-213-222.

28. *Шарина С. И.* Эпическая традиция эвенов : сбор, локальная специфика, характерные черты / С. И. Шарина // Сибирский филологический журнал. — 2021. — № 4. — С. 10—23. — DOI: 10.17223/18137083/77/1.

29. *Israeli A.* Repetitions (reduplications and tautologies) in Russian / A. Israeli // Russian Language and Linguistic Theory. — 2024. — № 1. — Pp. 9—53. — DOI: 10.31912/rjano-2024.1.1.

Статья поступила в редакцию 05.04.2025,
одобрена после рецензирования 12.07.2025,
подготовлена к публикации 30.07.2025.

Material resources

Domo-Even nymphs of Darya Mikhailovna. (2013). Furstenberg; Havel. 158 p. (In Yakut.).

Efbokova, E. N. (2002). *Evady folklore.* Yakutsk: Bichik. 213, [1] p.: ill. (In Yakut.).

Enoe-the epic of the Okhotsk Evens. (1986). Yakutsk: Yakut Book Publishing House. 301 p. (In Yakut.).

IOM — Danilov, E. A. (1991). *Irkenmel, Oyinde, Matel.* Yakutsk: Rosovaya chaika Publ. 47 p. (In Yakut.).

TRN — Tayshina, E. I., Robbek, V. A. (1992). *Nurtek.* Yakutsk: Rosovaya chaika. 64 p. (In Yakut.).

References

Burykin, A. A. (2001). The first record of the Even epic tale [introduction, transcription, translation]. In: *Olonkho in the context of the epic heritage of the peoples of the world.* Yakutsk: IGI AN RS (Ya). 44—46. ISBN 978-5-02-041468-6. (In Russ.).

Burykin, A. A. (2013). The epic of the Eastern Evenks and the epic of the Okhotsk Evens: towards the problem of common typological properties of early forms of the epic. In: *IX International Conference "Siberian Readings" Facets of social Anthropological perspectives on the study of social relations and culture.* Saint Petersburg: MAE RAS. 12—13. (In Russ.).

Dmitriev, N. K. (2008). *Grammar of the Bashkir language.* Moscow: Nauka Publ. 264 p. ISBN 978-5-02-036258-1. (In Russ.).

Dutkin, H. I. (1996). *Evensky folklore.* Yakutsk: Publishing House of YAGU. 66 p. (In Russ.).

Fomin, E. V. (2017). On the essential parameters of paired words of the Russian language. In: *I. A. Baudouin de Courtenay and world linguistics, 1.* Kazan: Kazan Publishing House. University. 278—280. ISBN 978-5-00019-878-0. (In Russ.).

Gilyarova, K. A. (2010). Such a girl is a girl: Semantics of noun reduplication in Russian colloquial speech and Internet language. In: *Computational linguistics and intellectual technologies: Proceedings of the international conference "Dialog 2010".* Moscow: RSUH. *9*(16): 90-96. (In Russ.).

Israeli, A. (2024). Repetitions (reduplications and tautologies) in Russian. *Russian Language and Linguistic Theory, 1:* 9—53. DOI: 10.31912/rjano-2024.1.1.

Kryuchkova, O. Y. (2004). Issues of linguistic interpretation of lexical reduplication in the Russian language. In: *Russian language in scientific coverage, 2 (8).* Moscow: Languages of Slavic Culture. 63—85. (In Russ.).

Kuzmina, R. P. (2013). Amplifying forms of adjectives in the Even language (based on the material of the language of the Evens of Yakutia). *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 6-1 (24):* 108—110. (In Russ.).

Lebedev, V. D. (1978). *The language of the Evens of Yakutia.* Leningrad: Nauka Publ. 208 p. (In Russ.).

Lebedev, V. D. (1982). *Okhotsk dialect of the Even language.* Leningrad: Nauka Publ. 241 p. (In Russ.).

Lebedeva, J. K. (1973). *On the Even epic. In: Epic creativity of the peoples of Siberia (abstracts of the scientific conference on July 17—20, 1973.* Ulan-Ude: [B. I.]. 87—88. (In Russ.).

Lebedeva, J. K. (1974). The plot of the Even epic. In: *Summary of the reports of the annual session of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences (Leningrad Branch).* Leningrad: Nauka Publ. 178—183. (In Russ.).

Lebedeva, J. K. (1981). *The archaic epic of the Evens.* Novosibirsk: Nauka Publ. 156 p. (In Russ.).

Lebedeva, Zh. K. (1971). *Life in the Even heroic tales. In: Summary of the reports of the annual scientific session of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences in 1970.* Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. Leningr. Department of the N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnography. 53—55. (In Russ.).

Leontieva, T. V. (2011). Nominal phraseological combinations with the connective union and, yes: semantic potential. In: *Language — text — discourse: problems of interpretation of utterances in different communicative spheres: proceedings of the International Scientific Conference on May 12—14, 2011.* Samara: Universes Group. 263—268. (In Russ.).

Minlos, F. R. (2004). *Reduplication and paired words in East Slavic languages.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 20 p. (In Russ.).

Petrova, V. A. (2014). *The epic tradition of the Evens in the context of the spiritual culture and way of life of the nomadic people (late 19th — early 21st centuries.* PhD Diss. Moscow. 215 p. (In Russ.).

Reformatsky, A. A. (1996). *Introduction to linguistics.* Moscow: Aspect Press. 536 p. ISBN 5- 7567-0046-3. (In Russ.).

Rozhansky, F. I. (2010). Reduplication as an object of typology. *Acta Linguistica Metropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research, 6 (3):* 192—210. (In Russ.).

Savvinova, S. N. (2014). Negative and positive heroes in the heroic legend of the Evens "Geakchaval". *European Journal of Social Sciences, 10-2 (49):* 300—302. (In Russ.).

Savvinova, S. N. (2015). The character of the heroic legend of Evenov. *Philological sciences. Questions of theory and practice, 2 (44):* 170—172. (In Russ.).

Savvinova, S. N., Nesterova, E. V. (2016). The epic of evenov. *Philological sciences. Questions of theory and practice, 5 (59):* 41—43. (In Russ.).

Sharina, S. I. (2021). The epic tradition of the Evens: collection, local specifics, characteristic features. *Siberian Philological Journal, 4:* 10—23. DOI: 10.17223/18137083/77/1. (In Russ.).

Sharina, S. I. (2024). Local epic traditions of the Evens: a linguistic aspect. *Multilingualism and transcultural practices, 2:* 213—222. DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-2-213-222. (In Russ.).

Sharina, S. I., Kuzmina, R. P., Nesterova, E. V. (2023). *Verbal traditions of the Evens of Yakutia.* Novosibirsk: Nauka Publ. 343 p. ISBN 978-5-02-041516-4. (In Russ.).

Somin, A. A. (2016). Whether it's long or short: the expression of duration using reduplication in the Besleneyevsky dialect of the Kabardino-Circassian language. *Acta Linguistica Metropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research, 12 (1):* 208—221. (In Russ.).

Stolbova, O. V. (2019). Some additions to the "binary theory of reduplication" ("substitution reduplication" in the Chadian languages and in Akkadian). *Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2 (8):* 268—274. (In Russ.).

Varlamova, G. I., Savvinova, S. N., Nesterova, E. V. (2019). *Proper names of the characters of the Even epic. Index dictionary.* Novosibirsk: Nauka. 219 p. ISBN 978-5-02-038766-9. (In Russ.).

The article was submitted 05.04.2025;
approved after reviewing 12.07.2025;
accepted for publication 30.07.2025.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Ожигова М. М. Грани эстетико-художественного взаимодействия С. Цвейга и М. Горького : к истории публикации рассказа «Переулок лунного света» («Беседа», Берлин) / М. М. Ожигова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 6. — С. 317—332. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-317-332.

Ozhigova, M. M. (2025). Aesthetic and Artistic Interactions Between Stefan Zweig and Maxim Gorky: Publication History of Short Story “The Moonlight Alley” in “Beseda” (Berlin). *Nauchnyi dialog, 14* (6): 317-332. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-317-332. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Грани эстетико-художественного взаимодействия С. Цвейга и М. Горького: к истории публикации рассказа «Переулок лунного света» («Беседа», Берлин)

Ожигова Мария Михайловна
orcid.org/0000-0002-9631-0446
кандидат филологических наук,
кафедра теории литературы
ozhigova13.m@gmail.com

Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке по гранту
в форме субсидии Минобрнауки РФ
(проект «Русская и европейская
классика в XXI веке:
подготовка цифровых
научных комментированных изданий»,
соглашение № 075-15-2024-549
от 23 апреля 2024 г.)

Aesthetic and Artistic Interactions Between Stefan Zweig and Maxim Gorky: Publication History of Short Story “The Moonlight Alley” in “Beseda” (Berlin)

Maria M. Ozhigova
orcid.org/0000-0002-9631-0446
PhD in Philology, Department
of Literary Theory
ozhigova13.m@gmail.com

Lomonosov Moscow
State University
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:
Ministry
The study is supported
by of Education and Science
of the Russian Federation,
grant in the form of a subsidy
(project “Russian and European
Classics in the 21st Century: preparation
of digital scientific commentaries”,
Agreement № 075-15-2024-549
dated April 23, 2024)

© Ожигова М. М., 2025

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается история публикации рассказа «Переулок лунного света» С. Цвейга в берлинском журнале М. Горького «Беседа» (№ 3, 1923) в компаративистском контексте. Сообщается, что Горький отмечал «тематическое сходство» рассказа Цвейга со своим текстом «Рассказ о безответной любви» и настоял на том, чтобы разместить оба произведения в одном номере «Беседы». Цель исследования заключается в анализе редакционно-издательского эпизода, в выявлении его значения в контексте сходства и сближения художественных методов и поэтик писателей. Материалом являются тексты Горького и Цвейга, а также их переписка. К сопоставлению был привлечен и более ранний текст Горького «Макар Чудра». Принимая во внимание творческое мироощущение Горького, автор статьи выявляет новые грани сходства авторских поэтик Горького и Цвейга. Доказывается, что решение Горького разместить рассказ Цвейга в своем журнале было связано со спецификой изображения любви у двух писателей, со сходством характерологических черт психологизма, общностью художественных поэтик и родственными мировоззренческими установками.

Ключевые слова:
Максим Горький; Стефан Цвейг; журнал *Беседа*; переписка; *Переулок лунного света*.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the publication history of Stefan Zweig's short story “The Moonlight Alley” in Maxim Gorky's Berlin journal “Beseda” (No. 3, 1923) within a comparative framework. It is noted that Gorky recognized the “thematic similarities” between Zweig's narrative and his own work “A Tale of Unrequited Love,” insisting on featuring both pieces in the same issue of “Beseda.” The aim of this research is to analyze this editorial and publishing episode, highlighting its significance in the context of the artistic methods and poetics shared by both writers. The study draws on the texts of Gorky and Zweig, as well as their correspondence. Additionally, Gorky's earlier text “Makar Chudra” is included for comparison. By considering Gorky's creative worldview, the author reveals new dimensions of similarity in the poetics of Gorky and Zweig. It is argued that Gorky's decision to publish Zweig's story in his journal was closely related to the distinctive portrayals of love by both authors, their shared psychological traits, common artistic poetics, and aligned philosophical perspectives.

Key words:
Maxim Gorky; Stefan Zweig; journal Beseda; correspondence; *The Moonlight Alley*.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.161.1Горький.07
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-317-332

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
5.9.2. Литературы народов мира
5.9.3. Теория литературы

Грани эстетико-художественного взаимодействия С. Цвейга и М. Горького: к истории публикации рассказа «Переулок лунного света» («Беседа», Берлин)

© Ожигова М. М., 2025

1. Введение = Introduction

Стефан Цвейг и Максим Горький по праву являются одними из самых ярких и значительных авторов XX века. Как известно, писатели были дружны, переписывались и даже были лично знакомы. Цвейг и Горький были единомышленниками как по многим творческим, так и по политическим вопросам. Этот аспект рассматривала Л. М. Юрьева в книге «М. Горький и передовые немецкие писатели XX века». Она отмечала, что с самого начала знакомства между писателями завязались дружеские отношения, а переписка «…продолжалась до самой смерти Горького» [Юрьева, 1961, с. 75]. Так, например, «М. Горький высоко ценил очерк Цвейга о Стендале…» [Сучков, 1969, с. 122], при этом открыто говоря Цвейгу и о недостатках эссе. В то же время и Цвейг писал Горькому, что очень ценит его творчество: «Как я люблю Ваши книги!» [Переписка А. М. Горького …, 1960, с. 11].

Как раз в период знакомства с Цвейгом русский писатель находится в Германии и там начинает издавать собственный журнал «Беседа», который был «одним из самых значительных литературно-издательских начинаний Горького за рубежом…» [Примочкина, 2003, с. 151]. По замыслу писателя, в журнале должен был публиковаться цвет европейской культуры: «А. Эйнштейн, Э. Штейнах, Т. Манн, Б. Келлерман и др.…» [Кудрявцева, 2023, с. 19], в том числе и Стефан Цвейг. «В “Беседе” Горький хотел объединить все прогрессивные культурные силы современной Европы, России и русского зарубежья» [Примочкина, 2006, с. 251].

Для нас представляет интерес редакционно-издательский аспект взаимоотношений Горького и Цвейга, а именно — публикация в горьковском журнале «Беседа» (№ 3, 1923 год) единственного рассказа Цвейга «Переулок лунного света». Данный эпизод интересен еще и тем, что Горький вы-

CC BY

брал этот рассказ не случайно, а настоял на его публикации именно потому, что увидел сходство своего произведения «Рассказ о безответной любви» (1923) с текстом Цвейга. Более того, писатель принял решение разместить эти два произведения в одном номере своего журнала. Сам характер данного издательского эпизода вызывает интерес и с компаративистской точки зрения. Таким образом, целью исследования является рассмотрение редакционно-издательского эпизода публикации рассказа С. Цвейга «Переулок лунного света» в журнале М. Горького «Беседа», посредством анализа двух рассказов выявить взаимосвязи художественных концепций этих писателей. Кроме рассказов, к анализу был привлечен более ранний текст Горького «Макар Чудра» (1892). Новизна исследования заключается в том, что редакционно-издательский аспект взаимоотношений Горького и Цвейга анализируется впервые, хотя в 1920-е годы писатели состояли в активной переписке. Исследование является важным вкладом в компаративистику, так как позволяет высветлить близость поэтики и художественных методов писателей.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования является рассказ С. Цвейга «Переулок лунного света» (1922 год, на русском языке издан в 1923 году), а также произведения М. Горького «Рассказ о безответной любви» (1923) и «Макар Чудра» (1892). Кроме того, материалом исследования является переписка Горького и Цвейга, а также другие письма М. Горького. Так как рассказы в статье рассматриваются не только в контексте редакционно-издательского эпизода, но и в компаративистском ключе, в работе используются сравнительно-исторический подход, а также метод целостного анализа.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Предыстория публикации перевода рассказа С. Цвейга «Переулок лунного света» в журнале М. Горького «Беседа»

Литературно-художественные взаимоотношения С. Цвейга и М. Горького в целом хорошо известны. В истории знакомства и общения русского и австрийского писателей есть, как уже было сказано выше, редакционно-издательский эпизод, связанный с берлинским журналом Горького «Беседа», который заслуживает отдельного рассмотрения. Речь идет о рассказе Цвейга «Die Mondscheingasse» («Переулок лунного света»), больше известном в позднем переводе как «Улица в лунном свете». На немецком текст был опубликован в 1922 году, а годом позже впервые появился в русском переводе в журнале Горького (1923, № 3). Примечательно, что этот рассказ был единственным текстом Цвейга, появившимся на страницах горьковской

«Беседы» за все время существования журнала, хотя в этот период активно развивались дружеские отношения писателей и Горький рассчитывал на сотрудничество Цвейга с «Беседой».

История публикации «Переулка…» на русском языке имеет несколько крайне интересных аспектов. Прежде всего, стоит вспомнить, что журнал «Беседа» Горького выходил не так долго, но тем не менее за период с 1923 по 1925 годы Горький успел издать семь номеров, которые включали помимо рецензий и научных статей большое количество художественных текстов русскоязычных авторов и переводных произведений зарубежных писателей. Горький в этот период активно общался с Цвейгом, однако выбрал для размещения в своем журнале лишь один уже названный выше текст австрийского писателя, так больше ничего из рассказов Цвейга и не опубликовав, хотя всегда очень восторженно отзывался о его творчестве. В то же время сама история появления текста Цвейга в «Беседе» представляется очень интересной с компаративистской точки зрения.

Публикации рассказа предшествовало заочное знакомство Горького и Цвейга, а затем и последующий обмен письмами. Стоит отметить, что впоследствии, уже в 1930-х годах, Цвейг и Горький не раз будут видеться лично и дружить семьями. Одно из первых упоминаний о Цвейге в переписке Горького содержится в письме Р. Роллану от 6 августа 1923 года, в котором русский писатель восхищается одним из рассказов Цвейга: «Стефан Цвейг, автор книги о Вас, не есть ли и автор “Письма незнакомки”? Буде это так — передайте ему мое искреннейшее восхищение этим его превосходным рассказом» [Горький, 2009, с. 217]. А уже 21 августа 1923 Горький, находясь в Гюнтерстале, в письме В. Ф. Ходасевичу дает оценку недавно вышедшим текстам Цвейга: «Не попадется ли Вам в руки книжка Стефана Цвейг <а> “Амок”, прочитайте в ней “Письмо незнакомки” — очень хорошо!» [Там же, с. 228]. Вскоре начинается собственно переписка Горького и Цвейга.

Первое письмо Цвейга Горькому датируется 29 августа 1923 года. 18 сентября Горький, отвечая на это письмо, просит у Цвейга разрешения «…перевести и напечатать…» [Переписка А. М. Горького …, 1960, с. 12] в «Беседе» рассказ «Переулок лунного света». В ответ на это предложение в письме от 26 сентября Цвейг отвечает: «С радостью даю я согласие опубликовать… мой рассказ…» [Там же, с. 13]. Горький решает одновременно с текстом Цвейга разместить в 3-й книге «Беседы» и свой «Рассказ о безответной любви», о чем сообщает в письме Ф. А. Брауну от 28 сентября [Горький, 2009, с. 250]. При этом в письме В. Ф. Ходасевичу от 12 октября он спрашивает, перевела ли Нина Берберова рассказ Цвейга, и добавляет, что «Рассказ сей нужен в 3-й №, он очень схож с моим единством тем» [Там же, с. 257]. Горький настаивает, чтобы текст Цвейга и его рассказ были помещены в одном

CC BY

номере. Реакция Горького очень интересна, так как случайное сходство двух произведений вызывает у него не отторжение, а удивление. При этом писатель не стремится «развести» тексты по разным номерам, а наоборот, размещает их в одном номере, чтобы близость текстов могли оценить и другие читатели. Уже 6 ноября, отправляя Цвейгу корректуру текста, Горький отмечает: «Любопытно, что Ваша тема похожа на мой рассказ о любви, который появится тоже в этом журнале» [Там же, с. 263]. Об этом сходстве Горький в этот же день сообщает и Р. Роллану. Примечательно также и то, что больше Горький не опубликует в «Беседе» ни одного переводного рассказа Цвейга, что подчеркивает важность выбора этого текста.

Далее в статье будет проанализировано сходство рассказов. Мы рассмотрим оригинальный немецкий текст Цвейга. Первоначальный перевод Берберовой несколько отличается от более позднего перевода И. Б. Мандельштама, поэтому мы будем ориентироваться на текст, который Горький опубликовал в «Беседе». Отметим, что расхождения в переводах затрагивают стилистический компонент текста. Например, различие можно увидеть в самом названии рассказа: «Переулок лунного света» у Н. Берберовой, и «Улица лунного света» у Мандельштама.

3.2. Истоки интереса М. Горького к рассказу «Переулок лунного света» С. Цвейга в ракурсе сходства поэтик двух писателей: сопоставительный аспект

Говоря о сходстве «Рассказа о безответной любви» с «Переулком лунного света», Горький подчеркивает именно «единство тем». Однако при рассмотрении текстов становится очевидно, что речь идет о сближении сюжета и проблематики. Кроме того, тексты сходны и композиционно, представляют собой «рассказ в рассказе».

В «Переулке лунного света» герой-рассказчик, блуждая по незнакомому городу и предаваясь размышлениям о жизни, забредает в один из ресторанчиков в тёмных кварталах. Несмотря на очевидно плохую репутацию заведения, он остаётся и становится невольным зрителем отталкивающей сцены: женщина, работающая в заведении, прилюдно унижает мужчину-посетителя, который безропотно сносит все издевательства и покорно выполняет все её требования. При этом женщина просит героя, ставшего случайным свидетелем этой сцены, не беспокоиться: *Das ist eine alte Sache zwischen mir und ihm…* [Zweig, 2001, с. 275] (*…Это у нас старая история…* [Цвейг, 1923, с. 170]). С тяжелым чувством от увиденной сцены герой покидает злачное место. Вместе с ним уходит и униженный незнакомец, которого разгоряченная женщина вслед называет скрягой. На улице незнакомый мужчина предлагает проводить героя-рассказчика до гостиницы и по дороге начинает исповедь. Он рассказывает драматическую историю своих отно-

CC BY

шений с женщиной из ресторана, бывшей, как оказалось, его женой. Легкомысленная и беззаботная, она имела пристрастие к красивым вещам, хотя была бедна: *…und sie war leicht, sie hatte gern schöne Sachen … und war doch arm…* [Zweig, 2001, с. 281] (*…была беззаботна, любила хорошие вещи… но была бедна…* [Цвейг, 1923, с. 220]). Мужчина же, в прошлом состоятельный, попрекал её этим, а деньги всегда заставлял вымаливать: *…ließ ich sie immer bitten…* [Zweig, 2001, с. 282] (*…заставлял я ее всегда просить…* [Цвейг, 1923, с. 176]). По его собственному признанию, ему нравилось унижать её: *…es tat mir wohl, dass sie um jedes Kleid, um jedes Band kommen mußte und betteln…* [Zweig, 2001, с. 282] (*…из-за каждого платья, из-за каждой ленты она должна была приходить…* [Цвейг, 1923, с. 176]). При этом мужчина был убежден, что делал все это из любви к ней, но одновременно осознавал, что целью его было сломить её гордость: *…Ich… ihren Stolz… wollte ich ihn immer knechten* [Zweig, 2001, с. 282] («…и все мне ее унизить хотелось…» [Цвейг, 1923, с. 176—177]). В один день все переменилось. Однажды он отказал ей в незначительной сумме для матери: *…ich hatte ihr Geld verweigert für ihre Mutter, ganz, ganz wenig…* [Zweig, 2001, с. 282] (*Я отказал ей в деньгах для ее матери, совсем, совсем немного*). После этого для него начались мучительные дни. От людей он узнал, что жена сбежала в Берлин «…mit einem Soldaten…» [Zweig, 2001, с. 282], («…с каким-то солдатом…» [Цвейг, 1923, с. 177]). Долгие перипетии и поиски приводят героя туда, где его находит рассказчик, а исповедальный рассказ заставляет мужчину пережить все терзания снова, и он в отчаянии, упав на колени, умоляет героя-рассказчика поговорить с женщиной из трактира и упросить ее вернуться. Он признается, что у него уже приготовлен нож: или жена вернется к нему, или случится непоправимое.

В отличие от предыдущего сюжета, в «Рассказе о безответной любви» Горького история отношений актрисы уездных театров Ларисы Антоновны Добрыниной с главным героем не содержит внутренней драмы, так как она не отвечает ему взаимностью, однако заканчивается печально: безвестная актриса умирает на руках у любящего ее героя. Печальному финалу предшествует бурная, насыщенная событиями жизнь Ларисы, полная переездов, пока в одном из городов она не встречает своего будущего поклонника, полюбившего ее на всю оставшуюся жизнь. При этом трагедийность горьковского текста еще более усиливается, так как в борьбе за сердце Добрыниной погибает брат героя, Коля, из-за безответной любви к актрисе покончивший с собой. На первый взгляд может показаться, что Горький рисует образ роковой женщины, однако при ближайшем рассмотрении становится ясно: многочисленные поклонники не приносят Ларисе Добрыниной радости, поскольку она сама не испытывает к ним никаких

CC BY

чувств и мечтает лишь об успехе на актёрском поприще. Сюжет горьковского текста представляет собой печальный ретроспективный анализ главным героем жизни актрисы, её окружения и собственных неразделенных чувств.

Оба рассказа имеют исповедальный характер. При этом главные герои, всю жизнь безответно любящие одну-единственную женщину, чувствуют перед ней некую вину, впрочем, не всегда очевидную. Так, вина цвейговского героя очевидна: он унижал женщину тем, что подчеркивал разность положений и ее финансовую зависимость от него. Герой Горького, напротив, проявлял заботу об актрисе Добрыниной, и прямых оснований для обвинения его нет. Можно даже сказать, что актриса уездного театра Добрынина больше виновата перед ним, так как невольно повлияла на судьбу главного героя. Оба мужчины внутренне как будто испытывают скрытый «гнев по отношению к самому себе» [Красавский, 2013, с. 95], а потому чувство к женщине практически истязает их. Общим для Цвейга, и для Горького является то, что они изображают любовь не как созидательное, а как болезненное, а иногда даже разрушительное чувство. Любовь становится источником страданий и несчастья. В то же время важно, что и для Цвейга, и для Горького характерно уважительное отношение к женщине, даже если она изображается в некомплиментарном, и даже неприглядном виде. Так, актриса Лариса Добрынина у Горького показана глубоко страдающей, мечтающей состояться на актерском поприще, стремящейся найти полезное применение своей жизни. Горький тонкими штрихами показывает, что она, конечно, хочет и любить, и быть любимой, однако для нее конфликт заключается в том, что она не может обрести счастье без взаимной любви. Отсюда горький трагизм истории главного героя, полюбившего искренне, но без взаимности и всю свою жизнь вынужденного наблюдать за случайными связями Добрыниной. Сходным образом и героиня Цвейга, фактически превратившаяся из порядочной женщины в проститутку, сначала вызывает отторжение, чего Цвейг добивается, наделяя свою героиню отталкивающим поведением, манерами и речью (для писательской манеры Цвейга в изображении женских персонажей характерны «…образность и экспрессивность…» [Буриева, 2021, с. 39]). Вместе с тем главный герой чувствует вину за то, что сам подтолкнул возлюбленную к падению, попрекая ее деньгами. В этом конфликте видна одна из особенностей прозы Цвейга, в которой часто «бурным переживаниям персонажей противопоставляются мещанская косность» [Шадеко, 2020, с. 107]. В конце концов, после рассказа главного героя отторжение читателя сменяется искренним сочувствием к обоим героям, ведь мужчина сообщает рассказчику, что это он ее такой сделал: *…es ist vielleicht meine Schuld, dass sie so ist* [Zweig,

CC BY

2001, с. 280] (...*это, может быть, моя вина, что она такая* [Цвейг, 1923, с. 175]). И отчасти с ним можно согласиться, ведь поведение женщины оказывается своеобразным бунтом против унижений от более сильного мужчины, обладающего финансовым превосходством. Бунтом выглядит и поведение горьковской Ларисы Добрыниной, мечтающей о творческой звездной судьбе, которую ранит потребительское отношение всех зрителей, и особенно мужчин, которые ее окружают. Добрынина, как и героиня Цвейга, страдает от уязвленной гордости, ищет истинного счастья и, не испытывая взаимного чувства к главному герою, даже в его любви, по всей видимости, видит что-то потребительское и эгоистичное.

Впрочем, в этом и заключается тонкий психологизм рассказов Цвейга и Горького. Действительно, любовь мужчины в обоих случаях имеет сходство с болезнью, с желанием обладать женщиной как вещью, даже если эта любовь, как у Горького, окрашена в жертвенные тона. Отсюда общий для рассказов мотив погони, унизительного для героя следования за любимой женщиной, что вносит в чувство уже эгоистический оттенок. У героя Цвейга эгоистическое начало чувства прослеживается явно, ведь он стремится вернуть возлюбленную, отказываясь понять, что смертельно унизил ее. У горьковского героя этот эгоизм присутствует в скрытом виде, ведь его «преследование», постоянное нахождение рядом не делало актрису Добрынину счастливее, более того, как видно из одной из сцен, заставляло ее чувствовать вину. Когда герой упрекает ее, говоря, что она его не любит, Лариса Антоновна честно признается: *Милый, голубчик, но — если нет... если нет у меня — не могу. Поймите — нет!* [Горький, 1973, с. 297]. Таким образом, обе героини, хоть и по разным причинам, отвергают любовь мужчины. Интересно, что это «отталкивание» связано и с мотивом поиска себя, желанием обрести уверенность, отстоять «свой путь», то есть писатели подсвечивают психологическую тему.

Трудно не заметить феминистическое начало в рассказах Цвейга и Горького. Обе героини и сами не могли бы, наверное, объяснить мотивы некоторых своих поступков. Принципиальная позиция во взаимоотношениях с мужчиной вполне понятна, однако тот образ жизни, которые они выбирают, приносит страдания не только мужчине, но им самим. Актриса Добрынина, в конце концов, умерла на руках у нелюбимого человека, так и не добившись признания большой публики. Очевидно, что и новый образ жизни героини Цвейга приведет ее к окончательной гибели — от руки мужа или нового любовника. Здесь можно было вспомнить работу Цвейга о Фрейде, в которой отмечается: «Наша жизнь, во всей ее полноте, не развивается свободно на началах разумности, но испытывает непрестанное давление со стороны бессознательного…» [Цвейг, 1990, с. 33]. Действи-

CC BY

тельно, рассказы Горького и Цвейга сходны специфическим психологизмом, тонким описанием своеобразных отношений «притяжения-отторжения» между двумя героями. Конфликт между мужчиной и женщиной неразрешим, но в то же время окончательная разлука для них невозможна по причине любви, или эгоизма, или страсти мужчины. В этом смысле взгляд писателей необычен, поскольку они занимают сторону женщины и пытаются понять ее движения души и мотивы. Вероятно, это сходство точек зрения связано и с жизненными позициями Горького и Цвейга. Цвейг, «страстный психолог, каким его считал Ромен Роллан» [Боголюбова, 2004, с. 153], создает произведения, проникнутые сочувствием к женской судьбе и отличающиеся чутким отображением человеческих переживаний («Письмо незнакомки», «Гувернантка» и др.). В то же время «Горький с юности отводил особую роль любви и ее месту в жизни человека» [Спиридонова, 2022, с. 342], что видно и в его письмах, когда он говорит о женщине: «…женщина — Родоначальница, и в деле строения мира приоритет за нею» [Горький, 2009, с. 117]. Как раз изображение внутреннего мира женщины и привлекает Горького в творчестве Цвейга, в чем он признается в самом начале их знакомства, говоря о том, что рассказ «Письмо незнакомки» «взволновал … до глубин души его потрясающе искренним тоном, его нечеловеческой [необыкн(овенной)] нежностью отношения к женщине» [Горький, 2009, с. 243]. Таким образом, за «тематическим сходством», которое усмотрел Горький в рассказах, стоит нечто бóльшее, а именно — близость художественных установок двух писателей и их мировоззренческих установок, общие черты психологизма, любовной поэтики. Как можно видеть, интерес к рассказу Цвейга, решение о публикации его текста на страницах «Беседы» связаны с глубоким сходством поэтик двух рассказов. Это подтверждает сходство с «Переулком лунного света» и другого текста Горького — «Макар Чудра».

Сюжеты рассказов схожи как на уровне сюжета, так и на уровне мотивов и композиции. В обоих текстах повествование ведется от первого лица, однако построено как «рассказ в рассказе». У Цвейга рассказчик пересказывает историю, случившуюся с ним в одном из путешествий, при этом трагическую историю отношений рассказывает ему случайный знакомый. У Горького же рассказчик узнает историю любви Радды и Лойко Зобара из уст Макара Чудры, старого цыгана, с которым тот знакомится во время своих странствий. При этом важно обратить внимание на композиционное сходство рассказов: в обоих произведениях началу истории предшествует небольшое философское отступление, которое представляет собой рассуждение о жизни, и лишь после этого перед читателем разворачивается история трагической любви. Так, в начале рассказа Горького Макар Чудра

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

рассуждает о жизни, о том, что лучшая жизнь заключается в свободе, в возможности узнавать мир, «учит автора или лицо, от имени которого ведется рассказ» [Михайловский, 1997, с. 340], утверждает, что человек изначально «раб — как только родился» [Горький, 1968, с. 14], и не понимает, зачем работает, живет и суетится. Сходным образом рассуждает рассказчик Цвейга, очутившийся поздним вечером в незнакомом городе. Форма рассуждений героя Цвейга несколько иная, автор создает эффект потока мыслей человека, гуляющего по вечернему городу и наблюдающего за жизнью вокруг: *...empfand nur, dass ich hier fremd war, wunderbar losgelöst in einem Unbekannten stand*… [Zweig, 2001, с. 271] (*…я знал лишь, что стою здесь, чужой всему…опрокинутый в неизвестное*… [Цвейг, 1923, с. 166]). В то же время философские размышления горьковского Макара Чудры и героя Цвейга имеют схожее, житейское направление, связанное с судьбой человека. Макар Чудра называет человека рабом, потому что он не понимает, что такое свобода: *Ведома ему воля? Ширь степная понятна? Говор морской волны веселит ему сердце* [Горький, 1968, с. 14]. В то же время герой Цвейга противопоставляет обитателей улиц, по которым он идет, моряков и другой люд, всем остальным людям именно по принципу наличия некоей свободы, «неведомого», в которое волей судьбы ему пришлось погрузиться: *Letzte phantastische Reste einer sinnlich ungeregelten Welt, wo die Triebe noch brutal und ungezügelt sich entladen*… [Zweig, 2001, с. 211] (*Последний фантастический остаток умственно расхлябанной вселенной, где царствует грубый, несдерживаемый вихрь*… [Цвейг, 1923, с. 165]. Отчасти явление инстинктов этих свободолюбивых и в какой-то степени диких людей можно будет увидеть в истории, рассказанной Макаром Чудрой. Вместе с тем рассказчики имеют и психологическое сходство: оба находятся в пути, философски относятся к жизни.

В обоих произведениях сюжет строится вокруг трагической истории взаимоотношений мужчины и женщины. При этом, на первый взгляд, перед нами разворачивается история несчастной любви, которую погубила не только дикая гордость (Горький), но и праведная гордость женщины, уставшей терпеть попреки мужа (С. Цвейг). Действительно, мотив гордости является центральным, сюжетообразующим для обоих рассказов. Однако если внимательнее взглянуть на тексты, то можно увидеть, что мотивы любви и гордости здесь связываются с личностным мотивом героев, их стремлением доказать свою правоту. Так, Радда горда по природе и может сойтись с Лойко Зобаром только в случае, если он покорится ей, в свою очередь Зобар, любя Радду, ставит ей условие, что будет и женившись на ней жить вольно, как и прежде. В рассказе Цвейга же отношения героев разрушаются из-за скупости мужчины, при этом женщина не может про-

CC BY

стить мужа, не уступает и продолжает всячески унижать его. Сам герой связывает это с ее гордостью. Однако помимо мотива гордости в сюжете также просматривается мотив непрощения и стремления отстоять свою точку зрения, который свойственен и мужчине. Ведь герой, несмотря на чудовищные унижения, которым подвергает его жена, все равно остается рядом, снова и снова приходит в то злачное место, где она теперь работает. Вероятно, мужчина, пытавшийся когда-то унизить ее указанием на разницу их положений, теперь, даже несмотря на унижения, которым она его подвергает, вновь пытается собственнически вернуть свою жену, как вещь, а это в свою очередь уже не имеет отношения к настоящей любви. В обоих рассказах речь идет, скорее, о борьбе двух людей, одинаково сильных, но не готовых уступить. Идет ли здесь речь о любви — трудно сказать, так как любовь в ее классическом понимании включает в себя самопожертвование, на которое никто из героев не готов.

Вместе с тем оба текста реализуют исповедальную тональность. Так, Макар Чудра открыто рассказывает чужаку трагическую историю, случившуюся в таборе, хотя герой Горького чужд среде цыган. В рассказе Цвейга несчастный мужчина откровенно делится своей историей с совершенно чужим человеком, посвящая незнакомца в самые тонкие детали своих интимных переживаний. Кроме того, к исповедальности добавляется и музыкальная тема. Так, в горьковском рассказе «Макар Чудра» именно с песен Лойко Зобара начинается трагическая история его отношений с Раддой. В тексте Цвейга герой, оказавшийся в незнакомом городе, услышав такую знакомую для него мелодию на немецком языке из оперы Карла Вебера, набредает на трактир, где знакомится с несчастными мужчиной и женщиной. Когда герой заходит в помещение, песня обрывается, «*Wie von einem Messer zerschnitten fiel das letzte Wort des Gesanges herab*» [Zweig, 2001, с. 273] (*точно отрезанная ножом* [Цвейг, 1923, с. 167]). После того, как незнакомец завершает свой печальный рассказ, герой вспоминает, что услышал, как «откуда-то доносилась песня». Музыкальная тема, присутствующая в рассказах Цвейга и Горького, не только организует сюжет, но и является способом выразить народную душу. В горьковском рассказе песня — это выражение души цыганского народа: «…вся-жизнь, вся-огонь, вся-страсть» [Стечкин, 1997, с. 487]. Знакомство Радды и Лойко Зобара начинается с того, что она услышала его песню, а отблески их будущего противостояния видны уже в содержании песен Лойко и даже в том пренебрежении, с которым воспринимает их Радда. В то же время у Цвейга музыка, с одной стороны, передает мироощущение героя, оказавшегося в чужом городе и услышавшего знакомую мелодию на родном немецком языке. Таким образом, следуя за мелодией, герой не ожидает узнать траги-

ческую историю, а инстинктивно стремится быть ближе к дому. С другой стороны, выслушав рассказ незнакомца, герой слышит вдали песню, которая как будто вводит его в «*der schwere Traum einer starken Stadt*» [Zweig, 2001, с. 285] (*страшный сон жестокого города* [Цвейг, 1923, с. 180]). Эта песня становится лейтмотивом и маркером той скрытой жизни, тех трудных судеб, с которыми связана жизнь города.

Рассказы Горького и Цвейга заканчиваются трагически: Лойко Зобар убивает гордую Радду, а персонаж Цвейга намекает герою, что собирается это сделать, если жена не вернется к нему и не простит его. Финальная сцена остается открытой, однако по контексту читатель понимает, что история может закончиться только трагически: …*gab er sich einen Ruck, raffte sich auf und sprang gegen die Tür. Metall blitzte in seiner Hand*… [Zweig, 2001, с. 288] (…*он отпрянул, выпрямился и прыгнул к дверям. Металлический предмет сверкнул в его руке*… [Цвейг, 1923, с. 182]).

4. Заключение = Conclusions

Исследование истории публикации рассказа С. Цвейга «Переулок лунного света» — единственного текста этого автора, появившегося в журнале М. Горького «Беседа», — позволяет заключить, что предпосылки для размещения обоих рассказов в одном номере были связаны не только с отмеченным Горьким «сходством тем» с его «Рассказом о безответной любви» или личной симпатией к творчеству Цвейга. Этому способствовала близость поэтик двух писателей. Проанализированные произведения характеризует общность психологизма в художественном изображении любви. Кроме того, текст Цвейга был сопоставлен еще с одним, но уже более ранним произведением Горького «Макар Чудра». Оба произведения также имеют сюжетное, мотивное и композиционное сходство, которое не ограничивается только любовной темой, а затрагивает и другие грани поэтики писателей.

Таким образом, редакционно-издательский эпизод сотрудничества Цвейга в журнале Горького «Беседа» имеет не случайный характер, что заслуживает внимания в контексте компаративистской проблематики. Сопоставительный анализ текстов позволяет говорить о том, что явные сходства текстов не ограничиваются тематическим сближением, а обусловлены спецификой изображения любви у двух писателей, «психологизмом диалогов» [Архипов, 1982, с. 410], общностью художественных поэтик и родственными мировоззренческими установками.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

CC BY

Источники и принятые сокращения

1. *Горький М.* Полное собрание сочинений : в 24 томах / М. Горький. — Москва : Наука, 2009. Т. 14. — 821 с. — ISBN 5-02-011192-9.

2. *Горький М*. Полное собрание сочинений : в 25 томах / М. Горький — Москва : Наука, 1968—1976. — Т. 1. — 1968. — 590 с. — Т. 17. — 1973. — 631 с.

3. *Цвейг С.* Собрание сочинений. В 8 т. / С. Цвейг. — Москва : АСТ МОСКВА, 2009. — Т. 1. — 638 с. — ISBN 978-5-17-013937-8.

4. *Цвейг С.* Переулок лунного света / С. Цвейг // Беседа. — 1923. — № 3. — С. 163—182.

5. *Zweig S*. Novellen / S. Zweig. — Ростов-на-Дону : Феникс, 2001. — 320 с. — ISBN 5-222-01984-5.

Литература

1. *Архипов Ю. И.* Триумф и трагедия Стефана Цвейга / Ю. И. Архипов // Нетерпение сердца. Исторические миниатюры. — Москва : Правда, 1981. — С. 410—415.

2. *Боголюбова Н. В.* Стефан Цвейг — великая жизнь, великая трагедия : История жизни и смерти / Н. В. Боголюбова. — Москва : Современник, 2004. — 256 с. — ISBN 5-270-01292-8.

3. *Буриева Э. Т.* Примеры женских образных выражений в творчестве Стефана Цвейга / Э. Т. Буриева // Вестник науки и образования. — 2021. — № 1 (104). — Ч. 2. — С. 38—40.

4. *Красавский Н. А*. Ассоциативно-образные признаки концепта «гнев» в повести Стефана Цвейга «Жгучая тайна» / Н. А. Красавский // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 9 (27). — Ч. 2. — С. 93—96.

5. *Кудрявцева Т. В.* Имя А. М. Горького на культурной карте Германии / Т. В. Кудрявцева // А. М. Горький в Германии : писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном пространстве. — Москва : ИМЛИ РАН, 2023. — С. 13—32. — ISBN 978-5-9208-0724-3.

6. *Михайловский Н. К.* О г. Максиме Горьком и его героях / Н. К. Михайловский // Максим Горький : pro et contra : Личность и творчество Максима Горького в оценке русских мыслителей и исследователей. — Санкт-Петребург : Изд-во РХГИ, 1997. — 895 с. — ISBN 978-5-9208-0724-3.

7. *Переписка* А. М. Горького с зарубежными литераторами. — Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1960. — 446 с.

8. *Примочкина Н. Н.* Горький и писатели русского зарубежья / Н. Н. Примочкина. — Москва : ИМЛИ РАН, 2003. — 364 с. — ISBN 5-9208-0119-0.

9. *Примочкина Н. Н.* Итальянские темы в публикациях журнала «Беседа» / Н. Н. Примочкина // Русские в Италии : культурное наследие в эмиграции. — Москва : Русский путь, 2006. — С. 251—259. — ISBN 5-85887-239-5.

10. *Примочкина Н. Н*. Поэтика эксперимента : творчество М. Горького начала 1920-х гг. / Н. Н. Примочкина. — Москва : Директ-Медиа, 2022. — 320 с. — ISBN 978-5-4499-2813-9.

11. *Стечкин Н. Я*. Максим Горький, его творчество и его значение в истории русской слоности и в жизни русского общества / Н. Я. Стечкин // Максим Горький : pro et contra : Личность и творчество Максима Горького в оценке русских мыслителей и исследователей. — Санкт-Петребург : Изд-во РХГИ, 1997. — 895 с. — ISBN 978-5-9208-0724-3.

12. *Спиридонова Л. А*. М. Горький — мыслитель, художник, человек / Л. А. Спиридонова. — Москва : ИМЛИ РАН, 2022. — 429 с. — ISBN 978-5-9208-0697-0.

13. *Сучков Б. Л.* Стефан Цвейг / Б. Л. Сучков // Лики времени — Москва : Изд-во Художественная литература, 1969. — С. 82—152.

14. *Юрьева Л. М.* М. Горький и передовые немецкие писатели XX века / Л. М. Юрьева. — Москва : Издательство Академии наук СССР, 1961. — 211 с.

15. *Цвейг С.* Зигмунд Фрейд. Из биографической трилогии «Врачевание и психика» / С. Цвейг. — Москва : Форкис, 1990. — 78 с.

16. *Шадеко В. П.* К вопросу о художественном своеобразии новелл Стефана Цвейга / В. П. Шадеко // ART LOGOS. — 2020. — № 4 (13). — С. 103—112.

Статья поступила в редакцию 29.01.2025,
одобрена после рецензирования 15.07.2025,
подготовлена к публикации 28.07.2025.

Material resources

Gorky, M. (1968—1976). *Complete works: in 25 volumes, 1, 17.* Moscow: Nauka. 590 p ; 631 p. (In Russ.).

Gorky, M. (2009). *Complete works: in 24 volumes, 14.* Moscow: Nauka. 821 p. ISBN 5-02-011192-9. (In Russ.).

Zweig, S. (1923). Lane of the moonlight. *Conversation, 3:* 163—182. (In Germ.).

Zweig, S. (2001). *Novellen.* Rostov-on-Don: Phoenix. 320 p. ill. ISBN 5-222-01984-5. (In Russ.).

Zweig, S. (2009). *Collected works. In 8 volumes, 1.* Moscow: AST MOSCOW. 638 p. ISBN 978-5-17-013937-8. (In Russ.).

References

Arkhipov, Yu. I. (1981). The triumph and tragedy of Stefan Zweig. In: *Impatience of the heart. Historical miniatures.* Moscow: Pravda. 410—415. (In Russ.).

Bogolyubova, N. V. (2004). *Stefan Zweig — the great life, the great tragedy: The Story of life and death.* Moscow: Sovremennik. 256 p. ISBN 5-270-01292-8. (In Russ.).

Burieva, E. T. (2021). Examples of female figurative expressions in the works of Stefan Zweig. *Bulletin of Science and Education, 1 (104) / 2:* 38—40. (In Russ.).

Correspondence of A. M. Gorky with foreign writers. (1960). Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 446 p. (In Russ.).

Krasavsky, N. A. (2013). Associative-figurative signs of the concept “anger” in Stefan Zweig’s novel “The Burning Secret”. *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 9 (27) / 2:* 93—96. (In Russ.).

Kudryavtseva, T. V. (2023). The name of A. M. Gorky on the cultural map of Germany. In: *A. M. Gorky in Germany: a writer and his environment in the socio-cultural and literary-media space.* Moscow: IMLI RAS. 13—32. ISBN 978-5-9208-0724-3. (In Russ.).

Mikhailovsky, N. K. (1997). About Maxim Gorky and his heroes. In: *Maxim Gorky: pro et contra: Maxim Gorky’s personality and creativity in the assessment of Russian thinkers and researchers.* St. Petreburg: Publishing House of the Russian Academy of Fine Arts. 895 p. ISBN 978-5-9208-0724-3. (In Russ.).

Primochkina, N. N. (2003). *Gorky and the writers of the Russian Diaspora.* Moscow: IMLI RAS. 364 p. ISBN 5-9208-0119-0. (In Russ.).

Primochkina, N. N. (2006). Italian themes in the publications of the journal "Conversation". In: *Russians in Italy: cultural heritage in emigration.* Moscow: Russian Way. 251—259. ISBN 5-85887-239-5. (In Russ.).

Primochkina, N. N. (2022). *The poetics of experiment: the work of M. Gorky in the early 1920s.* Moscow: Direct-Media. 320 p. ISBN 978-5-4499-2813-9. (In Russ.).

Shadeko, V. P. (2020). On the question of the artistic originality of Stefan Zweig's short stories. *ART LOGOS, 4 (13):* 103—112. (In Russ.).

Spiridonova, L. A. (2022). *M. Gorky — thinker, artist, man.* Moscow: IMLI RAS. 429 p. ISBN 978-5-9208-0697-0. (In Russ.).

Stechkin, N. Ya. (1997). Maxim Gorky, his work and its significance in the history of Russian modernity and in the life of Russian society. In: *Maxim Gorky: pro et contra: Personality and creativity of Maxim Gorky in the assessment of Russian thinkers and researchers.* St. Petreburg: Publishing House of the Russian Academy of Sciences. 895 p. ISBN 978-5-9208-0724-3. (In Russ.).

Suchkov, B. L. (1969). Stefan Zweig. In: *Faces of time.* Moscow: Publishing house of Fiction. 82—152. (In Russ.).

Yuryeva, L. M. (1961). *M. Gorky and the advanced German writers of the XX century.* Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 211 p. (In Russ.).

Zweig, S. (1990). *Sigmund Freud. From the biographical trilogy "Healing and the Psyche".* Moscow: Forkis. 78 p. (In Russ.).

The article was submitted 29.01.2025;
approved after reviewing 15.07.2025;
accepted for publication 28.07.2025.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Осьмухина О. Ю. Концепт УЖАС в прозе Серебряного века (на материале «вампирских» рассказов А. Амфитеатрова) / О. Ю. Осьмухина, Н. М. Миронов // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 6. — С. 333—354. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-333-354.

Osmukhina, O. Yu., Mironov, N. M. (2025). Concept of HORROR in Prose of Silver Age ("Vampiric" Stories of A. Amphiteatrov). *Nauchnyi dialog, 14* (6): 333-354. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-333-354. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Концепт УЖАС в прозе Серебряного века (на материале «вампирских» рассказов А. Амфитеатрова)

Осьмухина Ольга Юрьевна [1, 2]
orcid.org/0000-0002-1456-4793
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, ***корреспондирующий автор***
osmukhina@inbox.ru

Миронов Никита Михайлович [2]
orcid.org/0009-0004-9583-8507
исполнитель проекта, отдел сопровождения научных проектов
nikitamironov428@gmail.com

[1] Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (Саранск, Россия),

[2] Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00764, https://rscf.ru/project/25-18-00764/ (Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского)

Concept of HORROR in Prose of Silver Age ("Vampiric" Stories of A. Amphiteatrov)

Olga Yu. Osmukhina [1, 2]
orcid.org/0000-0002-1456-4793
Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, corresponding author
osmukhina@inbox.ru

Nikita M. Mironov [2]
orcid.org/0009-0004-9583-8507
Project executor, Scientific Project Support Department
nikitamironov428@gmail.com

[1] National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia),
[2] Russian Christian Humanitarian Academy named after Fyodor Dostoevsky (St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 25-18-00764, https://rscf.ru/project/25-18-00764/; (Russian Christian Humanitarian Academy named after Fyodor Dostoevsky)

© Осьмухина О. Ю., Миронов Н. М., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучается новеллистическое творчество А. Амфитеатрова в контексте традиции «вампирской» прозы. Научная новизна статьи состоит в том, что впервые в рассказах писателя изучается специфика репрезентации концепта УЖАС. Установлено, что в новеллистике Амфитеатрова ужас порожден тотальной безысходностью и невозможностью понимания происходящего персонажами. Отмечается, что в рассказе «Он» средствами репрезентации концепта УЖАС становятся готический хронотоп и вампир, который нарушает привычный жизненный уклад и способствует помещению героя в пространство неконтролируемого ужаса, соединенного со страстью и стремлением максимальной близости с объектом влечения. Показано, что в «Киммерийской болезни» и в «Истории одного сумасшествия» воплощение исследуемого концепта происходит через фигуру вампира, который оказывается аллюзией к персонажу поэмы «Коринфская невеста». Авторы приходят к выводу, что концепт УЖАС в проанализированных новеллах Амфитеатрова способствует формированию дискурса анормального, психопатического в русской литературе Серебряного века: герои, столкнувшиеся с инфернальной силой, испытывают патологический ужас — от невозможности определить границы реального и ирреального, рационального и иррационального, а также от осознания дезориентации в «реальном» мире и в итоге — потери себя.

Ключевые слова:
проза Серебряного века; традиция изображения вампира; новеллистика А. Амфитеатрова; концепт УЖАС; готический топос.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the novella writing of A. Amphiteatrov within the context of the “vampiric” prose tradition. The novelty of this research lies in its exploration of the specific representation of the concept of HORROR in the author’s stories for the first time. It is established that in Amphiteatrov's novellas, terror arises from a total sense of hopelessness and the characters' inability to comprehend their circumstances. Notably, in the story “He,” the means of representing the concept of HORROR include a gothic chronotope and a vampire, which disrupts the characters' ordinary lives and places the protagonist in a realm of uncontrollable terror intertwined with passion and an intense desire for closeness with the object of attraction. It is demonstrated that in “The Cimmerian Illness” and “The Story of One Madness,” the embodiment of the examined concept occurs through the figure of the vampire, which serves as an allusion to a character in the poem “The Corinthian Bride.” The authors conclude that the concept of HORROR in Amphiteatrov’s analyzed novellas contributes to the formation of a discourse on the abnormal and psychopathic in Russian Silver Age literature: characters confronted with infernal forces experience pathological horror — stemming from their inability to delineate the boundaries between the real and the unreal, the rational and the irrational, as well as from their awareness of disorientation in the “real” world and ultimately, the loss of self.

Key words:
Silver Age prose; tradition of vampire representation; novella writing of A. Amphiteatrov; concept of HORROR; gothic topoi.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.161.1Амфитеатров.07
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-333-354

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Концепт УЖАС в прозе Серебряного века (на материале «вампирских» рассказов А. Амфитеатрова)

© Осьмухина О. Ю., Миронов Н. М., 2025

1. Введение = Introduction

Начнем с очевидного: феномен ужасного, страшного, жуткого на протяжении целого столетия становится объектом осмысления отечественной и западной гуманитаристики — философии, культурологии, литературоведения [Аксаментов, 2022; Куликова, 2022; Осьмухина и др., 2019; Танасейчук, 2024; Birkhead, 2012; Cheyne, 2019; Pippin, 1997; Prohaszkova, 2012; Salomon, 2002; Stewart, 1985], достаточно вспомнить размышления З. Фрейда, который под «жутким» понимал «разновидность пугающего, которая имеет начало в давно известном, в издавна привычном» [Фрейд, 1995, с. 265—266]. Подобный интерес обусловлен укорененностью «страшной», в том числе и «вампирской» тематики на рубеже XIX—XX веков: именно в этот период происходит смена художественно-эстетической парадигмы: декаданс с его нравственным релятивизмом, обостренным интересом к иррациональному, оккультным практикам (каббалистике, спиритуализму, эзотерической доктрине Е. Блаватской), мистицизму, эсхатологии, с его стремлением раздвинуть границы «вещного мира» и заглянуть в пространство инобытийное закономерно повлёк за собой появление литературы о «страшном», «сверхъестественном», насыщенной мортальной образностью, в связи с чем, во-первых, русскими прозаиками предпринимаются разнообразные попытки воссоздать болезненные, экстатические, аффективные состояния личности, атмосферу страшного, ужасного (от «Красного цветка» Вс. Гаршина, «Бездны», «Молчания» Л. Андреева до «Ужаса», «Злодеев» М. Арцыбашева, «Серого автомобиля» А. Грина и др.). Во-вторых, в отечественную новеллистику в начале XX столетия входят персонифицирующие феномен ужаса инфернальные существа, важнейшим из которых становится образ вампира (примечательны в этом отношении «Красногубая гостья» и «Дама в узах» Ф. Сологуба, «Вампир» С. Соломина, «Кошмар» Ф. Зарина-Несвицкого, «Черноокий вампир» И. Лукаша, «Упырь» и «Мёртвый жених» Г. Чулкова и т. д.). В связи с этим

CC BY

актуальность настоящего исследования очевидна и объясняется необходимостью целостного осмысления специфики репрезентации концепта УЖАС на материале конкретной писательской практики.

Цель определила решение ключевых ***задач***: осмыслить «вампирскую» образность в рассказе «Он»; проанализировать воплощение концепта УЖАС в рассказе «Киммерийская болезнь»; выявить особенности эволюции концепта УЖАС в «Истории одного сумасшествия».

Объектом исследования становятся «вампирские» рассказы А. Амфитеатрова рубежа XIX—XX веков, ***предметом*** — особенности воплощения концепта УЖАС в них.

Практическая значимость статьи состоит в том, что её материалы, результаты и общие выводы могут быть использованы в вузовских курсах истории русской литературы, спецкурсах, посвященных жанрово-тематической специфике новеллы Серебряного века, готической прозе, творчеству А. Амфитеатрова.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования послужили наиболее примечательные в контексте заявленной проблематики рассказы А. Амфитеатрова, известного своей увлеченностью оккультной литературой и «мистико-фантастическими сюжетами» [Грякалова, 2008, с. 88] рубежа XIX — XX веков, в которых образ вампира играет сюжетообразующую роль («Он», «Киммерийская болезнь», «История одного сумасшествия», первоначально публиковавшиеся как самостоятельные «зарисовки» в журнальной и газетной периодике, а впоследствии ставшие главами романа «Жар-Цвет»); для контекстуального расширения привлекалась русская проза Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева [Гоголь, 2013; Тургенев, 2011], а также материалы мифологического и этнолингвистического словарей [Мифологический словарь, 1990; Славянские древности, 1995].

Подчеркнем, что новеллистика прозаика, историка, журналиста А. Амфитеатрова избрана нами в качеств материала исследования отнюдь не случайно: вошедший в русскую словесность с конца 1880-х годов и впоследствии обретший устойчивую репутацию русского «натуралиста», продолжателя традиции Э. Золя [Чупринин, 1979], он прежде всего заявил о себе как беллетрист, эксплуатирующий проблематику «границы» между «реальным / ирреальным, нормальным / анормальным, документальным / вымышленным» [Грякалова, 2008, с. 37], что воплотилось в романе «Жар-Цвет», сборниках рассказов «Сон и явь», «Грезы и тени», «Психопаты. Правда и вымысел», в которых персонажами становятся «обитатели уединенных поместий <…>; молодые женщины, страдающие истерией и галлюцинациями;

вдовцы, жаждущие общения с призраками своих умерших жен; институтки, одержимые сомнамбулическими припадками» [Грякалова, 2008, с. 40]. А. Б. Танасейчук, осмысливая пути развития отечественной дореволюционной беллетристики, небезосновательно заключает, что именно выход «оккультного» «Жар-Цвета» А. Амфитеатрова в 1895 году стал «своего рода символическим “спусковым крючком”» [Танасейчук, 2024, с. 6] для последующей за ним «волны» литературных ужасов: сам роман пользовался невероятным успехом, и именно после его публикации «страшная» проза, к которой обращались и крупные художники (Дм. Мережковский, В. Брюсов, Л. Андреев), и полузабытые сегодня беллетристы (Н. Карпов. С. Соломин, Ф. Зарин, Ф. Оссендовский), укореняется в русской словесности.

Методологической основой работы явились *сравнительно-исторический метод*, благодаря которому рассказы писателя, в которых репрезентован образ вампира и концепт УЖАС, были рассмотрены в диахроническом аспекте; *сравнительно-типологический метод*, с помощью которого были выявлены типологические особенности образа вампира; *метод целостного анализа художественного произведения*, позволивший осмыслить «вампирскую» новеллистику А. Амфитеатрова рубежа XIX — XX веков в единстве её поэтики и проблематики.

Теоретической базой для нашего исследования стали, в первую очередь, исследования, касающиеся писательской эволюции, отдельных аспектов творчества А. Афмитеатрова [Калениченко, 2000; Красовский, 1989; Грякалова, 2008; Романова. 1991; Спиридонова (Евстигнеева), 1977; Чупринин, 1979]. Во-вторых, исследования, посвященные осмыслению феномена *готического, страшного, ужасного* [Антонов, 2007; Гопман, 2005; Куликова, 2022; Михайлова, 2009; Осьмухина и др., 2019; Танасейчук, 2024; Birkhead, 2012; Cheyne, 2019; Pippin, 1997; Prohaszkova, 2012; Salomon, 2002; Stewart, 1985], и в этом ряду особую роль для нас играли работы, касающиеся «репрезентантов» ужасного в западной и русской литературе. В частности, образ вампира спорадически исследовался литературоведами на материале прежде всего европейской и американской готической прозы [Антонов, 2007; Гопман, 2005; Ковальская, 2021; Михайлова, 2009; Одесский, 2010; 2005; Сазонова, 2013]. Генетические истоки в традициях мифологических и фольклорных (не только западных, но и восточных) рассматривались М. Саммерсом [Саммерс, 2010], описавшим европейские предания, содержащие вампирскую мотивику и образность. Отметим также труды Ю. В. Аксаментова, З. Н. Сазоновой, Н. М. Миронова [Аксаментов, 2022; Сазонова, 2013; Миронов, 2025], которые акцентируют внимание на фольклорных истоках этого образа, а также статьи М. Одесского [2010; 2005], где представлена попытка классифицировать

CC BY

вампирскую «атрибутику»; основанные на компаративистском подходе работы Е. Никольского [Никольский, 2016], Ю. Долгих [Долгих, 2012], А. Площук [Площук, 2014], в которых закономерно вампиры русской прозы сопоставляются с их западными «аналогами».

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Образ вампира как художественное воплощение концепта УЖАС в рассказе А. Амфитеатрова «Он» (1893)

Рассказ «Он», вошедший в сборник «Психопаты» (1893), имеет весьма однозначный подзаголовок «Исповедь сумасшедшей», что, с одной стороны, делает его органичной частью «целого», окончательно легитимирующего дискурс анормального, психопатического в русской литературе, формировавшийся с XIX столетия (примечательны в этом ряду «Записки сумасшедшего» Н. Гоголя, «Сумасшедший» А. Апухтина, «Психопатка» Я. Полонского, «Палата № 6» А. Чехова), с другой — вполне соответствует установке на аутентичность, подлинность происходящего, характерной для отечественной прозы Серебряного века (достаточно вспомнить, к примеру, новеллу В. Брюсова с соответствующим подзаголовком: «Теперь, когда я проснулся… Записки психопата»). Более того, способствуют созданию «эффекта реальности», по верному замечанию Н. Ю. Грякаловой, «актуальные аллюзии» [Грякалова, 2008, с. 41]: душ и гипноз как «модные» методы лечения в психиатрии, упоминания Ж.-М. Шарко и А. Я. Кожевникова — известных основоположников невропатологии и психотерапии.

При этом, в лучших традициях «страшной» литературы, действие рассказа разворачивается в старинном готическом замке, населенном «призраками прошлого». Младшая дочь графа Станислава С., Ядвига, рассказывает неназванному собеседнику историю своего ужасного столкновения с некоторым существом, природу которого шестнадцатилетняя девушка так и не смогла постичь. Читатель после знакомства с исповедью Ядвиги, тем не менее, по ряду внешних и деятельных признаков может судить о *нем* как о некоторой разновидности вампира. Однако стоит отметить, что А. Амфитеатров развивает этот образ, наполняя элементами недосказанности; подобному решению способствует и выбор приема «ненадежного рассказчика».

«Он» строится по принятой в западноевропейской литературе о вампирах модели: жертва кровопийцы делится своей историей и либо просит предпринять некоторые шаги для выздоровления, либо «кается» в собственных грехах, но продолжает оставаться с вампиром в некоторого рода отношениях (любовных, зависимых, противоборствующих и др.). Уточним, что исповедь Ядвиги, полная эмоциональных описаний, но при этом задающая установку на подлинность, «правдивость» изображения всего

CC BY

произошедшего, не в полной степени позволяет реконструировать всю историю, порождая атмосферу таинственного и находящегося за пределами привычного понимания рассказа.

Эмотивным центром повествования выступает страх, ужас — чувство, нередко переходящее и трансформирующееся у Ядвиги в кардинально противоположные начала — смех, счастье. Красноречивым примером подобного психопатического перехода, на наш взгляд, может служить следующий эпизод: «*Когда же я сбоку заглянула в его лицо, то смех мой, уже готовый слететь с губ, застыл… <…> Контраст сонного лица с подвижностью туловища незнакомца был странен и жуток. Страх обуял меня; я вскрикнула*» [Красногубая гостья ..., 2018, т. 2, с. 125].

Безумие девушки, налагаемое на нее обществом (при этом и сама Ядвига не до конца уверена, сумасшедшая ли она), и ощущение утраты реального и призрачного тесно связаны со страхом. Последний как бы руководит основными действиями героини. Заметим, что боязнь утраты чего-либо проявляется у героини с самого начала истории. Так, оказавшись одна в окружении развалин родового поместья (к влиянию «готического» начала в рассказе мы вернёмся позже), вне окружения сестры и гувернантки, Ядвига утрачивает ориентацию в пространстве и не может назвать причину, подвигнувшую ее забраться на гору, где и произошла первая встреча с вампиром: «*Я стояла между двумя молодыми тополями и думала: напрасно я отбилась на прогулке от Франи и гувернантки; пани Эмилия будет на меня сердиться, и мне надо поскорее их найти*» [Там же, с. 124].

Страх Ядвиги обнаруживается и после многочисленных встреч с *ним*; девушка боится смерти, понимая, что посещения вампира приблизили ее к неминуемой утрате физического и душевного здоровья: «*Сжалься, — простонала я, — кто бы ты ни был, сжалься и не губи меня… Твои ласки сжигают меня. Я счастлива ими, но они убийственны. Ты взял мою кровь из моего сердца. Взгляни, как я жалка и слаба. Пощади меня — я скоро умру*» [Там же].

Ядвига, хотя и просит пощады у существа, далекого от человека как поступками, так и неспособностью к ощущению эмоций, надеется на его «снисходительность». Укажем, что Ядвига, стремясь к освобождению от власти вампира, тем не менее наслаждается ощущениями, получаемыми от встреч с *ним* (напомним, что подобная дихотомия впечатлений жертвы вампира актуальна и для произведений западной литературы, к примеру, «Кармиллы» Дж. Ш. Ле Фаню): «*Когда приближался вечер, я делалась сама не своя. Мне надо было бороться с собою, как с лютым врагом, чтобы не покориться таинственному могучему зову, доносившемуся ко мне откуда-то издалека и манившему меня… я знала куда: на гору, к западной стене. Но я*

CC BY

не шла. У меня еще была кое-какая воля, и оставалось сознания настолько, чтобы чувствовать в роковом зове нечто чуждое человеку, волшебное и преступное» [Там же, с. 127]. Но в то же время в повествование вкрапляются описания картин, видимых Ядвигой в момент высасывания *им* крови: «*Мне снились переливы торжественной музыки, похожие на громовые аккорды исполинских арф… <…> Кругом все было голубое, и в безбрежной лазури колыхались предо мною какие-то не то птицы, не то ангелы… <…> Золотые метеоры сыпались вокруг меня. Сверху, помогая и отвечая арфам, гудел серебряный звон — и я купалась в море красок и звуков. То было недосягаемое, неземное блаженство — спокойное, теплое, светлое — и я думала: "как хорошо мне, и как я счастлива!"*» [Там же, с. 128].

Созданию жуткого и пугающего настроения способствует готический хронотоп, воплощенный в произведении. Так, семья графа С. часто приезжала на лето и останавливалась, как указывает сама девушка, на два месяца в «*ветхой башне, где родились, жили и умирали наши деды и прадеды*» [Там же, с. 122], причем само здание, «*замок*», «*простояло два века; пожар и пороховой взрыв в погребах разрушили его в начале текущего столетия почти до основания*» [Там же]. Кроме того, Ядвига нередко вместе с сестрой и гувернанткой «*любили бродить между развалинами*», где вокруг разбитых стен виднелось «*много могильных плит с латинскими надписями*» [Там же]. Общую картину «упадка» завершает упоминание бердардинского монастыря, чьи руины «*во время второго повстанья служили приютом для небольшой банды…*» [Там же].

Отметим, кроме пространственных характеристик, актуальных для рассказа Ядвиги, и особенности восприятия времени. Безумие девушки, определяемое как некая аксиома, сквозь пелену которого невозможно достоверно судить о точности ее повествования, налагает определенные искажения на временные константы. Например, в самом начале истории Ядвига называет свой возраст, но, поскольку «*с тех пор дни и ночи летят таким порывистым беспорядочным вихрем…*», Ядвига считает, что ее «*безумие продолжается целую вечность*», а «*иногда — что от начала его не прошло и года*» [Там же]. Ядвига также не помнит целые промежутки, во время которых происходили важные, как представляется читателю, события, без которых невозможно понимание целостной и полной истории: «*Зачем бишь я рассказывала вам про старое бернардинское кладбище? Да!.. ведь, именно там-то я и встретила его впервые, там и началось это… А как? Постойте… тут у меня темно в памяти…*» [Там же, с. 124]. Как видно, время для Ядвиги словно растягивается и сжимается. Подобная особенность повествования в очередной раз позволяет судить о важности готического хронотопа, создающего такие пространственно-временные

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

отношения, которые не дают возможности точно и ясно судить о реальности происходящих в рассказе событий.

Другим важным маркером восприятия эмоции страха, ужаса героини можно считать фигуру *его*. Полная мистического наполнения в описании своего бытования, она, как и другие элементы рассказа, не призвана что-либо объяснить, но введена с целью нагнетания чувств тревоги, беспокойства и сомнений. Этому способствует как отсутствие внятного прошлого *его*, так и общая схема приходов вампира к Ядвиге ночью.

Обратим внимание на интересную деталь: как Н. Мельгунов в повести «Кто же он?», так и А. Амфитеатров помещают антигероя за грань «разумного» и не дают ему точного определения. Сравним. В повести Н. Мельгунова читатель напрямую задает рассказчику вопрос: «*Но скажите, кто же этот Вашиадан? — злой дух, привидение, вампир, Мефистофель или все вместе?*» [Красногубая гостья ..., 2018, т. 1, с. 175], на что не получает четкого ответа, но лишь слышит призыв к собственным изысканиям: «*Не знаю. Отгадывайте*» [Там же, с. 176]. В рассказе А. Амфитеатрова «Он» Ядвига также не готова дать ответ на поставленный вопрос, но лишь конкретизирует, какие именно эмоции она испытывает от *его* присутствия: «*Он — странное, непонятное существо, ни человек, ни демон, ни зверь, ни призрак… он, ежедневно налагающий на меня свою тяжелую руку; он, в чьей губительной власти моя душа и тело; он, кого я днем боюсь и ненавижу, а ночью люблю всею доступной моему существу страстью; он, неумолимо ведущий меня к скорой ранней смерти. <…> Существование человека, ступившего одной ногой за грань естественного, превращается в сплошной экстаз, в безумную смесь хандры и пафоса, восторгов и отупения*» [Красногубая гостья ..., 2018, т. 2, с. 123]. Примечательна в процитированном фрагменте не столько интерпретация героиней загадочного гостя посредством эротической эмотивности, сколько стремление объяснить «мистически» её психопатическое состояние, переходы «за грань естественного», которая подчас весьма трудно определяема.

Тем не менее *он* обладает рядом основных признаков, позволяющих судить о его вампирской сущности. Н. Шаргородский, например, считает, что вампир в рассказе «наделен очевидными демоническими чертами a-la Лермонтов; ангельские видения Анны подчеркивают его близость к Люциферу как падшему ангелу» [Там же, с. 207]. Исследователь, в свою очередь, также называет ряд черт, характерных для литературного вампира: «необъяснимая привлекательность (сродни “гламору”), телепатия и умение телесно и духовно полностью подчинить себе жертву» [Там же]. Укажем, вслед за Н. Шаргородским, на наиболее очевидные качества, не вызывающие сомнений в *его* соотнесенности с одним из представителей демонологического круга.

CC BY

Во-первых, вот как *он* выглядит в самом начале, перед встречей с девушкой: «*Солнце зашло. Когда красный шар ушедшего спать светила совсем растаял на границе неба и земли, незнакомец ожил. Он пошевелился, потянулся, как только что пробудившийся человек, глубоко вздохнул и хотел подняться с места, но не мог и снова опустился на плиту. Тогда он опять вздохнул и, опершись на камень руками, откинулся на спину, потом наклонил туловище обратно к коленам, качнулся вправо, качнулся влево — словно хотел размять затекшие от долгого неподвижного сидения члены и ради того делал гимнастику. Эти упражнения выходили у незнакомца так легко,* ***точно он совсем не имел костей***» (выделено нами. — *О. О., Н. М.*) [Там же, с. 124—125]. Движения незнакомца воспринимаются Ядвигой как нехарактерные для обычного человека, что наводит ее на мысль о «ненормальности» поведения «гостя». Заметим, что *он* начинает активно проявлять свои способности именно после захода солнца, что напрямую соотносится с традиционной полуночной активностью нечистой силы, в частности вампира.

Во-вторых, таковым может считаться *его* взгляд, также вполне соотносимый, например, с фольклорным упырем (для которого характерно наличие красных, «горящих» глаз [Левкиевская, 2000, с. 226]): «*Щеки его задрожали, глаза медленно открылись и вонзили в мое лицо внимательный, острый взгляд. Они были почти круглые, светло-карего, чуть не желтого цвета, как у совы или кошки, и* ***горели тем же хищным и хитрым огнем***» (выделено нами. — *О. О., Н. М.*) [Там же, с. 125]. Укажем, что пронзительный взгляд вампира, как отмечает сама Ядвига, вызвал у нее чувство панического страха, парализовал ее и не позволил изменить положение тела в пространстве [Там же].

В-третьих, вампир ведом необходимостью высасывания крови Ядвиги, чему способствует наложение на ее разум пелены, позволяющей увидеть нечто внеземное (об эротически окрашенных «райских» образах мы уже упоминали выше). *Он*, однако, приникает не к шее героини (характерному месту укуса жертвы в западноевропейской литературе), а к сердцу, что также может быть соотнесено с фольклорным вариантом интерпретации образа «высасывание крови» [Левкиевская, 2000, с. 276]. Ядвига так описывает свои ощущения: «*С тех пор каждую ночь я видела* ***его****, и каждую ночь пробуждалась я одиноко от острого удара в сердце. Дико и мрачно проводила я свои дни, выжидая ночи*» [Красногубая гостья ..., 2018, т. 2, с. 128].

Обратим внимание, что элемент «высасывание крови из сердца героя» обнаруживается в русской литературе уже в XIX веке. Как в «Вие» Н. Гоголя, так и в «Призраках» И. Тургенева схожим образом паночка и Эллис припадали к груди, высасывая жизненные силы мужчин. Например,

CC BY

у Н. Гоголя: «*Он чувствовал какое-то томительное, неприятное и вместе сладкое чувство, подступавшее к его сердцу, <…> какое-то пронзающее, какое-то томительно-страшное наслаждение. Ему часто казалось, как будто сердца уже вовсе не было у него, и он со страхом хватался за него рукою*» [Гоголь, 2013, с. 87]. Или у И. Тургенева: «*Вон и сердце как странно бьется. А когда я летаю, мне всё кажется, что его кто-то сосет или как будто из него что-то сочится, — вот как весной сок из березы, если воткнуть в нее топор*» [Тургенев, 2011, с. 44]).

Следствием прихода вампира к Ядвиге следует назвать ее болезнь, формирующуюся у любой жертвы литературного кровопийцы после большой потери крови: «*Доктора нашли у меня малокровие, начали поить железом, мышьяком, какими-то водами. Скоро я сделалась так слаба, что едва двигалась по комнатам…*» [Красногубая гостья ..., 2018, т. 2, с. 128].

В-четвертых, несмотря на *его* неявную соотнесенность с ожившим мертвецом, которым и является вампир в большинстве случаев, в *его* поступках и словах можно обнаружить намеки на природу «воскрешения». Например, Ядвига впервые встречается с *ним* именно на кладбище, в окружении могильных плит, где вампир в основном и обитает. Кроме этого, в кульминационном эпизоде обращения девушки с просьбой ее пощадить вампир дает обширную ответную реплику, из которой становится очевидно, что на момент действия рассказа *он* уже был мертв, но вернулся когда-то к жизни: «*Не бойся умереть. Ты моя и соединена со мною. Ты не умрешь, как я, и будешь жить, как я. Ты поддержала мой непонятный тебе век ценою своей жизни, а потом ты, как я, пойдешь к другому живому существу, и сама будешь жить его жизнью…*» [Там же, с. 129]. Обратим внимание на последнюю реплику: *он* дает понять, что болезнь Ядвиги должна быть понята не как конечный, но как переходный этап на пути превращения девушки в схожее существо, ведомое жаждой крови, продолжающее существовать и после физической смерти, но за счет жизненных сил другого.

Итак, в рассказе А. Амфитеатрова «Он» концепт УЖАС, постепенно становящийся актуальным для русской литературы Серебряного века, репрезентируется благодаря готическому хронотопу и образу вампира. Кровососущий мертвец у А. Амфитеатрова не только служит фигурой, призванной внести в привычный уклад жизни сумятицу, но и способствует помещению человека в пространство неконтролируемого ужаса, нередко сочетающегося со страстью и стремлением к близости с объектом влечения. Вампир становится проводником в мир грез, которые разительно отличаются от бытовой жизни. Человек как будто бы находится под «гипнозом» и становится неспособным самостоятельно противиться желанию вновь

CC BY

оказаться в «Раю». Добавим, что вампир у А. Амфитеатрова может быть охарактеризован как воплощение инфернального зла, природу которого невозможно постичь. В его действиях не наблюдается достаточной мотивации: нападение кровопийцы на Ядвигу не объяснено ни *его* прошлыми грехами, ни проступками девушки «сейчас», именно поэтому жизнь после посещения вампира становится схожей с бесконечным кошмаром, и вся «история» героини прочитывается как исповедь психопатической личности, склонной к бредовым видениям.

3.2. Воплощение концепта УЖАС в рассказе «Киммерийская болезнь» (1895)

Еще более явственно позиция писателя-«натуралиста», исследующего пограничные состояния личности, феномены безумия и психопатии, воплощена в другом произведении А. Амфитеатрова — «Киммерийской болезни» (1895), которое сам писатель определял вполне «рационально» — как «попытку иллюстрировать некоторые явления из области психопатологии» [Амфитеатров, 1896, с. 3]. Он подчеркивал, что именно «Киммерийская болезнь» написана «подъ живымъ впечатленіемъ одного наблюденія Крафтъ-Эбинга» [Там же]. Напомним, что работы Р. Фон Крафт-Эбинга, основоположника клинического анализа паранойи, пользовались большой популярностью в начале XX века как пионерские по вопросам сексологии, сексопатологии и невропатологии и для натуралиста-Амфитеатрова были примечательны возможностью дать научную мотивировку «непознаваемому» и «страшному».

В построенном в форме письма от Алексея Леонидовича Дебрянского некоему Саше рассказе (вновь очевидна установка на создание иллюзии «достоверности») повествуется об удивительно шокирующем случае роковой встречи: мужчина впускает в свою квартиру незнакомую девушку, страстно влюбляется в нее и после этого обнаруживает, что к нему приходил вампир, чья воля, однако, находится не в руках ожившего мертвеца. Именно с последним сюжетообразующим элементом и связывается воплощение концепта УЖАС в «Киммерийской болезни».

Вновь, равно как и в произведениях западноевропейской литературы о вампирах («Ламия» Дж. Уотерхауса, «Вампир» Дж. Полидори, «Кармилла» Ш. Ле Фаню), в рассказе А. Амфитеатрова взаимоотношения жертвы с кровопийцей строятся на основе соблазнения и физической близости. Девушка Анна, внешне обладающая признаками вампира, кружит Дебрянскому голову своей красотой и позволяет тому попасть в ее сети: «*Вошла “мамзюлька”. Брюнетка. Маленькая, тощенькая, но совсем молодая и очень красивая. Ресницы длинные, строгие и такие дремучие, что за ними не видать глаз*» [Смерть по объявлению ..., 2025, с. 47].

CC BY

Несмотря на то, что напрямую бледность лица Анны не описана, догадаться о ее «нездоровом» внешнем виде можно по ряду деталей уже в начале истории. Например, «*у нее были холодные, мягкие ручки и холодные губки*» [Там же, с. 50], «*взгляд, острый и блестящий*», «*превосходные зубы — мелкие, ровные, белые*» [Там же, с. 49]. Особенно контрастирует с живым, полным жизни внешним видом Дебрянского холодность в поведении Анны после первой свершившейся встречи: «*Любовный смерч пролетел. Я валялся у ее ног, воспаленный, полубезумный; а она стояла, положив руку на мои волосы, холодная и невозмутимая, как прежде. У меня лицо горело от ее поцелуев, а мои не пристали к ее щекам — точно я целовал мрамор*» [Там же, с. 50—51].

Примечательно, что вампир практически сразу раскрывает перед мужчиной собственную сущность, не таясь и не обманывая его, как это в целом неактуально для литературного ожившего мертвеца, ведомого жаждой крови. Представляется интересной и реакция Дебрянского на открывшуюся «особенность» Анны. Он, слыша от нее признание, что она уже умерла, сразу верит ей: «*...вся она вдруг стала мне ясна. И я не испугался, а только сердце у меня как-то ухнуло вниз, будто упало в желудок, и удивился я очень*» [Там же, с. 52]. Подобная реакция героя связана, как нам кажется, с его увлечением «*спиритизмом, теософистами, новой магией*», французской литературой и ее «*оккультическими бреднями*» [Там же, с. 54], о чем он сам и упоминает.

В отличие от вампира-мужчины в рассказе «Он», вампир-женщина в «Киммерийской болезни» не представляется самостоятельной фигурой, а также не позволяет своей жертве приоткрыть некоторые тайны бытия, проникновение в которые дарит счастье и позволяет уйти от наскучившей реальности. Объясняет подлинную природу Анны последний объект «интереса» вампира, присяжный поверенный Петров, бывший жилец квартиры «на Плющихе, в доме Арефьева, № 20» [Там же, с. 46], оказавшийся в лечебнице с прогрессивным параличом и манией преследования. Он заявляет, что Анна на самом деле саму «жизнь ест. Чувства гасит, сердце высушивает, мозги помрачает, вытягивает кровь из жил» [Там же, с. 57].

Однако концепт УЖАС в «Киммерийской болезни» выражается не столько в образе вампира, которому нет никакого дела, чью именно кровь пить, сколько в некой невидимой силе, как раз и руководящей действиями кровопийцы, решающей, кто именно подпадет под влияние мертвеца и сам станет таковым после встреч с ним. Петров пытается объяснить герою, кто именно нашептал, «настучал» ему «вроде телеграфа» имя следующей жертвы: «*… сверчки напели. <…> Хорошо! Пускай сверчки, я согласен и на сверчков, — да научил-то, научил кто их?*» [Там же, с. 60—61]. «Сумасшедший»

CC BY

подробно рассказывает Дебрянскому о влиянии этой силы на их жизнь: «*А я знаю: сила, брат, сила научила… та, невидимая, то, что всего сильнее и страшнее. Ты вот Анны испугался. Анна — что? Анна — вздор: форма, слепок, пузырь земли! Анна — сама раба. Но власть, но сила, которая оживляет материю этими формами и посылает уничтожать нас, — that is the question! Ужасно и непостижимо! И они — пузыри-то земли не отвечают о ней. Узнаем, лишь когда сами помрем. Я, брат, скоро, скоро, скоро… И из меня тоже слепится пузырь земли, и из меня!*» [Там же, с. 61].

Несмотря на подобное «оккультное» объяснение прихода вампира-женщины к мужчинам, есть более рациональная, «сильная» для возвращения мертвеца к жизни, распространенная в литературе о вампирах причина. Так, именно в пространстве «нехорошей квартиры» произошли события, повлиявшие на всех героев этой истории, о чем в своем письме пишет Дебрянский: «*Действительно, был в ней, при Петрове, трагический случай, скрытый от меня домохозяином при найме квартиры, чтобы не отпугнуть жильца: застрелилась ненароком экономка Петрова — как думали, его любовница. По домовой книге она значилась перемышльскою мещанкою, Анною Порфирьевной Перфильевой, 24 лет…*» [Там же, с. 61—62]. В этом эпизоде обнаруживается характерное для славянских народов представление о сущности вампира, являющегося «заложным» покойником, то есть человеком, либо умершим раньше срока, либо погибшим не своей смертью, либо по собственной воле лишившим себя жизни [Славянские древности ..., 1995, т. 1, с. 284].

3.3. Развитие концепта УЖАС в творчестве А. Амфитеатрова начала XX века (рассказ «История одного сумасшествия»)

Хотя события в «Киммерийской болезни» доведены до вполне логичного финала, А. Амфитеатров спустя некоторое время возвращается к описанию судеб Дебрянского, Петрова и Анны в «Истории одного сумасшествия» (1900—1901). Примечателен и то, что эти «этюды», связанные фигурой вампира, как мы уже отмечали, стали частью романа «Жар-Цвет» [Красногубая гостья ..., 2018, т. 2, с. 208].

В «Истории одного сумасшествия» события разворачиваются ретроспективно: читатель узнает о том, где оказывается Дебрянский после написания письма и побега из Москвы, как проходит его «светская» жизнь в Корфу, но практически сразу повествование возвращается в прошлое, наполняясь более детальным и подробным описанием формирования болезни Петрова, в прогрессивной, конечной стадии которой он и изображается в «Киммерийской болезни».

Укажем на весьма примечательную подробность: единого мира, не вступающего в противоречия с предыдущей «версией», у автора нет;

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

в «Истории одного сумасшествия» развитие образов Дебрянского, Петрова и Анны словно бы находится в конфликте с той логикой, которая репрезентирована в «Киммерийской болезни». Сложно судить, преднамеренно ли писатель «исказил» события в письме Дебрянского с целью указать на начинающееся развитие болезни у него, однако внимательный читатель может при сопоставлении кульминационных моментов двух рассказов, происходящих в одном и том же месте и в одно и то же время, выявить разночтения. Укажем на некоторые из них.

Например, в «Истории одной болезни» Дебрянский был знаком с Петровым до обозначенных событий (он был его «*старым университетским товарищем*» [Амфитеатров, 1991, с. 364]), а после часто посещал его, несмотря на развитие галлюцинаций больного. В «Киммерийской болезни» же Дебрянский прямо заявляет: «*Мы с ним никогда не были на “ты”, но теперь его “ты” не показалось мне странным. Как будто вдруг явилось между нами нечто такое, после чего иначе говорить стало нельзя и “вы” звучало бы пошло и глупо*» [Смерть по объявлению ..., 2025, с. 56]. Первая встреча Дебрянского с Анной, согласно «Истории одной болезни», произошла не в квартире, а в лечебнице, где она ему привиделась («*… он столкнулся лицом к лицу с дамою в черном платье. Она показалась Дебрянскому небольшого роста, худенькою, бледною, глаз ее было не видать под вуалем*» [Амфитеатров, 1991, с. 368]), при этом впоследствии оказывается, что все окружающие видели не мертвую девушку, но вполне живую кастеляншу, немку Софью Ивановну Круг: «*Свидетельство немки непременно доказывало, что Степан Кузьмич его не морочил, а между тем он присягнуть был готов, что у встреченной тогда дамы был другой овал лица, другие стан, рост…*» [Там же, с. 373].

Равно как и в «Киммерийской болезни», в «Истории одного сумасшествия» приход к Петрову Анны, существа, умершего физически, повергает того в состояние неописуемого ужаса. В тексте воплощение концепта УЖАС также происходит посредством фигуры вампира, «заложного» покойника: «*И вот видит он во сне: вошла Анна, живая и здоровая, — только бледная очень и холодная, как лед, — села к нему на колени, как, бывало, при жизни… <…> И тут он, охваченный неописуемым ужасом, заорал благим матом и проснулся — весь в поту, с головою тяжелою, как свинец, от трудного похмелья, и в отвратительнейшем настроении духа*» [Там же, с. 362—363].

Ужас как ведущая эмоция на пути формирования душевной болезни становится актуальным для Петрова (а впоследствии и Дебрянского) не только при непосредственном контакте с вампиром, но и если последний присутствует «ментально», то есть становится объектом разговоров, «чув-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ствуется» поблизости. На наш взгляд, весьма примечательными в этом контексте представляются эпизод прочтения актрисой Ермоловой поэмы И. В. Гете «Коринфская невеста» в переводе А. К. Толстого и реакция на нее Петрова: «*Когда, повысив свой мрачный голос, артистка медленно и значительно отчеканила роковое завещание мертвой невесты-вампира:*

И, покончив с ним,

Я пойду к другим,

Я должна идти за жизнью вновь, —

за колоннами раздался захлебывающийся вопль ужаса, и здоровенный мужчина, шатаясь как пьяный, сбивая с ног встречных, бросился бежать из зала, среди общих криков и смятения. Это был Петров. У выхода полицейский остановил его. Он ударил полицейского и впал в бешеное буйство» [Там же, с. 363—364]. Очевидно, что страх, а затем и ужас не только ведут к дезориентации Петрова, желанию вырваться из «пространства» заполняющего его чувства, но и затуманивают рассудок, не позволяют персонажу реагировать на поступающие сигналы извне адекватно (обращение полицейского). Это приводит к утрате сил и способности сопротивления вампиру — проводнику неких сил, по собственной воле создающих и изменяющих окружающую материю.

В «Истории одного сумасшествия» более пристальное внимание уделяется объяснению сущности Анны. Кроме того, что она — оживший мертвец, вернувшийся к жизни ради мести (она расстраивает вероятную женитьбу Петрова на «опереточной певице»), другим важным основанием для ее существования является идея, высказанная ранее в «Киммерийской болезни», но несколько дополненная. Так, вампир оказывается провозвестником прихода в мир «пузырей земли», неких сущностей, формирующихся из мертвых, умерших от высасывания их жизненной энергии вампиром: «*Она, брат, молода: жить хочет, любить. Ей нужна жизнь многих, многих… <…> Она говорит: уйду, но дай мне, взамен себя, другого. Сказываю тебе: молода, не дожила свое и не долюбила*» [Там же, с. 372].

Кроме того, упоминание поэмы «Коринфская невеста», а также античной легенды, легшей в ее основу, указывает на тесную связь Анны с ламиями — существами античной мифологии, по-разному осмысляемыми исследователями. Одним из таковых может считаться понимание ламий как ночных привидений, осуществляющих охоту за молодыми людьми и выпивающих их кровь [Мифологический словарь ..., 1990, с. 305]. В «Истории одного сумасшествия», кроме привычных признаков классического литературного вампира (бледность кожи, стремление к высасыванию крови и / или сил, мотив соблазнения), можно обнаружить и ссылки на мифологический образ: «*Эта Анна — просто ламия, эмпуза, говоря языков древней де-*

CC BY

монологии…» [Амфитеатров, 1991, с. 365]; и далее: «*Они ужасные бестии, эти ламии, — могут принимать какой угодно вид и форму, когда на них смотрят живые люди…*» [Там же, с. 374]. Подобное соединение мифологического, фантастического и психопатологического, объяснение непознаваемого, «странного» сугубо «медицинскими» методами, заметим, будет впоследствии характерно и для романа А. Амфитеатрова «Жар-Цвет».

4. Заключение = Conclusions

В ходе настоящего исследования мы пришли к следующим выводам.

«Вампирские» рассказы А. Амфитеатрова («Он», «Киммерийская болезнь», «История одного сумасшествия»), тяготеющие к европейской готической прозе, благодаря конструированию типичных готических топосов, введению странного персонажа-кровопийцы, следованию фабульной схеме классической «готики» («Ламия» Дж. Уотерхауса, «Вампир» Дж. Полидори, «Кармилла» Ш. Ле Фаню) эксплуатируют концепт УЖАС, который тем не менее в отличие от готической традиции не сводится к страху перед непознаваемым, но, как правило, объясняется писателем-натуралистом с позиций медицины (к примеру, апелляция к идеям Р. Крафт-Эббинга в «Киммерийской болезни» и «Истории одного сумасшествия»).

Сталкивающиеся со «странным» герои Амфитеатрова изображены в пограничных состояниях «нормы» и безумия. Оказываясь на грани бытия реального и «потустороннего», открывающейся благодаря вампиру (не важно, порожденному их больным воображением или же вполне «реальному»), они испытывают патологический ужас — от невозможности определить границы реального / ирреального, рационального / иррационального и осознания дезориентации в мире «реальном» и в конечном итоге — потери себя. Именно вампир у А. Амфитеатрова есть воплощение инфернального зла, природу которого невозможно постичь. И в рассказе «Он», и в «Киммерийской болезни» жизнь после посещения вампира становится схожей с бесконечным кошмаром, и вся «история» претерпевших от вампира персонажей, погруженных в атмосферу мистики и оккультизма, прочитывается как исповедь психопатов, склонных к бредовым видениям.

Перспективой дальнейшего исследования может стать осмысление отечественной традиции «вампирской» новеллистики, изучение специфики её преломления в прозе XX столетия на разных этапах её развития. Наконец, одной из перспектив может явиться сравнительно-сопоставительный анализ особенностей концепта УЖАС в новеллистике Серебряного века, а также литературе постсоветского периода, заново «открывшей» Серебряный век и во многом «подпитывающейся» его открытиями.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Амфитеатров А. В.* Мертвые боги : рассказы, роман / А. В. Амфитеатров. — Москва : Современник, 1991. — 542 с. — ISBN 5-270-01012-7.

2. *Амфитеатров А. В.* Грезы и тени : (Книга легенд) / А. В. Амфитеатров. — Москва : Тип. «Рассвет», 1896. — 240 с.

3. *Гоголь Н. В.* Миргород / Н. В. Гоголь. — Санкт-Петербург : Наука, 2013. — 576 с. — ISBN 978-5-02-038285-5.

4. *Красногубая гостья* : Русская вампирическая проза XIX — первой половины XX в. / сост., предисл. и комм. С. Шаргородского. — [Б. м.] : Salamandra P. V. V., 2018. — Т. 1. — 230 с.

5. *Красногубая гостья* : Русская вампирическая проза XIX — первой половины XX в. / сост., предисл. и комм. С. Шаргородского. — [Б. м.] : Salamandra P. V. V., 2018. — Т. 2. — 216 с.

6. *Мифологический* словарь / [А. А. Аншба и др.] ; Гл. ред. Е. М. Мелетинский. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — 672 с. — ISBN 5-85270-032-0.

7. *Славянские древности* : этнолингвистический словарь / Под общ. Ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 1995. — Т. 1. А—Г. — 584 с. — ISBN 5-7133-0703-4.

8. *Смерть по объявлению* : повести, рассказы. — Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 416 с. — ISBN 978-5-389-26517-2.

9. *Тургенев И. С.* Призраки / И. С. Тургенев. — Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2011. — 314 с. — ISBN 978-5-373-03996-3.

10. *Фрейд З.* Художник и фантазирование : [Сборник : Пер. С нем.] / З. Фрейд ; [Общ. ред., сост., вступ. ст. Р. Ф. Додельцева, К. М. Долгова]. — Москва : Республика, 1995. — 396 с. — ISBN 5-250-02522-6.

Литература

1. *Аксаментов Ю. В.* Традиции готической литературы в романе Олшеври «Вампиры» / Ю. В. Аксаментов // Art Logos (Искусство слова). — 2022. — № 2 (19). — С. 15—30. — DOI: 10.35231/25419803_2022_2_15.

2. *Антонов С. А.* Тонкая красная линия. Заметки о вампирической парадигме в западной литературе и культуре / С. А. Антонов // «Гость Дракулы» и другие истории о вампирах : сборник. — Санкт-Петербург : Азбука-Классика, 2007. — С. 5—86.

3. *Гопман В.* Носферату : судьба мифа / В. Гопман // Стокер Б. Дракула. — Москва : Энигма, 2005. — С. 555—557.

4. *Грякалова Н. Ю.* Человек модерна. Биография — рефлексия — письмо : [монография] / Н. Ю. Грякалова. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2008. — 382 с. — ISBN 5-86007-502-2.

5. *Долгих Ю. А.* Вампир как персонаж русской фантастической литературы начала XIX века / Ю. А. Долгих // Летняя школа по русской литературе. — 2012. — Т. 8. — № 1. — С. 216—226.

6. *Калениченко О. Н.* Судьбы малых жанров в русской литературе конца XIX — начала XX века (святочный и пасхальный рассказы, модернистская новелла) / О. Н. Калениченко. — Волгоград : Перемена, 2000. — 232 с. — ISBN 9785882344114.

7. *Ковальская А. С.* Генезис образа вампира в европейской прозе / А. С. Ковальская // Science Time. — 2021. — № 9 (93). — С. 34—35.

8. *Красовский В. Е.* Александр Амфитеатров журналист и писатель / В. Е. Красовский // Закат старого века : Романы, фельетоны, литературные заметки. — Кишинев : Лит. артистикэ, 1989. — С. 632—650.

9. *Куликова Д. Л.* Поэтика ужасного в произведениях А. И. Иванова : диссертация … кандидата филологических наук : 10.01.01 / Д. Л. Куликова. — Москва, 2022. — 176 с.

10. *Миронов Н. М.* Специфика рецепции образа вампира в мифологии и фольклоре народов мира / Н. М. Миронов // Art Logos (Искусство слова). — 2025. — № 1. — С. 10—23. — DOI: 10.35231/25419803_2025_1_10.

11. *Михайлова Т. А.* Граф Дракула : опыт описания / Т. А. Михайлова. — Москва : ОГИ, 2009. — 206 с. — ISBN 978-5-94282-523-2.

12. *Никольский Е. В.* Образы вампиров в повестях В. И. Даля и А. К. Толстого в контексте европейского романтизма / Е. В. Никольский // Studia Humanitatis. — 2016. — № 1. — С. 23—31.

13. *Одесский М. П.* Вампиры в ранней прозе А. К. Толстого. Опыт построения сюжетной топики / М. П. Одесский // Вопросы литературы. — 2010. — № 6. — С. 207—241.

14. *Одесский М. П.* Явление вампира / М. П. Одесский // Стокер Б. Дракула. — Москва : Энигма, 2005. — 640 с.

15. *Осьмухина О. Ю.* Специфика преломления готической традиции в романе Г. Леру «Призрак Оперы» / О. Ю. Осьмухина, А. Б. Танасейчук // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. — 2019. — № 1 (28). — С. 76—84.

16. *Площук А. Н.* Тема вампиризма в сборнике П. Мериме «Гюзла» и в цикле А. С. Пушкина «Песни западных славян» / А. Н. Площук // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2014. — № 5. — С. 107—115.

17. *Романова Е. И.* Художественные концепции мира и человека в натуралистическом и символистском романе (Боборыкин, Амфитеатров, Арцыбашев, Сологуб, Белый) : диссертация … кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. И. Романова. — Днепропетровск, 1991. — 170 с.

18. *Сазонова З. Н.* Тема вампиризма в современном русском фэнтези : происхождение и своеобразие / З. Н. Сазонова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2013. — № 1 (2). — С. 269—272.

19. *Саммерс М.* Вампиры в верованиях и преданиях / М. Саммерс ; пер. с англ. Л. А. Карповой. — Москва : Центрполиграф, 2010. — 351 с. — ISBN 978-5-9524-4941-1.

20. *Спиридонова (Евстигнеева) Л. А.* Русская сатирическая литература начала XX века / Л. А. Спиридонова (Евстигнеева) ; отв. ред. В. А. Келдыш. — Москва : Наука, 1977. — 302 с.

21. *Танасейчук А. Б.* Русский «страшный рассказ» первой половины XX века / А. Б. Танасейчук // Чёртова невеста : русский хоррор начала XX века со страниц старых журналов / вступ. ст., сост. и примеч. А. Б. Танасейчука. — Москва : РИПОЛ классик, 2024. — С. 5—12. — ISBN 978-5-386-15066-2.

22. *Чупринин С. И.* «Фигуранты» — среда — реальность (К характеристике русского натурализма) / С. И. Чупринин // Вопросы литературы. — 1979. — № 7. — С. 125—160.

23. *Birkhead E.* The tale of terror : a study of the gothic romance / E. Birkhead. — Auckland : The Floating Press, 2012. — 302 p.

24. *Cheyne R.* Horror: Fearful Bodyminds. In Disability, Literature, Genre : Representation and Affect in Contemporary Fiction / R. Cheyne. — Liverpool : Liverpool University Press, 2019. — Pp. 27—52.

25. *Pippin T.* Apocalyptic Horror / T. Pippin // Journal of the Fantastic in the Arts. — 1997. — Vol. 8. — № 2 (30). — Pp. 198—217.

26. *Prohaszkova V.* The genre of horror / V. Prohaszkova // American International Journal of Contemporary Research. — 2012. — Vol. 2. — № 4. — Pp. 132—142.

27. *Salomon R. B*. Mazes of the Serpent : An Anatomy of Horror Narrative / R. B. Salomon. — New York : Cornell University Press, 2002. — 200 p.

28. *Stewart S*. The Epistemology of the Horror Story / S. Stewart // The Journal of American Folklore. — 1985. — Vol. 95. — № 375. — Pp. 33—50.

Статья поступила в редакцию 07.06.2025,
одобрена после рецензирования 23.07.2025,
подготовлена к публикации 01.08.2025.

Material resources

Amfiteatrov, A. V. (1896). Dreams and Shadows: (Book of Legends). Moscow: Rassvet Publishing House. 240 p. (In Russ.).

Amfiteatrov, A. V. (1991). Dead gods: stories, novel. Moscow: Sovremennik. 542 p. ISBN 5-270-01012-7. (In Russ.).

Death by declaration: novels, short stories. (2025). Saint Petersburg: ABC, ABC-Atticus. 416 p. ISBN 978-5-389-26517-2. (In Russ.).

Freud, Z. (1995). The artist and fantasy: [Collection: Trans. With him.]. Moscow: Republika Publ. 396 p. ISBN 5-250-02522-6. (In Russ.).

Gogol, N. V. (2013). Mirgorod. Saint Petersburg: Nauka Publ. 576 p. ISBN 978-5-02-038285-5. (In Russ.).

Meletinsky, E. M. (ed.). (1990). Mythological dictionary. Moscow: Soviet Encyclopedia. 672 p. ISBN 5-85270-032-0. (In Russ.).

The Red-lipped Guest: Russian Vampiric Prose of the 19th — first half of the 20th century, 1. (2018). [B. M.]: Salamandra P. V. V. 230 p. (In Russ.).

The red-lipped guest: Russian vampiric prose of the XIX — first half of the XX century, 2. (2018). [B. M.]: Salamandra P. V. V. 216 p. (In Russ.).

Tolstoy, N. I. (ed.). (1995). Slavic Antiquities: an ethnolinguistic dictionary, 1. Moscow: International Relations. 584 p. ISBN 5-7133-0703-4. (In Russ.).

Turgenev, I. S. (2011). Ghosts. Moscow: OLMA Media Group. 314 p. ISBN 978-5-373-03996-3. (In Russ.).

References

Aksamentov, Yu. V. (2022). Traditions of Gothic literature in Olshevri's novel "Vampires". Art Logos (The Art of the Word), 2 (19): 15—30. DOI: 10.35231/25419803_2022_2_15. (In Russ.).

Antonov, S. A. (2007). The thin red line. Notes on the vampiric paradigm in Western Literature and Culture. In: "Dracula's Guest" and other vampire Stories: a collection. Saint Petersburg: ABC Classics. 5—86. (In Russ.).

Birkhead, E. (2012). The tale of terror: a study of the gothic romance. Auckland: The Floating Press. 302 p.
Cheyne, R. (2019). Horror: Fearful Bodyminds. In Disability, Literature, Genre: Representation and Affect in Contemporary Fiction. Liverpool: Liverpool University Press. 27—52.
Chuprinin, S. I. (1979). "The defendants" — environment — reality (On the characteristics of Russian naturalism). Questions of Literature, 7: 125—160. (In Russ.).
Dolgikh, Yu. A. (2012). The vampire as a character in Russian fantasy literature of the early 19th century. Summer School on Russian Literature, 8 (1): 216—226. (In Russ.).
Gopman, V. (2005). Nosferatu: the fate of myth. In: Stoker B. Dracula. Moscow: Enigma Publ. 555—557. (In Russ.).
Gryakalova, N. Y. (2008). The man of modernity. Biography — reflection — writing: [monograph]. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin. 382 p. ISBN 5-86007-502-2. (In Russ.).
Kalenichenko, O. N. (2000). The fate of small genres in Russian literature at the end of the XIX — beginning of the XX century (Yuletide and Easter stories, modernist novella). Volgograd: Peremena Publ. 232 p. ISBN 9785882344114. (In Russ.).
Kovalskaya, A. S. (2021). The genesis of the vampire image in European prose. Science Time, 9 (93): 34—35. (In Russ.).
Krasovsky, V. E. (1989). Alexander Amfiteatrov, journalist and writer. In: Sunset of the Old Century: Novels, feuilletons, literary notes. Chisinau: Lit. artike. 632—650. (In Russ.).
Kulikova, D. L. (2022). Poetics of the terrible in the works of A. I. Ivanov. PhD Diss. Moscow. 176 p. (In Russ.).
Mikhailova, T. A. (2009). Count Dracula: the experience of description. Moscow: OGI. 206 p. ISBN 978-5-94282-523-2. (In Russ.).
Mironov, N. M. (2025). The specifics of the reception of the vampire image in the mythology and folklore of the peoples of the world. Art Logos (The Art of the word), 1: 10—23. DOI: 10.35231/25419803_2025_1_10. (In Russ.).
Nikolsky, E. V. (2016). Images of vampires in the novels of V. I. Dahl and A. K. Tolstoy in the context of European Romanticism. Studia Humanitatis, 1: 23—31. (In Russ.).
Odessky, M. P. (2005). The phenomenon of the vampire. In: Stoker B. Dracula. Moscow: Enigma Publ. 640 p. (In Russ.).
Odessky, M. P. (2010). Vampires in the early prose of A. K. Tolstoy. The experience of plot topic construction. Questions of literature, 6: 207—241. (In Russ.).
Osmukhina, O. Yu., Tanaseychuk, A. B. (2019). The specifics of the refraction of the Gothic tradition in G. Leroux's novel "The Phantom of the Opera". Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University, 1 (28): 76—84. (In Russ.).
Pippin, T. (1997). Apocalyptic Horror. Journal of the Fantastic in the Arts, 8 / 2 (30): 198—217.
Ploshchuk, A. N. (2014). The theme of vampirism in P. Merime's collection "Guzla" and in A. S. Pushkin's cycle "Songs of the Western Slavs". Bulletin of Pskov State University. The series "Social sciences and humanities", 5: 107—115. (In Russ.).
Prohaszkova, V. (2012). The genre of horror. American International Journal of Contemporary Research, 2 (4): 132—142.
Romanova, E. I. (1991). Artistic concepts of the world and man in the naturalistic and symbolist novel (Boborykin, Amfiteatrov, Artsybashev, Sologub, Bely). PhD Diss. Dnepropetrovsk. 170 p. (In Russ.).
Salomon, R. B. (2002). Mazes of the Serpent: An Anatomy of Horror Narrative. New York: Cornell University Press. 200 p.

Sazonova, Z. N. (2013). The theme of vampirism in modern Russian fantasy: origin and originality. Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University, 1 (2): 269—272. (In Russ.).

Spiridonova (Evstigneeva), L. A. (1977). Russian satirical literature of the early 20th century. Moscow: Nauka Publ. 302 p. (In Russ.).

Stewart, S. (1985). The Epistemology of the Horror Story. The Journal of American Folklore, 95 (375): 33—50.

Summers, M. (2010). Vampires in beliefs and legends. Moscow: Tsentrpoligraf. 351 p. ISBN 978-5-9524-4941-1. (In Russ.).

Tanaseychuk, A. B. (2024). Russian “scary story” of the first half of the twentieth century. In: The Devil’s bride: Russian horror of the early twentieth century from the pages of old magazines. Moscow: RIPOL Classic. 5—12. ISBN 978-5-386-15066-2. (In Russ.).

The article was submitted 07.06.2025;
approved after reviewing 23.07.2025;
accepted for publication 01.08.2025.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Пронченко С. М. Народная лингвокультура приграничного восточнославянского этноконтактного локуса : лексико-фразеологический аспект / С. М. Пронченко, С. Н. Стародубец, О. В. Белугина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 6. — С. 355—376. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-355-376.

Pronchenko, S. M., Starodubets, S. N., Belugina, O. V. (2025). Folk Linguoculture of Borderland East Slavic Ethnocontact Locus: A Lexical-Phrazeological Perspective. *Nauchnyi dialog, 14* (6): 355-376. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-355-376. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Народная лингвокультура приграничного восточнославянского этноконтактного локуса: лексико-фразеологический аспект

Пронченко Сергей Михайлович
orcid.org/0000-0002-0382-3059
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра социально-экономических и
гуманитарных дисциплин
s.m.pronchenko@yandex.ru

Стародубец Светлана Николаевна
orcid.org/0000-0003-3135-6678
доктор филологических наук, профессор,
кафедра социально-экономических и
гуманитарных дисциплин,
корреспондирующий автор
starodubets.madam@yandex.ru

Белугина Ольга Владимировна
orcid.org/0000-0002-1081-234X
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра социально-экономических и
гуманитарных дисциплин
OBelugina@mail.ru

Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского
(Брянск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-28-00077 «Народная лингвокультура восточнославянского приграничья в условиях социально-политических изменений: фольклорно-этнографическое и этнолингвистическое исследование», https://rscf.ru/project/25-28-00077

Folk Linguoculture of Borderland East Slavic Ethnocontact Locus: A Lexical-Phrazeological Perspective

Sergey M. Pronchenko
orcid.org/0000-0002-0382-3059
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Socio-Economic
and Humanitarian Disciplines
s.m.pronchenko@yandex.ru

Svetlana N. Starodubets
orcid.org/0000-0003-3135-6678
Doctor of Philology, Professor,
Department of Socio-Economic
and Humanitarian Disciplines,
corresponding author
starodubets.madam@yandex.ru

Olga V. Belugina
orcid.org/0000-0002-1081-234X
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Socio-Economic and
Humanitarian Disciplines
OBelugina@mail.ru

Bryansk State Academician
I. G. Petrovski University
(Bryansk, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported by Russian Science Foundation, project number 25-28-00077 “Folk Linguoculture of the East Slavic Borderlands in the context of socio-political changes: folklore, ethnographic and ethnolinguistic research”, https://rscf.ru/project/25-28-00077

© Пронченко С. М., Стародубец С. Н., Белугина О. В., 2025

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье раскрывается символическое значение лексем и фразеологизмов, зафиксированных в дискурсе диалектоносителей обрядовой традиции брянско-гомельско-черниговского пограничья. Изучается лексика и фразеология календарных праздников, обрядов жизненного цикла, народных верований, народной медицины и магии. Материал исследования — беседы с носителями традиционной культуры Новозыбковского городского округа Брянской области. Методы изыскания: дискурсивный анализ, компонентный метод, семантический и контекстуальный анализ, описательный метод. Установлено, что семантика лексико-фразеологических единиц, принадлежащих к числу обозначений календарных праздников, определяется широким спектром символических значений: запретом на шитье, достатком, ритуальным очищением, инициацией и др. Лексемы и фразеологизмы обрядов жизненного цикла также содержат достаточно широкую палитру символических значений: инициации, достатка, отказа при сватовстве, разлуки, одаривания и др. Лексико-фразеологический пласт, соотносительный с народными верованиями, фиксирует символику кругового движения, жертвы умершему, трансформации душ усопших в зооморфные образы и др. В нарративах о народной медицине и магии лексико-фразеологические единицы выражают символическое значение вражды, разрушения, исцеляющей энергии и др. В рассмотренных обрядах ритуальные действия выполняют продуцирующую и апотропейную функции, носят вредоносный характер.

Ключевые слова:
обрядовая лексика; культурная коннотация; фольклорная традиция; брянско-гомельско-черниговский этноконтактный локус.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the symbolic significance of lexemes and phraseological units documented in the discourse of dialect speakers within the ritual traditions of the Bryansk-Homel-Chernigov borderland. The study examines the vocabulary and phraseology associated with calendar celebrations, life cycle rituals, folk beliefs, traditional medicine, and magic. The research material consists of conversations with bearers of traditional culture from the Novozybkov urban district in Bryansk Oblast. The methodologies employed include discursive analysis, componential analysis, semantic and contextual analysis, and descriptive methods. It is established that the semantics of lexical-phraseological units pertaining to calendar festivities is characterized by a wide range of symbolic meanings, including prohibitions on sewing, abundance, ritual purification, initiation, and more. Lexemes and phraseological expressions related to life cycle rituals also encompass a broad spectrum of symbolic interpretations, such as initiation, prosperity, refusal during courtship, separation, gifting, and others. The lexical-phraseological layer associated with folk beliefs captures the symbolism of cyclical movement, offerings to the deceased, and the transformation of souls into zoomorphic images, among other themes. In narratives concerning folk medicine and magic, lexical-phraseological units convey symbolic meanings related to enmity, destruction, healing energy, and more. The examined rituals perform generative and apotropaic functions while also possessing harmful characteristics.

Key words:
ritual vocabulary; cultural connotation; folkloric tradition; Bryansk-Homel-Chernigov ethnocontact locus.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.161.1’37+398(470.333+476.2+477.51)+392.1
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-355-376

Научная специальность ВАК
5.9.4. Фольклористика
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Народная лингвокультура приграничного восточнославянского этноконтактного локуса: лексико-фразеологический аспект

© Пронченко С. М., Стародубец С. Н., Белугина О. В., 2025

1. Введение = Introduction

Брянская область является уникальным регионом России, поскольку граничит с территорией двух других восточнославянских государств — Беларуси и Украины. Пограничье Брянской области России, Гомельской области Беларуси и Черниговской области Украины образует брянско-гомельско-черниговский этноконтактный локус. Уникальное положение Брянщины сказывается прежде всего на непосредственно расположенных у белорусской и украинской границ ее юго-западных районах, где концентрируются неповторимые особенности многолетних межконфессиональных, межъязыковых и межкультурных взаимодействий русских, белорусов и украинцев.

Новозы́бковский городской округ, непосредственно граничащий с Ветковским районом Гомельской области Беларуси, в конфессиональном, лингвистическом и культурном аспектах представляет собой редкое явление, обусловленное следующими историческими обстоятельствами. Во-первых, нахождением в административных границах Черниговской области Украины с XVIII века по 1919 год. Раскольничья слобода Зыбка́я, ставшая впоследствии г. Новозыбковом, была поселена в 1701 году в пределах Стародубья [Лазаревскій, 1888, с. 449—551; Лилеевъ, 1895, с. 52—53] — земель, примыкавших к Стародубу как центру исторической области Северщины. Во-вторых, развитием под значительным влиянием бежавших от преследования властей в 1764 году ветковских раскольников, принесших религиозно-духовные, ремесленные, языковые и культурные традиции: «Для Ветки не существовало приграничной зоны <...> Ветковцы рассылали в российские регионы священников, уставщиков, учителей и проповедников, снабжали российских старообрядцев причастием, благодатным хлебом, чашами и ложками для причастия» [Таранец, 2021, с. 558];

CC BY

«...ветковские обители стали центрами старообрядческого просвещения и грамотности» [Там же, с. 562] (о демографии, культурной и духовной жизни, коммерческой деятельности древлеправославных Стародубья и Ветки см.: [Кочергина, 2011]). В-третьих, территориальной принадлежностью к Гомельской области Беларуси с 1919 по 1926 годы.

Соответственно, в конфессиональном плане среди современных жителей Новозыбкова и прилегающих к нему сельских поселений сохраняется двоеверие — православие и древлеправославие. Последнее поддерживается действующими новозыбковскими храмами — Никольско-Рождественской церквью (1774—1782) и Спасо-Преображенским собором (1911—1914), при котором открыто Высшее древлеправославное духовное училище. В храмовых собраниях и в частных коллекциях представлены выполненные в технике мастеров Стародубья и Ветки древлеправославные иконы с оригинальными ризами, окладами и киотами (М. В. Кочергина указывает более 60 имен древлеправославных иконописцев из Стародубья и более 20 имен ветковских мастеров [Кочергина, 2017]), медная художественная пластика, рукописные и старопечатные книги, религиозное шитье. Функционирование древлеправославия в Новозыбкове накладывает отпечаток на местные обычаи: пользование в быту личными посудой и столовыми приборами, ношение верующими нательного восьмиконечного креста (в том числе меднолитого), применение в молитвенной практике двоеперстного крестного знамения, ле́стовки (плетеной четки со специальными элементами для подсчета количества произнесения богослужебных формул и исполнения ритуальных действий), подручника (сшитого из разноцветных лоскутов материи мягкого коврика для рук и головы, предназначенного для совершения малого (метания) и великого (проскинезы) земных поклонов) и меднолитых образков, использование при похоронно-поминальном обряде са́вана (погребального покрывала из белого полотна), в который заворачивают тело покойного, захоронение усопших последователей древлеправославия на старообрядческом кладбище, посещение их могил обязательно на Пасху с возложением крашеных яиц, ломтей пасхальных куличей, конфет и цветов и проведением в отдельных случаях поминальных трапез.

В лингвистическом плане в Новозыбковском городском округе, как и в других районах Брянщины, наблюдается межъязыковая интерференция восточнославянских языков. В речи жителей юго-западных районов Брянской области функционируют общие для русских, белорусов и украинцев диалектизмы: *ги́рка* ‘невысокий глиняный кувшин для различных хозяйственных нужд’, *граба́рка* ‘совковая лопата’, *дерю́жка* ‘толстый льняной грубый домотканый холст’, *душни́к* ‘дымоход’ и др. Говоры современной

CC BY

Брянской области в течение длительного времени собирались и изучались. В изысканиях начала XX века жители современного юго-запада Брянской области назывались литвинами-белорусами [Косичъ, 1902], специфика их речи П. А. Расторгуевым определялась в качестве северско-белорусского говора [Расторгуев, 1927]. Своеобразие речевых особенностей жителей региона диалектологи стали обозначать и более широким термином *брянские говоры*.

Своеобразие традиционной культуры юго-западных районов Брянской области определяют уникально-локальные черты [Пронченко, 2021; Пронченко, 2022], среди которых образ «козы» на Щедром вечере, ритуальное зазывание мороза, благовещенский обычай «забивать клёц», обряды «вождение стрелы», «свеча» и «вешание колодок», предсвадебные и свадебные обычаи «мазать печь», «завивать ве́льцы» и «отбивать молодым пя́ты», верования в доброхожих, земляную собачку, широкое распространение знахарства. Многие из перечисленных характерно-локальных особенностей находят параллели в традиционной культуре Гомельщины и Черниговщины, что подтверждается компендиумом «Славянские древности» и региональной серией «Традыцыйная мастацкая культура беларусаў», посвященной в том числе территории Гомельского Полесья и Поднепровья [Традыцыйная мастацкая культура ..., 2012, с. 7, 10].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для данной публикации послужили архивные аудиозаписи бесед с носителями народной фольклорно-обрядовой традиции Новозыбковского городского округа (г. Новозы́бкова и прилегающих к нему сел и деревень: Верещáк, Вихóлки, Каташинá, Новых Бобóвич, Старого Вы́шкова, Старого Кривцá), входящего в состав юго-западных районов Брянской области. В зафиксированном дискурсе были выделены и сгруппированы диалектные обрядовые лексемы и фразеологические сочетания, в которых анализу подвергся культурный коннотативный компонент их семантики.

Методами исследования стали дискурсивный анализ, компонентный метод, приемы семантического и контекстуального анализа, описательный метод.

По мысли Т. И. Вендиной, «для понимания русской культуры чрезвычайно важным является обращение к языку традиционной (или крестьянской) духовной культуры как наиболее устойчивой и консервативной, отсылающей к истокам нашей национальной культуры» [Вендина, 2020, с. 6]. Славянская лингвокультура издавна интересовала таких отечественных ученых, как Н. И. и С. М. Толстые [Толстой, 1995; Толстой, Толстая, 2013], Е. Л. Березович [Березович, 2007], О. В. Белова, А. Б. Мороз [Белова и др.,

2023б; «Когда сосна...», 2023; «Петух на три области...», 2022], Е. В. Иванцова [Иванцова, 2023], Т. А. Демешкина [Демешкина, 2022], Т. Б. Банкова [Банкова и др., 2024] и др. Особый интерес современных этнолингвистов и культурологов вызывают пограничные территории, поскольку «фольклорные устные нарративы разных жанров, бытующие в зоне культурного пограничья или формирующиеся в русле “пограничной” традиции, отличаются от нарративов метрополии своей “комплексностью”, “мозаичностью”, “неординарностью” в силу того, что “пограничные” тексты являются репрезентантами сразу нескольких соседствующих традиций» [Белова и др., 2023а, с. 6].

Результаты исследований лингвокультуры брянско-гомельско-черниговской этноконтактной зоны представлены в диссертациях, монографиях, научных статьях С. Н. Стародубец [Стародубец и др., 2024; Стародубец и др., 2025], О. В. Белугиной [Белугина, 2017], С. М. Пронченко [Пронченко, 2022], Е. С. Бангоян [Бангоян, 2020], в сборниках научных статей и международных форумов [Лингворегионоведение ..., 2023; Русские традиции ..., 2022].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Календарные праздники

Календарные праздники открываются рождественскими торжествами, которые называются в местной речи *Каля́дами* [Расторгуев, 1973, с. 130]. (Здесь и далее иллюстративный материал, зафиксированный в живой речи диалектоносителей народной обрядовой традиции восточнославянской этноконтактной зоны, подается способом малограмотного письма). Символика данного диалектизма определяется, согласно местным поверьям, в том числе запретом заниматься шитьем в этот период, поскольку нарушение данного предписания приводит к «меченности» кого-либо из родственников того, кто нарушил запрет, то есть появлению на кожном покрове определенных «знаков»: *«*[В период рождественских праздников] *нельзя́ ни шыть, ни вышыва́ть, ни ла́пить* [*ла́пить* ‘чинить одежду, ставя заплатки’]. *Ну вот ма́ма мая́ када́-то... Ба́цька прышо́ў... ну рабо́таў, а тады́ прышо́ў, и яго́ рукави́чка (тады́ ж перча́так ни было́, дак рукави́чки). Яна́: “Ой, твой ужо́ па́льчык там е́та прадра́ўся. Дава́й я табэ́ залата́ю”. И залата́ла е́ту рукави́чку. Так у бра́та на шэ́и тако́я кра́сняньк ая пятно́. И кра́сниньким жэ яна́ залата́ла е́ту [рукавицу]. Э́та... як Раждество́. Э́та Каля́ды. Две няде́ли там няльзя́ вот е́таа де́лать ничо́а»* (РФБ). (Здесь и далее посредством аббревиатур указаны имена, отчества и фамилии информантов. См. «Список респондентов» в разделе «Источники и принятые сокращения»).

Культурный коннотативный компонент значения лексемы *каша* определяется символикой достатка, изобилия, множества. В дискурсе информантов употребляется лексема *куття́*, обозначающая «кашу из пшеничной или ячменной крупы, которую ели с сыто́й, то есть с медом, разведенным теплой водой. Ели ее только два раза в год — в канун христианских праздников рождества и крещения. Канун Нового года назывался богатой кутьей» [Расторгуев, 1973, с. 146]. В этой дефиниции П. А. Расторгуева обращает на себя внимание лексема *сыта*, указывающая, что кутья как праздничное обрядовое блюдо имеет значение поминального и заупокойного. Респондент из с. Старый Вышков пояснил: *«На Раждяство́ — адна́, на Хряще́нне — друγа́я и на Василя́ — трэ́ття. <...> На Раждяство́ ва́рять пшо́ннаю* [*кутью*]*, ма́слам ма́зали. На Хряще́нне вары́ли дубо́ўку, я́шную* [*ячменную*] *ка́шу... Ту́ю ужо́ але́ем* [*оле́й ‘подсолнечное масло’*]*... ма́зали. На Василя́ — э́та ужо́ баγа́тая куття́. Как хо́чеш: хо́чеш з изю́мам, хо́чеш з ма́слам. Ва́рыш любу́ю ка́шу, то́льки ня ячме́ннаю»* (РВА).

С кутьей в Новозыбковском городском округе связано ритуальное кормление домашних животных и птиц с целью их роста, укрепления здоровья и плодовитости, которому предшествуют специальные магические действия — принесение сена в дом к красному углу, смазывание сена верхним слоем кутьи, кормление в сарае домашних животных этим сеном: *«Када́ были́ каро́вы, то лажы́ли се́на на кут* [*кут* ‘правый угол комнаты, где находятся иконы’] *нямно́шка. Ста́вили куттю́ е́ту. Пато́м зве́рьху збира́ли куттю́ и се́на э́та дава́ли скату́: каро́ве, сви́нням там»* (РВА).

В канун Старого Нового года *кало́дязь* ‘колодец’ выступает как обрядовое пограничное пространство, связанное с потусторонним миром, служащее местом гаданий девушек: *«А у кало́дязи ка́мни ки́дали. Ка́мянь ки́даиш и слу́хаиш: свякру́ха ти буркатли́вая* [буркотли́вая ‘ворчливая’] *бу́дя, ти не. Ти бурчи́ть, ти не»* (РВА).

В качестве обрядового артефакта применяется имеющий символику жизненной энергии *ва́лянец* ‘валенок’, который бросают через крышу сарая и смотрят, в какую сторону указывает его носок. По народным представлениям, в той стороне села живет суженый девушки и там она выйдет замуж: *«Ва́лянец кида́ли че́ряс кры́шу* [сарая]. *<...> Ну ва́лянак изде́нь из наγи́, с пра́выя, па-мо́йму, и че́ряс кры́шу браса́й. Куды́ ва́лянец наско́м упаде́, туды́ за́муш по́йдиш»* (РВА).

Тринадцатого января исполняются святочные народные песни. В одной из зафиксированных песен употребляются такие лексемы, как *ку́на* и *сако́ля*: *«У Ко́ли, у па́на на яγо́ дварэ́ я́блань стая́ла, / Ой, дай ему́, Бо́жэ, ща́стья, здаро́вья у яγо́ двор. / Адна́-то я́бланя — тры кары́сти. / Пе́рвая ка́рысть — я́рые пчо́лы, / А фтара́я ка́рысть — чо́рная ку́на, /*

CC BY OPEN ACCESS

А трэ́ттья ка́рысть — э́та я́сна сако́ля. / Я́сна сако́ля — дятя́м на уте́ху, / Чо́рная ку́на — жане́ на шу́бу, / А я́рые пчо́лы — на всё сваё здаро́вья. / Дай жа, Бо́жэ, ща́стья, здаро́вья у яγо́ двор» (РФБ). Фольклорный образ *куны* ‘куницы’ в данной щедровой песне имеет женскую брачную и ткаческую символику, образ *саколи* ‘сокола’ — мужское символическое значение.

В праздновании Благовещения любопытен обычай *«лажы́ть тяпло́»* (*тепло́* — «огонь, костер, разведенный в лесу, в поле и т. п. [СРНГ, т. 44, с. 54]) — разжигать ритуальный очистительный костер с последующим перепрыгиванием через него присутствующих для обеспечения их здоровья: *«...а вот на Блаγаве́щенье... дак фсеγда́ лажы́ли тяпло́ и перяска́кывали э́тый аγо́нь»* (РФБ).

Яркой особенностью традиционной культуры Новозыбковского городского округа является празднование Ушестия (= Вознесения), включающее обряд «вождение стрелы» с продуцирующей и апотропейной функциями, значением инициации для совершеннолетних девушек. Обряд проводится и в пограничных сельских поселениях Гомельской области Беларуси. Он сопровождается *старца́ми* — ряжеными, которые разыгрывают гротесковые карикатурные комические сценки, попрошайничают, непристойно шутят, стимулируя интерес участвующих в обряде девушек и бездетных женщин к интимным отношениям. Характерно, что мужчина, исполняющий роль старца, надевает на себя женскую одежду с подчеркнуто увеличенной грудью, а женщина — мужскую одежду, на которой присутствуют элементы с фаллической символикой, что актуализирует семантику роста и плодородия. Во внешнем виде и поведении старцов подчеркивается взаимосвязь с нищими стариками — ветхая одежда, старые предметы обихода, клюка, борода, прошение милостыни: *«Вот як ужо́ стрялу́ вяду́ть, дак падряжа́ять ужо́ двух чялаве́к... <...> И яны́ ужо́ с таки́мы с па́лкамы пюря́ять* [ударяют, колют] *дяте́й. Де́ти ш бяγа́т талпо́ю усле́т. Ну э́та γуля́ння тако́е. И яны́ ужо́ старцы́ бяγа́т, бяγа́т наря́жаные у ря́сси* [*ря́сье* ‘старая изношенная одежда’], *из барада́мы»* (АГМ); *«А то ще па́ра сабира́ицца — старцы́. Дет и ба́ба. Наряжа́яцца у ста́рая в тако́е и абма́зуецца. <...> И бе́γаять, сабира́ять, про́сять яе́ц та́ма — хто што дасть...»* (ЮФЗ). Называние ряженых старцами можно объяснить семантикой диалектизмов *старцы́* — «нищие, хотя бы они были и не стариками» [Расторгуев, 1973, с. 251] и *ходить по ста́рцах* — «нищенствовать, просить милостыню» [БОС, 2011, с. 310]. В народных представлениях нищие, или «нездешние», связаны с «тем светом», поэтому воспринимаются как представители умерших, которым необходимо отдать жертву, например, в виде яйца (ср.: *«про́сять яе́ц»*). Таким образом, старцы, сопровождающие обряд «вождение стрелы», — это ряженые в нищих стариков персона-

CC BY

жи народного гуляния, за которыми закреплена жертвенно-поминальная и эротическая символика.

На Ушестие принято *петь карагóт* (*корогóд* ‘хоровод’) — исполнять хороводные песни, а затем *падымáть пясóк* — бросать его высоко вверх с целью вызывания роста льна: *«А там ужó, кадá усé сабярýцца, пéли карагóт. ... а патóм, кадá кóнчили петь, пясóк — и падымáли увéрьх, штóбы лён рос... Вот брáли пясóк и увéрьх брасáли, штоп рос лён»* (РВА). Песок, имея символику множественности и неисчислимости, выполняет в этом обычае обережную и продуцирующую функции.

В с. Старый Вышков на Пасху, в с. Каташин на Ушестие принято посещать могилы родителей и *качáть яйца* — катать их по могильной насыпи: *«Схóдять, яйцы пакачя́ять, пáсачку палóжать — и дамóй»* (РВА);

ЕМЗ: *На клáдбища хадúли на Ушэ́стя...*

ЮФЗ: *К радúтилям хóдять. Пахóдять, яúчки пакачя́ять.*

ЕМЗ: *Бéлые. Крáсные — на Рáданицу. А бéлые — на Ушэ́стие.*

В этом обычае яйцо выступает в качестве дара (жертвы) ушедшим из жизни родственникам и оберега от них [СД, т. 5, с. 625]. Значимы его белый цвет и способность катиться, вбирая в себя негативную энергию.

С празднованием Духова дня связан обычай *«сажать май»*, то есть украшать зеленью свой дом и двор: *«Май жэ вон сажáять на пярэ́дний день. Ну во пéрят Трóйцэй... <...> Дак во ламáять во... асúну. Май называ́ецца. Та май. Налáмывают. Абязáтильна нáда у хáти паты́ркать. У хáти и на дварэ́. Да, и арэ́шник, а асúну абизáтельна нáда»* (ЮФЗ). Лексема *май* обозначает «молодые дубки, клены, березки, срубленные в лесу и воткнутые в землю у ворот дома в праздник пятидесятницы» [СРНГ, т. 17, с. 301]. Обычай «сажать май» защищает от зла, сглаза, нечистой силы, непогоды. Ветки срубленных деревьев являются, по народным поверьям, местом временного пребывания на земле душ умерших предков [СД, т. 2, с. 158].

В дискурсе носителей фольклорных сведений праздник Петров день и обряд Кумление обретают местные названия — *Пятрó* и *Кýмушки*. Н. М. Елисеенко, рассказывая о пожаре, в результате которого сгорел ее дом, вспоминает: *«На Пятрó гарэ́ли! На Кýмушки»* (НМЕ). Характерно, что обряд Кумления в с. Верещаки, в котором проживает респондент, проводится на Петров день, а не в период троицких праздников.

3.2. Обряды жизненного цикла

В обрядах жизненного цикла значительное место занимают предсвадебные и свадебные ритуалы. Зарождение взаимоотношений между парнем и девушкой обозначается в одной из зафиксированных песен лексемой *дружы́начка* ‘дружок, друг’: *«... в той крыни́цы жэ дéўка вáду брáла, / в той крыни́цы дéўка вóду брáла. / Да спусти́ла* [уронила] *жэ залатóй*

CC BY

вядéрка, / Дай спустúла залатóй вядéрца. “Ой, хто ж мáё жэ вядерцá дастáня? / Ой, хто ж мáё вядерцá дастáня?” / Абазвáвся жэ кáзак маладéнький, / Абазвáвся кáзак мóладенькай. / “Я жы твáё жэ вядерца дастáну, / Ой, я жэ твáё вядерцó дастáну. / Ой, я ж твáёй дружы́начкай стáну, / Ой, я жэ твáёй дружынóчкай стáну”» (НМЕ).

Респонденты Новозыбковского городского округа рассказали об обряде *«вéшать калóтки»*, распространенном и на территории Украины. *Колóдка*, как указывают информанты, обозначает сложенный треугольником платок с букетом цветов и лентами, который невесты закрепляют на одежде женихов в период празднования Масленицы: *«Э́та во такúе платóчкы нявéсты вышывáли... И слáжывая их так... на трыугóльник. И тут ужó букéт... букéт цвятóў, а зза́ди — лéнты. А платóк э́тый далжнá нявéста вы́шыть, рашы́ть. Ну и тадá ужэ́ цапля́ли* [прикалывали булавкой на грудь] *хлóпцам э́тым калóтки ужó. Называ́лась э́та “калóдка”»* (РФБ). Эти сведения говорят о трансформации обряда, переосмыслении его инициальной символики (нового статуса парня и девушки как жениха и невесты), поскольку ранее под колодкой понималась «палка, украшенная красным кушаком или разноцветными лоскутками, которую во время масленичных развлечений привязывали к ноге холостого парня (или девушки) как бы в наказание за то, что он не женился, требуя выкупа деньгами или водкой» [СРНГ, т. 14, с. 158]. П. А. Расторгуев отмечает, что *калóдка* — это «украшенная цветной материей небольшая щепка или лучина, с которой во время масленицы ходили по хатам и домам (в городах) и привязывали ее молодым парням и незамужним девушкам, требуя от них выкупа (“отвязать колодку”) деньгами или водкой. В конце же XIX века и в самом начале XX века колодку привязывали независимо от того, были ли в семье неженатые парни и незамужние девушки или нет — ее привязывали даже детям и требовали выкупа. В городе этот обычай был крайне непопулярен и в начале XX века стал исчезать» [Расторгуев, 1973, с. 129].

В предсвадебном обряде сватовства зафиксированы языковые формулы с лексемой *тялу́шка* ‘девушка, невеста’: *«Ну прыхóдять у сваты́. Ён* [жених] *прыхóдя, бáтька, мáтка, хрёсный, хрёсная. <...> Ну паздарóваяцца... <...> А ужэ́ сват, як умéя бауáта бряхáть (э́та такúх завýть у свáты): “Вот мы слы́шали, што у вас тялу́шка прадаéцца. Дак вот у нас пакупáтиль харóшый”. Вот. Анú уаваря́т: “Пакажы́те сваю́ тялу́шку”. Там ужэ́ дауавáрюяцца. <...> Ну а маладáя ужэ́ далжнá стакáны пастáвить. Не хóчя, знáчить, и янá ат сватóв тых утякé»* (ААП). Тялушка, таким образом, в формулах сватовства выступает в качестве зооморфного образа понравившейся парню девушки, предполагаемой невесты. Называние невесты *тялушкой* может быть объяснено обиходным значением лексемы — ‘телка

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

по первому году’ [СРНГ, т. 44, с. 14], а также и восприятием коровы, за которой в народных верованиях закреплена символика богатства и достатка.

Характеризуя специфику проведения сельской свадьбы в той ее части, когда невесте расплетают косу, респонденты отметили:

ЕМЗ: *А расплята́ла бо́льшая дру́шка касу́. А друшки́ э́та расплята́ли?*

ЮФЗ: *Э́та ш дружо́к расплята́ў!*

ЕМЗ: *Дружо́к. Да, да. Дружо́к. Ста́ршый дружо́к...* [Волосы в] *куксу́ зама́тывая. Плато́к атпина́я* [*отпина́ть* ‘открыть, снять’]. *Ужо́ по́сли карава́я падяли́ўшы, ана́ ужэ́ атпина́я плато́к и куксу́ закру́чуе.*

Дружо́к и *дру́жка* — это распорядители на свадьбе со стороны жениха и невесты, выполняющие обережную функцию по отношению к молодоженам. Обряд *«расплетание косы»* имеет инициальное значение, символизирует переход девушки в статус женщины. Косу расплетают на две и укладывают в женскую прическу — *куксу* (*кукса́* ‘волосы, собранные на затылке в пучок’ [БОС, 2011, с. 176]).

Значительное место в предсвадебном и свадебном обрядах занимает *ку́рыца*, обладающая брачно-эротической символикой, ассоциирующаяся с невестой, ее *честностью* (отсутствием интимных отношений до брака), здоровьем, способностью к зачатию [СД, т. 3, с. 62, 63]. Курица выступает мерилом морально-нравственных качеств невесты: *«Дак не́катарая свякру́ха дава́ла ку́рыцу... Е́сли во ба́чя* [видит], *шо ты ч́эсная, даé. А яка́я ба́чя, што ты не, дак ку́рыц не дава́ла. У сасе́тки дачку́, за дачко́й бы́ли, дак там... тётка... хате́ла, шоп ку́рыцу да́ли. А яны́ разуганя́ли курэ́й ты́я свякру́ха. И усё ни дава́ли, шоп лави́ли ку́рыц. Ну э́та ухвати́ла ку́рыцу... Ле́на э́та. <...> Дак свякру́ха ув авто́бус уле́зла: “Адда́йтя ку́рыцу, таки́е-сяки́е! Адда́йтя ку́рыцу!”. Дак ку́рыцу ту́ю шабуну́ли* [*шиба́ть* ‘бросать, кидать’] *и с... сва́ркай* [*сва́рка* ‘раздор, ссора’] *паéхали»* (ЕМЗ). Семантика курицы как обрядового блюда выражена в следующей свадебной песне: *«Саката́ла Ку́рачка, сакаталá. / Вясе́лля чюлá, ни казáла, / Вясе́лля чю́ла, ни казалá: / “Зарэ́штя мяне́ на ю́шку, / Зарэ́штя мяне́ на юшку́, / Пе́рьячка маё — в падушку́”»* (ВНШ).

С нечестностью невесты связан обычай выставлять на стол перед ее матерью тыкву, что отражено во фразеологизмах *дать гарбузá* (*гарбу́з* ‘тыква’), *вы́катить ты́кву*, имеющих значение отказа при сватовстве: *«гарбу́с — э́та... хлеп назáт варо́чять. Вот э́та... щыта́лась гарбузá да́ли»* (ААП). Этот обычай фиксируется и на украинской территории.

В свадебных песнях лексема *скры́ня* ‘сундук’ выступает в символическом значении вместилища приданого невесты: *«Вы́ди, свекру́ха, паулядú, / Ой, што мы тибе́ прывязли́, / Ой, што мы тибе́ прывязли́. / Прывязли́ скрыню́, пярыню́, / Прывязли́ скрыню́, пярыню́ / Ще маладу́ю*

CC BY

кня́гиню́, у-у-у» (НИП). Лексема *зязю́ля* ‘кукушка’ обладает женской символикой, связана с горем и разлукой: *«*Заку́кала зязю́лячка, во́ран лятучы́й, лятучы́й, / Запла́кала, ой, Ра́ячка, ой, ат свёкра иду́чы. / “Не́га ж мая́ дараґа́я, ма́мкина, а забо́та я́кся та́ткина. / А ти бу́дя ж така́я ужо́ свёкрава? / А ти пу́стя мене́ мой свёкар када́ на Во́лґу ґуля́ть? / Ой, хоть пу́стя ти ни пу́стя, дак прыка́жа: “Иди́ ж, мая́ нявёстачка, ни бары́ся [*бари́ться* ‘задерживаться’], */ у се́нячках, за двяря́ми, и варати́ся”»* (АГМ). За лексемой *хма́ра* ‘туча’ закрепляется символика печали и несчастья: *«Ти ни по́йдя дро́бян до́жжык, ой, да бяс тёмныя хма́ры, хма́ры, / Ой, ни во́зьмя па́рянь де́ўки бес худы́я бяс сла́вы. / Ана́ стучы́ицца, ана ґрючы́ицца тады́ до́жжык по́йдя, / А насу́дяцца лю́ди де́ўку — тады́ па́рянь во́зьмя»* (АГМ). Традиция выяснения семьей парня сведений о роде понравившейся ему девушки (потенциальной супруги) закреплена в характерной поговорке: *«А давне́й каза́ли: “Па ни́таццэ клубо́чык шука́ять* [ищут]*, па раду́ де́вачку пыта́ять* [спрашивают, узнают]*” у сёлах, яко́ґа ро́ду. Вон жа пе́ли: “Ти харо́шаґа ро́ду?” — “А я ро́ду харо́шаґа и на ли́ченька краси́ва, а за плахи́м му́жам да и за пья́ницам разнясшча́сная до́ля”»* (АГМ).

В крестильном обряде значительное место занимает *маго́тка* ‘небольшой глиняный горшок для приготовления пищи’ [БОС, 2011, с. 196]: *«Ну усяґда́ ка́шу вары́ли у чэряпя́ной* [глиняной] *маго́тке, штоп яна́ разбива́лася»* (РФБ). Разбиваемая на крестинах махотка с кашей имеет символическое значение перехода ребенка на новый жизненный этап.

На крестинах сохраняется восточнославянская традиция одаривания полотном матери родившегося ребенка. Этот материал называют *уви́вичем* — «отрезом ткани на платье, который кумовья дарили роженице» [СРНГ, т. 46, с. 175]: *«Е́тый ни зна́ю ужо́, што ён бу́дя дава́ть, кум, а ты б ужо́ наси́ла называ́вся уви́вич. Уви́вич у нас. Вот, напрыме́р, палатна́. У нас ни было́ тады́ ни мате́рьеў, ничо́ґа. Дак палатна́ таки́х ме́тры две ти тры. Э́та ты нясе́ш ужо́ крысти́ть»* (АГМ). Увивич, таким образом, обладает символикой одаривания, пожелания здоровья матери новорожденного.

3.3. Народные верования

В народных верованиях значительное место занимают рассказы о ведьмах. Респонденты подчеркивают их способность превращаться в движущиеся предметы — *капу́* (в записи речи респондентов способом малограмотного письма: *капа́*; в словарях фиксируется в варианте: *копа́*) и *като́к*, имеющие символику круга и кругового движения: *копа* — «большая куча сена, снопов хлеба, копна» [СРНГ, т. 14, с. 280], *каток* — «колесо телеги» [БОС, 2011, с. 141]: *«Вот зде́лаицца капо́й и там вот идитё вы ве́чярам... А капа́ па у́лицы е́дя, е́дя ужо́»* (АГМ); *«Кали́сь* [коли́сь ‘когда-то’] *раска́зываў Шаря́ев Миха́нь: “Иду́, — ка́жа, — у тэ́й ужо́ атсе́ль я. Ко́тицца като́к*

имне́ памéш нох. Я, — ка́жа, — прайшо́ў на тэ́я, пересиγну́ў [*пересигну́ть* ‘перепрыгнуть’]. *Ён ня зби́ў мяне́, пашо́ў, ён пакати́ўся. Другі́й рас иду́. Изно́ў ко́тицца”. Ён за э́тый като́к — и на ко́лик. “Вра́нне* [*вра́нье* ‘рано утром’] *идём, — ка́жа, — чялаве́к прабу́тый”»* (ТАП).

Повсеместно распространены представления о *блинах* как поминальном блюде, жертве усопшему: *«“Ой, Ни́начка, ро́дная, што мне де́лать? Ни даé Ми́ша* [покойный супруг] *спако́ю: ста́ну рабо́тать на γаро́ди — γука́я* [*гука́ть* ‘звать’] *мяне́, γука́я мяне́. Спать ля́жу — не даé спать”. <...> “Вазьмі́, — кажу́, — блин, спячы́ <...> и памяні́: “Вот табé яка́я честь — така́я и сла́ва, яка́я честь — така́я и сла́ва, яка́я честь — така́я и сла́ва”. Тры разки́. Палажы́ тэ́й блино́к и иди́”. <...> Каза́ла: “Дай бох, спаси́ба табé. Як руко́й зняла́”»* (НМЕ).

Символическое наделение покойного его долей выражается не только в испечении блинов, но и в церковных пожертвованиях, обозначаемых фразеологизмом *пада́ть на ча́стачку*, где *ча́сточка* — «часть, кусок» [БОС, 2011, с. 348] просфоры: *«Я так паéхала у цэ́рькву у навазы́пкаўскую. Да и γаварю́, кажу́: вот так и так. <...> Я γаварю́: “Я спужа́лася...”. Ён* [батюшка] *γаво́ря: “Ну вот пада́йте на ча́стачку”. Ну ужо́ як ён имне́ пасаве́таваў, што... И всё. И бо́льшы я с тых пор не ба́чила ничёγа»* (ОФЕ).

Блины осмысляются и как жертва домовому: *«Када́-нибу́ть спяки́ блино́к. Иде́-то там за γру́пкай* [*гру́бка* ‘комнатная печь с лежанкой’], *за черяпу́шкай* [глиняным горшком] *паклади́, ниха́й. Скажы́ (куды́ переяжа́ять лю́ди, ра́ньшы переяжа́ять ис сваёй ста́раγа ха́ты у другу́ю): “Мой дамаво́й, пайдём са мной”»* (ААП).

В канун Крещения блины в обычае *«рысава́ть крэ́стики»* применяются в магических обрядовых действиях от зла, сглаза: *«Ста́рые лю́ди γаварылі: “Ат плахо́уа чялаве́ка крэ́стик”. <...> Блин пяче́ш на куттю́. На тот блин мяло́к ло́жыш, ...с тем бли́нам хо́диш и рысу́еш крэ́стики* [на окнах и дверях]. *Асвящя́ю на Хрящéння»* (РВА).

На территории брянско-гомельско-черниговского пограничья фиксируются рассказы о явлении во сне до *атпра́вы* (до сорока дней) душ умерших родственников в виде зооморфных образов. О. В. Яковлева по этому поводу отмечает, что «фольклорні образи зберегли найдавнішу ідею злиття людських і тваринних якостей, ідею переродження й перевтілення...» [Яковлєва, 2014, с. 133]. Одним из таких образов выступает *тярэ́шка* ‘бабочка’: *«Пато́м, прайшло́ ско́льки урэ́мя, у мене́ свякру́ха упирёд умёрла. Э́та ув адно́м γаду́. Тады́ ма́тка ро́дная у мене́ жыла́ — я пахарани́ла, то́жэ умёрла. И вот, нямно́уа зуадя́, захо́жу... У ха́ту. Сяди́ть у ха́те тярэ́шка вот така́я здаро́вая* [большая], *чёрная, на тю́ли. Сяди́ть тярэ́шка э́та, я и кажу́: “уо́спади! Ужо́ и тярэ́шак паналята́ла сюды́ и всяγо́ у ха́ту”.*

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

А ме́ньшынькая сядо́ть ка́ла крава́ти на тю́ли, у́де я сплю. Я так во бальшу́ю э́ту — в пра́вую руку́, ма́линькую — в ле́ваю. Пашла́, калидо́р атчини́ла [*отчини́ть* ‘открыть’], *вы́кинула: “Иди́те вы! Бу́дите пужа́ть мене́ то тэй [тот], то тэй”. Вы́кинула, прышла́, ляу́ла́, ляжу́ и засну́ла. Засну́ла и ба́чю: ухо́жу у ха́ту. Сяди́ть мой хазя́ин [супруг] на табурэ́ццэ кала́ сталá. Ба́чю, што ён жа сяди́ть. Э́та... бы́ло да атпра́вы. А свякру́ха сяди́ть на пе́чи, ко́мян* [*ко́мен* ‘печная труба’] *так во плячя́мы прихили́ўшы* [*прихили́ться* ‘прислониться’]. *Бе́лый плато́чик на ёй (яна́ ж пахаро́нена у тёмнам платку́), а но́уи вы́прастала* [*вы́простать* ‘вытянуть’] *и сяди́ть на пе́чи. Я кажу́: “Ну што вы сядитё?”. А ён и ка́жа мне: “Ты ш нас вы́кинула с ха́ты. <...> Дак што ш нам?!”. Я уаварю́: “Дак, мо́жэ, есть хо́чите?”. Я луп — и праснýлась»* (ОФЕ).

3.4. Народная медицина и магия

В Новозыбковском городском округе распространены народная медицина и магия. Верования в способность совершать вредоносную магию связаны с ведьмами и «плохими» людьми.

Объектом вредоносной магии ведьм (а также «плохих людей») может выступать след, поскольку он является символическим заместителем человека. Фразеологизм *падабра́ть слет* означает ‘навести порчу, причинить вред здоровью’: *«...ат нас к ба́бе ни иди́те: ба́ба иуо́лак панаты́ркывала в зямлю́, пако́лите. И слет падбярэ́ть ваш, и но́уи у вас атка́жать»* (НМЕ). «Словарь русских народных говоров» фиксирует устойчивое выражение *вынима́ть след* — «вырезать ножом часть земли, на которую ступил человек или соскабливать след от его ступни на полу для колдовства над ним» [СРНГ, т. 38, с. 246].

П. А. Расторгуев отмечает, что *асуро́ки, суро́ки, суро́цы* — это «суеверие, связанное с верой в действие так называемого “дурного глаза”, некстати сказанного слова и пр. По народному поверью, знахари и знахарки умели отговаривать (снимать) асуроки» [Расторгуев, 1973, с. 44]. Согласно «Словарю русских народных говоров», *суро́к* и *сурёк* — «наведение болезни, несчастья дурным глазом; сглаз, порча» [СРНГ, т. 42, с. 286]. В компендиуме «Славянские древности» *сглаз*, *уро́ки* определяются как «вредоносное магическое воздействие на человека, его хозяйство, работу и скот посредством взгляда, слов похвалы, злых, завистливых мыслей и намерений» [СД, т. 4, с. 597]: *«Вот у мяне́ бы́ли... есть э́та и уро́ки. Вот э́та я на себе́ ужо́ испыта́ла»* (РФБ). Появление у человека способности наводить порчу респонденты объясняют следующим поверием: *«...ни на́да, када́ атнима́ять... де́вачку там ти ма́льчика ат* [груди], *ни на́да дава́ть фтары́чный рас. И жале́ть ни на́да.* [Если грудь дана во второй раз] *Вот то уро́чный... уро́чливый чилаве́к*» (НМЕ).

Чтобы отнять у ведьмы колдовскую силу, необходимо поджечь ее *валóсся* ‘волосы’: *«Такóе бы́ло гóре, што карóва ки́далася... на сте́ны и крычя́ла ни сваи́м ма́там. Да! Во яки́е лю́ди были́! Ну што ты ду́маиш? Яна́* [ведьма] *капани́чя* [*копани́чить* ‘взрыхлять, окучивать’] *бу́льбу. Капани́чя сагну́ўшы. Брат мой па ме́жацы, па ме́жацы папóлс, папóлс, папóлс. А яна́ сядзи́ць. И тэй капани́чя нану́ўшы. Ён патхвати́ўся. Рве ей валóсся! И утяка́ць! <...> И паткуры́ли э́та валóсся. Ну зажгли́ и... и пат карóву. Да. И всё. И карóва перяста́ла»* (НМЕ). Культурная семантика волос ведьмы, соответственно, связана с ее уязвимостью.

Лексема *лю́бжа / лю́бша* обозначает «заговор с целью вызвать любовь» [СРНГ, т. 17, с. 235]. Такой заговор осмысляется в качестве вредоносной магии, обмана: *«...была́ вот там на гóрке адна́... гаварыли, што яна́ што́-то люпшу́ э́ту шапта́ла... Ба́ба А́рюшка ее́ зва́ли»* (РВА). П. А. Расторгуев отмечает, что лексема *любжа* употребляется в говоре старообрядцев и обозначает также яртышник пестрый (кукушкины слезки) — «по народному поверью, средство “приворота” и “отворота” парня к девице и девицы к парню» [Расторгуев, 1973, с. 152].

В местных проклятиях мак, имея семантику вражды и разрушения, применяется как средство вредоносной магии [СД, т. 3, с. 174]: *«Ба́ба Лю́льчыха... Шу́ры Зы́кавай ба́ба... Э́та ана́ ли́чна мне раска́зывала. Дружы́ла ис Шо́тикам сем лет. А ён пашо́ў у сва́ты к другóй. Вот. И ана́ так раска́зывала: “Пашо́ў к другóй. И сва́дьбу игра́ять, и я взяла́ ма́кам их апсы́пала”. <...> Сем лет не жыли́. <...> А сем лет дружы́ла з йим!»* (ААП).

Знахарь осмысляется как лекарь, владеющий тайными сведениями, обладающий особыми способностями посредством заговоров излечивать людей и домашних животных. Знахарки называются в том числе *валхви́тками* (*волхóвка* — «ворожея, гадалка» [БОС, 2011, с. 55]), а их деятельность обозначается лексемой *валхви́тить* (*волхви́ть* — «заниматься гаданием, колдовством, ворожбой; лечить» [СРНГ, т. 5, с. 77]): *«Ну вот так вот бы́ли и валхви́тки, като́рые валхви́ли харашо́. Ну шапта́ли. По́льзу лю́дям дава́ли»; «Што во́лхвять — э́та ты́е харо́шые шаптýхи...»* (РФБ).

Любопытно употребление лексемы *душóк* при характеристике деятельности шептухи. Ее семантика, вероятно, объясняется христианской концепцией души, исходящей из триады «тело (сома) — душа (психэ) — дух (пнеум)» [СД, т. 2, с. 162]. Соответственно, душок — это пнеум, то есть мощная жизненная исцеляющая энергия, выраженная в слове: *«Ни врачы́ ни памагу́али, ни больни́ца ни памагу́ала, а яна́* [знахарка] *сваи́м душкóм. Душкóм сваи́м! Шапта́ла...»* (НМЕ).

В рассказах об исцелениях знахарями зафиксирована лексема *де́тник*, обозначающая детскую болезнь, проявляющуюся в приступах судороги и

онемения тела: *«У мене́ вот э́тый сын бы́ў. Ради́ўся краси́вый таки́й, з вало́ссями, як цыганёнак. И вот случы́лася, мо́жэт быть, ат вачэ́й (ён крэ́пка бы́ў краси́вый). Е́сли хто ужэ́ пабы́ў у нас, пауу́ля́ў у нас у ха́це, он умира́я. И случы́ўся у яго́ дэ́тник. Су́дараги сво́дять и бьють яго́. го́спади! Куда́ я яго́! Па всих ба́бках вази́ла, па всих! <...> Патсавэ́тавала мне мая́ тётя. гаваря́: “Прывязи́, — гаваря́, — к ма́цэхи”. Я павязла́. Я яго́ дяржу́, так вот на ла́ўке сяджу́, ана́ [знахарка] ка́ла вакна́ з бума́жачки мали́тву ту́ю прачыта́ла. гаво́ря: “Вязи́, — гаво́ря, — дитя́. Як бу́дя спать, як праснэ́цца, як папро́ся есть, прайдёть и бу́дя жыть”. Вязу́, ён спить. Ужэ́ было́ ямý ско́льки? А ужэ́ было́ тры гады́. Ужэ́ гаварыў — усё. Лёу, ищэ́ спа́ў до́лга. Пато́м праснýўся, гаваря́: “Ма́ма, дай мне хлэ́ба с со́лям”. Да. И бо́льшы я ня ба́чыла. Ня дай гаспо́ть... э́тай бале́зни ба́чыть»* (ААП).

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, новизна и ценность проведенного исследования заключаются в репрезентации национального своеобразия русской ритуальной культуры, в частности, самосознания и ценностей жителей локальной лингвокультуры — брянско-гомельско-черниговской этноконтактной зоны. В статье попытка воссоздания региональной картины мира предпринимается посредством описания современного состояния региональной культуры, объективированной пограничным диалектом. В публикации рассмотрены современные культурные компоненты значения зафиксированных лексико-фразеологических единиц: уточнены, углублены и расширены сведения о культурном слое путем анализа непосредственного функционирования лексем и фразеологизмов в речи диалектоносителей обрядовой традиции.

Проанализированный материал важен для Брянского региона, поскольку обновляет прежние сведения, формирует новое представление о специфике лингвокультуры восточнославянского пограничья, ее языковой базе, общем и частном в ее содержании в сравнении с лингвокультурами других регионов России, а также Белоруссии и Украины.

Новое представление об особенностях лингвокультуры восточнославянского этноконтактного локуса заключается в следующем.

В **календарных праздниках** брянско-гомельско-черниговской этноконтактной зоны, среди которых рассмотрены христианские рождественские торжества, Благовещение, Ушестие (= Вознесение), Пасха, Духов день, Петров день, Кумление, выделены и проанализированы лексемы и фразеологизмы *Каля́ды*, *куття́*, *кало́дязь*, *ва́лянец*, *ку́на*, *сако́ля*, *лажы́ть тяпло́*, *старцы́*, *петь караго́т*, *падыма́ть пясо́к*, *кача́ть я́йца*, *сажа́ть май*. Многие из реалий, обозначаемых данными языковыми средствами,

являются обрядовыми артефактами (куття, валянец, май и др.). Культурный коннотативный компонент семантики данных лексико-фразеологических единиц определяется широким спектром символических значений: запретом на шитье («меченностью» родственников того, кто его нарушил), достатком, изобилием, множеством, ритуальным кормлением домашних животных, обрядовым пограничным пространством, жизненной энергией, женской и мужской символикой, ткачеством, ритуальным очищением с целью обеспечения здоровья, инициацией, ростом и плодородием, жертвой умершим родственникам и близким. Ритуальные действия жителей, совершаемые в период календарных праздников, выполняют продуцирующую и апотропейную функции.

Среди **обрядов жизненного цикла** рассмотрены предсвадебные и свадебные церемонии и ритуалы, связанные с Масленицей и крестинами. В ходе анализа обрядового дискурса были выделены и проанализированы такие лексико-фразеологические единицы, как *дружы́начка*, *кало́тка*, *ве́шать кало́тки*, *тялу́шка*, *дружо́к*, *дру́жка*, *куксá*, *ку́рыца*, *дать ґарбузá*, *скры́ня*, *зязю́ля*, *хма́ра*, *махо́тка*, *уви́вич*, а также поговорка: *Па ни́таццэ клубо́чык шука́ять, па раду́ де́вачку пыта́ять*. Этот языковой материал обладает достаточно широким спектром символических значений: инициации, богатства и достатка, брака, отказа при сватовстве, вместилища приданого невесты, женской символикой, горя, разлуки, печали, несчастья, одаривания. Ритуальные действия в обрядах жизненного цикла выполняют продуцирующую и апотропейную функции.

В **народных верованиях** в фокусе внимания находились рассказы о ведьмах и знахарях, явлении во снах душ усопших родственников. Соответственно, были выделены и проанализированы следующие лексемы и фразеологизмы: *капá*, *като́к*, *блины́*, *падáть на чя́стачку*, *рысавáть кря́стики*, *тярэ́шка*, в которых выявлена символика круга и кругового движения, жертвы умершему и наделения его долей, а также жертвы домовому, перерождения душ умерших в зооморфные образы. Обрядовые действия жителей, связанные с данными народными верованиями, выполняют апотропейную функцию.

В нарративах о **народной медицине и магии** в центре внимания находились сведения о вредоносной магии, лечении и исцелении знахарями. Была проанализирована культурно-коннотативная семантика таких лексико-фразеологических единиц, как *падабра́ть слет*, *уро́ки*, *вало́сся*, *лю́бжа*, *мак*, *валхви́тка*, *валхви́тить*, *душо́к*, *де́тник*. В данном языковом материале выявлена символика вреда, вражды и разрушения, а также мощной жизненной исцеляющей энергии, выраженной в слове, уязвимости. Магические ритуальные действия, совершаемые в обрядах этой группы,

носят, с одной стороны, вредоносный характер, с другой — выполняют апотропейную функцию.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Список респондентов

ААП — Анастасия Андриановна Попкова, с. Старый Кривец

АГМ — Анастасия Григорьевна Мужчинина, г. Новозыбков, ранее проживала в с. Верещаки

ВНШ — Валентина Никандровна Шмухлярова, с. Старый Кривец

ЕМЗ — Елена Макаровна Злобова, с. Каташин

НИП — Нина Ивановна Пастушенко, с. Вихолка

НМЕ — Нина Макаровна Елисеенко, с. Верещаки

ОФЕ — Ольга Федоровна Ерошенко, с. Новые Бобовичи

РВА — Раиса Васильевна Антропова, с. Старый Вышков

РФБ — Раиса Федоровна Буланова, г. Новозыбков, ранее проживала в д. Дýбровке

ТАП — Татьяна Афанасьевна Пастухова, с. Новые Бобовичи

ЮФЗ — Юлия Федоровна Злобова, с. Каташин

Источники и принятые сокращения

1. БОС — *Брянский* областной словарь / авторы-составители : Е. П. Гарбузова, Т. И. Клименко, М. Н. Кобытева, Н. И. Курганская, Л. Т. Лошманова ; отв. ред. Н. И. Курганская. — Изд. второе, испр. и доп. — Брянск : [б. и.], 2011. — 361 с. — ISBN 978-5-904808-02-0.

2. *Расторгуев П. А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины : материалы для истории словарного состава говоров / П. А. Расторгуев. — Минск : Наука и техника, 1973. — 295 с.

3. СД — *Славянские* древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / отв. ред. Н. И. Толстой. — Москва : Международные отношения, 1995—2012. — ISBN 5-7133-0703-4.

4. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин и др. — Ленинград ; Санкт-Петербург : Наука, 1965—2021. — Выпуск 1—52. — ISBN 5-02-027894-7.

Литература

1. *Бангоян Е. С.* Тематическая группа «Предметы быта» в диалектах юго-запада Брянщины : лексико-семантический, сопоставительный и этнолингвистический аспекты : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. С. Бангоян. — Брянск, 2020. — 223 с.

2. *Банкова Т. Б.* Символическая семантика обрядового слова : особенности лексикографического описания / Т. Б. Банкова, Д. А. Тараканова // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2024. — № 87. — С. 5—22. — DOI: 10.17223/19986645/87/1.

3. *Белова О. В.* Несказочная проза этнокультурного пограничья / О. В. Белова, А. Б. Мороз // «Когда сосна корнем вверх приживется...» : Фольклорная проза белорусско-русского пограничья. — Москва : Неолит, 2023а. — С. 5—15. — ISBN 978-5-6049648-1-1.

4. *Белова О. В.* Слово устное и слово письменное в языке этнокультурного пограничья : монография / О. В. Белова, А. Б. Мороз, М. В. Ясинская. — Москва : Неолит, 2023б. — 440 с. — ISBN 978-5-6046371-7-3.

5. *Белугина О. В.* Особенности функционирования обрядовой лексики в фольклоре юго-западных районов Брянской области : монография / О. В. Белугина. — Климово : Авангард, 2017. — 210 с. — ISBN 978-5-9734-0286-0.

6. *Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура : этнолингвистические исследования / Е. Л. Березович ; отв. ред. С. М. Толстая. — Москва : Индрик, 2007. — 600 с. — ISBN 978-5-85759-419-3.

7. *Вендина Т. И.* Антропология диалектного слова / Т. И. Вендина. — Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2020. — 684 с. — ISBN 978-5-4469-1776-1.

8. *Демешкина Т. А.* Культурно-языковой ландшафт трансграничного региона : возможности описания / Т. А. Демешкина // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. — 2022. — № 7. — С. 122—126.

9. *Иванцова Е. В.* Этикетные формулы в речи диалектной языковой личности сибирского старожила / Е. В. Иванцова // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2023. — № 85. — С. 20—42. — DOI: 10.17223/19986645/85/2.

10. *Косичъ М. Н.* Литвины-бѣлорусы Черниговской губерніи, ихъ бытъ и пѣсни / М. Н. Косичъ. — Санкт-Петербургъ : [б. и.], 1902. — 151 с.

11. *Кочергина М. В.* Редкие иконографические сюжеты в старообрядческой живописи Стародубья и Ветки (вторая половина XVIII — XX в.) / М. В. Кочергина // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2017. — № 3 (43). — С. 26—29.

12. *Кочергина М. В.* Стародубье и Ветка в истории русского старообрядчества (1760—1920 гг.) : демографическое развитие старообрядческих общин, предпринимательство, духовная жизнь, культура : монография / М. В. Кочергина. — Брянск : Ладомир, 2011. — 436 с. — ISBN 978-5-91516-097-1.

13. *Лазаревскій А.* Описаніе старой Малороссіи : матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія / А. Лазаревскій. — Кіевъ : [б. и.], 1888. — Т. 1. — 503 с.

14. *Лилеевъ М. И.* Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ СтародубьѢ XVII — XVIII вв. / М. И. Лилеевъ. — Киевъ : [б. и.], 1895. — Выпуск I. — 597 с.

15. *Лингворегионоведение* в восточнославянском пограничье : российско-белорусский локус : сборник научных статей / ред. кол. : С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтов, С. М. Пронченко. — Брянск : Брянский гос. ун-т им. академика И. Г. Петровского, 2023. — 252 с. — ISBN 978-5-9734-0418-5.

16. *Пронченко С. М.* Народная духовная культура русско-белорусского брянско-гомельского пограничья / С. М. Пронченко // Вестник славянских культур. — 2022. — Т. 66. — С. 8—29. — DOI: 10.37816/2073-9567-2022-66-8-29.

17. *Пронченко С. М.* Речевой портрет старожилов восточнославянского брянско-гомельского пограничья (к 140-летию со дня рождения П. А. Расторгуева) / С. М. Пронченко // Русская речь. — 2021. — № 1. — С. 37—56. — DOI: 10.31857/S013161170013903-2.

18. *Расторгуев П. А.* Северско-белорусский говор : исследование в области диалектологии и истории белорусских говоров / П. А. Расторгуев. — Ленинград : Издание института белорусской культуры, 1927. — 224 с.

19. *Русские* традиции бытовой лингвокультуры в славянском пограничье : научные доклады участников Международного научно-просветительского форума / ред. кол. : С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтов, С. М. Пронченко. — Брянск : Брянский гос. ун-т им. академика И. Г. Петровского, 2022. — 635 с. — ISBN 978-5-9734-0395-9.

20. *Стародубец С. Н.* Народная лингвокультура восточнославянского приграничья в условиях социально-политических изменений / С. Н. Стародубец, О. В. Белугина // Русский язык в поликультурном мире : сборник научных статей IX Международного симпозиума, Ялта, 08–12 июня 2025 года. — Симферополь : Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2025. — Т. I. — С. 207—212. — ISBN 978-5-6050230-9-8.

21. *Стародубец С. Н.* Современные этнолингвистические исследования материальной и духовной культуры российско-белорусского пограничья / С. Н. Стародубец, О. В. Белугина // XV Конгресс МАПРЯЛ : избранные доклады / отв. ред. М. С. Шишков. — Санкт-Петербург : МАПРЯЛ, 2024. — С. 209—214. — ISBN 978-5-6043747-9-5.

22. *Таранец С. В.* Старообрядчество в Российской империи (конец XVII — начало XX вв.) : монография : в 3 т. / С. В. Таранец ; под ред. Г. В. Боряка. — 2-е изд. — Киев : [б. и.], 2021. — Т. 1. — 704 с. — ISBN 978-966-02-9629-9.

23. *Толстой Н. И.* Славянская этнолингвистика : вопросы теории / Н. И. Толстой, С. М. Толстая. — Москва : Институт славяноведения РАН, 2013. — 240 с. — ISBN 978-5-7576-0290-5.

24. *Толстой Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. — Москва : Индрик, 1995. — 512 с. — ISBN 5-85759-025-6.

25. *Традыцыйная* мастацкая культура беларусаў : у 6 т., у 2 кн. / ідэя і агул. рэдагаванне Т. Б. Варфаламеевай. — Мінск : Вышэйшая школа, 2012. — Т. 6. — Кн. 1. — 910 с. — ISBN 978-985-06-2201-3.

26. *Яковлєва О. В.* Обрядовий дискурс у системі національної лінгвоментальності : монографія / О. В. Яковлева. — Одеса : [б. и.], 2014. — 396 с.

27. *«Когда* сосна корнем вверх приживется...» : Фольклорная проза белорусско-русского пограничья / сост., вступ. статьи, коммент., указатели Ю. М. Кувшинской, А. А. Заикиной, Е. Е. Фроловой и др. ; под общ. ред. А. Б. Мороза. — Москва : Неолит, 2023. — 400 с. — ISBN 978-5-6049648-1-1.

28. *«Петух* на три области поет...» : Фольклорная традиция белорусско-русского пограничья / сост. А. Б. Мороз, О. В. Белова, Ю. М. Кувшинская и др. ; под общ. ред. А. Б. Мороза. — Москва : Неолит, 2022. — 560 с. — ISBN 978-5-6044697-8-1.

Статья поступила в редакцию 19.04.2025,
одобрена после рецензирования 10.06.2025,
подготовлена к публикации 31.07.2025.

Material resources

BOS — Kurganskaya, N. I. (ed.). (2011). *Bryansk regional Dictionary.* Bryansk: [B. I.]. 361 p. ISBN 978-5-904808-02-0. (In Russ.).

Rastorguev, P. A. (1973). *Dictionary of folk dialects of the Western Bryansk region: materials for the history of the vocabulary of dialects.* Minsk: Nauka i tekhnologiya Publ. 295 p. (In Russ.).

RNG — Filin, F. P. (ed.). (1965—2021). *Dictionary of Russian Folk Dialects, 1—52.* Leningrad; Saint Petersburg: Nauka Publ. ISBN 5-02-027894-7. (In Russ.).

SD — Tolstoy, N. I. (ed.). (1995—2012). *Slavic antiquities: an ethnolinguistic dictionary: in 5 volumes.* Moscow: International Relations. ISBN 5-7133-0703-4. (In Russ.).

References

Bangoyan, E. S. (2020). *The thematic group "Everyday objects" in the dialects of the southwest of the Bryansk region: lexico-semantic, comparative and ethnolinguistic aspects.* PhD Diss. Bryansk. 223 p. (In Russ.).

Bankova, T. B., Tarakanova, D. A. (2024). Symbolic semantics of a ritual word: features of a lexicographic description. *Bulletin of Tomsk State University. Philology, 87:* 5—22. DOI: 10.17223/19986645/87/1. (In Russ.).

Belova, O. V., Moroz, A. B. (2023a). The fabulous prose of the ethnocultural borderland. In: *"When the pine tree takes root ...": Folklore prose of the Belarusian-Russian borderland.* Moscow: Neolith. 5—15. ISBN 978-5-6049648-1-1. (In Russ.).

Belova, O. V., Moroz, A. B., Yasinskaya, M. V. (2023b). *The oral word and the written word in the language of the ethnocultural frontier: a monograph.* Moscow: Neolith. 440 p. ISBN 978-5-6046371-7-3. (In Russ.).

Belugina, O. V. (2017). *Features of the functioning of ritual vocabulary in the folklore of the south-western regions of the Bryansk region: a monograph.* Klimovo: Avangard. 210 p. ISBN 978-5-9734-0286-0. (In Russ.).

Berezovich, E. L. (2007). *Language and traditional culture: ethnolinguistic studies.* Moscow: Indrik. 600 p. ISBN 978-5-85759-419-3. (In Russ.).

Demeshkina, T. A. (2022). Cultural and linguistic landscape of a cross-border region: possibilities of description. *Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia, 7:* 122—126. (In Russ.).

Ivantsova, E. V. (2023). Etiquette formulas in the speech of the dialect linguistic personality of the Siberian old-timer. *Bulletin of Tomsk State University. Philology, 85:* 20—42. DOI: 10.17223/19986645/85/2. (In Russ.).

Kochergina, M. V. (2011). *Starodubye and the Branch in the history of the Russian Old Believers (1760—1920): demographic development of Old Believer communities, entrepreneurship, spiritual life, culture: monograph.* Bryansk: Ladomir. 436 p. ISBN 978-5-91516-097-1. (In Russ.).

Kochergina, M. V. (2017). Rare iconographic subjects in the Old Believer painting of Starodubye and Vetka (the second half of the XVIII — XX century). *Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University, 3 (43):* 26—29. (In Russ.).

Kosich, M. N. (1902). *Litvins-Belarusians of Chernigov province, their lives and villages.* St. Petersburg: [B. I.]. 151 p. (In Russ.).

Lazarevsky, A. (1888). *Description of old Little Russia: materials for the history of settlement, land ownership and management, 1.* Kiev: [B. I.]. 503 p. (In Ukr.).

Lileev, M. I. (1895). *The origins of the schism in the East and the Old South of the XVII — XVIII centuries, 1.* Kiev: [B. I.]. 597 p. (In Ukr.).

Moroz, A. B. (ed.). (2022). "*The cock sings in three regions ...": Folklore tradition of the Belarusian-Russian borderlands.* Moscow: Neolith. 560 p. ISBN 978-5-6044697-8-1. (In Russ.).

Moroz, A. B. (ed.). (2023). *"When the pine tree takes root ...": Folklore prose of the Belarusian-Russian border region.* Moscow: Neolith. 400 p. ISBN 978-5-6049648-1-1. (In Russ.).

Pronchenko, S. M. (2021). Speech portrait of the old-timers of the East Slavic Bryansk-Gomel borderland (on the 140th anniversary of the birth of P. A. Rastorguev). *Russian speech, 1:* 37—56. DOI: 10.31857/S013161170013903-2. (In Russ.).

Pronchenko, S. M. (2022). Folk spiritual culture of the Russian-Belarusian Bryansk-Gomel borderland. *Bulletin of Slavic Cultures, 66:* 8—29. DOI: 10.37816/2073-9567-2022-66-8-29. (In Russ.).

Rastorguev, P. A. (1927). *Seversky-Belorussian dialect: a study in the field of dialectology and history of Belarusian dialects.* Leningrad: Publishing House of the Institute of Belarusian Culture. 224 p. (In Russ.).

Russian traditions of household linguoculture in the Slavic frontier: scientific reports of participants of the International Scientific and Educational Forum. (2022). Bryansk: Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky. 635 p. ISBN 978-5-9734-0395-9. (In Russ.).

Starodubets, S. N., Belugina, O. V. (2024). Modern ethnolinguistic studies of the material and spiritual culture of the Russian-Belarusian borderland. In: *XV Congress of MAPRYAL: selected reports.* Saint Petersburg: MAPRYAL. 209—214. ISBN 978-5-6043747-9-5. (In Russ.).

Starodubets, S. N., Belugina, O. V. (2025). Folk linguaculture of the East Slavic borderland in the context of socio-political changes In: *Russian language in a multicultural world: Collection of scientific articles of the IX International Symposium*. Yalta, June 08–12, 2025. Simferopol: V.I. Vernadsky Crimean Federal University. *1:* 207—212. ISBN 978-5-6050230-9-8. (In Russ.).

Starodubets, S. N., Pustovoitov, V. N., Pronchenko, S. M. (eds.). (2023). *Linguoregionology in the East Slavic borderland: the Russian-Belarusian locus: a collection of scientific articles.* Bryansk: Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky. 252 p. ISBN 978-5-9734-0418-5. (In Russ.).

Taranets, S. V. (2021). *Old Believers in the Russian Empire (late 17th — early 20th centuries): monograph: in 3 volumes, 1.* Kiev: [B. I.]. 704 p. ISBN 978-966-02-9629-9. (In Ukr.).

The traditional Cossack culture of Belarus: in 6 volumes, in 2 books, 6 (1). (2012). Minsk: Higher School. 910 p. ISBN 978-985-06-2201-3. (In Belar.).

Tolstoy, N. I. (1995). *Language and Folk Culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics.* Moscow: Indrik. 512 p. ISBN 5-85759-025-6. (In Russ.).

Tolstoy, N. I., Tolstaya, S. M. (2013). *Slavic ethnolinguistics: questions of the ory.* Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. 240 p. ISBN 978-5-7576-0290-5. (In Russ.).

Vendina, T. I. (2020). *Anthropology of dialect words.* Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. 684 p. ISBN 978-5-4469-1776-1. (In Russ.).

Yakovleva, O. V. (2014). *Ritual discourse in the systems of national linguistics: a monograph.* Odessa: [B. I.]. 396 p. (In Ukr.).

The article was submitted 19.04.2025;
approved after reviewing 10.06.2025;
accepted for publication 31.07.2025.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Сердечная В. В. Образ Джона Мильтона в русской поэзии XVIII—XIX веков / В. В. Сердечная, Д. Н. Жаткин // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 6. — С. 377—398. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-377-398.

Serdechnaya, V. V., Zhatkin, D. N. (2025). Image of John Milton in Russian Poetry of 18th and 19th Centuries. *Nauchnyi dialog, 14* (6): 377-398. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-377-398. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Образ Джона Мильтона в русской поэзии XVIII—XIX веков

Сердечная Вера Владимировна [1]
orcid.org/0000-0001-8718-3556
доктор филологических наук, доцент,
кафедра зарубежной литературы
и сравнительного культуроведения
rintra@yandex.ru

Жаткин Дмитрий Николаевич [2]
orcid.org/0000-0003-4768-3518
доктор филологических наук,
профессор,
заведующий кафедрой перевода
и переводоведения,
корреспондирующий автор
ivb40@yandex.ru

[1] Кубанский
государственный университет
(Краснодар, Россия)
[2] Пензенский государственный
технологический университет
(Пенза, Россия)

Благодарности:
Статья подготовлена в рамках реализации работ по гранту Российского научного фонда (проект № 25-18-00010 «Русский Мильтон: переводы, исследования, библиография. Создание научно-информационной базы данных»)

Image of John Milton in Russian Poetry of 18th and 19th Centuries

Vera V. Serdechnaya [1]
orcid.org/0000-0001-8718-3556
Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Foreign Literature
and Comparative Cultural Studies
rintra@yandex.ru

Dmitry N. Zhatkin [2]
orcid.org/0000-0003-4768-3518
Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Translation
and Translation Studies,
Corresponding author
ivb40@yandex.ru

[1] Kuban State University
(Krasnodar, Russia)

[2] Penza State
Technological University
(Penza, Russia)

Acknowledgments:
The article was prepared as part of the work under the grant of the Russian Science Foundation (project № 25-18-00010 “Russian Milton: translations, research, bibliography. Creation of a scientific information database”)

© Сердечная В. В., Жаткин Д. Н., 2025

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследование посвящено анализу становления и осмыслению динамики развития содержания образа английского поэта Джона Мильтона в русской лирической и лироэпической поэзии. Материалом для изучения стали лирические и лироэпические произведения русских писателей XVIII — XIX веков, содержащие упоминания о Мильтоне. При подготовке статьи использовались герменевтический, историко-культурный и сопоставительный методы исследования. Выявлены три направления в трактовке образа Мильтона в русской поэзии XVIII — XIX веков. Первое из них, представленное в рамках классицизма, связано с введением имени Мильтона в канон классической литературы и использованием его образа как аргумента к формированию индивидуального, неповторимого облика российской поэзии. Второе направление (в рамках сентиментализма и романтизма) ведет к созданию образа одинокого, трагически непонятого современниками гения, слепца-провидца; кроме того, авторы эпохи сентиментализма ценят контрасты поэтики Мильтона-стилиста, а поэты романтической традиции видят в нем характерного героя эпохи. Третье направление (с начала XIX века, преимущественно в рамках романтизма и реализма) связано с ироническим, снижающим и отстраняющим осмыслением поэтики Мильтона.

Ключевые слова:
русская рецепция Мильтона; поэтика; русский классицизм; русский сентиментализм; русский романтизм; ироническое осмысление образа Мильтона.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study is dedicated to the analysis of the formation and understanding of the dynamic development of the image of the English poet John Milton in Russian lyrical and lyric-epic poetry. The material for this investigation consists of lyrical and lyric-epic works by Russian writers from the 18th and 19th centuries that reference Milton. Employing hermeneutic, historical-cultural, and comparative methods, the article identifies three distinct trajectories in the interpretation of Milton's image within Russian poetry during this period. The first trajectory, situated within the framework of Classicism, involves the incorporation of Milton's name into the canon of classical literature and the use of his image as an argument for shaping a unique, distinctive identity in Russian poetry. The second trajectory (within the realms of Sentimentalism and Romanticism) leads to the creation of the image of a solitary, tragically misunderstood genius — a blind seer; moreover, authors of the Sentimentalist era appreciate the contrasts present in Milton's stylistic poetics, while poets of the Romantic tradition perceive him as a quintessential figure of their age. The third trajectory (beginning in the early 19th century, primarily within Romanticism and Realism) is characterized by an ironic, diminutive, and distancing interpretation of Milton's poetics.

Key words:
Russian reception of Milton; poetics; Russian Classicism; Russian Sentimentalism; Russian Romanticism; ironic interpretation of Milton's image.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 82.091+821.161.1+82-1
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-377-398

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Образ Джона Мильтона в русской поэзии XVIII—XIX веков

© Сердечная В. В., Жаткин Д. Н., 2025

1. Введение = Introduction

Джон Мильтон стал первым из английских поэтов, упомянутым в русской печати: В. К. Тредиаковский в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов» (1735) назвал среди эпических поэм «Мильтонову поэму о потерянии рая», а о самом Мильтоне писал среди поэтов «наиславнейших, которым надлежит подражать», в ряду Гомера, Вергилия, Вольтера и Тассо [Тредиаковский, 1963, с. 366, 417]. В скором времени, начиная с А. Д. Кантемира и А. П. Сумарокова, Мильтон вошел в круг чтения русского дворянства; его произведения — и прежде всего эпическая поэма «Потерянный рай» — стали переводиться на русский язык (первый перевод «Потерянного рая», выполненный А. Г. Строгановым в 1745 году, частично опубликован только в 1996 году). В России печатались популярные биографии Мильтона и очерки о нем. Образы его поэм, в частности воспринятые через европейскую романтическую рецепцию «Потерянного рая», оказали влияние на становление образности ада и рая в русской литературе.

Наряду с переводческой, критической и творческой рецепцией восприятие наследия Мильтона в отечественной культуре включало и такой аспект, как упоминания в русской поэзии. Образ Джона Мильтона, поэта и человека, стал объектом художественного осмысления — от поэзии периода классицизма до стихотворений, написанных в поэтике модерна и постмодерна. Не претендуя на исчерпывающий охват заявленной темы, авторы статьи задались целью обозначить основные смысловые акценты, которые образ Мильтона приобрел в русской лирике и лироэпике на протяжении XVIII—XIX веков, и проследить их развитие.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Рецепцию наследия Мильтона в русской культуре нельзя назвать неисследованной. Значительное число работ посвящено анализу переводов

CC BY

произведений английского поэта (например: [Янушкевич, 1984; Соколова, 2012; Третьякова, 2012; Бортников и др., 2019]). Написаны статьи о критической рецепции Мильтона в творчестве А. Н. Радищева [Кочеткова, 2003], А. С. Пушкина [Самарин, 1948; Гиллельсон, 1979; Соколянский, 1989; Бердичевский, 2014; Дмитриева, 2017; Ланчиков, 2024], В. Г. Белинского [Самарин, 1949], о влиянии поэтики произведений Мильтона на М. Ю. Лермонтова [Олейник, 1989; Коровин, 2014], на специфику мотивного комплекса рая в русской литературе [Паринова, 2019]. Имеются труды, обобщающие рецепцию английской литературы в русской культуре, включая и рецепцию Мильтона [Левин, 1970; Левин, 2008]. Во многих исследованиях вопросы восприятия мильтоновского наследия в России попутно затрагиваются при осмыслении близкой научной проблематики [Грушкин, 1939; Коровин, 2014; Коровин, 2016; Иванова, 2016; Николаева, 2017; Примочкина, 2018].

Вместе с тем практически неизученным остается такой значимый аспект русской рецепции Мильтона, как осмысление его образа в отечественной поэзии; в этой связи могут быть отмечены только отдельные упоминания появления Мильтона как образа в стихах русских поэтов [Топоров, 2003; Торияма, 2006].

Методологическим основанием для данного исследования становится историко-литературный подход, нацеленный на выявление динамики смыслового наполнения ассоциативного поля образа Джона Мильтона в истории русской поэзии. Также использованы герменевтический, историко-культурный и сопоставительный методы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Образ Мильтона в дискурсе о рождении русской поэзии: классицистическая лирика

Одним из первых тематических контекстов, в которые включался Мильтон в русской литературе, был дискурс развития отечественной поэзии. Именно с целью высокого примера и обоснования права на самостоятельное творчество образ Мильтона используется в стихах поэтов классицистического направления, прежде всего В. К. Тредиаковского и А. П. Сумарокова.

В. К. Тредиаковский, первым упомянувший Мильтона в российской печати, первым написал о нем и в стихах, — в «Эпистоле от российской поэзии к Аполлину» (1735), выдержанной в «аполлиноватом» стиле: это стихотворение представляет собой жанровое подражание традиции эпистол о стихотворстве, ориентированной на «Послание к Пизонам» Горация. Собственно Аполлон, к которому обращена эпистола, знаменует здесь, как

CC BY

отмечает Тредиаковский, «желание сердечное, <…> чтоб и в России развелась наука стихотворная, чрез которую многие народы пришли в высокую славу» [Тредиаковский, 1963, с. 390]. Лирический герой эпистолы называет Мильтона в числе наиболее одаренных поэтов разных стран («Ты вознес в Милтоне толь и сестру британску» [Тредиаковский, 1963, с. 392]), после чего зовет «Аполлина», благословившего многие народы, и на русскую землю:

Поспешай к нам, Аполлин, поспешай как можно:
Будет любо самому жить у нас, не ложно [Тредиаковский, 1963, с. 393].

В 1747 году А. П. Сумароков упоминает Мильтона в посвященной стихотворству «Эпистоле II» в числе тех, кто обитает на горе муз: «*Взойдем на Геликон, взойдем, увидим тамо / Творцов, которые достойны славы прямо*», — из британских поэтов там находятся «*Мильтон и Шекеспир, хотя непросвещенный*», а также «*остроумный Поп*» [Сумароков, 1957, с. 117]. Сумароков приводит эти имена в пример русским стихотворцам: «*Последуем таким писателям великим*» [Сумароков, 1957, с. 117].

Имя Мильтона названо Сумароковым и в «Стихах Дюку Браганцы» (1774). В этом послании к португальскому политическому деятелю, основателю Лиссабонской академии наук, посетившему Россию в 1774 году, Сумароков выступает против модной «климатологической» теории происхождения гениальных художников и поэтов (см.: [Берков, 1957, с. 566]), при этом в числе упоминаемых поэтов — Мильтон:

По всей земле пииты днесь плодятся,
Но редко истинны пииты где родятся,
Не всех на Геликон судьба возводит нас.
Виргилий, и Гомер, и Ариост, и Тасс,
Мильтон и Камоенс, сии пиитов предки
Во всей подсолнечной сколь славны, столько редки.
[Сумароков, 1957, с. 307].

Сумароков говорит о Мильтоне в контексте обоснования права российской музы на самостоятельное творчество:

Имеем слух ушей, имеем зренье глаз,
И не климат тебе дал книги в руки,
Но воспитание, да разум и науки,
Ко добродетели и истине любовь [Сумароков, 1957, с. 308].

Поэт-классицист Н. П. Николев в «Лиро-дидактическом послании» (1791, 1796), адресованном Е. Р. Дашковой (которая в своем «Невинном упражнении» 1763 года, переводе из Вольтера, дала одну из первых русских характеристик поэзии Мильтона (см.: [Левин, 1970, с. 199])), оце-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

нивает Мильтона и Ариосто как эпиков «лирного тона», происходящего с Парнаса:

Или откуда лирный тон
В усладу разума и чувства
Со Ариостом взял Мильтон,
Певцы единого искусства [Николев, 1796, с. 134].

Н. П. Николев в молодости потерял зрение и, как отмечает его биограф А. Чебышев, подобно Мильтону, «отдался тогда исключительно литературным занятиям» [Чебышев, 1895, с. 785]; писал он в основном пьесы и оды, в связи с чем сопоставление с Мильтоном следует признать сугубо внешним, основанным на драматическом восприятии образа слепого поэта. В поэтическом творчестве Н. М. Шатрова, одного из забытых русских литераторов рубежа XVIII—XIX веков, Н. П. Николев устойчиво характеризуется как северный / русский Мильтон. Например, в стихотворении-эпитафии «Праху Николева» (1821) Шатров пишет о нем: «*О друг наш, северный Мильтон*» [Поэты 1790—1810-х годов ..., 1971, с. 595], а в «Песни дружбы на кончину Николева» (1819) сообщает: «*Не стало русского Мильтона! / Оставил он земной Парнас, / Где сорок лет гремел на лире. / <…> / Потомство, как судья бесстрастный, / На блеск даров с любовью зря, / Достойно оценит Поэта, / Прославит пред очами света / Почивших струн — гремящий тон, / И правда смелою десницей / Надпишет над твоей гробницей: / Здесь русский погребен Мильтон*» [Шатров, 1819, с. 31, 33].

Продолжая идеи Сумарокова, упоминает Мильтона и А. А. Палицын в своем «Послании к Привете, или Воспоминании о некоторых русских писателях моего времени» (1807) — уникальном стихотворном обзоре истории русской литературы с позиций «старого слова» (Палицын был сторонником идей А. С. Шишкова). Образ Мильтона как поэта из прошлого привлечен для аргументации мнения, что поэзия нового времени становится хуже, мельчает:

…у всех, не у одних у нас,
Пустеет день от дня и древний их Парнас.
Не видно вновь и там Вольтеров, ни Мильтонов,
Клопштоков, Геснеров, Петрарков иль Бюфонов.
[Поэты 1790—1810-х годов ..., 1971, с. 774].

Далее, отталкиваясь от перечисления имен великих западноевропейских писателей прошлого, А. А. Палицын переходит к рассуждениям о том, что русская земля, в сравнении с другими, ничуть не менее богата талантами:

На авторски дары скупа природа к нам
Ничем не больше, как и там,

CC BY

Хотя детей тому там вечно не учили,
Лозой за то им не грозили,
Чтоб свой язык они с младенчества забыли,
А взрослых не журят
За то, что языком природным говорят [Там же].

Таким образом, в эпоху русского классицизма образ Мильтона, наряду с оценками его вклада в мировой литературный процесс как образцового эпика, становится аргументом в пользу формирования неповторимого облика русской поэзии, не только развивающей традиции античной и западноевропейской классики, но и отражающей индивидуальные особенности создающего ее народа.

3.2. Трактовка образа Мильтона в сентименталистской и романтической лирике

Интерес к Мильтону, как отмечает Ю. Д. Левин, «особенно усилился в России в последней четверти XVIII века в русле преромантических и сентименталистских идей» [Левин, 2008, с. 152]; очевидно, это было связано с поисками альтернативы классицистической эстетике, с ощущением барочного начала в стихотворениях Мильтона и с переосмыслением его творений в европейском романтизме.

Такой факт биографии английского поэта, как потеря зрения, уже в раннем сентиментализме воспринимается в контексте антитезы внешней слепоты и духовного прозрения (эту мысль в «Потерянном рае» развивает сам Мильтон). Интерес к проблеме слепоты в период сентиментализма может быть также связан с противодействием классицистическому рационализму, с акцентуализацией внутреннего взора, а не внешнего наблюдения.

Также сентименталисты обращают внимание на стилистическое мастерство и разнообразие тематики поэзии Мильтона: здесь можно говорить о чувствительности сентиментализма к барочным контрастам стихотворного текста английского поэта-эпика, легко переходящего от идиллии к батальным сценам.

О Мильтоне много пишет поэт просветительского сентиментализма М. Н. Муравьев. В его стихотворении «Роща» (1777) Мильтон возникает не как образцовый эпический поэт, но как мастер описания супружеской жизни, сочетающей страсть и возвышенное, божественное начало, — Муравьев как сентименталист ценит «идиллические картины “естественного” бытия первой супружеской четы» [Левин, 1970, с. 226]:

Можно ль подслушать супругов и тайны, одним им известны?
Только небесный певец, единый Мильтон то умеет:
Все восхищенья представить, и в самой их страсти безвинны,
И серафимов собор показать Адаму вкруг Еввы [Муравьев, 1967, с. 171].

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Более подробный портрет Мильтона представлен в послании Муравьева «Успех британской музы. К В. П. Петрову» (1778). Лирический герой говорит о слепоте Мильтона и уподобляет его Гомеру. Здесь впервые в русской поэзии в отношении Мильтона используется оксюморонная метафора внешней слепоты как знака внутреннего прозрения:

Слепец, другой Гомер, свергает смертны узы
Мильтон, чтоб созерцать сиянье божества
И матерь смертных рода
Облечь твоей красой, всесильная природа! [Муравьев, 1967, с. 172].

Как отмечает Ю. Торияма, «можно полагать, что “сиянье божества” Муравьев отождествляет с “тем, что узреть не может смертный взор” Мильтона» [Торияма, 2006, с. 42], — ограничением становится уже не слепота, а зрение.

Та же тема затронута в стихотворении Муравьева «Зрение» (1776, 1785?), посвященном, в числе прочего, возвращению зрения слепцу в результате операции доктора Гранта в Лондоне в 1785 году. В этом гимне чуду зрения поэт вновь вспоминает Гомера и Мильтона:

Какая для тебя, Гомер, безмерна трата —
Не зреть природы сей, чем мысль твоя объята;
И ты, другой слепец, чувствительный Мильтон!
Еще несется твой сквозь веки жалкий стон [Муравьев, 1967, с. 161].

Слепота и прозрение, по наблюдению В. Н. Топорова, соотносятся здесь с образом Мильтона «как в узком смысле слова (исцеление от слепоты, восстановление зрения), так и в широком (“панорамное” зрение, широкий охват пространства, до того не видимого или не замечаемого “проницающим” его взором)» [Топоров, 2003, с. 554]. Также В. Н. Топоров указывает, что сам сюжет о возвращении зрения у Муравьева мог не только иметь документальное происхождение, но и восходить к одиннадцатой книге «Потерянного рая», где архангел Михаил дает Адаму прозрение, вливая в его глаза капли из источника жизни.

К образу Мильтона обращался и Н. М. Карамзин. В стихотворении «Поэзия» (1787) он рассказал историю поэтического слова с самого сотворения человека, утверждая, что поэзия существовала и в раю: «*Когда ты, человек, в невинности сердечной, / Как роза цвел в раю, Поэзия тебе / Утехою была*» [Карамзин, 1966, с. 58]. После грехопадения пала и поэзия, но творцам помогали ангелы: «*Бывало иногда, что ангел ниспускался / На землю, как эфир, и смертных наставлял / в Поэзии святой*» [Там же, с. 59]. Представляя путь «*Поэзии святой*», сохранявшейся в чистоте бардами, число которых уменьшалось, Н. М. Карамзин отдельно размышлял о поэтах Британии, относил к «*избранному роду*» Оссиана, Шекспира, Йонга

CC BY

(Юнга), Томсона, говорил и о Мильтоне, подчеркивая прежде всего те качества, которые важны для поэта-сентименталиста, то есть его стилистическое мастерство и поэтические контрасты:

Мильтон, высокий дух, в гремящих страшных песнях
Описывает нам бунт, гибель Сатаны;
Он душу веселит, когда поет Адама,
Живущего в раю; но голос ниспустив,
Вдруг слезы из очей ручьями извлекает,
Когда поет его, подпадшего греху [Там же, с. 62].

В наставительном стихотворении А. И. Бухарского «Письмо к другу» (1792), посвященном поэтическому искусству и повторяющем тезисы нормативной поэтики, также подчеркиваются контрасты произведений Мильтона — в аспекте их риторической убедительности:

Напротив, там, поет где брань духов Мильтон,
Ввыспрь ум его парит, гремит в нем сильный звон;
Он живо пишет нам красы Едемска сада;
Коль серу ж, пламень, мрак описывает ада,
То кажется, что он от черных адских сил
То описание с их почтой получил [Поэты XVIII века ..., 1972, с. 430].

Поэт-архаист П. М. Карабанов упоминает Мильтона в своем переводе поэмы Ж. Делиля «Сады» (1801), — там, где автор ссылается на английского предшественника при описании сада: «*Их первый образец явил нам сам Зиждитель. / В Мильтоне зри*» [Карабанов, 1801, с. 178]. О мастерстве Мильтона как живописца райской идиллии продолжают писать и позже. Так, Н. Д. Иванчин-Писарев, автор поэмы «Грация», опубликованной в 1823—1824 годах в «Дамском журнале», размышляет о Грации: «*Она, то прелестьми одетая в Пандоре, / <…> / То с Геспером в полях, то с Мильтоном в Раю. / Там с Евою бежит к прозрачному ручью; / Там к персям Авеля чело свое склоняет*» [Иванчин-Писарев, 1824, с. 236—237].

Автор «Опыта о русском стихосложении» А. Х. Востоков вспоминает Мильтона в стихотворении «Парнас, или Гора изящности» (1801), в котором лирический герой во сне посещает вершину Парнаса, — там, в окружении других поэтов: Гомера, Клопштока, Виланда, Лафонтена, Горация, Вольтера, — также находится и «Мильтон, в короне звездной» [Поэты-радищевцы ..., 1979, с. 76] — очевидно, таким атрибутом он наделен как поэт-эпик, повествующий о конфликте вселенского масштаба. В стихотворении «Бог в нравственном мире» (1807) Востоков называет Мильтона как автора эпической космической поэзии: «*Да воспоет иной, с Клопштоком и Мильтоном, / Миров и ангелов творца*» [Там же, с. 105]; сам же лирический герой стихотворения, напротив, говорит о социальной реальности, о проявлениях Бога в обществе.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

В. А. Жуковский не только переводил Мильтона и писал о нем критические заметки [Янушкевич, 1984], но и упоминал его в стихах. Так, в ранней версии перевода из Томаса Грея — «Элегии» (1801) — Жуковский вслед за автором представляет Мильтона образцом поэта: его имя появляется в перечне тех нераскрытых талантов, которые, возможно, погребены на сельском кладбище: «*Там, может быть, лежит неведомый Мильтон, / И в узах гробовых безмолвствуя, хладеет*» [Жуковский, 1999, с. 46—47]. В новом переводе той же элегии под названием «Сельское кладбище» (1802), первом напечатанном своем стихотворении, Жуковский варьирует фразу: «*Быть может, пылью сей покрыт <…> / <…> Мильтон немой, без славы скрытый в прах*» [Жуковский, 1999, с. 55]. Во втором варианте «Сельского кладбища» (1839) эти строки звучат несколько иначе: «*…Быть может, / Здесь погребен <…> / <…> Мильтон немой и не славный*» [Жуковский, 2000, с. 315]. Как видим, здесь происходит семантический сдвиг: Мильтон был лишен зрения, но у Жуковского он лишен голоса; использовано оксюморонное сочетание «немой поэт», «*немой*» здесь — контекстуальный синоним к «*не славный*». Перевод того же стихотворения создан в 1803 году П. И. Голенищевым-Кутузовым, у которого стих звучит так: «*Здесь, может быть, Мильтон безмолвен и бесславен*» («Элегия, сделанная на сельское кладбище») [Поэты 1790—1810-х годов ..., 1971, с. 478].

Для Н. И. Гнедича — переводчика «Илиады», который из-за перенесенной в детстве оспы лишился правого глаза, наиболее важен такой биографический мотив из жизни Мильтона, как его слепота. Так, свой перевод из III книги «Потерянного рая» Гнедич озаглавливает «Мильтон, сетующий на свою слепоту» (1805), — и здесь звучит драматическая нота прощания с видимым прекрасным миром. Но в то же время названы и имена других великих слепцов — образцов для поэта:

О мужи славные, вас часто призываю!
Слепцы, живущие в бессмертных звуках лир,
Тирезий, Тамирис, божественный Омир!
Одним несчастием я с вами только равен;
Увы! подобно вам почто и я не славен?.. [Гнедич, 1956, с. 76].

В финале перевода отчетливо оттенена мысль о том, что человеку, у которого отнято физическое зрение, дается иное прозрение. На смену недоступному свету дня приходит свет иных пространств:

…Но ты, любимица небес,
Сойди на помощь мне, расторгни мрак очес;
О муза, просвети меня огнем небесным;
И не останусь я в потомстве неизвестным,
Открыв бестрепетно в священной песне сей

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Сокрытое доднесь от смертного очей [Гнедич, 1956, с. 76].

Огонь земного зрения замещается огнем небесным, который освещает скрытое от глаз смертного.

В том же значении «великого слепца» имя Мильтона употреблено в эпиграмме А. П. Бенитцкого «Ответ» (1805): «*То правда, что избрал слепцов вождями он, / Его ведут — Гомер, Мильтон*» [Поэты-радищевцы …, 1979, с. 412]. Эта эпиграмма была написана в ответ на анонимную эпиграмму о трагедии В. А. Озерова «Эдип в Афинах»: «*Во храм бессмертия наш *** <Озеров> идет. / Но как ему дойти? Слепой его ведет*» [Там же, с. 560]. Таким образом, Бенитцкий использует имя Мильтона как знаменитого, талантливого слепца, которого ждет слава; обе эти эпиграммы, запланированные к публикации в № 7 «Журнала российской словесности» за 1805 год, были вычеркнуты цензором И. О. Тимковским (см.: [Там же]).

Та же тема слепоты и внутреннего взора в отношении Мильтона поднимается в переводном «Гимне красоте» Н. Ф. Остолопова (с подзаголовком «Из сочинений Делиля», 1806). В примечании Остолопов, переводчик книги «Опыт Волтера на поэзию эпическую с описанием жизни и творений Гомера, Вергилия, Лукана, Труссина, Камоэнса, Тасса, Дон Алонза д'Эрсиллы и Мильтона» (1802), включавшей биографический очерк о Мильтоне, пишет: «Известно, что Делиль имел весьма слабое зрение, а Мильтон был совершенно слеп. Три дочери последнего игрою на инструментах и пением производили тот восторг, которым сей необыкновенный поэт весьма часто был преисполнен» [Там же, с. 317]. Так впервые в русской поэзии появляется упоминание о трех дочерях английского писателя, помогавших ему при создании произведений:

Мильтон, слепой Мильтон еще их меньше зрел,
Но он счастливей был: он их писать умел.
Когда, прелестные искусством и сердцами,
Свой голос ангельский сливая со струнами,
За жизнь, им данную, рождали в нем восторг,
Тогда твои дары, он коих зреть не мог,
В воображении мгновенно оживлялись
И с новой прелестью в стихах его являлись.
Увы! я не могу с ним в славе равен быть,
Но также не могу и образ твой забыть [Там же].

В стихотворении Н. Д. Иванчина-Писарева «К моему альбому» (1819) упоминается судьба Мильтона, осмысливаемая как несчастная жизнь талантливого человека:

С презреньем оттолкну Фортуны колесо,
Повергшее во прах и римского витию,

CC BY

Расина, Мильтона, Торкватo и Руссо [Иванчин-Писарев, 1819, с. 239].

В лирике XIX века биографические обстоятельства жизни Мильтона становятся основанием для восприятия его не только как человека драматической судьбы, отчасти слепца-пророка, но и как романтического героя.

Наиболее яркий пример такой трактовки образа Мильтона можно видеть в стихотворении В. К. Кюхельбекера «Поэты» (1820); английский эпик показан как образец талантливого поэта с трудной судьбой, наряду с В. А. Озеровым и Т. Тассо, и впервые в русской поэзии представлен в рамках конфликта поэта и толпы.

Сычи орлов повсюду гнали;
Любимцев таинственных сил
Безумные всегда искали
Лишить парения и крил.
Вы, жертвы их остервененья,
Сыны огня и вдохновенья,
Мильтон, и Озеров, и Тасс!
Земная жизнь была для вас
Полна и скорбей и отравы;
Вы в дальний храм безвестной славы
Тернистою дорогой шли,
Вы с жадностию в гроб легли.
Но ныне смолкло вероломство:
Пред вами падает во прах
Благоговейное потомство;
В священных, огненных стихах
Народы слышат прорицанья
Сокрытых для толпы судеб,
Открытых взору дарованья! [Кюхельбекер, 1967, с. 128—129].

Так образ Мильтона попадает в систему антонимических метафор, орнитологических (сычи — орлы) и социальных (безумцы — любимцы таинственных сил); противопоставляются непростой жизненный путь творца и его посмертная слава. В. К. Кюхельбекером подчеркиваются пророческие коннотации в образе английского поэта: «*сыны огня и вдохновенья*», «*священные, огненные стихи*» и «*прорицанья*», открытые только таланту.

Герой-творец может роптать — но может и смиряться. Так, Н. Рудыковский публикует в «Современнике» «Сонет Мильтона» («Когда придет мне в мысль, что я лишен очей…»), где лирический герой сетует на потерю зрения, но приходит в итоге к высшему смирению:

Кто терпеливее несет ярмо на вые,
Тот и угоден вышнему. Он царь. Пред ним

От суши, от морей сонм слуг всегдашний зрим.
И я служу; я жду — настанут дни благие [Рудыковский, 1838, с. 79].

Ярким примером русского осмысления Мильтона как романтического героя является драматическая фантазия «Мильтон» В. М. Михеева, написанная в 1884 году и оставшаяся неопубликованной. Вместе с попыткой возрождения романтического жанра Михеев стремится возродить и романтический образ поэта: от бытовых конфликтов, пройдя сквозь разочарования и крушение политической судьбы, ослепнув, Мильтон приходит к высшему дару — дару чистого творчества [Михеев, 1884].

Со времени сентиментализма и предромантизма можно говорить, таким образом, о формировании следующих важнейших векторов в трактовке образа Мильтона в русской поэзии: человек непростой судьбы, не признанный при жизни; слепец, который обретает духовное видение; мастер контрастов и идиллии; романтический герой, противопоставляющий тяготам окружающей реальности силу духа и творчества.

3.3. Иронические и пародийные обращения к Мильтону в русской поэзии романтического и реалистического периодов

Ставшее привычным в русской литературе воспевание Мильтона как образцового эпического поэта и человека непростой судьбы повлекло за собой и закономерное переосмысление этого героического образа.

Возникновение пародийно-смехового варианта образа Мильтона можно отнести к творчеству Г. Р. Державина. Мильтон как автор «Потерянного рая» упомянут Державиным в его сатирической «Похвале Комару» (1807), где сражения людей с полчищами комаров иронически уподобляются космическим битвам:

Мужик корень вырвет древ;
Комары, оттоль взлетев,
Его роем окружают,
Жалят всюду и пронзают:
Не подобным ли война
Из бездн ада, Люцифером,
Излетела нам примером?
Небо ей, земля полна:
Ей Гомеры и Мароны,
Воздавали честь Мильтоны,
Чтили брань в людях, в духах [Державин, 1957, с. 335—336].

Происходит пародийное переосмысление космического эпоса: в стихотворении показана ирои-комическая битва мужиков с комарами.

Имя Мильтона возникает в сатире неизвестного автора начала XIX века «Галлоруссия» (1813), посвященной судьбе переводной литературы. «Вот

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

имена людей, погибших в переводе» [Поэты 1790—1810-х годов ..., 1971, с. 789], — так охарактеризованы английские прозаики Фильдинг, Джонсон, Стерн. Герои сатиры осуждают искажающие и дополняющие переводы:

О галлах плачешь ты — я плачу о германцах
И переложенных на наш язык британцах.
Энциклопе́дистов судьбина их жалчей.
<…>
Что скажешь ты еще о бедненьком Мильтоне,
В мешке что тащится разносчика на лоне?
[Поэты 1790—1810-х годов ..., 1971, с. 788].

Собеседник героя, обозначенный в сатире как «*он*», дает, напротив, саркастический портрет писателей, в том числе английских, при этом Мильтон характеризуется как автор переоцененный, перехваленный:

Что Стерн его? — с ума сошедший вояжер.
Юм — скрадывал порок, описывая двор.
Шекспир известен всем — сей каженик могильный,
Юнг в уверении, что знаем столь всесильный,
Мильтона — уж… довольно восхвалил,
А впрочем, счислить всё — моих не хватит сил.
[Там же, с. 790].

Ранний Пушкин упоминает Мильтона в своей неоконченной поэме «Бова» (1814) — в ироническом вступлении, где автор отстраняется от «высокой» эпической традиции (не только тематически, но и в стиховом размере, используя непривычный для эпоса нерифмованный четырехстопный хорей):

За Мильтоном и Камоэнсом
Опасался я без крил парить;
Не дерзал в стихах бессмысленных
Херувимов жарить пушками,
С сатаною обитать в раю
Иль святую Богородицу
Вместе славить с Афродитою [Пушкин, 1999, с. 56].

О Мильтоне как авторе, влияющем на воображение, говорит в стихотворении «Потомство» Д. И. Хвостов, рассуждая о том, что возраст избавляет человека от страстей и поэзия уже не способна воспламенить чувства:

Унес Сатурн игриву младость,
Как ветер кроткую волну.
Читая Тасса и Мильтона,
Расина, Пиндара, Марона,
Не пламенею от чудес [Хвостов, 1817, с. 59].

CC BY

Несомненный иронический оттенок получает употребление имени Мильтона в «Новейшем туалетном песеннике для милых девушек и любезных женщин» М. И. Маклакова (1820). Автор дает одной из жалобных песен о разлуке жанровое определение «Песня русского Мильтона» и снабжает ее таким эпиграфом: «*Ты солнце — я твоя планета; нет без тебя мне жизни, света*» [Маклаков, 1820, с. 124].

В поэзии второй половины XIX века имя Мильтон появляется существенно реже, причем эти упоминания приобретают преимущественно иронический характер.

Так, Л. А. Мей в своей «Деревне» (1848 — 1850-е) вскользь называет Мильтона, противопоставляя его идиллический «Потерянный рай» своему, деревенскому:

Я умственно не отводил бы глаз
От оных мест потерянного рая
(Не Мильтона — могу уверить вас!),
Где услаждали молодость не книги,
А лес да луг с живою змейкой Скниги [Мей, 1972, с. 97].

В сатирическом стихотворении Н. А. Некрасова «Мое разочарование» (1850) имя Мильтона отмечено в перечне авторов книг, с помощью которых герой стремился образовать свою невесту:

Я читал ей Гегеля, Жан-Поля,
Демосфена, Галича, Руссо,
Глинку, Ричардсона, Декандоля,
Волтера, Шекспира, Шамиссо,
Байрона, Мильтона, Соутэя,
Шеллинга, Клопштока, Дидеро... [Некрасов, 2021, с. 357].

Образование оказывается тщетно: девушка использует листы из книг для выпечки: «*Растерзав на клочья Ламартина, / На бумагу клала пирожки / И сажала в печь моя невеста!!*» [Некрасов, 2021, с. 358].

Подытоживая тенденцию к переосмыслению романтизма, К. К. Случевский упоминает Мильтона в стихотворении «Воплощение зла» (1898), протестуя против визуально яркого романтического образа демонического зла:

Забавно прибегать к чертам изображенья;
Зачем тут — когти, хвост, Молох, Сатаниил?
<...>
Но был бы человек и жалок и смешон,
Признав тот облик зла, что некогда воспели
Дант, Мильтон, Лермонтов, и Гёте, и Байрон! [Случевский, 2004, с. 55].

Таким образом, можно заключить, что ироническая традиция упоминания Мильтона, идущая от «ирои-комического» стихотворения Г. Р. Дер-

CC BY

жавина, продолжилась и укрепилась вплоть до лирики реализма, составляя своего рода противовес осмыслению Мильтона как романтического, одинокого героя, посвятившего всего себя творчеству.

4. Заключение = Conclusions

В результате исследования в хронологическом порядке сплошной выборки стихотворений, в которых упоминается имя Мильтона, мы выделили три основных направления в трактовке его образа в отечественной поэзии XVIII—XIX веков. Первое направление, в основном ограниченное периодом развития русской классицистической лирики, связано с введением имени Мильтона в канон классической литературы и использованием его образа в обосновании права российской литературы на самостоятельное творчество. Второе направление, укорененное в сентиментализме и затем развивающееся в романтической эстетике, основано на трактовке биографических подробностей жизни Мильтона и ведет к формированию образа одинокого, трагически непонятого героя, физическую слепоту возмещающего духовным прозрением; кроме того, авторы сентиментализма ценят контрасты поэтики Мильтона-стилиста и его умение описания идиллии, а поэты романтической традиции видят в Мильтоне романтического героя. Третье направление, берущее начало в лирике Г. Р. Державина и активизирующееся к середине XIX века, связано с ироническим, снижающим и отстраняющим осмыслением поэтики Мильтона, с пересмотром его роли «космического» поэта-эпика.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Гнедич Н. И.* Стихотворения / Н. И. Гнедич. — Ленинград : Советский писатель, 1956. — 852 с.

2. *Державин Г. Р.* Стихотворения / Г. Р. Державин. — Ленинград : Советский писатель, 1957. — 472 с.

3. *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений : в 20 т. — Москва : Языки русской культуры, 1999—2000. — Т. 1. Стихотворения 1797—1814 годов. — 760 с. — ISBN 5-7859-0038-5.

4. *Иванчин-Писарев Н. Д.* Сочинения и переводы в стихах / Н. Д. Иванчин-Писарев. — Москва : Тип. С. Селивановского, 1819. — 331, IV с.

5. *Иванчин-Писарев Н. Д.* Грация / Н. Д. Иванчин-Писарев // Дамский журнал / Издаваемый князем Шаликовым. — 1823. — Ч. 4. — № 19. — С. 26—30 ; № 21. — С. 103—106 ; № 22. — С. 145—147 ; № 23. — С. 186—187 ; № 24. — С. 224—226 ;

1824. — Ч. 5. — № 2. — С. 76—78 ; № 3. — С. 112—117 ; № 4. — С. 158—164 ; № 5. — С. 198—201 ; № 6. — С. 236—243.

6. *Карабанов П. М.* Стихотворения нравственные, лирические, любовные, шуточные и смешанные, оригинальные и в переводе / П. М. Карабанов. — Санкт-Петербург : Императорская типография, 1801. — XII, 307 с.

7. *Карамзин Н. М.* Полное собрание стихотворений / Н. М. Карамзин. — Москва ; Ленинград : Советский писатель, 1966. — 424 с.

8. *Кюхельбекер В. К.* Избранные произведения : в 2 т. / В. К. Кюхельбекер. — Москва ; Ленинград : Советский писатель, 1967. — Т. 1. — 668 с.

9. *Маклаков М. И.* Новейший туалетный песенник для милых девушек и любезных женщин, или Собрание лучших песен : с объяснением содержаний и голосов оных, и с присовокуплением приличных каждой песни девизов, в стихах : [В 3 ч.]. — Орел : Тип. И. Сытина, 1820. — Ч. 1. — 1821. — XIV, 247 с.

10. *Мей Л. А.* Избранные произведения / Л. А. Мей. — Ленинград : Советский писатель, 1972. — 680 с.

11. *Михеев В. М.* Мильтон. Драматическая фантазия / В. М. Михеев // РГАЛИ. Ф. 1354 (Михеев В.М.). Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 77—123 об.

12. *Муравьев М. Н.* Стихотворения / М. Н. Муравьев. — Ленинград : Советский писатель, 1967. — 388 с.

13. *Некрасов Н. А.* Полное собрание стихотворений : [В 3 т.] / Н. А. Некрасов. — Санкт-Петербург : Пушкинский дом, 2021. — Т. 1. — 688 с. — ISBN 978-5-91476-115-5.

14. *Николев Н. П.* Творения. Оды. Лиро-дидактическое послани / Н. П. Николев. — Москва : Университетская тип., 1796. — VII, 418 с.

15. *Поэты XVIII века* : в 2 т. — Ленинград : Советский писатель, 1972. — Т. 2. — 592 с.

16. *Поэты-радищевцы*. — Ленинград : Советский писатель, 1979. — 592 с.

17. *Поэты 1790—1810-х годов*. — Ленинград : Советский писатель, 1971. — 912 с.

18. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений : в 20 т. / А. С. Пушкин. — Санкт-Петербург : Наука, 1999. — Т. 1. Лицейские стихотворения. 1813—1817. — 840 с. — ISBN 5-02-028343-6.

19. *Рудыковский Н.* Сонет Мильтона («Когда придет мне в мысль, что я лишен очей…») / Н. Рудыковский // Современник. — 1838. — Т. XII. — Отд. IX. Стихотворения. — С. 79.

20. *Случевский К. К.* Стихотворения и поэмы / К. К. Случевский. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2004. — 816 с. — ISBN 5-7331-0046-X.

21. *Сумароков А. П.* Избранные произведения / А. П. Сумароков. — Ленинград : Советский писатель, 1957. — 608 с.

22. *Тредиаковский В. К.* Избранные произведения / В. К. Тредиаковский. — Москва ; Ленинград : Советский писатель, 1963. — 580 с.

23. *Хвостов Д. И.* Полное собрание стихотворений. Лирические творения. — Санкт-Петербург : Тип. императорского Воспитательного дома, 1817. — Ч. 1. — II, 240 с.

24. *Чебышев А.* Николай Петрович Николев / А. Чебышев // Русская поэзия : Собр. произведений рус. поэтов / Изд. под ред. С. А. Венгерова. — Санкт-Петербург : Тип. И. А. Ефрона, 1895. — Выпуск 5. — С. 785—789.

25. *Шатров Н. М.* Песнь дружбы на кончину Н. П. Николева / Н. М. Шатров // Памятник друзей Николаю Петровичу Николеву. — Москва : Тип. Августа Семена, 1819. — С. 31—33.

CC BY

Литература

1. *Бердичевский А. М.* «Славный пророческий сонет»: Мильтон глазами Пушкина / А. М. Бердичевский // Литература в диалоге культур : Межвузовский научный сборник. — Ростов-на-Дону : Изд-во Южного федерального университета, 2014. — Выпуск 1. — С. 53—64. — ISBN 978-5-9275-1231-7.

2. *Берков П. Н.* Примечания / П. Н. Берков // Сумароков А. П. Избранные произведения. — Ленинград : Советский писатель, 1957. — С. 513—577.

3. *Бортников В. И.* Советский перевод поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай» и иллюстрации к ней Гюстава Доре : эволюция контекстных интерпретаций / В. И. Бортников, Т. И. Волегова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. — 2019. — Т. 25. — № 4 (192). — С. 95—105.

4. *Гиллельсон М. И.* Статья Пушкина «О Мильтоне и шатобриановом переводе «Потерянного рая» / М. И. Гиллельсон // Пушкин : Исследования и материалы. — Ленинград : Наука, 1979. — Т. 9. — С. 231—240.

5. *Грушкин А.* Пушкин 30-х годов о творческой независимости писателя : (Вольтер, Мильтон, Шатобриан) / А. Грушкин // Звезда. — 1939. — № 9. — С. 156—159.

6. *Дмитриева Н. Л.* <О Мильтоне и шатобриановом переводе «Потерянного рая»> / Н. Л. Дмитриева // Пушкинская энциклопедия. Произведения. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2017. — Выпуск 3. — С. 413—416. — ISBN 978-5-4469-1196-7.

7. *Иванова (Шелингер) Т. Н.* Образ Мильтона и родины в сонете У. Вордсворта «London, 1802» и переводе К. Бальмонта : границы интерпретации / Т. Н. Иванова (Шелингер) // Homo Loquens : язык и культура: Сборник аннотаций докладов и сообщений Всероссийской научно-практической конференции. — Санкт-Петербург : РХГА, 2016. — С. 26—27. — ISBN 978-5-88812-785-8.

8. *Коровин В. Л.* О библейских мотивах в лермонтовском «Демоне» в связи с его творческой историей (от Байрона — к Мильтону) / В. Л. Коровин // Литературоведческий журнал. — 2014. — № 35. — С. 18—33.

9. *Коровин В. Л.* О жанре «религиозной поэмы» в русской литературе 1820—40-х гг. и поэмах С. А. Ширинского-Шихматова, А. Н. Муравьева и Ф. Н. Глинки / В. Л. Коровин // Филаретовский альманах. — 2014. — № 10. — С. 171—193.

10. *Коровин В. Л.* О содержании и жанровых особенностях поэмы С. А. Ширинского-Шихматова «Иисус в Ветхом и в Новом Заветах, или Ночи у креста» / В. Л. Коровин // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2016. — № 2. — С. 229—233.

11. *Кочеткова Н. Д.* Радищев и Мильтон / Н. Д. Кочеткова // Чтения Отдела русской литературы XVIII века. — 2003. — № 2. — С. 48—56.

12. *Ланчиков В. К.* С чем спорил Пушкин? [К 225 годовщине со дня рождения А.С. Пушкина] / В. К. Ланчиков // Мосты. Журнал переводчиков. — 2024. — № 2 (82). — С. 8—10.

13. *Левин Ю. Д.* Английская поэзия и литература русского сентиментализма / Ю. Д. Левин // От классицизма к романтизму : Из истории международных связей русской литературы. — Ленинград : Наука, 1970. — С. 195—297.

14. *Левин Ю. Д.* Мильтон / Ю. Д. Левин // Русско-европейские литературные связи: Энциклопедический словарь. — Санкт-Петербург : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. — С. 151—154. — ISBN 978-5-8465-0766-1.

15. *Николаева Е. Г.* «Печаль» / «грусть» в поэме М. Ю. Лермонтова «Демон» / Е. Г. Николаева // Культура и образование. — 2017. — № 3 (26). — С. 42—52.

16. *Олейник В. Т.* Лермонтов и Мильтон : «Демон» и «Потерянный рай» / В. Т. Олейник // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. — 1989. — Т. 48. — № 4. — С. 299—315.

17. *Паринова А. С.* Мотивный комплекс рая в русской литературе под влиянием поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай» / А. С. Паринова // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. — 2019. — № 2 (20). — С. 13—15. — DOI: 10.34680/2411-7951.2019.2(20).13.

18. *Примочкина Н. Н.* Семантика образа черта в творчестве М. Горького / Н. Н. Примочкина // Вестник Костромского государственного университета. — 2018. — Т. 24. — № 1. — С. 19—24.

19. *Самарин Р. М.* Творчество Дж. Мильтона в оценке В. Г. Белинского / Р. М. Самарин // Белинский — историк и теоретик литературы. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1949. — С. 424—434.

20. *Самарин Р. М.* Творчество Дж. Мильтона в оценке Пушкина / Р. М. Самарин // Доклады и сообщения филологического факультета / Московский ордена Ленина государственный университет имени М. В. Ломоносова. — Москва : Изд-во Московского университета, 1948. — Выпуск 6. — С. 62—70.

21. *Соколова М. Ю.* Особенности переводы псалмов Джона Мильтона / М. Ю. Соколова // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. — 2012. — Выпуск 17. — С. 149—158.

22. *Соколянский М. Г.* К проблеме «Пушкин и Мильтон» / М. Г. Соколянский // Временник Пушкинской комиссии. — Ленинград : Наука, 1989. — Выпуск 23. — С. 130—139.

23. *Топоров В. Н.* Гимн зрению (анатомия и дары его) / В. Н. Топоров // Из истории русской литературы. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — Т. 2. — Книга 2. — С. 541—559. — ISBN 5-94457-111-X.

24. *Торияма Ю.* Мотив зрения у М. Н. Муравьева и А. Н. Радищева в контексте европейского просвещения / Ю. Торияма // Новый филологический вестник. — 2006. — № 2. — С. 37—46.

25. *Третьякова Е. А.* Перевод в диахронии (на материале разновременных переводов поэмы Дж. Мильтона «Paradise Lost») / Е. А. Третьякова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2012. — № 149. — С. 87—95.

26. *Янушкевич А. С.* В. А. Жуковский — читатель и переводчик «Потерянного рая» Дж. Мильтона / А. С. Янушкевич // Библиотека В. А. Жуковского в Томске : [В 3 ч.]. — Томск : Изд-во Томского университета, 1984. — Ч. 2. — С. 481—492.

Статья поступила в редакцию 25.04.2025,
одобрена после рецензирования 12.06.2025,
подготовлена к публикации 22.07.2025.

Material resources

Chebyshev, A. (1895). Nikolai Petrovich Nikolev. In: *Russian poetry: Collected works of Russian poets, 5.* St. Petersburg: I. A. Efron Publishing House. 785—789. (In Russ.).

Derzhavin, G. R. (1957). *Poems.* Leningrad: Soviet Writer. 472 p. (In Russ.).

Gnedich, N. I. (1956). *Poems.* Leningrad: Soviet writer. 852 p. (In Russ.).

Ivanchin-Pisarev, N. D. (1819). *Writings and translations in verse.* Moscow: S. Selivanovsky Publishing House. 331, IV p. (In Russ.).

Ivanchin-Pisarev, N. D. (1823). *Grazia. Ladie's magazine / Published by Prince Shalikov.* (In Russ.).
Karabanov, P. M. (1801). *Poems moral, lyrical, love, comic and mixed, original and translated.* St. Petersburg: Imperial Printing House. XII, 307 p. (In Russ.).
Karamzin, N. M. (1906). *The Complete collection of poems.* Moscow; Leningrad: Soviet Writer. 424 p. (In Russ.).
Khvostov, D. I. (1817). *The Complete collection of poems. Lyrical creations, 1.* St. Petersburg: Type. of the Imperial Educational Home. II, 240 p. (In Russ.).
Kuchelbecker, V. K. (1967). *Selected works: in 2 volumes, 1.* Moscow; Leningrad: Soviet Writer. 668 p. (In Russ.).
Maklakov, M. I. (1820). *The newest toilet songbook for sweet girls and amiable women, or a collection of the best songs: with an explanation of the contents and voices of these, and with the addition of decent mottos for each song, in verses: [In 3 hours], 1.* Orel: Type. I. Sytin. XIV. 247 p. (In Russ.).
Mei, L. A. (1972). *Selected works.* Leningrad: Soviet Writer. 680 p. (In Russ.).
Mikheev, V. M. Milton. Dramatic fantasy. RGALI. *F. 1354 (Mikheev, V. M.). Op. 1. Ed. chr. 115. L. 77—123 vol.* (In Russ.).
Muravyov, M. N. (1967). *Poems.* Leningrad: Soviet Writer. 388 p. (In Russ.).
Nekrasov, N. A. (2021). *The complete collection of poems: [In 3 volumes], 1.* St. Petersburg: Pushkin House. 688 p. ISBN 978-5-91476-115-5. (In Russ.).
Nikolev, N. P. (1796). *Creations. Odes. Lyrical and didactic epistles.* Moscow: Universitetskaya tip. VII, 418 p. (In Russ.).
Poets of the 1790s and 1810s. (1971). Leningrad: Soviet Writer. 912 p. (In Russ.).
Poets of the XVIII century: in 2 volumes, 2. (1972). Leningrad: Soviet writer. 592 p. (In Russ.).
Poets-radishchevtsy. (1979). Leningrad: Soviet Writer. 592 p. (In Russ.).
Pushkin, A. S. (1999). *The complete works: in 20 volumes, 1.* Saint Petersburg: Nauka Publ. 840 p. ISBN 5-02-028343-6. (In Russ.).
Rudykovsky, N. (1838). Milton's sonnet ("When it occurs to me that I am deprived of eyes..."). *Sovremennik, XII:* S. 79. (In Russ.).
Shatrov, N. M. (1819). Song of friendship on the death of N. P. Nikolev. In: *Monument of friends to Nikolai Petrovich Nikolev.* Moscow: Type. August Semyon. 31—33. (In Russ.).
Sluchevsky, K. K. (2004). *Poems and poems.* Saint Petersburg: Academic Project. 816 p. ISBN 5-7331-0046-X. (In Russ.).
Sumarokov, A. P. (1957). *Selected works.* Leningrad: Soviet Writer. 608 p. (In Russ.).
Trediakovsky, V. K. (1963). *Selected works.* Moscow; Leningrad: Soviet Writer. 580 p. (In Russ.).
Zhukovsky, V. A. (1999—2000). *Complete works: in 20 volumes, 1.* Moscow: Languages of Russian Culture. 760 p. ISBN 5-7859-0038-5. (In Russ.).

References

Berdichevsky, A. M. (2014). "The Glorious Prophetic Sonnet": Milton through Pushkin's eyes. In: *Literature in the dialogue of cultures: An Interuniversity scientific collection, 1.* Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Federal University. 53—64. ISBN 978-5-9275-1231-7. (In Russ.).
Berkov, P. N. (1957). Notes. In: *Sumarokov A. P. Selected works.* Leningrad: Soviet Writer. 513—577. (In Russ.).

Bortnikov, V. I., Volegova, T. I. (2019). Soviet translation of J. Milton's poem "Paradise Lost" and illustrations by Gustave Dore: the evolution of contextual interpretations. *Proceedings of the Ural Federal University. Series 1. Problems of education, science and culture, 25 / 4 (192):* 95—105. (In Russ.).

Dmitrieva, N. L. (2017). <On Milton and Chateaubriand's translation of Paradise Lost>. In: *Pushkin Encyclopedia. Works, 3.* Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. 413—416. ISBN 978-5-4469-1196-7. (In Russ.).

Gillelson, M. I. (1979). Pushkin's article "On Milton and Chateaubriand's translation of Paradise Lost". In: *Pushkin: Research and Materials, 9.* Leningrad: Nauka Publ. 231—240. (In Russ.).

Grushkin, A. (1939). Pushkin of the 30s on the creative independence of the writer: (Voltaire, Milton, Chateaubriand). *Zvezda, 9:* 156—159. (In Russ.).

Ivanova (Schelinger), T. N. (2016). The image of Milton and the Motherland in a sonnet by W. Wordsworth's "London, 1802" and translated by K. Balmont: the limits of interpretation. In*: Homo Loquens: language and culture: A collection of abstracts of reports and reports of the All-Russian Scientific and Practical Conference.* St. Petersburg: Russian Academy of Fine Arts. 26—27. ISBN 978-5-88812-785-8. (In Russ.).

Kochetkova, N. D. (2003). Radishchev and Milton. *Readings of the Department of Russian Literature of the XVIII century, 2:* 48—56. (In Russ.).

Korovin, V. L. (2014). On biblical motifs in Lermontov's "Demon" in connection with his creative history (from Byron to Milton). *Literary Journal, 35:* 18—33. (In Russ.).

Korovin, V. L. (2014). On the genre of "religious poetry" in Russian literature of the 1820s and 40s and the poems of S. A. Shirinsky-Shikhmatov, A. N. Muravyov and F. N. Glinka. *Filaretovsky Almanac, 10:* 171—193. (In Russ.).

Korovin, V. L. (2016). On the content and genre features of S. A. Shirinsky-Shikhmatov's poem "Jesus in the Old and New Testaments, or Nights at the Cross". *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky, 2:* 229—4233. (In Russ.).

Lancikov, V. K. (2024). What did Pushkin argue with? [To the 225th anniversary of the birth of A. S. Pushkin]. *Bridges. The journal of translators, 2 (82):* 8—10. (In Russ.).

Levin, Yu. D. (1970). English poetry and literature of Russian sentimentalism. In: *From Classicism to Romanticism: From the History of International Relations of Russian Literature.* Leningrad: Nauka Publ. 195—297. (In Russ.).

Levin, Yu. D. (2008). Milton. In: *Russian-European literary relations: An encyclopedic dictionary.* Saint Petersburg: Faculty of Philology and Arts, St. Petersburg State University. 151—154. ISBN 978-5-8465-0766-1. (In Russ.).

Nikolaeva, E. G. (2017). "Sadness" / "Sadness" in M. Y. Lermontov's poem "The Demon". *Culture and Education, 3 (26):* 42—52. (In Russ.).

Oleinik, V. T. (1989). Lermontov and Milton: "The Demon" and "Paradise Lost". *News of the USSR Academy of Sciences. Department of Literature and Language, 48 (4):* 299—315. (In Russ.).

Parinova, A. S. (2019). The motif complex of paradise in Russian literature under the influence of J. Milton's poem "Paradise Lost". *Scientific Notes of Yaroslav the Wise Novgorod State University, 2 (20):* 13—15. DOI: 10.34680/2411-7951.2019.2(20).13. (In Russ.).

Primochkina, N. N. (2018). Semantics of the image of the devil in the works of M. Gorky. *Bulletin of Kostroma State University, 24 (1):* 19—24. (In Russ.).

Samarin, R. M. (1948). Creativity of J. Milton's assessment of Pushkin. In: *Reports and communications of the Faculty of Philology / Lomonosov Moscow State University of the Order of Lenin, 6.* Moscow: Publishing House of Moscow University. 62—70. (In Russ.).

Samarin, R. M. (1949). Creativity of J. Milton in the assessment of V. G. Belinsky. In: *Belinsky is a historian and literary theorist.* Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 424—434. (In Russ.).

Sokolova, M. Y. (2012). Features of translations of John Milton's psalms. *Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov, 17:* 149—158. (In Russ.).

Sokolyansky, M. G. (1989). On the problem of "Pushkin and Milton". In: *Bulletin of the Pushkin Commission, 23.* Leningrad: Nauka Publ. 130—139. (In Russ.).

Toporov, V. N. (2003). Hymn to vision (anatomy and its gifts). In: *From the history of Russian literature, 2 (2).* Moscow: Languages of Slavic Culture. 541—559. ISBN 5-94457-111-X. (In Russ.).

Toriyama, Yu. (2006). The motive of vision in M. N. Muravyov and A. N. Radishchev in the context of the European Enlightenment. *New Philological Bulletin, 2:* 37—46. (In Russ.).

Tretyakova, E. A. (2012). Translation in diachrony (based on the material of simultaneous translations of J. Milton's poem "Paradise Lost"). *Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, 149:* 87—95. (In Russ.).

Yanushkevich, A. S. (1984). V. A. Zhukovsky — reader and translator of "Paradise Lost" by J. Milton. In: *Library of V. A. Zhukovsky in Tomsk: [In 3 parts], 2.* Tomsk: Publishing House of Tomsk University. 481—492. (In Russ.).

The article was submitted 25.04.2025;
approved after reviewing 12.06.2025;
accepted for publication 22.07.2025.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
HISTORY

Азамат Амурович Татаров, канд. истор. наук (Нальчик)
Аскер Асланбекович Тумов, канд. истор. наук (Нальчик)
Вадим Николаевич Гончаров, д-р филос. наук (Ставрополь)
Владимир Николаевич Мамяченков, д-р истор. наук (Екатеринбург)
Владимир Павлович Мотревич, д-р истор. наук (Екатеринбург)
Дмитрий Владимирович Буяров, канд. филос. наук (Благовещенск)
Екатерина Ивановна Красильникова, д-р истор. наук (Новосибирск)
Ильдар Рашидович Хамзин, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Марина Тазабаевна Накишова, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Оксана Михайловна Кукленко, старший преподаватель (Ставрополь)
Павел Григорьевич Немашкалов, д-р истор. наук (Ставрополь)
Рима Нугамановна Сулейманова, д-р истор. наук (Уфа)
Татьяна Петровна Нестерова, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Шамиль Наилевич Исянгулов, канд. истор. наук (Уфа)

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Буяров Д. В. Политика в отношении религии в Синьцзян-Уйгурском автономном районе в период руководства Си Цзиньпина / Д. В. Буяров // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 6. — С. 400—421. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-400-421.

Buyarov, D. V. (2025). Religion Policy in Xinjiang Uyghur Autonomous Region Under Xi Jinping's Leadership. *Nauchnyi dialog, 14* (6): 400-421. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-400-421. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Политика в отношении религии в Синьцзян-Уйгурском автономном районе в период руководства Си Цзиньпина

Буяров Дмитрий Владимирович
orcid.org/0000-0002-8337-6817
Scopus Author ID: 56682880900
кандидат философских наук, доцент,
кафедра всеобщей истории,
философии и культурологии
buyarov_d@mail.ru

Благовещенский государственный
педагогический университет
(Благовещенск, Россия)

Religion Policy in Xinjiang Uyghur Autonomous Region Under Xi Jinping's Leadership

Dmitry V. Buyarov
orcid.org/0000-0002-8337-6817
Scopus Author ID: 56682880900
PhD in Philosophy, Associate Professor,
Department of General History,
Philosophy, and Cultural Studies
buyarov_d@mail.ru

Blagoveshchensk State
Pedagogical University
(Blagoveshchensk, Russia)

© Буяров Д. В., 2025

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена исследованию политики китайского руководства в отношении религии в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) в период руководства Председателя Китайской Народной Республики (КНР) Си Цзиньпина. Актуальность исследования обусловлена значимостью религиозной сферы для развития Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР и недостаточной степенью изученности религиозной политики в научных работах последних лет. Материалом исследования служат нормативно-правовые акты КНР, выступления официальных лиц, новостные публикации в китайских СМИ. Целью работы является подтверждение гипотезы о процессе китаизации религий в КНР. В результате анализа нормативных актов установлено, что в СУАР осуществляется детальная регламентация религиозной деятельности со стороны государственных органов. В статье показано, что вмешательство правительства в религиозную жизнь обусловлено стремлением превентивно бороться с религиозным экстремизмом. Автор утверждает, что курс на китаизацию религий осуществляется под пристальным руководством со стороны Си Цзиньпина и нацелен на укрепление национального единства. Автор приходит к выводу о том, что политика китайского руководства в области религии направлена на укрепление ценностей социализма с китайской спецификой и формирование патриотических настроений у духовенства и верующих.

Ключевые слова:
Синьцзян-Уйгурский автономный район; Си Цзиньпин; регулирование религиозной сферы; китаизация религии; ислам.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the Chinese leadership's policy towards religion in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region (XUAR) during the tenure of Xi Jinping, the Chairman of the People's Republic of China (PRC). The relevance of this study is underscored by the significance of the religious sphere for the development of the XUAR and the insufficient level of scholarly attention given to religious policy in recent years. The research material comprises legal documents from the PRC, speeches by officials, and news publications from Chinese media. The aim of this work is to validate the hypothesis regarding the process of Sinicization of religions in China. The analysis of regulatory acts reveals that religious activities in the XUAR are subject to detailed regulation by state authorities. The article demonstrates that government intervention in religious life is driven by a proactive approach to combat religious extremism. The author argues that the course towards the Sinicization of religions is conducted under Xi Jinping's close guidance and is aimed at strengthening national unity. The conclusion drawn is that the Chinese leadership's policy on religion seeks to reinforce the values of socialism with Chinese characteristics and foster patriotic sentiments among the clergy and believers.

Key words:
Xinjiang Uyghur Autonomous Region; Xi Jinping; regulation of religious affairs; Sinicization of religion; Islam.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(510).093+322
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-400-421

Научная специальность ВАК
5.6.2. Всеобщая история

Политика в отношении религии в Синьцзян-Уйгурском автономном районе в период руководства Си Цзиньпина

© Буяров Д. В., 2025

1. Введение = Introduction

С приходом к власти Си Цзиньпина осенью 2012 года китайское общество стало меняться. Была принята серия законов, направленных на усиление контроля над обществом со стороны государства. К ним относятся Закон о государственной безопасности (2015 год), Закон о борьбе с терроризмом (2016 год), Закон о кибербезопасности (2017 год). Логическим продолжением этого курса стали дополнения в законодательстве, регулирующем религиозную сферу. Контроль над религиозными объединениями, религиозной деятельностью граждан КНР должен был способствовать укреплению социальной стабильности, гармонизации отношений между народами Китая. В этом направлении стал реализовываться новый курс, получивший называние «китаизация религии». Данная политика стала распространяться на территорию всей страны, но наиболее актуальной она стала для регионов, населённых этническими меньшинствами, в том числе этносами, исповедующими ислам. Подавляющее большинство китайских мусульман представлены такими этническими меньшинствами, как хуэйцзу, уйгуры, казахи, дунсян, киргизы, салары и др. Большинство китайских мусульман проживает в северо-западном регионе КНР, особенно в провинциях Ганьсу, Цинхай, Нинся-Хуэйском автономном районе и Синьцзян-Уйгурском автономном районе [Измерение религии в Китае ..., 2023]. В рамках данного исследования основное внимание сконцентрировано на религиозной политике КНР в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР).

Население Синьцзяна составляет 25,89 млн человек, из которых более половины представлены национальными меньшинствами. Большая часть населения СУАР — это уйгуры (44,96 %), вторая по численности национальность — ханьцы (42,24 %). Благодаря многолетней политике Коммунистической партии Китая (КПК), большинство ханьского населения является атеистами. При этом часть ханьцев исповедует *сань цзяо* (三教), так называемые «три учения», представленные синкретической системой кон-

CC BY

фуцианства, даосизма и буддизма. Уйгуры и другие тюркоязычные народы Синьцзяна исповедуют ислам, являющийся наиболее влиятельной религией в СУАР, последователи которой насчитывают более 13 млн человек. Синьцзян являлся традиционно неспокойным регионом Китая, в котором ситуация осложнялась развитием сепаратизма, терроризма и религиозного экстремизма. Местные радикалы искали идеологическое обоснование своим действиям в исламе. Правительству Си Цзиньпина за несколько лет удалось нормализовать обстановку в СУАР, в том числе остановив волну терроризма и религиозного экстремизма. Отчасти это стало возможным благодаря курсу на китаизацию религий.

Актуальность данного исследования обусловлена отсутствием в последние годы специальных работ, посвящённых политике китаизации религиозной сферы в КНР, в том числе в ракурсе политики Си Цзиньпина. Данное исследование опирается на анализ нормативно-правовых актов, принятых с 2018 года по настоящее время, регулирующих религиозную жизнь в Китае, на примере Синьцзян-Уйгурского автономного района.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Эмпирической базой исследования служат нормативно-правовые акты Китайской Народной Республики, среди которых Конституция КНР, Положения, принятые Государственным советом КНР, Государственным управлением по делам религий КНР, а также органами власти Синьцзян-Уйгурского автономного района. Также использовались материалы Китайского информационного интернет-центра — государственного веб-портала Информационного бюро Государственного совета КНР. В статье анализируются законы КНР, принятые в период второго срока руководства Си Цзиньпина, в основном это документы 2018—2024 годов. Некоторые из них стали новыми редакциями действующих законов, изданных с целью усиления контроля над религией в стране. Также источниками послужили выступления Председателя КНР, отражающие взгляды и подходы высшего руководителя страны к проведению религиозной политики.

В содержании нормативных документов отражается политика китайского руководства. В условиях официального курса «верховенства закона» эти документы призваны легитимизировать действия китайских властей, иными словами, подвести юридическое обоснование под порой жёсткие меры. В последнее десятилетие были изданы документы, которые позволяют как правительству КНР, так и правительству СУАР осуществлять полный контроль над религиозной деятельностью граждан, регулировать процессы религиозной жизни в соответствии с задачами государства.

CC BY

Также данная статья опирается на анализ работ отечественных и зарубежных исследователей, посвящённых изучению реформ Си Цзиньпина, политике китаизации религий в КНР, а также внутреннему развитию Синьцзян-Уйгурского автономного района.

В научном дискурсе проблема «китаизации религий» является новой и недостаточно изученной. Среди отечественных исследователей следует отметить работы Л. А. Афониной «Развитие политики “китаизации религий”» [Афонина, 2019], А. В Ломанова «Адаптация и китаизация: религиозная политика руководства КПК» [Ломанов, 2021], в которых анализируются основные компоненты концепции китаизации религий Си Цзиньпина, а также комплекс мероприятий в отношении религиозных организаций КНР. В монографии И. Ю. Зуенко «Китай в эпоху Си Цзиньпина» [Зуенко, 2024] рассматривается личный вклад Председателя КНР в развитие Китая и изменения, происходящие в стране, в том числе в области китаизации культуры и религии. Также вопросам китаизации религий посвящены исследования таких зарубежных авторов, как К. Чанг «Новое вино в старых мехах: китаизация и государственное регулирование религии в Китае» [Chang, 2018], М. Лавичка «Новые меры по управлению религиями при Си Цзиньпине» [Lavicka, 2023]. Зарубежные исследователи акцентируют внимание на политическом характере курса китаизации религий и указывают на то, что реформирование религиозной сферы в первую очередь служит интересам укрепления позиций китайского государства. В целом авторы сходятся на определении причин и задач политики КНР в области религий, конструируют понятие китаизации религий как адаптации религий к социализму с китайской спецификой в целях обеспечения сотрудничества религиозных групп с КПК. В то же время работы зарубежных исследователей, в том числе китайских учёных, проживающих на Западе, отличаются более критичными оценками, иногда определяющими политику КНР в отношении религии как репрессивную.

Следует отметить, что в рассмотренных выше работах отсутствует анализ нормативных актов, принятых в 2023—2024 годах и регулирующих религиозную сферу в Китае, что подчёркивает научную новизну представленного исследования.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Нормативно-правовая база, регулирующая сферу религиозных отношений в СУАР

Нормативные акты КНР, касающиеся религиозной сферы, можно условно разделить на четыре типа. К первому типу относятся статьи Конституции КНР, ко второму — указы Государственного совета КНР, к третье-

CC BY

му — постановления (положения) Государственного управления по делам религий (ГУДР) и к четвёртому — местные постановления, принятые на уровне провинций и национальных автономных районов.

Статья 36 Конституции КНР 1982 года гласит: «Граждане КНР имеют свободу вероисповедания. Никаким государственным органам, общественным организациям и отдельным лицам не разрешается принуждать граждан исповедовать или не исповедовать какую-либо религию, не разрешается дискриминировать их за исповедание или неисповедание какой-либо религии. Государство охраняет нормальное отправление религиозной деятельности» [Конституция …, 1983]. Эти принципы находят отражение во всех других нормативных актах, касающихся религиозной сферы. Однако в силу своей декларативности они могут трактоваться весьма обтекаемо.

На Центральной конференции по работе Единого фронта в 2015 году и Национальной конференции по работе, связанной с религиозными делами в 2016 году, Си Цзиньпин акцентировал внимание на необходимости повышения уровня верховенства закона — *фачжи* (法治) — в религиозной работе [Lavicka, 2023, p. 264]. Председатель КНР отметил, что религиозные организации должны поддерживать руководство КПК и социализм с китайской спецификой. При этом религиозные доктрины должны интерпретироваться таким образом, чтобы способствовать прогрессу Китая и соответствовать его традиционной культуре [Китайский информационный ..., 2016]. Фактически это стало официальной установкой для разработки новых нормативных актов, регулирующих религиозную сферу в Китае.

С 1 апреля 2017 года вступили в силу «Правила по борьбе с экстремизмом в Синьцзян-Уйгурском автономном районе». Документ был принят Постоянным комитетом 12-го Собрания народных представителей СУАР и включает в себя 8 глав и 52 статьи. Основным содержанием этого нормативного акта являются меры по дерадикализации внутренней обстановки в Синьцзяне, но многие статьи связаны с религиозной сферой. Так, например, под *экстремизмом* понимаются действия по распространению радикальной религиозной идеологии. Деэкстремизация должна осуществляться в области религии, в том числе «чтобы сделать религию более китайской и законной». Статья 48 вменяет в обязанность представителям духовенства проповедовать идеи патриотизма и национального единства [Правила по борьбе с экстремизмом …, 2019].

В 2017 году Государственный совет КНР издал «Положение о религиозных делах». Постановление, состоящее из 9 глав и 77 статей, вступило в силу 1 февраля 2018 года и стало новой редакцией Постановления 2004 года. В Положении декларируется свобода вероисповедания, защита от дискриминации как верующих, так и неверующих граждан, защита

CC BY

«нормальной» (законной) религиозной деятельности, необходимость следовать социалистическим ценностям, защищать национальное единство и социальную стабильность [Положение о религиозных делах ..., 2018]. Все эти принципы будут повторяться в последующих нормативных актах. Документ усиливал степень контроля за религиозной сферой со стороны правительств всех уровней. Положение чётко регламентировало деятельность религиозных организаций, объектов, религиозных учебных заведений, духовенства [Там же].

Одним из новых документов стали разработанные в 2019 году и вступившие в силу с 1 февраля 2020 года «Меры по управлению религиозными объединениями». Документ был принят Государственным управлением по делам религий, состоит из 6 глав и 41 статьи. Согласно первой главе, религиозные организации создаются в целях единства страны и развития патриотизма и служат для связи между КПК и правительством, с одной стороны, и духовенством и верующими — с другой. Религиозным организациям вменяется в обязанность поддерживать руководство КПК, воплощать ценности социализма, осуществлять китаизацию религии, поддерживать национальное единство и социальную стабильность. Вторая глава описывает структуру религиозной организации, которая во многом аналогична партийной структуре. Четвертая глава документа подробно описывает меры административного контроля над религиозными объединениями и акцентирует внимание на необходимости организации мероприятий, направленных на реализацию национальной политики в соответствии с курсом КПК и распространение традиционной китайской культуры [Меры по управлению религиозными объединениями ..., 2019].

Также в 2020 году ГУДР были приняты «Меры по управлению исламским паломничеством (хаджем)». Данные правила, состоящие из 7 глав и 42 статей, были согласованы с Министерством иностранных дел, Министерством общественной безопасности, Министерством культуры и туризма и вступили в силу с 1 декабря 2020 года. Единственным организатором хаджа в КНР является Исламская ассоциация Китая, которая подчиняется ГУДР. Согласно данному документу, граждане КНР, подающие заявку на участие в хадже, должны быть «патриотичными, законопослушными и иметь хороший характер». Во время хаджа паломники из Китая должны выступать против религиозного экстремизма и формировать положительный имидж страны [Меры по управлению исламским …, 2020].

В 2021 году ГУДР приняло «Меры по управлению духовенством», состоящие из 7 глав и 52 статей, вступившие в силу с 1 мая 2021 года. Формально документ направлен на защиту интересов и прав священнослужителей, но фактически нацелен на более полный контроль их деятельности. В статье 3

CC BY

подчёркивается: «Духовенство должно любить Родину, поддерживать КПК, социалистический строй, соблюдать законы, исповедовать социалистические ценности, придерживаться направления китаизации религий, защищать национальное единство и социальную стабильность». Меры направлены на более строгий контроль и наказание священнослужителей в случае неподчинения органам исполнительной власти. Для осуществления религиозной деятельности представителям духовенства необходимо проходить специальные курсы и получать удостоверения, при этом в случае нарушений (которые трактуются расплывчато) их статус священнослужителей может быть аннулирован ГУДР [Меры по управлению духовенством ..., 2021].

Усиление контроля государства распространилось также и на религиозные образовательные учреждения. Так, 1 сентября 2021 года вступили в силу «Меры по управлению религиозными школами». Положение состоит из 9 глав и 83 статей, и в нем наряду с другими документами приоритетное внимание уделяется китаизации религии и противодействию иностранному влиянию, что в первую очередь распространяется на христианство и ислам. Статья 22 данного положения предписывает религиозным школам «осуществлять обучение идеям Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой, патриотизму, традиционной культуре Китая». Представляет интерес статья 61, касающаяся трудоустройства иностранных специалистов, на которых распространяется условие «отсутствия участия в антикитайских организациях и антикитайской деятельности». Также религиозные учебные заведения ставятся под прямой контроль инспекторов из ГУДР [Меры по управлению религиозными школами ..., 2021].

Совместно с рядом министерств (в том числе общественной и государственной безопасности) ГУДР разработало в 2021 году «Меры по администрированию религиозных информационных интернет-услуг». Положение, состоящее из 5 глав и 36 статей, вступило в силу 1 марта 2022 года. Главной целью данного документа является запрет на прозелитизм религий с помощью онлайн-ресурсов. Кроме того, статья 23 предполагает усиление контроля над религиозными информационными ресурсами, в том числе в целях противодействия религиозному экстремизму [Меры по администрированию ..., 2021].

С 1 сентября 2023 года вступили в силу «Меры по управлению местами религиозной деятельности», принятые ГУДР и состоящие из 10 глав и 76 статей. Это положение заменило документ, действовавший с 2005 года, и фактически усилило административный контроль над религиозными объектами (храмами, церквями, мечетями). Согласно статье 3 «места религиозной деятельности должны поддерживать руководство КПК, социалистический строй, всецело реализовывать идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской

спецификой, придерживаться направления китаизации религии, защищать национальное единство и социальную стабильность». Положение в силу большого количества ограничений затрудняет открытие новых религиозных объектов, в то же время позволяет закрывать действующие объекты, а также видоизменять их интерьер и экстерьер в соответствии с особенностями традиционной китайской архитектуры. Также документ направлен на содействие политике по формированию общекитайской нации — *чжунго миньцзу* (中华民族). Так, статья 40 предписывает: «Места религиозной деятельности должны усиливать пропаганду в целях укрепления чувства общности китайской нации во время религиозных мероприятий, укреплять использование общенационального языка и письменности, содействовать этническому единству» [Меры по управлению местами …, 2023].

Важным документом, регламентирующим религиозную сферу в Синьцзяне, является «Положение о религиозной деятельности Синьцзян-Уйгурского автономного района», принятое Постоянным комитетом 14-го Народного собрания СУАР и вступившее в силу 1 февраля 2024 года. Положение состоит из 9 глав и 78 статей и является новой редакцией Положения 2014 года. Новые правила разработаны в соответствии с Конституцией КНР, Положениями ГУДР и с учётом фактической ситуации в национальном автономном районе. Положение декларирует свободу вероисповедания и нацелено на противодействие религиозному экстремизму. В данном документе, как и в вышестоящих нормативных актах, говорится об «адаптации религии к социалистическому обществу, китаизации религии, защите национального единства, противодействии внешнему вмешательству, усилении религиозной работы…» [Положение о религиозной деятельности …, 2024]. При этом статьи первой главы Положения направлены на усиления контроля над религиозной сферой со стороны органов исполнительной власти всех уровней: народного правительства СУАР, правительств округов, уездов, волостей. Согласно пятой главе, представители духовенства должны проходить специальную регистрацию и получать разрешение на своё назначение от властей. Особое внимание уделяется противодействию этническому сепаратизму, религиозному экстремизму, угрозе традиционной культуре Китая.

3.2. Мероприятия правительства КНР по регулированию религиозной сферы в СУАР

С приходом к власти Си Цзиньпину было необходимо решать задачи, являвшиеся актуальными ещё при его предшественнике — Ху Цзиньтао. В первую очередь необходимо преодолеть так называемые «три вида зла»: сепаратизм, терроризм и экстремизм. Во многом сторонники этих деструктивных явлений опирались на радикальные религиозные идеи. Зачастую

CC BY

под противозаконную деятельность подводилось религиозное обоснование, а этническое самосознание представителей национальных меньшинств, в том числе уйгуров, испытывало влияние со стороны консервативного мусульманского духовенства. В связи с этим правительству КНР пришлось принимать ряд мер по борьбе с религиозным экстремизмом. Одним из ведущих векторов данной политики и становится китаизация религий. Как отмечает И. Ю. Зуенко, «борьба с сепаратизмом, экстремизмом и терроризмам в представлении китайского руководства оказалась тесно связана с борьбой за синификацию ислама» [Зуенко, 2024, с. 128].

Термин *цзунцзяо чжунгохуа* (宗教中国化) — китаизация религии — был официально озвучен Си Цзиньпинем на Рабочей конференции Единого фронта в 2015 году и понимался как государственная политика по управлению религией с целью включения китайских особенностей в различные религиозные системы. Китаизации должны были подвергнуться не только христианство и ислам, но и местные (китайские) религии: буддизм, даосизм и конфуцианство [Ван Цзоань, 2016, с. 14]. Председатель КНР объявил «о необходимости поддерживать китаизацию религии для того, чтобы религиозные системы адаптировались к социалистическому обществу». Кампания китаизации религии была направлена на то, чтобы поставить религию под более жёсткий партийный контроль и привести ее в соответствие с канонами китайской культуры. Данная кампания в большей мере осуществлялась в отношении христианства и ислама вследствие опасений правительства перед иностранным влиянием на данные конфессии, а в случае с исламом имел место и страх перед проявлениями религиозного экстремизма. Через СМИ и социальные сети правительство призывало китайских мусульман способствовать китаизации ислама и противодействовать экстремизму в мусульманских общинах.

В своих выступлениях Си Цзиньпин указывал, что для непрерывного подъёма Китая и обретения им статуса великой державы необходимо поддерживать и развивать традиционную китайскую культуру. На XIX Съезде КПК в октябре 2017 года Председатель КНР заявил, что «религии в Китае должны быть ориентированы на Китай, а партия должна осуществлять активное руководство религиями, чтобы они могли адаптироваться к условиям социалистического общества» [Си Цзиньпин, 2017]. По мнению А. В. Ломанова, «курс на китаизацию идей и институтов стал лейтмотивом правления Си Цзиньпина. Распространение этой политики на сферу религии было неминуемо» [Ломанов, 2022, с. 102]. Как отмечает Б. Вермандер, «цель китаизации религии неотделима от лозунга вступления Китая в новую эру в соответствии с планом Си Цзиньпина по реализации “китайской мечты”» [Vermander, 2019, p. 140].

CC BY

Процесс китаизации ислама в Синьцзяне стал осуществляться параллельно с деэкстремизацией региона. Многие из мероприятий правительства автономного района были направлены на борьбу с религиозным экстремизмом и подразумевали запреты и ограничения в религиозной повседневности. Под пристальным контролем оказались информационный контент, внешние проявления религиозности, включая особенности мусульманской одежды, культовые мероприятия.

В рамках ужесточения борьбы с экстремизмом с 2015 года в СУАР стал действовать запрет на ношение одежды и символов, ассоциирующихся с религиозным экстремизмом. Также Постановление запрещало осуществлять просмотр и распространение видеороликов о джихаде и требовало от священнослужителей сообщать о подобных действиях. Помимо этого, запрещалось отправлять религиозный культ, в том числе совершать намаз в государственных учреждениях, школах, на предприятиях. Также вводились ограничения на религиозные ритуалы во время свадеб и похорон, в частности необходимо было согласовывать присутствие представителей духовенства на подобных мероприятиях с местными властями [Zenz, 2020, p. 334].

С 2017 года в СУАР вводится ряд новых ограничений и актуализируются действующие правила. Так, в соответствии с Правилами (Положением) по борьбе с экстремизмом было запрещено ношение паранджи, длинных бород, несанкционированное участие духовенства в проведении свадеб, похорон, обрезании мальчиков. Также водится запрет на использование мусульманских имён с религиозным оттенком, таких как *Ислам, Коран, Джихад, Имам, Хадж, Мекка, Медина.* Кроме того, концепция халяль должна касаться только продуктов питания, и она не должна распространяться на другие сферы жизни, включая одежду, развлечения, работу [Правила по борьбе с экстремизмом …, 2019; Китай запрещает …, 2017]. Эти ограничения продолжают действовать по сей день и регулируются Положением 2024 года [Положение о религиозной деятельности …, 2024].

В соответствии с целью реализации решений XIX Съезда КПК был принят рабочий план по китаизации ислама (2018—2022 годы) Китайской исламской ассоциацией. В документе акцентируется внимание на следующих мероприятиях: (1) строительство и реконструкция мечетей в соответствии с архитектурными особенностями Китая, подчёркивание китайских элементов и отказ от иностранных архитектурных стилей; (2) использование национального китайского языка в проповедях и богослужении; (3) воплощение китайского характера и стиля в религиозных церемониях и одежде, включая одежду для хаджа; проведение открытых религиозных мероприятий; (4) толкование священного писания в соответствии с китайской спецификой, в том числе актуализация сходства между традиционны-

CC BY

ми ценностями ислама и ценностями социалистического общества [Афонина, 2019, с. 66; Краткое описание …, 2019].

В 2018 году Китайская исламская ассоциация выступила с инициативой, которая распространилась на весь Китай, в том числе СУАР. Мероприятие получило название «Четыре в одном» и включало в себя установку на территории каждой мечети национального флага КНР, размещение текста Конституции, текстов законов и социалистических лозунгов, а также экспонатов традиционной китайской культуры [Китайская исламская ассоциация …, 2018].

В современных условиях предъявляются новые требования и к представителям духовенства. Согласно Положению о религиозной деятельности СУАР 2024 года духовенство должно быть патриотичным и законопослушным, противодействовать экстремизму. В свою очередь священнослужители и религиозные организации, включая культовые объекты (храмы, мечети), находятся под контролем местных властей. Отделы по делам религий народных правительств уездов, округов и автономного района в целом осуществляют административное управление религиозными делами [Положение о религиозной деятельности …, 2024].

В рамках китаизации ислама в СУАР проходят научные мероприятия, призванные продемонстрировать поддержку проводимому курсу со стороны общественности. В июле 2023 года в Урумчи прошёл научный семинар на тему «Приверженность китаизации ислама в Синьцзяне». Мероприятие, на котором выступило более 20 религиозных деятелей и учёных-религиоведов, было организовано Рабочим отделом Единого фронта КПК СУАР. Участники, среди которых были президент Китайской исламской ассоциации, президент Исламской ассоциации СУАР, директор Института мировых религий Китайской академии общественных наук, пришли к выводу, что необходимо осуществлять дальнейшую китаизацию ислама, в том числе путём обращения к ценностям китайской культуры и интеграции ислама с другими религиями, например с конфуцианством [Как придерживаться …, 2023].

Власти СУАР регулярно подчёркивают, что в автономном районе мирно соседствуют различные религии. Одним из примеров может служить инспекционное посещение Секретарём парткома КПК СУАР Ма Синжуем трёх культовых объектов. В ноябре 2024 года он посетил Большую мечеть Шэньси, даосский храм Сишань Лаоцзюнь и буддийский храм Цинцюань. Особенно было отмечено, что мусульманская мечеть Шэньси построена в китайском архитектурном стиле, что является свидетельством китаизации ислама. В ходе показательного визита Ма Синжуй подчеркнул, что Синьцзян всегда был регионом, где сосуществуют многочисленные религии, а в новых условиях задачей КПК является формирование чувства

CC BY

общности китайской нации путём объединения верующих вокруг партии и правительства [Ма Синжуй …, 2024].

С определённой точки зрения в защиту политики, направленной на создание благоприятных условий для развития религий, может служить факт большого количества религиозных сооружений в СУАР. На сегодняшний день в Синьцзян-Уйгурском автономном районе расположено 25 000 культовых архитектурных сооружений, принадлежащих различным конфессиям, в том числе около 24 400 мечетей [Число мечетей …, 2024]. Однако часть из них закрыта на ремонт или на постоянной основе.

По заявлениям западных правозащитных организаций, в том числе «Уйгурского проекта по правам человека», в СУАР в 2016—2019 годах было снесено более 100 мечетей и аналогичное число кладбищ. У части сохранившихся мечетей были демонтированы купола, минареты, полумесяцы, таблички с арабской каллиграфией [Разрушение …, 2019]. При этом следует учитывать, что ряд архитектурных объектов находился в аварийном состоянии, а также в КНР существует практика, в ходе которой осуществляется не реставрация архитектурного памятника, а его демонтаж с последующим восстановлением копии.

Изменения в экстерьере и интерьере культовых объектов осуществляются властями автономного района в соответствии с законами КНР. Статья 26 Положения о религиозной деятельности СУАР гласит, что «вновь построенные или отремонтированные, расширенные или перестроенные религиозные объекты должны отражать китайские особенности и стиль в своей архитектуре, скульптурах, картинах, украшениях и т. д.». Кроме того, возвышение традиционной китайской культуры и китаизация религии в значительной степени являются ответом на вызовы западных идей и ценностей в условиях глобализации [Chang, 2018].

Китаизация экстерьера и интерьера мечетей осуществляется не только в СУАР, но и в других регионах КНР, в том числе в Нинся-Хуэйском автономном районе (НХАР) [Афонина, 2029, с. 73], в котором проживает около 2,5 млн хуэйцу, большинство из которых исповедует ислам. В то же время в содержании процессов китаизации религии в СУАР и НХАР прослеживаются определённые отличия. Хуэйцзу, являющиеся потомками арабских торговцев, прибывших в Китай около 1500 лет назад, практически полностью ассимилированы в китайском обществе и, как правило, даже визуально неотличимы от ханьцев. Они не представляют угрозы для китайского правительства с точки зрения проявления сепаратизма и религиозного экстремизма, поэтому в НХАР не осуществляются такие крупномасштабные меры социального контроля, как в СУАР. Китаизация в Нинся-Хуэйском автономном районе направлена преимущественно на религиозную сферу

CC BY

с целью достижения единообразия в стране, а не с целью борьбы с сепаратизмом и экстремизмом, как в Синьцзяне.

Следует отметить, что Председатель КНР уделяет большое внимание контролю за обстановкой в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, в том числе совершает регулярные визиты. Во время поездки в августе 2023 года в СУАР Си Цзиньпин подчеркнул, что социальная стабильность остаётся одной из главных задач его политики: «Мы должны объединить антитеррористическую и антисепаратистскую борьбу с законодательными мерами и усилиями по поддержанию стабильности… Китаизация ислама должна быть углублена для того, чтобы эффективно бороться со всеми видами незаконной религиозной деятельности» [Заслушав отчёт о работе …, 2023].

Исследователи по-разному оценивают цель и степень вмешательства государства в духовную жизнь граждан КНР. Л. А. Афонина отмечает: «КПК сегодня не стремится искоренить религии из общественной жизни, как это происходило в 1960-е годы, однако перед руководством стоит задача снизить степень исходящей от религий идеологической угрозы, поэтому ведётся борьба с религией в чистом виде, создаётся её гибридная форма» [Афонина, 2019, с. 73]. По мнению И. Ю. Зуенко, «...конечной задачей государства является разрыв духовных и культурных связей уйгуров и других мусульманских народов Синьцзяна с исламом. Для этого все средства оказались хороши: мусульман подвергают профилактическим задержаниям и беседам за установку религиозных приложений на телефонах, репосты сообщений с религиозным подтекстом в интернет-мессенджерах, хранение религиозной литературы дома, посещение богослужений у имамов, известных своими оппозиционными взглядами» [Зуенко, 2024, с. 128].

В. Рамачандран характеризует религиозную политику Си Цзиньпина в СУАР как «секуляризм с китайской спецификой» [Ramachandran, 2023]. При этом следует учитывать ярко выраженный светский характер и социалистическую идеологию китайского государства, для которого подобный курс является вполне естественным. В свою очередь и эксперты западных правозащитных организаций часто драматизируют обстановку в СУАР и рекомендуют Си Цзиньпину «отличать мирную религиозную практику от актов насилия в ходе преследования уйгурских мусульман» [Cook, 2017, p. 14]. Среди зарубежных исследователей распространена точка зрения, согласно которой политика Си Цзиньпина в религиозной сфере сводится к усилению административного давления на религиозные общины и регуляцию поведения верующих [Wang, 2019, p. 90; Gonul, 2019, p. 29]. Большинство авторов признают, что в рамках осуществления политики в области религии происходит столкновение интересов одного из национальных меньшинств — уйгуров — и государства. Как отмечает М. Дебата, «Китай отдаёт приоритет

национальным интересам и национальной безопасности в ущерб интересам и стремлениям меньшинств в Синьцзяне» [Debata, 2022].

Религиозная политика в СУАР имеет огромное значение, поскольку в Синьцзяне сохраняется мультикультурализм, способствующий сохранению этнорелигиозных противоречий между двумя крупными этническими общностями — ханьцами и уйгурами, причём последние чувствуют себя ущемлёнными [Буяров, 2025, с. 132]. Мероприятия в рамках китаизации религий, в том числе ислама, призваны сглаживать эти противоречия и прививать мусульманам Синьцзяна ценности китайской культуры.

Несмотря на жёсткие методы регулирования религиозной жизни в СУАР, власти пытаются опираться в своих мероприятиях на нормативную базу и стремятся к достижению общенациональных целей по гармонизации межнациональных отношений, недопущению проявлений религиозного экстремизма и соответствию программе Председателя КНР Си Цзиньпина. В целом политика Си Цзиньпина в Синьцзян-Уйгурском автономном районе оказалась результативной и способствовала социально-экономическому развитию и стабилизации обстановки [Буяров, 2024, с. 150].

4. Заключение = Conclusions

Новые подходы в политике в отношении религии в СУАР в первой четверти XXI века во многом были обусловлены комплексом проблем в национальном автономном районе. Синьцзян являлся традиционно неспокойным регионом Китая. В 1990-е и 2000-е годы на территории СУАР росла степень террористической угрозы. Среди представителей местных национальных тюркоязычных меньшинств, исповедующих ислам, распространялись сепаратистские настроения и имели место проявления религиозного экстремизма. После прихода к власти нового Председателя КНР — Си Цзиньпина — начинается активизация борьбы китайского правительства с сепаратизмом, терроризмом и экстремизмом. Вносятся изменения в нормативную базу, ужесточаются методы контроля за населением СУАР, меняются подходы к регулированию религиозной сферы.

На всей территории КНР начинает осуществляться курс на китаизацию религий, коснувшийся даже традиционных китайских религий: буддизма, даосизма и конфуцианства. Но именно в СУАР новая политика получила наибольший резонанс. С одной стороны, это было обусловлено тем, что более половины населения региона исповедует ислам, а с другой стороны, именно ислам стал подвергаться более интенсивной китаизации. Активно политика китаизации стала осуществляться с 2017 года и была направлена на введение элементов китайской культуры в религиозную

практику разных конфессий: использование китайского архитектурного стиля, китайского языка в богослужении, толкование священных писаний в соответствии с китайской спецификой.

Китаизация религий в СУАР проходила параллельно с деэкстремизацией региона, естественно сопровождающейся силовыми методами борьбы с преступной деятельностью. В результате совмещение двух процессов приводило к росту недовольства местного населения. Борьбу с религиозным экстремизмом и вмешательство государства в религиозную жизнь граждан часть уйгурского населения стала оценивать негативно и воспринимать как ущемление по национальному признаку. Как бы то ни было, но политика правительства КНР и властей СУАР оказалась эффективной, и в достаточно неспокойном регионе удалось добиться прекращения терактов и укрепления социальной стабильности.

На сегодняшний день в СУАР продолжают соседствовать различные религии, а государство гарантирует право осуществления законной религиозной деятельности. В свою очередь процесс китаизации религий нацелен на укрепление национального единства, формирование патриотично настроенной «общекитайской нации». Перед религиями, в том числе и исламом, ставятся задачи укрепления социальной стабильности и привития верующим социалистических ценностей. Безусловно, религия в СУАР перестаёт быть сферой частного, интимного. В современных условиях КНР религия становится своеобразным инструментом по развитию социализма с китайской спецификой.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Заслушав* отчёт о работе партийного комитета СУАР и СПСК, Си Цзиньпин подчеркнул, что необходимо правильно оценивать стратегическое положение Синьцзяна в общенациональной обстановке и модернизировать прекрасный Синьцзян в китайском стиле [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://news.cctv.com/2023/08/26/ARTIO14QAfgGHwFrnX37EZKl230826.shtml (дата обращения 11.03.2025) (习近平在听取新疆维吾尔自治区党委和政府 新疆生产建设兵团工作汇报时强调 牢牢把握新疆在国家全局中的战略定位 在中国式现代化进程中更好建设美丽新疆 // 中國中央電視. 2023: https://news.cctv.com/2023/08/26/ARTIO14QAfgGHwFrnX37EZKl230826.shtml).

2. *Измерение* религии в Китае [Электронный ресурс] // Отчёт исследовательского центра Пью. — 2023. — Режим доступа : https://www.pewresearch.org/religion/wpcontent/uploads/sites/7/2023/08/PF_2023.08.30_religion-china_REPORT.pdf (дата обращения 11.03.2025).

3. *Как придерживаться* направления китаизации ислама в Синьцзяне? Эксперты и учёные обсуждают вместе [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.

zysy.org.cn/article/4E7PpduZgQl (дата обращения 11.03.2025) (如何坚持新疆伊斯兰教中国化方向？专家学者共同探讨 // 中央社会主义学院. 2023: https://www.zysy.org.cn/article/4E7PpduZgQl).

4. *Китай* запрещает радикальные исламские детские имена среди уйгуров Синьцзяна [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.rfa.org/english/news/uyghur/names-04202017093324.html (дата обращения 11.03.2025).

5. *Китайская* исламская ассоциация запускает кампанию «Четыре в одном» в Пекине [Электронный ресурс] // Синьхуа, 18 мая 2018 г. — Режим доступа : http://www.xinhuanet.com/politics/2018-05/18/c_129876024.htm (дата обращения 11.03.2025) (中国伊斯兰教协会«四进»清真寺活动在京启动 // 新华网. 2018: http://www.xinhuanet.com/politics/2018-05/18/c_129876024.htm).

6. *Китайский* информационный интернет-центр. Си призывает к улучшению религиозной работы [Электронный ресурс] // Синьхуа, 24 апреля 2016 г. — Режим доступа : http://www.china.org.cn/china/2016-04/24/content_38312410.htm (дата обращения 11.03.2025).

7. *Конституция* Китайской Народной Республики (Принята на V сессии ВСНП КНР пятого созыва 4 декабря 1982 г.) // Конституции Китайской Народной Республики 1954, 1975, 1978, 1982 гг. — Москва : Наука, ГРВЛ, 1983. — С. 67—108.

8. *Краткое* изложение пятилетнего плана работы по китаизации ислама в нашей стране (2018—2022 годы) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.chinalawtranslate.com/islamsinifcationplan/ (дата обращения 15.03.2025) (坚持我国伊斯兰教中国化方向五年工作规划纲要(2018-2022). 2019: https://www.chinalawtranslate.com/islamsinifcationplan/).

9. *Ма Синжуй* провёл углублённое исследование религиозной работы и подчеркнул необходимость придерживаться направления китаизации религий и содействовать гармоничному сосуществованию и здоровому развитию разнообразных религий в Синьцзяне [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://sthjt.xinjiang.gov.cn/xjepd/xwzxzhxx/202411/85dede3151b54a92992efb9ffa9b1fb3.shtml (дата обращения 15.03.2025) (马兴瑞深入调研宗教工作时强调 坚持我国宗教中国化方向 推动新疆多种宗教和谐并存健康发展 // 新疆维吾尔自治区生态环境厅. 2024: https://sthjt.xinjiang.gov.cn/xjepd/xwzxzhxx/202411/85dede3151b54a92992efb9ffa9b1fb3.shtml).

10. *Меры* по администрированию религиозных информационных интернет-услуг [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.gov.cn/zhengce/2021-12/20/content_5728896.htm (дата обращения 11.03.2025) (互联网宗教信息服务管理办法 // 中华人民共和国中央人民政府. 2021: https://www.gov.cn/zhengce/2021-12/20/content_5728896.htm).

11. *Меры* по управлению духовенством [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.gov.cn/zhengce/2021-02/09/content_5728898.htm (дата обращения 11.03.2025) (宗教教职人员管理办法 // 中华人民共和国人民政府. 2021: https://www.gov.cn/zhengce/2021-02/09/content_5728898.htm).

12. *Меры* по управлению исламским паломничеством [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.gov.cn/zhengce/2020-12/20/content_5728899.htm (дата обращения 11.03.2025) (伊斯兰教朝觐事务管理办法 // 中华人民共和国人民政府. 2020: https://www.gov.cn/zhengce/2020-12/20/content_5728899.htm).

13. *Меры* по управлению местами религиозной деятельности [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.gov.cn/gongbao/2023/issue_10666/202308/content_6900867.html (дата обращения 11.03.2025) (宗教活动场所管理办法 // 中华人

民共和国中央人民政府. 2023: https://www.gov.cn/gongbao/2023/issue_10666/202308/content_6900867.html).

14. *Меры* по управлению религиозными объединениями [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2019-12/30/content_5538935.htm (дата обращения 11.03.2025) (宗教团体管理办法 // 中华人民共和国人民政府. 2019: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2019-12/30/content_5538935.htm).

15. *Меры* по управлению религиозными школами [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.gov.cn/gongbao/content/2021/content_5623053.htm (дата обращения 11.03.2025) (宗教院校管理办法 // 中华人民共和国中央人民政府. 2021: https://www.gov.cn/gongbao/content/2021/content_5623053.htm).

16. *Положение* о религиозной деятельности Синьцзян-Уйгурского автономного района [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.sara.gov.cn/static/content/xxgk/flfg/2024-01-08/1306305928835891200.html (дата обращения 15.03.2025) (新疆维吾尔自治区宗教事务条例 // 国家宗教事务局. 2024: https://www.sara.gov.cn/static/content/xxgk/flfg/2024-01-08/1306305928835891200.html).

17. *Положение* о религиозных делах [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.gov.cn/zhengce/content/2017-09/07/content_5223282.htm (дата обращения 10.03.2025) (宗教事务条例 // 中华人民共和国人民政府. 2018: https://www.gov.cn/zhengce/content/2017-09/07/content_5223282.htm).

18. *Правила* по борьбе с экстремизмом в Синьцзян-Уйгурском автономном районе [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://web.archive.org/web/20190331020150/http://www.xjpcsc.gov.cn/system/2019/01/09/035526555.shtml (дата обращения 10.03.2025) (新疆维吾尔自治区去极端化条例 // 新疆维吾尔自治区人民代表大会. 2019: https://web.archive.org/web/20190331020150/http://www.xjpcsc.gov.cn/system/2019/01/09/035526555.shtml).

19. *Разрушение* веры : разрушение и осквернение уйгурских мечетей и святынь [Электронный ресурс] // Уйгурский правозащитный проект. — Режим доступа : https://docs.uhrp.org/pdf/UHRP_report_Demolishing_Faith.pdf (дата обращения 20.03.2025).

20. *Си Цзиньпин*. Добиться решающей победы в построении умеренно процветающего общества во всех отношениях и стремиться к большому успеху социализма с китайской спецификой в Новую эпоху [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.xinhuanet.com/english/download/Xi_Jinping's_report_at_19th_CPC_National_Congress.pdf. (дата обращения 11.03.2025).

21. *Число* мечетей в Синьцзяне в пять раз больше, чем в США и Великобритании вместе взятых [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.globaltimes.cn/page/202401/1305995.shtml (дата обращения 20.03.2025).

Литература

1. *Афонина Л. А.* Развитие политики «китаизации религии» / Л. А. Афонина // 70 лет современному китайскому государству : Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН, Москва, 20—22 марта 2019 года. — Москва : Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2019. — С. 63—78.

2. *Буяров Д. В.* Проблема регионального неравенства в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая на современном этапе / Д. В. Буяров // Восток (Oriens). — 2025. — № 1. — С. 124—135. — DOI: 10.31696/S086919080033629-8.

3. *Буяров Д. В.* Реализация национальной политики в Синьцзян-Уйгурском автономном районе при Председателе КНР Си Цзиньпине (2012—2024 гг.) / Д. В. Буя-

ров // Проблемы Дальнего Востока. — 2024. — № 5. — С. 142—155. — DOI: 10.31857/S0131281224050104.

4. *Ван Цзоань.* Устойчивый прогресс и долгосрочные усилия по соблюдению направления китаизации религий в моей стране / Ван Цзоань // Китайская религия. — 2016. — № 10. — С. 13–15. (王作安. 行稳致远 久久为功 坚持我国宗教中国化方向 // 中国宗教. — 2016. — № 10. — С. 13—15).

5. *Зуенко И. Ю.* Китай в эпоху Си Цзиньпина / И. Ю. Зуенко. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 320 с. — ISBN 978-5-17-159611-8.

6. *Ломанов А. В.* Адаптация и китаизация : современная религиозная политика руководства КПК / А. В. Ломанов // Международная аналитика. — 2021. — Т. 12 (4). — С. 88—105. — DOI: 10.46272/2587-8476-2021-12-4-88-105.

7. *Chang K.* New Wine in Old Bottles : Sinicisation and State Regulation of Religion in China / K. Chang // China Perspectives. — 2018. — № 1—2. — Pp. 37—44.

8. *Cook S.* The Battle for China's Spirit : Religious Revival, Repression, and Resistance under Xi Jinping / S. Cook. — New York : Rowman & Littlefield, 2017. — 140 p.

9. *Debata M.* Chinese Assimilationist Policies in Xinjiang : From Mao Zedong to Xi Jinping / M. Debata // International Studies. — 2022. — № 59. — Pp. 199—211. — DOI: 10.1177/00208817221091442.

10. *Gonul H.* The Disappearance of the «Model Muslim Minority» in Xi Jinping's China : Intended Policy or Side Effect? / H. Gonul, J. Rogenhofer // Philippine Journal of Public Policy : Interdisciplinary Development Perspectives. — 2019. — № 1. — Pp. 29—64.

11. *Lavicka M.* New Measures for Governing Religions in Xi's China / M. Lavicka, J. Y.-W. Chen // China Report. — 2023. — Vol. 59 (3). — Pp. 259—274. — DOI: 10.1177/00094455231187046.

12. *Ramachandran V.* Secularism with Chinese Characteristics : Xi Jinping's Sinicization of Islam in Xinjiang / V. Ramachandran // Tamkang Journal of International Affairs. — 2023. — Vol. 26. — № 3. — Pp. 1—72. — DOI: 10.6185/TJIA.V.202305_26(3).0001.

13. *Vermander B.* Sinicizing Religions, Sinicizing Religious Studies / B. Vermander // Religions. — 2019. — Vol. 10. — № 2. — Pp. 137—160. — DOI: 10.3390/rel10020137.

14. *Wang R.* Resistance under Communist China : Religious Protesters, Advocates and Opportunists / R. Wang. — Cham : Palgrave Macmillan. 2019. — 254 p.

15. *Zenz A.* Securitizing Xinjiang : police recruitment, informal policing and ethnic minority co-optation / A. Zenz, J. Leibold // The China Quarterly. — 2020. — № 242. — Pp. 324—348. — DOI: 10.1017/S0305741019000778.

Статья поступила в редакцию 03.04.2025,
одобрена после рецензирования 27.05.2025,
подготовлена к публикации 31.07.2025.

Material resources

After hearing the report on the work of the XUAR and SPSK party committee, Xi Jinping stressed that it is necessary to correctly assess the strategic position of Xinjiang in the national context and modernize beautiful Xinjiang in the Chinese style. Available at: https://news.cctv.com/2023/08/26/ARTIO14QAfgGHwFrnX37EZKl230826.shtml (accessed 11.03.2025). (In Chin.).

China bans radical Islamic baby names among Xinjiang Uighurs. Available at: https://www.rfa.org/english/news/uyghur/names-04202017093324.html (accessed 11.03.2025). (In Russ.).

Chinese Internet Information Center. Xi calls for improvement of religious work. (2016). *Xinhua, April 24.* Available at: http://www.china.org.cn/china/2016-04/24/content_38312410.htm (accessed 11.03.2025). (In Russ.).

Constitution of the People's Republic of China (Adopted at the fifth session of the National People's Congress of the People's Republic of China on December 4, 1982. (1983). In: *Constitutions of the People's Republic of China 1954, 1975, 1978, 1982.* Moscow: Nauka, GRVL. 67—108. (In Russ.).

How to adhere to the direction of Sinicization of Islam in Xinjiang? Experts and scientists discuss together. Available at: https://www.zysy.org.cn/article/4E7PpduZgQl (accessed 11.03.2025). (In Chin.).

Ma Xingrui conducted an in-depth study of religious work and stressed the need to adhere to the direction of Sinicization of religions and promote harmonious coexistence and healthy development of diverse religions in Xinjiang. Available at: https://sthjt.xinjiang.gov.cn/xjepd/xwzxzhxx/202411/85dede3151b54a92992efb9ffa9b1fb3.shtml (accessed 15.03.2025). (In Chin.).

Measures for the administration of religious information Internet services. Available at: https://www.gov.cn/zhengce/2021-12/20/content_5728896.htm (accessed 11.03.2025). (In Chin.).

Measures for the management of places of religious activity. Available at: https://www.gov.cn/gongbao/2023/issue_10666/202308/content_6900867.html (accessed 11.03.2025). (In Chin.).

Measures for the management of religious associations. Available at: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2019-12/30/content_5538935.htm (accessed 11.03.2025). (In Russ.).

Measures for the management of religious schools. Available at: https://www.gov.cn/gongbao/content/2021/content_5623053.htm (accessed 11.03.2025) (2021: https://www.gov.cn/gongbao/content/2021/content_5623053.htm). (In Russ.).

Measures for the management of the clergy. Available at: https://www.gov.cn/zhengce/2021-02/09/content_5728898.htm (accessed 11.03.2025). (In Russ.).

Measures for the management of the Islamic pilgrimage. Available at: https://www.gov.cn/zhengce/2020-12/20/content_5728899.htm (accessed 11.03.2025). (In Russ.).

Measuring religion in China. (2023). *Report of the Pew Research Center.* Available at: https://www.pewresearch.org/religion/wpcontent/uploads/sites/7/2023/08/PF_2023.08.30_religion-china_REPORT.pdf (accessed 11.03.2025). (In Russ.).

Regulations on religious activities of the Xinjiang Uygur Autonomous Region. Available at: https://www.sara.gov.cn/static/content/xxgk/flfg/2024-01-08/1306305928835891200.html (accessed 15.03.2025). (In Russ.).

Regulations on religious affairs. Available at: https://www.gov.cn/zhengce/content/2017-09/07/content_5223282.htm (accessed 10.03.2025). (In Chin.).

Rules for combating extremism in the Xinjiang Uygur Autonomous Region. Available at: https://web.archive.org/web/20190331020150/http://www.xjpcsc.gov.cn/system/2019/01/09/035526555.shtml (accessed 10.03.2025). (In Chin.).

Summary of the five-year plan of work on the Sinification of Islam in our country (2018—2022). Available at: https://www.chinalawtranslate.com/islamsinifcationplan/ (accessed 15.3.2025). (In Russ.).

The Chinese Islamic Association launches the "Four in One" campaign in Beijing. (2018). *Xinhua, May 18.* Available at: http://www.xinhuanet.com/politics/2018-05/18/c_129876024.htm (accessed 11.03.2025) (In Russ.).

The destruction of faith: the destruction and desecration of Uighur mosques and shrines. *Uighur Human Rights Project.* Available at: https://docs.uhrp.org/pdf/UHRP_report_Demolishing_Faith.pdf (accessed 20.03.2025). (In Russ.).

The number of mosques in Xinjiang is five times more than in the United States and Great Britain combined. Available at: https://www.globaltimes.cn/page/202401/1305995.shtml (accessed 20.03.2025). (In Chin.).

Xi Jinping. To achieve a decisive victory in building a moderately prosperous society in all respects and strive for the great success of socialism with Chinese characteristics in the New Era. Available at: http://www.xinhuanet.com/english/download/Xi_Jinping's_report_at_19th_CPC_National_Congress.pdf. (accessed 11.03.2025). (In Chin.).

References

Afonina, L. A. (2019). The development of the policy of "Sinicization of religion". In: *70 years of the modern Chinese state: Proceedings of the annual scientific conference of the Center for Political Research and Forecasts of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, March 20—22, 2019.* Moscow: Federal State Budgetary Institution of Science Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences. 63—78. (In Russ.).

Buyarov, D. V. (2024). Implementation of national policy in the Xinjiang Uygur Autonomous Region under Chinese President Xi Jinping (2012—2024). *Problems of the Far East, 5:* 142—155. DOI: 10.31857/S0131281224050104. (In Russ.).

Buyarov, D. V. (2025). The problem of regional inequality in the Xinjiang Uygur Autonomous Region of China at the present stage. *East (Oriens), 1:* 124—135. DOI: 10.31696/S086919080033629-8. (In Russ.).

Chang, K. (2018). New Wine in Old Bottles: Sinicisation and State Regulation of Religion in China. *China Perspectives, 1—2:* 37—44.

Cook, S. (2017). *The Battle for China's Spirit: Religious Revival, Repression, and Resistance under Xi Jinping.* New York: Rowman & Littlefield. 140 p.

Debata, M. (2022). Chinese Assimilationist Policies in Xinjiang: From Mao Zedong to Xi Jinping. *International Studies, 59:* 199—211. DOI: 10.1177/00208817221091442.

Gonul, H., Rogenhofer, J. (2019). The Disappearance of the «Model Muslim Minority» in Xi Jinping's China: Intended Policy or Side Effect? *Philippine Journal of Public Policy: Interdisciplinary Development Perspectives, 1:* 29—64.

Lavicka, M., Chen, J. Y.-W. (2023). New Measures for Governing Religions in Xi's China. *China Report, 59 (3):* 259—274. DOI: 10.1177/00094455231187046.

Lomanov, A. V. (2021). Adaptation and Sinification: modern religious policy of the CPC leadership. *International Analytics, 12 (4):* 88—105. DOI: 10.46272/2587-8476-2021-12-4-88-105. (In Russ.).

Ramachandran, V. (2023). Secularism with Chinese Characteristics: Xi Jinping's Sinicization of Islam in Xinjiang. *Tamkang Journal of International Affairs, 26 (3):* 1—72. DOI: 10.6185/TJIA.V.202305_26(3).0001.

Vermander, B. (2019). Sinicizing Religions, Sinicizing Religious Studies. *Religions, 10 (2):* 137—160. DOI: 10.3390/rel10020137.

Wang Zou'an. (2016). Steady progress and long-term efforts to follow the direction of Sinicization of religions in my country. *Chinese religion, 10:* 13—15. (In Chin.).

Wang, R. (2019). *Resistance under Communist China: Religious Protesters, Advocates and Opportunists.* Cham: Palgrave Macmillan. 254 p.

Zenz, A., Leibold, J. (2020). Securitizing Xinjiang: police recruitment, informal policing and ethnic minority co-optation. *The China Quarterly, 242:* 324—348. DOI: 10.1017/S0305741019000778.

Zuenko, I. Y. (2024). *China in the era of Xi Jinping.* Moscow: AST Publishing House. 320 p. ISBN 978-5-17-159611-8. (In Russ.).

The article was submitted 03.04.2025;
approved after reviewing 27.05.2025;
accepted for publication 31.07.2025.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Гончаров В. Н. Женские монастыри Северного Кавказа в православном женском подвижничестве XIX — начала XX веков / В. Н. Гончаров, П. Г. Немашкалов, О. М. Кукленко // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 6. — С. 422—439. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-422-439.

Goncharov, V. N., Nemashkalov, P. G., Kuklenko, O. M. (2025). Women's Monasteries of North Caucasus in Orthodox Female Asceticism from 19th to Early 20th Century. *Nauchnyi dialog, 14* (6): 422-439. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-422-439. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Женские монастыри Северного Кавказа в православном женском подвижничестве XIX — начала XX веков

Гончаров Вадим Николаевич
orcid.org/0000-0002-0040-4801
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии
vgn1968@rambler.ru

Немашкалов Павел Григорьевич
orcid.org/0000-0003-0874-3661
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры теории и методики
истории и обществознания,
корреспондирующий автор
paul_2@rambler.ru

Кукленко Оксана Михайловна
orcid.org/0000-0001-9185-5976
аспирант, старший преподаватель
кафедры теории и методики истории
и обществознания
kuklenko1997@yandex.ru

Ставропольский государственный
педагогический институт
(Ставрополь, Россия)

Women's Monasteries of North Caucasus in Orthodox Female Asceticism from 19th to Early 20th Century

Vadim N. Goncharov
orcid.org/0000-0002-0040-4801
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Professor, Department of Philosophy
vgn1968@rambler.ru

Pavel G. Nemashkalov
orcid.org/0000-0003-0874-3661
Doctor of History, Associate Professor,
Professor, Department of Theory
and Methodology of History
and Social Studies,
corresponding author
paul_2@rambler.ru

Oksana M. Kuklenko
orcid.org/0000-0001-9185-5976
Postgraduate Student, Senior Lecturer,
Department of Theory and Methodology
of History and Social Studies
kuklenko1997@yandex.ru

Stavropol State
pedagogical University
(Stavropol, Russia)

© Гончаров В. Н., Немашкалов П. Г., Кукленко О. М., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследование представляет собой вклад в анализ церковно-монастырской системы в синодальный период истории Русской Православной Церкви, до начала глобальных изменений, связанных с революцией 1917 года и Гражданской войной. Охарактеризованы все женские монастыри Северного Кавказа, появившиеся и функционировавшие в период XIX — начала XX веков. Сообщается, что первая женская обитель в регионе была учреждена в Моздоке в 1797 году, но просуществовала недолго, а затем на Северном Кавказе к действующим мужским обителям прибавились женские только в 1840—1860-е годы. Отмечается, что далее законодательно стало возможным преобразование обители в монастырь. Установлено, что большинство женских монастырей на Северном Кавказе возникли на базе женских общин, и лишь небольшая их часть были созданы изначально в статусе монастыря по решению властей региона. Показан процесс трансформации положения женских монастырей в обществе, связанный с развитием женского православного подвижничества. В ходе анализа темы показан уклон работы провинциальных женских монастырей в миссионерскую и просветительскую работу. Выявлено, что все монастыри региона основывались на принципах общежития, существовали за счет собственных заработков и сбора пожертвований, имели возможности для строительства церковно-храмовых комплексов, организовывали просветительскую деятельность.

Ключевые слова:
женские монастыри; Северный Кавказ; женское православное подвижничество; история Русской Православной Церкви.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study contributes to the analysis of the ecclesiastical-monastic system during the Synodal period of the Russian Orthodox Church, prior to the sweeping changes brought about by the 1917 Revolution and the Civil War. It characterizes all women's monasteries that emerged and operated in the North Caucasus during the 19th and early 20th centuries. The first female monastic community in the region was established in Mozdok in 1797, though it was short-lived. It was not until the 1840s to 1860s that women's monasteries began to supplement the existing male monastic establishments in the North Caucasus. The study notes that subsequent legal reforms enabled the transformation of convents into monasteries. It has been determined that most women's monasteries in the North Caucasus originated from female communities, with only a small fraction being founded as monasteries by regional authorities. The research illustrates the evolving status of women's monasteries within society, linked to the development of female Orthodox asceticism. Through an analysis of this theme, it highlights the missionary and educational focus of provincial women's monasteries. It has been revealed that all monasteries in the region operated on principles of communal living, sustained themselves through their own earnings and donations, had opportunities for constructing church complexes, and organized educational activities.

Key words:
Women's Monasteries; North Caucasus; female Orthodox asceticism; Russian Orthodox Church History.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94:271.2(470.6)“187/191”
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-422-439

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Женские монастыри Северного Кавказа в православном женском подвижничестве XIX — начала XX веков

© Гончаров В. Н., Немашкалов П. Г., Кукленко О. М., 2025

1. Введение = Introduction

С момента становления христианства на Руси православные монастыри осуществляли важнейшую миссию по духовно-нравственному просвещению народа. Они сыграли большую роль в инкорпорации окраин в систему социокультурных отношений страны. Организованная ими помощь нуждающимся служила эффективным механизмом социальной поддержки людей, столкнувшихся с тяжелыми жизненными обстоятельствами. Одна из первых попыток государственной власти изменить их положение и статус, регламентировать деятельность и установить контроль была сделана при Петре I, а начатые процессы реформирования были продолжены его последователями. В конце XVIII века государство начало принимать меры, чтобы смягчить тяжёлые последствия реформ монастырской системы. Кардинально изменилось положение монастырей только в XIX веке, при этом произошло изменение статуса обителей, а также трансформировалась сама идея православного подвижничества.

Проблеме православного женского подвижничества в отечественной историографии посвящено немного работ. Первыми в этой области стали обобщающие труды Л. И. Денисова [Денисов, 1908] и В. В. Зверинского [Зверинский, 1890]. Несмотря на зафиксированную авторами тенденцию изменения общественного положения мужских и женских обителей, эти исследования не содержат комплексного анализа причин и последствий этого явления.

Последующий советский период, характеризовавшийся строгими идеологическими установками, не способствовал появлению глубоких исследований по поднимаемым нами проблемам. Одной из немногих значимых попыток в этом направлении стала работа И. К. Смолича [Смолич, 1997] о русском монашестве. Несмотря на хронологическую широту, автору удалось успешно проследить основные тенденции развития монастырской системы и осветить вызовы, с которыми она столкнулась в XX веке. От-

CC BY

дельно им анализируется история женских православных обителей, в деятельности которых, в отличие от мужских обителей, он выделяет социально-благотворительную миссию.

В настоящее время появляются исследования, системно анализирующие проблемы дореволюционной историографии. В числе этих работ можно выделить труды П. Н. Зырянова [Зырянов, 2002] и О. В. Кириченко [Кириченко, 2010], которые вывели проблему женских православных обителей на новый уровень. Ими показана не только специфика положения монастырей в российской империи, но исследован религиозный и социально-культурный феномен женского православного подвижничества.

В своем исследовании мы остановились на анализе положения женских монастырей Северного Кавказа в контексте развития женского православного подвижничества в провинциальной России. В отличие от всех предыдущих обзорных исследований, данная работа переносит акцент на повседневную жизнь обителей российской провинции, их вовлеченность в хозяйственную деятельность региона и роль в развитии социокультурного пространства.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Обращаясь к истории женских монастырей российской провинции, каждый исследователь сталкивается с большим массивом источников, опубликованных и архивных, в том числе еще не введенных в научный оборот исторической науки. Для понимания их статуса и границ деятельности в первую очередь необходимо брать за основу разновременные законодательные акты Российской империи, включенные в Полное собрание Законов Российской империи или вошедшие в Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания. Поскольку многие из них уже проанализированы в указанных работах П. Н. Зырянова и О. В. Кириченко, то отдельно на их анализе внимание в статье не заострялось. Основной источниковой базой выступили документы Государственного архива Ставропольского края [ГАСК]. В настоящем исследовании проанализированы дела фонда 135 «Ставропольской духовной консистории», отражающие специфику положения монастырей исследуемого периода.

Методологической основой работы послужили как общие, так и частные методы научного познания. На основе метода структурного анализа был проанализирован статус женских монастырей в XIX — начале XX веков. Формально-логический метод позволил изучить действующее законодательство Российской империи относительно вовлеченности православных женских обителей в социокультурное пространство общества. Историко-сравнительный метод позволил сопоставить положение женских

CC BY

монастырей в разные периоды православного подвижничества и выявить специфику их деятельности в провинциальной России. Историко-системный метод позволил в комплексе провести соотношение положения женских обителей на разных этапах развития российского общества в XIX — начале XX веков.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Характер монастырских реформ XVIII века и их последствия

В 1721 году был издан «Устав Духовной Коллегии», который определял правовое положение Православной церкви в Российской империи. В прибавлении к регламенту содержался раздел «О монахах», опубликованный в 1722 году, который состоял из 61 правила. На протяжении всей последующей истории Русской Православной Церкви (РПЦ) государство активно вмешивалось во внутреннюю жизнь монастырей. Законодательная основа постоянно совершенствовалась, но сохраняла тенденцию к различию статуса женских и мужских монастырей.

Самыми масштабными преобразованиями церковно-монастырской системы, повлекшими большие негативные последствия, принято считать монастырские реформы Екатерины II. В 1764 году императрица издает указ о церковных владениях, по которому практически все имущество монастырей изымалось в пользу государства. В собственности у монастырей оставались лишь небольшие участки земли, а взамен изъятой собственности служителям обителей назначалось штатное жалование.

В числе «сверхштатных» монастырей оказалось большое количество бывших жителей обителей. Всех сверхштатных насельниц предполагалось распределить по монастырям по мере появления свободных штатных мест, зачисляя на «убылые места». Государством вводился временный мораторий на постриг и прием в женские обители, так как они оказались сильно ограничены не только в видах собственности, но и в размерах полагающихся участков, и только в XIX веке эта диспропорция между обителями была частично сглажена. После такой широкомасштабной реформы из почти 1 тысячи обителей продолжили свое существование 226 штатных и 161 заштатный монастырь, то есть на всю Православную Русь осталось 387 обителей [Монашество и монастыри в России …, 2002, с. 199]. Только в наше время на фоне духовно-религиозного подъема число монастырей в нашей стране достигло утраченного значения.

Положение женских монастырей, которое и без того было тяжёлым до реформы, после её проведения ещё более усугубилось, фактически они перешли на полулегальное существование. Среди сестер таких общин довольно часто встречались оставившие монастыри в силу разных обстоя-

CC BY

тельств монахини [Серафим (Чичагов), архим., 1903, с. 4—5, 268—269]. В своих исследованиях В. В. Зверинский называл эти общины «послушническими монастырями». В вопросе их появления он исходил из того, что после упразднения женских обителей многие послушницы за недостатком помещений и средств были оставлены на произвол судьбы. Оставаясь жить при церквях, они часто строили рядом с ними кельи-хижины и продолжали придерживаться монастырского устава [Зверинский, 1890, с. 5—30].

3.2. Возрождение допетровской традиции в условиях женского подвижничества XIX века

Существовать в пространстве правовой коллизии женские общины долго не могли, поэтому уже с Екатерины II появляются разновременные указы, регулировавшие их положение в системе РПЦ. В период её правления было основано первое женское общежитие, давшее приют при упраздненном монастыре вдовам и престарелым женщинам, в котором вводился общежительный устав, за исполнением которого строго следила утвержденная Синодом настоятельница [Завьялов, 1900, с. 106].

По мере развития общины, становления экономии и уклада законодательством предусматривалась возможность её преобразования в женский монастырь. Согласно проведенным В. В. Зверинским подсчетам, 62 % женских общин было преобразовано в женские монастыри [Зверинский, 1890, с. 14]. Только нормами нового «Духовного регламента» 1842 года они получили самостоятельный статус, но с большими ограничениями; монастыри находились под строгой опекой духовных и гражданских властей.

Духовный подъем женского подвижничества прежде всего был связан с развитием старчества. Духовное и материальное покровительство было, по мнению И. К. Смолича, «особой главой в истории русского старчества» [Смолич, 1997, с. 310]. Именно с ним связано возникновение Дивеевского и Ардатовского Покровского монастырей в Нижегородской губернии, а также ряда других, которые стали примерами женского подвижничества в истории Русской Православной Церкви. Многие распоряжения Синода в отношении женского монастыря присылались не только игуменье, но и архимандриту ближайшего мужского монастыря, который контролировал его исполнение.

По уставу монастыри подразделялись на два вида: общежительные и необщежительные. К 1896 году в России насчитывалось всего 46 мужских общежительных монастыря и 101 женский [Монашество и монастыри в России …, 2002, с. 309]. Внутреннее устройство этих двух видов монастырей сильно отличалось, но затворничество, отшельничество, старчество и другие виды подвижничества, распространялись как на монахов, так и на монахинь, и статус обители не менял никаким образом сути су-

CC BY

ществования. Настоятелей необщежительных монастырей выбирал Синод по представлению от епархиальных архиереев двух кандидатов. В общежительных монастырях все происходило иначе: монашествующие сами выбирали себе настоятельницу из своей же среды.

В XIX веке государство пересмотрело условия содержания монастырей и пришло к изменению политики ограничения их прав собственности. Теперь монастыри должны были вести собственное хозяйство, чтобы не зависеть от внешнего мира. Для общежительных монастырей основой монастырской экономии выступала земля, которая обрабатывалась силами членов обители или привлекаемыми сезонными работниками [Ростиславов, 1876, с. 73—76]. В новых условиях очень редко встречались монастыри, у которых не было собственной мельницы. В маленьких монастырях мука производилась в основном для собственных нужд, в то время как монастыри с большими обрабатываемыми участками могли заниматься её продажей [Монашество и монастыри в России …, 2002, с. 330].

Именно в женских обителях были сосредоточены благотворительные, социально-ориентированные учреждения. Циркулярный указ Синода 1870 года разрешал открытие новых обителей только при условии, если при монастырях устраивались школы и благотворительные заведения. Открывая аптеки и лечебницы, приюты различной социальной направленности, участвуя в войнах в качестве сестер милосердия, насельницы женских монастырей сглаживали остроту социальных проблем в обществе [Денисов, 1908, с. 195—196].

В своих исследованиях И. К. Смолич указывает, что в 1887 году на все монастыри империи приходилось 93 больницы и 66 приютов для престарелых, две трети из которых находились в ведении и на содержании женских обителей, при том, что мужских монастырей было тогда 469, а женских только 202. Почти все они в своих стенах содержали церковно-приходские школы и учебные заведения с ремесленными мастерскими [Смолич, 1997, с. 280].

Численный рост монахинь и послушниц происходил уже с начала XIX века, при этом в мужских монастырях монахов было больше, чем послушников, а в женском, наоборот, послушниц было в несколько раз больше, чем монахинь [Монашество и монастыри в России …, 2002, с. 250]. Уход женщин в монастыри П. Н. Зырянов объясняет общим настроением «возвращения долга народу», которое было распространено у молодого поколения 1860-х годов. Уходили в монастырь ради служения Богу, у других не складывалась личная жизнь, а третьи были вдовами, которые бежали от гнета патриархальной семьи, чтобы найти приют и «трудиться равными среди равных» [Зырянов, 2002, с. 21].

CC BY

По мнению И. К. Смолича, эти обстоятельства связаны с реформами Петра I, вследствие которых женщины стали стремиться к самостоятельности и образованию. Последовавшая в 1861 году отмена крепостного права изменила положение женщины в крестьянской семье. В монастыре она имела возможность повысить свой социальный статус и получить бесплатное образование [Смолич, 1997, с. 291—292]. В свою очередь Е. В. Белякова считает, что причины крылись в самом обществе — постепенном разрушении традиционной семьи и росте количества незамужних женщин. Многие женщины, которые не уходили в монастыри, стремились к самообразованию и получению профессии [Белякова, 2001, с. 139].

3.3. Развитие женских монастырей Северного Кавказа

Основанная в середине XVIII века Моздокская крепость на определенное время стала центром миссионерской деятельности и христианской жизни. Произошло это с учреждения в 1793 году впервые на Северном Кавказе самостоятельной Моздокско-Маджарской викарной епархии [Город Моздок …, 1995, с. 51]. Первым и единственным её епископом Гаием (Такаовым) был воссоздан основанный в 1763 году мужской Преображенский монастырь, а в 1797 году впервые учреждена женская обитель при Успенской городской церкви [Зверинский, 1890, с. 211, 288]. Изменение политической обстановки на Кавказе и смена власти в стране привели к тому, что в 1799 году только Моздокско-Маджарская епархия была включена в состав Астраханской, а моздокские монастыри были упразднены [Жуков и др., 2024, с. 76].

Женское монастырское подвижничество в регионе получило новый импульс только в 1840—1860-е годы, когда к действующим мужским обителям прибавились женские. Связано это было прежде всего с изменением понимания обществом статуса женщины. В 1849 году в Черномории была основана войсковая Черноморская в честь Марии Магдалины общежительная женская пустынь. Ведомственность статуса повлечет за собой в его истории периодические всплески борьбы за управление им, противостояние насельниц казачьего происхождения и иногородних. С 1859 года в кафедральном г. Ставрополе был учрежден Иоанно-Мариинский женский монастырь, который начал свою историю с 1847 года как похолерный приют для вдов и сирот духовного звания [Шаликашвили, 2024, с. 49—50].

Способствовало развитию монашеской жизни и образование самостоятельной Кавказской кафедры. После поездки по приходам епархии епископ Иеремия (Соловьев) в обращении к Духовной консистории отмечал: «Едва ли в какой епархии было и есть столько сборищ набожных, как на Кавказе. Между причинами нельзя не отметить главную, что многие мужчины и женщины нерасположенные или неспособные к принятию обязанностей житейских и

CC BY

чувством благочестия, призываемые к жизни уединенной и безбрачной, … нередко вручают себя какому-либо набожному простаку, … и под невежественным его руководством образуют особенное селение мужского или женского, или же смешанное общество» [ГАСК, ф. 135, оп. 1, д. 51, л. 71—72].

Среди дел Консистории нередко были обращения отдельных лиц, желающих посвятить свою жизнь служению Богу без ухода из места своего проживания. Так, согласно рапорту от 23 ноября 1843 года, поданному благочинным Д. Гремяченским, жительница с. Пелагиады, престарелая девица Прасковья Лукинова, просила дозволения устроить ей при местной церкви молитвенный домик. До этого существующий в селе подобный домик при церкви, организованный под руководством указанной крестьянки, был уничтожен. В нем собирались крестьянские девушки для молитвословия, занимались чтением поучений и псалтыря вслух для всех, кто посещал их собрания. Благочинному предписывалось наблюдать за данными сборищами и не допускать их образований [ГАСК, ф. 135, оп. 1, д. 877, л. 976—976 об.]. Сельским правлениям губернии от окружного начальства секретно было предписано выявлять подобных лиц и заключать их под стражу, а окружной начальник поставил на личный контроль ход следствия [ГАСК, ф. 135, оп. 7, д. 195, л. 53—54].

После окончания Кавказской войны и достижения относительной политической стабильности начался новый период в истории монастырской жизни. Процесс инкорпорации Северного Кавказа в социокультурное пространство империи привел к тому, что 1870—1890-е годы учреждаются четыре женских обители. Все устроенные монастыри этого периода, кроме Ново-Покровской обители, по распоряжению Синода, акцентировали свою работу на миссионерской деятельности [Кириченко, 2017, с. 280—181].

Начало XX века ознаменовалось образованием небольших монашеских общин-обителей, на открытие которых больше не требовалось особого императорского указа, достаточно было только разрешения Синода. Несмотря на административные ограничения, в Ставропольской епархии было открыто четыре женских обители, а Крестовоздвиженский мужской монастырь из-за сложившихся тяжелых условий в области монастырской экономии и раскольничьего окружения был преобразован в женский [Кукленко, 2023, с. 65—66].

Каждая из существующих женских обителей имела свою историю основания и внесла вклад в развитие социокультурного пространства Северного Кавказа. Все они прошли различные трудности и испытания на пути своего становления, наложившие отпечаток на их авторитет в среде паломников и жителей региона. Их положение к началу Первой мировой войны выглядело следующим образом.

CC BY

Ставропольский Иоанно-Мариинский женский монастырь располагал пятью храмами. Весь монастырь был обнесен каменной оградой, в пределах которой располагалось более 30 зданий различного назначения. Епископ Кавказской кафедры Иеремия (Соловьев) внес первое пожертвование на его нужды при основании обители, и только при его непосредственном участии этот приют смог развиться до статуса монастыря [ГАСК, ф. 361, оп. 1, д. 32, л. 1—1 об.]. Среди построек были помещения для сестер, кладовые для провизии и хлеба, экономические и скотный дворы, имелись приспособление для выделки восковых свечей, фотографическая, иконописная, белошвейная, золотошвейная и коверная мастерские. Источником средств для обители были добровольные пожертвования, хлебопашество и огородничество, продажа сена. Всего в собственности обители находилось 233 дес. земли, из которой было 20 дес. леса, вся земля обрабатывалась средствами самого монастыря.

С 1863 года при обители начала действовать церковно-приходская школа на 45 девочек, на содержание которой монастырь выделял ежегодно по 400 руб., в том числе 300 руб. на содержание учительницы при ней. Одним из источников содержания школы были пожертвования, вносимые бывшим преосвященным Иеремией после перехода на другую кафедру [РГИА, ф. 796, оп. 147, д. 733].

В обители к 1914 году находилось: 5 схимонахинь, 106 мантейных монахинь, 235 рясофорных послушниц, 150 временных послушниц, 123 были на испытании. Таким образом, общее число насельниц достигало 619, это кроме 15 человек служащих по найму [ГАСК, ф. 135, оп. 72, д. 907, л. 9—11 об.].

По времени основания, своему ведомственному статусу, успехам в деле укрепления православия и чистоты веры в среде казачьего населения Черноморского (Кубанского) казачьего войска выделялась Черноморская Марие-Магдалинская женская пустынь. Поскольку этот монастырь стал первой женской обителью на Северном Кавказе, то его история не была простой с момента основания. При отсутствии в войске женских учебных заведений, как общественных, так и частных, женская обитель должна была служить местом воспитания девушек. С момента своего возникновения обитель сразу получила широкую популярность в среде православного населения, и первая игуменья Митрофания в 1851 году просила преосвященного устроить гостиницу для «благочестивых сестер» [ГАСК, ф. 135, оп. 4, д. 212, л. 12].

Посетив монастырь в 1914 году, благочинный игумен Дорофей отмечал, что в монастыре, помимо старого деревянного храма, предназначенного к сносу, находилось еще три храма. Среди них выделялся кирпичный

CC BY

соборный, построенный в 1883 году во имя Вознесения Господня, с двумя пределами, при котором располагалась кирпичная колокольня. В пределах каменной ограды монастыря помещались каменный одноэтажный настоятельский корпус; большой каменный двухэтажный корпус, в нижнем этаже которого были устроены монастырская трапезная и кухня; каменное двухэтажное здание для больницы на 15 кроватей; для сестер обители были устроены 4 каменных и 7 турлучных одноэтажных зданий, крытых железом, рассчитанных на 153 кельи.

Ризница и библиотека располагали необходимым и установленным количеством предметов и книг. При церковно-приходской школе обучалось до 43 девочек и мальчиков из окружных поселений. На территории монастыря действовал детский приют на 20 девочек. Все эти преобразования относятся к концу XIX — началу XX веков — тому времени, когда в регионе сложилась тяжелая обстановка с реализацией продуктов сельского хозяйства, а между тем доход от их продажи составлял существенную статью монастырской экономии [Марие-Магдалинская женская пустынь …, 2022, с. 32—34]. Данный женский монастырь был единственным на Северном Кавказе, который смог создать для девушек, совершивших преступления, надлежащие условия для их исправления [Немашкалов и др., 2023, с. 438].

Вне ограды обители были построены 4 каменных и 6 турлучных крытых железом дома для священнослужителей обители и приходящих богомольцев. Были устроены скотный и экономические дворы, кирпичный завод и 3 ветряные мельницы. В г. Екатеринодаре обители принадлежал большой двухэтажный каменный дом, который сдавался в аренду. Имелись монастырские иконописная, белошвейная, коверная, малярная и кровельная мастерские. В собственности монастыря находилось 843 дес. земли, из которых 500 дес. обрабатывалось силами самого монастыря, а 343 сдавались в аренду. Хозяйство пустыни велось образцово, поскольку при осмотре в нем было несколько десятков лошадей и более трехсот голов скота, 8 тыс. пуд. пшеницы, 200 ячменя и 300 овса. Основу доходов пустыни составляли добровольные пожертвования. Имелись две торговые лавки, иконно-книжная и бакалейная, свой свечной завод, амбар для ссыпки хлеба и провизии. Работы по ведению хозяйства, уход за огородом и садом исполнялись сестрами обители самостоятельно.

Во главе монастыря Синодом была утверждена игуменья Прискилла, а в обители находились: 1 игуменья на покое, 5 схимонахинь, 105 мантейных монахинь, 57 указных послушниц, 153 рясофорных послушницы и 210 проживающих на испытании, всего — 531 человек. Сестры пустыни питались все вместе в общей трапезной, им выдавался чай и сахар, а жи-

CC BY

вущим на экономии — верхняя одежда и обувь. Все монахини и послушницы, за исключением некоторых, находились в полном повиновении к настоятельнице [ГАСК, ф. 135, оп. 72, д. 907, л. 22—24 об.].

Среди женских монастырей региона располагался уникальный Спасо-Преображенский Сентинский женский монастырь. На территории монастыря находился один из пяти древних христианских храмов, которые сохранились с X века, образуя единое архитектурное целое с храмами Тебердинского ущелья [Немашкалов, 2024, с. 90]. Возведенный по византийским архитектурным традициям, он за тысячу лет потерял всю красоту отделки и сохранил только каркас стен. Фрагменты настенной живописи храма являлись самым обширным сохранившимся фресковым комплексом на территории Алании. Еще в XIX веке исследователи обнаружили на одной из стен надпись, которая означала, что храм был освящен в 965 году в период правления царя Давида. Ослабление влияния Византии и произошедшие в истории Северного Кавказа в последующем потрясения не обошли стороной и тебердинские храмы [Титоренко, 2017, с. 80].

В конце XIX века несколько послушниц из сестер милосердия, ведомые Е. Макарововой и Е. Финенской, приняли на себя труд возобновления святыни. В 1892 году эта группа женщин создала общину, посвященную Преображению Господню, а уже 22 октября 1897 года указом Синода она была образована в Спасо-Преображенский женский монастырь. Игуменьей определили бывшую послушницу Ставропольского Иоанно-Марьинского женского монастыря Евдокию Макарову.

К 1914 году в обители имелось три храма, среди которых был каменный храм, построенный в X веке на горе Бурум-Сырт и возобновленный в 1897 году. В церковно-приходской школе, построенной во имя Василия Георгиевича Красковского, обучалось до 25 мальчиков и девочек. Также был двухэтажный корпус смешанной постройки и 10 одноэтажных деревянных зданий для жилья священников и сестер. Медицинской помощью монастырской больницы пользовались не только сестры обители, но и местное население. Располагал монастырь иконно-книжной и бакалейной лавками, живописной мастерской и небольшим приспособлением для изготовления свечей на нужды обители.

В распоряжении обители всего было 427,3 дес. земли, и большая ее часть, удобная для хлебопашества, располагалась в Баталпашинском отделе. Монастырю принадлежали четыре подворья в разных частях края с жилыми постройками и службами при них. Основным источником средств являлись пожертвования, а также доходы от занятия хлебопашеством, огородничеством и сенокосом. Все труды по ведению хозяйства выполнялись сестрами самостоятельно.

CC BY

Управляла монастырем игуменья Раиса, в ведении которой находились 26 мантейных монахинь, 39 указных послушниц, 179 послушниц на испытании, всего 244 души. Согласно введенному общежительному уставу сестрам выдавали одежду и обувь. В своем заключении благочинный игумен Дорофей отмечал, что в обители был установлен истинный дух монашества и спокойствия [ГАСК, ф. 135, оп. 72, д. 907, л. 21].

Историю образования Крестовоздвиженского женского монастыря г. Кизляра нельзя назвать стандартной для региона. Данный монастырь был первой мужской обителью на Северном Кавказе, возникшей вместе с городом в 1736 году. Его судьба была тесно связана с самим городом, который неоднократно подвергался нападению и разорению, но усилиями монахов жизнь в нем каждый раз возрождалась. В очерках истории Астраханской епархии сообщается, что «… в конце 1739 года был основан грузинским архимандритом Даниилом при материальном содействии от казны Крестовоздвиженский монастырь исключительно только для проживания грузинских выходцев» [Очерки истории Астраханской епархии …, 2002, т. 1, с. 203].

Длительное противоречивое сосуществование с окружающим его поликонфессиональным населением и казачеством Северо-Восточного Кавказа, в среде которого широко были распространены идеи раскола, привело к упадку монастырского хозяйства: «Епископ Владикавказский и Моздокский Гедеон в 1908 году обратился в Синод о преобразовании монастыря в женскую обитель. Учреждался он на условиях общежительного устава, а настоятельницей пригласили одну из сестер Керченского Георгиевского монастыря монахиню Нину. Под руководством игуменьи последовало восстановление некогда угасающего монастыря, насельницы которого возродили его авторитет в народе» [Там же, с. 254].

История других женских монастырей развивалась в контексте общероссийской традиции эволюции общины в православную женскую обитель. Учрежденный в 1904 году Покровский женский монастырь уже через 10 лет располагал двумя храмами и был обнесен каменной оградой, в которой были устроены две небольшие гостиницы для богомольцев. Отдельно от храма располагалась на каменных столбах небольшая колокольня. Для настоятельницы было построено деревянное одноэтажное с каменной пристройкой помещение, а для жилья сестер и насельниц — 3 каменных двухэтажных и 3 турлучных одноэтажных здания. На территории монастыря располагалось 5 небольших деревянных амбаров для хлеба и провизии, имелась ветряная мельница и кирпичный завод, имелись живописная, коверная и белошвейная мастерские. В церковно-приходской школе обучалось до 14 мальчиков и девочек из близлежащих селений. Монастырю принадлежало 223,8 дес. земли, расположенной на двух участках.

Во главе монастыря была утверждена игуменья Рафаила, а в числе насельниц значились 20 мантейных монахини, 22 указных послушницы, 93 временных послушниц, всего 135 душ. Хозяйство монастыря велось, по мнению благочинного монастырей, очень хорошо. Главные источники средств обители заключались в хлебопашестве, садоводстве и огородничестве. Все труды по ведению хозяйства исполнялись самостоятельно сестрами, получавшими общую пищу в трапезной [ГАСК, ф. 135, оп. 72, д. 907, л. 12—14 об.].

Другим таким монастырем, прошедшим путь эволюции от женской общины, был Казанский Агафодоровский женский монастырь. Его история началась с того, что после получения разрешения 29 мая 1909 года 12 сестер приехали в с. Винодельное Ставропольской губернии и на средства, пожертвованные епископом Агафодором, купили в селе земли бывшего казенного винного склада. Община быстро получила большую поддержку в среде местных жителей и на собранные пожертвования уже через год завершилось строительство больницы-приюта для нищих и калек, а также устроена колокольня при временной церкви. Местное сельское общество пожертвовало проулок для постройки соборного храма, стоимость которого оценивалась почти в 64 тыс. руб. серебром [ГАСК, ф. 135, оп. 71, д. 1032, л. 1—2].

После преобразований в 1913 году заведующая общиной монахиня Раиса с сестрами обратилась с прошением о переводе общины в женский общежительный монастырь. В обращении к Синоду епископ Агафодор отметил, что сделанные им приобретения и пожертвования для общины производились с разрешения императора, а сама община учреждалась в память его родителей, сельского причетника Флегонта Ивановича и Евдокии Ивановны [Там же, л. 3—4, 8]. К этому времени в общине состояло около 80 человек, в их числе было 3 монахини, 6 рясофорных послушниц и 61 проживали на испытании. Хозяйство велось самостоятельно, и община существовала на местные средства. Решением Синода от 19 августа 1914 года Винодельнеческая община была преобразована в Казанский Агафодоровский женский монастырь [Там же, л. 8—14].

4. Заключение = Conclusions

Православное женское подвижничество на Северном Кавказе развивалось в соответствии с общероссийскими тенденциями, а в некоторых его аспектах имело опережающий характер. Большинство женских монастырей возникли на базе женских общин, и только небольшая их часть — по решению властей региона. Изначально принятый в них общежительный устав усиливал ориентацию на взаимодействие с обществом и выводил их на первый план в миссионерской деятельности.

Все монастыри региона основывались на принципах общежития, существовали за счет собственных заработков и сбора пожертвований. Развитая экономия монастыря открывала возможности обителям для строительства церковно-храмового комплекса, служила основой благотворительной и просветительской деятельности. Исходя из этого, как только было организовано церковное служение на новом месте, свои усилия насельники направляли на обустройство хозяйственной части.

В основе развития женского подвижничества лежали такие факторы, как социально-политические и экономические условия жизни в стране, политика государства в отношении монастырей, аскетические настроения, а также стремление женщин к образованию, саморазвитию и самостоятельности. Пытаясь оправдать свое существование в условиях масштабных реформ Синодального периода, обители интегрировались в систему благотворительной деятельности. При этом благотворительность женских монастырей не была самоцелью, основой жизни в обители оставалась молитва и подвижнический подвиг.

Через глубокую вовлеченность в благотворительную деятельность женские монастыри были больше связаны с обществом, и на собственные средства создали необходимые условия для обучения и воспитания девушек. Женское православное подвижничество изменило понимание статуса женщины в северокавказском обществе, выступило основой осознания ею своего нового положения в нем. Происходящие изменения нашли отражение в укреплении авторитета Русской Православной Церкви на Северном Кавказе.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. ГАСК — *Государственный* архив Ставропольского края. Ф. 135 — Ставропольская духовная консистория. Оп. 1. Д. 51 ; Оп. 1. Д. 877 ; Оп. 4. Д. 212 ; Оп. 7. Д. 195 ; Оп. 71. Д. 1032 ; Оп. 72. Д. 907 ; Ф. 361. Оп. 1. Д. 32.

2. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 796 — Канцелярия Синода. Оп. 147. Д. 733.

Литература

1. *Белякова Е. В.* Вопрос о диакониссах на Поместном соборе 1916—1917 гг. / Е. В. Белякова, Н. А. Белякова // Церковно-исторический вестник. — 2001. — № 8. — С. 139—161.

2. *Город Моздок* : Исторический очерк. — Владикавказ : РИПП им. Гассиева, 1995. — 279 с.

3. *Денисов Л. М.* Православные монастыри Российской империи / Л. М. Денисов. — Москва : А. Д. Ступина, 1908. — 984 с.

4. *Жуков Д. А.* Проблемы монастырской жизни обителей Ставропольской епархии в начале XX в. / Д. А. Жуков, О. М. Кукленко // Гуманитарные и социально-экономические науки. — 2024. — № 1 (134). — С. 75—78. — DOI: 10.18522/1997-2377-2024-134-1-75-78.

5. *Завьялов А. А.* Вопрос о церковных имениях при императрице Екатерине II / А. А. Завьялов. — Санкт-Петербург : А. П. Лопухина, 1900. — 400 с.

6. *Зверинский В. В.* Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи / В. В. Зверинский. — Санкт-Петербург : В. Безобразова и Комп., 1890. — Т. 1. — 314 с.

7. *Зырянов П. Н.* Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века / П. Н. Зырянов. — Москва : Вербум-М, 2002. — 319 с. — ISBN 5-8253-0027-9.

8. *Кириченко О. В.* Женское православное подвижничество в России (XIX — середина XX века) / О. В. Кириченко. — Москва : Алексиевская пустынь, 2010. — 640 с.

9. *Кириченко О. В.* Настоятельницы Ставропольского Иоанно-Мариинского женского монастыря / О. В. Кириченко // Православие в истории и культуре Северного Кавказа: вопросы источниковедения и историографии. Материалы VII Международных Свято-Игнатьевских чтений. — Ставрополь : Издательский центр СтДС ; Дизайн-студия Б, 2017. — Выпуск 1. — С. 273—296.

10. *Кукленко О. М.* Развитие женского духовного образования в России во второй половине XIX — начале XX вв. (на примере Кавказской (Ставропольской) епархии) / О. М. Кукленко // Гуманитарные и юридические исследования. — 2023. — Т. 10. — № 1. — С. 64—70. — DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.8.

11. *Марие-Магдалинская* женская пустынь на Кубани в деле призрения, образования и просвещения во второй половине XIX — начале XX в. / Е. Ю. Любушкина, И. Н. Моргун, П. Г. Немашкалов, О. Н. Новикова, О. И. Шафранова // Вопросы истории. — 2022. — № 4—2. — С. 32—40. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202204Statyi46.

12. *Монашество* и монастыри в России. XI—XX вв. Исторические очерки / отв. ред. Н. В. Синицына. — Москва : Наука, 2005. — 346 с. — ISBN 5-02-008779-3.

13. *Немашкалов П. Г.* К вопросу основания Свято-Александро-Афонской Зеленчукской пустыни и её роли среди монастырей Ставропольской и Екатеринодарской епархии / П. Г. Немашкалов // Вестник ПСТГУ. Серия II : История. История Русской Православной Церкви. — 2024. — Выпуск 121. — С. 77—94. — DOI: 10.15382/sturII2024121.

15. *Немашкалов П. Г.* Проблема организации работы отделений исправительных детских приютов для несовершеннолетниих преступников при монастырях Ставропольской и Екатеринодарской епархии в конце XIX — начале XX вв. / П. Г. Немашкалов, Е. Н. Володькова // Гуманитарные и юридические исследования. — 2023. — Т. 10. — № 3. — С. 431—439. — DOI: 10.37493/2409-1030.2023.3.9.

16. *Очерки истории Астраханской епархии* за 400 лет ее существования. В 2-х т. — Ростов-на-Дону : Фолиант, 2002. — Т. 1. — 632 с.

17. *Ростиславов Д. М.* Опыт исследования об имуществах и доходах наших монастырей / Д. М. Ростиславов. — Санкт-Петербург : Тип. Мор. м-ва, 1876. — 396 с.

18. *Серафим (Чичагов), архим.* Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря / Серафим (Чичагов), архим. 2-е изд. — Санкт-Петербург : Серафимо-Дивеевского монастыря, 1903. — 851 с.

19. *Смолич И. К.* История русской церкви : 1700—1917 гг. / И. К. Смолич ; в 2 ч. — Москва : Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. — Ч. 1. — 800 с.

20. *Титоренко М. Ф.* Из истории православных храмов Верхнего Прикубанья / М. Ф. Титоренко // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2017. — Т. 9. — № 3—1. — С. 79—84. — DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-3/1-79-84.

21. *Шаликашвили Е. Н.* Вклад настоятельниц первых женских монастырей в развитие социокультурного пространства Северного Кавказа / Е. Н. Шаликашвили // Научный альманах стран Причерноморья. — 2024. — Т. 10. — № 4. — С. 48—53. — DOI: 10.23947/2414-1143-2024-10-4-48-53.

Статья поступила в редакцию 04.02.2025,
одобрена после рецензирования 30.04.2025,
подготовлена к публикации 18.07.2025.

Material resources

GASK — *The State Archive of the Stavropol Territory. F. 135 — Stavropol Spiritual Consistory.* (In Russ.).

RGIA — *Russian State Historical Archive F. 796 — Office of the Synod. Op. 147. d. 733.* (In Russ.).

References

Belyakova, E. V., Belyakova, N. A. (2001). The question of deaconesses at the Local Council of 1916—1917. *Church Historical bulletin, 8:* 139—161. (In Russ.).

Denisov, L. M. (1908). *Orthodox monasteries of the Russian Empire.* Moscow: A. D. Stupina. 984 p. (In Russ.).

Essays on the history of the Astrakhan Diocese over the 400 years of its existence. In 2 volumes, 1. (2002). Rostov-on-Don: Foliant. 632 p. (In Russ.).

Kirichenko, O. V. (2010). *Female Orthodox asceticism in Russia (XIX — mid-XX century).* Moscow: Alexievskaya pustyn Publ. 640 p. (In Russ.).

Kirichenko, O. V. (2017). Abbesses of the Stavropol St. John Mariinsky Convent. In: *Orthodoxy in the History and culture of the North Caucasus: issues of source studies and historiography. Materials of the VII International St. Ignatius Readings, 1.* Stavropol: STDs Publishing Center; Design Studio B. 273—296. (In Russ.).

Kuklenko, O. M. (2023). The development of women's spiritual education in Russia in the second half of the 19th — early 20th centuries. (on the example of the Caucasian (Stavropol) diocese). *Humanitarian and legal studies, 10 (1):* 64—70. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.8. (In Russ.).

Lyubushkina, E. Y., Morgun, I. N., Nemashkalov, P. G., Novikova, O. N., Shafranova, O. I. (2022). Mary Magdalene women's desert in the Kuban in the field of charity, education and enlightenment in the second half of the XIX — early XX century. *Voprosy istorii, 4*(2): 32—40. DOI: 10.31166/voprosyistorii202204staty46. (In Russ.).

Mozdok city: A historical sketch. (1995). Vladikavkaz: RIPP im. Gassieva. 279 p. (In Russ.).

Nemashkalov, P. G. (2024). On the issue of the foundation of the St. Alexander Athos Zelenchuk Desert and its role among the monasteries of the Stavropol and Yekaterinodar

dioceses. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series II: History. The History of the Russian Orthodox Church, 121:* 77—94. DOI: 10.15382/sturII2024121. (In Russ.).

Nemashkalov, P. G., Volodkova, E. N. (2023). The problem of organizing the work of correctional orphanages for juvenile offenders at monasteries of the Stavropol and Yekaterinodar dioceses in the late 19th and early 20th centuries. *Humanitarian and legal studies, 10 (3):* 431—439. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.3.9. (In Russ.).

Rostislavov, D. M. (1876). *The experience of research on the property and income of our monasteries.* Saint Petersburg: Tip. Mor. m-va. 396 p. (In Russ.).

Serafim (Chichagov), archim. (1903). *Chronicle of the Serafimo-Diveevsky Monastery.* Saint Petersburg: Serafimo-Diveevsky Monastery. 851 p. (In Russ.).

Shalikashvili, E. N. (2024). The contribution of the abbesses of the first women's monasteries to the development of the socio-cultural space of the North Caucasus. *Scientific Almanac of the Black Sea countries, 10 (4):* 48—53. DOI: 10.23947/2414-1143-2024-10-4-48-53. (In Russ.).

Sinitsyn, N. V. (ed.). (2005). *Monasticism and monasteries in Russia. XI—XX centuries. Historical essays.* Moscow: Nauka Publ. 346 p. ISBN 5-02-008779-3. (In Russ.).

Smolich, I. K. (1997). *The history of the Russian Church: 1700—1917, 1.* Moscow: Spaso-Preobrazhensky Valaam Monastery. 800 p. (In Russ.).

Titorenko, M. F. (2017). From the history of Orthodox churches in the Upper Kuban region. *Historical and socio-educational thought, 9 (3—1):* 79—84. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-3/1-79-84. (In Russ.).

Zavyalov, A. A. (1900). *The question of church estates under Empress Catherine II.* St. Petersburg: A. P. Lopukhina. 400 p. (In Russ.).

Zhukov, D. A., Kuklenko, O. M. (2024). Problems of the monastic life of the monasteries of the Stavropol diocese in the early 20th century. *Humanities and socio-economic sciences, 1 (134):* 75—78. DOI: 10.18522/1997-2377-2024-134-1-75-78. (In Russ.).

Zverinsky, V. V. (1890). *Materials for historical and topographic research on Orthodox monasteries in the Russian Empire, 1.* St. Petersburg: V. Bezobrazova and Comp. 314 p. (In Russ.).

Zyryanov, P. N. (2002). *Russian monasteries and monasticism in the 19th and early 20th centuries.* Moscow: Verbum-M. 319 p. ISBN 5-8253-0027-9. (In Russ.).

The article was submitted 04.02.2025;
approved after reviewing 30.04.2025;
accepted for publication 18.07.2025.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Красильникова Е. И. Политика памяти в системе советской пропаганды в 1960-х — первой половине 1980-х годов : на примере деятельности библиотек Новосибирской области / Е. И. Красильникова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 6. — С. 440—459. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-440-459.

Krasilnikova, E. I. (2025) Memory Politics in Soviet Propaganda System in 1960s — Early 1980s: Case of Libraries in Novosibirsk Region. *Nauchnyi dialog, 14* (6): 440-459. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-440-459. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Политика памяти в системе советской пропаганды в 1960-х — первой половине 1980-х годов : на примере деятельности библиотек Новосибирской области

Красильникова Екатерина Ивановна
orcid.org/0000-0003-0014-0655
WoS ResearcherID: J-5268-2016
ScopusAuthorID 57203591375
доктор исторических наук, доцент,
кафедра истории
и политологии
katrina97@yandex.ru

Новосибирский государственный
технический университет
(Новосибирск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Новосибирского государственного
технического университета,
проект № ТП-ИиП_25

Memory Politics in Soviet Propaganda System in 1960s — Early 1980s: Case of Libraries in Novosibirsk Region

Ekaterina I. Krasilnikova
orcid.org/0000-0003-0014-0655
WoS ResearcherID: J-5268-2016
ScopusAuthorID 57203591375
Doctor of History, Associate Professor,
Department of History
and Political Science
katrina97@yandex.ru

Novosibirsk State
Technical University
(Novosibirsk, Russia)

Acknowledgments:
The study was carried out
with the financial support
of the Novosibirsk State
Technical University,
Project number TP-IiP_25

© Красильникова Е. И., 2025

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье характеризуется пропагандистская деятельность городских и сельских общественных массовых библиотек Новосибирской области в контексте изучения истории государственной политики памяти советского периода (в 1960-х — первой половине 1980-х гг.). Выявляются политико-идеологические, социально-культурные и материально-бытовые условия и факторы, влиявшие на эту деятельность. Устанавливаются ее формы и методы. Автор указывает на основные исторические символы, использовавшиеся библиотечными работникам, и раскрывает их смыслы. Исследование опирается на проблемное поле Memory Studies. Основные источники исследования — делопроизводственные документы, отражающие деятельность сети общественных массовых библиотек Новосибирской области. Сделан вывод о том, что в изучаемый период они централизованно, активно и широко транслировали советский коммеморативный метанарратив, используя разнообразные формы и методы пропаганды. Однако в 1970-е годы прежде довольно высокий интерес читателей к повторявшимся библиотечным коммеморациям снижался, что отражало общий кризис идеологии. Позитивно оценивается опыт развития библиотеками исторического краеведения, формирования у читателей интереса к локальной истории, ее публичных обсуждений в библиотеках, способствовавших усложнению коллективной памяти жителей региона и некоторой демократизации их взглядов.

Ключевые слова:
советская пропаганда; библиотеки; политика памяти; историческая память; коммеморации; мемориальное пространство; Новосибирская область.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the propaganda activities of urban and rural public libraries in the Novosibirsk region within the context of state memory policy during the Soviet era, specifically from the 1960s to the early 1980s. It identifies the political-ideological, socio-cultural, and material conditions and factors that influenced these activities. The study delineates the forms and methods employed by library staff, highlighting key historical symbols utilized in their work and elucidating their meanings. Grounded in the field of Memory Studies, this research relies on administrative documents that reflect the operations of public mass libraries in the Novosibirsk region. The findings indicate that during the studied period, these libraries centrally, actively, and extensively disseminated the Soviet commemorative metanarrative through a variety of propaganda forms and methods. However, by the 1970s, a previously high level of reader interest in recurring library commemorations diminished, reflecting a broader ideological crisis. The article positively assesses the libraries' efforts in developing local historical studies and fostering readers' interest in local history, as well as facilitating public discussions that contributed to a more nuanced collective memory among regional residents and a degree of democratization in their perspectives.

Key words:
Soviet propaganda; libraries; memory politics; historical memory; commemorations; memorial space; Novosibirsk region.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47).084.9+94:021.4(571.14)“196/198”
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-440-459

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Политика памяти в системе советской пропаганды в 1960-х — первой половине 1980-х годов: на примере деятельности библиотек Новосибирской области

© Красильникова Е. И., 2025

1. Введение = Introduction

В современном мире высока значимость исторической памяти как фактора, влияющего на выбор обществом стратегий его внутреннего развития и построения отношений со внешним миром. Ценность исторического знания как ресурса власти хорошо осознавалась и советским государством, которое уделяло много внимания формированию коллективной памяти населения СССР. То, что в современности обычно называют «политикой памяти», государство осуществляло в рамках системы пропаганды. В пропагандистскую деятельность вовлекались различные субъекты, в том числе и просветительские организации — библиотеки. В советское время провинциальными библиотеками был накоплен внушительный опыт пропагандистской работы с историческими нарративами, который до сих пор еще слабо изучен и редко актуализируется. Между тем в условиях повышения внимания современного российского государства к проблемам укрепления национальной идентичности и формирования ценностного отношения общества к прошлому страны изучение и использование коммеморативного опыта библиотек представляется актуальным.

Ранее нами исследовались основные тенденции формирования мемориального пространства Новосибирской области в советское время [Красильникова, 2021], но специально не рассматривалось участие библиотек в этом процессе. Историей библиотек традиционно интересуются прежде всего библиотековеды и книговеды. Они характеризуют лишь основные стратегические приоритеты коммеморативной деятельности публичных библиотек в современности и описывают на региональных примерах наиболее распространенные коммеморативные практики [Варганова и др., 2021]. Фактически неизученная история коммеморативной деятельности библиотек соприкасается с историей их краеведческой деятельности, частично исследованной на материалах сибирского региона [Очерки ..., 2006, с. 299; 423—42]. Ранее изучались формы и методы массовой и индивиду-

альной работы библиотек с читателями в 1960—1980-х годах [Беспальченко, 2023; Ляпкова, 2013; Михеева, 2023; Ярмолич, 2021], но коммеморативные аспекты этой деятельности не выделялись. С точки зрения нашего исследования важно учитывать результаты изучения политики централизации работы библиотек в 1970-х годах [Глазков, 2020]. Важно и то, что кратко описывались и интересные нам особенности работы общедоступных массовых библиотек Новосибирской области в 1960—1980-х годах [Библиотеки ..., 2009, с. 58—195; Неиссякаемый источник ..., 2006, с. 509––532]. Общий контекст государственной политики памяти этого периода характеризуется в работах Н. Е. Копосова [Копосов, 2011], Г. А. Бордюгова [Бордюгов, 2011] и А. В. Бушмакова [Бушмаков, 2019].

Изучение истории участия библиотек в формировании коллективной памяти общества предполагает отход от традиционной модели изучения истории библиотек в институциональном ключе. Коммеморативная составляющая присутствовала практически во всех традиционных для библиотек направлениях и сферах их деятельности от комплектования фондов до массовой работы с читателями, полностью не сливаясь ни с одной из этих сфер. Ее вычленение и соотнесение с политико-идеологическими контекстами 1960-х — первой половины 1980-х представляется нам новым шагом в изучении книжной культуры Сибири и в осмыслении этого этапа развития российской культуры памяти.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель статьи — раскрыть особенности политики памяти в системе советской пропаганды 1960-х — первой половины 1980-х годов на примере коммеморативной деятельности библиотек Новосибирской области. Задачи исследования: выявить условия и факторы, влиявшие на эту деятельность; установить формы и методы коммеморативной деятельности библиотек; определить основные исторические символы, использовавшиеся библиотечными работникам в этой деятельности, а также выражавшиеся символами смыслы; выявить тенденции восприятия этой деятельности сообществами местных жителей и показать вклад библиотек в формирование мемориального пространства Новосибирской области.

Под коммеморативной деятельностью в данном исследовании подразумевается профессиональная деятельность библиотечных работников, направленная на формирование коллективной памяти общества об актуальном историческом прошлом. В методологическом отношении исследование ориентировано на проблемное поле Memory Studies. Подразумевается, что коллективная память формируется под воздействием ряда факторов, прежде всего политики памяти, состоящей в действиях политических субъектов, на-

CC BY

правленных на подчинение коллективной памяти их интересам, на идеологизацию прошлого. Мемориальное пространство выступает материальным воплощением коллективной памяти, представляющим собой систему символических репрезентаций прошлого и пространственно локализованной коммеморативной деятельности [Красильникова, 2021, с. 9]. Исследование опирается на локальный подход в варианте историко-культурологической модели, предложенной В. Г. Рыженко [Рыженко, 2021]. Использованы историко-генетический и сравнительно-сопоставительный методы.

В интересующий нас период деятельность общедоступных массовых библиотек городских и сельских районов организовывалась и контролировалась Новосибирской государственной областной научной библиотекой (далее — Областной библиотекой). Она рассылала по районам Новосибирска и Новосибирской области задания и методические разработки по проведению коммеморативных мероприятий, отвечала за обучающие семинары для библиотекарей, собирала и обрабатывала отчеты районных библиотек. Документы, которые отражают эту работу, составляют значительную часть фонда Областной библиотеки, сформированного и хранящегося в Государственном архиве Новосибирской области (ГАНО).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Условия и факторы коммеморативной деятельности библиотек Новосибирской области

Государственная политика памяти, зависевшая от советской идеологии, выступала определяющим фактором в деятельности библиотек по пропаганде исторического знания. Библиотеки, подчинявшиеся министерству культуры, должны были «оказывать значительную помощь партийным, советским и общественным организациям в формировании идейной убежденности трудящихся, в воспитании их на революционных, боевых и трудовых традициях советского народа» [ГАНО, ф. Р-1478, оп. 1, д. 291, л. 130]. Каждому библиотекарю предписывалось хорошо знать и пропагандировать военно-патриотическую литературу, включая ту, что посвящалась гражданской и Великой Отечественной войне.

На предыдущем историческом этапе, в 1930—1950-х годах государство проявляло слабый интерес к проблемам актуализации в коллективной памяти советского общества сюжетов, связанных с локальным прошлым. По всей стране культивировалась память о героях, прежде всего общесоветского масштаба. В своем зените находился культ Сталина и «вспомогательные» культы «вождей» меньшего масштаба — «соратников» Сталина: С. М. Кирова, С. К. Орджоникидзе и др. Всюду устанавливались однотипные памятники и проводились почти одинаковые мероприятия, на которых

CC BY

редко упоминались местные события. Однако Хрущевский «сталинопад» привел уже в начале 1960-х к необходимости выработки нового направления государственной политики памяти.

Его отражением стал, во-первых, перенос акцента с памяти об И. В. Сталине на память о В. И. Ленине. Ленинская символика теперь доминировала во всей системе официальных советских коммемораций. Во-вторых, повысилось внимание к историко-культурному наследию, сохранившемуся в регионах страны, начались его ревизия и реставрация. В первую очередь обращалось внимание на мемориальные объекты, связанные с памятью о советском прошлом, начиная с Октябрьской революции. Во вторую очередь отмечались памятники, так или иначе посвященные революционному движению до 1917 года. Мемориальные объекты, слабо связанные или вовсе не соотносимые с историей советского государства, редко подлежали актуализации.

По наблюдению В. Донован (V.-S. Donovan), после 1961 года государство поддерживало местный патриотизм, рассматривая его в качестве средства легитимации действовавшей власти, проводившей политику десталинизации. Власти взяли курс на построение коммунизма к 1980 году. В этом контексте обращение к общему для всего советского народа прошлому рассматривалось как важный этап саморефлексии, необходимый для формирования сознательного отношения большинства граждан к активному участию в построении общего благополучного будущего «на основе революционных и трудовых традиций партии и советского народа» [Donovan, 2015, p. 477—478]. Этим объясняется новый всплеск краеведческой активности в стране в 1960-е годы.

В-третьих, новому этапу конструирования государственной политики памяти была присуща обобщенная героизация всего советского народа, прежде всего поколений, переживших гражданскую и Великую Отечественную войну. В-четвертых, с середины 1960-х годов наблюдается резкое повышение внимания к памяти о Великой Победе. В год 20-летия Победы впервые состоялись масштабные, пышные торжества, посвященные памяти об этом событии, что, по словам Г. А. Бордюгова, положило начало «разрастанию пространства» памяти о Победе «буквально до пределов самой жизни» [Бордюгов, 2010, с. 185]. Но уже в середине 1970-х акцент в торжествах, посвященных Победе, смещался на современность и будущее, символика торжеств обретала «молодёжно-стройотрядовские черты» [Бордюгов, 2010, с. 200—201]. Эта тенденция сохранялась и в начале 1980-х.

Коммеморативная деятельность библиотек зависела и от социально-культурного фактора. В изучаемый период у библиотек города и области было много читателей. К примеру, в 1966 году их фиксировалось 30320 че-

CC BY

ловек. Читатели были представлены всеми социальными слоями: рабочими, колхозниками, служащими, студентами, школьниками и пенсионерами [ГАНО, ф. Р-1478, оп. 1, д. 290, л. 4]. По данным 1967 года, Областную библиотеку на 69,8 % посещала работающая интеллигенция, на 12,9% — рабочие [Там же, л. 7]. По данным, касающимся всей области, наиболее активными читателями были представители учащейся молодежи [ГАНО, ф. Р-1478, оп. 1, д. 237, л 65]. Ставилась задача расширять круг читателей исторической литературы за счет рабочих и колхозников, которые реже других становились читателями [ГАНО, ф. Р-1478, оп. 1, д. 291, л. 243]. Библиотеки, где имелась свежая пресса и новые книги, играли одну из ведущих информационных ролей, особенно там, где не было доступно телевидение (сеть телевещания в Новосибирской области 1960—1970-х развивалась медленно).

Возможности заниматься пропагандой зависели от обеспеченности библиотек необходимой исторической литературой и методическими разработками. Комплектованием фондов исторической литературы библиотеки занимались централизованно с 1967 года. Ставилась задача сформировать типовое ядро фонда исторической литературы в основных библиотеках области, а также избавиться от «морально устаревших книг», под которыми понимались идеологически несовременные издания 1930—1960-х годов [Там же, л. 242]. Неудивительно, что документы пестрят жалобами библиотекарей на то, что в библиотеках не хватало книг о колхозном строительстве и индустриализации.

Успешность пропагандистской деятельности, особенно на селе, во многом зависела и от личностного фактора — от профессиональных качеств и отношения библиотекарей к своему труду, от их интереса и знания истории. Были среди библиотекарей и настоящие поборники книги, которые упорно приучали к чтению колхозников, устраивали для них громкие читки, руководили чтением трудных подростков, лично доставляли книги в отдаленные деревни.

3.2. Формы, методы и содержательные акценты коммеморативной деятельности библиотек

Библиотеки принимали активное участие в формировании коллективной памяти жителей области как об общесоветском, так и о региональном прошлом. Их пропагандистская деятельность отталкивалась от советского календаря памятных дат. В преддверии годовщин и, тем более, юбилеев Октябрьской революции, Победы в Великой Отечественной войне, а также перед днем рождения В. И. Ленина в библиотеках начиналась подготовка к комплексу разнообразных мероприятий. О наиболее значительных объявлялось по радио, в печати, по телевидению, к их проведению подключался комсомол и общественные организации [Там же, л. 109]. Проводив-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

шиеся в районах области мероприятия подчинялись общей концепции, но все-таки существенно различались в зависимости от обеспеченности литературой и наличия инициатив от конкретных сотрудников и читателей.

Коммеморации, связанные с «Великим Октябрем» и Лениным, были ежегодными, привычными, чем дальше, тем все более однотипными. В 1960-х годах библиотеки старались каждый раз представить в своих репрезентациях прошлого какие-то новые детали событий, но в следующем десятилетии шаблонность коммеморций стала побеждать оригинальность. 1960-е можно признать временем подъема общественного интереса к истории Сибири. Мероприятия с акцентом на региональной тематике были более разнообразными и затрагивали не столь широко известные, но близкие в личном отношении местным жителям темы и сюжеты.

Общение на исторические темы в библиотеках обычно строилось вокруг обсуждения исторической литературы — новой художественной или документальной прозы. В советское время работа библиотекарей с читателями делилась на массовую и индивидуальную. Это касалось и пропаганды исторической литературы. Во-первых, к формам массовой работы с читателями, нацеленной на формирование коллективной памяти об актуальном прошлом, мы относим составление и публикацию краеведческих библиографий. В 1960-х библиотеки ощущали недостаток краеведческой литературы, подобрать необходимые книги для массовой работы с читателями было трудно. Областная библиотека старалась помочь коллегам из районов города и области с соответствующим поиском, приступив к периодическому изданию справочников по краеведению, куда неизменно включала историческую литературу. Такие указатели были особенно востребованы учителями, учащимися, учеными и пропагандистами.

С 1962 года Областная библиотека стала периодически издавать и рассылать по районам «Указатель литературы о Новосибирской области» [ГАНО, ф. Р-1478, оп. 1, д. 902, л. 164—174]. В дальнейшем издавались и другие указатели по историко-краеведческой тематике: «Дореволюционное прошлое Сибири», «Сибирь в период Гражданской войны», «История Новосибирской области», «Сибирь в художественной литературе» [ГАНО, ф. Р-1478, оп. 1, д. 290, л. 61].

С 1967 года сотрудники специально созданного в Областной библиотеке отдела зональной краеведческой библиографии [Там же, л. 5] взялись за подготовку периодического издания, популярного и в наши дни — «Календаря знаменательных и памятных дат Новосибирской области» [Там же, л. 52], где не только сообщалось о приближении «круглых дат», связанных с какими-либо значимыми в жизни области событиями, но и давалась соответствующая историко-краеведческая справка. На местах же библиотекари

CC BY

отслеживали появление газетных публикаций, в которых упоминался их локус, и обобщали найденный материал методом составления соответствующих картотек [ГАНО, ф. Р-1478, оп. 1, д. 902, л. 172]. Практиковался и метод оформления альбомов из газетных вырезок на краеведческие темы [ГАНО, ф. Р-1478, оп. 1, д. 291, л. 12].

Во-вторых, традиционно, неизменно и повсеместно при подготовке к празднованию исторических дат библиотеки использовали такую форму массовой работы, как проведение выставок литературы. Многие учреждения подходили к выставочной работе творчески. Названия выставок и состав представленных на них книг заметно варьировались. К 50-летию «Великого Октября» демонстрировались не только книги о В. И. Ленине, революции и КПСС. В Областной библиотеке, к примеру, была устроена выставка «Советской книге — 50 лет» и выставка редких книг XVIII—XIX веков [ГАНО, ф. Р-1478, оп. 1, д. 290, л. 45]. Районная библиотека города Куйбышева организовала серию небольших книжных выставок: «Дни, которые потрясли мир», «Рыцари революции», «Великий Ленин», «Страницы огненных лет», «Бессмертная слава отцов», «Мы — молодая гвардия» [Там же, л. 52]. Конечно, выставочная деятельность велась библиотеками области с разной степенью активности. Так, крупная библиотека №2 города Татарска выставок книг к юбилею революции не устраивала вовсе [ГАНО, ф. Р-1478, оп. 1, д. 291, л. 12]. Разнообразными были выставки к 25-летию Победы: «Великое испытание», «Страницы героизма», «Сибиряки в боях за Родину», «В огне сражений», «Книги ветеранов войны» [ГАНО, ф. Р-1478, оп. 1, д. 362, л. 42], «Строки, опаленные войной» (поэтические сборники) [ГАНО, ф. Р-1478, оп. 1, д. 290, л. 49].

Выставки на исторические темы подчинялись идеологической задаче связать воедино прошлое и современность, показать то, что благополучие, достигнутое к настоящему дню — это результат кровопролитной, жестокой борьбы «наших отцов» за справедливость и «счастье народное». Две трети книг с выставки на исторические темы составляли художественные и публицистические издания (доминировали книги о гражданской и Великой Отечественной войнах). Треть выставки была укомплектована книгами о современности: о достигнутых результатах социалистического строительства, о вкладе региона, скажем, в реализацию задач семилетки [ГАНО, ф. Р-1478, оп. 1, д. 902, л. 177].

Библиотекари должны были акцентировать внимание читателей на выставках, использовать метод комментирования содержания представленных книг, рекомендовать их к прочтению, а также подсчитывать, сколько книг с выставки было востребовано читателями, чтобы показать в отчетах результативность своей пропагандистской деятельности. В 1970-х стал

CC BY

применяться метод организации бесед с четырьмя-пятью читателями у полок с выставками [ГАНО, ф. Р-1478, оп. 1, д. 636, л. 2].

В-третьих, одной из основных форм коммеморативной деятельности библиотек можно признать читательские конференции. На них обсуждались новые книги из числа тех, которыми централизованно пополнялись фонды библиотек. Обычно Областная библиотека рассылала по районам методические материалы для конкретных мероприятий, включавшие биографию автора, комментарии к тексту, круг вопросов к обсуждению. Могло предлагаться одно конкретное, остро актуальное произведение, как, к примеру «Бабий Яр» А. В. Кузнецова. Рекомендовалось представлять эту книгу как «роман-документ», актуальный в условиях непроходящей тревоги за судьбу мира [ГАНО, ф. Р-1478, оп. 1, д. 291, л. 100].

На конференции могло обсуждаться и несколько близких по смыслу произведений. В 1960-х популярны были книги сибирских авторов, масштабно отражающие региональную историю. Так, по книгам Н. А. Кущевского «Николай Негоряев, или благополучный россиянин», И. В. Омулевского «Шаг за шагом», В. Я. Шишкова «Угрюм-река», С. Б. Сартакова «Хребты Саяна», выходивших в серии Новосибирского книжного издательства «Библиотека сибирского романа», рекомендовалось обсудить «тяжелое» дореволюционное прошлое Сибири. Библиотекари сами могли выбрать одно или несколько произведений для конференции, ориентируясь на отзывы читателей. В 1960-х годах собравшиеся на мероприятие свободно комментировали прочитанное. В задачи же библиотекаря входило подведение итогов обсуждения. Следовало прокомментировать общий смысл произведений. Методисты Областной библиотеки советовали библиотекарям использовать типовые заготовки, ярко, образно и однозначно характеризующие дореволюционное прошлое Сибири как «мрачное», революционное движение как «массовое», смысл революционных преобразований как установление справедливости и «обретение трудовым народом смысла жизни» [ГАНО, ф. Р- 1478, оп. 1, д. 902, л. 161].

К сожалению, в 1970-х проявилась тенденция формализации читательских конференций, которые могли сводиться к последовательному выступлению нескольких докладчиков с заранее заготовленными речами из набора стандартных фраз. Вместо обсуждения книг мог быть устроен праздничный концерт, на который переносилось основное внимание собравшихся [ГАНО, ф. Р-1478, оп. 1, д. 532, л. 3]. Библиотекари все больше опирались на готовые методические разработки. Стали практиковаться и заочные читательские конференции в местной печати, которая публиковала довольно однотипные подборки отзывов читателей о книгах [ГАНО, ф. Р-1478, оп. 1, д. 595, л. 99].

CC BY

Смещение интереса с общесоветских сюжетов на локальные усилилось в связи с 90-летием Новосибирска, которое праздновалось в 1983 году. Впервые в истории дню рождения этого города власти уделили столько внимания. Областная же библиотека организовала серию встреч читателей с писателями и поэтами Г. Н. Падериным, Н. Я. Самохиным и Н. М. Греховой с обсуждением их произведений на исторические темы [ГАНО, ф. Р-1478, оп. 1, д. 1018, л. 1]. Праздничные мероприятия актуализировали известную историю города и призывали общественность осмыслить его проблемы, среди которых интеллигенция, пожалуй, впервые однозначно выделяла плохую сохранность историко-культурного наследия.

В 1960-х годах устраивались и всесоюзные читательские конференции, подразумевающие продолжительные по времени серии коммеморативных мероприятий, объединенных общей темой. Такие читательские конференции представляли собой целую технологию в коммеморативной деятельности библиотек. Всесоюзные читательские конференции 1960-х годов «Родная земля» и «Дорогами отцов» шли по нескольку месяцев по всей Новосибирской области и включали в себя выставки книг, обсуждения литературы, диспуты, литературные вечера, встречи с героями и ветеранами, сбор читательских отзывов на книги. Конференция «Дорогами отцов» устраивалась в честь 50-летия Октябрьской революции. В ее задачи входила пропаганда книг о В. И. Ленине и его соратниках, об основных этапах истории советского государства, а также «о ... современности» [ГАНО, ф. Р-1478, оп. 1, д. 291, л. 109]. Устроенная впервые, конференция такого масштаба, судя по многочисленным отзывам, действительно всколыхнула прежде спавший интерес к истории сибирских локусов, к местным героям, к преобразованиям, происходившим на местах в последние 50 лет. Конференция 1969 года «Родная земля», тематически ориентированная на сельскую местность и прославление крестьянского труда, была не столь успешна, однако и она стала культурным событием для региона.

Показательно, что, организуя всесоюзные конференции, многие библиотекари мыслили креативно. К примеру, в старинном рабочем поселке Колывань библиотекари решили устроить обсуждение новой повести новосибирского писателя Г. А. Лосьева «Сибирская Вандея», поскольку его местом действия была Колывань, а сам роман основывался на реальных событиях (в повести шла речь о «кулацком мятеже»). Сотрудники библиотеки отыскали и пригласили на читательскую конференцию «тех, кто мог бы поспорить с автором», — пожилых свидетелей восстания [ГАНО, ф. Р-1478, оп. 1, д. 307, л. 37].

В ходе всесоюзных читательских конференций библиотекари должны были анализировать на основе изучения формуляров и высказываний

CC BY

в ходе мероприятий читательские интересы, выявлять самые популярные темы и любимых героев, чтобы формулировать заявки на заказ книг, отвечавших читательским интересам, и расширять круг читающей публики [ГАНО, ф. Р-1478, оп. 1, д. 291, л. 111].

Городские и сельские библиотеки Новосибирской области провели только в рамках всесоюзной читательской конференций «Дорогами отцов» 2178 обсуждений литературных произведений на темы истории; организовали 6280 книжных выставок; провели 1028 тематических вечеров [ГАНО, ф. Р-1478, оп. 1, д. 307, л. 23]. Также устраивались кинофестивали, где демонстрировались фильмы о В. И. Ленине и Октябрьской революции.

В-четвертых, среди форм коммеморативной деятельности необходимо назвать встречи с героями и ветеранами (с теми, «кто живет рядом и может послужить другим примером»). Такие мероприятия воспринимались библиотекарями как самые «полезные и доходчивые». К примеру, работники Куйбышевской городской библиотеки видели успех встреч в их наглядности и демонстрации связи между жизнью и советской художественной литературой, которая предлагалась читателям библиотек [ГАНО, ф. Р-1478, оп. 1, д. 305, л. 110]. Библиотекари старались приглашать на встречи всех постоянных читателей. Учащихся готовили к мероприятиям предварительной беседой. Те, кто читал книги о советских героях, обычно говорили, что хотят походить на гостя мероприятия. Среди приглашенных были старейшие колхозники и коммунисты, старые большевики, «которые видели Ильича», партизаны гражданской войны, блокадники, ветераны Великой Отечественной войны. На встречи приходили учащиеся, педагоги, колхозники, рабочие, пенсионеры, часто присутствовали председатели колхозов, депутаты, секретари партийной организации. В ходе встречи с человеком революционного поколения библиотекари рассказывали о его жизни, раскрывая этапы биографии через этапы истории страны в актуальном советском прочтении. На встречах велись «задушевные беседы», создавалась трогательная атмосфера.

В-пятых, среди форм массовой работы с читателями необходимо отметить и литературные вечера (они могли включаться в программу всесоюзных читательских конференций): «Наша область в прошлом, настоящем и будущем», «История нашего края» [ГАНО, ф. Р-1478, оп. 1, д. 902, л. 170], «Наше село за 60 лет» — К 50-летию Октябрьской революции [ГАНО, ф. Р-1478, оп. 1, д. 291, л. 25] и др. Популярным методом репрезентации исторического прошлого на вечерах были устные журналы — представления силами самодеятельного театрального творчества фрагментов литературных произведений или специально для этого случая написанных кратких текстов. Костюмированное художественное чтение сопровожда-

CC BY

лось музыкой или демонстрацией кинофрагментов. Судя по методическим разработкам для проведения устных журналов и по отчетам сельских библиотек, такие мероприятия могли создавать атмосферу эмоционального накала, концентрированно репрезентируя сюжеты локальной истории. Как и встречи с ветеранами, они вызвали у собравшихся ощущение сопричастности событиям военно-революционной истории. Сценарий методической разработки 1966 года «Вечный факел революции», написанный для комсомольского литературного вечера, включал в себя содержащие жуткие подробности описания расправ колчаковцев, кулаков и фашистов над комсомольцами [ГАНО, ф. Р-1478, оп. 1, д. 424, л. 1—23]. Составителем использовались исключительно стихи местных поэтов о Сибири и реальные истории комсомольцев из Новосибирской области, погибших за власть Советов. Кровавое прошлое контрастировало с благополучным изображением современности. Демонстрировались и праздничные, развлекательные устные журналы: «Сибирью связанные судьбы», «Улицы расскажут вам», «Город на Оби» — в честь 90-летия Новосибирска [ГАНО, ф. Р-1478, оп. 1, д. 1018, л. 2]. Устные журналы на ленинскую тематику, по нашему мнению, постепенно содержательно деградировали, уже в 1970-х язык методических разработок к Ленинским дням отличался пафосностью, стандартностью, даже карикатурностью («Ленин и теперь живее всех живых») [ГАНО, ф. Р-1478, оп. 1, д. 697, л. 9]. Ленинская тематика на литературных вечерах постепенно затмевала революционную.

Массовую работу с читателями библиотекари должны были сочетать с работой индивидуальной. Библиотекарь рассматривался как консультант по чтению, как руководитель чтением. Руководство чтением конкретных посетителей библиотек можно охарактеризовать как особую технологию, включавшую в себя ряд форм и методов. В частности, от библиотекаря, работающего в читальном зале, требовалось изучение читательских интересов. С этой целью рекомендовалось использовать метод ведения дневников наблюдений за тем, какой тематике отдают предпочтение постоянные читатели. Предполагалось, что работники маленьких библиотек должны знать конкретных читателей и ориентировать их в имеющейся литературе в соответствии с интересами этих читателей и общими политико-идеологическими задачами [ГАНО, ф. Р-1478, оп. 1, д. 902, л. 177].

К формам организации работы по руководству чтением относилось и составление списков имеющейся литературы с последующим предложением читателям последовательно осваивать эти списки. В частности, библиотека №1 города Татарска составляла в 1967 году списки книг по темам «Вечно живой» (о В. И. Ленине) и «Великий Октябрь». В рамках читательской конференции «Дорогой отцов» Куйбышевская городская библиотека

CC BY

составила списки по региональным темам «Сибирский тыл — фронту» и «Сибирская добровольческая» [ГАНО, ф. Р-1478, оп. 1, д. 305, л. 8]. В чтение по спискам включались десятки человек. Библиотекарь интересовался впечатлениями читателей от книг, узнавал, какие вызвали наибольший интерес. По этим книгам предполагалось проведение небольших читательских конференций или просто дружеских бесед (метод обсуждения). Читатели могли также написать отзывы на книги, с которыми библиотекарь знакомил других читателей, предлагая литературу [ГАНО, ф. 1478, оп. 1, д. 291, л. 10—12].

3.3. Восприятие коммеморативной деятельности библиотек населением и влияние библиотек на мемориальное пространство области

При большинстве библиотек существовали активы или советы, состоявшие из наиболее активных читателей, желавших на общественных началах участвовать в организации библиотечных мероприятий, а также пропагандировать мероприятия, неформально приглашая на них местных жителей.

Многим библиотекарям хорошо удавалось организовать чтение исторической литературы по спискам. В эту деятельность активнее всего включались школьники, студенты, рабочие и учителя [ГАНО, ф. Р-1478, оп. 1, д. 291, л. 14]. В отчет Куйбышевской городской библиотеки попали сведения о школьнике В. Метеже, который прочел по списку к конференции «Дорогой отцов» 19 книг, и о студенте Ю. Анроховском, прочитавшем 10 книг [ГАНО, ф. Р-1478, оп. 1, д. 305, л. 51]. В 1960-х годах наибольший интерес вызывали списки книг по истории гражданской и Великой Отечественной войны («Герои не умирают», «Рыцари революции», «Бессмертный подвиг народа»). Мероприятия и беседы с читателями позволяли выявлять их любимых литературных героев. Среди них были Павка Корчагин, Сергей Лазо, генерал армии Панфилов, генерал Карбышев, Владимир Устименко, Доктор Ярош, Александр Белов. Читатели всех возрастов часто заказывали книги о Феликсе Дзержинском, Инессе Арманд, Михаиле Калинине, Сергее Кирове и Надежде Крупской [ГАНО, ф. Р-1478, оп. 1, д. 306, л. 11].

Многие говорили и писали в отзывах на литературу, что любят читать книги писателей-сибиряков об истории региона [ГАНО, ф. 1478, оп. 1, д. 237, л. 70]. Население привлекали и мероприятия, посвященные местной истории. Поэтому библиотекари обычно дополняли местным материалом Ленинские и Октябрьские коммеморации [ГАНО, ф. Р-1478, оп. 1, д. 469, л. 1].

В некоторых случаях библиотеки лишь подталкивали местных жителей к самостоятельной организации крупных коммеморативных мероприятий. Так, читательская конференция «Дорогами отцов» стала в 1966 году поводом для встречи первых комсомольцев города Куйбышева (в прошлом Каинска). Директор библиотеки и члены местной партийной организации

CC BY

пригласили посетить город «своей юности» тех, кто вступал в комсомол еще в 1920-х годах. На встречу прибыли люди из Москвы, Ленинграда, Кемерово, Новосибирска и Барнаула. Гостям показали заметно изменившийся город, а сами они приняли молодежь в комсомол, выступили на нескольких массовых мероприятиях, заложили Аллею комсомольцев 1920-х годов и даже показали школьникам партизанские тропы. Для маленького города этот визит стал заметным событием. Его участники отмечали, что оно дало возможность прочувствовать связь времен и осознать большие исторические изменения, произошедшие за сорок лет. Старшие, наставляя молодых, говорили об опыте и идеалах своей юности как «о чем-то бесценном и святом», оценивали жизнь своего поколения как трудную, но счастливую [ГАНО, ф. Р-1478, оп. 1, д. 305, л. 20—23].

Библиотечные беседы о книгах С. П. Залыгина, А. С. Иванова и Г. М. Маркова на исторические темы послужили импульсом к развитию краеведческих кружков в большинстве сельских районов. Так, учащиеся ровенской восьмилетней школы решили написать историю колхоза имени Кирова (Сузунский район) и частями опубликовать ее в местном периодическом издании «Родной край». Их инициатива повлияла и на взрослых: сельский совет принял решение установить обелиск в память о 103 погибших земляках [ГАНО, ф. Р-1478, оп. 1, д. 469, л. 12]. Всесоюзная конференция «Дорогами отцов» сподвигла открыть памятник героям-односельчанам и в населенном пункте Яр-Матюшино [ГАНО, ф. Р- 1478, оп. 1, д. 305, л. 117].

Эта всесоюзная читательская конференция всколыхнула интерес к локальной истории также в Купино. В районной библиотеке при участии читателей впервые сформировали папку материалов «Из прошлого Купино» [Там же, л. 307]. В библиотеке № 1 Татарска после впечатляющей встречи с партизанами гражданской войны библиотекари при участии актива оформили стенд «Партизаны города Татарска» [Там же, л. 105]. В других районах набирали материал по истории деревень на стенгазеты, оформляли памятные альбомы [Там же, л. 114]. Всюду главный интерес представляла Великая Отечественная война.

Но завораживала и война гражданская. Библиотекари и читатели признавали лучшими такие мероприятия, где люди, помнившие войну, сопоставляли свои воспоминания и художественную литературу. Так, Партизан И. С. Желтоноженко на встрече в библиотеке № 1 города Татарска рассказывал по своим воспоминаниям о событиях, описанных в романе К. Н. Урманова, чем сильно впечатлил собравшихся [Там же, л. 102]. На обсуждение повести Г. А. Лосьева «Сибирская Вандея» в колыванской библиотеке организаторы читательской конференции предложили оценить правдивость отображения истории в книге гостям — очевидцам событий.

CC BY

Они стали оспаривать авторскую версию событий, отметив и то, что Лосьев сделал зачинщика восстания кулаком, хотя тот был на самом деле купцом, и то, что за его спиной стояли не обычные крестьяне, а «люди покрупнее» — белогвардейские офицеры, и то, что многие жертвы восстания не были упомянуты автором. Однако общий смысл повести читатели одобрили: «В основном повесть хорошая, все знакомое, интересно читать» [ГАНО, ф. Р-1478, оп. 1, д. 306, л. 99—99 об.].

В начале 1980-х, по мнению библиотекарей, богатое историческое прошлое Колывани определяло довольно широкий круг читателей, интересующихся локальной историей. Поэтому поиск соответствующих книг стал одной из приоритетных задач для библиотеки. Во всем районе библиотеки возглавляли движение любителей исторического краеведения, нацеленного на изучение историй первых местных коммунистов, комсомольцев и военно-революционной истории. С помощью читателей библиотекари оформили памятные альбомы «Золотые звезды колыванцев» и «Из истории Колывани» [ГАНО, ф. Р-1478, оп. 1, д. 944, л. 4]. К этому движению присоединялись и местные музеи, совместно с библиотеками проводившие уроки мужества в школах и встречи с ветеранами [Там же, л. 3].

Клуб «Краевед», к деятельности которого примкнуло около 50 человек, был создан в середине 1970-х в районном центре Венгерово. Его члены изучали героическое прошлое своего района, обсуждали книги сибирских писателей и составляли рефераты по краеведческой тематике [ГАНО, ф. Р-1478, оп. 1, д. 595, л. 96]. В других районах любители из числа краеведов присоединялись к ведению библиотеками летописей сел [Там же, л. 24].

4. Заключение = Conclusions

Граждане Советского Союза много читали, а библиотеки оказывали значительное влияние на общественное сознание, в том числе и на историческую память общества. Выбор исторической литературы в 1960 — первой половине 1980-х годов в массовых общедоступных библиотеках был довольно небольшим, библиотечные фонды состояли из однотипных книг, но имевшаяся историческая литература широко и довольно успешно пропагандировалась библиотекарями. Разумеется, в задачи, которые государство ставило перед библиотеками, не входило сохранение разнообразных версий коллективной памяти. Библиотеки должны были использовать историю для сохранения идеологии. Они пропагандировали идеологизированные исторические нарративы, участвуя в отвлечении внимания читателей от проблем современности и увлекая их преимущественно военно-революционной героикой, поскольку с ее помощью было легче поддерживать советскую идеологию, нежели обсуждая текущие события.

CC BY

В пропагандистской деятельности широко использовались библиографические формы и методы работы, среди массовых форм предпочтение отдавалось книжным выставкам, читательским конференциям, встречам с героями и ветеранами, литературным вечерам. Среди индивидуальных форм работы были актуальны составление списков для чтения, организация обсуждений прочитанного. Многие библиотекари использовали собственные идеи и читательский опыт.

В содержательном отношении библиотечные коммеморации обращались прежде всего к истории советского государства. Поскольку коммеморативные цели срастались с политико-пропагандистскими, библиотекари старались, используя историческую литературу, показать успехи советского строительства и победы советского государства, «давшиеся ему высокой ценой». Именно поэтому акцентировалась военно-революционная история, а дореволюционное прошлое изображалось обобщенно и негативно. Среди исторических символов доминировали Ленин, герои революции и войн, известные как во всем СССР, так и на местном уровне. Часть широко известных и любимых героев исторических нарративов была вымышленной (литературные герои). В коммеморативной деятельности библиотек использовалась преимущественно соцреалистическая художественная литература. Многие используемые книги были написаны сибирскими авторами о Сибири. «Правдивость» такой литературы библиотекари старались подтверждать ее сопоставлением с документалистикой и устными рассказами людей старших поколений. В 1960-х между подобными рассказчиками и авторами художественных книг могла возникать полемика, неизбежно приводившая к пониманию участниками мероприятия сложности оценки прошлого, что способствовало некоторой демократизации взглядов участников мероприятий и вызывало у них желание продолжать узнавать местную историю. Проявившаяся в 1970-х формализация и большая стандартизация коммеморативной деятельности отразили «застойные» тенденции упрощения и сокращения контента коллективной памяти. Снижалась степень драматичности и серьезности исторических репрезентаций. В первой половине 1980-х, на фоне недостатка новых книг, усиления централизации в деятельности библиотек, одинаковости, упрощенности Ленинских мероприятий и надоедания читателям шаблонных формулировок, присущих языку официальной пропаганды, наблюдался новый всплеск интереса библиотекарей и читателей к региональной и локальной истории. В преддверии «перестройки» читателей уже мало привлекали «героические страницы» гражданской войны, но они охотно включались в изучение истории местных поселений.

Можно признать, что коммеморативная деятельность библиотек была довольно результативной тогда, когда она не сводилась к формальному вы-

CC BY

полнению методических рекомендаций. Вдохновленность читателей исторической литературой и их включение в коммеморативную деятельность было самым замечательным результатом. Во многом благодаря работникам библиотек довольно бедное мемориальное пространство региона обогащалось не только новыми памятными местами, но и «софтом» — текстами, проясняющими их смыслы (протоколы обсуждений, газетные репортажи, памятные альбомы и др.). Разумеется, мемориальное пространство Новосибирской области в этот период пополнялось однотипными символическими элементами, однако будет упрощением сказать, что государство лишь навязывало их обществу. На примере деятельности библиотек видно, что государственная политика памяти в основном одобрялась населением. Вдохновляясь библиотечными коммеморациями, оно нередко проявляло и собственные коммеморативные инициативы, которые в целом не противоречили государственной политике памяти, однако отражали переключение внимания с Ленина на местных героев и местные события.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. ГАНО – Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1478. Оп. 1. Д. 237. Л. 65, 70 ; Д. 290. Л. 4, 5, 7, 45, 49, 52, 61 ; Д. 291. Л. 4, 10–12, 25, 100, 111, 103, 109, 242, 243 ; Д. 305. Л. 20–23, 51, 99–99 об., 100, 108, 306, 307 ; Д. 307. Л. 37 ; Д. 362. Л. 23, 42 ; Д. 424. Л. 1–23 ; Д. 469. Л. 1, 12 ; Д. 532. Л. 3 ; Д. 595. Л. 24, 96, 99; Д. 636, Л. 2 ; Д. 697, Л. 9 ; Д. 902. Л. 161, 164—174, 177 ; Д. 944. Л. 3, 4 ; Д. 967. Л. 1–3 ; Д. 1018. Л. 1, 2.

Литература

1. *Беспальченко А. С.* Становление выставочной и экскурсионной деятельности в Императорской Публичной библиотеке / А. С. Беспальченко // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. — 2023. — №1. — С. 144—149.

2. *Библиотеки* Новосибирской области: середина XX — начало XXI в. : сборник статей / составители : Г. А. Трубица, О. И. Плотникова. — Новосибирск : НГОНБ, 2009. — 247 с.

3. *Бордюгов Г. А.* Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. (Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ). — Москва : АИРО-XXI, 2010. — 256 с. — ISBN 978-5-91022-132-5.

4. *Бушмаков А. В.* «Пусть живёт в веках беспримерный подвиг советского народа в Великой Отечественной войне!» : память о войне и Советская историческая политика в 1965—1980 / А. В. Бушмаков // Культурный код. — 2019. — №3. — С. 26—35.

5. *Варганова Г. В.* Публичная библиотека как институт сохранения и трансляции социальной памяти / Г. В. Варганова, И. Ю. Котлова // Библиотека и культурное пространство региона : (к 45-летию кафедры библиотечных и документально-информационных технологий). — Пермь : Пермский государственный институт культуры, 2021. — С. 71—77.

6. *Глазков М. Н.* Государственная политика централизации массовой библиотечной сети в СССР 1974–1982 годов / М. Н. Глазков // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2020. — №3 (95). — С. 172—188.

7. *Копосов Н. Е.* Память строгого режима. История и политика в России / Н. Е. Копосов. — Москва : Новое литературное обозрение, 2011. — 315 с. — ISBN 978-5-86793-851-2.

8. *Красильникова Е. И.* Мемориальное пространство малых городов Новосибирской области в исторической динамике (вторая половина XIX—XX вв.) / Е. И. Красильникова, О. А. Громова // Омский научный вестник. (Общество. История. Современность). — 2021. — Т.6. — № 4. — С. 9—16. — DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-4-9-16.

9. *Ляпкова А. О.* Эволюция форм массового и группового обслуживания в сельских библиотеках в XX — первых десятилетиях XXI в. (на примере сельских библиотек Кожевниковского района Томской области) / А. О. Ляпкова // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. — 2013. — №4 (12). — С. 59—66.

10. *Михеева Г. В.* Исторические основы просветительской деятельности Российской национальной библиотеки / Г. В. Михеева // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. — 2023. — №1(54). — С. 164—171.

11. *Неиссякаемый* источник : библиотечное дело в Новониколаевске-Новосибирске // История города. Новониколаевск-Новосибирск : исторические очерки : т. 2 / Л. Б. Ардашова [и др.] ; ред. А. Ф. Косенков. — Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2006. — С. 509—532.

12. *Очерки* истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. — Т. 5: 1963—1991 гг. / ГПНТБ СОРАН ; отв. ред. Л. А. Посадсков. — Новосибирск : Издательство ГПНТБ СО РАН, 2006. — 535 с. — ISBN 978-5-94560-096-2.

13. *Рыженко В. Г.* Локальные трансформации музейных «мест памяти» в постсоветских условиях: историографические заметки и непосредственные наблюдения / В. Г. Рыженко // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. — 2021. — Т. 27. — № 1. — С. 23—31.

14. *Ярмолич Ф. К.* Популяризация книги и культуры чтения в советском городе в 1950—1960-е годы / Ф. К. Ярмолич // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 2021. — № 2. — С. 83—86. DOI : 10.18522/2687-0770-2021-2-83-86.

15. *Donovan V-S.* «How Well Do You Know Your *Krai*?»: The *Kraevedenie* Revival and Patriotic Politics in Late-Khrushchev Era Russia / V-S. Donovan // Slavic Review. — 2015. — Vol. 75. — No. 3. — Pp. 464—483. — DOI : 10.5612/slavicreview.74.3.464.

Статья поступила в редакцию 18.03.2025,
одобрена после рецензирования 25.05.2025,
подготовлена к публикации 31.07.2025.

Material resources

GANO — *State Archives of Novosibirsk Oblast*. (In Russ.).

References

Bespalchenko, A. S. (2023). Formation of exhibition and excursion activities in the Imperial Public Library. *Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture, 1*: 144-149. (In Russ.).

Bordyugov, G. A. (2010). *October. Stalin. Victory. The Cult of Anniversaries in the Space of Memory. (Historical Policy and the Policy of Memory in the USSR, RF and CIS)*: Moscow: AIRO-XXI, 256 p. ISBN 978-5-91022-132-5. (In Russ.).

Bushmakov, A. V. (2019). "*May the unprecedented feat of the Soviet people in the Great Patriotic War live forever!*": *the memory of the war and Soviet historical policy in 1965—1980, 3*: Cultural Code. P. 26-35. (In Russ.).

Donovan, V-S. (2015). «How Well Do You Know Your Krai?»: The Kraevedenie Revival and Patriotic Politics in Late-Khrushchev Era Russia. *Slavic Review, 75*(3): 464-483.

Glazkov, M. N. (2020). State policy of centralization of the mass library network in the USSR 1974-1982. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts, 3(95)*: 172-188. (In Russ.).

Inexhaustible source: librarianship in Novonikolaevsk-Novosibirsk. (2006). In: *History of the city. Novonikolaevsk-Novosibirsk: historical essays, 2*. Novosibirsk: Historical Heritage of Siberia. 509-532. (In Russ.).

Koposov, N. E. (2011). *High-security memory. History and Politics in Russia*: Moscow: New Literary Review. 315 p. ISBN 978-5-86793-851-2. (In Russ.).

Krasilnikova, E. I., Gromova, O. A. (2021). Memorial space of small towns of the Novosibirsk region in historical dynamics (the second half of the 19th-20th centuries). *Omsk Scientific Bulletin. (Societies. History. Modernity), 6*(4): 9-16. DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-4-9-16. (In Russ.).

Libraries of Novosibirsk Region: mid-20th — early 21st century. (2009). Novosibirsk: NGONB. 247 p. (In Russ.).

Lyapkova, A. O. (2013). The evolution of forms of mass and group services in rural libraries in the twentieth and first decades of the 21st century. (on the example of rural libraries in the Kozhevnikovsky district of the Tomsk region). *Bulletin of Tomsk State University. Cultural studies and art criticism*, *4*(12): 59-66. (In Russ.).

Mikheeva, G. N. (2023). Historical foundations of the educational activities of the Russian National Library. *Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture, 1*(54): 164-171. (In Russ.).

Posadskov, L. A. (ed.). (2006). *Essays on the history of book culture in Siberia and the Far East*. Novosibirsk: Publishing House of State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 535 p. ISBN 978-5-94560-096-2. (In Russ.).

Ryzhenko, V. G. (2021). Local transformations of museum «places of memory» in post-Soviet conditions: historiographical notes and direct observations. *Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology, 27*(1): 23-31. (In Russ.).

Varganova, G. V. (2021). Public Library as an institute for the preservation and transmission of social memory. *Library and cultural space of the region: (on the 45th anniversary of the Department of Library and Documentary Information Technologies).* Perm: Perm State Institute of Culture. P. 71-77. (In Russ.).

Yarmolich, F. K. (2021). Popularization of books and reading culture in the Soviet city in the 1950s and 1960s. *University news. North-caucasian region. Social sciences series, 2*: 83-86. DOI: 10.18522/2687-0770-2021-2-83-86. (In Russ.).

The article was submitted 18.03.2025;
approved after reviewing 25.05.2025;
accepted for publication 31.07.2025.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Мотревич В. П. Совхозы Свердловской области в 1945—1953 годах / В. П. Мотревич, В. Н. Мамяченков // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 6. — С. 460—481. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-460-481.

Motrevich, V. P., Mamyachenkov, V. N. (2025). State Farms of Sverdlovsk Region in 1945–1953. *Nauchnyi dialog, 14* (6): 460-481. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-460-481. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIH PLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Совхозы Свердловской области в 1945—1953 годах

Мотревич Владимир Павлович [1]
orcid.org/0000-0002-1184-3631
доктор исторических наук,
профессор кафедры
истории государства и права
vladimir.motrevich@mail.ru

Мамяченков Владимир Николаевич [2]
orcid.org/0000-0001-6070-8746
доктор исторических наук, профессор
кафедры государственного
и муниципального управления,
корреспондирующий автор
mamyachenkov@mail.ru

[1] Уральский государственный
юридический университет
имени В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург, Россия)

[2] Уральский государственный
экономический университет
(Екатеринбург, Россия)

State Farms of Sverdlovsk Region in 1945–1953

Vladimir P. Motrevich [1]
orcid.org/0000-0002-1184-3631
Doctor of History, Professor,
Department of State
and Law History
vladimir.motrevich@mail.ru

Vladimir N. Mamyachenkov [2]
orcid.org/0000-0001-6070-8746
Doctor of History, Professor,
Department of State and
Municipal Administration,
corresponding author
mamyachenkov@mail.ru

[1] Ural State Law University
named after V. F. Yakovlev
(Yekaterinburg, Russia)

[2] Ural State
University of Economics
(Yekaterinburg, Russia)

© Мотревич В. П., Мамяченков В. Н., 2025

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена процессу развития ресурсной базы государственных (советских) сельских хозяйств (совхозов) Свердловской области в 1945—1953 годах. Актуальность исследования обусловлена высоким уровнем интереса представителей общественных наук к исследуемому в статье временно́му периоду. Источниками выступили сводные годовые отчёты совхозов и другие материалы из фондов двух федеральных и двух областных архивов. Они вводятся в научный оборот впервые. Проводится комплексный анализ процесса восстановления ресурсной базы советских хозяйств. Констатируется, что за годы Великой Отечественной войны в стране произошло заметное сокращение совхозной системы. Утверждается, что наиболее высокие темпы ее восстановления наблюдались в 1949—1950 годах. Авторы приходят к выводу, что, несмотря на укрепление материально-технической базы и решение в основном кадровой проблемы, совхозная система на Среднем Урале в своем прежнем виде не была восстановлена. Отмечается, что даже в начале 1950-х годов не был достигнут уровень 1940 года по производству и сдаче государству основных видов сельскохозяйственной продукции, а государственный сектор в сельском хозяйстве Свердловской области по-прежнему играл незначительную роль.

Ключевые слова:
Свердловская область; Великая Отечественная война; совхозы; ресурсная база; послевоенные годы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the development of the resource base of state (Soviet) agriculture (state farms) in the Sverdlovsk region during the years 1945 to 1953. The relevance of this study is underscored by the significant interest among social science scholars in the historical period under investigation. The primary sources include consolidated annual reports from state farms and other materials sourced from two federal and two regional archives, which are being introduced into scholarly discourse for the first time. A comprehensive analysis of the restoration process of the resource base of Soviet agriculture is conducted. It is noted that during the Great Patriotic War, there was a significant contraction of the state farm system in the country. The article asserts that the highest rates of restoration were observed in the years 1949 to 1950. The authors conclude that, despite improvements in material and technical resources and the resolution of most staffing issues, the state farm system in the Middle Urals was not restored to its previous form. It is highlighted that even in the early 1950s, production and delivery levels of key agricultural products to the state had not returned to pre-war levels of 1940, and the state sector in agriculture within the Sverdlovsk region continued to play a relatively minor role.

Key words:
Sverdlovsk Region; Great Patriotic War; state farms; resource base; post-war years.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47).084.8+94:631.115.71(470.57)“1945/1953”
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-460-481

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Совхозы Свердловской области в 1945—1953 годах

© Мотревич В. П., Мамяченков В. Н., 2025

1. Введение = Introduction

Совхозы (советские хозяйства) бывшего СССР представляли собой государственные предприятия в аграрной сфере экономики. Их появление вполне соответствовало теоретическим положениям марксистско-ленинской экономической теории, так как средства производства в совхозах принадлежали государству, то есть всему обществу. Правда, наиболее преобладающей формой обобществления сельскохозяйственной сферы на все годы существования советской власти все-таки остались коллективные хозяйства (колхозы), по сути, представлявшие собой кооперативные объединения крестьянских дворов. При этом оба упомянутых типа сельскохозяйственных предприятий, как показала практика их функционирования, в экономическом отношении оказались в большинстве своем низкорентабельными и даже убыточными.

Между тем организация труда и зарплаты в колхозах и совхозах были принципиально различны. Так, совхозы явно тяготели к «промышленной» схеме организации труда: бригадная форма организации трудовых процессов, 8-часовой рабочий день, стабильность зарплаты, назначаемость руководителей, централизованное снабжение техникой, ведение хозяйства по государственным планам т. д. В колхозах же все было с точностью до наоборот. Тем не менее общим и определяющим для колхозов и совхозов было одно: на протяжении всего периода своего существования абсолютное большинство из них оставались нерентабельными или низкорентабельными.

Историография совхозов утверждает, что подобные сельскохозяйственные предприятия появились в нашей стране уже осенью 1917 года, причем базой для них стали реквизированные по Декрету о земле помещичьи имения. При этом надо отметить, что данная новая форма хозяйствования, как, пожалуй, ни одна другая в Советском Союзе, постоянно подвергалась различным воздействиям административного и модернизационного характера.

Так, с момента своего возникновения и до начала 1930-х годов, то есть в течение около полутора десятилетий, советские хозяйства были подве-

CC BY

домственны Народному комиссариату земледелия (Наркомзему), после чего они стали входить в структуру уже другого наркомата — зерновых и животноводческих совхозов РСФСР. После окончания же Великой Отечественной войны власть в совхозной системе снова сменилась: на этот раз ее сначала возглавило Министерство сельского хозяйства РСФСР (причем животноводческие совхозы были переданы Министерству животноводства России), а уже в феврале 1947 года — вновь созданное Министерство совхозов РСФСР. Последнее являлось органом союзно-республиканского масштаба и осуществляло руководство деятельностью всех зерновых, овощных, животноводческих и хлопковых совхозов.

Рассуждая масштабно, можно утверждать, что создание и функционирование совхозной системы в Советском Союзе явило собой глобальный эксперимент, осуществляемый в сельском хозяйстве страны в течение всей более чем семидесятилетней истории ее существования. Считать ее достаточно изученной на сегодня нет оснований, особенно в региональном аспекте. Данная проблема остаётся весьма значимой и требует дальнейшего углублённого исследования, прежде всего на основе архивных материалов.

В связи с вышесказанным отметим, что настоящая статья основана на многолетнем изучении авторами фондов российских архивов, как федеральных, так и региональных. Преобладающая часть архивных материалов вводится в научный оборот впервые, что определяет научную новизну работы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

История совхозов всего бывшего СССР в послевоенные годы получила достаточно полное освещение еще в монографиях М. Л. Богденко и И. Е. Зеленина [Богденко, 1977; Зеленин, 1969; Зеленин, 1971].

В 1970-е годы количество работ подобной тематики возросло. Ученые стали исследовать такие стороны деятельности совхозов, как эффективность их деятельности, повышение рентабельности и развитие хозрасчетных отношений [Демидов, 1976; Ланг, 1976; Нифонтова, 1970; Фазлыев, 1973], использование советскими хозяйствами своих основных и оборотных фондов [Булатов, 1971; Голдин, 1974; Долгополова, 1972; Нагаев, 1978; Смолина, 1976], совершенствование управления совхозами [Башмачников, 1977; Дейнеко, Кульдяев, 1973; Дьякова, 1972] и др.

В 1980-е годы («пред- и послеперестроечные») исследовательский интерес к «совхозной» тематике резко снизился из-за переживаемого страной системного социально-экономического кризиса. Из значимых работ, опубликованных в этом десятилетии, мы бы отметили небольшую коллективную монографию уральских авторов [Совхозы …, 1986].

CC BY

В постсоветские годы интерес к аграрной истории СССР послевоенных лет постепенно восстанавливался, однако работы, опубликованные с 1990-х годов по настоящее время, касаются исследуемой нами проблематики, как правило, лишь косвенно. Исключений здесь немного: таких, как, например, известная монография В. П. Мотревича [Мотревич, 1993] и его же совместная с Денисевичем статья в «Уральской энциклопедии» [Денисевич и др., 2000].

Приходится констатировать, что качественно полноценной историографии совхозов Урала и Свердловской области (особенно касающейся периода первых послевоенных лет их функционирования) в настоящий момент фактически не существует. И в этом с нами согласны авторы одной из уже упомянутых нами монографий, которые еще в 1986 году отметили, что «изучение истории совхозов Урала находится в начальной стадии» [Совхозы …, 1986, с. 13].

С началом XXI века количество публикаций, в которых «совхозная» тематика косвенно или фрагментарно все же присутствует, значительно возросло. В монографиях и статьях рассматриваются наиболее общие проблемы советской послевоенной деревни [Абдрахманова, 2021; Вербицкая, 2005; Демина, 2016; Корнилов, 2013; Круглов, 2013; Романченко, 2016; Хисамутдинова, 2003; Шаравьев, 2011]. Вышли в свет труды, касающиеся отдельных сторон деятельности совхозов Свердловской области и окружающих ее регионов в разные периоды. Данные работы посвящены общим проблемам развития материальной базы совхозов [Горбачев, 2019] и некоторым другим вопросам [Шевельков, 2011; Шлыкова, 2008]. В статье В. В. Степанова предпринят опыт составления историографии совхозов Урала [Степанов, 2013].

Мы продолжим разработку данной проблематики в региональном аспекте. Настоящая работа посвящена анализу особенностей восстановления и развития совхозного производства на Среднем Урале в 1946—1953 годах. Исследование проведено на основе сводных годовых отчётов всех типов советских хозяйств, расположенных в Свердловской области. При разработке данной проблематики использованы также материалы, отложившиеся в Государственном архиве Российской Федерации [ГАРФ], Российском государственном архиве экономики [РГАЭ], а также местных архивах — Государственном архиве Свердловской области [ГАСО] и Центре документации общественных организаций Свердловской области [ЦДООСО]. Как представляется авторам, взятые в совокупности, эти впервые вводимые в научный оборот материалы дают достаточно полное представление об исследуемой нами проблеме — состоянии совхозов Среднего Урала в 1945—1953 годах.

Кроме того, при написании настоящей статьи авторы использовали в качестве источников статистические сборники [Народное хозяйство …, 1959; Промышленность ..., 1957], энциклопедические издания [История …, 1988; Уральская историческая энциклопедия …, 2000], отдельные постановления высших государственных органов [Постановление …, 1943], а также сборники постановлений КПСС и Советского Правительства по хозяйственным вопросам [Директивы ..., 1958; Решения …, 1968].

Наконец, в качестве исторического источника мы использовали главную газету Советского государства «Правда».

Таким образом, целью данного исследования был комплексный анализ динамики развития совхозов Свердловской области (прежде всего — их ресурсной базы) в 1945—1953 годах. При этом объектом исследования выступает система советских хозяйств Среднего Урала, а предметом — динамика ее количественных и качественных показателей в обозначенном нами периоде, на который пришлось послевоенное восстановление как всей советской экономической системы, так и совхозной — в частности. При этом авторы сочли возможным выбрать в качестве нижней границы победный 1945 год, так как в большей своей части это был уже год восстановления народного хозяйства при отсутствии на территории страны боевых действий.

Выбор 1953 года в качестве верхней границы периода обосновывается двумя обстоятельствами. Во-первых, это был год смерти И. В. Сталина, после которой во всех сферах жизни СССР постепенно начались глубокие перемены. Во-вторых, в 1954 году совхозная статистика претерпела значительные изменения, причем далеко не в лучшую сторону, так как объем предоставляемых ею исследователям сведений был резко ограничен.

Предлагаемая статья послужит еще одним вкладом в разработку исследуемой в ней проблемы развития советских хозяйств в отдельно взятом регионе в первые послевоенные годы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Совхозы Свердловской области и война

Накануне Великой Отечественной войны в СССР насчитывалось 4159 совхозов всех направлений, причем более половины из них — 2320 хозяйств — подчинялись специально созданному Наркомату совхозов СССР [РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 59, л. 1]. Однако жизнь выявила большие сложности в оперативном управлении ими, что особенно наглядно проявлялось во время проведения традиционных мероприятий в советском сельском хозяйстве: посевной и уборочной.

Проблема оказалась настолько значимой, что даже в самый разгар Великой Отечественной войны — в сентябре 1942 года — в целях совершен-

ствования управления совхозами Правительство СССР приняло постановление № 1570, согласно которому предстояло разукрупнить 40 совхозов в восточных областях страны, в том числе на Урале [ГАРФ, ф. 5446, оп. 1, д. 206, л. 5—13]. Однако, несмотря на проводимое разукрупнение, количество совхозов в тыловых областях СССР даже уменьшилось. Причиной такого неожиданного, казалось бы, явления стало то, что часть совхозов на основании Постановлений и распоряжений ГКО или СНК СССР передавалась промышленным предприятиям, организациям и учреждениям в качестве подсобных хозяйств.

При этом анализ региональной динамики показывает, что самое существенное сокращение числа совхозов в Уральском регионе наблюдалось в Свердловской области. Так, например, в октябре 1942 года молочный совхоз «Красноармеец» был передан Наркомату электростанций, в марте 1943-го — свиносовхоз «Комсомолец» перешёл в ведение Наркомата угольной промышленности СССР [ГАРФ, ф. 5446, оп. 1а, д. 18, л. 38; д. 24, л. 150], а в октябре того же года Буринский зерносовхоз Наркомсовхозов СССР был передан Наркомату электростанций для организации на его базе подсобного хозяйства Красногорской ТЭЦ в г. Каменск-Уральский Свердловской области [Постановление …, 1943]. В результате за годы Великой Отечественной войны в стране произошло заметное сокращение совхозной системы. В частности, в Свердловской области число совхозов сократилось с 51 в 1940-м до 13 в 1945 году (табл. 1).

3.2. Послевоенное восстановление совхозной системы

После окончания войны в стране началось постепенное восстановление совхозной системы, особенно заметное в 1949—1950 годах. Так, только в 1950 году число совхозов в РСФСР увеличилось на 87 за счет принятия в совхозную систему подсобных и плодопитомнических хозяйств. Таким образом, к концу четвёртой пятилетки (то есть к концу все того же 1950 года) довоенная численность советских хозяйств как в РСФСР, так и в целом по стране была восстановлена. Однако в 1951—1952 годах начинается обратный процесс: число совхозов снова начинает сокращаться. В Свердловской области к 1950 году восстановить довоенную численность советских хозяйств не удалось, а в 1951-м произошло сокращение их количества (табл. 1). Тенденция сокращения продолжилась и в 1952 году, когда были объединены конезаводы № 107 и № 118.

Данные таблицы (табл. 1) позволяют заключить, что динамика численности совхозов в Свердловской области в период 1940—1953 годов демонстрирует крайнюю нестабильность. В то же время аналогичная динамика по всему СССР, а также РСФСР и Уралу выглядит гораздо более стабильной. Особенно же значительное сокращение числа совхо-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

зов на Среднем Урале произошло после начала Великой Отечественной войны.

Таблица 1

Численность совхозов в 1945—1953 годах * (на конец года)

Table 1

Number of state farms in 1945-1953 (at the end of the year)

Показатель	Годы									
	1940**	1945	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953
СССР	4159	3933	4300	4381	4540	4753	4988	4932	4742	4857
РСФСР	2600	2277	2584	2639	2716	2866	2953	2920	2809	2780
Урал	292	215	208	211	218	226	245	242	239	239
Свердловская область	51	13	14	14	17	21	29	28	27	27

* В рассматриваемом периоде в состав Уральского региона входили Башкирская и Удмуртская АССР, Молотовская (Пермская), Свердловская, Челябинская и Чкаловская (Оренбургская) области.

** Для справки.

Отметим, что до войны в Свердловской области большинство совхозов находилось в ведении Треста пригородных хозяйств, еще 21 хозяйство относилось к Наркомату совхозов СССР. Остальные совхозы входили в систему Наркомата пищевой промышленности (НКПП) СССР и Наркомата мясомолочной промышленности (НКММП) СССР. За годы войны в области число хозяйств, относящихся к системам НКПП и НКММП СССР, осталось практически неизменным, сокращение же произошло за счет совхозов, относящихся к Тресту пригородных хозяйств.

После окончания Великой Отечественной войны, как уже было сказано выше, в управлении совхозами произошли радикальные изменения. В марте 1946 года в результате создания в сельском хозяйстве специализированных министерств по отраслевому принципу Наркомат совхозов СССР был ликвидирован, основная часть совхозов была передана Министерству земледелия СССР и Министерству животноводства СССР. Один совхоз в области стал подчиняться Министерству земледелия СССР, 8 — Министерству животноводства СССР, 4 — Министерству мясной и молочной промышленности СССР [РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 1275, л. 2—4].

Однако вскоре было признано, что реформа управления сельским хозяйством (так называемый опыт «дробного управления») себя не оправда-

CC BY

ла. Это привело к описанным выше масштабным изменениям в управлении системой совхозов — к созданию союзно-республиканского Министерства сельского хозяйства СССР и Министерства совхозов РСФСР.

В первые послевоенные годы был издан ряд указов, постановлений и директив. Назовем среди них четыре наиболее существенных документа.

Сначала появилось постановление Февральского (1947 год) пленума ЦК ВКП (б) «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период», в котором определялись основные задачи этого довольно непростого мероприятия [Правда, 1947, 28 февр.].

Следом был обнародован закон «О четвертом пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства страны» (принят Верховным Советом СССР в марте 1946 года), главной идеей которого было восстановление довоенного уровня всей экономики страны с последующим его превышением [Правда, 1946, 10 февр.].

В апреле 1949 года Совмин СССР и ЦК ВКП (б) утвердили «Трехлетний план по развитию колхозного и совхозного животноводства на 1949—1951 годы», в соответствии с которым значительно увеличивались объемы инвестиций в сельское хозяйство страны, в том числе в совхозную систему. Согласно этому плану, сельское хозяйство и, естественно, его совхозная система должны были значительно увеличить поголовье скота и его продуктивность, создать устойчивую кормовую базу для животноводства, обеспечить все поголовье скота благоустроенными помещениями и водоснабжением и т. д. [Правда, 1949, 19 апр.].

Наконец, следует отметить и постановление Совмина СССР «О мерах по обеспечению развития племенного высокопродуктивного животноводства» от 21 апреля 1949 года [Решения …, 1968, с. 572—577]. Этот документ директивно устанавливал, по каким направлениям республики и отдельные регионы страны должны были развивать свое животноводство.

Во всех вышеупомянутых документах обязательно говорилось и о совхозах. На местах (то есть в отдельных регионах) также вносились предложения об улучшении управления совхозами. Так, председатель Облплана Свердловской области Шмырев обратился к Председателю облисполкома Недосекину с предложением в целях улучшения работы государственных сельских хозяйств передать все крупные подсобные хозяйства Министерству совхозов РСФСР. Для этого предлагалось создать в области четыре треста совхозов: в Свердловске — Трест животноводческих совхозов и Трест овоще-молочных совхозов, а в Нижнем Тагиле и Серове — Тресты овоще-молочных совхозов. При этом предлагалось ликвидировать как не оправдавший себя отдел подсобных хозяйств Облплана [ЦДООСО, ф. 4, оп. 47, д. 131, л. 130].

CC BY

В 1948 году в Свердловской области был вновь создан Трест совхозов, которому стали передавать подсобные хозяйства промышленных предприятий, бывшие до войны советскими хозяйствами. В результате проведённых реформ и частичного восстановления совхозной системы на начало 1951 года в Свердловской области имелось 7 совхозов союзного и 22 — республиканского подчинения. При этом Министерству совхозов СССР подчинялись два молочных племенных нетрестированных совхоза: «Зональный» (Нижний Тагил) и «Тагильский» (Петрокаменский район), — племенной свиноводческий совхоз «Пионер» (Талицкий район), а также государственные конезаводы № 107 (Коптеловский район), № 118 (Зайковский район) и № 130 (Нижнесергинский район), входившие в состав расположенного в Свердловске Уральского межобластного треста «Госконезаводов». Кроме того, под Свердловском находился птицеводческий совхоз «Свердловский» птицетреста Министерства мясной и молочной промышленности СССР [РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 1275, л. 2—4].

Остальные 22 хозяйства подчинялись Министерству совхозов РСФСР, из которых 19 совхозами руководил Свердловский трест животноводческих совхозов.

3.3. Государственная поддержка совхозов

Даже в тяжёлых условиях послевоенного восстановления совхозы получали от государства довольно значительные средства на укрепление своей производственной базы. Так, только в совхозы Министерства совхозов СССР за годы четвёртой пятилетки (1946—1950 годы) было направлено 4,7 млрд руб. (в ценах 1956 года), а общая стоимость основных средств производства этой группы совхозов за пятилетие увеличилась почти в три раза, в том числе по группе машин и орудий — более чем в 4, продуктивного и рабочего скота — в 3, строений и сооружений — в 2,6 раза [Зеленин, 1969, с. 173].

В результате в первые послевоенные годы был отмечен довольно быстрый рост основных фондов сельхозпредприятий, что подтверждается сведениями, содержащимися в сводных годовых отчётах совхозов всех направлений (табл. 2). Однако поскольку одновременно увеличивалось и число советских хозяйств, то реальную картину их укрепления можно проследить на основе динамики стоимости основных фондов, например, в расчёте на один совхоз в неизменных ценах 1926/1927 годов. Произведённые нами таким образом расчёты показывают, что если в 1946 году в Свердловской области стоимость основных фондов в расчёте на одно хозяйство составляла 2 млн руб., то в 1950 году — 3,8, а в 1953 году — уже 6,2. При этом заметно увеличился и земельный фонд совхозов в расчёте на одно хозяйство: с 3,9 тыс. га в 1946 году до 6,3 в 1950-м и 6,7 — в 1953-м (табл. 1, табл. 2).

CC BY
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Табл. 2

Ресурсная база совхозов Свердловской области в 1945—1953 годы (на конец года года)

Table 2

Resource base of state farms of the Sverdlovsk region in 1945—1953 (as of the end of the year)

Показатель	Годы									
	1940*	1945	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953
Основные фонды**	77,4	25,2	27,9	33,6	44,5	57,4	110,6	126,1	140,4	167,4
Земельный фонд, тыс. га	302,4	54,1	54,1	75,4	94,0	129,6	181,6	173,2	168,3	180,2
Кадры***	14,0	3,3	2,9	3,5	4,5	6,0	9,2	8,2	9,1	10,6

* Для справки.

** Стоимость в ценах 1926/1927 годов, млн руб.

*** Среднегодовая численность рабочих и служащих, занятых в основном производстве, тыс. чел.

Анализируя состояние ресурсной базы совхозной системы, невозможно обойти тему количественного и качественного состава ее кадрового потенциала. Сформированная нами таблица 2 содержит сведения о среднегодовой численности рабочих и служащих, занятых в основном производстве, то есть постоянных работников. Расчёты показывают, что довоенная среднегодовая численность работников в совхозах Свердловской области была восстановлена в 1949 году, а в 1950—1953 годах уже значительно превышала уровень 1940 года. При этом основную массу работников совхозов составляли механизаторы, животноводы, бригадиры полеводческих и животноводческих бригад (табл. 1, табл. 2).

Данные о численности и составе работающих в совхозах Министерства совхозов РСФСР по состоянию на начало 1951 года показывают, что в Свердловской области в них насчитывалось 7464 рабочих, их них 6058 (то есть 4/5) были постоянными. Кроме них, имелось 567 сезонных рабочих, 24 ученика, 275 инженерно-технических работников, 316 служащих и 224 человека младшего обслуживающего персонала. Наконец, еще 130 человек были заняты в жилищно-бытовых учреждениях. Изучая вышеприведенные цифры, нельзя не отметить, что общая численность совхозного персонала выглядела весьма скромно по сравнению с общей численностью работников сельского хозяйства. При этом значительную часть совхозных кадров составляли женщины, хотя, конечно, в послевоенные

CC BY

годы их удельный вес постепенно снижался. Так, если на начало 1946 года численность работающих в совхозах Министерства совхозов РСФСР женщин составляла в области 62 %, то на начало 1951 года — 44,4 % [РГАЭ, ф. 7803, оп. 2, д. 1352, л. 20, 21; д. 1382, л. 2—3].

3.4. Основные направления государственных инвестиций

В первые послевоенные годы основная часть инвестированных в совхозы капитальных вложений была использована в электроэнергетике и капитальном строительстве. Это не было случайным, так как в мае 1948 года Совет Министров СССР принял постановление «О плане развития сельском электрификации на 1948—1950 годы», в котором предусматривалось в течение трёх лет электрифицировать 3,2 тыс. совхозов. В данном постановлении предусматривалось электрифицировать в первую очередь такие трудоёмкие процессы, как молотьба, очистка, сортировка сушка и размол зерна, орошение, водоснабжение, кормоприготовление, дойка и стрижка [Директивы ..., с. 286—289].

Архивные материалы позволяют проследить динамику электрификации советских хозяйств в Свердловской области. Они свидетельствуют, что в 1940 году из оставшихся к 1950 году хозяйств были электрифицированы 10 совхозов. В 1941—1945 годах к ним добавилось еще семь. В 1946 году в области электрифицировали три совхоза, в 1947 году — два, в 1948 году — пять и в 1950 году еще один. В результате, по данным на начало 1951 года, из 29 совхозов было электрифицированы 28, то есть 96,4 % [ГАРФ, ф. 374, оп. 14, д. 4402, л. 7]. Это было значительно больше, чем в среднем по СССР, где к концу четвёртой пятилетки было электрифицировано 76 % совхозов [Народное хозяйство ..., 1959, с. 523]. Работы по электрификации уральской деревни продолжались и в начале 1950-х годов. Так, по данным Р. Р. Хисамутдиновой, совхозы Урала были электрифицированы на 94 %, РСФСР — на 88 %, СССР — на 89 %. При этом полностью были электрифицированы совхозы Свердловской и Молотовской областей [Хисамутдинова, 2003, с. 125].

Важнейшую роль в функционировании совхозного производства имело состояние машинно-тракторного парка (табл. 3). Материалы таблицы свидетельствуют, что за годы войны состояние технической базы советских хозяйств значительно ухудшилось. Данные за 1945 год показывают, что в совхозах почти не осталось мощных гусеничных тракторов, заметно сократилась выработка оставшихся машин. Количество комбайнов в расчёте на одно хозяйство осталось неизменным, однако при проведении уборки проблемы возникали из-за нехватки автомашин. Их количество в расчёте на одно хозяйство также значительно сократилось.

После окончания войны восстановление и укрепление технической базы проводилось прежде всего за счет пополнения тракторного парка.

С баланса совхозов списывалась не подлежащая ремонту техника, которую заменяла продукция восстановленных Кировского, Сталинградского и Харьковского тракторных заводов, а также новых тракторных заводов во Владимире, Липецке, Минске и Рубцовске. Увеличилось и производство комбайнов. В 1949 году в хозяйства Министерства совхозов РСФСР был передан 5961 трактор, а количество комбайнов в них увеличилось с 17 456 до 21 000 штук, то есть на 27 %. В следующем, 1950 году промышленность СССР выпустила 108,8 тыс. тракторов и 98,9 тыс. зерновых комбайнов против соответственно 7,7 и 0,9 тыс. в 1945 году, в десятки раз увеличилось производство прочей сельхозтехники: жаток, тракторных плугов и сеялок [Промышленность …, 1957, с. 42].

В значительных масштабах техника стала поступать и в совхозы Свердловской области. В 1948—1953 годах в совхозах области отмечался быстрый рост численности их тракторных парков (табл. 3). При этом по мере поступления новой техники колёсные трактора выбраковывались и заменялись гусеничными: на совхозных полях стали преобладать гусеничные тракторы СХТЗ-НАТИ, ЧТЗ С-60 и ЧТЗ С-65. И хотя в рассматриваемый период больше всего в совхозах области было еще тракторов СТЗ-ХТЗ 15/30 (самых массовых тракторов, выпускаемых в СССР начиная с 1930 года), но все же мощность тракторного парка за эти годы значительно возросла в расчёте на один совхоз. В результате увеличивался объем тракторных и особенно комбайновых работ: к выпуску гражданской продукции приступила уже промышленность всего Урала. Так, почти сразу после окончания войны — в 1946 году — на предприятиях Свердловской области было налажено производство соломорезок, картофелекопалок и другой сельскохозяйственной техники [Хисамутдинова, 2003, с. 144].

Послевоенная конверсия промышленности позволила решить проблему запасных частей, остро стоявшую в сельхозпредприятиях в годы Великой Отечественной войны, и улучшить качество ремонтных работ. В справке Министерства совхозов РСФСР от 1 февраля 1948 года о подготовке советских хозяйств к весеннему севу отмечалось, что проверка ремонта тракторов по хозяйствам Управления совхозами Урала показала достаточно хорошие результаты. Так, из проверенных в 70 совхозах 430-ти тракторов оценку «отлично» получили 4 машины, «хорошо» — 290, «удовлетворительно» — 105, и только 31 трактор (7,2 % от общего числа) был забракован [ГАРФ, ф. 262, оп. 5, д. 403, л. 175].

При этом плохо обстояли дела в совхозах с автотранспортом. Если в 1940 году в среднем на совхоз приходилось 3,4 грузового автомобиля, то в 1945-м — только 2,1. В связи с этим примечательно письмо Свердловского обкома ВКП(б) от 24 декабря 1946 года за подписью секретаря обкома

Табл. 3

Машинно-тракторный парк в совхозах Свердловской области в 1945—1953 годы
(на конец года, шт.)

Table 3

Machine and tractor fleet in state farms of the Sverdlovsk region in 1945—1953
(at the end of the year, units)

Показатель	Годы									
	1940*	**1945**	**1946**	**1947**	**1948**	**1949**	**1950**	**1951**	**1952**	**1953**
Тракторы, ед. — в т.ч. колёсные	586 518	118 110	124 110	139 120	196 149	265 189	368 249	395 246	425 243	495 291
— мощность **	9,8	2,0	2,1	2,4	3,8	5,5	8,2	9,3	10,3	12,2
— выработка***	314	241	240	252	279	281	191	201	179	180
— работы****	191,6	30,7	32,6	38,6	65,2	97,1	98,3	116,8	119,0	139,8
Комбайны, ед.	114	28	28	31	42	73	100	119	140	154
— уборка*****	31,4	5,2	5,4	4,7	9,5	15,7	16,9	22,3	23,6	31,8
Грузовые автомобили, ед.	175	27	42	56	78	106	166	165	182	190

* Для справки.

** Мощность тракторного парка, тыс. л. с.

*** Годовая выработка на один условный 15-сильный трактор, га «мягкой пахоты».

**** Объем тракторных работ (годовая выработка), тыс. га «мягкой пахоты».

***** Объем комбайновых работ (годовая выработка), тыс. га.

[Научный диалог = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

CC BY

Цыганова на имя Министра земледелия СССР И. А. Бенедиктова. В нем речь шла о Свердловском овощесовхозе Главного управления овощных и пригородных совхозов Министерства совхозов РСФСР.

Упомянутый совхоз был одним из крупнейших хозяйств в своём направлении: в 1946 году он засеял 1360 га посевных площадей, в том числе 360 га были отведены под картофель и овощи. Совхоз имел 10 тыс. парниковых рам, 630 м^2 теплиц, тепличный комбинат площадью 10 тыс. кв. м и 670 голов крупного рогатого скота. До войны в совхозе были 23 грузовые автомашин, но к началу 1947 года осталось всего 4. В результате такого уменьшения числа единиц автотранспорта в совхозе произошло резкое сокращение сельскохозяйственного производства. В связи с этим Свердловский обком ВКП(б) просил Правительство выделить совхозу 10—15 грузовых автомашин из резерва Совета Министров СССР [ЦДООСО, ф. 4, оп. 43, д. 172, л. 174]. Нам неизвестен результат обращения в столь высокую инстанцию, но можно предположить, что он в тех условиях не мог быть значительным.

Надо сказать, что в целом в послевоенные годы парк грузовых автомобилей в совхозах увеличивался, и притом довольно быстрыми темпами. В результате обеспеченность советских хозяйств автотранспортом заметно улучшилась: в 1950 году на один совхоз приходилось в среднем 5,7, а в 1953 году — уже 7 грузовых автомобилей (табл. 1, табл. 3).

Здесь необходимо отметить, что, беспокоясь о транспорте для совхоза, секретарь обкома забыл сообщить в Центр о том, в каких стеснённых условиях находились его работники. Как отмечалось на состоявшейся 8 января 1951 года IV областной конференции профсоюза работников совхозов, в Свердловском овощесовхозе 350 кв. м было непригодно для проживания и списано с баланса хозяйства [ГАСО, ф. 2039, оп. 1, д. 4, л. 30]. Однако в этом жилье по-прежнему продолжали жить работники совхоза.

Положение не улучшилось и в последующие годы. По состоянию на конец 1953 года в совхозе значительная часть жилья пришла в негодность, многие дома требовали капитального ремонта. Магазин, библиотека, медпункт размещались в тесных и неприспособленных для них помещениях. Пришёл в негодность и барак, в котором находился совхозный клуб [ГАСО, ф. 2040, оп. 1, д. 60, л. 6].

4. Заключение = Conclusions

Итак, исследуемый нами исторический период явился одним из труднейших в истории страны. Используемые в статье материалы и проведенный анализ свидетельствуют о тех невероятных трудностях, которые ис-

CC BY

пытывала экономика СССР в те годы. Эти трудности вместе со страной разделили и советские хозяйства.

На наш взгляд, можно констатировать, что в Свердловской области после окончания Великой Отечественной войны происходило постепенное восстановление совхозной системы: в неё возвращались совхозы, переданные промышленным предприятиям в качестве подсобных сельских хозяйств. В результате в совхозах была превышена довоенная среднегодовая численность работников, серьёзно укрепилась их материально-техническая база, в первую очередь за счет поступления новой техники.

Однако в рассмотренном нами периоде довоенная численность советских хозяйств на Среднем Урале (как, кстати, и на всем Урале) в отличие от СССР и РСФСР в целом восстановлена не была. Поэтому и в 1950—1952 годах довоенный уровень производства зерна, картофеля, молока, то есть основных видов сельскохозяйственной продукции, не был достигнут. Причины такого явления требуют детального исследования. Как нам представляется, одной из них было (как это ни покажется странным) и нежелание руководителей крупных промышленных предприятий расставаться с подсобными хозяйствами, обеспечивавшими их продуктами питания.

Нельзя также не отметить, что значительное количество находившихся в Свердловской области советских хозяйств (особенно в ее северных районах) были убыточными. Доля таких хозяйств в послевоенном периоде постепенно возрастала, достигнув в 1980 году цифры в 61 % [Уральская историческая энциклопедия …, 2000, с. 498]. Да и в целом в рассматриваемые годы государственный сектор в сельском хозяйстве региона занимал незначительное место (хотя за счет развития подсобных хозяйств предприятий, организаций и учреждений его роль и несколько возросла). Вот конкретные цифры: если в 1940 году в Свердловской области на долю госсектора (главную роль в котором играли совхозы) приходилось 7,7 % валовой продукции сельского хозяйства (в стоимостном выражении в ценах 1926/1927 годов), то в 1946-м — 14 %, 1950-м — 11,2%, 1952-м — 12,8% [РГАЭ, оп. 323, д. 48, л. 1—2; оп. 324, д. 1870, л. 36; д. 3752, л. 24; д. 4174, л. 18].

Бóльшую же часть сельскохозяйственной продукции в Свердловской области в 1946—1953 годах производили колхозы, которые все годы существования Советского Союза оставались ведущей производительной силой его аграрного сектора. При этом не стоит обольщаться насчет их более высокой рентабельности по сравнению с совхозами — просто численность колхозов всегда была достаточно большой, а по степени своей убыточности они нередко превосходили совхозы.

За колхозами по объемам производимой продукции следовали индивидуальные хозяйства рабочих и служащих, а после них — колхозников. Та-

CC BY

кое распределение ведущих мест лишний раз подчеркивает, на наш взгляд, ту незначительную роль совхозов, которую они играли в экономике сельского хозяйства Среднего Урала в первом послевоенном десятилетии.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — *Государственный* архив Российской Федерации. Ф. 262 (Государственный плановый комитет РСФСР). Оп. 5. Д. 403 ; Ф. 374 (Государственный комитет РСФСР по статистике). Оп. 14. Д. 4402 ; Ф. 5446 (Совет Министров СССР). Оп. 1. Д. 206 ; Оп. 1а. Д. 18, 24.

2. ГАСО — *Государственный архив* Свердловской области. Ф. 2039 (Свердловский областной комитет профсоюза рабочих совхоза). Оп. 1. Д. 4 ; Ф. 2040 (Свердловский областной комитет профсоюза работников АПК). Оп. 1. Д. 60.

3. *Директивы* КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. — Москва : Госполитиздат, 1958. — Т. 3. — 704 с.

4. *Народное* хозяйство СССР в 1958 году. Стат. еж. — Москва : Госстатиздат, 1959. — 959 с.

5. *Правда* : Орган Центрального Комитета и Московского Комитета ВКП (б).

6. *Постановление* ГКО от 7 сентября 1943 г. № 4054 «О создании собственной продовольственной базы Красногорской ТЭЦ Наркомэлектростанций» [Электронный ресурс] // Док. сов. Эпохи. — Режим доступа : http://sovdoc.rusarchives.ru/docs/ (дата обращения 14.02.2021).

7. *Промышленность* СССР. Ст. сб. — Москва : Статиздат, 1957. — 457 с.

8. РГАЭ — *Российский* государственный архив экономики. Ф. 1562 (Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР). Оп. 324. Дд. 59, 1257, 1275, 1672, 1869, 2029, 2468, 2983, 3473, 3492, 3961а, 3965, 4579, 4972 ; Ф. 7803 (Министерство совхозов СССР). Оп. 2. Дд. 1352, 1382.

9. *Решения* партии и правительства по хозяйственным вопросам в 5 т. Сб. док. за 50 лет. — Москва : Политиздат, 1968. — Т. 3. — 754 с.

10. ЦДООСО — *Центр* документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4 — Уральский (Свердловский) обком КПСС). Оп. 43. Д. 172 ; Оп. 47. Д. 131.

11. *Уральская* историческая энциклопедия. — Екатеринбург : ИИиА УрО РАН, 2000. — 637 с. — ISBN 5-7691-0795-2.

Литература

1. *Абдрахманова К. К.* Проблемы советского крестьянства в послевоенное десятилетие в современной российской историографии / К. К. Абдрахманова // Вестник Карагандинского университета им. акад А. Е. Бекетова. Серия : История. Философия. — 2021. — Т. 102. — № 2. — С. 6—19. — DOI: 10.31489/2021hph2/162-168.

2. *Башмачников В.* Пути совершенствования структуры управления в совхозе / В. Башмачников. — Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1977. — 134 с.

CC BY

3. *Богденко М. Л.* Проблемы развития совхозов в новейшей литературе. В кн. : Сельское хозяйство и крестьянство СССР в современной советской историографии / М. Л. Богденко. — Кишинев : Штиинца, 1977. — С. 106—117.

4. *Булатов А. Е.* Основные фонды совхозов и эффективность их использования / А. Е. Булатов. — Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1971. — 123 с.

5. *Вербицкая О. М.* Демографические проблемы российской деревни в послевоенные годы (1945—1959) / О. М. Вербицкая // Труды Института российской истории РАН. — Москва : Изд-во ИРИ РАН, 2005. — № 5. — С. 300—321.

6. *Голдин В. Н.* Использование основных фондов совхозами лесостепной зоны (Зауралье) в восьмой пятилетке / В. Н. Голдин // Труды Уральского политехнического института. Сб. 232. — 1974. — С. 190—194.

7. *Горбачев А. О.* материальная база совхозов и колхозов в 1960-е — 1970-е гг. (на материалах Свердловской области). В сб. : «Шаг в историческую науку» / А. О. Горбачев // Материалы XIX Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. — Екатеринбург : [б. и.], 2019. — С. 232—234.

8. *Дейнеко Г. Ф.* Искусство управлять совхозом / Г. Ф. Дейнеко, О. В. Кульдяев. — Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1973. — 114 с.

9. *Демидов Г. М.* Повышение рентабельности и развитие хозрасчётных отношений в совхозах Урала / Г. М. Демидов // Труды Свердловского сельскохозяйственного института. — 1976. — Т. 41. — С. 113—142.

10. *Демина Ю. В.* Послевоенный голод 1946—1947 гг. В современной отечественной историографии / Ю. В. Демина // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. — 2016. — № 3 (19). — С. 65—72.

11. *Денисевич М. Н.* Совхозы / М. Н. Денисевич, В. П. Мотревич // Уральская историческая энциклопедия . — Екатеринбург : Институт истории и археологии УрО РАН, 2000. — С. 497—498. — ISBN 5-7691-0795-2.

12. *Долгополова Л. П.* Оборотные фонды совхозов Пермского района и эффективность их использования / Л. П. Долгополова // Труды Пермского сельскохозяйственного института. — 1972. — Т. 96. — С. 49—53.

13. *Дьякова З. Г.* К вопросу о совершенствовании структуры управления в совхозе / З. Г. Дьякова // Труды Пермского сельскохозяйственного института. — 1972. — Т. 96. — С. 91—97.

14. *Зеленин И. Е.* Совхозы СССР (1941—1945) / И. Е. Зеленин. — Москва : Наука, 1969. — 344 с.

15. *Зеленин И. Е. О* некоторых проблемах изучения истории совхозного строительства в СССР. В кн. : Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири / И. Е. Зеленин. — Курган : [б. и.], 1971. — С. 63—76.

16. *История* советского крестьянства : в 5 т. Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества. 1945 — конец 1950-х годов. — Москва : Наука, 1988. — 395 с.

17. *Корнилов Г. Е.* Бедность как образ жизни : уральская деревня в военные и послевоенные годы (1941—1953) / Г. Е. Корнилов // Уральский исторический вестник. — 2013. — № 3 (40). — С. 91—98.

18. *Круглов В. Н.* «Последний сталинский голод» : кризис продовольственного обеспечения в СССР начала 1950-х гг. / В. Н. Круглов // Экономическая история : ежегодник. — 2014. — Т. 2013. — С. 403—446.

19. *Ланг М. О.* Анализ экономической эффективности применения минеральных удобрений в Николо-Павловском совхозе Пригородного района Свердловской области / М. О. Ланг // Труды Свердловского сельскохозяйственного института. — 1976. — Т. 41. — С. 173—180.

20. *Мотревич В. П.* Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941—1950 гг.) / В. П. Мотревич. — Екатеринбург : Наука : Уральское отд-ние, 1993. — 307 с.

21. *Нагаев Ю. А.* Экономическая эффективность основных производственных фондов в совхозах Урала / Ю. А. Нагаев // Региональные особенности развития общественного производства : Сб. статей. — Свердловск : УНЦ АН СССР, 1978. — С. 63—68.

22. *Нифонтова Г. В.* Некоторые данные эффективности производства яиц в совхозах Пермской области / Г. В. Нифонтова // Труды Пермского сельскохозяйственного института. — 1970. — Т. 52. — С. 41—50.

23. *Романченко В. Я.* Государственные сельские хозяйства России в условиях нэпа и сталинской модернизации / В. Я. Романченко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 7 (69). — С. 140—142.

24. *Смолина Р. Т.* Эффективность использования основных производственных фондов в совхозах Челябинской области / Р. Т. Смолина // Труды Челябинского института механизации и электрификации сельского хозяйства. — 1976. — Выпуск 120. — С. 27—29.

25. *Совхозы* Урала в период социализма (1938—1985 гг.) : сборник научных трудов / АН СССР, Уральский науч. Центр ; [редкол. : Р. П. Толмачева (отв. ред.) и др.]. — Свердловск : УНЦ АН СССР, 1986. — 77 с.

26. *Степанов В. В.* Совхозы Урала в отечественной историографии / В. В. Степанов // Аграрный вестник Урала. — 2013. — № 9 (115). — С. 61—66.

27. *Фазлыев Х. Ф.* Об экономической эффективности производства в совхозах степного Предуралья / Х. Ф. Фазлыев // Труды Башкирского научно-исследовательского института сельского хозяйства. — 1973. — Выпуск 4. — С. 44—52.

28. *Федоров А. Н.* «Поднять уровень руководства сельским хозяйством» : Ревизия региональных комитетов ВКП(б) в 1951 г. / А. Н. Федоров // Российская история. — 2024. — № 6. — С. 135—149. — DOI: 10.31857/S2949124X24060184.

29. *Хисамутдинова Р. Р.* Аграрная политика Советского государства на Урале после окончания Великой Отечественной войны (июнь 1945 — март 1953 г.) / Р. Р. Хисамутдинова. — Оренбург : Изд–во Оренбургского государственного педагогического университета, 2003. — 608 с. — ISBN 5-85859-174-4.

30. *Шаравьев П. В.* Послевоенная уральская деревня. По материалам архива УФСБ России по Свердловской области / П. В. Шаравьев // Известия Уральского государственного университета. Серия 2 : Гуманитарные науки. — 2011. — № 4 (96). — С. 244—255.

31. *Шевельков А. И.* Статистические данные о развитии сельского хозяйства и продовольственном обеспечении населения в 1950—1960-е гг. В документах ЦК КПСС / А. И. Шевельков // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы : источники и методы исследования. — 2011. — № 1. — С. 369—376.

32. *Шлыкова О. В.* Преобразование колхозов в совхозы в 1950—1960-е годы / О. В. Шлыкова // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. — 2008. — Т. 3. — С. 152—154.

Статья поступила в редакцию 25.03.2025,
одобрена после рецензирования 07.06.2025,
подготовлена к публикации 01.08.2025.

Material resources

CDOOSO — *Documentation Center for public organizations of the Sverdlovsk region. F. 4 — Ural (Sverdlovsk) Regional Committee of the CPSU). Op. 43. 172; Op. 47. 131.* (In Russ.).

Decisions of the party and the government on economic issues in 5 volumes. Collection of documents for 50 years, 3. (1968). Moscow: Politizdat. 754 p. (In Russ.).

Directives of the CPSU and the Soviet government on economic issues, 3. (1958). Moscow: Gospolitizdat. 704 p. (In Russ.).

GARF — *The State Archive of the Russian Federation. F. 262 (State Planning Committee of the RSFSR).* (In Russ.).

GASO — *The State Archive of the Sverdlovsk region. F. 2039 (Sverdlovsk Regional Committee of the State Farm Workers' Union).* (In Russ.).

GKO Resolution № 4054 of September 7, 1943 "On the creation of its own food base at the Krasnogorskaya TPP of the People's Commissariat of Electric Power". *Doc. sov. Epochs.* Available at: http://sovdoc.rusarchives.ru/docs/ (accessed 14.02.2021). (In Russ.).

Industry of the USSR. St. sb. (1957). Moscow: Statisdat. 457 p. (In Russ.).

Pravda: The organ of the Central Committee and the Moscow Committee of the CPSU (b). (In Russ.).

RGAE — *Russian State Archive of Economics. F. 1562 (Central Statistical Office under the Council of Ministers of the USSR).* (In Russ.).

The national economy of the USSR in 1958. Stat. hedgehog. (1959). Moscow: Gosstatisdat. 959 p. (In Russ.).

Ural Historical Encyclopedia. (2000). Yekaterinburg: IIA Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 637 p. ISBN 5-7691-0795-2. (In Russ.).

References

Abdrakhmanova, K. K. (2021). The problems of the Soviet peasantry in the post-war decade in modern Russian historiography. *Bulletin of the Karaganda University named after Academician A. E. Beketov. Series: History. Philosophy, 102 (2):* 6—19. DOI: 10.31489/2021hph2/162-168. (In Russ.).

Bashmachnikov, V. (1977). *Ways to improve the management structure in the state farm.* Sverdlovsk: Sredne-Uralsky Book Publishing House. 134 p. (In Russ.).

Bogdenko, M. L. (1977). *Problems of development of state farms in the latest literature. In the book. Agriculture and the peasantry of the USSR in modern Soviet historiography.* Chisinau: Stiinca. 106—117. (In Russ.).

Bulatov, A. E. (1971). *Fixed assets of state farms and the effectiveness of their use.* Sverdlovsk: Sredne-Uralsky Book Publishing House. 123 p. (In Russ.).

Deineko, G. F., Kuldyaev, O. V. (1973). *The art of managing a state farm.* Chelyabinsk: South Ural Publishing House. 114 p. (In Russ.).

Demidov, G. M. (1976). Increasing profitability and developing self-financing relations in the state farms of the Urals. *Proceedings of the Sverdlovsk Agricultural Institute, 41:* 113—142. (In Russ.).

Demina, Yu. V. (2016). The post-war famine of 1946—1947. In modern Russian historiography. *Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific Journal, 3 (19):* 65—72. (In Russ.).

Denisevich, M. N., Motrevich, V. P. (2000). *State farms. Ural Historical Encyclopedia.* Yekaterinburg: Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 497—498. ISBN 5-7691-0795-2. (In Russ.).

Dolgopolova, L. P. (1972). Revolving funds of state farms in the Perm region and the effectiveness of their use. *Proceedings of the Perm Agricultural Institute, 96:* 49—53. (In Russ.).

Dyakova, 3. G. (1972). On the issue of improving the management structure in the state farm. *Proceedings of the Perm Agricultural Institute, 96:* 91—97. (In Russ.).

Fazlyev, X. F. (1973). On the economic efficiency of production in state farms of the steppe Urals. *Proceedings of the Bashkir Scientific Research Institute of Agriculture, 4:* 44—52. (In Russ.).

Fedorov, A. N. (2024). "To raise the level of agricultural management": An audit of the regional committees of the CPSU(b) in 1951. *Russian History, 6:* 135—149. DOI: 10.31857/S2949124X24060184. (In Russ.).

Goldin, V. N. (1974). The use of fixed assets by state farms of the forest-steppe zone (Trans-Urals) in the eighth five-year plan. *Proceedings of the Ural Polytechnic Institute. Sat. 232.* 190—194. (In Russ.).

Gorbachev, A. O. (2019). The material base of state farms and collective farms in the 1960s — 1970s. (based on materials from the Sverdlovsk region). In collection: "A step into historical science". In: *Proceedings of the XIX All-Russian Scientific and Practical Conference of Young Scientists.* Yekaterinburg: [B. I.]. 232—234. (In Russ.).

History of the Soviet peasantry: in 5 volumes. The peasantry in the years of consolidation and development of socialist society. 1945 — the end of the 1950s. Moscow: Nauka Publ. 395 p. (In Russ.).

Khisamutdinova, R. R. (2003). *The agrarian policy of the Soviet state in the Urals after the end of the Great Patriotic War (June 1945 — March 1953).* Orenburg: Publishing House of Orenburg State Pedagogical University. 608 p. ISBN 5-85859-174-4. (In Russ.).

Kornilov, G. E. (2013). Poverty as a way of life: the Ural village in the war and post-war years (1941—1953). *Ural Historical Bulletin, 3 (40):* 91—98. (In Russ.).

Kruglov, V. N. (2014). "The last Stalinist famine": the crisis of food supply in the USSR in the early 1950s. *Economic History: Yearbook, 2013:* 403—446. (In Russ.).

Lang, M. O. (1976). Analysis of the economic efficiency of the use of mineral fertilizers in the Nikolo-Pavlovsky state farm of the Prigorodny district of the Sverdlovsk region. *Proceedings of the Sverdlovsk Agricultural Institute, 41:* 173—180. (In Russ.).

Motrevich, V. P. (1993). *Agriculture of the Urals in statistical indicators (1941—1950).* Yekaterinburg: Nauka: Ural Publishing House. 307 p. (In Russ.).

Nagaev, Yu. A. (1978). Economic efficiency of fixed production assets in the state farms of the Urals. In: *Regional features of the development of social production: Collection of articles.* Sverdlovsk: UNC of the USSR Academy of Sciences. 63—68. (In Russ.).

Nifontova, G. V. (1970). Some data on the efficiency of egg production in state farms in the Perm region. *Proceedings of the Perm Agricultural Institute, 52:* 41—50. (In Russ.).

Romanchenko, V. Ya. (2016). State agricultural enterprises of Russia in the conditions of NEP and Stalinist modernization. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice, 7 (69):* 140—142. (In Russ.).

Sharavyev, P. V. (2011). The post-war Ural village. Based on the materials of the archive of the Federal Security Service of Russia for the Sverdlovsk region. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Series 2: Humanities, 4 (96):* 244—255. (In Russ.).

Shevelkov, A. I. (2011). Statistical data on the development of agriculture and food supply to the population in the 1950s and 1960s. In the documents of the Central Committee of the CPSU. *Actual problems of the agrarian history of Eastern Europe: sources and research methods, 1:* 369—376. (In Russ.).

Shlykova, O. V. (2008). Transformation of collective farms into state farms in the 1950s and 1960s. *Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University, 3:* 152—154. (In Russ.).

Smolina, R. T. (1976). Efficiency of the use of fixed production assets in state farms of the Chelyabinsk region. *Proceedings of the Chelyabinsk Institute of Mechanization and Electrification of Agriculture, 120:* 27—29. (In Russ.).

State farms of the Urals during the period of socialism (1938—1985): collection of scientific papers. (1986). Sverdlovsk: UNTS of the USSR Academy of Sciences. 77 p. (In Russ.).

Stepanov, V. V. (2013). State farms of the Urals in Russian historiography. *Agrarian Bulletin of the Urals, 9 (115):* 61—66. (In Russ.).

Verbitskaya, O. M. (2005). Demographic problems of the Russian countryside in the post-war years (1945—1959). In: *Proceedings of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 5.* Moscow: Publishing House of the IRI RAS. 300—321. (In Russ.).

Zelenin, I. E. (1969). *Sovkhozes of the USSR (1941—1945).* Moscow: Nauka Publ. 344 p. (In Russ.).

Zelenin, I. E. (1971). *On some problems of studying the history of state farm construction in the USSR. In the book. Questions of the agrarian history of the Urals and Western Siberia.* Kurgan: [B. I.]. 63—76. (In Russ.).

The article was submitted 25.03.2025;
approved after reviewing 07.06.2025;
accepted for publication 01.08.2025.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Накишова М. Т. Кабинет-секретарь Петра I А. В. Макаров и анонимное письмо 1724 года / М. Т. Накишова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 6. — С. 482—502. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-482-502.

Nakishova, M. T. (2025). A. V. Makarov, Peter I's Cabinet Secretary, and Anonymous Letter of 1724. *Nauchnyi dialog, 14* (6): 482-502. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-482-502. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Кабинет-секретарь Петра I А. В. Макаров и анонимное письмо 1724 года

Накишова Марина Тазабаевна
orcid.org/0000-0002-2115-1663
кандидат исторических наук,
научный сотрудник Лаборатории
эдиционной археографии
m-nakishova@mail.ru

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
за счет гранта Российского научного
фонда, проект № 23-78-0105,
https://rscf.ru/project/23-78-01059/

A. V. Makarov, Peter I's Cabinet Secretary, and Anonymous Letter of 1724

Marina T. Nakishova
orcid.org/0000-0002-2115-1663
PhD in History,
Researcher at the Laboratory
of Traditional Archeography
m-nakishova@mail.ru

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:
The research was carried
out at the expense of a grant from
the Russian
Science Foundation, project № 23-78-
0105,
https://rscf.ru/project/23-78-01059/

© Накишова М. Т., 2025

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Данное исследование представляет собой новый взгляд на обстоятельства, изложенные в анонимном письме, подброшенном Петру I в ноябре 1724 года и содержавшем сведения о злоупотреблениях членов Вышнего суда и кабинет-секретаря А. В. Макарова. Анализируется роль Макарова в государственном строительстве петровского времени. Подчеркивается важная посредническая функция последнего в процессе выработки и принятия политических решений. Указывается, что для некоторых управленческих экспериментов, характерных для царствования первого российского императора, кабинет-секретарь выступал своего рода *alter ego* государя, осуществляя связь с различного плана административными институтами и донося до них волю монарха. В данном контексте рассматриваются пункты обвинения, разбираются обстоятельства упоминаемых в нем дел. Подчеркивается роль личностей, справедливо или несправедливо обвиненных в злоупотреблениях. Сделан вывод, что документ представляет собой набор стереотипных взглядов, характерных для делопроизводителей средней руки, тогда так претензии и обвинения в адрес Макарова не имеют под собой реальной основы.

Ключевые слова:
социальные связи; неформальные связи; Кабинет Петра I; судебно-следственные процессы; подметное письмо.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study offers a fresh perspective on the circumstances surrounding an anonymous letter delivered to Peter I in November 1724, which contained allegations of misconduct by members of the Supreme Court and Cabinet Secretary A. V. Makarov. The analysis explores Makarov's role in the state-building efforts of the Petrine era, emphasizing his significant mediating function in the formulation and adoption of political decisions. It is noted that for certain administrative experiments characteristic of the reign of Russia's first emperor, the Cabinet Secretary acted as a sort of alter ego for the sovereign, facilitating communication with various administrative institutions and conveying the monarch's will to them. In this context, the article examines the charges presented in the letter and investigates the circumstances surrounding the cases mentioned therein. The roles of individuals who were justly or unjustly accused of misconduct are highlighted. The conclusion drawn is that the document reflects a set of stereotypical views typical of mid-level clerks, suggesting that the claims and accusations against Makarov lack substantive grounding.

Key words:
social connections; informal networks; Peter I's Cabinet; judicial inquiries; anonymous correspondence.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47).05+177.3“1724”+929Макаров
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-482-502

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Кабинет-секретарь Петра I А. В. Макаров и анонимное письмо 1724 года

© Накишова М. Т., 2025

1. Введение = Introduction

В исторических исследованиях период правления Петра I справедливо характеризуется как ключевой момент развития российской государственности. Учеными отмечается значительный интеллектуальный вклад монарха в процесс реформирования Московского царства. Устанавливается, что Петр Алексеевич выступал идейным вдохновителем различного рода управленческих экспериментов. В равной степени он вмешивался в практическую реализацию преобразований, корректируя, видоизменяя и приспосабливая планы к российской действительности. Вместе с тем не вызывает сомнения, что многочисленные нововведения начала XVIII века явились результатом упорного труда сподвижников Петра Великого, занимавших ключевые должности в системе управления и поддерживавших монарха на его нелегком пути. Степень успешности политической карьеры царских соратников определялась как их собственными административными талантами и навыками, так и силой расположения правителя, напрямую зависящей от тех отношений, которые связывали представителей политической элиты между собой.

Вопрос о том, каким образом изучать социальные связи, сложившиеся среди ближайшего петровского окружения, активно дискутируется историками в последние десятилетия. Во-первых, значительный вклад в науку внесли работы, специально посвященные отношениям «птенцов гнезда Петрова», их соперничеству за власть и влиянию, особенностям клиентелизма [Анисимов и др., 2022; Бушкович, 2008; Зицер, 2008; Накишова, 2023; Патроны …, 2022; Петр I …, 2023; Полонский, 2021; Joukovskaia, 2024; Hosking, 2000; Ransel, 1973]. Ученым удалось убедительно доказать, что различного рода социальные связи являлись естественной составляющей государственного управления Российской империи, а их функционирование приводило к выработке наиболее эффективных механизмов принятия политических решений.

Во-вторых, популярным направлением научных штудий представляются биографические исследования [Андреев, Андреева, 2020; Комолов,

CC BY

2023; Кротов, Акишин, 2022; Павленко, 1985; Павленко, 2016; Филимон, 2013; Medvedkova, 2007]. Авторы трудов о Ф. М. Апраксине, Я. В. Брюсе, Ж.-Б. А. Леблоне, А. Д. Меншикове, У. А. Сенявине, Д. А. Трезини и др. характеризуют социальные контакты государственных деятелей, их семейные, дружеские и любовные связи, участие в политических группировках и дворцовых конфликтах. Неотъемлемыми спутниками исторических биографий выступают работы, касающиеся государственной и коррупционной деятельности петровских сподвижников [Бабич, 2003; Письма и бумаги …, 2023; Редин, 2020; Серов, 1996; Серов и др., 2018]. Считается, что именно на материале судебно-следственных процессов, длившихся на протяжении всего царствования, наиболее ярко прослеживаются способы взаимодействия и механизмы функционирования патрон-клиентских отношений.

Одной из ключевых персон первой половины XVIII века являлся кабинет-секретарь Петра I Алексей Васильевич Макаров (1674/1675—1740). Начавший свою политическую карьеру с должности рядового подьячего, Макаров к 1720-х годам стал своеобразным *alter ego* монарха, выражая общественности его мнение, влияя на процесс принятия политических решений [Анисимов, 1997, с. 283—285; 200-летие Кабинета…, 1911, с. 1—129; Накишова, 2023, с. 283—441; Павленко, 1989, с. 234—308]. Для петровского времени кабинет-секретарь представлял собой редкий пример человека, который, пользуясь неограниченным доверием государя, не был замешан ни в одном резонансном судебно-следственном процессе в качестве обвиняемого. Тем не менее политический успех кабинет-секретаря вызывал сомнения у современников, обеспокоенных причинами столь стремительного возвышения бывшего подьячего и желавших обличить его скрытые коррупционные схемы.

Первый случай, когда Макаров оказался среди лиц, обвиненных во взяточничестве и должностных злоупотреблениях, относится к концу петровского правления. В 1724 году государю было подброшено «подметное письмо»[1], автор которого настойчиво уличал царского любимца в многочисленных нарушениях, фабриковании дел Вышняго суда и подделке выписок. Несмотря на резонанс происшедшего, следствие на основании анонимного доноса возбуждено не было. По большому счету не было при-

1 Практика подбрасывания «подметных писем» была крайне распространена в первой половине XVIII века, поскольку анонимные послания рассматривались как наиболее быстрый способ донесения информации до правителя в обход государственных учреждений. Указами от 25 января 1715 года и 19 января 1718 года Петр I повелел «подметные письма», не распечатывая, сжигать прилюдно на площади. Подробнее см.: [Крашенинникова, 2020; Серов, 1996, с. 8].

CC BY

нято и каких-либо кардинальных мер[1], подрывающих позиции Макарова: он продолжил трудиться на должности главы Кабинета вплоть до смерти Петра I 28 января 1725 года[2] и далее все екатерининское царствование. О последовавшей немилости монарха к Макарову известно прежде всего из донесений иностранцев, передававших циркулировавшие в придворном обществе слухи. Например, сведения о размолвке встречаются в письмах французского посланника Ж. де Кампредона и польского дипломата И. Лефорта [Сб. РИО, т. 3, с. 365—366, 388; т. 52, с. 358—359].

В связи с вышеизложенным целью настоящей работы является детальное рассмотрение подметного письма 1724 года как единственного для петровского периода случая обвинения Макарова в совершении должностных преступлений. Предполагается, что анализ данного документа и его сличение с известными ранее фактами позволит подтвердить или опровергнуть веские обвинения, ставящие кабинет-секретаря в один ряд с более известными коррупционерами эпохи. Более того, попытка изучения подметного письма в контексте общих практик управления и системы социальных связей внутри правящей элиты позволит на новом материале оценить как объективную роль Макарова в процессе государственного строительства, так и восприятие его личности в петровском обществе.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В основе исследования лежит архивное дело, отложившееся в фонде № 16 «Государственное управление» Российского государственного архива древних актов (далее — РГАДА). В его состав входит два документа: (1) «подметное письмо», состоящее из 19-ти пунктов; (2) проект преобразований судебной и финансовой сфер путем восстановления Ревизион-коллегии и создания независимой службы контроля, составленный анонимным автором 15 июля 1724 года (дата указана в тексте источника) [РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 179; Анисимов, 1997, с. 286]. Текст «подметного письма» впервые был введен в научный оборот С. М. Соловьевым, опубликовавшим первое предложение 2-го пункта и полностью 5-й пункт документа [Соловьев, 1960, с. 940]. Полное издание анонимной челобитной и проекта было осуществлено Д. О. Серовым в книге «Строители империи. Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I» [Серов, 1997, с. 150—158]. Историк частично прокомментировал об-

1 Среди мер, которые так или иначе должны были повлиять на судьбу Макарова, исследователи называют указ Петра I от 11 декабря 1724 года о запрете принимать к исполнению именные распоряжения, переданные кем-либо в устной форме, а также поручение, данное государем генерал-фискалу А. А. Мякинину в отношении крупных чиновников, обвиненных во взяточничестве и хищениях [Курукин, 2019, с. 80; Серов, 1996, с. 23].

2 Здесь и далее даты приведены по старому стилю.

CC BY

винения, выдвинутые в сторону Макарова, подчеркнув, что «к настоящему времени нам не удалось критически проанализировать все без исключения эпизоды ноябрьского письма 1724 года» [Серов, 1997, с. 22—23]. Он обосновал достоверность 7-го, 14-го и частично 17-го пунктов. Е. В. Анисимов частично реконструировал историю обнаружения документов [Анисимов, 1997, с. 286].

В качестве материалов, посредством которых предполагалось проверить достоверность обвинений, были выбраны источниковые комплексы судебно-следственных процессов Вышнего суда, сохранившиеся в РГАДА, преимущественно в фонде № 248 «Сенат и его учреждения» (дело И. С. Алмазова и У. А. Сенявина, дело фискалов, дело П. П. Шафирова и Г. Г. Скорнякова-Писарева и др.). Некоторые из них были ранее опубликованы и / или проанализированы Серовым и М. В. Бабич. Важные для настоящего исследования факты почерпнуты из материалов фонда № 9 РГАДА «Кабинет Петра I и его продолжение». Объемные комплексы корреспонденции, отправленные в разные годы к Макарову (Отд. II. Оп. 3, 4) и от него (Оп. 6), позволили обозначить сферу компетенции кабинет-секретаря, реконструировать характер его отношений с личностями, упомянутыми автором «подметного письма».

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Роль кабинет-секретаря А. В. Макарова в контексте государственного управления (к 1720-м годам)

Согласно исследованию В. Н. Строева, в 1725 году к сфере компетенции Кабинета Петра I относились ключевые вопросы государственного управления [200-летие Кабинета …, 1911, с. 36—38]. При помощи небольшого штата подчиненных, в который входили секретарь И. А. Черкасов и несколько подьячих, Макарову полагалось принимать доношения, отчеты, справки и челобитные на имя государя, а также вести переписку с российскими министрами и агентами, посланными в иностранные государства; с губернаторами, вице-губернаторами и должностными лицами местной системы управления (в особенности из Гиляни и крепости Святого Креста); с органами центральной власти, то есть Сенатом, Синодом, прочими коллегиями, канцеляриями и конторами. Важно отметить, что ведомство контролировало не только поток документации, адресованный Кабинету как государственному учреждению или напрямую кабинет-секретарю, но и весь царский документооборот, выполняя роль личной канцелярии Петра I и его семьи. Среди материалов Кабинета встречаются официальные доношения и ведения, выписки, реестры и ведомости в Кабинет, деловые и / или личные письма к Петру I, Екатерине I и Макарову. Государь, кроме

CC BY

того, привлекал Макарова к составлению законодательных актов и исторических сочинений, в том числе Табели о рангах и «Гистории Свейской войны» [Накишова, 2023, с. 316—317].

На данный момент не представляется возможным однозначно определить, каким образом распределялись обязанности внутри кабинетного штата и каковы были отношения между должностными лицами. Однако вполне очевидно, что Макаров играл ведущую роль в Кабинете, направляя и контролируя все стадии делопроизводства. Кабинет-секретарь практически безотлучно находился рядом с государем, был близок к нему и, соответственно, первым получал все необходимые распоряжения и последним доносил содержание дел. Макаров определял, где, в какое время и в каком контексте информация станет известна монарху — в корреспонденции подобная функция обозначалась фразой «донести в благополучный час» («изыскать благополучное время») [Анисимов, 1997, с. 283—285; Накишова, 2023, с. 283—441; Павленко, 1989, с. 234—308].

«Большой фаворит императора», как однажды назвал Алексея Васильевича голштинский камер-юнкер Ф. В. Берхгольц [Дневник камер-юнкера…, 2018, с. 376], пользовался практически неограниченным доверием Петра I. К рубежу 1710—1720-х годов он монополизировал посредническую функцию в царском документообороте, посредством которой осуществлялась связь правителя с другими деятелями и институтами. При этом политические преференции Макарова воспринимались царскими соратниками как нормальная составляющая государственного управления. Они стремились установить с кабинет-секретарем тесные социальные связи с целью использовать его символический капитал и ресурсы для решения деловых вопросов, продвижения по службе или личного обогащения [Павленко, 1985, с. 248—266]. Так, 7 апреля 1721 года генерал-адмирал Ф. М. Апраксин просил своего «верного благодетеля» «на посланное от меня к его царскому величеству доношение исходатайствовать беспродолжительной указ» [РГАДА, ф. 9, отд. 2, оп. 4, д. 54, л. 16]. В том же году обер-президент Главного магистрата Ю. Ю. Трубецкой «слезно» взывал к Макарову: «Пожалуй, государь мой Алексей Васильевич, подщися на помощь мне, беззаступному, испросить о мне у их величеств высокую милость о вышеозначенном моем слезном прошении, которым вашим предстательством одолжите меня вечно» [Там же, д. 57, л. 478—478 об.].

Во время отсутствия Макаров в столице основной груз кабинетных забот ложился на второе лице ведомства, секретаря И. А. Черкасова. В политической иерархии Черкасов занимал значительно более скромные позиции: надо полагать, прямого доступа к Петру I он не имел, а все текущие дела должен был объявлять кабинет-секретарю, выносившему окон-

CC BY

чательное решение. Среди материалов Кабинета отложились комплексы писем Черкасова к Макарову, в которых секретарь отчитывался о деталях кабинетного делопроизводства и успехах в разборе архива старых писем; сообщал об отправке дубовых деревьев из Гданьска; отправлял черновые материалы и выписки из документов для составления Морского регламента; просил способствовать передаче денежных средств из Камер-коллегии в Кабинет и др. [РГАДА, ф. 9, оп. 4, отд. 2, д. 57, л. 917—987]. Судя по содержанию корреспонденции, начальника и подчиненного связывали достаточно крепкие отношения. Черкасов бывал в гостях у кабинет-секретаря, навещал его семью во время многочисленных путешествий последнего, передавал ему сведения о происходящем в Санкт-Петербурге, просил о «предстательстве» за своих знакомых [Там же, л. 917 об., 926, 932, 941 об., 948]. При этом мы доподлинно не знаем, как Черкасов относился к своему руководителю, были ли у него амбиции подняться выше по карьерной лестнице или же, осознавая исключительность положения Макарова, он не спешил вступать с ним в противоборство.

Помимо канцелярских функций, кабинет-секретарь занимался хозяйственными и имущественными вопросами правящей фамилии. Наравне с Дворцовой канцелярией (рук. П. И. Мошков), ведавшей царскими имениями и хозяйством резиденций, Макаров вел учет затратам царской семьи на одежду, обувь, лекарства, предметы быта и обихода. С кабинетного счета он оплачивал многочисленные покупки Петра I и Екатерины, совершавшиеся ими в ходе заграничных путешествий [200-летие Кабинета…, 1911, с. 175—177; Накишова, 2023, с. 301—302; Павленко, 1985, с. 247—248]. Кабинет руководил организацией и ведением строительства в Санкт-Петербургской губернии, Эстляндии и Лифляндии; следил за наймом, обеспечением материалами и выплатами жалованья иностранным архитекторам, мастерам и подмастерьям, нанятым на русскую службу в Англии, Голландии и Франции; контролировал деятельность Канцелярии от строений (до 1720 года — Городовой канцелярии), Садовой конторы под руководством Б. И. Неронова и Кунсткамеры.

В процессе государственного строительства Макаров играл роль политического актора, который связывал государственных деятелей, отдаленных друг от друга географически или иерархически. В первую очередь кабинет-секретарю полагалось осуществлять посредничество между Петром I и любыми другими должностными лицами. Государь лично маркировал роль Макарова в системе документооборота таким образом, что «что-то докладывать, предлагать, просить лично царя мог весьма ограниченный круг людей», для большинства обращения к монарху были возможны исключительно через Кабинет [Анисимов, 1997, с. 283]. Соответ-

CC BY

ственно, и больш*а*я часть именных указов передавалась государственным институтам не лично царем, а Макаровым: он либо объявлял их в Сенате или в любом другом органе власти, либо посылал в пакете из Кабинета, либо вовсе излагал в частном письме, добавляя от себя уточняющие комментарии. Связующая функция кабинет-секретаря, кроме того, выражалась в обеспечении контактов государственных деятелей, не имеющих возможности найти общий язык без посредничества, например: [РГАДА, ф. 9, оп. 4, отд. 2, д. 54, л. 120—120 об., 230, 614—614 об., 1304—1304 об; д. 57, л. 298 об.–299, 412—412 об.; д. 59. л. 1125—1128 об., 1130а—1130 б; д. 60, л. 229—229 об.; д. 62, л. 1314—1316].

Являясь доверенным лицом государя, Макаров осуществлял общий контроль над реализацией управленческих проектов и действий, которые напрямую относились к сфере компетенции Кабинета или поручались ему ситуативно, в зависимости от воли и желания монарха. В таких случаях кабинет-секретарь реализовывал себя как *alter ego* Петра I, снимая с него груз государственного бремени и перенимая на себя часть его функций. Фактически решение и воля Макарова воспринимались государственными институтами тождественно вердикту монарха. Например, с конца 1717 года Макаров контролировал практически все стадии строительства царских резиденций в Петергофе и Стрельне: он утверждал представленные архитекторами (Ж.-Б. А. Леблоном, Н. Микетти, И. Ф. Браунштейном) чертежи, следил за темпами строительства, выделял средства на покупку материалов и инструментов, занимался распределением и перераспределением работников, одобрял подряды, решал управленческие споры и т. д. (документы, отражающие участие Макарова в петергофском строительстве, см.: [Ментальное государство …, 2022, с. 613—637]). Детальное изучение петергофского проекта позволяет выделить еще две функции, характерные для кабинетного ведомства: распорядительную, направленную на решение проблемы, связанной с нехваткой материальных и людских ресурсов; и экономическую, проистекавшую из обязанности Кабинета финансово обеспечивать реализацию реформ [Там же, с. 545—546].

Таким образом, к 1720-м годам кабинет-секретарь Макаров, пользуясь практически неограниченным доверием государя, выступал основным посредником между Петром I и государственными институтами. Представителями политической элиты он рассматривался как наиболее быстрый и эффективный канал передачи информации, позволявший обойти запутанные бюрократические процедуры и напрямую вступить в контакт с правителем. В государственной иерархии Макаров являлся «прямым представителем и выразителем официальных мнений Петра I, исполнителем его воли», который к тому же имел влияние на мнение государя, передавая

CC BY

ему сведения на словах, составляя выписки из документов и находя «благополучный час» для серьезного разговора [Анисимов и др., 2022, с. 57; Патроны …, 2022, с. 116—117]. Учитывая, что должность руководителя царской канцелярии изначально предполагала высокую степень доверия Петра I по отношению к назначенному на нее лицу, стоит отметить, что посредничество Макарова может быть расценено не столько как проявление неформальной власти, сколько как вполне формальная функция, входившая в должностные полномочия и ожидаемая монархом от него.

3.2. «Подметное письмо» 1724 года и участие А. В. Макарова в политических судебно-следственных процессах петровского царствования

9 ноября 1724 года слуге Петра I М. И. Ширяеву через почту был подброшен пакет с неизвестными документами. Ширяев пакет распечатал, «чая, что партикулярное письмо», однако в нем оказался адресованный монарху донос, автор которого обличал злоупотребления видных государственных деятелей империи и подчеркивал, что «истинно всему злу корень — оной Макаров» [РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 179, л. 2 об.; Серов, 1996, с. 151]. Несмотря на законодательно оформленный запрет вскрывать и читать «подметные письма», содержание доноса стало известно Петру I и, как считают исследователи, произвело на него сильное впечатление [Анисимов, 1997, с. 286—287; Серов, 1996, с. 23]. Государь внимательно изучил текст с обвинениями — об этом свидетельствуют его собственноручные пометы на полях. Затем он велел «подметное письмо» сохранить, а в пакет положить чистые листы бумаги и публично сжечь на площади 11 ноября [РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 179, л. 1; Серов, 1996, с. 158].

Кто составил анонимное послание и по какой причине, доподлинно неизвестно, учитывая, что составитель документа старался всеми способами скрыть свою личность. Твердый канцелярский почерк, отсутствие ошибок и точность формулировок выдают в авторе человека, имеющего непосредственное отношение к государственной службе и занятого в системе делопроизводства. Наличие в тексте сведений относительно происхождения, семейных связей и карьерного пути должностных лиц, детальное освещение внутренней работы Вышнего суда, Вотчинной и Юстиц-коллегий, знание обстоятельств судебно-следственных процессов П. П. Шафирова, А. Я. Нестерова, У. А. Сенявина и др. — все это также указывает на принадлежность автора к бюрократическому кругу. В этом плане примечательны и ссылки на доказательства, полученные от делопроизводителей среднего звена И. С. Алмазова, И. А. Черкасова, Ф. П. Пальчикова, с которыми, надо полагать, аноним был лично знаком. Они, как сообщал доносчик, «хотя многие ево, Макарова, непорядочные и Богу ненавистные дела знают, и что он

CC BY

Вашему величеству многое приносит ложно, да не смеют на него о том донесть, которых изволите спросить под присягою тайно, истинну, государь, покажут ясно» [РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 179, л. 6 об.; Серов, 1996, с. 156].

Что же было такого привлекательного в рядовом «подметном письме», подобных которому подбрасывалось огромное множество? Должно быть, ответ на этот вопрос стоит искать в содержании обвинений.

В общих чертах претензии анонимного автора сводились к тому, что Макаров, чиня многочисленные «неправды», вмешивался в делопроизводство Вышнего суда — специального судебного присутствия, созданного для расследования дел по обвинениям государственных служащих во взяточничестве, казнокрадстве, служебном подлоге, злоупотреблениях служебным положением, хищениях и т. д. [Серов, 2009, с. 316—322]. Согласно доносу, кабинет-секретарь якобы «приказывал словесно секретарям и канцеляристом о всяких делах, что чинить и какую ис котораго дела выписку зделать, и те выписки и реэстры по всем делам к слушанию для решения предлагал. Он же и оных секретарей и канцеляристов брал, ково хотел, а некоторые есть ево свойственники. По тому реэстру Ваше величество изволил где-либо собственною рукою, також и под выписками приговоры по предложению неправедному ево, Макарова, и протчих хотя подписать изволили. И, по тем неправедным докладным выпискам некоторых наказали и разорили умыслом тех господ, а паче ево, Макарова» (п. 2—4) [РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 179, л. 2—2 об.; Серов, 1996, с. 150].

При этом члены Вышнего суда, по сведениям анонима, поддерживали махинации Макарова (п. 5). Я. В. Брюс и И. Л. Воейков боялись гнева государя, чьим указом прикрывался кабинет-секретарь. И. И. Дмитриев-Мамонов, С. А. Блеклый, А. П. Баскаков, И. И. Бахметев, Е. И. Пашков (руководитель розыскной конторы Вышнего суда) желали обогатиться, претендуя «через старание Макарова» на отписные деревни. При этом С. А. Блеклый был виноват и в попустительстве, потому что не донес на Макарова, хотя «о показанных непорятках многие ему, собственно приходя на двор, объявляли» [РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 179, л. 7; Серов, 1996, с. 157]. И. А. Мусин-Пушкин и А. А. Матвеев были обязаны кабинет-секретарю, поскольку тот отвел от них подозрения по фискальским делам. И. И. Бутурлин и И. М. Головин вовсе не принимали участие в разбирательствах, приезжая в суд, когда им скажут, и подписываясь под составленным вердиктом. Только А. Ф. Бредихин представлялся доносчику честным и справедливым судьей, «токмо одним голосом противо их делать ему нечево» [РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 179, л. 2 об.–3; Серов, 1996, с. 151].

Крайне интересно то, как анонимный автор изображал расстановку сил в Вышнем суде и отношения судей с Макаровым. Опытный следователь

CC BY

И. И. Бутурлин, прошедший «школу» Тайной канцелярии и возглавлявший на тот момент следственную комиссию по резонансному делу комиссара П. И. Власова и дьяка П. К. Скурихина [Серов и др., 2018, с. 210—211], представляется политической пешкой без собственного мнения и заинтересованности. Я. В. Брюс и И. Л. Воейков также характеризуются безынициативными, зависимыми от Макарова, хотя это вряд ли соответствовало их политическим позициям и характеру (например, см. тон их переписки с кабинет-секретарем [РГАДА, ф. 9, оп. 4, отд. 2, д. 54, л. 130—197 об., 694—755]). И. И. Дмитриев-Мамонов, С. А. Блеклый, А. П. Баскаков, И. И. Бахметев, Е. И. Пашков, как утверждал анонимный автор, были особенно заинтересованы в получении отписных деревень через Макарова, хотя они и без этого по воле государя получали земельные пожалования после конфискации у виновных и вряд ли нуждались в дополнительной помощи кабинет-секретаря [Серов, 2018, с. 156, 209]. В данном контексте непонятны и общие интересы Пашкова и Макарова относительно фабрикования обстоятельств дел в общем сговоре (п. 6) так же, как слепая вера в показания Нестерова, уличенного в преступной деятельности (п. 11, 13, 17).

При этом, в противоположность, Матвеев не назван доносчиком среди тех, кто пользовался протекцией Макарова, желая получить земельные пожалования и / или какую-либо иную экономическую выгоду. Тем не менее именно он в течение 1720-х годов обращался к кабинет-секретарю, своему «душевному приятелю», с многочисленными просьбами по улучшению материального благосостояния. Например, в апреле 1721 года Матвеев слезно писал Макарову: «Присем же прилагаю короткую выписочку о деревне родителя моего, наследственной мне, из которой о всем изволите, мой милостивец, усмотреть, что деревня та по сущей всех прав юстиции принадлежит мне и неправыя споры прочих притязуемых» [РГАДА, ф. 9, оп. 4, отд. 2, д. 56, л. 176]. Наличие в фискальских доношениях каких-либо обвинений в сторону Матвеева и Мусина-Пушкина также не находит подтверждения в исторических источниках. Известно лишь, что обер-фискал Нестеров, приговоренный Вышним судом к смертной казни, и Матвеев находились в глубоко неприязненных личных отношениях, что могло возбудить подозрения среди заинтересованных лиц [Серов, 2022, с. 311].

Публикуя текст «подметного письма», Серов разобрал те из обвинений, которые касались назначения «свойственников» Макарова на должности, и отмечал их высокую степень достоверности. Историк утверждал, что ландрихтер И. П. Топильский, тесть кабинет-секретаря, вполне мог рекомендовать подьячего А. С. Сверчкова президенту Юстиц-коллегии Матвееву, пользуясь тесными связями последнего с Макаровым [Серов, 1996, с. 22—23]. Сверчков, якобы учинив «многие воровства» в Земском приказе

CC BY

в Москве и избежав казни, стал руководителем Крепостной конторы при Юстиц-коллегии, где продолжил противозаконную деятельность (п. 14). Кроме того, историк признает убедительной информацию о том, что президент Вотчинной коллегии М. А. Сухотин «к делам незаобыкновенен» и «положился во всем» на вице-президента Ф. С. Манукова, якобы ставленника Макарова, который «чинит в делах Ваших императорского величества противности» (п. 17). Непорядки в Вотчинной коллегии происходили и по вине другого коррупционера, асессора Е. В. Кушелева, посаженного «чрез произвождение графа Матвеева, которой напред сего при нем был в Юстиц-коллегии, а произвел к нему, графу Матвееву, в милость обор-секретарь Сверчков» [РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 179, л. 6; Серов, 1996, с. 156].

В противоположность Г. О. Бабкова, развивая исследования Серова, убедительно доказывает ошибочность утверждений анонимного доносчика. Во-первых, не находят подтверждения сведения относительно Сверчкова как лица, способствовавшего карьерным успехам Кушелева. Во-вторых, материалы делопроизводства Юстиц-коллегии и Крепостной конторы позволили исследовательнице сделать вывод об эффективности работы обер-секретаря, зарекомендовавшего себя как профессионала и знатока законодательства [Бабкова, 2019, с. 46—47]. Аналогично представляются безосновательными обвинения, выдвинутые против Матвеева как главы Юстиц-коллегии (п. 8, 12—14) [Балакирева, 2003, с. 176]. При этом нельзя не отметить, что Сверчкова действительно связывали патрон-клиентские отношения с Матвеевым и Макаровым, нередко способствовавшими карьерному продвижению обер-секретаря. Другое дело, что его социальные контакты этим не ограничивались: известно, что Сверчков тесно взаимодействовал со служителями Походной и домовой канцелярии Меншикова (И. Борисовым, М. Голимским, В. Думашневым, А. Яковлевым, П. Зеленым) [Там же, с. 50].

Исходя из вышесказанного, нуждаются в уточнении эпизоды, связанные с секретарем Вышнего суда П. А. Ижориным и его отношениями с Макаровым (п. 7, 8). Серов отмечал, что обвиненный в получении взяток и коррупции ярославский провинциал-фискал С. Ф. Поповцов в своей повинной, состоящей из 70 пунктов, сообщил о том, что, находясь в 1719 году под арестом в Юстиц-коллегии, давал немалые взятки канцеляристу коллегии Ижорину. Несмотря на то, что показания Поповцова тщательно проверялись, в материалах следственного дела нет упоминаний о каких-либо разъяснениях Ижорина [Серов, 1996, с. 22—23]. Возможно, секретаря действительно спасли от виселицы влиятельные покровители. Однако вина Ижорина в составлении ложного приговора по делу «о расходе парижском» П. П. Шафирова, констатируемая анонимным автором, не находит логического подтверждения

CC BY

(п. 8). Известно, что во время следствия, проводимого И. И. Бахметевым и А. Г. Шамординым, Шафиров решительно отверг все обвинения, выдвинутые секретарем Ф. Протопоповым. Поскольку улики (соответствующие приходно-расходные книги) не были обнаружены, в декабре 1720 года Протопопов был осужден на пожизненную ссылку на галеры за «неправый донос». Многими годами позже (в феврале 1723 года) выяснилось, что Шафиров скрыл улики и присвоил «по слабости своей» казенные валютные средства, однако явно без помощи абсолютно не заинтересованного в махинациях Ижорина [Серов, 2018, с. 148—150].

Несколько обвинений «подметного письма» связаны с деятельностью Монастырского приказа (п. 15, 16, 19). В пункте 16 сообщалось, что во время руководства приказом И. А. Мусиным-Пушкиным (1701—1711 годы) произошли многочисленные хищения из имущества монастырей. Следствие по доношениям начал вести в Москве кн. А. И. Шаховской, но «из Санкт-Питербурха происком ево, Мусина-Пушкина, и кабинет-секретаря Макарова ис канцелярии Вышняго суда послан в Москву х князю Шеховскому указ, о том следовать не повелено, и потому следования никакова не имеетца» [РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 179, л. 6; Серов, 1996, с. 156]. Надо полагать, все утверждения анонима не имеют никакого отношения к правде. Согласно исследованию Бабич, канцелярия Шаховского начала функционировать примерно в 1721 году и занималась делами, не связанными с Мусиным-Пушкиным — розыском о подложных соляных подрядах, счетах по недоимке по Московскому монетному двору, а после преобразования в контору Вышняго суда вела допросы причастных к делам Нестерова, Попцова, Я. В. Былинского, В. Нестерова, В. Монса и др. [Бабич, 2003, с. 283]. В данном контексте сомнительными представляются и ссылки на «правдивые» доказательства секретаря Монастырского приказа М. Беляева, находившегося под следствием [РГАДА, ф. 9, отд. 1, д. 58, л. 381], и утверждения о «неповинном» заключении и нестерпимых бедах бывшего главы ведомства В. С. Ершева, также обвиненного в финансовых махинациях [Серов, 2008, с. 42—43].

Отдельным пунктом в «подметном письме» раскрыт конфликт директора Канцелярии от строений У. А. Сенявина и его товарища капитана И. С. Алмазова. Автор сообщал, что «на Ульяна Синявина Иван Алмазов много показал утраченой Вашего императорского величества интерес, о чем и изследовано прокурором Козловым. И то Козлова следование ныне в канцелярии Вышняго суда оставлено, а следуют вновь происком ево, Синявина, по дружбе с Макаровым, не показав на то Козлова следование никакой вины, ис того, чтоб токмо продолжить, и ныне отдано для следствия дьяку Петру Никитину, которой Синявиным и Алексеем Макаровым

CC BY

произведен из армии стрелецкой. И тако ево, Синявина, защищают, а Алмазову произыскивают всякаго зла, о чем он и сам показать может обстоятельно» (п. 10) [РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 179, л. 4; Серов, 1996, с. 153—154]. Данное сообщение полностью соответствует позиции Алмазова, который, надо полагать, являлся основным источником сведений.

Как можно судить из сохранившейся судебно-следственной документации, разбирательства по делу Алмазова–Сенявина начались 2 ноября 1722 года, когда генерал-прокурор Сената П. И. Ягужинский в письме к прокурору Адмиралтейской коллегии И. Ф. Козлову указывал начать следствие по обвинительным пунктам, представленным Алмазовым [РГАДА, ф. 248, оп. 5, д. 228, л. 1023]. Претензии капитана касались многочисленных нарушений в организации делопроизводства канцелярии, распределении средств и обязанностей между должностными лицами, заключении подрядов на поставку материалов к строительным работам и др. [Там же, л. 1—5 об.]. Как представляется, по причине наличия в деле обвинений, связанных с должностными нарушениями и растратой государственных средств, дело в 1723 году было передано Вышнему суду. Помимо продолжения изучения пунктов, известных Козлову, и углубления расследования по подрядным договорам, были рассмотрены новые положения, суть которых сводилась к тому, что Алмазов был крайне недоволен отношением к нему должностных лиц Канцелярии от строений и существовавшей там кадровой политикой (назначениями И. С. Румянцева, П. Протопопова, Л. Тарсукова) [Там же]. Очевидно, что выдвинутые Алмазовым обвинения, основанные по преимуществу на слухах и личной неприязни, вызвали ярое сопротивление братьев У. А. и Ф. А. Сенявиных и других участников процесса [Там же, л. 1051 об.]. Практически на каждый аргумент капитана нашлись контраргументы, выделявшие просчеты Алмазова, факты невыполнения поставленных руководителем задач, его невовлеченность в повседневную деятельность канцелярии и т. д. При этом ни факты вмешательства Макарова в ход разбирательства, ни какой-либо его личный интерес в затягивании дела и перенесении его в Вышний суд в материалах дела не прослеживаются.

4. Заключение = Conclusions

Заключая настоящее исследование, стоит поднять самый главный вопрос, почему Петр I не стал возбуждать следствие по обвинению, которое его так заинтересовало. В историографии, как правило, выдвигается мнение, что монарх отложил «подметное письмо» по причине болезни и морального упадка после разбирательств по почепскому делу Меншикова и предательства Екатерины [Анисимов, 1997, с. 286—287]. В дальней-

CC BY

шем Петр, разразившийся «немилостью» к Макарову, просто-напросто не успел покарать виновных, так как в начале 1725 года скоропостижно скончался. Однако, надо полагать, государь не продолжил следствия по более очевидной причине, характерной для восприятия «подметных писем» как общественной практики: вина Макарова и его сообщников не была доказана. Более того, Петр лично участвовал практически во всех упоминаемых в челобитной процессах Вышнего суда, контролировал следствие и выносимые вердикты [Серов, 2022, с. 227—249]. Как справедливо отмечал Серов, государь оставался главным вершителем правосудия и последней инстанцией, хотя и целенаправленно создавал впечатление невмешательства в дела [Там же]. Он был прекрасно осведомлен о тех функциях, которые Макаров или какой-либо другой государственный деятель выполнял в государственной системе, поскольку сам их ими и наделил. Характерны для петровского правления и практики назначения на должности по протекции вышестоящих лиц. Государь лично определял на ключевые государственные посты своих приближенных, основываясь скорее на чувстве доверия и их государственном опыте, нежели на официальных процедурах.

Во всех 19-ти пунктах «подметного письма» прослеживается одна и та же мысль — доносчик полагает, что именно возможность осуществлять посредничество между государем и Вышним судом позволяла Макарову «чинить неправды» и обращать дела в свою пользу, бесспорно, преследуя собственную выгоду и беря взятки. Эта роль кабинет-секретаря соответствует его функции в государственном управлении. Тем не менее посредничество Макарова всегда было ограничено волей и желанием патрона-государя. Он прекрасно понимал, что его политические ресурсы — символический капитал, влияние как *alter ego* и материальный достаток — строились на умении поддерживать доверительные отношения с монархом. Потеря репутации сулила Макарову лишение близости к Петру, что повлекло бы необратимый крах политической карьеры. При этом примечательно, что среди судебно-следственных процессов, в которых кабинет-секретарь сыграл ключевую роль, анонимным челобитчиком не названо, например, почепское дело Меншикова, где кабинет-секретарь в действительности подключал свою формальную или неформальную власть, чтобы оправдать обвиняемого, или не менее резонансное разбирательство, связанное со злоупотреблениями прибыльщика А. А. Курбатова и братьев Соловьевых.

Стоит отметить также, что анонимный челобитчик представляет нашему вниманию целый комплекс стереотипов, характерных для общественного сознания петровской эпохи. Он изображает картину процветания взяточничества и коррупции в правящих кругах, которые в каком-то смысле отражают и характерные практики управления, и представления о конфликте

CC BY

злостных начальников и ущемленных в правах подчиненных. Немаловажно, что во всех спорах аноним встает на сторону делопроизводителей среднего звена, являвшихся для него основными информантами. При этом очевидно его сочувствие к ним, приводящее к игнорированию фактов, доказывающих их злодеяния и справедливость наказания (например, в случае с Нестеровым, Попцовым, Беляевым и пр.). В этом плане текст «подметного письма» может быть воспринят скорее как факт стереотипного взгляда на деятельность государственных служащих, нежели как перечисление реальных злоупотреблений судей Вышнего суда и кабинет-секретаря Макарова.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Дневник камер-юнкера* Фридриха Вильгельма Берхгольца. 1721—1726 / вступ. ст. И. В. Курукина ; коммент. К. А. Залесского, В. Е. Климанова, И. В. Курукина. — Москва : Кучково поле ; Ретроспектива, 2018. — 864 с. — ISBN 978-5-9950-0973-3.

2. РГАДА — *Российский* государственный архив древних актов. Ф. 9 : Кабинет Петра I и его продолжение. Оп. 1. Отд. 1. Д. 58; Оп. 4. Отд. 2. Д. 54, 56, 57, 59, 60, 62 ; Ф. 16 : Государственное управление. Оп. 1. Д. 179 ; Ф. 248 : Сенат и его учреждения. Оп. 5. Д. 228.

3. Сб. РИО — *Сборник* Русского исторического общества. — Санкт-Петербург : Типография Императорской академии наук, 1869. — Т. 3. — 566 с.

4. Сб. РИО — *Сборник* Русского исторического общества. — Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1886. — Т. 52. — 545 с.

Литература

1. *200-летие Кабинета* Его Императорского Величества. 1704—1904. Историческое исследование. — Санкт-Петербург : Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1911. — 794 с.

2. *Андреев А. Н.* Доминико Трезини : новые грани биографии и творчества / А. Н. Андреев, Ю. С. Андреева. — Санкт-Петербург : Историческая иллюстрация, 2020. — 216 с. — ISBN 978-5-89566-214-4.

3. *Анисимов Е. В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века / Е. В. Анисимов. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1997. — 331 с.

4. *Анисимов Е. В.* «Наш патрон и заступник» : язык корреспондентов А. Д. Меншикова / Е. В. Анисимов, Т. А. Базарова, М. Е. Проскурякова // Вестник НГУ. Серия : История, филология. — 2022. — Т. 21. — № 1. — С. 49—62. — DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-1-49-62.

5. *Бабкова Г. О.* «Ближайший конфидент» : неформальные связи в бюрократической среде в России XVIII в. / Г. О. Бабкова // Cahiers du Monde Russe. — 2019. — Vol. 60. — № 1. — Pp. 37—72.

6. *Бабич М. В.* Государственные учреждения XVIII века : Комиссии петровского времени / М. В. Бабич. — Москва : РОССПЭН, 2003. — 477 с. — ISBN 5-8243-0466-1.

7. *Балакирева Л. М.* Судебная реформа Петра I : Юстиц-коллегия. Учебное пособие / Л. М. Балакирева. — Новосибирск : НГАЭиУ, 2003. — 352 с.

8. *Бушкович П.* Петр Великий. Борьба за власть (1671—1725) / П. Бушкович. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2008. — 342 с.

9. *Зицер Э.* Царство преображения : Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого / Э. Зицер. — Москва : Новое литературное обозрение, 2008. — 238 с. — ISBN 978-5-86793-603-7.

10. *Комолов Н. А.* Великий адмирал : Очерки биографии графа Ф. М. Апраксина, 1661—1728 / Н. А. Комолов. — Рыбинск : Медиарост, 2023. — 455 с. — ISBN 978-5-89825-041-6.

11. *Курукин И. В.* Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России (1725—1762 гг.) / И. В. Курукин. — Санкт-Петербург : Наука, 2019. — 757 с. — ISBN 978-5-02-039672-2.

12. *Крашенинникова О. А.* Подметное письмо XVIII в. как факт литературы / О. А. Крашенинникова // Вестник Костромского государственного университета. — 2020. — Т. 26. — № 1. — С. 102—108. — DOI: 10.34216/1998-0817-2020-26-1-102-108.

13. *Кротов П. А.* Вице-адмирал Н. А. Сенявин (1681—1738) / П. А. Кротов, М. О. Акишин. — Санкт-Петербург : Историческая иллюстрация, 2023. — 308 с. — ISBN 978-5-89566-259-5.

14. *«Ментальное государство»* Петра Великого и регионы в первой четверти XVIII в. : материалы и исследования по истории местного управления в России / под ред. Д. А. Редина. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. — 668 с. — ISBN 978-5-7996-3588-6.

15. *Накишова М. Т.* Светлейший князь А. Д. Меншиков в кругу сподвижников Петра I / М. Т. Накишова. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2023. — 470 с. — ISBN 978-5-00165-741-5.

16. *Павленко Н. И.* Меншиков : Полудержавный властелин. 3-е изд. / Н. И. Павленко. — Москва : Молодая гвардия, 2016. — 399 с. — ISBN 978-5-392-23523-0.

17. *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова / Н. И. Павленко. — Москва : Мысль, 1985. — 332 с.

18. *Патроны*, слуги и друзья. Русско-украинские неформальные связи и управление Гетманщиной в 1700—1760-х гг. Исследование и источники : монография / М. А. Киселев, К. А. Кочегаров, Я. А. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2022. — 1244 с. — ISBN 978-5-7996-3381-3.

19. *Петр I* в кругу семьи : Исследование и документы : коллективная монография / Н. Ю. Болотина, А. Ю. Кононова, М. О. Болотина. — Москва : Фонд «Связь Эпох» ; Кучково поле Музеон, 2023. — 872 с. — ISBN 978-5-907589-13-1.

20. *Письма и бумаги* прибыльщика Алексея Курбатова (1700 — 1720-е годы) / сост. и науч. ред. Д. О. Серов, А. О. Видничук, А. В. Жуковская, И. И. Федюкин. — Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. — 551 с. — ISBN 9785759823292

21. *Полонский Д. Г.* Эпистолярный этикет во взаимоотношениях А. Д. Меншикова с представителями властной элиты Петровской эпохи / Д. Г. Полонский // Меншиковские чтения — 2011 : научный альманах. — Санкт-Петербург : XVIII век, 2011. — Выпуск 2 (9). — С. 75—93.

22. *Редин Д. А.* Сон фараона, или крах Кирилла Нарышкина, четвертого московского губернатора / Д. А. Редин // Вестник НГУ. Серия : История, филология. — 2020. — Т. 19. — № 8. — С. 57—78. — DOI: https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-8-57-78.

23. *Серов Д. О.* Администрация Петра I / Д. О. Серов. — Москва : ОГИ, 2007. — 286 с.

24. *Серов Д. О.* Люди и учреждения Петровской эпохи. Сборник статей, приуроченный к 350-летнему юбилею со дня рождения Петра I / Д. О. Серов ; сост. Е. В. Анисимов и Е. В. Акельев. — Москва : Новое литературное обозрение, 2022. — 440 с. — ISBN 9785444818121.

25. *Серов Д. О.* Строители империи. Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I / Д. О. Серов. — Новосибирск : Издательство Новосибирского университета, 1996. — 263 с.

26. *Серов Д. О.* Судебная реформа Петра I : Историко-правовое исследование. Монография / Д. О. Серов. — Москва : Зерцало-М, 2009. — 488 с.

27. *Серов Д. О.* Следователи Петра Великого / Д. О. Серов, А. В. Федоров. — Москва : Молодая гвардия, 2018. — 348 с. — ISBN 978-5-235-04093-9.

28. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен / С. М. Соловьев. — Санкт-Петербург : Товарищество «Общественная польза», 1860. — Книга 4. — 840 с.

29. *Филимон А. Н.* Яков Брюс / А. Н. Филимон. — Москва : Молодая гвардия, 2013. — 380 с. — ISBN 978-5-235-03581-2.

30. *Hosking G.* Patronage and the Russian State / G. Hosking // The Slavonic and East European Review. — 2000. — Vol. 78. — № 2. — Pp. 301—320.

31. *Joukovskaia A.* L'État quotidien : Personnel, pratiques et langages administratifs en Russie au XVIIIe siècl / A. Joukovskaia. — Paris : Editions de l'Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales, 2024. — 283 p. — ISBN 978-2-7132-3381-4.

32. *Le Donne J. P.* The eighteenth-century Russian nobility : Bureaucracy or ruling class? / J. P. Le Donn // Cahiers du Monde russe et soviétique. — 1993. — Vol. 34 (1–2). — Pp. 139—147.

33. *Medvedkova O.* Jean-Baptiste Alexandre Le Blond, architecte 1679—1719. De Paris à Saint-Pétersbourg / O. Medvedkova. — Paris : Alain Baudry et Cie, 2007. — 359 p.

34. *Ransel D.* Bureaucracy and Patronage : The View from an Eighteenth-Century Russian Letter-Writer / D. Ransel // The Rich, the Well Born, and the Powerful. Elites and Upper Classes in History. — Urbana : University of Illinois Press, 1973. — Pp. 154—178.

Статья поступила в редакцию 30.03.2025,
одобрена после рецензирования 05.05.2025,
подготовлена к публикации 01.08.2025.

Material resources

Collection of materials — *Collection of the Russian Historical Society, 52.* (1886). St. Petersburg: Printing house of M. M. Stasyulevich. 545 p. (In Russ.).

Collection of RIO — *Collection of the Russian Historical Society, 3.* (1869). St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 566 p. (In Russ.).

RGADA — *Russian State Archive of Ancient Acts. F. 9: The Cabinet of Peter the Great and its continuation. Op. 1. Ed. 1. 58. F. 9: The Cabinet of Peter the Great and its continuation. Op. 4. Ed. 2. D. 54, 56, 57, 59, 60, 62; F. 16: Public administration. Op. 1. D. 179; F. 248: The Senate and its institutions. Op. 5. d. 228.* (In Russ.).

The diary of the Chamber Junker Friedrich Wilhelm Berchholz. 1721—1726. (2018). Moscow: Kuchkovo Pole; Retrospect. 864 p. ISBN 978-5-9950-0973-3. (In Russ.).

References

Andreev, A. N., Andreeva, Yu. S. (2020). *Dominico Trezzini: new facets of biography and creativity.* St. Petersburg: Historical Illustration. 216 p. ISBN 978-5-89566-214-4. (In Russ.).

Anisimov, E. V. (1997). *State transformations and the autocracy of Peter the Great in the first quarter of the XVIII century.* St. Petersburg: Dmitry Bulanin. 331 p. (In Russ.).

Anisimov, E. V., Bazarov, T. A., Proskuryakova, M. E. (2022). "Our patron and protector": the language of correspondents by A. D. Menshikov. *Bulletin of the NSU. Series: History, philology, 21 (1):* 49—62. DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-1-49-62. (In Russ.).

Babich, M. V. (2003). *State institutions of the XVIII century: Commissions of Peter the Great's time.* Moscow: ROSSPEN. 477 p. ISBN 5-8243-0466-1. (In Russ.).

Babkova, G. O. (2019). "The closest confidant": informal connections in the bureaucratic environment in Russia of the XVIII century. *Cahiers du Monde Russe, 60 (1):* 37—72. (In Russ.).

Balakireva, L. M. (2003). *Judicial reform of Peter the Great: Judicial College. Textbook.* Novosibirsk: NGAEiU. 352 p. (In Russ.).

Bushkovich, P. (2008). *Peter the Great. The Struggle for Power (1671—1725).* Saint Petersburg: Dmitry Bulanin. 342 p. (In Russ.).

Filimon, A. N. (2013). *Yakov Bruce.* Moscow: Molodaya Gvardiya Publ. 380 p. ISBN 978-5-235-03581-2. (In Russ.).

Hosking, G. (2000). Patronage and the Russian State. *The Slavonic and East European Review, 78 (2):* 301—320.

Joukovskaia, A. (2024). *L'État quotidien: Personnel, pratiques et langages administratifs en Russie au XVIIIe siècl.* Paris: Editions de l'Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales. 283 p. ISBN 978-2-7132-3381-4. (In Frenc.).

Komolov, N. A. (2023). *The Great Admiral: Essays on the biography of Count F. M. Apraksin, 1661—1728.* Rybinsk: Mediarost. 455 p. ISBN 978-5-89825-041-6. (In Russ.).

Krasheninnikova, O. A. (2020). Notable letter of the XVIII century. as a fact of literature. *Bulletin of Kostroma State University, 26 (1):* 102—108. DOI: 10.34216/1998-0817-2020-26-1-102-108. (In Russ.).

Krotov, P. A., Akishin, M. O. (2023). *Vice Admiral N. A. Senyavin (1681—1738).* Saint Petersburg: Historical Illustration. 308 p. ISBN 978-5-89566-259-5. (In Russ.).

Kurukin, I. V. (2019). *The era of "court storms". Essays on the Political History of Post-Petrine Russia (1725—1762).* Saint Petersburg: Nauka Publ. 757 p. ISBN 978-5-02-039672-2. (In Russ.).

Le Donne, J. P. (1993). The eighteenth-century Russian nobility: Bureaucracy or ruling class? *Cahiers du Monde russe et soviétique, 34 (1–2):* 139—147.

Letters and papers of the profiteer Alexei Kurbatov (1700—1720s). (2023). Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 551 p. ISBN 9785759823292. (In Russ.).

Medvedkova, O. (2007). *Jean-Baptiste Alexandre Le Blond, architecte 1679—1719. De Paris à Saint-Pétersbourg.* Paris: Alain Baudry et Cie. 359 p. (In Frenc.).

Nakishova, M. T. (2023). *His Serene Highness Prince A. D. Menshikov in the circle of associates of Peter the Great.* St. Petersburg: Alethea. 470 p. ISBN 978-5-00165-741-5. (In Russ.).

Patrons, servants and friends. Russian-Ukrainian informal relations and the administration of the Hetmanate in the 1700s and 1760s. Research and sources: a monograph.

(2022). Yekaterinburg: Ural University Press. 1244 p. ISBN 978-5-7996-3381-3. (In Russ.).

Pavlenko, N. I. (1985). *Nestlings of Petrov's nest.* Moscow: Mysl Publ. 332 p. (In Russ.).

Pavlenko, N. I. (2016). *Menshikov: The Semi-sovereign ruler. 3rd ed.* Moscow: Molodaya Gvardiya Publ. 399 p. ISBN 978-5-392-23523-0. (In Russ.).

Peter I in the family circle: Research and documents: a collective monograph. (2023). Moscow: Svyaz Epochs Foundation; Kuchkovo Field Museum. 872 p. ISBN 978-5-907589-13-1. (In Russ.).

Polonsky, D. G. (2011). Epistolary etiquette in the relationship of A. D. Menshikov with representatives of the power elite of the Petrine era. In: *Menshikov readings — 2011: scientific almanac, 2 (9).* St. Petersburg: XVIII century. 75—93. (In Russ.).

Ransel, D. (1973). Bureaucracy and Patronage: The View from an Eighteenth-Century Russian Letter-Writer. In: *The Rich, the Well Born, and the Powerful. Elites and Upper Classes in History.* Urbana: University of Illinois Press. 154—178.

Redin, D. A. (2020). Pharaoh's Dream, or the collapse of Kirill Naryshkin, the fourth Moscow governor. *Bulletin of the NSU. Series: History, philology, 19 (8):* 57—78. DOI: https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-8-57-78. (In Russ.).

Redin, D. A. (ed.). (2022). *Peter the Great's "Mental State" and the Regions in the first Quarter of the 18th century: materials and research on the history of local government in Russia.* Yekaterinburg: Ural Publishing House. University. 668 p. ISBN 978-5-7996-3588-6. (In Russ.).

Serov, D. O. (1996). *Empire Builders. Essays on the state and criminal activities of the associates of Peter the Great.* Novosibirsk: Novosibirsk University Press. 263 p. (In Russ.).

Serov, D. O. (2007). *Administration of Peter the Great.* Moscow: OGI Publ. 286 p. (In Russ.).

Serov, D. O. (2009). *Judicial reform of Peter the Great: A historical and legal study. Monograph.* Moscow: Zertsalo-M. 488 p. (In Russ.).

Serov, D. O. (2022). *People and institutions of the Petrine era. Collection of articles dedicated to the 350th anniversary of the birth of Peter the Great.* Moscow: New Literary Review. 440 p. ISBN 9785444818121. (In Russ.).

Serov, D. O., Fedorov, A. V. (2018). *The Investigators of Peter the Great.* Moscow: Molodaya Gvardiya. 348 p. ISBN 978-5-235-04093-9. (In Russ.).

Solovyov, S. M. (1860). *The History of Russia since Ancient Times, 4.* St. Petersburg: Partnership "Public benefit". 840 p. (In Russ.).

The 200th anniversary of His Imperial Majesty's Cabinet. 1704—1904. Historical research. (1911). St. Petersburg: Partnership of R. Golike and A. Wilborg. 794 p. (In Russ.).

Zitser, E. (2008). *The Kingdom of Transfiguration: Sacred parody and royal charisma at the court of Peter the Great.* Moscow: New Literary Review. 238 p. ISBN 978-5-86793-603-7. (In Russ.).

The article was submitted 30.03.2025;
approved after reviewing 05.05.2025;
accepted for publication 01.08.2025.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Нестерова Т. П. Итало-эфиопский конфликт и позиция великих держав (январь — март 1935 года) / Т. П. Нестерова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 6. — С. 503—519. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-503-519.

Nesterova, T. P. (2025). Italo-Ethiopian Conflict and Position of Great Powers (January–March 1935). *Nauchnyi dialog, 14* (6): 503-519. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-503-519. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Итало-эфиопский конфликт и позиция великих держав (январь — март 1935 года)

Нестерова Татьяна Петровна
orcid.org/0000-0002-1799-1897
кандидат исторических наук,
доцент кафедры
зарубежного регионоведения
tpnesterova@yandex.ru

Уральский федеральный университет
имени первого президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Italo-Ethiopian Conflict and Position of Great Powers (January–March 1935)

Tatiana P. Nesterova
orcid.org/0000-0002-1799-1897
PhD in History,
associate professor,
Department of Foreign Regional Studies
tpnesterova@yandex.ru

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

© Нестерова Т. П., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье анализируется дипломатическая борьба на раннем этапе итало-эфиопского конфликта в начале 1935 года. Указано, что правительство Эфиопии в этот период стремилось перенести решение конфликта на международный уровень в Лиге Наций, но Великобритания и Франция фактически поддержали Италию в ее стремлении оставить обсуждение конфликта на уровне двусторонних переговоров. Отмечается, что результатом этих переговоров стало подписание Аддис-Абебского соглашения 4 марта 1935 года о создании нейтральной зоны в спорном районе пустыни Огаден, в итоге так и не вступившего в силу. Показано, что Италия прежде всего стремилась затянуть время для формирования в Восточной Африке вооруженной группировки, достаточной для начала войны против Эфиопии, и переговоры служили с итальянской точки зрения прежде всего для этой цели. В статье доказано, что Италия активно выступала против интернационализации конфликта и ей удалось добиться задержки обращения Эфиопии в Лигу Наций на два месяца. Выявлено, что в этот период Италия последовательно формировала военную группировку в Эритрее и Сомали, предполагая в ближайшем будущем начать войну против Эфиопии. Доказано, что на данном этапе Италии удалось решить поставленную задачу, создав условия для подготовки вторжения в Эфиопию.

Ключевые слова:
Италия; Эфиопия; итало-эфиопский конфликт; Лига Наций; Огаден.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article analyzes the diplomatic struggle during the early stages of the Italo-Ethiopian conflict in early 1935. It is noted that the Ethiopian government at this time sought to elevate the resolution of the conflict to an international level within the League of Nations; however, Britain and France effectively supported Italy in its desire to keep discussions at the level of bilateral negotiations. The outcome of these negotiations was the signing of the Addis Ababa Agreement on March 4, 1935, which aimed to establish a neutral zone in the disputed Ogaden region, ultimately never coming into force. It is demonstrated that Italy primarily aimed to buy time to assemble a military force in East Africa sufficient to initiate war against Ethiopia, with negotiations serving this purpose from the Italian perspective. The article argues that Italy actively opposed the internationalization of the conflict and successfully delayed Ethiopia's appeal to the League of Nations by two months. It reveals that during this period, Italy consistently built up its military presence in Eritrea and Somalia, anticipating a forthcoming war against Ethiopia. It is shown that at this stage, Italy achieved its objective by creating conditions conducive to planning an invasion of Ethiopia.

Key words:
Italy; Ethiopia; Italo-Ethiopian Conflict; League of Nations; Ogaden.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94:327.56(450:630)“1935”
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-503-519

Научная специальность ВАК
5.6.2. Всеобщая история
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Итало-эфиопский конфликт и позиция великих держав (январь — март 1935 года)

© Нестерова Т. П., 2025

1. Введение = Introduction

Итало-эфиопский конфликт 1934—1935 годов, переросший в итало-эфиопскую войну 1935—1936 годов, стал одним из поворотных моментов развития международных отношений на пути ко Второй мировой войне. Именно этот конфликт выявил неэффективность системы международной безопасности, сконструированной после Первой мировой войны и связанной с деятельностью Лиги Наций. Анализ попыток урегулирования конфликтов с участием международных организаций сохраняет актуальность до настоящего времени, поскольку аналогичные ситуации возникают в современной мировой политике достаточно регулярно.

Французский исследователь Жан Батист Дюрозель (1917—1994), один из издателей серии «Французские дипломатические документы 1931—1939», в работе «История дипломатии с 1919 года до наших дней» (1953) высказал мнение, что фактически именно итало-эфиопская война может считаться тем локальным конфликтом, который начинает цепь вооруженных конфликтов, непосредственно переросших во Вторую мировую войну. Эту точку зрения Ж. Б. Дюрозель обосновал в двухтомнике «Европейская драма 1914—1945 годов» (1969) и в последних своих работах «Упадок. 1932—1939» (1979) и «Мерзость. 1939—1945» (1983), где подчеркивал, что фактически именно итало-эфиопская война стала событием, которое разрушило европейский порядок и открыло непрерывную череду военных действий, завершившихся глобальным конфликтом [Duroselle, 1985].

На рубеже 1920—1930-х годов, когда Италия завершала покорение Ливии, она уже ставила перед другими колониальными державами, прежде всего перед Францией, вопрос о расширении итальянских колониальных владений в Центральной и Северо-Восточной Африке. В 1928—1929 годах стремление Италии к расширению колоний встречало сопротивление со стороны Франции, которая хотя и выражала готовность пойти на от-

CC BY

носительно незначительные территориальные уступки в Центральной Сахаре, но отвергала итальянские претензии на Тунис и защищала независимость Эфиопии. Изменение европейской ситуации в 1933—1934 годах подталкивало Францию к сближению с Италией, что поставило французское правительство перед необходимостью идти на уступки, прежде всего в колониальных вопросах.

Италия, со своей стороны, начиная с 1932 года активизировала усилия по установлению контроля над Эфиопией, которую рассматривала как территорию, которая располагается между итальянскими колониями Эритреей и Сомалией (Итальянским Сомали) и которую Италия уже пыталась подчинить в конце XIX века в ходе первой итало-эфиопской войны (концептуально идею «прав» Италии на Северо-Восточную Африку разработал в конце XIX века Дж. Никотра Рандаццо [Nicotra Randazzo, 1896]) Уже в феврале 1932 года руководитель управления политических проблем Европы, Ближнего Востока и Африки Министерства иностранных дел Италии Р. Гуарилья представил министру иностранных дел Дино Гранди докладную записку, в которой обосновал необходимость подготовки и осуществления захвата Эфиопии, отметив: «Если мы хотим создать подлинную Итальянскую колониальную империю, мы можем постараться сделать это только в Эфиопии» [Guariglia, 1950, p. 165]. Итальянское руководство предполагало, что Франция может пойти на уступки в вопросе об Эфиопии, а Великобритания может сохранить нейтральную позицию, учитывая ситуацию, складывавшуюся в Европе, особенно после прихода к власти в Германии национал-социалистов во главе с А. Гитлером. Уже в 1933 году в Италии было принято решение о подготовке к захвату Эфиопии. В частности, в начале 1933 года итальянские войска заняли оазисы Уольуоль и Уордер в пустыне Огаден, что было связано с отсутствием демаркации границы в Огаденской пустыне. Местные племена кочевали по всей территории пустыни, и оазисы Италия считала принадлежащими к итальянской колонии Сомалии, а Эфиопия считала их своим владением.

Осенью 1934 года подготовка Италии к войне с Эфиопией перешла в активную фазу, возникла реальная угроза международного конфликта, подробнее см.: [Нестерова, 2020]. 5 декабря 1934 года в районе оазиса Уольуоль (Уал-Уал) произошло столкновение итальянского и эфиопского военных отрядов, в результате которого погибло значительное количество эфиопских солдат, сопровождавших британско-эфиопскую комиссию по разграничению владений Эфиопии и Великобритании в Восточной Африке. Попытки Франции и Великобритании добиться урегулирования конфликта на двусторонней основе без обращения в Лигу Наций успехом не завершились. Одновременно в отношениях между Италией и Францией

CC BY

произошли существенные сдвиги, направленные на сближение интересов сторон. Результатом этих действий стало подписание Римского соглашения 7 января 1935 года, вошедшего в историю как соглашение Лаваля — Муссолини. Оно затрагивало многие вопросы, связанные с разграничением итальянских и французских колоний в Африке, но, как отмечал советский исследователь П. А. Лисовский, «этот документ… теряет для Италии всякий политический смысл, если рассматривать его вне связи с абиссинской проблемой» [Лисовский, 1935, с. 25]. Фактически это соглашение предоставило Италии свободу рук в Эфиопии. Результатом развития событий стало начало обсуждения итало-эфиопского конфликта в Лиге наций, которому и посвящена данная статья.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Данная статья является продолжением серии публикаций автора 1987—2023 годов (данная статья является 14-й в серии), посвященных дипломатической истории итало-эфиопской войны, в которых, среди прочего, дается достаточно полная информация о научной разработанности темы. Возможности для продолжения и углубления исследования итало-эфиопской войны открыли публикации прежде закрытых дипломатических документов Франции [DDF], Италии [DDI], Великобритании [DBFP] и других стран, а также документы Лиги Наций, опубликованные в «Официальном журнале Лиги Наций» [LNOJ]. Значительный интерес также представляют публикация «Всемирная история современности в документах», вышедшая в свет непосредственно в период рассматриваемых исторических событий [Weltgeschichte…, 1937], сборник «Внешнеполитические документы», подготовленный германским Министерством иностранных дел [Aussenpolitische Dokumente, 1935], опубликованная в Италии подневная летопись итало-эфиопской войны [L'Italia in Etiopia…, 1936], воспоминания маршала Эмилио Де Боно о подготовке и начале войны Италии против Эфиопии [De Bono, 1937] и др.

К сожалению, история Итальянской колониальной империи и итало-эфиопского конфликта 1932—1941 годов со времени первых публикаций автора так и не стала предметом отдельного серьезного комплексного исследования. По-прежнему наиболее значимой, хотя и во многом устаревшей публикацией является труд В. А. Трофимова «Итальянский колониализм и неоколониализм» [Трофимов, 1979]. Роль Франции в итало-эфиопском конфликте подробно рассматривал Ф. Д. Лоуренс [Laurens, 1967]. Однако и В. А. Трофимов, и Ф. Д. Лоуренс работали в период, когда основные источники по истории кризиса — дипломатические документы Италии, Франции, США — еще не были опубликованы, и только в последние годы

CC BY

появилась возможность существенно дополнить эти публикации с опорой на вновь изданные дипломатические документы.

Среди зарубежных публикаций последнего времени, прежде всего итальянских, имеются издания, посвященные итало-эфиопскому конфликту, но необходимо подчеркнуть, что это в основном переиздания книг, выходивших достаточно давно: публикации, выпущенные Анджело Дель Бока и Джорджо Роша (как отдельные, так и совместные), в основном являются переизданиями или дополненными версиями их более ранних работ [Del Boca, 1996 (переиздавалась в 2009 и 2021 годах); Del Boca, 2005 (переиздавалась в 2011, 2013, 2014, 2020 годах), Del Boca, 2009 (первое издание — 1979, переиздавалась в 1986, 1999 и др. годах); Rochat, 2008 (первое издание 2005 года, переиздавалась также в 2019 году)].

Относительно немногочисленные публикации последних лет, посвященные итало-эфиопской войне, в основном рассматривают ее в общем виде или исследуют ее военную историю. Дипломатическая история конфликта исследуется очень немногими авторами, среди которых хотелось бы отметить публикацию румынского исследователя Влада Могиороши [Moghioroşi, 2016] и публикацию работающего в китайском Юго-Западном университете науки и технологий Фелипе Рафаэля Робертоса Мацусима [Matsushima, 2022], посвященные обсуждению итало-эфиопского конфликта в Лиге Наций.

В России данная тема также исследуется очень ограниченно. Среди публикаций последних лет можно отметить работы А. Г. Иванова [Иванов, 2021], А. С. Ходнева [Ходнев, 2024], Д. И. Кузьмина [Кузьмин, 2020; Кузьмин, 2021]. Тем не менее во всех данных работах, прежде всего в работах Д. И. Кузьмина, очевидна ограниченность источниковой базы и слабое знакомство с предшествующими исследованиями по рассматриваемой тематике. Таким образом, продолжение исследований по данной теме является естественным и обоснованным.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Начало международного обсуждения итало-эфиопского конфликта

Уже 3 января 1935 года министр иностранных дел Эфиопии Хыруй Уольдэ Сыллассе направил генеральному секретарю Лиги Наций Жозефу Авенолю телеграмму по поводу нового инцидента, столкновения эфиопских и итальянских войск в оазисе Герлогуби. Эта телеграмма вызвала резкую реакцию итальянского правительства. «Муссолини никоим образом не желает уступать Аддис-Абебе, но он абсолютно не хочет также, чтобы Совет Лиги Наций занимался этим спором», — отметил

CC BY

в дневнике представитель Италии в Лиге Наций барон Помпео Алоизи [Aloisi, 1957, p. 247]. При этом правительство Италии рассчитывало на поддержку или по крайней мере на благожелательный нейтралитет Франции. Правительство Эфиопии, со своей стороны, также рассчитывало на поддержку Франции.

Официальное обращение Эфиопии в Лигу Наций последовало 15 января 1935 года [LNOJ, 1935, № 2, p. 252]. К обращению, подписанному официальным представителем Эфиопии в Лиге Наций Тэкле Хауарьятом, был приложен обширный меморандум с изложением хода событий [Ibid., p. 253—254]. Обращение было направлено для обсуждения на проходившей в это время в Женеве 84-й сессии Совета Лиги Наций, но этому обсуждению воспрепятствовала Италия: П. Алоизи направил на имя Ж. Авеноля письмо, в котором заявлял, что итальянское правительство настаивает на решении всех спорных вопросов в ходе прямых итало-эфиопских переговоров в соответствии со статьей 5 итало-эфиопского договора 1928 года [Ibid., p. 162]. При этом Италия потребовала от Эфиопии извинений за нападение на итальянские вооруженные силы в оазисе Уольуоль, а также компенсации за материальный ущерб [DDF, 1980, p. 2—4]. Французское и британское правительства сочли целесообразным поддержать Италию и порекомендовали Эфиопии отказаться от обращения в Лигу Наций и вести прямые переговоры с Италией в соответствии с итало-эфиопским договором 1928 года [DDF, 1980, p. 5—6; DBFP, 1976, p. 112—113]. Французское правительство высказало такую позицию и в ответ на прямой запрос эфиопского правительства, направленный Франции через французского посланника в Эфиопии Альбера Бодара [DDF, 1980, p. 41].

Давление, оказанное на Эфиопию правительствами Англии и Франции, было исключительно сильным, и 19 января 1935 года представители Италии и Эфиопии в Лиге Наций Помпео Алоизи и Тэкле Хауарьят направили на имя Жозефа Авеноля письма, в которых сообщили о намерении обсудить возникший конфликт в рамках прямых итало-эфиопских переговоров [LNOJ, 1935, № 2, p. 162—163]. В тот же день Совет Лиги Наций принял решение, что, если соглашения в ходе прямых переговоров достигнуто не будет, обращение Эфиопии будет рассмотрено на очередной сессии Совета Лиги Наций.

Практически одновременно Италия предприняла усилия, направленные на дальнейшую реализацию плана подчинения Эфиопии. 17 января 1935 года был издан декрет о создании единой администрации для итальянских колоний в Северо-Восточной Африке, 18 января декрет был трансформирован в закон [Weltgeschichte …, 1937, S. 30]. Верховным комиссаром Эритреи и Сомалии был назначен генерал Эмилио Де Боно [De

Bono, 1937, p. 38]. В его обязанности входила подготовка военного вторжения на территорию Эфиопии с севера и юго-востока — для гарантированного подчинения этой страны. 19 января 1935 года начальник Генерального штаба Королевских вооруженных сил Италии маршал Пьетро Бадольо направил Муссолини меморандум, в котором была дана оценка итальянских вооруженных сил в Восточной Африке и обоснована необходимость их значительного увеличения [Rochat, 1971, p. 381—389].

Уступчивость эфиопского правительства по отношению к французским и британским требованиям была обусловлена еще и тем, что 18 января 1935 года произошел инцидент на границе Эфиопии и Французского Берега Сомали, в ходе которого от рук данакильских кочевников (формально — подданных Эфиопии) погибли французский представитель в этом районе колонии Бернар, его охрана и около 100 жителей колонии. Эфиопское правительство немедленно принесло Франции свои извинения и выразило готовность компенсировать нанесенный ущерб. Франция приняла извинения Эфиопии [DBFP, 1976, p. 142], но заместитель министра иностранных дел Италии Фульвио Сувич (de facto министр, так как официально должность министра иностранных дел занимал глава правительства Бенито Муссолини) заявил британскому послу Э. Дрэммонду, что и этот инцидент мог бы стать предметом разбирательства в Лиге Наций [Ibid., p. 138].

29 января 1935 года в Огаденской пустыне произошло новое столкновение у оазиса Герлогуби, аналогичный инцидент произошел у оазиса Шилабо. Правительства Италии и Эфиопии заявили протесты друг другу и отметили, что сохраняют за собой право требовать возмещения ущерба [DDF, 1980, p. 203—204, 249].

2 февраля 1935 года в Аддис-Абебу прибыл итальянский посланник граф Луиджи Орацио Винчи, который сообщил французскому посланнику Альберу Бодару, что получил инструкции «урегулировать в духе дружбы» инциденты в Огаденской пустыне [DDI, 1990, p. 556; DDF, 1980, p. 225].

3.2. Двусторонние итало-эфиопские переговоры и позиция великих держав

6 февраля 1935 года граф Л. Винчи направил правительству Эфиопии ноту, в которой указывалось, что «Королевское правительство Италии не может пассивно относится к нападениям эфиопских банд на пограничные посты итальянских колоний» и предлагает создать в Огадене нейтральную зону, которая разъединила бы вооруженные посты Италии и Эфиопии в указанном районе [DDF, 1980, p. 301—302]. 9 февраля Л. Винчи докладывал Муссолини, что ему была предоставлена аудиенция у императора Эфиопии Хайле Селассие I, в ходе которой обсуждались вопросы урегулирования отношений после столкновения в оазисе Уольуоль и ряде других

CC BY

оазисов [DDI, 1990, p. 608—609]. При этом итальянская идея урегулирования и создания нейтральной зоны между итальянскими и эфиопскими войсками в Огадене фактически была предложением признать аннексию Италией восточной части Огадена, которая при таком разъединении фактически вошла бы в состав итальянской Сомалии.

Переговоры об урегулировании пограничных инцидентов с итальянской стороны вел граф Л. Винчи, с эфиопской — министр иностранных дел Хыруй Уольдэ Сыллассе и генеральный директор эфиопского министерства иностранных дел Тэсфайе. Одновременно Италия начала мобилизацию, и маршал Э. Де Боно получил официальную информацию, что в ближайшее время численность войск Италии в Восточной Африке будет доведена до 140 тыс. чел. [Weltgeschichte …, 1937, S. 31; Rochat, 1971, p. 391]. Глава французского правительства П. Лаваль тут же запросил у посланника в Эфиопии А. Бодара информацию, какое впечатление итальянские военные приготовления производят на Эфиопию и не намерено ли эфиопское правительство обратиться к Франции и Великобритании с просьбой оказать давление на Рим [DDF, 1980, p. 325].

После переговоров, продолжавшихся до середины февраля 1935 года, правительство Эфиопии в принципе согласилось с идеей создания временной нейтральной зоны в Огаденской пустыне [Ibid., p. 337]. Тем не менее Италия продолжала мобилизацию и отправку в Восточную Африку дивизий «Пелоритана» и «Гавинана» [Weltgeschichte…, 1937, S. 31—32]. В ответ на запрос по этому поводу Ф. Сувич пояснил французскому послу, что мобилизация и отправка войск в Восточную Африку служат делу мира, так как это отобьет у Эфиопии желание устраивать новые провокации на границе [DDF, 1980, p. 339]. Однако посол США в Италии Б. Лонг сообщал своему правительству, что Италия, очевидно, начала «общую подготовку» для военной кампании в Эфиопии [FRUS, 1953, p. 599]. Тем не менее А. Бодар констатировал в письме П. Лавалю, что «французское и британское правительства намерены предоставить Италии свободу рук для полного урегулирования конфликта в Огадене» [DDF, 1980, p. 347].

В ходе переговоров выявилось, что и Эфиопия, и Италия готовы пойти на создание нейтральной зоны на границе Эфиопии и Итальянской Сомалии, однако проблема состояла в недемаркированности линии границы. Хыруй Уольде Сыллассе предложил наметить нейтральную зону на карте, но Луиджи Винчи отверг эту идею, считая, что нейтральную зону необходимо определить в ходе конкретных бесед с военными специалистами. Единственное общее мнение, к которому пришли обе стороны, состояло в понимании необходимости зафиксировать линию сомалийско-эфиопской границы [DBFP, 1976, p. 162—163; DDF, 1980, p. 348; DDI, 1990, p. 688—

CC BY

689]. Одновременно в Италии было объявлено, что переговоры зашли в тупик и Италия вынуждена принять меры по «обеспечению безопасности и мира для итальянских колоний» и направить в Африку две недавно мобилизованные дивизии [Popolo d'Italia, 1935, 17 febbraio].

Под давлением представителей Великобритании и Франции правительство Эфиопии пошло навстречу итальянскому требованию о привлечении военных специалистов при определении границ нейтральной зоны [LNOJ, 1935, № 2, p. 733—734]. С итальянской стороны таким специалистом был назван командир итальянских войск в оазисе Уольуоль Р. Чиммарута, с эфиопской — командир эфиопского отряда, участвовавшего в том же Уольуольском инциденте, блаттенгетта Тыызаз. В комиссию были введены также бельгийский и шведский офицеры из состава миссий этих стран в Эфиопии [DDF, 1980, p. 363]. Это приглашение вызвало протест итальянцев, которые назвали приглашение шведа и бельгийца «недружественным по отношению к Италии шагом», направив ноты протеста правительствам Бельгии и Швеции, но и Бельгия, и Швеция отклонили этот демарш [Ibid., p. 412]. Со своей стороны правительство Эфиопии заявило, что ухудшают положение именно действия Италии, которая взяла курс на наращивание своего военного присутствия в Восточной Африке [Außenpolitische Dokumente …, 1935, S. 45—46].

Итальянское правительство взяло курс на срыв дальнейших переговоров, поскольку реальный смысл итальянских требований сводился к тому, чтобы Эфиопия без обсуждений признала Восточный Огаден итальянским владением и взяла на себя ответственность за пограничные инциденты. «Переговоры между итальянским посланником и эфиопским правительством остаются бесплодными. Эфиопское правительство предлагает использовать институт арбитража, но итальянская сторона отвергает эту идею. В таких условиях провал переговоров неизбежен», — сообщал А. Бодар П. Лавалю 21 февраля 1935 года [DDF, 1980, p. 399].

Правительство Эфиопии предприняло реальные шаги по созданию нейтральной зоны в Огадене. Эфиопскому командованию в оазисе Герлогуби были даны указания вступить в прямой контакт с итальянцами в оазисе Уордэр, но итальянцы от прямого контакта отказались [Außenpolitische Dokumente …, 1935, S. 46]. Эфиопские войска были выведены из оазиса Афдуб, который должен был войти в нейтральную зону, но был немедленно оккупирован итальянцами [DDF, 1980, p. 432]. Эфиопия и в этой ситуации рассчитывала на поддержку Франции, но Франция заняла, по сути, проитальянскую позицию. Представитель Эфиопии в Риме при встрече с послом Франции Ш. де Шамбреном выразил тревогу по поводу итальянских военных приготовлений, но Шамбрен, сославшись на Ф. Сувича, за-

CC BY

явил, что Италия также стремится к миру и главное условие урегулирования конфликта — создание нейтральной зоны в Огадене [Ibid., p. 433].

Правительство Эфиопии подчеркивало свою готовность к компромиссу ради урегулирования конфликта. Из комиссии по установлению нейтральной зоны были отозваны бельгийский и шведский офицеры [Außenpolitische Dokumente …, 1935, S. 47]. Однако итальянское правительство потребовало еще до начала определения границ нейтральной зоны возместить материальный ущерб, который Италия понесла во время Уольуольского и последующих инцидентов. Размер материальной компенсации был определен в сумме 200 тыс. талеров Марии Терезии (основной монеты, обращавшейся в Эфиопии) [DDF, 1980, p. 475].

3.3. Аддис-Абебское соглашение 4 марта 1935 года и развитие конфликта

1 марта 1935 года заместитель министра иностранных дел Италии Фульвио Сувич направил итальянскому посланнику в Эфиопии графу Луиджи Винчи и верховному комиссару в Восточной Африке генералу Эмилио Де Боно письмо с указанием, что, если соглашение о нейтральной зоне в Огадене достигнуто, то его следует подписать, но при этом не прекращать «подготовки к дальнейшим действиям» [DDI, 1990, p. 723—724]. В этот же день премьер-министр Франции Пьер Лаваль направил французскому послу в Италии графу Шарлю де Шамбрену и французскому посланнику в Аддис-Абебе Альберу Бодару инструкцию, в которой предлагалось посоветовать Италии при возникновениях затруднений в итало-эфиопском диспуте перенести прямые итало-эфиопские переговоры в Париж. «Нужно учитывать, что правительство Эфиопии готово перенести переговоры в Париж. Италия должна понять, что эфиопское правительство может возобновить свою жалобу в Лигу Наций, что создаст ситуацию, неудобную для Италии и более опасную для неё, чем для Франции», — писал П. Лаваль [DDF, 1980, p. 474—475].

В соответствии с инструкцией Лаваля Ш. де Шамбрен предпринял демарш перед итальянским правительством. «Я в очень дружественной форме обратил внимание Сувича на выгоды продолжения прямых переговоров на основе решения Совета Лиги Наций 19 января 1935 года. Я сообщил ему о желании Эфиопии вновь обратиться в Лигу Наций и высказал мнение, что и Италии, и Франции более разумно было бы использовать еще не реализованные возможности, не вступая в бесполезные дискуссии. Сувич ответил, что после успеха переговоров о нейтральной зоне начнется ее разграничение и переговоры будут продолжены», — сообщал Шамбрен в Париж [Ibid., p. 494—495]. С аналогичным демаршем перед Муссолини выступил британский посол Э. Драммонд. Муссолини отреагировал зна-

CC BY

чительно более резко, чем Сувич: он заявил, что Италия самостоятельно определит свой образ действий в Восточной Африке и при необходимости может направить в этот регион даже 500 тыс. человек [DBFP, 1971, p. 177]. При этом итальянское правительство в категорической форме продолжало настаивать на предварительной выплате Эфиопией компенсации за нанесенный итальянцам ущерб в сумме 200 тыс. талеров Марии Терезии [DDF, 1980, p. 500]. Тем не менее ради достижения соглашения, прежде всего для успокоения Франции и Великобритании, Италия согласилась не требовать немедленной выплаты компенсации за ущерб.

4 марта 1935 года в Аддис-Абебе полномочный посланник Италии граф Луиджи Винчи и министр иностранных дел Эфиопии блаттенгетта Хыруй Уольдэ Сыллассе подписали соглашение об установлении нейтральной зоны в восточной части пустыни Огаден. По заявлению итальянской стороны, соглашение должно было пресечь саму возможность новых пограничных инцидентов и создать условия для дальнейших переговоров о границах, материальном ущербе сторон и т. п. [Ibid., p. 489]. 5 марта 1935 года итальянский посланник граф Л. Винчи был принят императором Эфиопии Хайле Селассие I. Император отказался обсуждать с итальянским посланником перспективы дальнейших переговоров, снова поручив их ведение блаттенгетте Хыруй Уольде Сыллассе. Встреча графа Винчи с эфиопским министром иностранных дел показала, что стороны не готовы обсуждать многие проблемы. По сообщению графа Винчи, Хыруй Уольде Сыллассе настаивал, что в инцидентах потери понесли обе стороны, и итальянские требования материальной компенсации существенно завышены, и целесообразнее перейти к созданию нейтральной зоны, а не продолжать двусторонние переговоры, так как Италия все более наращивает свое военное присутствие на границах Эфиопии [DDI, 1990, p. 736].

Французская пресса в этот период уже вполне определенно писала о возможном нападении Италии на Эфиопию. «Никто не идёт на крупные расходы, связанные с мобилизацией и переброской войск и значительного количества военных материалов для того, чтобы остановиться на полпути. В Абиссинии будет война», — писала 7 марта 1935 года газета «France militaire» [Цит. по: Лисовский, 1935, с. 61]. В тот же день маршал П. Бадольо направил Муссолини конкретный план операций в Восточной Африке [Rochat, 1971, p. 404], а 8 марта Муссолини ответил Бадольо директивой, в которой указал на необходимость ведения в Эфиопии постоянных наступательных действий и распорядился обсудить со специалистами возможность бомбардировки Аддис-Абебы [Ibid., p. 405—406]. В то же время Ф. Сувич сделал официальное заявление, что Аддис-Абебское соглашение о нейтральной зоне 4 марта 1935 года — первый шаг на пути урегулирова-

CC BY

ния конфликта, после которого переговоры будут продолжены [DDF, 1980, p. 505], а в Аддис-Абебе была сформирована комиссия по разграничению нейтральной зоны [Ibid., p. 513].

9 марта губернатором Итальянской Сомалии был назначен генерал Родольфо Грациани. Одновременно была начата переброска мобилизованных дивизий в Восточную Африку [L'Italia in Etiopia…, 1936, p. 12]. 23 марта был сформирован оперативный штаб итальянской армии в Восточной Африке, в состав которого вошли генерал Эмилио Де Боно, назначенный верховным главнокомандующим итальянских сил в Восточной Африке, а также генералы Мелкиаде Габба (начальник штаба; о нем подробнее см.: [Нестеров, 2016]), Фиденцио Далл'Ора, Алессандро Пирцио Бироли и Фердинандо Кона [L'Italia in Etiopia…, 1936, p. 13]. Одновременно в Италии было принято решение о мобилизации двух новых дивизий, получивших названия «Пелоритана II» и «Гавинана II» [Weltgeschichte …, 1937, S. 31—32].

Тем не менее официальные итальянские декларации о перспективах мирного урегулирования итало-эфиопского конфликта не вызывали доверия в Эфиопии. В начале марта, уже после подписания Аддис-Абебского соглашения, руководители Эфиопии выразили серьезную озабоченность по поводу отправки из Италии в Восточную Африку военного контингента в количестве 30 тыс. человек, а также авиации и боевой техники [DDF, 1980, p. 531—532]. В связи с этим правительство Эфиопии предприняло определенные шаги, направленные на перенос обсуждения итало-эфиопского конфликта в Совет Лиги Наций в соответствии со статьей 15 Устава Лиги [Ibid., p. 520]. 15 марта император Эфиопии Хайле Селассие I принял окончательное решение об обращении в Лигу Наций, так как военные приготовления Италии были очевидны, а комиссия по разграничению нейтральной зоны так и не приступила к работе [DBFP, 1971, p. 194; DDF, 1980, p. 575—576]. Французский посланник А. Бодар сообщал из Аддис-Абебы своему правительству, что Эфиопия надеется на арбитраж Лиги и помощь Франции, хотя уверенность в неизбежности войны очень велика [DDF, 1980, p. 667]. 16 марта 1935 года министр иностранных дел Эфиопии Хыруй Уольде Сыллассе направил официальную телеграмму на имя генерального секретаря Лиги Наций Жозефа Авеноля с просьбой об арбитраже Лиги Наций в итало-эфиопском конфликте [LNOJ, 1935, № 5, p. 571]. В истории итало-эфиопского конфликта наступил новый этап, связанный с попытками арбитража Лиги Наций и продолжавшийся вплоть до начала итало-эфиопской войны 3 октября 1935 года (события последующего периода рассмотрены в одной из публикаций автора, см.: [Нестерова, 1987]).

4. Заключение = Conclusions

Период начала 1935 года является важным этапом в истории итало-эфиопского конфликта. На данном этапе была предпринята попытка проведения прямых итало-эфиопских переговоров с целью по крайней мере замораживания конфликта и перехода к дипломатическому решению спорных пограничных вопросов. Было очевидно полное отсутствие у Италии заинтересованности в решении спорных вопросов дипломатическим путем, так как с точки зрения Италии главной проблемой была, собственно, сама независимая Эфиопия, первая попытка покорить которую, предпринятая в конце XIX века правительством Франческо Криспи, завершилась полным провалом. Формально прямые итало-эфиопские переговоры завершились достижением Аддис-Абебского соглашения 4 марта 1935 года, в соответствии с которым между итальянскими и эфиопскими владениями в пустыне Огаден должна была быть создана нейтральная зона — как первый шаг к демаркации границы между Эфиопией и итальянской колонией Сомалией. Однако для всех было очевидно, что Италия не предполагает соблюдать достигнутое соглашение, так как ее основной целью на данном этапе было затягивание двусторонних переговоров, чтобы не допустить международного вмешательства в конфликт между Италией и Эфиопией и успеть создать ударные военные группировки в Эритрее и Сомалии для последующей полной ликвидации независимости Эфиопии. Благодаря активной дипломатической игре Италии удалось оттянуть обращение Эфиопии в Лигу Наций вплоть до середины марта 1935 года, когда международная ситуация в связи с действиями Германии существенно изменилась, а Франция и Великобритания оказались крайне заинтересованы в итальянской поддержке против Германии, и с итальянской точки зрения интернационализация конфликта в связи с обращением Эфиопии в Лигу Наций уже потеряла всякое политическое значение, а Италия фактически получила свободу рук по отношению к Эфиопии.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Aloisi P.* Journal (25 juillet 1932 — 14 juin 1936) / P. Aloisi. — Paris : Plon, 1957. — 392 p.

2. *Außenpolitische Dokumente 1935.* Der italienisch-äthiopische Streitfall vom seiner Entstehung bis Ende September 1935. — Berlin: Auswärtige Amt, 1935. — 178 S.

3. DBFP — *Documents* on British Foreign Policy 1919 — 1939. 2d Serie. The Italo-Ethiopian Dispute. March 21. 1934 — Oct. 3. 1935. — London : H. M. Stationery Office, 1976. — 790 p.

CC BY

4. *De Bono E.* La preparazione e le prime operazioni / E. De Bono. — Roma : Istituto nazionale fascista de cultura, 1937. — 217 p.

5. DDF — *Documents* diplomatiques français 1932 — 1939. Série 1 (1932—1935). — Paris : Imprimerie national, 1980. — T. IX. — 731 p.

6. DDI — *I documenti* diplomatici italiani. Seria 7 (1922—1935). — Roma : Librerio dello Stato, 1990. — Vol. XVI. — 1132 p.

7. FRUS — *Foreign* Relations of the United States. 1935. General, Near East and Africa. — New York : Department of State, 1953. — Vol. 1. — 869 p.

8. *Guariglia R.* Ricordi 1922 — 1946 / R. Guariglia. — Napoli : Ed. Scientifiche Italiane, 1950. — 782 p.

9. LNOJ — *League* of Nations Official Journal. 1935.

10. *L'Italia in Etopia* : dal Mareb ad Addis Abeba. — Roma : Edizioni di Novissima, 1936. — 188 p.

11. *Nicotra Randazzo G.* Gl'italiani in Africa. Pensieri e riflessioni per il vantaggio d'Italia e per la pace universale / G. Nicotra Randazzo. — Catania : Rosario Bonsignore ed., 1896. — 54 p.

12. *Popolo d'Italia*. 1935. 17 febbraio.

13. *Rochat G.* Militari e politici nella preparazione della campagna d'Etiopia : studio e documenti. 1932—1936 / G. Rochat. — Milano : Franco Angeli ed., 1971. — 514 p.

14. *Weltgeschichte* der Gegenwart in Dokumenten. Internationale Politik / Hrsg. W. Frauendienst. — Essen : Essener Verlagsanstalt, 1937. — Bd. 3. — 491 S.

Литература

1. *Иванов А. Г.* Итало-эфиопская война 1935—1936 гг., Лига Наций и западные державы / А. Г. Иванов // Современная научная мысль. — 2021. — № 3. — С. 60—70. — DOI: 10.24412/2308-264X-2021-3-60-70.

2. *Кузьмин Д. И.* Планы и перспективы сближения с Францией в политике фашистской Италии в начале 1935 г. / Д. И. Кузьмин // Вестник Московского университета. Серия 8 : История. — 2020. — № 4. — С. 75—87.

3. *Кузьмин Д. И.* Цели и задачи Италии в Эфиопской войне 1935—1936 годов : позиция в Лиге Наций и пропаганда / Д. И. Кузьмин // Исторический журнал : научные исследования. — 2021. — № 3. — С. 172—182. — DOI: 10.7256/2454-0609.2021.3.35147/

4. *Лисовский П. А.* Итало-абиссинский конфликт / П. А. Лисовский. — Москва ; Ленинград : Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. — 96 с.

5. *Нестеров А. Г.* Мелкиаде Габба, итальянская миссия в Закавказье и независимый Азербайджан в 1919—1920 гг. / А. Г. Нестеров // Россия — Италия. Итальянцы в России от древней Руси до наших дней. — Москва : ИВИ РАН, Ленанд, 2015. — Выпуск 6. — С. 308—314.

6. *Нестерова Т. П.* Франко-итальянские отношения накануне фашистской агрессии против Эфиопии (март-май 1935) / Т. П. Нестерова // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. — Свердловск : УрГУ, 1987. — С. 108—120.

7. *Нестерова Т. П.* Франция и начало итало-эфиопского конфликта (вторая половина 1934 года) / Т. П. Нестерова // Annali d'Italia. — 2020. — № 12. — С. 41—45.

8. *Трофимов В. А.* Итальянский колониализм и неоколониализм : история и современность / В. А. Трофимов. — Москва : Наука, 1979. — 288 с.

9. *Ходнев А. С.* Итало-эфиопский конфликт, Лига Наций и США / А. С. Ходнев // Американский ежегодник. — 2024. — С. 121—134.

10. *Del Boca A.* I gas di Mussolini: il fascismo e la guerra d'Etiopia. Primo piano / A. Del Boca, G. Rochat. — Roma : Editori Riuniti, 1996. — 190 p. — ISBN 978-88-359-4091-3.

11. *Del Boca A.* Italiani, brava gente? Un mito duro a morire. I colibrì / A. Del Boca. — Vicenza : N. Pozza, 2005. — 318 p. — ISBN 978-88-545-0013-6.

12. *Del Boca A.* Gli italiani in Africa Orientale — II. La conquista dell'Impero / A. Del Boca. — Milan : Mondadori, 2009. — 784 p. — ISBN 978-88-04-46947-6.

13. *Duroselle L. B.* La decadence, 1932—1939 / L. B. Duroselle. — Paris : Lagard ed., 1985. — 568 p.

14. *Laurens F. D.* France and the Italo-Ethiopian Crisis / F. D. Laurens. — Paris : Mouton, 1967. — 432 p.

15. *Matsushima F. R. R.* The Fall of the League of Nations / F. R. R. Matsushima // Journal of Innovation and Social Science Research. — 2022. — Vol. 9. — № 1. — Pp. 96—102. — DOI: 10.53469/JISSR.2022.09(01).16.

16. *Moghioroşi V.* The Abyssinian War and the League of Nations : Debates in the Council / V. Moghioroşi // Romanian Journal of History and International Studies. — 2016. — Vol. III. — № 2. — Pp. 91—111.

17. *Rochat G.* Le guerre italiane 1935—1943 / G. Rochat. — Milano : Einaudi, 2009. — 460 p. — ISBN 978-88-06-19168-9.

Статья поступила в редакцию 27.04.2025,
одобрена после рецензирования 29.06.2025,
подготовлена к публикации 01.08.2025.

Material resources

Aloisi, P. (1957). *Journal (25 juillet 1932 — 14 juin 1936).* Paris: Plon. 392 p. (In Frenc.).

Außenpolitische Dokumente 1935. Der italienisch-äthiopische Streitfall vom seiner Entstehung bis Ende September 1935. (1935). Berlin: Auswärtige Amt. 178 S. (In Germ.).

DBFP — *Documents on British Foreign Policy 1919—1939. 2d Serie. The Italo-Ethiopian Dispute. March 21. 1934 — Oct. 3. 1935.* (1976). London: H. M. Stationery Office. 790 p.

DDF — *Documents diplomatiques français 193— 1939. Série 1 (1932—1935), IX.* (1980). Paris: Imprimerie national. 731 p. (In Frenc.).

DDI — *I documenti diplomatici italiani. Seria 7 (1922—1935), XVI.* (1990). Roma: Librerio dello Stato. 1132 p. (In Ital.).

De Bono, E. (1937). *La preparazione e le prime operazioni.* Roma: Istituto nazionale fascista de cultura. 217 p. (In Ital.).

Frauendienst, W. (hrsg.). (1937). *Weltgeschichte der Gegenwart in Dokumenten. Internationale Politik, 3.* Essen: Essener Verlagsanstalt. 491 S. (In Germ.).

FRUS — *Foreign Relations of the United States. 1935. General, Near East and Africa, 1.* (1935). New York: Department of State. 869 p.

Guariglia, R. (1950). *Ricordi 1922—1946.* Napoli: Ed. Scientifiche Italiane. 782 p. (In Ital.).

L'Italia in Etopia: dal Mareb ad Addis Abeba. (1936). Roma: Edizioni di Novissima. 188 p. (In Ital.).

LNOJ — *League of Nations Official Journal.* (1935).

Nicotra Randazzo, G. (1896). *Gl'italiani in Africa. Pensieri e riflessioni per il vantaggio d'Italia e per la pace universal.* Catania: Rosario Bonsignore ed. 54 p. (In Ital.).

Popolo d'Italia. (1935). *17 febbraio.* (In Ital.).

Rochat, G. (1971). *Militari e politici nella preparazione della campagna d'Etiopia: studio e documenti. 1932—1936.* Milano: Franco Angeli ed. 514 p. (In Ital.).

References

Del Boca, A. (2005). *Italiani, brava gente? Un mito duro a morire. I colibri.* Vicenza: N. Pozza. 318 p. ISBN 978-88-545-0013-6. (In Ital.).

Del Boca, A. (2009). *Gli italiani in Africa Orientale — II. La conquista dell'Impero.* Milan: Mondadori. 784 p. ISBN 978-88-04-46947-6. (In Ital.).

Del Boca, A., Rochat, G. (1996). *I gas di Mussolini: il fascismo e la guerra d'Etiopia. Primo piano.* Roma: Editori Riuniti. 190 p. ISBN 978-88-359-4091-3. (In Ital.).

Duroselle, L. B. (1985). *La decadence, 1932—1939.* Paris: Lagard ed. 568 p. (In Frenc.).

Ivanov, A. G. (2021). The Italo-Ethiopian war of 1935—1936, the League of Nations and the Western Powers. *Modern scientific thought, 3:* 60—70. DOI: 10.24412/2308-264X-2021-3-60-70. (In Russ.).

Khodnev, A. S. (2024). The Italo-Ethiopian conflict, the League of Nations and the USA. *American Yearbook.* 121—134. (In Russ.).

Kuzmin, D. I. (2020). Plans and prospects of rapprochement with France in the policy of fascist Italy in early 1935. *Bulletin of the Moscow University. Episode 8: The Story, 4:* 75—87. (In Russ.).

Kuzmin, D. I. (2021). Goals and objectives of Italy in the Ethiopian War of 1935—1936: position in the League of Nations and propaganda. *Historical Journal: scientific research, 3:* 172—182. DOI: 10.7256/2454-0609.2021.3.35147/. (In Russ.).

Laurens, F. D. (1967). *France and the Italo-Ethiopian Crisis.* Paris: Mouton. 432 p. (In Frenc.).

Lisovsky, P. A. (1935). *The Italo-Abyssinian conflict.* Moscow; Leningrad: Gos. soc.-ekon. publishing house. 96 p. (In Russ.).

Matsushima, F. R. R. (2022). The Fall of the League of Nations. *Journal of Innovation and Social Science Research, 9 (1):* 96—102. DOI: 10.53469/JISSR.2022.09(01).16.

Moghioroşi, V. (2016). The Abyssinian War and the League of Nations: Debates in the Council. *Romanian Journal of History and International Studies, III (2):* 91—111.

Nesterov, A. G. (2015). Melquiade Gabba, the Italian mission in Transcaucasia and independent Azerbaijan in 1919—1920. In: *Russia—Italy. Italians in Russia from ancient Russia to the present day, 6.* Moscow: IVI RAS, Lenand. 308—314. (In Russ.).

Nesterova, T. P. (1987). Franco-Italian relations on the eve of the fascist aggression against Ethiopia (March-May 1935). In: *Policy of the great Powers in the Balkans and the Middle East in modern times.* Sverdlovsk: USU. 108—120. (In Russ.).

Nesterova, T. P. (2020). France and the beginning of the Italo-Ethiopian conflict (the second half of 1934). *Annali d'Italia, 12:* 41—45. (In Russ.).

Rochat, G. (2009). *Le guerre italiane 1935—1943.* Milano: Einaudi. 460 p. ISBN 978-88-06-19168-9. (In Ital.).

Trofimov, V. A. (1979). *Italian colonialism and neocolonialism: history and modernity.* Moscow: Nauka Publ. 288 p. (In Russ.).

The article was submitted 27.04.2025;
approved after reviewing 29.06.2025;
accepted for publication 01.08.2025.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Сулейманова Р. Н. Брачность и разводимость населения в послевоенные годы (на материалах Башкирской АССР) / Р. Н. Сулейманова, Ш. Н. Исянгулов // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 6. — С. 520—536. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-520-536.

Suleimanova, R. N., Isyangulov, Sh. N. (2025). Marriage and Divorce Rates in Post-War Years: Evidence from Bashkir ASSR. *Nauchnyi dialog, 14* (6): 520-536. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-520-536. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Брачность и разводимость населения в послевоенные годы (на материалах Башкирской АССР)

Сулейманова Рима Нугамановна
orcid.org/0000-0003-1877-5421
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник,
заведующий отделом новейшей истории
Башкортостана
rnsulejman@mail.ru

Исянгулов Шамиль Наилевич
orcid.org/0000-0001-5691-5566
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
отдел новейшей истории Башкортостана,
корреспондирующий автор
isangul-schamil@mail.ru

Уфимский федеральный
исследовательский центр
Российской академии наук
(Уфа, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 25-28-00153,
https://rscf.ru/project/25-28-00153/

Marriage and Divorce Rates in Post-War Years: Evidence from Bashkir ASSR

Rima N. Suleimanova
orcid.org/0000-0003-1877-5421
Doctor of History, Chief Researcher,
Head of the Department
of Contemporary History
of Bashkortostan
rnsulejman@mail.ru

Shamil N. Isyangulov
orcid.org/0000-0001-5691-5566
PhD in History, Senior Researcher,
Department of Contemporary
History of Bashkortostan,
corresponding author
isangul-schamil@mail.ru

Ufa Federal Research Centre
of the Russian Academy of Sciences
(Ufa, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 25-28-00153,
https://rscf.ru/project/25-28-00153/

© Сулейманова Р. Н., Исянгулов Ш. Н., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается динамика брачности и разводимости населения в Башкирской АССР с 1945 по 1968 годы, влияние Указа от 8 июля 1944 года на семейно-брачную сферу в республике. Актуальность исследования обусловлена тем, что в современный период российская семья переживает кризисный период. В качестве основных источников использованы неопубликованные статистические сведения о браках и разводах за послевоенные годы. Подсчет суммарного коэффициента брачности сельского населения республики свидетельствует о том, что мужчины в среднем вступали в брак 2 раза, а женщины — 1—1,5 раза. Показано, что доля детей, в акте о рождении которых отсутствовала запись об отце, в послевоенный период в Башкирии была ниже, чем по стране в целом и в отдельных регионах в частности. По мнению авторов, в данном случае влияние оказало осуждение внебрачных связей, характерное также для башкирского и татарского населения республики. Показана связь социальной политики государства с положением разводимости населения. Изучение источников позволило сделать вывод о том, что часть бракосочетаний и разводов в рассматриваемый период оставались незарегистрированными в органах ЗАГС.

Ключевые слова:
брачность; внебрачная рождаемость; разводимость; Башкирия; Великая Отечественная война.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the dynamics of marriage and divorce rates in the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic (ASSR) from 1945 to 1968, with a particular focus on the impact of the Decree of July 8, 1944, on family and marital relations in the republic. The relevance of this research is underscored by the ongoing crisis facing Russian families in contemporary society. Primary sources include unpublished statistical data on marriages and divorces during the post-war years. Analysis of the total marriage rate among the rural population indicates that men, on average, entered into marriage 2 times, while women did so 1 to 1.5 times. It is shown that the proportion of children born without a father recorded on their birth certificates was lower in post-war Bashkiria compared to the national average and certain regions. The authors suggest that this trend may be attributed to societal condemnation of extramarital relationships, which was also characteristic of the Bashkir and Tatar populations in the republic. The connection between state social policy and the divorce rates is also explored. An examination of the sources leads to the conclusion that a portion of marriages and divorces during this period remained unregistered with the civil registry offices.

Key words:
marriage; illegitimate birth; divorce rates; Bashkiria; Great Patriotic War.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94:314.5(470.57)“1945/1960”
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-520-536

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Брачность и разводимость населения в послевоенные годы (на материалах Башкирской АССР)

© Сулейманова Р. Н., Исянгулов Ш. Н., 2025

1. Введение = Introduction

В настоящее время состояние брачности и разводимости населения в стране остается достаточно тревожным. Отмечается значительное снижение общего коэффициента брачности населения. Хотя уровень разводимости в последние годы в Республике Башкортостан несколько снижается, но в связи с падением коэффициента брачности происходит сближение данных показателей. Увеличение доли лиц, решившихся на прекращение брака, и стремительное снижение уровня брачности (что приводит к распространению практики незарегистрированных в органах ЗАГС бракосочетаний) свидетельствуют о кризисе современной семьи [Башкортостан …, 2018, с. 134]. Российское государство прилагает немалые усилия по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей, в деле поддержки семьи, детства, материнства, рождаемости и т. д. В условиях военно-политического противостояния Западу Россия все более выступает за сохранение традиционных семейных ценностей. В такой ситуации актуальным становится изучение опыта послевоенных лет, когда советское государство после огромных потерь мужского населения в период Великой Отечественной войны решительно изменило политику в сфере семейно-брачных отношений, практически запретив разводы и потребовав зарегистрировать в органах ЗАГС фактические браки.

Целью данной статьи является исследование ситуации брачности и разводимости населения в Башкирской АССР с 1945 по 1968 годы, влияния Указа от 8 июля 1944 года на семейно-брачную сферу в республике. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: определение динамики уровня брачности и разводимости населения, различных коэффициентов брачности; изучение возрастных особенностей, вступивших в брак и разводящихся мужчин и женщин. Обозначенная тема в указанном контексте в региональной историографии еще не становилась объектом научного исследования. Многие использованные в статье неопубликованные

CC BY

источники, извлеченные из фондов центральных и регионального архивов, вводятся в научный оборот впервые.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В статье использованы как опубликованные, так и архивные источники. Необходимо отметить, что опубликованные статистические материалы за рассматриваемый период долгое время оставались достаточно скудными. Лишь в 2018 году Башкортостанстат выпустил сборник, в котором опубликованы общие по республике различные сведения о браках и разводах за отдельные годы. Однако в нем отсутствуют данные отдельно по городу и селу [Башкортостан …, 2018, с. 134—144].

Основными источниками стали неопубликованные статистические отчеты формы 1, 1а, 7 и 8 Статистического управления БАССР, в которых получали отражение ежегодные сведения о браках и разводах. Кроме того, ценными оказались ранее не использовавшиеся исследователями аналитические и докладные записки о естественном движении населения за тот или иной год. Главное внимание в них уделялось рождаемости и смертности, а бракам и разводам — незначительное. Несмотря на это, за отдельные годы в докладных записках указывались и причины разводов. Это позволяет сделать вывод, что ежегодные статистические сведения о разводах, в частности, не отражают реальной картины. В целом же источники достаточны для изучения указанной темы.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года и его влияние на состояние семьи и брачности населения страны в советской и современной научной отечественной и зарубежной литературе уже становились предметом анализа [Харчев, 1964, с. 167—174; Корнилов, 1993, с. 50—59; Пушкарева и др., 2003; Рабжаева, 2004; Развитие …, 2022; Накачи, 2022; Хасбулатова и др., 2024; и др.]. Изучалась динамика уровня брачности и разводимости в стране, в РСФСР, в отдельных регионах. Исследования постсоветского периода основываются на изучении ежегодных статистических отчетов формы 7 и 8, тем самым вводятся в научный оборот ранее не публиковавшиеся в открытой печати источники. Изучены особенности брачного поведения населения России в городских поселениях и сельской местности в послевоенные годы [Население …, 2001, с. 218—274; Блюм, 2005, с. 130—133; Вербицкая, 2009, с. 209—227; Араловец, 2010; Жиромская и др., 2018, с. 98—102; Попов, 2019; Жиромская и др., 2024; и др.]. В результате брачность и разводимость населения в послевоенный период в общероссийском масштабе на сегодняшний день изучены лучше. Региональные же исследования относительно редки. Несомненно, имеются публикации и на материалах Башкирской АССР [Нафиков, 1974;

Галин, 1998, с. 114—120; Сулейманова, 1998, с. 26—29; Сулейманова, 2024]. В них браки и разводы рассматривались кратко, нередко лишь на основе опубликованных источников. Таким образом, реализация Указа 1944 года и его влияние на брачно-семейные отношения граждан в послевоенные годы вплоть до конца 1960-х годов, прежде всего в региональном аспекте, изучены до сих пор недостаточно.

В статье наряду с историческими и статистическими методами исследования широко использованы и различные демографические методы: подсчеты специальных, возрастных и суммарных коэффициентов брачности и др., для чего привлечены единовременные отчеты о возрастном и половом составе сельского населения за отдельные годы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Брачность населения

Указ от 8 июля 1944 года узаконил лишь браки, зарегистрированные в органах ЗАГС. Лицам, которые фактически состояли до этого в брачных отношениях, предлагалось оформить свои отношения путем регистрации брака. Обращение матери в суд с иском об установлении отцовства и о взыскании алиментов на содержание ребенка, родившегося от лица, с которым она не состояла в зарегистрированном браке, отныне запрещалось [Сборник …, 1945, с. 288].

С окончанием войны и демобилизацией воинов происходит повышение роста уровня брачности населения. Уже в 1946 году число браков в республике повысилось в 2,1 раза по сравнению с предыдущим годом [ГА РФ, ф. А374, оп. 11, д. 363, л. 210 об; РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 2227, л. 174 об—176 об]. С 1947 года их число несколько снижается, однако остается достаточно высоким. При этом уровень брачности в первые послевоенные годы в городских поселениях был существенно выше, чем в сельской местности. Так, в 1950 году общий коэффициент брачности в городских поселениях республики составлял 16,1 ‰, в сельской местности — 9,2 ‰ [Нафиков, 1974, с. 105]. Причиной относительно низкого уровня брачности в деревне в послевоенные годы, по мнению исследователей, является больший половозрастной дисбаланс сельского населения. Как известно, в годы войны в городах сохранялась система брони, тогда как из деревни было мобилизовано практически все трудоспособное мужское население. Поэтому деревня и понесла большие демографические потери [Вербицкая, 2009, с. 214—216; Демографическая …, 2017, с. 208]. В 1950-е годы уровень брачности в городе и селе постепенно сближался. Однако и в последующие годы он на селе был все же меньше, чем в городе [Галин, 1998, с. 114; Нафиков, 1974, с. 105].

CC BY

Между тем, как показывают материалы Всесоюзной переписи населения 1959 года, доля лиц мужского пола, состоявших в браке, как в городе, так и на селе была практически одинаковой. Более того, в сельской местности она была чуть выше, чем в городе. Так, в деревне в 1959 году состояли в браке 69 % лиц мужского пола старше 15 лет, в городе — 68,2 %. Среди женщин данный процент был намного ниже: 47,7 и 51,8 %, соответственно [Подсчитано по: Население …, 2008, с. 146—153]. Отсюда можно сделать вывод, что, скорее всего, в послевоенный период в сельской местности, даже в условиях действия Указа 1944 года, не все бракосочетания регистрировались в органах ЗАГС. Распространение сожительства было выгодно мужчинам, облегчало разводы, получившие, несмотря на законодательные меры, значительное распространение.

В первые послевоенные годы заключались браки, отложенные из-за войны, оформлялись фактические браки, заключенные в довоенный и военный период [Сулейманова, 1998, с. 18]. Именно поэтому среди вступивших в брак, как мужчин, так и женщин, в этот период был значителен процент лиц старше 30 лет [НА РБ, ф. Р472, оп. 6, д. 1071, л. 63—63 об; Башкортостан …, 2018, с. 135—136]. Данный процент был особенно высоким в городских поселениях. В деревне же высокий удельный вес лиц старше 30 лет среди брачующихся отмечался короткое время: в 1949—1950 годах. В результате происходило снижение доли вступающих в брак в молодых возрастах. Так, процент парней, вступивших в брак до 20 лет, в деревне в послевоенные годы неизменно снижался. В городе удельный вес мужчин, заключивших брак до 20 лет, был также небольшим [НА РБ, ф. Р472, оп. 6, д. 1071, л. 63—63 об; д. 1383, л. 71—71 об; д. 1593, л. 79—79 об; оп. 9, д. 1068, л. 32—32 об; РГАЭ, ф. 1562, оп. 27, д. 504, л. 61—63 об; д. 1031, л. 62—62 об; ГА РФ, ф. А374, оп. 32а, д. 3056, л. 269—269 об].

Наличие таких источников, как единовременные отчеты о половом и возрастном составе сельского населения, позволяют установить специальные, возрастные и суммарные коэффициенты брачности. Так, в 1948 году специальный коэффициент брачности в сельской местности Башкирии составил для мужчин — 37,8 ‰ для женщин — 21,8, в 1960 году, соответственно, 48,5 и 31,7 ‰ Более объективную картину показывают также возрастные коэффициенты брачности (табл. 1).

Материалы таблицы 1 показывают, что в 1960 году девушек в возрасте до 20 лет в деревне выходило замуж больше, чем в 1948 году. Повысилась и доля женщин 30 лет и старше, вступающих в брак. Очевидно, это результат изменения возрастной структуры населения. Коэффициент брачности у мужчин показывает, что в 1948 году массово вступали в брак в наиболее репродуктивном возрасте от 20 до 39 лет. К 1960 году уровень

CC BY

Таблица 1

Возрастные коэффициенты брачности в сельской местности Башкирской АССР за 1948 и 1960 годы (в ‰)*

Возрастные группы	1948 год		1960 год	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
15—19 лет	15,3	20,8	15,9	66,0
20—29 лет	141,4	71,5	116,8	86,0
30—39 лет	36,6	12,4	24,1	17,7
40—49 лет	12,2	4,2	14,6	7,8
50—59 лет	6,2	1,8	15,7	8,8
60 лет и старше	3,9	0,7	24,2	6,6

* Составлена по: [РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 3176, л. 60—60 об; д. 3793, л. 75; оп. 27, д. 1031, л. 62; НА РБ, ф. Р472, оп. 6, д. 1187, л. 74—74 об; оп. 9, д. 4264, л. 1—1 об; д. 4463, л. 1—1 об].

брачности в возрасте 30—39 лет снизился, но повысился у 40-летних и старше. Данное явление было связано с удлинением продолжительности жизни населения, окончательным отпадением былых религиозных (в частности, православных) запретов на брак и т. д.

Суммарный коэффициент брачности в деревне у мужчин в 1948 году составил 2,08, в 1960 году — 2,03, у женщин, соответственно, 1,01 и 1,6. Эти цифры показывают, что в послевоенные годы мужчина на протяжении своей жизни при существующей возрастной структуре населения вступал в брак в среднем 2 раза, что в целом довольно точно отражало данную реальность. В 1948 году женщины имели возможность вступить в брак лишь 1 раз, тогда как в 1960 году — 1,6 раза.

Таким образом, уровень брачности в деревне в первые послевоенные годы был существенно ниже, чем в городских поселениях, что объясняется большими потерями мужского сельского населения репродуктивного возраста на войне. Он выравнивается лишь к концу 1950-х годов, однако в деревне оставался все же ниже в связи с оттоком молодежи в город. Одним из характерных явлений послевоенного времени становится увеличение доли вступавших в брак в возрасте 30 и старше лет в связи с оформлением бракосочетаний, фактически заключенных в довоенные и военные годы. Материалы переписи 1959 года о состоянии брачности мужчин указывают, что определенная часть браков на селе не регистрировалась в органах ЗАГС. Подсчитанные суммарные коэффициенты брачности сельского населения позволяют сделать вывод о распространении фактического многоженства в деревне в послевоенные годы.

CC BY

3.2. Внебрачная рождаемость

Одним из последствий Указа 1944 года стало появление внебрачной рождаемости. С 1945 года начался учет сведений о родившихся, в отношении которых в акте о рождении отсутствовали записи об отце. В послевоенной деревне пик внебрачной рождаемости наблюдался дважды: в 1952 и 1959 годах, когда ее удельный вес достиг отметки 17,1 % от общего числа родившихся, тогда как в городских поселениях в 1947, 1949—1951 годах доля внебрачной рождаемости превышала 20 %, после чего пошла на снижение [Башкортостан …, 2018, с. 125; НА РБ, ф. Р472, оп. 6, д. 1759. л. 53 об, 54 об, 55 об; оп. 9, д. 1068, л. 92 об, 94 об, 95 об; д. 2234, л. 96; д. 2743, л. 67]. Заметный рост внебрачной рождаемости в конце 1940-х — начале 1950-х годов по всей стране (в том числе и в Башкирии) объясняется, скорее всего, тем, что «для женщин, чьи мужья пропали без вести на фронте, дальнейшие ожидания спустя несколько лет после окончания войны утратили смысл, как и надежды на замужество в условиях постоянного оттока мужчин в города» [Попов, 2019, с. 58].

В Башкирии процент детей, родившихся вне брака в 1945—1950-е годы, оставался ниже, чем по стране [Жиромская и др., 2005, с. 547—548; Попов, 2019, с. 60]. В то же время в Башкирии доля внебрачных рождений была выше, чем в ряде областей Европейской части России [Вербицкая, 2009, с. 208]. Более высокой была доля внебрачной рождаемости в Западной Сибири и в целом по РСФСР [Демографическая …, 2017, с. 210]. В соседней Удмуртии в сельской местности доля детей, родившихся вне брака, была выше, чем в городе, и в 1950 году составила 36,9 % в деревне и 28,4 % в городе. С 1947 года по 1959 годы внебрачная рождаемость на селе в Удмуртии была выше, чем в городских поселениях. С. Н. Уваров данный факт объясняет большей деформацией половозрастной структуры на селе [Уваров, 2020, с. 150—151]. В возрастных группах 18—49 лет на селе в Удмуртии к началу 1948 года мужчин было в 2 раза меньше, чем женщин [Уваров, 2014, с. 71], тогда как в Башкирии удельный вес родившихся вне брака в городских поселениях был выше, чем в деревне, за исключением 1945, 1952 и 1959 годов. Между тем половозрастная структура сельского населения Башкирской АССР также подверглась значительной деформации из-за войны. К началу 1948 года в башкирской деревне в возрастных группах 20—49 лет женщин было больше мужчин более чем в 2 раза, а в группе 50—54-летних на 1000 мужчин приходилось 1564 женщины [Исянгулов, 2024, с. 98]. Таким образом, возрастная структура сельского населения репродуктивного периода и Башкирии, и Удмуртии к 1948 году была практически одинаковой, однако доля внебрачных рождений в деревне оказалась разной. Очевидно, дело не только в деформации возрастной

структуры населения. Несмотря на значительную эрозию традиционных норм демографического поведения к середине 1940-х годов, в башкирской деревне, скорее всего, еще давало о себе знать осуждение внебрачных рождений, особенно среди башкир и татар.

Однако к концу 1950-х годов репродуктивное поведение и в деревне изменилось. Рост удельного веса внебрачных рождений на селе в 1959 году можно пояснить дефицитом мужчин не только военного поколения, но и более поздних возрастов, активно мигрирующих в город.

Таким образом, процент внебрачной рождаемости в послевоенный период в Башкирии оставался ниже, чем по стране. Возможно, действовали былые нормы осуждения таких рождений, особенно среди башкир и татар. Пик внебрачной рождаемости пришелся на конец 1940-х — начало 1950-х годов, что было общесоюзной тенденцией.

3.3. Разводы

С опубликованием Указа 1944 года произошло усложнение процедуры развода. Он производился отныне не путем регистрации в органах ЗАГС, а в судебном порядке. Дела о расторжении брака проходили две стадии судебного разбирательства. Вначале подавалось заявление в народный суд о желании расторгнуть брак, при этом указывались мотивы развода и взыскивались 100 рублей. Другой супруг вызывался в суд для ознакомления с заявлением и установления свидетелей. В местной газете публиковалось объявление о возбуждении судебного производства о разводе. Однако народный суд дело о разводе по существу не рассматривал, а принимал меры к примирению супругов. В случае если примирение супругов не состоялось, истец обращался с заявлением о расторжении брака в вышестоящий суд. Данный суд и выносил решение о разводе, одновременно решая вопросы положения детей, раздела имущества, смены фамилии. На основании решения этого суда органы ЗАГС выписывали свидетельство о разводе, делалась отметка в паспорте каждого супруга, взималась по определению суда пошлина от 500 до 2000 рублей [Сборник …, 1945, с. 288—289]. Усложнение бракоразводных дел приводило к тому, что после положительного решения суда до регистрации развода в органах ЗАГС иногда проходило достаточно длительное количество времени. Так, за 1958 год 26,2 % зарегистрированных в органах ЗАГС актов о расторжении браков было составлено на основании решений судов предшествующих лет. При этом давность вынесения этих решений во многих случаях исчислялась сроком от 2 до 11 лет [НА РБ, ф. Р472, оп. 9, д. 3382, л. 20]. Тем самым ни число разводов, зарегистрированных в органах ЗАГС республики за тот или иной год, ни подсчитанный на их основании уровень разводимости в действительности не могли отражать реального положения в данном вопросе в период действия Указа от 8 июля 1944 года.

CC BY

Судебный характер принятия решений о расторжении браков приводил иногда к двойной регистрации разводов в случаях, когда заявления подавали оба супруга, но в разные органы ЗАГС [НА РБ, ф. Р472, оп. 9, д. 3382, л. 23].

Число разводов в первые послевоенные годы значительно снизилось. Так, в 1945 году по республике было зарегистрировано всего 20 разводов. Постепенно число разводов повышалось, особенно в городских поселениях. Удельный вес разводов в сельской местности вплоть до изменения законодательства в конце 1960-х годов оставался небольшим. С 1945 по 1965 годы уровень разводимости в республике возрос с 0,0 до 0,9 ‰ [НА РБ, ф. Р472, оп. 9, д. 2234, л. 103; д. 3382, л. 52; РГАЭ, ф. 1562, оп. 44, д. 2603, л. 174 об—176 об; Нафиков, 1974, с. 105; Башкортостан…, 2018, с. 134].

Число разводов на 1000 браков в Башкирии также было небольшим. Так, в Башкирии на 100 браков в 1950 году приходилось 2 развода, в 1960 году — 5,7 разводов, в 1965 году — 11,6 [Башкортостан …, 2018, с. 134]. Исследователи уверены, что число разводов в послевоенные годы не отражало реальную картину. В действительности разводов было намного больше, однако они юридически не оформлялись [Вербицкая, 2009, с. 227; Демографическая …, 2017, с. 211].

Более половины зарегистрированных разводов в 1947 году для мужчин в республике приходилось на возрастную группу 30—39 лет, в 1950 году — 54,8 %, в 1955 году — 39,8, для женщин, соответственно, 39,7, 50,3 и 34,4 %. Значительную часть расторгнувших брак в послевоенные годы составляли те, у кого семейный стаж насчитывал 5—19 лет [НА РБ, ф. Р472, оп. 6, д. 1071, л. 60—62 об; д. 1593, л. 85—87 об; ГА РФ, ф. А374, оп. 30, д. 6855, л. 225—225 об]. Увеличение числа разводов в средних возрастах и с длительной продолжительностью брака отмечалось в послевоенные годы по РСФСР в целом. Данное явление объясняется оформлением фактически совершившихся еще в довоенные, военные и в последующие годы разводов [Население …, 2001, с. 235; Араловец, 2010, с. 57].

Также необходимо обратить внимание на следующие обстоятельства. В отдельных случаях после Указа 1944 года допускался упрощенный порядок развода — без предварительного рассмотрения в народном суде: в случае безвестного отсутствия или пропажи без вести на фронте, осуждения к длительному сроку лишения свободы (не менее трех лет), хронической душевной болезни супруга. Однако и эти обстоятельства не являлись абсолютными поводами для прекращения брака. Обоснованность требования развода в каждом случае определялась судом [История …, 1968, с. 309]. Так, статистики объясняли факт увеличения количества разводов в конце 1940-х — начале 1950-х годов тем, что многие из них оформлялись с лица-

CC BY

ми, не вернувшимися с Великой Отечественной войны и пропавшими без вести на фронте [НА РБ, ф. Р472, оп. 6, д. 1187, л. 4; д. 1759, л. 88].

Вполне возможно, что причины данного достаточно странного явления коренятся в особенностях социальной политики советского государства того времени. В научной литературе отмечались случаи, когда семьи военнослужащих, пропавших без вести на фронте, не получали пособия, положенные им по Указу от 26 июня 1941 года. Также очевидно, что постановление Совнаркома СССР от 4 июня 1943 года, гарантировавшее семьям военнослужащих, погибших и без вести пропавших на фронтах, пособия на все время войны, неоднократно нарушалось на местах [Любецкий, 2016, с. 216; Палецких, 2018, с. 125]. После окончания войны данное постановление было продлено до конца 1947 года, а затем — до конца 1948 года [НА РБ, ф. Р933, оп. 10, д. 266, л. 74; д. 413, л. 149]. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 года пособия полагались семьям, в которых имелись бывшие иждивенцы военнослужащих. В зависимости от числа нетрудоспособных в семье пособия назначались в размере 100—200 рублей в месяц на семью в городе и 50 % этих сумм в сельской местности. Очень небольшими были пенсии семьям погибших и пропавших без вести. Так, семья фронтовика, который жил в деревне до службы в армии и занимался сельским хозяйством, при наличии одного нетрудоспособного получала 40 рублей в месяц, при двух нетрудоспособных — 56 рублей, при трех и более — 72 рубля [Палецких, 2018, с. 124]. Между тем пособия одиноким матерям, не состоящим в браке, как по Указу от 8 июля 1944 года, так и по Указу от 25 ноября 1947 года [Сборник …, 1975, с. 291—292, 299—300], были выше (хоть и ненамного), что могло сыграть существенную роль в мотивации на развод жены (вдовы) с погибшим на войне мужем. В то же время связь социальной политики государства с разводимостью населения в первые послевоенные годы нуждается в дальнейшем изучении. Вышеприведенные факты свидетельствуют также о слабой изученности в историографии социальной политики советского государства в позднесталинский период.

К началу 1960-х годов, со вступлением в брачный возраст поколений 1930-х годов, ситуация с разводами изменилась. В 1964 году, по материалам Верховного суда Башкирской АССР, более половины разводов приходилось на лиц в возрасте от 20 до 30 лет и 62 % всех распадающихся браков просуществовало менее 4 лет. Основными причинами разводов являлись пьянство одного из супругов (в большинстве случаев — мужа), недостаточная проверка чувств, легкомысленное отношение к браку [Злотников, 1966].

Как известно, двухступенчатый характер рассмотрения дел о разводе в судебных учреждениях был отменен в декабре 1965 года [Ведомости …,

CC BY

1965]. Окончательное изменение законодательства произошло лишь в июне 1968 года. Отныне в случае взаимного согласия супругов на развод, не имеющих несовершеннолетних детей, прекращение брака производилось в органах ЗАГС [Ведомости ..., 1968].

В целом, ситуация разводимости населения в первые послевоенные годы была неоднозначной. Двухступенчатый характер рассмотрения дел о разводах в суде приводил к удлинению их оформления в органах ЗАГС и в результате к искажению итогов статистических отчетов. Сохранение в отдельных случаях одноступенчатой процедуры рассмотрения дел, ужесточение социальной политики государства в конце 1940 — начале 1950-х годов привели к распространению разводов вдов с лицами, не вернувшимися с фронта, пропавшими без вести на войне. Все эти специфические явления приводили к тому, что основную часть разводящихся в первые послевоенные годы составляли граждане средних возрастов и имеющие большой супружеский стаж.

4. Заключение = Conclusions

Указ 1944 года оказал своеобразное влияние на состояние брачности и разводимости населения Башкирии. Не только значительная часть разводов, но и определенный процент фактических бракосочетаний (по крайней мере, в сельской местности) в послевоенные годы оставались незарегистрированными в органах ЗАГС. Об этом свидетельствует, в частности, доля лиц мужского пола, состоявших в браке, по материалам переписи 1959 года.

Подсчет суммарного коэффициента брачности в деревне за 1948 и 1960 годы показал, что мужчины старше 15 лет вступали в брак за свою жизнь 2 раза, тогда как женщины в 1948 году — 1 раз, в 1960 году — 1,6 раза. Эти цифры отражали действительное положение в сфере семейно-брачных отношений на селе после войны. К концу 1950-х годов увеличивается доля лиц, как мужчин, так и женщин, вступающих в брак после 40 лет, что само по себе свидетельствовало не только о существенном увеличении продолжительности жизни, но и о происходящих изменениях в демографическом поведении населения.

Одним из серьезных последствий Указа 1944 года стало появление детей, в акте о рождении которых отсутствовала запись об отце. В Башкирии в сельской местности удельный вес таких детей был ниже, чем в городских поселениях. Процент детей, родившихся вне брака, по сравнению с другими регионами России, был несколько ниже. Полагаем, что в данном случае определенное влияние оказали традиционные установки на брак, осуждение внебрачных связей, характерные, в частности, для башкирского и татарского населения республики.

CC BY

Двухступенчатый характер прекращения брака в судебных учреждениях после Указа 1944 года породил новые специфические проблемы. Так, от вынесения решения суда о разводе до его регистрации в органах ЗАГС проходило значительное количество времени, иногда более 10 лет. В силу этого ежегодные отчеты Статистического управления республики о разводах послевоенного времени (формы 1, 1а, 8) не могут считаться точными, ведь в них получали отражение и фактические разводы прошлых лет.

В повышении числа разводов в условиях их запрета сыграли свою немалую роль особенности социальной политики государства в послевоенный период. Так, разводы с заключенными, сумасшедшими и пропавшими без вести на войне были одноступенчатыми. В конце 1940-х — начале 1950-х годов получили распространение случаи прекращения браков с мужьями, пропавшими без вести на войне. Очевидной причиной данного явления стала отмена гарантий с начала 1949 года на получение пособий для семей военнослужащих, пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны, тогда как одинокие матери по Указам 1944 и 1947 года получали пособия, несколько большие по размеру. Именно поэтому, по официальным отчетам Статистического управления, в 1940—1950-е годы основную часть разводившихся составляли лица старше 30 лет и имеющие значительный семейный стаж от 5 и более лет, в основном граждане, вступившие в брак в 1920—1930-е годы. Ситуация изменилась лишь в первой половине 1960-х годов, когда вновь среди разводящихся стали преобладать лица молодого возраста и имеющие супружеский стаж менее 4 лет.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Башкортостан* в цифрах : Стат. сборник. — Уфа : Китап, 2018. — 768 с. — 978-5-295-07059-4. — ISBN 978-5-295-07059-4.

2. *Ведомости* Верховного Совета СССР. — 1965. — № 49. — Ст. 725.

3. *Ведомости* Верховного Совета СССР. — 1968. — № 27. — Ст. 241.

4. ГА РФ — *Государственный* архив Российской Федерации. Ф. А374 (Центральное статистическое управление РСФСР). Ф. А374. Оп. 11. Д. 363. Л. 210 об ; Оп. 30. Д. 6855. Л. 225—225 об ; Оп. 32а. Д. 3056. Л. 269—269 об.

5. *Злотников Р.* Новое время — новый быт / Р. Злотников // Советская Башкирия : [газета]. — 1966. — № 33. — С. 2.

6. *Население* Башкортостана : XIX—XXI века : стат. сборник. — Уфа : Китап, 2008. — 448 с. — ISBN 978-5-295-04439-7.

7. НА РБ — *Национальный* архив Республики Башкортостан. Ф. Р472 (Статистическое управление Башкирской АССР). Ф. Р472. Оп. 6. Д. 1071. Л. 60—63 об, Д. 1187. Л. 4, 74—74 об ; Д. 1383. Л. 71—71 об ; Д. 1593. Л. 79—79 об, 85—87 об ; Д. 1759. Л. 53 об, 54 об, 55 об, 88 ; Оп. 9. Д. 1068. Л. 32—32 об, 84—85 об, 92 об, 94 об, 95 об ; Д. 2234. Л. 96, 103 ; Д. 2743. Л. 67 ; Д. 3382. Л. 20, 23, 52 ; Д. 4264. Л. 1—1 об ; Д. 4463. Л. 1—1 об ; Ф. Р933 (Совет Министров Башкирской АССР). Ф. Р933. Оп. 10. Д. 266. Л. 74 ; Д. 413. Л. 149.

8. РГАЭ — *Российский* государственный архив экономики. Ф. 1562 (Центральное статистическое управление СССР). Ф. 1562. Оп. 27. Д. 504. Л. 61—63 об ; Д. 1031. Л. 62—62 об ; Оп. 44. Д. 2603. Л. 174 об—176 об ; Оп. 329. Д. 2227. Л. 174 об—176 об ; Д. 3176. Л. 60—60 об ; Д. 3793. Л. 75.

9. *Сборник* законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938—1975. — Москва : Изд-во «Известия Советов депутатов трудящихся СССР», 1975. — Т. 3. — 479 с.

10. *Сборник* указов, постановлений и распоряжений 1941—1945 гг. / Составитель С. С. Кипнис ; Отв. ред. А. С. Журавлев. — Челябинск : Издание областного управления издательств и полиграфии, 1945. — 564 с.

Литература

1. *Араловец Н. А.* Брак и семья в РСФСР в послевоенные годы / Н. А. Араловец // Российская история. — 2010. — № 4. — С. 55—62.

2. *Блюм А.* Родиться, жить и умереть в СССР / А. Блюм ; пер. с франц. — Москва : Новое издательство, 2005. — 172 с. — ISBN 5-98379-029-3

3. *Вербицкая О. М.* Российская сельская семья в 1897—1959 гг. (историко-демографический аспект) / О. М. Вербицкая. — Москва-Тула : Гриф и К, 2009. — 296 с. — ISBN 978-5-8125-1239-2.

4. *Галин Р. А.* Население Республики Башкортостан : тенденции и особенности развития на пороге нового тысячелетия / Р. А. Галин. — Уфа : РИО БАГСУ, 1998. — 204 с.

5. *Демографическая* история Западной Сибири (конец XIX — XX в.). — Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2017. — 350 с. — ISBN 978-5-93889-344-3.

6. *Жиромская В. Б.* Демографические последствия Великой Отечественной войны / В. Б. Жиромская, Н. А. Араловец // Россия в XX веке. Война 1941—1945 годов : современные подходы. — Москва : Наука, 2005. — С. 533—549.

7. *Жиромская В. Б.* Российские дети в конце XIX — начале XX в. : историко-демографические очерки / В. Б. Жиромская, Н. А. Араловец. — Москва : Институт российской истории РАН ; Центр гуманитарных инициатив, 2018. — 223 с. — ISBN 978-5-8055-0327-7.

8. *Жиромская В. Б.* Демографические параметры российской семьи в 1950-х гг. / В. Б. Жиромская, Н. А. Араловец, Н. В. Чернышева // Женщина в российском обществе. — 2024. — № 4. — С. 139—155. — DOI: 10.21064/WinRS.2024.4.9.

9. *История* советского государства и права в трех книгах. Советское государство и право накануне и в годы Великой Отечественной войны (1936—1945 гг.). — Москва : Наука, 1985. — Книга 3. — 359 с.

10. *Исянгулов Ш. Н.* Рождаемость в послевоенной деревне (на примере Башкирской АССР) / Ш. Н. Исянгулов // Устойчивость демографического развития : детерминанты и ресурсы : сб. науч. ст. — Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2024. — С. 95—102. — ISBN 978-5-94646-689-9.

11. *Корнилов Г. Е.* Уральское село и война. Проблемы демографического развития / Г. Е. Корнилов. — Екатеринбург : Уралагропресс, 1993. — 175 с. — ISBN 5-86075-001-3.

12. *Любецкий А. Е.* Государство и семьи военнослужащих в годы Второй мировой войны : СССР, Германия, Великобритания — компаративный анализ / А. Е. Любецкий // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2016. — № 3. — С. 211—218.

13. *Накачи М.* Анализ пронаталистской семейной политики в СССР в 1940-х — 1960-х годах / М. Накачи // Демографическое обозрение. — 2022. — Т. 9. — № 1. — С. 34—55. — DOI: 10.17323/demreview.v9i1.14572.

14. *Население* России в XX веке : Исторические очерки. В 3-х т. 1940—1959. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. — Т. 2. — 416 с. — ISBN 5-8243-0016-X.

15. *Нафиков З. З.* Социалистическая семья. Вопросы становления и развития (На примере Башкирской АССР) / З. З. Нафиков. — Уфа : Башкирское книжное издательство, 1974. — 144 с.

16. *Палецких Н. П.* Семейно-бытовые аспекты тыловой повседневности : на материалах Урала периода Великой Отечественной войны / Н. П. Палецких // Социум и власть. — 2018. — № 5 (73). — С. 121—129.

17. *Попов В. П.* Демографические перемены в СССР в 1940-х — начале 1950-х гг. / В. П. Попов // Российская история. — 2019. — № 3. — С. 49—64. — DOI: 10.31857/S086956870005139-3.

18. *Пушкарева Н. Л.* Российская система законов о браке в XX в. и традиционные установки / Н. Л. Пушкарева, О. Е. Казьмина // Этнографическое обозрение. — 2003. — № 4. — С. 67—89.

19. *Рабжаева М. В.* Историко-социальный анализ семейной политики в России XX века / М. В. Рабжаева // Социологические исследования. — 2004. — № 6. — С. 89—97.

20. *Развитие* семейного законодательства в СССР в период Великой Отечественной войны / А. Н. Левушкин, П. А. Матвеев, И. А. Толстова, В. Ю. Викторов, В. А. Кишко // Вопросы истории. — 2022. — № 3—2. — С. 84—89. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202203Statyi61.

21. *Сулейманова Р. Н.* Женщины Башкортостана: социальный облик (конец 50-х — начало 90-х годов) / Р. Н. Сулейманова. — Уфа : Китап, 1998. — 224 с. — ISBN 5-295-01968-3.

22. *Сулейманова Р. Н.* «Многодетным матерям — должное внимание». Как в Башкирии выполнялся Указ Президиума Верховного Совета СССР 1944 г. / Р. Н. Сулейманова // Женщина в российском обществе. — 2024. — № 1. — С. 93—102. — DOI: 10.21064/WinRS.2024.1.6.

25. *Уваров С. Н.* Брак и семья в Удмуртии в 1939—1959 гг. / С. Н. Уваров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : История России. — 2020. — Т. 19. — № 1. — С. 136—154. — DOI: 10.22363/2312-8674-2020-19-1-136-154.

26. *Уваров С. Н.* Сельское население Удмуртии в годы Великой Отечественной войны : историко-демографический анализ / С. Н. Уваров // Вестник Удмуртского университета. — 2014. — Выпуск 1. — С. 64—72.

27. *Харчев А. Г.* Брак и семья в СССР / А. Г. Харчев. — Москва : Мысль, 1964. — 325 с.

28. *Хасбулатова О. А.* Смирнова И. Н. Семейная политика в СССР (1936—1955) : историко-социологический анализ / О. А. Хасбулатова, И. Н. Смирнова // Женщина в российском обществе. — 2024. — № 2. — С. 43—54. — DOI: 10.21064/WinRS.2024.2.4.

Статья поступила в редакцию 22.04.2025,
одобрена после рецензирования 06.07.2025,
подготовлена к публикации 01.08.2025.

Material resources

Bashkortostan in numbers: Stat. collection. (2018). Ufa: Kitap. 768 p. 978-5-295-07059-4. ISBN 978-5-295-07059-4. (In Russ.).

Collection of laws of the USSR and decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. 1938—1975, 3. (1975). Moscow: Izvestiya Soviets of Deputies of the Workers of the USSR. 479 p. (In Russ.).

GA RF — *State Archive of the Russian Federation. F. A374 (Central Statistical Office of the RSFSR).* (In Russ.).

IN the Republic of Bashkortostan — *the National Archive of the Republic of Bashkortostan. F. R472 (Statistical Office of the Bashkir ASSR).* (In Russ.).

Population of Bashkortostan: XIX—XXI centuries: statistics. collection. (2008). Ufa: Kitap. 448 p. ISBN 978-5-295-04439-7. (In Russ.).

RGAE — *Russian State Archive of Economics. F. 1562 (Central Statistical Office of the USSR).* (In Russ.).

Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR, 27. Art. 241. (1968). (In Russ.).

Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR, 49. Art. 725. (1965). (In Russ.).

Zhuravlev, A. S. (ed.). (1945). *Collection of decrees, resolutions and orders of 1941—1945.* Chelyabinsk: Publishing House of the Regional Administration of publishing Houses and Printing. 564 p. (In Russ.).

Zlotnikov, R. (1966). New time — new way of life. *Soviet Bashkiria: [newspaper], 33:* P. 2. (In Russ.).

References

Aralovets, N. A. (2010). Marriage and family in the RSFSR in the post-war years. *Russian history, 4:* 55—62. (In Russ.).

Blum, A. (2005). *To be born, live and die in the USSR.* Moscow: New Publishing House. 172 p. ISBN 5-98379-029-3. (In Russ.).

Demographic history of Western Siberia (late 19th — 20th centuries). (2017). Novosibirsk: Institute of History SB RAS. 350 p. ISBN 978-5-93889-344-3. (In Russ.).

Galin, R. A. (1998). *The population of the Republic of Bashkortostan: trends and features of development on the threshold of the new millennium.* Ufa: RIO BAGSU. 204 p. (In Russ.).

Isyangulov, Sh. N. (2024). Birth rate in the post-war village (on the example of the Bashkir ASSR). In: *Sustainability of demographic development: determinants and resources: collection of scientific articles.* Yekaterinburg: Institute of Economics Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 95—102. ISBN 978-5-94646-689-9. (In Russ.).

Kharchev, A. G. (1964). *Marriage and family in the USSR.* Moscow: Mysl Publ. 325 p. (In Russ.).

Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N. (2024). Family policy in the USSR (1936—1955): a historical and sociological analysis. *Woman in Russian society, 2:* 43—54. DOI: 10.21064/WinRS.2024.2.4. (In Russ.).

Kornilov, G. E. (1993). *The Ural village and the war. Problems of demographic development.* Yekaterinburg: Uralagropress. 175 p. ISBN 5-86075-001-3. (In Russ.).

Levushkin, A. N., Matveev, P. A., Tolstova, I. A. (2022). The development of family legislation in the USSR during the Great Patriotic War. *Questions of history, 3—2:* 84—89. DOI: 10.31166/VOPROSYISTORII202203STATY61. (In Russ.).

Lyubetsky, A. E. (2016). The state and families of military personnel during the Second World War: the USSR, Germany, Great Britain — a comparative analysis. *Problems of history, philology, culture, 3:* 211—218. (In Russ.).

Nafikov, Z. Z. (1974). *The Socialist family. Issues of formation and development (On the example of the Bashkir ASSR).* Ufa: Bashkir Book Publishing House. 144 p. (In Russ.).

Nakachi, M. (2022). Analysis of the pronatalist family policy in the USSR in the 1940s — 1960s. *Demographic review, 9 (1):* 34—55. DOI: 10.17323/demreview.v9i1.14572. (In Russ.).

Paletskikh, N. P. (2018). Family and household aspects of everyday life in the rear: based on the materials of the Urals during the Great Patriotic War. *Society and Power, 5 (73):* 121—129. (In Russ.).

Popov, V. P. (2019). Demographic changes in the USSR in the 1940s — early 1950s. *Russian History, 3:* 49—64. DOI: 10.31857/S086956870005139-3. (In Russ.).

Pushkareva, N. L., Kazmina, O. E. (2003). The Russian system of marriage laws in the XX century and traditional attitudes. *Ethnographic review, 4:* 67—89. (In Russ.).

Rabzhaeva, M. V. (2004). Historical and social analysis of family policy in Russia of the XX century. *Sociological research, 6:* 89—97. (In Russ.).

Suleimanova, R. N. (1998). *Women of Bashkortostan: social appearance (late 50s — early 90s).* Ufa: Kitap. 224 p. ISBN 5-295-01968-3. (In Russ.).

Suleimanova, R. N. (2024). "Mothers with many children should receive due attention." How Bashkiria implemented the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR in 1944. *Woman in Russian society, 1:* 93—102. DOI: 10.21064/WinRS.2024.1.6. (In Russ.).

The history of the Soviet state and law in three books. The Soviet state and Law on the eve and during the Great Patriotic War (1936—1945), 3. (1985). Moscow: Nauka. 359 p. (In Russ.).

The population of Russia in the XX century: Historical sketches. In 3 volumes, 2. (2001). Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 416 p. ISBN 5-8243-0016-H. (In Russ.).

Uvarov, S. N. (2014). Rural population of Udmurtia during the Great Patriotic War: historical and demographic analysis. *Bulletin of the Udmurt University, 1:* 64—72. (In Russ.).

Uvarov, S. N. (2020). Marriage and family in Udmurtia in 1939—1959. *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: The History of Russia, 19 (1):* 136—154. DOI: 10.22363/2312-8674-2020-19-1-136-154. (In Russ.).

Verbitskaya, O. M. (2009). *The Russian rural family in 1897—1959. (historical and demographic aspect).* Moscow-Tula: Grif and K. 296 p. ISBN 978-5-8125-1239-2. (In Russ.).

Zhiromskaya, V. B., Aralovets, N. A. (2005). Demographic consequences of the Great Patriotic War. In: *Russia in the XX century. The 1941—1945 War: modern approaches.* Moscow: Nauka Publ. 533—549. (In Russ.).

Zhiromskaya, V. B., Aralovets, N. A. (2018). *Russian children in the late 19th — early 20th centuries: historical and demographic essays.* Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; Center for Humanitarian Initiatives. 223 p. ISBN 978-5-8055-0327-7. (In Russ.).

Zhiromskaya, V. B., Aralovets, N. A., Chernysheva, N. V. (2024). Demographic parameters of the Russian family in the 1950s. *Woman in Russian society, 4:* 139—155. DOI: 10.21064/WinRS.2024.4.9. (In Russ.).

The article was submitted 22.04.2025;
approved after reviewing 06.07.2025;
accepted for publication 01.08.2025.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Тумов А. А. «Ливанский протокол» распределения ключевых должностей в Кабардино-Балкарии (1950—2020-е годы) / А. А. Тумов, А. А. Татаров // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 6. — С. 537—554. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-537-554.

Tumov, A. A., Tatarov, A. A. (2025). "Lebanese Protocol": Ethnic Quota Systems in Kabardino-Balkaria's Power-Sharing Arrangements (1950s-2020s). *Nauchnyi dialog, 14* (6): 537-554. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-537-554. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

«Ливанский протокол» распределения ключевых должностей в Кабардино-Балкарии (1950—2020-е годы)

Тумов Аскер Асланбекович [1]
orcid.org/0000-0001-8684-8886
кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории,
корреспондирующий автор
tumovasker@gmail.com

Татаров Азамат Амурович [2]
orcid.org/0000-0003-3626-3913
кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории
traveller9090@mail.ru

[1] Кабардино-Балкарский
государственный университет
им Х. М. Бербекова
(Нальчик, Россия)

[2] Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук
(Нальчик, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Внутреннего гранта КБГУ
(Договор № 12)

"Lebanese Protocol": Ethnic Quota Systems in Kabardino-Balkaria's Power-Sharing Arrangements (1950s-2020s)

Asker A. Tumov [1]
orcid.org/0000-0001-8684-8886
PhD in History, Associate Professor,
Department of General History,
corresponding author
tumovasker@gmail.com

Azamat A. Tatarov [2]
orcid.org/0000-0003-3626-3913
PhD in History, Associate Professor,
Department of General History
traveller9090@mail.ru

[1] Kabardino-Balkarian
State University
named after H. M. Berbekov
(Nalchik, Russia)

[2] Kabardian-Balkarian Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences"
(Nalchik, Russia)

Acknowledgments:
The study was carried out
with the financial support
of an Internal grant from KBSU
(Agreement № 12)

© Тумов А. А., Татаров А. А., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Этническое квотирование в Кабардино-Балкарии (КБР) остается ключевым инструментом распределения власти, однако его эволюция и влияние на политическую стабильность изучены недостаточно, особенно в постсоветский период. Цель статьи состоит в том, чтобы исследовать трансформацию института этнического квотирования в КБР в 1950—2020-е годы, выявив его роль в балансировании интересов кабардинцев, балкарцев и русских. Источниковая база включает архивные документы (протоколы заседаний правительства, материалы избирательных комиссий), статистику этнического состава органов власти, интервью с представителями элит, мемуары политиков и парламентские публикации. Используются методы качественного и количественного анализа этнической принадлежности высших должностных лиц, сопоставление демографических данных с представительством в органах власти, изучение неформальных практик назначений. Установлены кейсы «кочующих» этнических квот, а также неформальные правила, регулирующие, в частности, долговременное закрепление за представителями этнических групп определенных должностей или же случаи равномерного распределения. Исследование подтверждает, что этническое квотирование остается механизмом стабилизации, несмотря на противоречия с формальными принципами правового государства. Перспективы изучения связаны с анализом муниципального уровня и воздействием социально-экономических факторов на процесс принятия решений.

Ключевые слова:
ливанская модель; этническое квотирование; Кабардино-Балкария; законодательная власть; исполнительная власть.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

While ethnic quotas remain a cornerstone of power distribution in Kabardino-Balkaria (KBR), their historical evolution and impact on political stability — particularly in the post-Soviet period — remain understudied. This article traces the transformation of ethnic quota systems in KBR from the 1950s through the 2020s, analyzing their role in balancing interests among Kabardin, Balkar, and Russian communities. Drawing on government meeting protocols, electoral commission records, ethnic composition statistics, elite interviews, political memoirs, and parliamentary publications, the study employs mixed-methods analysis. Qualitative and quantitative examination of top officials' ethnic backgrounds reveals: Cases of “rotating” ethnic quotas, informal rules governing long-term ethnic monopolies on specific positions or instances of proportional distribution across groups. The findings demonstrate that ethnic quotas persist as a stabilization mechanism despite tensions with formal legal-state principles. Future research should examine municipal-level implementation and the influence of socioeconomic factors on decision-making processes.

Key words:
Lebanese model; ethnic power-sharing; Kabardino-Balkaria; legislative branch; executive branch

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(470.64)“195/202”
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-537-554

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Ливанский протокол» распределения ключевых должностей в Кабардино-Балкарии (1950—2020-е годы)

© Тумов А. А., Татаров А. А., 2025

1. Введение = Introduction

В исследовательской среде сложился консенсус относительно этнического квотирования как одного из самых распространенных инструментов распределения должностей и обеспечения межэтнического мира [Horowitz, 2014]. Множество политических систем используют разные модели национального квотирования: гарантируют места этноцентричным партиям, создают инклюзивные пан-этнические партии с зарезервированными для этносов местами либо выделяют меньшинствам отдельные избирательные участки [Bird, 2014]. Используемая система распределения власти зависит не от этнической картины, а от типа политического режима [Juon, 2020; Kendhammer, 2015].

Политические элиты на постсоветском пространстве формируются во многом через практики «позитивной дискриминации» — в этом исследователи видят наследие советского периода истории [Slezkine, 1994; Pearson, 2015; Martin, 2001]. После распада СССР практики этнизации политических систем в республиках укоренились еще сильнее [Галлямов, 1998]. В 2000—2010-е годы в политологии наблюдается всплеск интереса к практикам этнизации политических систем в республиках Северного Кавказа [Panov, 2016; Аствацатурова и др., 2017].

Этническое квотирование в Кабардино-Балкарии анализируется с точки зрения его стабилизационного (в отношении политической системы) потенциала [Адиев и др., 2017; Литвинова, 2011; Казенин и др., 2016; Республики ..., 2012], а также конфликтогенности на разных этапах постсоветской политической истории [Казенин, 2009; Yemelianova, 2005]. Работы фокусируются на периоде 1990—2000-х годов и анализируют практики этнического квотирования через назначение высших должностных лиц (президент / глава республики, премьер-министр, спикер парламента) и анализ состава легислатур.

Актуальность исследования определяется необходимостью анализа трансформации политических систем на постсоветском пространстве.

Распад СССР выразился в изменении формального дизайна системы управления на национальном и субнациональном уровне, причем вопрос об изменении сущностных характеристик политических режимов, в том числе функционирующих в них неформальных институтах (которым является этническое квотирование), до сих пор не получил ответа.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В статье ставится цель изучить эволюцию института этнического квотирования в Кабардино-Балкарии на протяжении советского (с 1950-х годов) и современного периода. Анализ «ливанского протокола» с этой точки зрения предполагает характер его инструментализации властвующими элитами в зависимости от политической конъюнктуры и напряженности борьбы за власть.

Достижение цели потребует выполнения следующих задач:

1) анализ этнической принадлежности группы высших должностных лиц (президенты и главы республики, председатели правительства, руководители созывов представительных и законодательных собраний, их заместители);

2) исследование составов правительств и представительных и законодательных собраний на момент их назначения / избрания;

3) изучение степени представленности основных этнических групп на федеральном уровне в составах Федерального Собрания РФ;

4) соотнесение динамики изменения моделей этнического квотирования с общими тенденциями политического развития Кабардино-Балкарии в составе РСФСР / СССР и Российской Федерации.

Фундаментальная источниковая база исследования сформирована на основе неопубликованных источников. В работе использованы документы Ф. Р-1025 Центрального государственного архива КБР, который содержит протоколы заседаний и постановления Совета министров КБАССР в 1978—1991 годах. Неаннотируемый Ф. Р-1232 содержит документы Избирательной комиссии КБР за 1991—2012 годы и потому представляет ценность для изучения электоральной системы КБР. Состав депутатского корпуса Парламента КБР реконструирован по неопубликованным материалам из архива Парламента КБР, касающимся третьего, четвертого и пятого созывов. В них приводятся ценные сведения о составе законодательного собрания, включая этническую принадлежность законодателей.

Опубликованные источники можно разделить на несколько групп. В первую входят материалы средств массовой информации — так, составы правительств и созывов парламента в постсоветский период публикуются в газетах «Кабардино-Балкарская правда» и «Официальная Кабардино-Бал-

кария», учредителями которых выступают Правительство и Парламент КБР. Кроме того, значительное количество релевантной информации размещено на официальных сайтах соответствующих органов власти. Ко второй группе относятся парламентские издания, посвященные депутатскому корпусу Парламента КБР с первого по пятый созывы [Во благо Республики ..., 2013; Депутаты ..., 1995; Депутаты ..., 1998]. К третьей группе относятся источники личного происхождения — в частности, воспоминания активных участников политических событий. Это мемуары и выступления представителей руководства КБАССР и КБР М. И. Докшокова [Докшоков, 1998] и В. М. Кокова [Коков, 1998], содержащие ценные сведения о ходе выборов, о взглядах политической элиты на ситуацию в республике и политическом процессе вообще. К четвертой группе относятся материалы электоральной статистики по выборам депутатов законодательного собрания.

Авторы провели ряд интервью с представителями общественно-политической сферы Кабардино-Балкарии; материалы этих интервью составили третью группу источников. В полуструктурированных интервью обсуждались вопросы функционирования политической системы Кабардино-Балкарии, межэлитные взаимодействия, отношения с федеральным центром и характер принятия решений, в том числе при организации региональных и федеральных выборов и назначении должностных лиц.

Естественные ограничения обусловлены отсутствием доступа к ряду источников либо невозможностью определения этнической принадлежности руководящих лиц в определенные периоды истории в связи с особенностями учета и ведения документооборота. В связи с этим в исследовании не проводился анализ динамики этнического состава Совета министров КБАССР 1959—1978 годов и депутаций КБАССР в Верховном Совете СССР.

Дальнейшая структура исследования построена в соответствии с указанными выше задачами.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Этнический состав руководящей элиты республики

Кабардино-Балкария как территориальная автономия была создана на заре советского периода в соответствии с большевистским принципом «права наций на самоопределение» и прошла значительную трансформацию на протяжении XX века — от автономной области к автономной ССР. Название республики подчеркивает существование «титульных национальностей» — кабардинцев и балкарцев. И хотя конституция Кабардино-Балкарии не позиционирует республику как «этническое образование», понятие этничности все же играет значимую роль, поскольку сами названия субъектов отражают существование «собственной родины» у конкрет-

ных этнических групп [Osipov, 2012]. Кабардино-Балкария была учреждена как автономная область в составе РСФСР в 1922 году, стала автономной советской социалистической республикой в 1936 году. В 1944 году после депортации балкарского населения в Центральную Азию республика была переименована в Кабардинскую АССР, а в 1957 году с возвращением балкарцев вновь стала Кабардино-Балкарской АССР.

Этническая композиция руководящей элиты Кабардино-Балкарской АССР в позднесоветский период пережила ряд трансформаций (табл. 1). В 1956—1985 годах первым секретарем обкома и фактическим руководителем республики был Т. К. Мальбахов, с именем которого связывают политическое развитие республики в «хрущевский» и «брежневский» периоды. В 1985 году Т. К. Мальбахов был отправлен в отставку, по мнению исследователей — личным решением М. С. Горбачева, который ранее возглавлял обком Ставропольского края и не мог не быть близко знаком с руководителем КБАССР. По всей видимости, отставка стала частью общего тренда на «омоложение кадров» и приход во власть новой когорты руководителей, в которых генсек видел ключевых субъектов перестройки. Руководителем КБАССР был назначен «десантированный» из Хакасии Е. А. Елисеев. На составе правительства это отразилось в снижении доли кабардинцев (с 50 % до 41 %) и балкарцев (с 25 % до 17 %) и значительном увеличении доли русских (с 21% до 37 %); из 10 членов Президиума Совета Министров 5 были русскими.

Таблица 1

Этнический состав руководящей элиты КБАССР

Год	1978	1984	1989	
Первый секретарь обкома	Каб.	Каб.	Рус.	
Председатель Совета Министров	Каб.	Каб.	Каб.	
Заместители Председателя Правительства	—	—	—	
Кабардинцы	3	1	2	
Балкарцы	1	2	2	
Русские	2	2	5	
Председатель Президиума Верховного Совета	Балк. (1959—1967)	Балк. (1967—1985)	Балк. (1985—1990)	Каб. (1990—1992)

Суть «ливанского протокола» заключается в доступе балкарской части элит к должности спикера парламента (председателя президиума ВС

CC BY

КБАССР). Как отмечает Г. Дерлугьян, в соответствии с этой моделью в Кабардино-Балкарии в 1950—1980-х годах сложились следующие институты: (1) патронажная сеть, основанная на разделе должностей по этническому принципу, (2) укрепление позиций кабардинцев и балкарцев в распределении субсидий и инвестиций из Центра, (3) вертикальный этнический раскол, при котором позиции региональной номенклатуры к концу советской эпохи оспаривались группами интересов [Дерлугьян, 2010, с. 340, 542].

В 1990 году принцип «ливанского протокола» был нарушен: в условиях инициированной М. С. Горбачевым радикальной политической реформы и упразднения 6-й статьи конституции о руководящей роли партии должность первого секретаря обкома потеряла значимость, а руководство и правительством, и Верховным Советом оказалось в руках кабардинцев. Именно в этот момент республика оказалась в состоянии этнополитического раскола [Боров и др., 2017].

В ранний постсоветский период правящие элиты республики перешли к новой конфигурации этнического квотирования (табл. 2). Президентом республики избирался кабардинец В. М. Коков (1992—2005 годы). Должность вице-президента с 1992 года до упразднения занимал русский Г. С. Губин, а председателем правительства был балкарец — Г. М. Черкесов (1992—1997 годы) и Х. Д. Чеченов (1997—2004 годы). Среди заместителей правительства численно доминировали кабардинцы. С 2004 года, когда по требованию федерального центра структура органов власти в КБР трансформировалась, структура этнического квотирования приняла новую форму. Руководство однопалатным парламентом перешло к балкарцу И. Б. Бечелову, бывший вице-президент Г. С. Губин возглавил правительство, при этом среди вице-премьеров в 2004—2005 годы русских не оказалось.

В 2005—2012 годах должность премьер-министра занимают в основном креатуры федерального центра либо аппарата полпреда президента в федеральном округе (А. В. Ярин, А. В. Меркулов, К. К. Храмов). Эта ситуация отражает общий тренд на рецентрализацию политической системы страны, при этом прежняя структура этнического квотирования (президент — кабардинец, спикер парламента — балкарец, премьер — русский, вице-премьеров — русских нет) сохраняется (табл. 3).

С 2014 года руководство правительством перешло к бывшему министру экономического развития балкарцу А. Т. Мусукову, а спикером парламента стала русская Т. Б. Егорова. Они сохраняют эти должности при главах-кабардинцах Ю. А. Кокове (2014—2019 годы) и К. В. Кокове (2019 год — по наст. вр.). Таблица (табл. 4) иллюстрирует этнический состав правящей элиты в этот период.

CC BY
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Таблица 2

Этнический состав руководящей элиты КБР (1992—2005 годы)

Год	1992	1997	2002	2004	2005
Президент	Каб.				
Вице-президент	Рус.	Рус.	Рус.	—	—
Председатель Правительства	Балк.	Балк.	Балк.	Рус.	Рус.
Заместители Председателя Правительства					
Кабардинцы	2	4	3	3	0
Балкарцы	0	1	1	2	2
Русские	3	1	1	0	0
Председатели Парламента	Каб. + балк. (1993)	Каб. + балк. (1997)	Балк. (2003)		

Таблица 3

Этнический состав руководящей элиты КБР (2005—2013 годы)

Год	2005	2006	2009	2011	2012	2013
Президент	Каб.					
Председатель Правительства	Рус.	Рус.	Рус.	Рус.	Каб.	Рус.
Заместители Председателя Правительства						
Кабардинцы	2	2	2	4	2	3
Балкарцы	2	1	1	1	1	1
Русские	0	0	0	0	1	1
Председатель Парламента	Балк. (2009)					

Таблица 4

Этнический состав руководящей элиты КБР (2014—2025 годы)

Год	2014	2019	2025
Президент	Каб.	Каб.	
Председатель правительства	Балк.		
Заместители председателя правительства			
Кабардинцы	4	2	2
Балкарцы	0	1	1
Русские	1	1	1
Председатель парламента	Рус.		

Отдельного внимания заслуживает представительство Кабардино-Балкарии в Федеральном Собрании Российской Федерации с 1993 года. В таблице (табл. 5) указана этничность депутатов Государственной Думы, представляющих республику в нижней палате парламента.

Таблица 5

Этнический состав депутатов из КБР в Государственной Думе

Год	1993	1996	1999	2003	2007	2011	2016	2021
Депутаты Государственной Думы	Каб.	Каб.	Каб.	Каб.	Каб., балк., рус.	Каб., каб., балк., рус.	Каб., каб., балк., рус.	Каб., каб., балк., рус.

Постоянно меняющееся избирательное законодательство и порядок комплектования депутатского корпуса позволяли Кабардино-Балкарии проводить в нижнюю палату законодательного собрания все больше депутатов — как по партийным спискам, так и по одномандатному округу.

В Совете Федерации Федерального Собрания с 1993 года одновременно заседают два представителя от Кабардино-Балкарии: один кабардинец и один балкарец.

3.2. Этническое представительство в законодательных и исполнительных органах власти

Данные о соотношении этнических групп в населении и их представительстве в органах власти Кабардино-Балкарии за период в 1959—2025 годов отражают сложные демографические и политические процессы. Анализ позволяет проследить эволюцию влияния трех основных этнических групп — кабардинцев, русских и балкарцев — на властные структуры республики в контексте исторических изменений (табл. 6).

В демографическом плане за исследуемый период наблюдается устойчивый рост доли кабардинцев в населении: с 45,3 % в 1959 году до 55,6 % в 2021 году, что составляет увеличение на 11 процентных пунктов. Этот рост может объясняться как естественным приростом, так и миграционными процессами. В то же время русское население демонстрирует противоположную тенденцию: его доля сократилась с 38,7 % до 19,3 % за тот же период, что соответствует общероссийским тенденциям депопуляции русского населения в национальных республиках Северного Кавказа. Балкарцы, несмотря на свою относительно небольшую численность, показывают стабильный рост с 8,1 % до 13,3 %, что может быть связано с восстановлением численности после депортации 1944—1957 годов.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Таблица 6

Представительство основных этнических групп в законодательных и исполнительных органах власти КБАССР и КБР в 1950—2010-х годах

	Кабардинцы	**Русские**	**Балкарцы**
Доля этнической группы в населении (1959), %	45,3	38,7	8,1
Верховный Совет КБАССР (1959), V созыв, %	53,8	30,7	12,8
Верховный Совет КБАССР (1963), VI созыв, %	48,1	33,0	15,0
Верховный Совет КБАССР (1967), VII созыв, %	47,1	34,7	15,2
Доля этнической группы в населении (1970), %	45,0	37,2	8,7
Верховный Совет КБАССР (1971), VIII созыв, %	46,8	34,0	15,6
Верховный Совет КБАССР (1975), IX созыв, %	45,7	34,5	16,9
Совет министров КБАССР (1978), %	50,0	21,8	25,0
Доля этнической группы в населении (1979), %	45,5	35,1	9,0
Верховный Совет КБАССР (1980), X созыв, %	45,8	35,6	15,9
Совет министров КБАССР (1984), %	57,1	17,1	20,0
Верховный Совет КБАССР (1985), XI созыв, %	46,2	36,0	13,9
Доля этнической группы в населении (1989), %	48,2	31,9	9,4
Совет министров КБАССР (1989)	41,3	37,9	17,2
Верховный Совет КБАССР (1990), XII созыв, %	59,6	23,7	14,1
Правительство КБР (1992)	50,0	30,0	20,0
Парламент КБР, I созыв (1993), %	58,7	25,3	14,7
Правительство КБР (1997), %	60,0	16,0	24,0
Парламент КБР, II созыв (1998), %	55,0	20,0	20,0
Доля этнической группы в населении (2002), %	55,3	25,1	11,6
Правительство КБР (2002), %	54,5	27,2	18,1
Парламент КБР, III созыв (2003), %	57,4	18,5	18,5
Правительство КБР (2004), %	57,1	19,0	23,8
Правительство КБР (2005), %	53,9	23,5	23,5
Правительство КБР (2006), %	56,2	18,7	25,0
Правительство КБР (2009), %	66,6	11,1	22,2
Парламент КБР, IV созыв (2009), %	59,7	13,8	20,8
Доля этнической группы в населении (2010), %	57,2	22,5	12,7
Правительство КБР (2011), %	66,6	14,2	19,0
Правительство КБР (2012), %	56,2	21,7	21,7
Правительство КБР (2013), %	54,1	20,8	25,0
Правительство КБР (2014), %	54,5	22,7	22,7
Парламент КБР, V созыв (2014), %	52,9	24,3	21,4
Парламент КБР, VI созыв (2019), %	57,1	21,4	18,6
Правительство КБР (2019), %	70,0	10,0	20,0

CC BY

Окончание табл. 6

	Кабардинцы	Русские	Балкарцы
Доля этнической группы в населении (2021), %	55,6	19,3	13,3
Парламент КБР, VII созыв (2024), %	55,7	21,4	20,0
Правительство КБР (2025), %	69,5	13,0	17,3

В сфере властного представительства кабардинцы занимают доминирующую позицию. Их доля в органах власти не только соответствует их демографическому весу, но часто существенно превышает его. Например, в Верховном Совете КБАССР в 1959 году они составляли 53,8 %, при 45,3 % в населении, а к 1990 году этот показатель вырос до 59,6 %. Особенно показательно их представительство в Правительстве КБР, где в 2009 году оно достигло 66,6 %, а в 2025 году — 69,5 %, что на 10—15 % превышает их долю в населении. Пик присутствия кабардинцев в органах власти пришелся на 1990—2000-е годы, особенно после распада СССР, а также 2019—2025 годы.

Русское население, напротив, демонстрирует постепенное сокращение своего представительства во властных структурах. С 30,7 % в Верховном Совете в 1959 году их доля снизилась до 10—25 % в 2000-х годах. Наиболее заметно это сокращение проявилось в Правительстве, где в 2009 году их представительство составило лишь 11,1 % при 31,9 % в населении. В Парламенте КБР их доля стабилизировалась на уровне 18—25 % в 2010-е годы, что все же ниже их демографической доли.

Балкарцы, несмотря на свою относительно небольшую численность, демонстрируют устойчивое и даже превышающее их демографический вес представительство во власти. Уже в 1978 году их доля в Совете министров КБАССР составляла 25 % при 8,7 % в населении. В Парламенте КБР в 2014 году они занимали 21,4 % мест при 12,7 % в населении. Эта устойчивость свидетельствует об их успешной политической адаптации и интеграции во властные структуры республики.

Анализ разрывов между демографической долей и представительством во власти выявляет значительные дисбалансы. Для кабардинцев в 2021 году разрыв составил 13,9 процентных пункта (69,5 % в правительстве против 55,6 % в населении). Русские в 2009 году демонстрировали максимальный разрыв в 20,8 пунктов (11,1 % во власти против 31,9 % в населении). Наиболее показателен случай балкарцев, чье представительство в Совете министров в 1978 году (25 %) в три раза превышало их долю в населении (8,7 %).

CC BY

Исторический контекст позволяет выделить несколько ключевых периодов. В советский период (1959—1991) наблюдался относительный баланс между группами, хотя уже тогда отмечался перевес кабардинцев. Примечательно, что балкарцы, несмотря на последствия депортации, активно интегрировались во властные структуры. 1990-е годы стали периодом роста национализма и усиления кабардинского большинства: их доля в правительстве выросла с 50 % в 1992 году до 60 % в 1997 году. В 2000—2025 годах наметилась определенная стабилизация, однако этнический дисбаланс сохранился, причем русские остаются наименее представленной группой.

3.3. Политическая легитимация в многосоставном обществе

Проведенный анализ позволяет сделать несколько важных выводов. Кабардинцы де-факто стали доминирующей политической силой в республике, особенно в исполнительной власти. Русское население утратило свои позиции, что коррелирует с демографическим спадом. Балкарцы, несмотря на свою относительно небольшую численность, демонстрируют успешную политическую адаптацию, компенсируя демографическую малочисленность активным участием во властных структурах, особенно в парламенте.

Поиск паттернов устойчивого распределения руководящих должностей и министерских портфелей за представителями конкретных этнических групп позволяет выявить, помимо перечисленных выше, следующие закономерности:

1) во главе комитета парламента по межнациональным отношениям с 1993 года всегда стоят три со-председателя — кабардинец, балкарец и русский;

2) должности министра сельского хозяйства и министра строительства как в советский, так и в современный период всегда заняты кабардинцем;

3) должность министерства просвещения в советский период с 1958 по 1988 годы была занята балкарцами;

4) с 1992 года балкарцы возглавляют министерство труда и соцзащиты (за исключением 2005—2006 годов);

5) должность министра внутренних дел в советский и современный период занимают русские, за исключением периода 1992—2006 годов, когда министерство возглавлял кабардинец Х. А. Шогенов; с 2006 года федеральный центр вернулся к практике «географической ротации» руководства силовых органов;

6) с 2003 года региональные отделения партий составляют списки с учетом того, что большинство населенных пунктов относительно моноэтничны; у каждой партии в списке кандидатов в депутаты первая тройка позиций в итоге представляет субъектообразующие этносы.

CC BY

Обсуждение вопросов этнического квотирования подразумевает неформальный характер использования этого инструмента, формально противоречащего основным положениям заокнодательства и духу правового государства. Тем не менее в риторике государственных деятелей этническое квотирование предстает в ином свете, воспринимается за данность и периодически упоминается в официальных заявлениях руководителей органов власти республики как легитимный инструмент «обеспечения межнационального мира» [Мы представляем ..., 1997]. Президент КБР В. М. Коков на совещании глав республик сказал: «Не скрою, иногда даже вынуждены приносить в жертву деловые качества, чтобы выдерживать необходимое соотношение национальных кадров… Установка жесткая: если министр одной национальности, два его заместителя — представители других национальностей. И эта работа дает ощутимые результаты, формируя атмосферу согласия» [Коков, 1998, с. 244—245]. Представитель руководства обкома и правительства отмечает важность национального представительства как ключевого инструмента кризис-менеджмента, позволяющего обеспечивать интересы трех стратегических групп [Зумакулов, 2005, с. 151; Зумакулов, 2017, с. 308].

4. Заключение = Conclusions

Институт национального квотирования сохраняет актуальность в политической системе Кабардино-Балкарии с середины 1950-х годов. Исследователи отмечают, что ключевую роль в формировании правил, определяющих дизайн, играют точки дивергенции и конвергенции: пороговые условия (doorstep conditions) [North et al., 2009], решающие моменты (critical junctures) [Acemoglu, et al., 2012], точки слома [Гельман, 2019]. В случае Кабардино-Балкарии к их числу следует отнести не только период распада СССР и преодоления дефицита власти, но и возвращение из депортации балкарцев, обусловившее восстановление консоциативной структуры республики в 1957 году.

Дальнейшее изучение темы этнического квотирования на материале Кабардино-Балкарии и всего постсоветского пространства в целом определяется нарастающей научно-практической значимостью и общественно-политической актуальностью. Научно-практическая значимость лежит не только в необходимости экстраполяции результатов на северо-кавказские политические системы, но и в углублении исследовательских задач. В их число входит проблема функционирования института на муниципальном уровне и вопрос об «этнизации» районов, в которых доминирующая национальность пытается выступить в качестве институционализированного корпоративного актора (institutionalized corporate actors). Более того, остаются открытыми вопросы о влиянии избирательных систем (квот или

мажоритарных округов) на этническое представительство, о роли других этнических групп (осетин, армян) в политической жизни республики, а также о корреляции этнического представительства с экономическими показателями, такими как распределение бюджетных средств. Эти аспекты требуют дополнительного исследования для более полного понимания сложившейся в республике системы этнополитических отношений.

Общественно-политическая значимость дальнейшего исследования определяется не только и не столько вопросом о легальности существования института в демократическом правовом государстве, которым позиционирует себя Российская Федерация. Продолжающиеся демографические изменения (рост доли кабардинцев и сокращение русского населения) создают давление, формируя предпосылки к пересмотру сложившихся пропорций. При этом устойчивость неформальных институтов и заинтересованность всех участников процесса в сохранении стабильности позволяют прогнозировать сохранение этой модели в среднесрочной перспективе.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Во благо Республики*, во благо России : к 75-летию образования Верховного Совета и 20-летию Парламента Кабардино-Балкарии. — Нальчик : ООО «Полиграфсервис и Т», 2013. — 260 с.

2. *Депутаты Парламента* Кабардино-Балкарской Республики. Второй созыв. — Нальчик : Эль-Фа, 1998. — 177 с.

3. *Депутаты Парламента* Кабардино-Балкарской Республики. Первый созыв. — Нальчик : Эль-Фа, 1995. — 171 с.

4. *Мы представляем* институт власти, обеспечивающий согласие в обществе. Интервью с З. А. Нахушевым // Кабардино-Балкарская правда : [газета]. — 1997. — № 29. — С. 1—2.

Литература

1. *Адиев А. З.* Этничность и распределение властных позиций в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии в ракурсе экспертных мнений / А. З. Адиев, С. И. Аккиева, Е. А. Щербина // Гуманитарные и Социально-Политические Проблемы Модернизации Северного Кавказа. Сборник Научных Статей V Международной Конференции. — Магас : ООО «Кеп», 2017. — С. 8—19.

2. *Аствацатурова М. А.* К проблеме теоретического осмысления «неформального этнического квотирования» в среде политико-управленческой элиты / М. А. Аствацатурова, А. З. Адиев // Сборник научных статей Института социальных исследований ИнгГУ. — Магас : Ингушский государственный университет, 2017. — С. 47—64.

3. *Боров А. Х.* Элиты и постсоветская трансформация политических режимов в республиках Северного Кавказа: «случай» Кабардино-Балкарии / А. Х. Боров, А. А. Тумов // Исторический журнал: научные исследования. — 2017. — № 4. — С. 40—55. — DOI: 10.7256/2454-0609.2017.4.23356.

4. *Галлямов Р. Р.* Политические элиты российских республик : особенности трансформации в постсоветский период / Р. Р. Галлямов // Полис. Политические Исследования. — 1998. — № 2. — С. 108—115.

5. *Гельман В. Я.* «Недостойное правление» : политика в современной России / В. Я. Гельман. — Санкт-Петербург : Издательство Европейского Университета в Санкт-Петербурге, 2019. — 254 с. — ISBN 978-5-94380-286-7.

6. *Дерлугьян Г.* Адепт Бурдье на Кавказе / Г. Дерлугьян. — Москва : Территория будущего, 2010. — 558 с. — ISBN 978-5-91129-063-4.

7. *Докшоков М. И.* Главная привилегия — ответственность за других / М. И. Докшоков. — Нальчик : Эль-Фа, 1998. — 197 с. — ISBN 5-881950313-4.

8. *Зумакулов Б. М.* Институт выборов в Кабардино-Балкарии / Б. М. Зумакулов. — Нальчик : Эль-Фа, 2005. — 420 с. — ISBN 5-88195-583-8.

9. *Зумакулов Б. М.* О времени и о себе / Б. М. Зумакулов. — Нальчик : Тетраграф, 2017. — 367 с. — ISBN 978-5-00066-114-7.

10. *Казенин К.* «Тихие» конфликты на Северном Кавказе : Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия / К. Казенин. — Москва : Regnum, 2009. — 179 с. — ISBN 978-5-86863-191-9.

11. *Коков В. М.* Дорогами реформ. Экономика и власть в условиях рыночных преобразований. (Статьи, интервью, выступления) / В. М. Коков. — Москва : Славянский диалог, 1998. — 383 с. — ISBN 5-85468-099-8.

12. *Литвинова Т.* Политические институты на Северном Кавказе в контексте развития российской государственности / Т. Литвинова. — Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. — 292 с. — ISBN 978-3-8443-5935-0.

13. *Казенин К.* Северный Кавказ и современная модель демократического развития [Электронный ресурс] / К. Казенин, И. Стародубровская. Экспертный доклад. — 2016. — Режим доступа : https://www.iep.ru/files/news/irinas-kazenin_kaukasus_01.04.16.pdf (дата обращения 12.04.2025).

14. *Республики* Северного Кавказа : этнополитическая ситуация и отношения с федеральным центром / под ред. И. Г. Косикова. — Москва : МАКС Пресс, 2012. — 503 с. — ISBN 978-5-317-04288-2.

15. *Acemoglu D.* Why Nations Fail : The Origins of Power, Prosperity, and Poverty / D. Acemoglu, J. Robinson. — London : Profile books, 2012. — 571 p. — ISBN 978-1-84668-429-6.

16. *Bird K.* Ethnic quotas and ethnic representation worldwide / K. Bird // International Political Science Review. — 2014. — № 35 (1). — Pp. 12—26. — DOI: 10.1177/0192512113507798.

17. *Horowitz D. L.* Ethnic power sharing : Three big problems / D. L. Horowitz // Journal of Democracy. — 2014. — № 25 (2). — Pp. 5—20. — DOI: 10.1353/jod.2014.0020.

18. *Juon A.* Minorities overlooked : Group-based power-sharing and the exclusion-amid-inclusion dilemma / A. Juon // International Political Science Review. — 2020. — № 41 (1). — Pp. 89—107. — DOI: 10.1177/0192512119859206.

19. *Kendhammer B.* Getting our piece of the national cake : Consociational power sharing and neopatrimonialism in Nigeria / B. Kendhammer // Nationalism and Ethnic Politics. — 2015. — № 21 (2). — Pp. 143—165. — DOI: 10.1080/13537113.2015.1032023.

20. *Martin T.* The affirmative action empire : nations and nationalism in the Soviet Union, 1923—1939 / T. Martin. — London : Cornell University Press, 2001. — 554 p. — ISBN 0801486777.

21. *North D.* Violence and Social Orders : A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History / D. North, J. Wallis, B. Weingast. — New York : Cambridge University Press, 2009. — 308 p. — ISBN 9781107646995.

22. *Osipov A.* Implementation unwanted? Symbolic vs. Instrumental policies in the Russian management of ethnic diversity / A. Osipov // Perspectives on European Politics and Society. — 2012. — № 13 (4). — Pp. 425—442. — DOI: 10.1017/nps.2018.26.

23. *Panov P.* In search of inter-ethnic balance : ethnic composition and informal power-sharing in Russian national republics / P. Panov // European Politics and Society. — 2016. — № 17 (3). — Pp. 353—372. — DOI: 10.1080/23745118.2016.1183744.

24. *Pearson S.* The "national key" in Bosnia and Herzegovina : a historical perspective / S. Pearson // Nationalities Papers. — 2015. — № 43 (2). — Pp. 213—232. — DOI: 10.1080/00905992.2014.1002463.

25. *Slezkine Y.* The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism / Y. Slezkine // Slavic Review. — 1994. — № 53 (2). — Pp. 414—452. — DOI: 10.2307/2501300.

26. *Yemelianova G.* M. Kinship, ethnicity and religion in post-Communist societies : Russia's autonomous republic of Kabardino-Balkariya / G. Yemelianova // Ethnicities. — 2005. — № 5 (1). — Pp. 51—82. — DOI: doi.org/10.1177/1468796805049926.

Статья поступила в редакцию 23.04.2025,
одобрена после рецензирования 04.06.2025,
подготовлена к публикации 16.07.2025.

Material resources

Deputies of the Parliament of the Kabardino-Balkarian Republic. The second convocation. (1998). Nalchik: El-Fa. 177 p. (In Russ.).

D*eputies of the Parliament of the Kabardino-Balkarian Republic. The first convocation.* (1995). Nalchik: El-Fa. 171 p. (In Russ.).

For the good of the Republic, for the good of Russia: on the 75th anniversary of the formation of the Supreme Council and the 20th anniversary of the Parliament of Kabardino-Balkaria. (2013). Nalchik: OOO Polygraphservice & T. 260 p. (In Russ.).

We represent an institution of government that ensures harmony in society. Interview with Z. A. Nakhushev. (1997). *Kabardino-Balkarian Truth: [newspaper], 29:* 1—2. (In Russ.).

References

Acemoglu, D., Robinson, J. (2012). *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty.* London: Profile books. 571 p. ISBN 978-1-84668-429-6.

Adiev, A. Z., Akkieva, S. I., Shcherbina, E. A. (2017). Ethnicity and distribution of power positions in Kabardino-Balkaria and Karachay-Cherkessia from the perspective of expert opinions. In: *Humanitarian and Socio-Political Problems of Modernization of the North Caucasus. Collection Of Scientific Articles of The V International Conference.* Magas: Kep LLC. 8—19. (In Russ.).

Astvatsaturova, M. A., Adiev, A. Z. (2017). On the problem of theoretical understanding of "informal ethnic quotas" among the political and managerial elite. In: *Collection*

of scientific articles of the Institute of Social Research of IngSU. Magas: Ingush State University. 47—64. (In Russ.).

Bird, K. (2014). Ethnic quotas and ethnic representation worldwide. *International Political Science Review, 35 (1):* 12—26. DOI: 10.1177/0192512113507798.

Borov, A. H., Tumov, A. A. (2017). Elites and the post-Soviet transformation of political regimes in the republics of the North Caucasus: the "case" of Kabardino-Balkaria. *Historical Journal: Scientific Research, 4:* 40—55. DOI: 10.7256/2454-0609.2017.4.23356. (In Russ.).

Derlugyan, G. (2010). *Bourdieu's Adept in the Caucasus.* Moscow: Territory of the Future. 558 p. ISBN 978-5-91129-063-4. (In Russ.).

Dokshokov, M. I. (1998). *The main privilege is responsibility for others.* Nalchik: El-Fa. 197 p. ISBN 5-881950313-4. (In Russ.).

Gallyamov, R. R. (1998). Political elites of the Russian republics: peculiarities of transformation in the post-Soviet period. Polis. *Political Research, 2:* 108—115. (In Russ.).

Gelman, V. Ya. (2019). *"Unworthy government": politics in modern Russia.* St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg. 254 p. ISBN 978-5-94380-286-7. (In Russ.).

Horowitz, D. L. (2014). Ethnic power sharing: Three big problems. *Journal of Democracy, 25 (2):* 5—20. DOI: 10.1353/jod.2014.0020.

Juon, A. (2020). Minorities overlooked: Group-based power-sharing and the exclusion-amid-inclusion dilemma. *International Political Science Review, 41 (1):* 89—107. DOI: 10.1177/0192512119859206.

Kazenin, K. (2009). "*Quiet" conflicts in the North Caucasus: Adygea, Kabardino-Balkaria, Karachay-Cherkessia.* Moscow: Regnum. 179 p. ISBN 978-5-86863-191-9. (In Russ.).

Kazenin, K., Starodubrovskaya, I. (2016). The North Caucasus and the modern model of democratic development. *Expert report.* Available at: https://www.iep.ru/files/news/irinas-kazenin_kaukasus_01.04.16.pdf (accessed 12.04.2025). (In Russ.).

Kendhammer, B. (2015). Getting our piece of the national cake: Consociational power sharing and neopatrimonialism in Nigeria. *Nationalism and Ethnic Politics, 21 (2):* 143—165. DOI: 10.1080/13537113.2015.1032023.

Kokov, V. M. (1998). *Roads of reform. Economics and government in the context of market transformations. (Articles, interviews, speeches).* Moscow: Slavic Dialogue. 383 p. ISBN 5-85468-099-8. (In Russ.).

Kosikov, I. G. (ed.). (2012). *The Republics of the North Caucasus: the ethnopolitical situation and relations with the federal center.* Moscow: MAKS Press. 503 p. ISBN 978-5-317-04288-2. (In Russ.).

Litvinova, T. (2011). *Political institutions in the North Caucasus in the context of the development of Russian statehood.* Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing. 292 p. ISBN 978-3-8443-5935-0. (In Russ.).

Martin, T. (2001). *The affirmative action empire: nations and nationalism in the Soviet Union, 1923—1939.* London: Cornell University Press. 554 p. ISBN 0801486777.

North, D., Wallis, J., Weingast, B. (2009). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History.* New York: Cambridge University Press. 308 p. ISBN 9781107646995.

Osipov, A. (2012). Implementation unwanted? Symbolic vs. Instrumental policies in the Russian management of ethnic diversity. *Perspectives on European Politics and Society, 13 (4):* 425—442. DOI: 10.1017/nps.2018.26.

Panov, P. (2016). In search of inter-ethnic balance: ethnic composition and informal power-sharing in Russian national republics. *European Politics and Society, 17 (3):* 353—372. DOI: 10.1080/23745118.2016.1183744.

Pearson, S. (2015). The "national key" in Bosnia and Herzegovina: a historical perspective. *Nationalities Papers, 43 (2):* 213—232. DOI: 10.1080/00905992.2014.1002463.

Slezkine, Y. (1994). The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism. *Slavic Review, 53 (2):* 414—452. DOI: 10.2307/2501300.

Yemelianova, G. M. (2005). Kinship, ethnicity and religion in post-Communist societies: Russia's autonomous republic of Kabardino-Balkariya. *Ethnicities, 5 (1):* 51—82. DOI: doi.org/10.1177/1468796805049926.

Zumakulov, B. M. (2005). *Institute of Elections in Kabardino-Balkaria.* Nalchik: El-Fa. 420 p. ISBN 5-88195-583-8. (In Russ.).

Zumakulov, B. M. (2017). *About time and about myself.* Nalchik: Tetragraf. 367 p. ISBN 978-5-00066-114-7. (In Russ.).

The article was submitted 23.04.2025;
approved after reviewing 04.06.2025;
accepted for publication 16.07.2025.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Хамзин И. Р. Южно-Маньчжурская железная дорога в 1905—1911 годах / И. Р. Хамзин // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 6. — С. 555—572. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-555-572.

Khamzin, I. R. (2025). South Manchuria Railway in 1905–1911. *Nauchnyi dialog, 14* (6): 555-572. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-555-572. (In Russ.).

Clarivate Web of Science Scopus Q1 DOAJ ERIHPLUS eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Южно-Маньчжурская железная дорога в 1905—1911 годах

Хамзин Ильдар Рашидович
orcid.org/0000-0002-4967-0705
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории России
ildar.hamzin1991@mail.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-00050 «Система торговых отношений России и Китая во второй половине XIX — начале XX века», https://rscf.ru/project/22-78-00050/

South Manchuria Railway in 1905–1911

Ildar R. Khamzin
orcid.org/0000-0002-4967-0705
PhD in History, Associate Professor,
Department of Russian History
ildar.hamzin1991@mail.ru

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:
The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation № 22-78-00050 “The system of trade relations between Russia and China in the second half of the XIX — early XX century”, https://rscf.ru/project/22-78-00050/

© Хамзин И. Р., 2025

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование японской транспортно-экономической политики в Маньчжурии в 1905—1911 годах. В качестве материалов привлекаются данные Российского государственного исторического архива. Сообщается, что главным инструментом по продвижению интересов Токио в названном регионе стало проправительственное акционерное Общество Южно-Маньчжурской железной дороги, созданное в 1906 году. Рассматриваются вопросы эксплуатации Южно-Маньчжурской железной дороги, порта Дайрен, морского пароходства при Обществе Южно-Маньчжурской железной дороги в указанный хронологический период. Выполнен обзор политики по расширению транспортного сообщения японской железной дороги, созданию дополнительных рельсовых путей в виде дорог Мукден — Синьминь, Мукден — Аньдун и Чанчунь — Гирин. Уделяется внимание конкуренции Южно-Маньчжурскй железной дороги с китайским портом Инкоу и грузоперевозками по реке Ляохэ, выявлены методы конкурентной борьбы. Выполнен обзор взаимоотношений Южно-Маньчжурскй железной дороги с Китайско-Восточной железной дорогой и политики, направленной на сопряжение транспортного потенциала двух железных дорог в Маньчжурии. Автор приходит к выводу, что к моменту начала Синьхайской революции в Китае Япония смогла переформатировать южно-маньчжурское пространство в зону собственной экономической монополии, что стало базой для политического и военно-стратегического продвижения в будущем.

Ключевые слова:
Южно-Маньчжурская железная дорога; ЮМЖД; Маньчжурия; транспортная политика; Китайско-Восточная железная дорога.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates Japan's transport and economic policy in Manchuria during the years 1905 to 1911. Utilizing materials from the Russian State Historical Archive, it is revealed that the primary instrument for advancing Tokyo's interests in the region was the pro-government joint-stock company, the South Manchuria Railway, established in 1906. The research addresses the operations of the South Manchuria Railway, the Dairen Port, and maritime shipping conducted by the South Manchuria Railway Company during this period. An overview of Japan's policy to expand railway connectivity is provided, detailing the construction of additional rail routes, including Mukden–Xinmin, Mukden–Andong, and Changchun–Jilin. The competition between the South Manchuria Railway and the Chinese port of Yingkou, as well as cargo transportation along the Liao River, is analyzed, highlighting methods of competitive strategy. The article also reviews the relationship between the South Manchuria Railway and the Chinese Eastern Railway, focusing on policies aimed at integrating the transport capabilities of both railways in Manchuria. The author concludes that by the onset of the Xinhai Revolution in China, Japan had successfully transformed the southern Manchurian region into a zone of its economic monopoly, laying the groundwork for future political and military strategic advancements.

Key words:
South Manchuria Railway; SMR; Manchuria; transport policy; Chinese Eastern Railway.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(510).08+625.111(47+510)“1905/1911”
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-555-572

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.2. Всеобщая история
5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Южно-Маньчжурская железная дорога в 1905—1911 годах

© Хамзин И. Р., 2025

1. Введение = Introduction

В августе 1905 года Россия и Япония подписывают Портсмутский договор, который зафиксировал территориальные (раздел о. Сахалин) и политические (раздел сфер влияния в Маньчжурии и Корее) границы двух стран в Северо-Восточной Азии. Одним из базовых условий Портсмута стала передача от России к Японии южной ветки Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) от станции Куанченцзы до Порт-Артура и передача в японское управление упомянутого Порт-Артура и порта Дальнего на Квантунском полуострове. В декабре 1905 года правительство империи Цин подтвердило данную экспроприацию, что обозначало японский контроль над транспортной инфраструктурой в Южной Маньчжурии. Фактически Токио получило в свои руки универсальный инструмент для продвижения политических, экономических и социокультурных интересов на китайской территории, отыгравшись таким образом за вынужденные уступки по результатам Японо-китайской войны в 1895 году[1].

В исследовании поставлена цель провести анализ японских мероприятий, направленных на развитие торгово-транспортного сообщения в Южно-Маньчжурском регионе. Хронологические рамки определены периодом между 1905 годом — моментом подписания Портсмутского договора — и 1911 годом — временем урегулирования транспортной взаимосвязи двух главных железных дорог в Маньчжурии и одновременно концом эпохи Цин в истории Китая, что также серьезно сказалось на политике заинтересованных акторов.

1 По условиям Симоносекского договора 1895 года Япония должна была получить территорию Ляодунского полуострова, но была вынуждена от него отказаться ввиду позиции России, Германии и Франции.

CC BY

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследование базируется на материалах фонда 560 «Общая канцелярия министра финансов» из собрания Российского государственного исторического архива. Для анализа привлечены дела 344 и 345 описи 28 названного фонда. Здесь содержится подробная характеристика японской транспортно-экономической политики в Маньчжурии в первые несколько лет после войны с Российской империей. Источники представлены докладными записками, телеграммами, письмами и прочим подобного рода официальным нарративом политических, дипломатических и военных представителей России. В отечественной литературе использовались некоторые документы из названных собраний, но углубленный анализ данного материала не был произведен ранее.

Методологической основой анализа выступает системный метод. В данном случае мы изучаем деятельность Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД) в контексте общей транспортной политики Японии в Северо-Восточном Китае в указанное время. Следуя таким путем, исследование не ограничивается анализом эксплуатации железной дороги, а рассматривает в том числе деятельность порта Дайрен, морского пароходства при Обществе ЮМЖД, строительство дополнительных линий от магистрального рельсового пути. Это позволяет увидеть ЮМЖД как системный и объемный инфраструктурный проект.

Заметим, что в мировой научной литературе ранние этапы истории Южно-Маньчжурской железной дороги затрагивались неоднократно. Можно привести список из нескольких англоязычных работ, где история данной линии изучалась весьма подробно [Economic history of Manchuria ..., 1920; Manchuria — land of opportunities ..., 1924; Kinney, 1927; Yoshida, 2001; Manchurian railways ..., 2010]. Закономерно, что вопрос о транспортной политике Японии в Маньчжурии поднимался в китаеязычных исследованиях, особенно в работах, посвященных истории железнодорожного строительства на территории Китая [Чжан, 1995; История строительства ..., 2003; Инь, 2005; Ли, 2005]. Присутствуют и японские труды [Краткая история ..., 1927; Идзава, 1942]. Вместе с тем в отечественной историографии рассматриваемый вопрос изучен скупо. Проблема международных отношений в Маньчжурии после Русско-японской войны 1904—1905 годов рассматривалась в ряде работ [Аварин, 1934; Международные отношения на Дальнем Востоке ..., 1973], но акцент на транспортной составляющей можно найти только в трудах А. Я. Канторовича и Б. С. Жигалова, хотя названные авторы изучали скорее общий процесс, не выделяя ЮМЖД в качестве основного объекта [Кантарович, 1926; Жигалов, 1966]. В последнее время можно отметить

CC BY

появление ряда публикаций, затрагивающих различные проблемы японской политики в Маньчжурии, но ее экономическая составляющая оттенена политической или социокультурной сферами [Досовицкая, 2014; Молодяков, 2016; Чэнь, 2017]. Данная статья на основе оригинальных архивных материалов призвана углубить историю ЮМЖД в отрезок времени от Портсмутского мира до начала Синьхайской революции в Китае, что можно считать за первый этап в истории данного проекта.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Организация Общества ЮМЖД

Первым в послевоенной Маньчжурии стал вопрос о разделе ранее единой КВЖД. Согласно VI-й статье Портсмутского мирного договора: «Российское Императорское Правительство обязуется уступить Императорскому Японскому Правительству, без вознаграждения, с согласия Китайского Правительства, железную дорогу между Чан-чунь (Куан-чен-цзы) и Порт-Артуром и все её разветвления со всеми принадлежащими ей правами, привилегиями и имуществом в этой местности, а также все каменноугольные копи в названной местности, принадлежащие означенной железной дороге или разрабатываемые в ее пользу» [Сборник документов ..., 1922, с. 56]. Но уже во второй половине 1905 года указанная формулировка вызвала разногласия. Российская сторона отстаивала позицию, что в договоре речь шла не о станции Куанченцзы, а о городе Куанченцзы (Чанчунь), расположенном южнее. Япония настаивала на разделе станции, но в итоге вопрос был решен в русскую пользу, японская сторона обязалась построить собственную станцию Чанчунь напротив станции Куанченцзы [РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 326, л. 82]. В результате Российская империя от всех своих грандиозных транспортных амбиций предшествующего периода оставила себе магистральную линию КВЖД Чита — Владивосток (станция Маньчжурия — станция Пограничная) и короткий рельсовый путь от Харбина до Куанченцзы. Соответственно, Япония получила линию от станции Чанчунь до Порт-Артура и Дальнего. Кроме того, южная часть КВЖД еще при российском управлении обросла несколькими дополнительными ветками, соединяющими магистраль с яньтайскими и фушуньскими копями и портом Инкоу [Economic history of Manchuria ..., 1920, p. 75]. Наконец, во время войны в Маньчжурии, японские военные проложили рельсовые пути от порта Аньдун до Мукдена и от Мукдена к городу Синьминь. Именно такого рода «наследство» Токио предстояло осмыслить и организовывать под собственные интересы в ближайшем будущем.

Первый шаг в этом направлении не заставил себя ждать. 7 июня 1906 года согласно указу императора Муцухито образовывалось акционер-

CC BY

ное Общество Южно-Маньчжурской железной дороги. Капитал компании составил 200 млн йен, разделенных на миллион акций по 200 йен каждая, под 6 %-е дивиденды [РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 345, л. 16.].

Несмотря на то, что ранние японские авторы имели желание провести аналогии между Обществом ЮМЖД и английской Ост-Индской компанией [Economic history of Manchuri ..., 1920, p. 92], сейчас не оставляет сомнений то, что в качестве образца для организации было выбрано Общество КВЖД. Это был вполне логичный и рациональный шаг, поскольку последнее представляло собой универсальный пример совмещения государственно-политических, геоэкономических и колонизационных интересов и методов в рамках одной структуры. В то же время в японском варианте правительственный контроль был выражен более явно. В состав правления Общества вошла практически вся политическая элита Японии, в том числе из парламентской, дипломатической и военной сфер [РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 344, л. 94 об.]. Есть упоминание, что возглавивший Общество ЮМЖД Гото Симпэй первоначально отказывался от этой должности ввиду жесточайшего контроля со стороны Токио [Молодяков, 2006].

10 августа 1906 года была утверждена Программа Общества ЮМЖД, где отразились основные направления транспортно-экономической политики в Южной Маньчжурии: эксплуатация железной дороги, эксплуатация угольных копей, создание и эксплуатация морского пароходства, руководство товароснабжением Маньчжурии, производство торговых операций [РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 344, л. 74 об.—75]. Вполне понятной выглядит заинтересованность в работе железнодорожной линии и требуемого для этого снабжения углем. Создание морского пароходства как части предприятия железной дороги было скопировано с первичной организации Общества КВЖД, обладающего собственными морскими судами (увы, уничтоженными в годы Русско-японской войны) [Асада, 2009]. Более вызывающе выглядели пункты 4 и 5: здесь Япония планировала создать учет всех входящих в Маньчжурию иностранных товаров и организовать вдоль дороги складские помещения для собственных товаров с целью беспрерывного снабжения рынка японской продукцией [РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 344, л. 75]. По своей сути такая деятельность представляла собой план монополизации рынка Маньчжурии с игнорированием так называемого права «открытых дверей» и с опорой на транспортную инфраструктуру.

Реализация намеченных планов стала осуществляться уже с 1906 года. К началу августа 1906 года последний участок южной ветки КВЖД был передан Японии, которая незамедлительно изменила ширину колеи на собственную в 3 ½ фута и открыла движение до Куанченцзы. Российские источники сообщали, что за 1906 год по дороге ежедневно проезжало до

CC BY

10 381 пассажиров, перевозилось до 6 707 тонн товаров [РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 345, л. 153 об]. Эти темпы в последующие годы наращивались, к весне 1908 года подвижный состав дороги вырос до 200 паровозов, 80 пассажирских вагонов и 2200 платформ [РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 345, л. 54]. За 1908 год дорога показала еще более высокую эффективность, с 1 марта по 1 сентября ЮМЖД дала доход, сопоставимый с доходом за весь 1907 год (771 783 млн. йен) [РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 345, л. 106].

Развитие экспортно-импортных связей ЮМЖД было определено в первую очередь тесной взаимосвязью рельсового пути с портовой инфраструктурой и морским судоходством. Бывший русский порт Дальний, ныне японский Дайрен, стал главным выходом железной дороги в море. Необходимо подчеркнуть, что основную работу по устройству портовой гавани и самого города в течение 1898—1903 годов проделала Россия, тогда как Япония продолжила курс развития инфраструктуры. Были произведены дополнительные работы по углублению гавани, добавлены новые волнорезы, расширена пристань и т. д. [Kinney, 1927, p. 24—26]. Важным шагом стало введение, а по сути, возвращение в Дайрен режима порто-франко, впервые учрежденного на Квантунском полуострове С. Ю. Витте в 1898 году, но прерванного во время войны [РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 344, л. 39]. Таким образом, морской порт получил хороший импульс для развития. Еще одним шагом в этом направлении стала организация морского пароходства Общества ЮМЖД, хотя здесь прогресс шел значительно медленнее. В 1908 году действовала только линия Дайрен — Шанхай, обслуживаемая всего одним пароходом Общества [РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 344, л. 78 об.]. С другой стороны, в самом Дайрене присутствие японских судоходных предприятий было доминирующим, так как Общество в 1908 году успело заключить контракт с компанией Nippon Yusen Kaisha, которая еще в 1901 году была лидером среди иностранных флагов в гавани Дальнего [Economic history of Manchuria ..., 1920, p. 104].

3.2. Региональная транспортная конкуренция и проекты расширения дороги

Помимо капиталовложений в реконструкцию железной дороги, порта и судоходства успех Общества ЮМЖД зависел от грамотной политики в деле привлечения маньчжурских грузов на собственную транспортную систему. В данном случае основными конкурентами выступали сразу несколько региональных грузоперевозчиков: в меньшей степени КВЖД, в большей — город-порт Инкоу и южно-маньчжурская река Ляохэ.

Как ни странно, но конкуренция с Китайско-Восточной железной дорогой в период 1906—1911 годов хотя и имела место быть, но не была столь выраженной, как конкуренция в южной части региона. Россия и Япония, разделив политические сферы влияния в Маньчжурии, вместе с тем

CC BY

разделили и геоэкономическое влияние. Провинция Хэйлунцзян традиционно специализировалась на выращивании зерновых, которые и стали главным грузом для КВЖД и Владивостока. Главным товаром южной части Маньчжурии являлись соевые бобы, которые с конца XIX века экспортировались на внешние рынки через порт Инкоу, куда в свою очередь доставлялись по реке Ляохэ. В 1901 году российские источники описывали острую конкуренцию для Дальнего и Порт-Артура со стороны Инкоу и реки Ляохэ, речь шла даже о том, чтобы интегрировать эти транспортные пути в систему сообщения КВЖД [РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 931, л. 90]. Сменившая Россию Япония столкнулась с аналогичной проблемой.

Порт Инкоу, также известный в это время под названием Нючжуан, был первым морским портом, открытым на территории Маньчжурии. Он же стал главной точкой притяжения иностранных грузов в регион и выхода маньчжурских товаров на внешний рынок [Покотилов, 1895, с. 1—9]. Появление Дальнего, затем Дайрена заметно сказалось на товарообороте китайского порта, но благодаря наработанной в течение многих лет практики Инкоу продолжал удерживать свои позиции. Дополнительные коррективы вносил факт сопряжения Инкоу с ЮМЖД: ветка Дашицзяо — Инкоу была выстроена еще Обществом КВЖД, и, таким образом, железная дорога сама являлась поставщиком грузов в китайский порт. В такой ситуации, чтобы переориентировать грузопоток в Дайрен, японская администрация снижала железнодорожные тарифы, а также использовала систему льготных тарифов для отправителей японской национальности [РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 344, л. 103 об.]. Известны и куда менее лицеприятные методы: к примеру, из вагонов выбрасывались грузы, предназначенные для Инкоу, в самом порту фактически беспричинно вводился карантин (после войны порт был под частичным японским управлением) и т. д. [РГИА, ф. 560, оп. 28. д. 344. л. 203, 225] Как бы ни были противоречивы подобные меры, они принесли результаты: к 1910 году Дайрен опередил Нючжуан по вывозу маньчжурской сои на внешний рынок в соотношении 35 636 пудов против 25 488 пудов [РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 1084, л. 188.].

Река Ляохэ была непосредственно связана с торговлей Инкоу, представляя собой естественную транспортную артерию для ввоза и вывоза товаров в южно-маньчжурском регионе. Географическое расположение Ляохэ определило ее конкуренцию с ЮМЖД и Дайреном: среднее течение реки проходило фактически параллельно с рельсовым путем, поэтому те грузы, которые потенциально могли перейти на железную дорогу для доставки в Инкоу или Дайрен, значительной частью отправлялись в Инкоу речным путем. Наработанные социальные связи между китайским купечеством и местным джоночным промыслом усиливали позиции водной

CC BY

артерии [Yoshida, 2001, p. 127—129]. Обществу ЮМЖД в данном случае приходилось снова прибегать к снижению тарифов, хотя применялись и более агрессивные способы рыночной борьбы. Известно, что в 1907 году японцы выкупили большую часть джонок, работающих на Ляохэ, тем самым способствуя привлечению грузов на железнодорожный путь [РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 344, л. 195 об. — 196].

Помимо речной торговли и морского порта тесная кооперация осуществлялась между ЮМЖД и Северной Китайской железной дорогой, также известной как Шаньхайгуаньская линия, или железная дорога Пекин — Мукден. Строительство этого рельсового пути проводилось Китаем при поддержке английских финансистов и инженеров, к 1904 году дорога была доведена до города Синьминь [Канторович, 1926, с. 24]. Во время Русско-японской войны японцы соединили Мукден с Синьминем одноколейной дорогой шириной в 3 ½ фута, тем самым создав прямое сообщение столицы Китая с южной веткой КВЖД (Мукден располагался на линии). В начале 1907 года Пекин поднял вопрос о выкупе отрезка Синьминь — Мукден, и в апреле того же года было подписано китайско-японское соглашение о передаче названного пути [РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 344, л. 207]. Через год Токио предоставил Китаю заем на переоборудование купленного отрезка на общепринятую китайскую колею в 4 фута 8 ½ дюйма [Treaties and agreements between China and Japan ..., 1932, p. 35—37]. С учетом того, что параллельно шла перекладка ЮМЖД на китайскую колею, Япония смогла интегрировать собственную железную дорогу в систему железнодорожного сообщения империи Цин.

Второй вектор железнодорожного расширения ЮМЖД был направлен на юго-восток. Во время войны Мукден был также соединен одноколейным путем с портом Аньдун — гаванью в устье реки Ялуцзян, на границе с Кореей. В 5-й статье японо-китайского соглашения о Маньчжурии (декабрь 1905 года) устанавливалось, что в течение ближайших двух лет дорога должна быть переоборудована на китайскую колею, после чего линия передается в аренду Японии на 15 лет [Сборник документов ..., 1922, с. 65]. Однако из-за различных проволочек со стороны Китая вопрос о перешивке Мукден-Аньдунской железной дороги был решен только к августу 1909 года. Сама дорога с китайской колеей была введена в эксплуатацию в ноябре 1911 года [РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 345, л. 225].

Наконец, третье расширение ЮМЖД предполагало строительство линии Гирин — Чанчунь. Строительство этой линии в качестве продолжения пути от Синьминя в провинцию Гирин проектировалось Пекином еще до появления южной ветки КВЖД и рассматривалось как совместное китайско-японское предприятие. В октябре 1908 года Токио и Пекин подписали кон-

CC BY

тракт на предоставление Обществом КВЖД займа китайскому правительству для строительства названной дороги [Treaties and agreements between China and Japan ..., 1932, p. 35—37]. Здесь можно отметить, что китайские интересы помимо общего положительного отношения к развитию железнодорожной системы на национальной территории были также связаны с политикой колонизации маньчжурского региона, которая требовала большей мобильности для перевозки подданных из внутренних провинций империи в ее северо-восточные окраины. Японские интересы носили более выраженный военно-стратегический и колониальный характер: предполагалось, что железная дорога будет продолжена от Гирина к границам Кореи для соединения с корейской транспортной системой [РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 345, л. 210]. Таким образом, Токио получал возможность интегрировать свои сферы влияния на Корейском полуострове и в Южной Маньчжурии, создать дополнительную питательную ветку для ЮМЖД и выстроить сплошной рельсовый путь, идущий фактически параллельно КВЖД.

Отношения Японии с Россией и Обществом КВЖД в Маньчжурии можно назвать краеугольным камнем всей японской политики рассматриваемого периода. Несмотря на то, что у ЮМЖД с КВЖД не было такой жесткой конкуренции, как с Инкоу и Ляохэ, общий характер отношений двух железных дорог долгое время было соперничающим. 31 мая 1907 года была подписана российско-японская «Временная конвенция о соединении русских и японских железнодорожных линий в Маньчжурии», которая зафиксировала систему грузообмена между станциями Чанчунь и Куанченцзы [Молодяков, 2006]. Далее оба Общества занялись переоборудованием инфраструктуры на собственных территориях (в частности, Общество КВЖД — развитием портового потенциала Владивостока), а также тарифной конкуренцией. В то время, когда Общество ЮМЖД вводило льготные тарифы для перевозки южно-маньчжурских товаров в Дайрен, Общество КВЖД делало то же самое для привлечения грузов от участка Куанченцзы — Харбин на Владивосток [Очерк коммерческой деятельности ..., 1912, с. 13—18]. Но постепенно эта политика становилась убыточной для обоих предприятий [Yoshida, 2001, p. 130]. Особенно от низких тарифов страдала российская дорога: вплоть до 1910 года эксплуатация КВЖД приносила ежегодный убыток [Штейнфельд, 1910, с. 56]. Кроме того, в 1909—1910 годах Россия и Япония столкнулись с новым конкурентом в Маньчжурии в лице США, которые, опираясь на поддержку Китая, предложили собственные транспортные проекты в регионе.

3.3. ЮМЖД и американские интересы в Маньчжурии

В конце 1909 года госсекретарь США Филандер Нокс выдвинул предложение о выкупе существующих в Маньчжурии железнодорожных ли-

CC BY

ний. Идея заключалась в том, чтобы создать международный банковский синдикат, который приобретет КВЖД у России и ЮМЖД у Японии и впоследствии по факту взносов китайского правительства передаст их под управление Пекина [Международные отношения ..., 1973, с. 255—257]. Под внешним великодушием американского предложения скрывалась вполне прагматичная задача нейтрализовать российское и японское влияние в регионе, опираясь на поддержку маньчжурского двора. Последний в данном случае был заинтересованным лицом, так как Вашингтон давал единственный на текущий момент вариант вернуть Северо-Восточный Китай под китайский контроль. Сами же американцы еще с конца XIX века искали возможность утвердить собственный капитал в Маньчжурии. В 1895 году представители American China Development Company предлагали посланнику России в Китае А. П. Кассини помощь в организации транспортного сообщения в Маньчжурии, но получили отказ ввиду российского курса на монополизацию транспортного сообщения в Маньчжурии в это время [РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 18, л. 139]. Аналогичная ситуация произошла в сентябре 1905 года, когда американский железнодорожный магнат Э. Гарриман прибыл в Токио с предложением совместной японо-американской эксплуатации тогда еще южной ветки КВЖД [Бродский, 1968, с. 7—8]. Но Японии уже было ясно, что южно-маньчжурский регион в ближайшей перспективе станет ее монопольной сферой влияния и никакой необходимости пускать туда иной иностранный капитал не было.

Содержание американских интересов в Маньчжурии было многосоставным. Здесь необходимо иметь в виду: 1) сильные позиции товаров США на местном рынке (особенно техасского керосина), что потенциально влекло за собой интерес к расширению торгового влияния в условиях конкуренции с японскими товарами, 2) мечты Э. Гарримана о создании единой подконтрольной Америке транзитной системы планетарного масштаба (Трансконтинентальная северо-американская железная дорога — тихоокеанское судоходство — железнодорожная система Маньчжурии — Транссиб — европейский рынок — атлантическое судоходство — Трансконтинентальная северо-американская железная дорога), 3) давние американские интересы к экономическому влиянию на Дальнем Востоке и Восточной Сибири, 4) общий американский интерес к капиталовложениям в Китае (так называемая «дипломатия доллара») [Бродский, 1968, с. 12—14; Международные отношения ..., 1973, с. 252—255]. Этот список можно было бы продолжить, но перечисленное в целом объясняет мотивы так называемого «плана Нокса». Однако эта инициатива, отдающая даже неким налетом наивности, предсказуемо провалилась, так как Санкт-Петербург и Токио выступили единым фронтом и заставили Пекин отклонить американское предложение.

CC BY

На этом американское наступление не закончилось. Вскоре выяснилось, что предложение США предполагает «план Б», а именно строительство на территории Маньчжурии очередной сквозной магистрали на основе американских инвестиций по направлению порт Цзиньчжоу — город Айгунь [Международные отношения ..., 1973, с. 255]. Эта дорога должна была стать четвертой транзитной железной дорогой в регионе (после КВЖД, ЮМЖД и китайской линии Пекин — Мукден), связав южную и северную его части непрерывным рельсовым путем. Сам этот план нельзя назвать универсальным, Цзиньчжоу давно фигурировал в маньчжурском геоэкономическом нарративе как крупный и перспективный порт, способный бороться за объем товарооборота с Инкоу и Дайреном. Железная дорога Пекин — Мукден, в частности, имела рельсовое соединение с Цзиньчжоу, и, кроме того, в довоенное время обсуждались различные варианты о рельсовом пути от Цзиньчжоу или Инкоу с северным вектором [РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 46, л. 112—134; РГИА, ф. 323, оп. 1, д. 1195, л. 156]. Однако такие инициативы жестко обрывались сначала российской стороной, а после японской, так как дорога, параллельная южной ветке КВЖД / ЮМЖД, автоматически становилась ее конкурентом. В данном же случае речь шла о новом трансманьчжурском проекте, который своими контурами как бы «перечеркивал» КВЖД, пересекая ее ориентировочно в районе станции Цицикар.

Закономерно, что в России в американском проекте сразу же увидели угрозу и в ближайшей к тому моменту перспективе дипломатические усилия были направлены на его предотвращение. Интересно, что Япония в данном случае заняла нейтральную позицию, посчитав, что непосредственно для ее интересов в Маньчжурии проект Цзиньчжоу — Агунь угрозы не представляет, в том числе выдвинув условие о соединении проектируемого пути с ЮМЖД в районе городе Телин [РГИА, ф. 323, оп. 1, д. 716, л. 108]. Впрочем, не исключено, что Токио просто решило не вмешиваться в российский демарш, считая, что Санкт-Петербург может добиться победы самостоятельно, что в итоге и произошло: уже в начале 1911 года американская железнодорожная инициатива исчезла с повестки дня.

3.4. Транспортное сопряжение

Обстоятельства обоюдно невыгодной конкуренции ЮМЖД и КВЖД в условиях появления третьих иностранных игроков в Маньчжурии сподвигли Санкт-Петербург и Токио к сближению и поиску компромиссов. В марте 1909 года в Санкт-Петербурге состоялась русско-японская конференция, которая определила порядок прямого сообщения между КВЖД и ЮМЖД на основе согласования тарифных ставок. Всего было выделено три направления:

1) *сообщение КВЖД — японские порты через Владивосток и Дайрен,* предполагавшее отправку хлеба в зерне, бобов, жмыхов, муки, отрубей, масла растительного, спирта и водки;

2) *сообщение КВЖД — ЮМЖД*, предполагавшее экспорт с российской линии на японскую леса, муки, водки, спирта и коровьего масла;

3) *сообщение ЮМЖД — КВЖД,* предполагавшее экспорт с японской линии на российскую угля, цемента, фруктов и овощей [РГИА, ф. 323, оп. 1, д. 624, л. 179 об — 181].

Для перечисленных направлений была разработана своя тарификация для каждого товара в отдельности, причем расчет делался на основе российской 32-классовой системы. Общая задача сводилась к тому, чтобы уравнять оба направления между собой. Для этого выбирались своеобразные станции отсчета, расстояние от которых до портов (Владивосток и Дайрен) было приблизительно одинаковым. Для хлебных грузов таковой выступала станция Таолайчжао:

Таолайчжао — Владивосток — Цуруга = 25, 66 коп. с пуда;

Таолайчжао — Дайрен — Кобе = 25, 24 коп. с пуда.

Для бобов и жмыхов станцией отсчета была выбрана станция Бухай:

Бухай — Владивосток — Цуруга = 22,86 коп. с пуда;

Бухай — Дайрен — Кобе = 22,24 коп. с пуда [РГИА, ф. 323, оп. 1, д. 624, л. 181].

Меньшее расстояние дало Дайрену некоторое преимущество перед Владивостоком, но эта проблема решалась понижением платы за перегрузку зерна с вагонов на пароходы в пристани Эгершельд, что уравнивало ситуацию [РГИА, ф. 323, оп. 1, д. 624, л. 181 об.]. С целью уравнения накладных расходов по двум направлениям вводилась плата в 0,25 коп. с пуда за перевозку груза между Куанченцзы и Чанчунем в пользу дороги-оператора и плата в 1 коп. с пуда за перегрузку с широкой на узкую колею в пользу дороги-оператора. Помимо этого были также согласованы единицы измерения (принята весовая метрическая система, применяемая в сообщении России с Западной Европой), паритет валют (100 руб. = 103,5 йен, 100 йен = 96,62 руб.), язык документации (с русской стороны — русский, с японской — английский) [РГИА, ф. 323, оп. 1, д. 624, л. 181 об. — 182 об.].

Таким образом, две железные дороги сделали серьезный шаг к интеграции транспортного сообщения в Маньчжурии. Можно сказать, что некогда единая система КВЖД была воссоздана, но в рамках управления не одной, а двумя компаниями. Продолжением транспортно-логистического сближения стало политическое: 21 июня 1910 года Россия и Япония подписали новый договор, секретная часть которого зафиксировала окончательный раздел сфер влияния в Маньчжурии [Международные отношения ..., 1973, с. 258—260].

CC BY

4. Заключение = Conclusion

Проведенный обзор японской транспортной политики в Маньчжурии показал, что в первые несколько лет после подписания Портсмутского мира Токио смогло реорганизовать экономическое пространство южной части Северо-Восточного Китая под свои нужды и интересы. Общество ЮМЖД в этом процессе играло ключевую роль, поскольку объединяло в себе сразу несколько направлений экономической деятельности, такие как эксплуатация железной дороги, морского порта, морского судоходства, угольных копей, тарифная политика, снабжение Китая товаром и вывоз маньчжурских товаров на внешний рынок. По сути, оно представляло собой комбинированный, системный инфраструктурный проект, в задачи которого входила не просто торгово-экономическая монополизация региона, но и вытекающее из этого геополитическое и военно-стратегическое укрепление японских позиций. Симптоматично, что к 1910 году вопрос о статусе Кореи был окончательно закрыт в пользу Токио, страна стала японской колонией. Одновременно вся прилегающая к Корее маньчжурская часть уже застраивалась прояпонскими железными дорогами, и этот факт на корню купировал русские или китайские намерения о военном реванше. В конечном счете китайское правительство стало сотрудничать с Японией в деле строительства железнодорожных линий на территории Маньчжурии, и тем же путем пошел Санкт-Петербург.

Нельзя не отметить, что Общество ЮМЖД формировалось как аналог и одновременно антипод Общества КВЖД. В организации японской инфраструктуры было воспроизведено фактически все, что составляло российское предприятие до 1905 года: железная дорога в тесной кооперации с морским портом и судоходством на основе обеспечения местными ресурсами (уголь и лес) и товарами. С другой стороны, задача предприятия состояла также в том, чтобы побороть Китайско-Восточную железную дорогу как конкурирующего транспортного оператора в регионе. Подобная конкуренция для ЮМЖД была успешной в случае с портом Инкоу и рекой Ляохэ, но КВЖД все же смогла отстоять свои интересы. В итоге оба предприятия нашли компромисс и организовали прямое транспортное взаимодействие на основе тарифной договоренности.

Таким образом, мы предлагаем рассматривать период 1905—1911 годов как первый опыт и первый этап в истории Южно-Маньчжурской железной дороги. Портсмутский договор создал основные направления и рамки для японских транспортных интересов, которые стали реализовываться в ближайшие за подписанием соглашения годы. К 1911 году в результате успешной логистической и тарифной политики ЮМЖД стала главным перевозчиком товаров и пассажиров в Южной Маньчжурии, определив свои

CC BY

отношения с китайской и российской инфраструктурой и успешно преодолев американское давление. Начало и результаты Синьхайской революции в Китае способствовали дальнейшему продвижению японских транспортных интересов, база для которых уже была выстроена.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 560. Оп. 28. Д. 18 ; Ф. 560. Оп. 28. Д. 46 ; Ф. 560. Оп. 28. Д. 326 ; Ф. 560. Оп. 28. Д. 344 ; Ф. 560. Оп. 28. Д. 345 ; Ф. 323. Оп. 1. Д. 624 ; Ф. 323. Оп. 1. Д. 716 ; Ф. 323. Оп. 1. Д. 1195.

Литература

1. *Аварин В.* Империализм в Маньчжурии / В. Аварин. — Москва, Ленинград : Государственное социально-экономическое издательство, 1934. — Т. 1. — 416 с.

2. *Асада Масафуми.* Разгром морского пароходства Общества КВЖД : еще одна трагедия в Русско-японской войне / Асада Масафуми // Тихоокеанская Россия и страны АТР в изменяющемся мире. — Владивосток : Дальнаука, 2009. — С. 225—235. — ISBN 978-5-8044-1013-2.

3. *Бродский Р. М.* Дальневосточная политика США накануне Первой мировой войны / Р. М. Бродский. — Москва : Наука, 1968. — 246 с.

4. *Досовицкая В. В.* Маньчжурский вектор внешней политики Японии накануне и в период первой мировой войны / В. В. Досовицкая // Проблемы востоковедения. — 2021. — № 4. — С. 28—33.

5. *Жигалов Б. С.* Железные дороги и борьба империалистических держав за господство в Северо-Восточном Китае в 1905—1914 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.00 / Б. С. Жигалов. — Томск, 1965. — 319 с.

6. *Идзава Митио.* Обзор транспорта Маньчжурии / Идзава Митио. — Токио : Тюо Коронся, 1942. — 96 с. (伊澤道雄. 滿洲交通の展望 / 伊澤道雄. — 東京: 中央公論社 , 1942. — 96 ページ.).

7. *Инь Тье.* Исследования железных дорог и социальных изменений в конце династии Цин / Инь Тье. — Пекин : Economic Science Press, 2005. — 365 с. (尹铁. 晚清铁路与晚清社会变迁研究. / 尹铁. — 北京：经济科学出版社, 2005. 365 页。).

8. *История* строительства железных дорог в Китае. — Пекин : Издательство Китайских железных дорог, 2003. — 847 с. (中国铁道建设史. — 北京：中国铁道出版社，2003. — 847 页).

9. *Канторович А. Я.* Иностранный капитал и железные дороги Китая / А. Я. Канторович. — Москва, Ленинград : Плановое хозяйство, 1926. — 221 с.

10. *Китайские* порты, имеющие значение для русской торговли на Дальнем Востоке. Текст / сост. Д. Д. Покотиловым ; под ред. Д. Ф. Кобеко и П. М. Романова. — Санкт-Петербург : М-во финансов, 1895. — Ч. 1. — 158 с.

11. *Краткая* история Южно-Маньчжурской железнодорожной компании за последние 20 лет. — Дайрен : Южно-Маньчжурская железнодорожная компания, 1927. — 365 с. (南滿洲鐵道株式會社二十年略史. — 大連: 南滿州鉄道株式会社, 1927. — 365 ページ.).

12. *Ли Вэньяо.* О реформе железных дорог Китая : железные дороги и развитие китайского общества и экономики в XIX и XX веках / Ли Вэньяо. — Пекин : Издательство железных дорог Китая, 2005. — 261 с. (李文耀. 中国铁路变革论 19、20世纪铁路与中国社会、经济的发展 / 李文耀. — 北京：中国铁道出版社, 2005. — 261 页.).

13. *Международные* отношения на Дальнем Востоке. — Москва : Мысль, 1973. — 324 с.

14. *Молодяков В. Э.* Гото Симпэй и колониальная политика Японии. Часть вторая : Южно-Маньчжурская железная дорога и русско-японские отношения, 1906—1908 гг. / В. Э. Молодяков // Ежегодник Японии. — 2006. — Т. 35. — С. 214—229.

15. *Очерк* коммерческой деятельности Китайской Восточной железной дороги за 15 лет существования Общества. Составлен Коммерческим Отделом Правления. — Санкт-Петербург : Типография А. Смолинский, 1912. — 76 с.

16. *Сборник* документов, относящихся к Китайской Восточной железной дороге. — Харбин : Канцелярия правления Общества Китайской Восточной ж. д., 1922. — 313 с.

17. *Чжан Шоучжэнь.* Политика открытия железных дорог в трех северо-восточных провинциях во времена династии Цин (1905—1911) / Чжан Шоучжэнь. — Гаосюн : издательство Kaohsiung Fuwen, 1995. — 285 с. (张守真. 清季东三省的铁路开放政策（1905-1911) / 张守真. — 高雄市: 高雄高雄复文图书出版社、1995. — 285 页.).

18. *Чэнь Бин.* Особенности исторического развития города Чанчунь : культурные взаимовлияния в архитектуре конца XIX — первой половины XX в. / Чэнь Бин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. — 2017. — № 3 (9). — С. 255—265.

18. *Штейнфельд Н. П.* Русское дело в Маньчжурии : с XVII в. до наших дней / Н. П. Штейнфельд. — Харбин : Рус.-кит.-монгол. тип. газ. “Юань-дун-бао”, 1910. — 208 с.

19. *Economic* history of Manchuria. — Seoul : Chosen, 1920. — 298 p.

20. *Kinney H.* Manchuria and South Manchuria railway company / H. Kinney. — Dairen : [b. i.], 1927. — 57 p.

21. *Manchuria* — land of opportunities. — New York : South Manchuria railway company, 1924. — 93 p.

22. *Manchurian* railways and the opening of China : An International History. — New York : Routledge, 2010. — 235 p.

23. *Sun C. Kungtu.* The economic development of Manchuria in the first half of the twentieth century / Sun C. Kungtu. — Cambridge : East Asian Research Center, Harvard University, 1969. — 121 p.

24. *Treaties* and agreements between China and Japan concerning the railways of the three eastern provinces. — Nanking : Wha Tung printing Co, 1932. — 254 p.

25. *Yoshida Tak Matsusaka.* The making of Japanese Manchuria, 1904—1932. / Yoshida Tak Matsusaka. — Cambridge : Harvard University Asia Center, 2001. — 522 p. — ISBN 9780674003699.

Статья поступила в редакцию 31.03.2025,
одобрена после рецензирования 12.07.2025,
подготовлена к публикации 31.07.2025.

Material resources

RGIA — *Russian State Historical Archive.* (In Russ.).

CC BY

References

A brief history of the South Manchurian Railway Company over the past 20 years. (1927). Dairen: South Manchurian Railway Company. 365 p. (In Chin.).

An outline of the commercial activities of the Chinese Eastern Railway over the 15 years of the Company's existence. Compiled By the Commercial Department of The Board. (1912). Saint Petersburg: A. Smolinsky Printing House. 76 p. (In Russ.).

Asada Masafumi. (2009). The defeat of the CER Shipping Company: another tragedy in the Russian-Japanese War. In: *Pacific Russia and the countries of the Asia-Pacific region in a changing world.* Vladivostok: Dalnauka Publ. 225—235. ISBN 978-5-8044-1013-2. (In Russ.).

Avarin, V. (1934). *Imperialism in Manchuria, 1.* Moscow, Leningrad: State Socio-economic Publishing House. 416 p. (In Russ.).

Brodsky, R. M. (1968). *Far Eastern policy of the USA on the eve of the First World War.* Moscow: Nauka Publ. 246 p. (In Russ.).

Chen Bing. (2017). Features of the historical development of Changchun: cultural interactions in architecture of the late 19th — first half of the 20th century. *Bulletin of St. Petersburg University. Oriental and African studies, 3 (9):* 255—265. (In Russ.).

Collection of documents related to the Chinese Eastern Railway. (1922). Harbin: Office of the Board of the Society of Chinese Oriental Railway. 313 p. (In Russ.).

Dosovitskaya, V. V. (2021). The Manchurian vector of Japan's foreign policy on the eve and during the First World War. *Problems of Oriental Studies, 4:* 28—33. (In Russ.).

Economic history of Manchuria. (1920). Seoul: Chosen. 298 p.

International relations in the Far East. (1973). Moscow: Mysl Publ. 324 p. (In Russ.).

Izawa Michio. (1942). *Overview of Manchurian transport.* Tokyo: Chuo Koronsia. 96 p. (In Chin.).

Kantorovich, A. Ya. (1926). *Foreign capital and railways of China.* Moscow, Leningrad: Planned Economy. 221 p. (In Russ.).

Kinney, H. (1927). *Manchuria and South Manchuria railway company.* Dairen: [b. i.]. 57 p.

Kobeko, D. F., Romanov, P. M. (eds.). (1895). *Chinese ports of importance for Russian trade in the Far East. Text, 1.* St. Petersburg: Moscow Institute of Finance. 158 p. (In Russ.).

Li Wenyao. (2005). *On the Reform of China's Railways: Railways and the Development of Chinese Society and Economy in the 19th and 20th Centuries.* Beijing: Publishing house of Railways of China. 261 p. (In Chin.).

Manchuria — land of opportunities. (1924). New York: South Manchuria railway company. 93 p.

Manchurian railways and the opening of China: An International History. (2010). New York: Routledge. 235 p.

Molodyakov, V. E. (2006). Goto Simpei and the colonial policy of Japan. Part Two: The South Manchurian Railway and Russian-Japanese relations, 1906—1908. *Yearbook of Japan, 35:* 214—229. (In Russ.).

Steinfeld, N. P. (1910). *The Russian case in Manchuria: from the 17th century to the present day.* Harbin: Rus.-kit.- Mongol. type. gas. "Yuan-tung-bao". 208 p. (In Russ.).

Sun, C. Kungtu. (1969). *The economic development of Manchuria in the first half of the twentieth century.* Cambridge: East Asian Research Center, Harvard University. 121 p.

The history of railway construction in China. (2003). Beijing: Chinese Railways Publishing House. 847 p. (In Chin.).

Treaties and agreements between China and Japan concerning the railways of the three eastern provinces. (1932). Nanking: Wha Tung printing Co. 254 p.

Yin Tee. (2005). *Studies of railways and social change at the end of the Qing Dynasty.* Beijing: Economic Science Press. 365 p. (In Chin.).

Yoshida Tak Matsusaka. (2001). *The making of Japanese Manchuria, 1904—1932.* Cambridge: Harvard University Asia Center. 522 p. ISBN 9780674003699.

Zhang Shouzhen. (1995). *The policy of opening railways in the three Northeastern provinces during the Qing Dynasty (1905—1911).* Kaohsiung: Kaohsiung Fuwen Publishing House. 285 p. (In Chin.).

Zhigalov, B. S. (1965). *Railways and the struggle of the imperialist powers for supremacy in Northeast China in 1905—1914.* PhD Diss. Tomsk. 319 p. (In Russ.).

The article was submitted 31.03.2025;
approved after reviewing 12.07.2025;
accepted for publication 31.07.2025.

CC BY

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
Издается с 2012 года. Языки публикации — русский, английский.
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года.
Индексируется в Scopus
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в базу ERIH PLUS с 11 июня 2015 года (идент. номер 485900).
Размещается на платформах НЭБ (eLibrary), DOAJ, на сайте журнала.
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России».
Обязательные экземпляры журнала отправляются в Российскую государственную библиотеку, Минцифры России.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru, editor@nauka-dialog.ru
Сайт: http://www.nauka-dialog.ru/

Перечень ВАК РФ
Область наук: Социальные и гуманитарные науки

Группы научных специальностей	Научные специальности
5.9. Филология	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
	5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
	5.9.3. Теория литературы (филологические науки)
	5.9.4. Фольклористика (филологические науки)
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
	5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
	5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
	5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
5.6. Исторические науки	5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
	5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
	5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля по двум научным областям — «ФИЛОЛОГИЯ» и «ИСТОРИЯ».

Тематика: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Миссия журнала — организация диалога между национальными исследовательскими традициями в гуманитарных отраслях науки — исторической и филологической.

Задачи:

1) аккумуляция знаний о русской культуре через исследования языка, литературы и отечественной истории как основных маркеров идентичности в окружении других идентичностей;

2) обмен интерпретациями инокультурного текста: русская литература и история в интерпретации зарубежных коллег — и зарубежный литературный и исторический дискурс в трактовках русских исследователей;

3) представление наблюдений исследователей из разных стран за развитием медиа как фактором глобализации;

4) приглашение исследователей разных стран к презентации и обсуждению теорий, подходов, методик, приемов анализа языка, текста, дискурса, поскольку ввиду длительного периода замкнутого развития национальных научных традиций и школ накопились разночтения в выборе проблематики исследований, трактовках ключевых терминов, методических предпочтениях.

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) оригинальные статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **70** дней.

Средние сроки публикации 2—5 месяцев со дня поступления статьи.

CC BY

Требования к оформлению

Файл объемом до 5000 слов (22 страницы).

Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5.

Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см.

Количество авторов не более трех.

Один автор может представить к рассмотрению две статьи в течение года.

Сведения об авторе и финансировании, благодарностях (кегль — 12 pt) по образцу:

Фамилия Имя Отчество
orcid.org/0000-0000-0000-0000
ученая степень, ученое звание
кафедра
mmm@mail.ru

Организация
(Город, Страна)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке Фонда,
проект № 00-000-00

Аннотация (шрифт 12 pt, 150 слов) должна включать короткие ясные предложения и точно отражать содержание статьи: проблему, цель, материал, подробнее всего — результаты.

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–6 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Англоязычные метаданные не готовятся автором.

Структурирование статьи: IMRaD

1. Введение = Introduction

Текст не менее 1 страницы. Описать научную проблему, степень ее исследованности, актуальность и новизну в сравнении со своими предшествующими и чужими исследованиями.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Текст, 1—3 страницы. Описать используемые методы, процедуру анализа материала, представить методы, подходы, приемы других исследователей, обращавшихся к выбранной проблематике [Воркачев, 2004, с. 37; Зализняк и др., 2005, с. 156—157], [ОР РНБ, ф. 1148, д. 56, л. 5], [НКРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Текст 7—12 страниц.

3.1. Тематическое название раздела

Текст. Иноязычный материал снабжается переводами (рядом в скобках). Указывается: (здесь и далее перевод наш. — *И. Ф.*). Система оформления материала: слово *жизнь*, понятие «жизнь», концепт ЖИЗНЬ, лексико-семантическое поле «Жизнь».

3.2. Тематическое название раздела

Текст

3.3. Тематическое название раздела

Текст

4. Заключение = Conclusions

Текст 1—2 страницы.

Источники и принятые сокращения

(Словари, архивы, документы, газеты и другие СМИ).

ОПИСАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРОВ СТАТЬИ:

1. АА — *Архив* авторов.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живаго великорусскаго языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. Т. 1—4.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ БЕЗ АВТОРА:

2. *В Британии* ответили на антироссийское заявление // Правда : [газета]. — 2004. — № 4. — С. 1.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

3. ГАСО — *Государственный* архив Свердловской области. Ф.Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ С АВТОРОМ:

4. *Ищенко Е.* На Колыму! / Е. Ищенко // Колымская правда : [газета]. — 1994. — № 4 (18). — С. 2.

ОПИСАНИЕ КОРПУСА – ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

5. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 16.01.2022).

ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТА:

6. *Об образовании* в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016). — Режим доступа : http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

7. ОР РНБ — *Отдел* рукописей Российской национальной библиотеки.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

8. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

9. BNC — *British* National Corpus [Electronic resource]. — Access mode : http://www.natcorp.ox.ac.uk/ (accessed 16.01.2022).

Литература

(Научные исследования:
не менее 15 позиций в алфавитном порядке;
если статья имеет номер DOI, то нужно приводить идентификатор;
автор может сослаться не более чем на две своих работы;
следует опираться на научную литературу, а не на учебники;
должны присутствовать публикации последних десятилетий;

рекомендуется цитировать и зарубежные публикации, их можно найти в базах:
https://www.sciencedirect.com/
https://erih.dimensions.ai/discover/publication
https://doaj.org/
https://mjl.clarivate.com/home
сначала располагается русскоязычная литература, затем англоязычная).

ОПИСАНИЕ КНИГИ:

1. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI:

2. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В СБОРНИКЕ:

3. *Зализняк А. А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

4. *Иоанесян Е. Р.* Удовольствие : способы номинации в языке / Е. Р. Иоанесян // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 3 (33). — С. 156—169.

ОПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ:

5. *Орлов Э. Д.* Литературный быт 1880-х годов : творчество Чехова и авторов «малой прессы» : диссертация … кандидата филологических наук / Э. Д. Орлов. — Москва, 2014. — 234 с.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ ЧЕТЫРЕХ И БОЛЕЕ АВТОРОВ В ЖУРНАЛЕ:

6. *Содержание* понятия «эффективность образования» в контексте инклюзивных тенденций современной школы / И. С. Самохин, М. Г. Сергеева, Н. Л. Соколова, Е. А. Марченко // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 278—288.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

7. *Lakoff G.* Hedges : A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts /G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. — 1973. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 458—508.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КНИГИ:

8. *Makuchowska M.* Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.

Material resources и References

НЕ ЗАПОЛНЯТЬ.
АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ СПИСОК ПО ЗАРУБЕЖНЫМ СТАНДАРТАМ.
СПИСОК ГОТОВИТСЯ СИЛАМИ РЕДАКЦИИ В СЛУЧАЕ ПРИНЯТИЯ СТАТЬИ.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наи-

менование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001а; Иванов, 2001б]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора …, 1994], [Методика расчета …, 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала http://www.nauka-dialog.ru/. Справку можно получить по тел. (343)3458984, 89120458984.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то УКАЗЫВАЙТЕ номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(6), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

CONTENTS

Linguistics

Babenko, L. G., Romanova, M. A. Metaphorical Space of Emotions in Russian: Structure and Cognitive Strategies of Modeling 9

Dziuba, E. V., Kuzyakin, A. G. Implementing Consolidation Strategies in Institutional Discourse: Modeling Concept of COOPERATION 31

Kulkova, M. A., Vasilyeva, M. Yu. Representation of Precedent Names in Linguistic Consciousness of Germans in Federal Republic of Germany and Russian Germans 53

Melnichuk, O. A., Alekseeva, V. F. Axiology of Motivational E-Card Genre: Concept of Comfort in Russian and Yakut Linguocultures 73

Obukhova, O. N., Baykova, O. V. Structural-Semantic Organization of Genre "Report" in German-Language Military Archival Documents from Great Patriotic War 92

Rabenko, T. G. Authorial Image in Genre of Corporate Websites of Law Firms: A Study of Legal Organizations in Kemerovo Region (Kuzbass) 112

Radbil, T. B., Yukhnova, I. S. Artistic Representation of Russian National-Cultural Concept of BLOOD in Works of Mikhail Lermontov 132

Rybakova, E. V. Attributive Phrases in English-Language Abstracts of Engineering and Transportation Research 155

Selemeneva, O. A., Borodina, N. A. Semantic Systematization of Plant Vocabulary in Poetic Texts of Ivan Bunin 177

COMMUNCATIONS. MEDIA TECHNOLOGES. JOURNALISM

Mongilyova, N. V., Talybova, Y. S. From Viewpoint to Reverse Metaphorization: An Analysis of Deliberate Visual Metaphors in Lifelong Learning 197

Shuyskaya, Yu. V., Platitsyn, A. V. "Cubitum eamus?": Donna Tartt's "The Secret History" as a Literary Hypertext 219

Literary studies. Folklore

Bogdanova, O. V. Synthesis of Visual and Verbal Elements in Vasily Kamensky's Avant-Garde Poem "Palace of S. I. Shchukin". 248

Dubrovskaya, S. A., Maslova, E. G., Liu Hui. Mikhail Bakhtin and Literary Life of Remote National Territories 275

Nesterova, E. V. Reduplication and Paired Words in Epic Tradition of Evenki 300

Ozhigova, M. M. Aesthetic and Artistic Interactions Between Stefan Zweig and Maxim Gorky: Publication History of Short Story "The Moonlight Alley" in "Beseda" (Berlin) 317

Osmukhina, O. Yu., Mironov, N. M. Concept of HORROR in Prose of Silver Age ("Vampiric" Stories of A. Amphiteatrov)..... 333

Pronchenko, S. M., Starodubets, S. N., Belugina, O. V. Folk Linguoculture of Borderland East Slavic Ethnocontact Locus: A Lexical-Phrazeological Perspective 355

Serdechnaya, V. V., Zhatkin, D. N. Image of John Milton in Russian Poetry of 18th and 19th Centuries..... 377

History

Buyarov, D. V. Religion Policy in Xinjiang Uyghur Autonomous Region Under Xi Jinping's Leadership. 400

Goncharov, V. N., Nemashkalov, P. G., Kuklenko, O. M. Women's Monasteries of North Caucasus in Orthodox Female Asceticism from 19th to Early 20th Century 422

Memory Politics in Soviet Propaganda System in 1960s — Early 1980s: Case of Libraries in Novosibirsk Region..... 440

Motrevich, V. P., Mamyachenkov, V. N. State Farms of Sverdlovsk Region in 1945–1953 460

Nakishova, M. T. A. V. Makarov, Peter I's Cabinet Secretary, and Anonymous Letter of 1724 482

Nesterova, T. P. Italo-Ethiopian Conflict and Position of Great Powers (January–March 1935). 503

Suleimanova, R. N., Isyangulov, Sh. N. Marriage and Divorce Rates in Post-War Years: Evidence from Bashkir ASSR..... 520

Tumov, A. A., Tatarov, A. A. "Lebanese Protocol": Ethnic Quota Systems in Kabardino-Balkaria's Power-Sharing Arrangements (1950s-2020s)..... 537

Khamzin, I. R. South Manchuria Railway in 1905–1911. 555

TO AUTHORS 573

Компьютерная верстка и дизайн: Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 05.08.2025. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 33,82. Тираж 500 экз. Заказ 05/08-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2025

Свободная цена